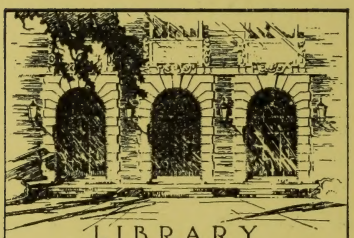
891.705
RUS
1886
No. 12



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1886
no.12

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 24 1975

JUN 27 1975

L161—O-1096

60
14786

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

134/9.11

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1886.

891.705
Rus
1886
no.12

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СКАЗАНІЕ О ѲЕДОРѢ-ХРИСТІАНИНѢ И О ДРУГѢ ЕГО АБРАМѢ-ЖИДОВИНѢ.—Н. С. Лѣскова 1

II. ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ. Путевые наброски и картинки. Гл. VIII—XIV. *Окончаніе.*—Л. Нельмина (псевдонимъ). 24

III. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА. (1851—1876). 62

IV. НАСЛѢДНИКЪ ЛОРДА. (THE HEIR PRESUMPTIVE). Романъ Флоренсъ Маррізтъ. Переводъ съ англійскаго А. А. В. Гл. XXV—XXIX. *Окончаніе* 88

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. И. Пальмина 131

VI. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. XVIII. *Окончаніе.*—В. И. Семевскаго. . . . 133

VII. ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПЛАНОМЪ. (Повѣсть). Часть II, гл. I—XI. *Окончаніе.*—Г. А. Мачтета. 175

VIII. СТАРЫЯ ПИСЬМА. (VERMÄCHTNISS). Романъ Эрнста Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. Часть III, гл. VIII—XIII. *Окончаніе.* 222

IX. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА ДЛЯ РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ. Гл. IV—VI. *Окончаніе.*—М. Л. Песковскаго 1

X. РАБОЧІЕ НА САХАРНЫХЪ ЗАВОДАХЪ.—В. В. Бирюковича . 31

XI. МИШЛЕ. (*Taine*: «Essais de critique et d'histoire») 43

XII. МІРСКІЕ РАСХОДЫ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.—Н. М. Астырева 73

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Электричество.—К. И. Тумскаго . . . 101

XIV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XI.—Н. Ш. 128

XV. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Семья*, комедія В. Александрова.—Театръ Корша: *Лихая сила*, комедія Вл. И. Немировича-Данченко, *Чары любви*, драма Е. П. Карпова.—Ан. 152

Стр.

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Обзоръ главныхъ фактовъ истекающаго года. — Слухи о перемѣнахъ въ министерствѣ финансовъ.— Финансовыя преобразованія и кризисъ.— Задачи финансовой системы.—Статистика промышленности.—Проектъ закона о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. — О контролѣ надъ доходами адвокатовъ.— Московская городская дума. — А. В. Головнинъ.—Нѣсколько словъ *Сѣверному Вѣстнику*. 159

XVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія.— Публицистика. — Исторія и исторія литературы.—Географія, этнографія и антропологія.—Финансы и политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *декабрь*.— «Сѣверный Вѣстникъ», *октябрь*. — «Русскій Архивъ», *апрѣль — октябрь*. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» съ іюля 1886 г. по декабрь включительно. 327

Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.

I.

Въ греческомъ городѣ Византіи, прежде чѣмъ этотъ городъ сталъ называться Константинополемъ, а у русскихъ Царьградомъ, жили два сосѣда. Одинъ былъ еврей, а другой крещеный изъ потаенныхъ; еврей содержалъ ветхозавѣтную вѣру пророка Моисея, а крещеный христіанскую соблюдалъ вѣру. Оба сосѣда жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей дѣлалъ золотыя и серебряныя вещи, а христіанинъ имѣлъ корабли и посылалъ ихъ съ товарами за море. По сосѣдству они ничѣмъ другъ другу не досаждали и имѣли привычку никогда другъ съ другомъ о вѣрѣ не спорить. Кто изъ нихъ въ какой вѣрѣ родился, тотъ въ такой и пребывалъ и свою вѣру передъ другимъ не превозносилъ, а чужую не унижалъ, не охуждалъ и не порочилъ. Оба разсуждали такъ: «кому что въ разсужденіи вѣры отъ Бога открыто,—такова, значитъ, воля Божія». И такъ они въ добромъ согласіи прожили много лѣтъ счастливо.

У обоихъ этихъ сосѣдей было по сыну, которые были ровесники, потому что оба родились въ одинъ годъ. Христіанинъ своего сына потаенно окрестилъ и назвалъ Ѳедоромъ, а еврей своего, по еврейскому закону, въ восьмой день обрѣзалъ и назвалъ его Абрамомъ.

Тогда въ Царьградѣ главною вѣрой была еще вѣра языческая. Христіане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя сильно не оказывать, чтобы не дразнить язычниковъ и не накликать на себя неудовольствія. А потому, какъ крещеніе Ѳедора, такъ и обрѣзаніе Абрама отцы ихъ сдѣлали въ до-

махъ своихъ безъ угощенія, потихоньку, при однихъ своихъ близкихъ родныхъ.

Оба сосѣда, получивъ отъ Бога потомство, были очень рады. Христіанинъ говорилъ:

— Слава Богу, сосѣдъ! Дай Богъ, чтобы и сыновья наши жили между собою такъ же ладно, какъ мы между собою прожили.

И еврей сказалъ тоже самое, да еще прибавилъ, что дѣти должны жить еще согласнѣе, потому что они отъ отцовъ добрый примѣръ могутъ получить, что въ согласіи заключается удобье и счастіе, а въ несогласіи—всякое безпокойство и разореніе.

II.

Когда мальчики, Ѳедоръ и Абрамъ, подросли до той поры, что стали ихъ манить совмѣстныя игры и забавы, то обѣ матери, и христіанка, и жидовка, начали выносить дѣтей на огородъ и сажать ихъ вмѣстѣ, чтобы они забавлялись, а большимъ не мѣшали. А огороды у еврея и у христіанина были рядомъ бокъ-о-бокъ, и по тогдашней простотѣ, ничѣмъ не были разгорожены. Вынесетъ еврейка, посадитъ своего Абрамку—и христіанка принесетъ своего Ѳедю и тоже посадитъ его рядомъ на травѣ подъ большой розовый кустъ; надаютъ имъ какихъ попало забавочекъ, чтобъ играли, а сами пойдутъ каждая къ своему дѣлу по-домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго-настрого дѣтямъ накажутъ, чтобы мирно и весело играли, какъ хотятъ, а ссориться чтобы не смѣли. Ежели же въ чемъ-нибудь не съумѣютъ поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

Въ этомъ простомъ, но добромъ наученіи мальчики выросли и сжились другъ съ другомъ такъ, что любили одинъ другаго совершенно какъ два согласные родные брата. Даже и болѣе, потому что между родными братьями по крови бываютъ иногда несогласіе и зависть, а у Ѳедора съ Абрамомъ ничего подобнаго не было. Что одному любо, то и другому нравится. А что одинъ изъ нихъ былъ окрещенъ, а другой обрѣзанъ,—этого они совсѣмъ не знали. За занятіями и недосугами, родители ихъ оставляли имъ это безъ растолкованія, да дѣти даже еще и не уразумѣли бы въ своемъ возрастѣ, въ чемъ тутъ разница. Въ невинномъ дѣтскомъ малосмысліи, они вмѣстѣ играли и, наигравшись вмѣстѣ, обнявшись,

засыпали на травкѣ, спрятавъ головы подъ одинъ и тотъ же розовый кустъ, въ которомъ копошились золотыя пчелки, а дѣтей не трогали, все равно какъ христіанина, такъ и жидовина.

Но вотъ Ѳедоръ и Абрамъ подросли и настало время посылать ихъ въ школу. А это случилось, когда въ Константинополѣ язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вѣра христіанская. Идольскія капища тогда разоряли или передѣлывали на церкви и на городскихъ стѣнахъ надъ воротами стали писать образа, чтобы всякій, проходя, кланялся и молился.

Въ эту пору многое стали заводить на иной ладъ, и нѣкоторые начали изъяснять высшему начальству, что христіанину и еврею вмѣстѣ ходить въ одну школу негодится, а непремѣнно надо раздѣлять дѣтей порознь, чтобъ они съ малолѣтства не смѣшивались, потому что, будто, вмѣстѣ имъ нельзя дать согласнаго наученія, такъ какъ у евреевъ главный законъ вѣры—отъ Моисея, человѣка Божія, а у насъ—отъ Христа. Мы ихъ ветхій законъ признаемъ, но только къ нему отъ своего Новаго Завѣта добавку дѣлаемъ, а евреи думаютъ, что имъ добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что въ старомъ законѣ отъ Моисея показано.

III.

Матери Ѳедора и Абрама не твердо разумѣли, что ихъ религіи подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали онѣ, напримѣръ, что жидовкамъ надо въ ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещенымъ женщинамъ—заведено мыться только когда понадобится; или, что христіанамъ можно свинину ѣсть, а жидамъ свиное мясо запрещено и не позволено. Прочаго же, что есть главное въ томъ и въ другомъ законѣ, онѣ не понимали до тонкости и молились по-своему, каждая про себя, какъ была научена въ дѣтствѣ. Больше же всего обѣ онѣ жили съ тою заботой, чтобы въ сосѣдствѣ по-домашеству имъ одной отъ другой было какъ можно удобнѣе и чтобы не оказать никакой другъ другу помѣхи.

Старый, потаенный христіанинъ и еврей, какъ настало время ихъ мальчикамъ учиться, не захотѣли ихъ разлучать, и чтобы въ этомъ не было помѣхи, свели Ѳедора и Абрама къ одному мастеру, который и заучилъ ихъ греческой грамотѣ. Оба мальчика хорошо занялись и такъ полюбили грамоту, что рвались

къ ней въ несытость. Мало имъ было того, чему въ школѣ у мастера научатся, а они еще, какъ придутъ домой, опять и дома то же продолжали учиться. Какъ только немножко поѣдятъ, похватаютъ, сейчасъ опять сойдутся на огородѣ, сядутъ подъ деревцомъ, обоймутся и опять вмѣстѣ читаютъ—про разныя страны и про разныя вѣры. Одну за другою, много книгъ они прочитали, и все съ хорошею памятью, такъ что мастеръ обоихъ ихъ хвалилъ и всѣмъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Одобрялъ онъ ихъ и за науку, и хвалилъ за добронравіе, такъ какъ они вышли дѣти тихія, согласныя и ласковыя.

Такъ Ѳедоръ и Абрамъ росли своимъ роднымъ на утѣшеніе, а постороннимъ въ хорошій примѣръ.

IV.

Отцы и матери Ѳедора и Абрама, каждый на своемъ языкѣ и по своей вѣрѣ, благодарили Бога, что мальчики такъ умны и послушны, и радовались ихъ согласію. Въ обѣихъ семьяхъ сосѣдскаго сына привѣчали наравнѣ съ своимъ: Ѳедоръ ли прибѣжитъ къ Абрамовымъ родителямъ, старый еврей и еврейка были съ нимъ ласковы, все равно какъ съ своимъ, и, такъ же точно, если Абрамъ приходилъ къ товарищу, то и Ѳедоровы отецъ и мать обращались съ Абрамомъ всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастеръ, къ которому Ѳедоръ и Абрамъ ходили учиться книжной мудрости, былъ грекъ еще стараго эллинскаго ученія и самъ вышелъ изъ старинныхъ философскихъ школъ. Его звали Панфилъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и умный и въ дѣтяхъ старался заправить ту же самую любовь къ справедливости. Онъ училъ книгамъ и давалъ всѣмъ наставленіе къ жизни правильное, чтобы никто одинъ другаго не уничижалъ и никто другъ надъ другомъ ничѣмъ не превозносился, потому что если есть въ комъ что-нибудь болѣе превосходное, чѣмъ въ другомъ, то это въ человѣкѣ не есть его собственное и имъ при рожденіи не выслужено, а отъ Бога даромъ ему пожаловано. Ни красотой тѣла, ни породой родителей своихъ, ни ихъ богатствомъ, ничѣмъ у Панфила ученики другъ передъ другомъ не хвастались. И черезъ это, хотя въ школѣ у Панфила было много дѣтей изъ всего «разсѣянія», то-есть разныхъ вѣръ, но всѣ они были пріучены жить какъ дѣти одного Отца, Бога, создавшаго небо и землю и всяческое дыханіе.

Поучившись книжному мастерству, дѣти вмѣстѣ шли по домамъ, весело между собою говоря и играя, особенно Ѳедоръ съ Абрамомъ, которые сжились, какъ братья. Но вдругъ вышло новое повелѣніе, чтобы школамъ не быть для всѣхъ вмѣстѣ, по-старому, а чтобы раздѣлиться. И тогда надъ всѣми школами уставили особливый досмотръ, и учредились особые смотрители, которыхъ называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотрѣть, во все вникать и обо всемъ распытывать,—не только чему мастера въ своихъ школахъ учатъ, но и что родители своимъ дѣтямъ дома внушаютъ. Захотѣли вразъ все обновить и поставить заново.

Одинъ такой младопитатель утвердился надъ тою школой, гдѣ учились Ѳедоръ съ Абрамомъ, и началъ онъ говорить мастеру Панфилу:

— Объясни мнѣ, Панфилъ, какъ ты вѣруешь и какую вѣру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфилъ отвѣчалъ:

— Нонче у насъ, господинъ, настало очень много разныхъ вѣръ, и каждая изъ нихъ почитаетъ себя за самую лучшую и за самую истинную, а я самъ всѣхъ вѣръ не знаю и объ истинѣ ихъ судить не могу, и потому я ни одной вѣры противъ другой не унижаю и ни одну не превозношу, такъ какъ это до меня совсѣмъ не касающее.

Младопитатель удивился.

— Какъ же,—говоритъ,—ты это лукаво умствуешь? Это такъ нельзя.

Панфилъ отвѣчаетъ:

— Такъ я, по крайней мѣрѣ, ни въ какую ошибку никого не ввожу.

— Что за важная вещь ошибиться? Всѣ ошибаются — это можно покаяніемъ исправить; но мы знаемъ истину и должны ее всѣмъ оказать. Надо, чтобы между людьми было по ихъ вѣрамъ раздѣленіе.

— Для этого,—отвѣчаетъ Панфилъ,—у всякаго въ своей вѣрѣ есть наставники, которые всѣхъ раздѣлить постараются, а въ училищѣ я только о томъ забочусь, чтобъ у дѣтей въ постиженіи разума никакого раздѣленія не было, а больше бы крѣпли любовь и согласіе.

Младопитатель не похвалилъ:

— Это,—говоритъ,—у тебя не хорошо отъ ученыхъ раз-

сужденій развилось. Надо такъ, чтобы всякій отрокъ отъ младыхъ ногтей особо себя понималъ и жилъ всякъ по своей вѣрѣ.

Мастеръ не согласился и сказалъ:

— Я этого внушать не могу.

Стали другъ другу отвѣчать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другаго на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тѣмъ взялъ верхъ, что сказалъ:

— Ты меня долженъ слушаться: я—начальникъ и твои разсужденія мнѣ знать не нужно.

Тогда Панфилъ отвѣтилъ:

— Хорошо; если все въ твоей волѣ, то тебѣ отъ разсудка приводить нечего; но ты помилосердуй—не понуждай меня разлучать дѣтей. Мои ученики еще молоды и у нихъ слабый, лысый розмыслъ, ребячій. Когда они придутъ въ возрастъ и разумомъ окудрявятся, тогда они сами, по своимъ смысламъ въ вѣрѣ, разберутся, а пусть добрый навыкъ согласія дѣтскаго при нихъ останется.

Младопитатель опалился гнѣвомъ:

— Что такое есть земное согласіе?! Надо достигать истины.

А Панфилъ опять проситъ:

— Да ты взгляни,— говоритъ,— на ребятокъ-то: вотъ они теперь всѣ еще молоды лѣтами и умомъ всѣ лысы, не крѣпки,— ничего того, что большихъ понятій требуетъ, они понимать еще не могутъ. Помилосердуй, пожалуйста, оставь раздѣленіе ихъ надольше, а пока пусть они всѣ вмѣстѣ учатся, пусть отъ младыхъ ногтей обыкнутъ соблюдать миръ душевный и другъ къ другу общую любовь. Тогда и разница въ особливыхъ понятіяхъ не разъединитъ сердецъ ихъ.

Младопитатель головой замоталъ.

— Нѣтъ, твое разсужденіе,—говоритъ,—теперь не подъ-стать. Мы теперь заводимъ все новое, и все будетъ иначе. Всякій долженъ свою истину отъ самыхъ молодыхъ ногтей постичь и это передо всѣми на видъ оказывать. А ежели кто разсуждаетъ такъ, какъ ты судишь, то тотъ теперь къ дѣлу не надеженъ, и я тебѣ такъ учить не позволю.

Панфилъ подулъ въ свою бороду, вздохнулъ и молвилъ:

— Значитъ, быть по-твоему. На тебѣ власть и я тебѣ покоряюсь. Не позволяешь мнѣ такъ вести, какъ я умѣю, то и не надо: я свою школу прикончу и учениковъ отпущу.

— Да, отпусти,—отвѣчалъ младопитатель,—а чтобъ и другимъ не повадно было, я твои двери печатью припечатаю.

И припечаталъ. Школа прикрылась. А Панфилъ созвалъ дѣтскихъ отцовъ и говоритъ:

— Вотъ, вышелъ такой приказъ, котораго я исполнить не могу, и младопитатель школу мою припечаталъ. Ведите теперь каждый свое дитя къ другимъ мастерамъ по раздѣленію вѣры вашей. У меня они худу не научились, а тамъ дай имъ Богъ научиться еще лучшему.

Пожалѣли отцы, что надо брать дѣтей отъ кроткаго Панфила, однако, подчинились чему надо и развели дѣтей въ другія школы, каждый по раздѣленію вѣръ своихъ.

V.

Мальчики Ѳедоръ и Абрамъ тутъ только впервые разлучились. Отвели Ѳедора въ особливую школу для христіанъ, гдѣ былъ учитель, который почиталъ себя всѣхъ праведнѣе, а Абрама отецъ свелъ въ хедеръ къ жиду, который считалъ себя всѣхъ умнѣе и изъ всѣхъ созданныхъ чище. Онъ весь жидовскій талмудъ выучилъ и наизустъ зналъ всѣ правила, по которымъ всѣ люди другой вѣры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самомъ первомъ шагу сказали своимъ ученикамъ, чтобы никто съ учениками изъ чужихъ школъ и въ шутку не баловалъ, а если кто не послушается и станетъ играть, тому въ школѣ лозой пригрозили.

А чтобы дать дѣтямъ растолкованіе, одинъ сказалъ:

— Богъ только съ одними съ нами въ самомъ лучшемъ родѣ обходится и одно наше все чистое, а всѣхъ другихъ Богъ гораздо меньше насъ любитъ, и всѣ другіе—поганые, а все, что при нихъ есть, это тоже все поганое. Что у нихъ есть, все надо отнять да снести освятить и потомъ себѣ взять. Тогда оно очистится, а самому съ погаными послѣ того опять не знаться. Кто же съ ними по простотѣ поведется, тотъ самъ опоганится, и Богъ за него не станетъ заступаться, а я его безъ всякаго милосердія лозой застегаю, а потомъ отдамъ его другому начальнику, а другой отдастъ его еще третьему, и дойдетъ до того, что ему на свѣтѣ живымъ не остаться. А потомъ его послѣ смерти еще на томъ свѣтѣ опять будутъ мѣднымъ вѣникомъ въ огненной банѣ парить и посадятъ на раскаленный желѣзный стулъ и все будутъ мучить безконечные вѣки.

Другой учитель не уступилъ этому и тоже одно свое все чистымъ назвалъ, а чужое все испоганилъ, и также отданныхъ ему въ науку ребятъ обѣщался до смерти избить, а послѣ смерти лишить ихъ всѣхъ радостей.

Какъ въ первый разъ ученики вышли изъ школъ, гдѣ услыхали такія наставленія, такъ и почувствовали, что на нихъ взаправду рознь есть. Вмѣсто того, чтобы по-ребячью другъ съ другомъ водиться на волѣ, они сейчасъ же вспомнили учительское наставленіе и начали другъ противъ друга становиться и покрикивать:

— Не подходи; ты поганый.

А другіе отвѣчали: ты самъ—поганый.

Ѳедоръ слышалъ, какъ это говорили про Абрама, а Абрамъ слышалъ, какъ поганили Ѳедора.

VI.

Вернувшись домой, Ѳедоръ и Абрамъ въ первый разъ не знали, можно ли имъ, попрежнему, вмѣстѣ сойтись.

Похвативши хлѣбца у матерей, побѣжали они по привычкѣ на огородъ, на то самое мѣсто, гдѣ всегда игрывали, но другъ до друга не добѣжали, а стали одаль, какъ будто между ними какая-нибудь размѣтка была положена.

Стоятъ, жуютъ и одинъ на другаго изъ подлобья посматриваютъ, а ближе не подходятъ.

Наконецъ, одинъ заговорилъ:

— Намъ,— говоритъ, — теперь заказано, чтобы съ вами не водиться.

А другой отвѣчаетъ:

— И намъ то же самое.

Помолчали.

— Про васъ нашъ учитель говорилъ, что вы—поганые.

— И нашъ про васъ говорилъ, что вы—поганые.

— Нѣтъ, мы не поганые,—намъ нашъ Богъ особливый законъ далъ, намъ свинью ѣсть нельзя, а вы ѣдите.

— А вы ее отчего не ѣдите?

— Я не знаю.

Опять помолчали.

— А что, она, свинья, вкусная или нѣтъ?

— Если мать ее съ черносливомъ и маслиной испечетъ, такъ она очень вкусная.

Абрамъ задумался. Ему давно приводилось нюхать носомъ у Ѳедора, какъ сладко пахнетъ свинина съ черносливомъ, и у него теперь подъ языкомъ защекотало.

Абрамъ плюнулъ и сказалъ:

— Поганое!

Ѳедоръ говоритъ:

— Моя мать не печетъ поганаго... А у насъ школа лучше вашей.

Отвѣчаетъ Абрамъ:

— А наша еще лучше вашей. У насъ меламедъ въ сивыхъ кудряхъ и все знаетъ.

— И нашъ все знаетъ!

— Нашъ про васъ знаетъ, что вы—поганые, а мы—чистые.

— Да это и нашъ говоритъ, что вы—поганые.

— Ну, такъ погоди, я объ этомъ отцу скажу.

Оба разсказали отцамъ и потомъ говорятъ:

— Отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

— А мой отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

Пошли съ этихъ поръ всякій день считаться и скоро послѣ того Ѳедоръ и Абрамъ, отъ рожденія своего дружные, начали другъ друга поталкивать да съ кулачками одинъ на другаго наскакивать.

— Ахъ ты жидъ!—говоритъ одинъ.

А другой отвѣчаетъ:

— Ахъ ты гой-изувѣрный!

Началось дальше, въ томъ же родѣ, и у другихъ. Гдѣ только встрѣтятся дѣти разновѣрныхъ отцовъ, такъ ужь имъ и не охота другъ съ другомъ въ ладъ между собою забавляться, а охотнѣе стало мануться, чтобы другъ друга осмѣять, да выругать, и, притомъ, непремѣнно какъ-нибудь самымъ обиднымъ манеромъ, чтобы чужой вѣры или отца съ матерью коснуться.

Понимали въ разности вѣръ очень мало, а спорили очень много и часто заканчивали споры драками.

VII.

Изъ-за дѣтей вскорѣ и отцы стали ссориться, и сами тоже стали учить дѣтей, чтобы не сходились.

— Черезъ васъ, дескать, теперь только стала распря.

Ѳедорова мать и Абрамова мать пошли разъ дѣтей въ ого-

родѣ поискать и видятъ, что ихъ сыновья стоятъ другъ противъ друга на межѣ и толкаются, а у самихъ у обоихъ глаза горятъ и оба другъ на друга кулаченки сучатъ.

Одинъ покрикиваетъ: «Подойди-ка, подойди!» и другой—тоже.

Матери ихъ развели. Всякая взяла себѣ подъ рукавъ своего и говорятъ:

— Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, вѣрно, твой моего задирать началъ.

А другая отвѣчаетъ:

— Съ какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смирный, а это твой задираетъ.

Начали спорить: «твой—этакой», «а твой—этакой», и разругались.

— Чтобъ нога твоего,—говоритъ,—на нашъ огородъ не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила, чтобы за этотъ рядокъ Ѳедоръ съ Абрамомъ и переступать не могли. А другая говоритъ:

— Я сама еще рядокъ камешковъ подброшу.

Стала камни швырять, да, въ сердцахъ, однимъ камнемъ въ сосѣдку попала. Та завизжала.

Кинулись другъ на дружку и начали одна на другой платье рвать да въ глаза плеваться. Дѣти за ними. Сдѣлалась драка, и поднялся такой большой шумъ, что услыхали другіе сосѣди и тоже выскочили на огородъ смотрѣть, какъ двѣ бабы дерутся, а ребятишки имъ помогаютъ. Услыхали, наконецъ, и отцы Ѳедора и Абрама, что ихъ жены и сыновья дерутся, и прибѣжали и стали ихъ разнимать, да вмѣсто того сами подрались. А сосѣди, которые видѣли драку, глядятъ черезъ заборы и руками пока не вмѣшиваются, но молитвами помогать стараются.

А потомъ тѣ и другіе не вытерпѣли, перелѣзли черезъ загородки и стали каждый своему кулаками подсоблять и вышло общее побоище.

Пришли военные и ихъ разогнали, а тѣхъ, кто началъ драку, за клинъ посадили и ноги имъ въ колодки забили, а правителю доложили, что всѣ эти люди за вѣру ссорятся.

Правитель велѣлъ христіанина выпустить, а жида еще побить и съ него штрафъ взять, чтобы другимъ не повадно было съ крещеными ссориться.

Прежнихъ сосѣдскихъ ладовъ между Ѳедоровымъ отцомъ и

Абрамовымъ съ сей поры какъ и не было. Замѣсто пріязни настало такое неудовольствіе, что изъ нихъ ни одинъ другъ на друга и смотрѣть не могъ безъ гнѣва. А чтобы впередъ еще войны не было, они разгородились высокимъ каменнымъ заборомъ, такъ чтобы никто на сосѣдское мѣсто и заглядывать не могъ. Такъ прежніе добрые сосѣди состарѣлись и въ раздорѣ другъ съ другомъ померли.

VIII.

А время шло впередъ, какъ ему Богомъ указано, и Ѳедоръ и Абрамъ выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дѣла, которыми ихъ отцы занимались.

Ѳедоръ торговалъ съ заморскими городами, а Абрамъ золотыя и серебряныя вещи дѣлалъ. Оба жили въ достаткахъ, но другъ съ другомъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ было дружно, уже не сходились, пока пришелъ одинъ особый случай.

Гулялъ разъ Ѳедоръ, въ праздничный день, въ загородномъ мѣстѣ, за рощами надъ заливомъ, и видитъ, что нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной школѣ учился, напали на Абрама, отняли у него золотыя кольца и самого его бьютъ да приговариваютъ: «Вотъ какъ тебѣ, жидъ, чтобы ты нашъ праздникъ почиталъ и не смѣлъ бы работать и ходить съ непочтеніемъ».

Ѳедору вспомнилось дѣтство и жалко стало Абрама: за что его обижаютъ? Ѳедоръ и вмѣшался.

— Для чего,—говоритъ,—вы его обижаете? Какое зло онъ вамъ сдѣлалъ?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Онъ нашей вѣрѣ непочтеніе сдѣлалъ.

— Какое же непочтеніе?

— Онъ въ нашъ праздникъ работу разноситъ и какъ шелъ мимо воротъ, гдѣ ликъ написанъ, головы не открылъ.

А Ѳедоръ, такъ какъ зналъ Евангеліе и законъ еврейской набожности, то и говоритъ:

— Вы не въ правѣ поступаете. Работать никогда не грѣхъ. Сказано: если у тебя овца упадетъ въ яму, развѣ ее, хоть и въ праздникъ, не вытащишь? И за непоклонъ головы вы съ него напрасно взыскиваете: это по нашему передъ святыней надо голову открыть, а по ихнему обычаю это какъ разъ наоборотъ,

уставлено: у нихъ надо передъ святыней непремѣнно съ покрытою головой быть, а открыть голову—значитъ непочтеніе.

Тутъ всѣ заговорили:

— Ты врешь, ты выдумываешь!

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я вѣрно знаю и говорю правду.

— А почему тебѣ такая правда извѣстна, а намъ неизвѣстна? Мы всѣ въ одномъ мѣстѣ учились.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я ранѣе школы дома объ ихъ вѣрѣ въ книжкахъ читалъ.

— А-га... Ну, такъ ты,—говорятъ,—вѣрно, и самъ потаенный жидъ.

И набѣжало еще со всѣхъ сторонъ много людей, справлявшихъ праздникъ, и стали спрашивать:

— Что здѣсь за шумъ и за что ссорятся?

А прежніе стали скоро, частоговоркой, разсказывать, что вотъ поймали жида съ непочтеніемъ, а Ѳедоръ, хотя и крещеный, но за жидовскую вѣру заступается и свою ниже ставитъ. А тѣ люди, не разобравши дальше, отвѣчаютъ Ѳедору:

— Ты виноватъ!

— Чѣмъ?... Все это неправда.

— Развѣ,—говорятъ,—ты за жида не заступился?

Ѳедоръ не солгалъ и хотѣлъ разсказать, изъ-за чего дѣло вышло, но его перебили и всѣ закричали:

— Если ты жидовскій обычай съ своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую вѣру хвалишь.

И стали всѣ бить ихъ обоихъ вмѣстѣ—и Абрама, и Ѳедора.

Избили ихъ и оставили обоихъ въ рощѣ, въ темномъ мѣстѣ.

IX.

Ѳодоръ съ Абрамомъ долго пролежали тутъ безъ памяти, а ночью при прохладѣ пришли понемножку въ себя и стали, другъ на друга опираючись, ползти домой. А какъ они добрались передъ свѣтомъ до дому, то Абрамъ сказалъ Ѳедору:

— Другъ Ѳедоръ! ты оказалъ мнѣ правду и милосердіе. Я твой должникъ буду на всю мою жизнь, а еще мнѣ всего дороже, что узналъ я тебя, что ты человѣкъ справедливый и Бога больше, чѣмъ людей, боишься.

Ѳедоръ отвѣтилъ:

— Такъ Іисусъ Христосъ велѣлъ, а я хочу быть Его ученикъ.

Абрамъ говоритъ:

— Дай Богъ, чтобы всѣ ученики твоего Учителя такъ же, какъ ты, понимали Его ученіе.

— Поймутъ всѣ, только не въ одно время.

— Приблизь, Господь, это время.

Ѳедоръ улыбнулся.

— Вотъ,—говоритъ Абрамъ,—мы съ тобой въ дѣтяхъ другъ друга любили, когда вмѣстѣ играли и вмѣстѣ подъ однимъ кустомъ спали, а потомъ люди насъ заставили врознь быть. А сейчасъ ты, я думаю, не замѣтилъ, что сталось: мы, вѣдь, вмѣстѣ одною молитвой къ Богу помолились!...

Абрамъ говоритъ: «Аминь! Такъ пусть и будетъ съ тобой и со всѣми: да живетъ въ васъ духъ Учителя вашего, а не иныхъ».

Послѣ этого они стали опять пріятелями и, по старой, дѣтской привычкѣ, находили большое удовольствіе, чтобы послѣ трудовъ другъ съ другомъ постоять и поговорить.

Въ дома они одинъ къ другому не входили, потому что боялись, чтобы черезъ это не увеличить молву, которая про нихъ была пущена. Про Ѳедора свои говорили, будто онъ потому за жида заступался, что самъ въ тайнѣ предается жидовству и даже на молитвѣ по-жидовски скачетъ; а про Абрама жиды сочиняли, что онъ Моисеевъ законъ оставляетъ и тайно къ христіанамъ присталъ, чтобы войти въ милость у властителей. И обоимъ имъ и отъ семейныхъ, и отъ своихъ общественныхъ людей выпадали досадные попреки.

А на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Ѳедоръ и Абрамъ—оба оставались по вѣрѣ, какъ были: кто въ которой родился, тотъ въ той и пребывалъ. И какъ они въ дѣтствѣ своемъ никогда не спорили, чья вѣра лучше или богоугоднѣе, такъ же и теперь никакихъ споровъ о вѣрѣ не заводили. Напротивъ, они какъ бы крѣпче увѣрились, что и въ одной, и въ другой вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ можно себя хорошо руководствовать, если понимать вѣру правильно и не имѣть лукавыхъ и вредныхъ для мира привычекъ.

И когда они въ этомъ укрѣпились, то, если и о вѣрѣ у нихъ былъ разговоръ, онъ въ тихую и пріятную бесѣду обращался.

Ѳедоръ сказалъ разъ Абраму:

— Мнѣ жалостно видѣть, сколько черезъ споры о вѣрѣ содѣлалось распрей въ людяхъ.

А Абрамъ ему отвѣтилъ:

— Этому такъ и слѣдуетъ быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видѣть могутъ, то кольми паче пониманіе не одинаково все постигать можетъ, а должно разнствовать. Если бы это не было угодно Богу, то всѣ бы люди одинаково все видѣли и одинаково понимали, но такъ Богъ не создалъ, а создалъ различіе въ пониманіи. Оттого и разныя вѣры.

Ѳедоръ согласился.

— Это такъ,—говоритъ,—но только распри, которыя черезъ это настаютъ, душѣ моей тягостны.

— Распри,—отвѣчалъ Абрамъ,—тоже отъ непониманія, что всѣ вѣры къ одному Богу ведутъ. Кто умный богочтитель, тотъ во всякой вѣрѣ пожелаетъ почтить ея истину.

Опять согласился Ѳедоръ.

— Да,—говоритъ,—я давно думаю, что вотъ и твои единовѣрцы напрасно негодуютъ на Христа. Они сами не понимаютъ, что онъ одно добро желалъ людямъ, и за то и убитъ отъ злобы.

Абрамъ согласился.

— Словъ нѣтъ, что твоя правда,—сказалъ Абрамъ.—Мужъ Галилейскій, о которомъ ты говоришь, честенъ и святъ, премудръ и преистиненъ, а не понимаютъ его не только худые изъ Моисеевыхъ учениковъ, которые мнятъ тѣмъ ненавидѣніемъ службу приносить Богу, но не понимаютъ многіе и твои одновѣрцы, и то тѣмъ жалче, что сіи даже Богомъ его почитаютъ, а его добраго святаго ученія и по человѣчеству не исполняютъ. Жалѣй, другъ мой Ѳедоръ, объ этомъ, ибо чрезъ это вы другимъ не можете открыть Іисуса во всей силѣ его побѣждающаго завѣта и иныхъ о себѣ смущаете и заставляете сомнѣваться въ вѣрѣ вашей.

Ѳедоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Абрамъ, ты меня боришь!

А Абрамъ отвѣчалъ:

— И ты меня боришь! Не спорить надо о Богѣ, а стараться жить въ мирѣ.

Абрамъ приложилъ большіе персты своихъ рукъ къ глазамъ и голосно, по-жидовски, пропѣлъ:

«Умейнъ!» т.-е. аминь или по-нашему «истинно».

Ѳедоръ схватилъ его изо всей силы, прижалъ къ сердцу, обнялъ, да шепчетъ:

— Онъ теперь среди насъ.

Абрамъ говоритъ:

— Ну, такъ что-жь? Побудь съ нами, мужъ Галилейскій!

А Ѳедоръ заплакалъ:

— Побудь!—молитъ.—Останься! Мы сотворимъ Тебѣ сѣню.

А Абрамъ опять ударилъ:

—«Умейнъ!»

И такъ точно разговоры о вѣрѣ никогда не смущали согласія Абрама и Ѳедора. Они опять ходили въ свой разгороженный огородъ и, подмостившись на скамейкахъ, бесѣдовали черезъ стѣну, только не надолго этого стало.

Вѣрѣ, надеждѣ и любви есть испытаніе.

Ѳедоръ и Абрамъ стали мирны, да вокругъ ихъ все уже инымъ духомъ взялось и все, что случится, оборачивалось имъ въ сумлѣніе.

X.

Пошли на Ѳедора разныя бѣды—и все одна за другою. Одна бѣда точно ведетъ другую. Сдѣлался Ѳедоръ нездоровъ и долго лежалъ, а потомъ стали у него болѣть дѣти и ни одинъ не выздоровѣлъ, а всѣ другъ за другомъ умерли, а потомъ умерла и его молодая жена, которая ему дѣлала большую помощь въ хозяйствѣ.

Ѳедоръ въ этихъ горестяхъ ослабѣлъ душою и сталъ неаккуратно смотрѣть за дѣлами, а его наемные люди хоть и крещеные были, а его не пожалѣли и этимъ его несчастіемъ воспользовались и много расхитили. Послѣ же всего одинъ его должникъ, которому Ѳедоръ вѣрилъ, какъ брату, сильно его обманулъ и присягнулъ, что долгъ ему отдалъ. Ѳедорово хозяйство ото всего этого сильно пошатнулось и онъ закручинился. А люди стали о немъ толковать и со всѣхъ сторонъ ему говорили:

— Развѣ ты не видишь, какъ тебя Богъ наказываетъ? Это на тебя проклятіе послано за то, что ты живешь въ дружбѣ съ врагомъ вѣры христіанской.

Ѳедоръ не вѣрилъ и словъ этихъ не любилъ слушать, а отвѣчалъ:

— Вы мнѣ не утѣшеніе, а одну досаду дѣлаете. Вы сами не знаете, что говорите: Христосъ никого не велитъ ненавидѣть, а всѣхъ приказываетъ любить.

— Только,—говорятъ,—не жидовъ.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Этого въ Евангеліи не сказано.

— Жидъ—врагъ нашей вѣрѣ.

— Врагъ тотъ, который не понимаетъ, а по насъ судитъ, что мы еще злы и не исправляемся, — говоритъ Ѳедоръ. — Сосѣдъ Абрамъ никогда мнѣ моей вѣры не порочилъ и даже объ ученіи Христовомъ разсуждаетъ съ почтеніемъ; а если бы онъ и врагъ былъ, то я, какъ христіанинъ, обязанъ и о врагѣ милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Христосъ на крестѣ за своихъ враговъ молился.

Ему отвѣчаютъ:

— Намъ съ Христомъ себя не ровнять. Ты богохульствуешь.

— Я и не ровняю,—отвѣчалъ Ѳедоръ,—а только говорю, что Христу надо слѣдовать, и когда другіе люди нашу доброту увидятъ, они скорѣе нашу вѣру любить станутъ. Въ этой добротѣ мы Христа своего всему міру явить можемъ на уваженіе.

Люди на это только больше разсердились, а среди ихъ былъ одинъ Никодимъ-мѵроварникъ, который продавалъ мѵро — онъ сталъ всѣмъ сказывать, что Ѳедора грѣшно и слушать, потому что Ѳедоръ самъ отъ Бога проклятъ, яко другъ жидовиновъ, и Никодиму будто во снѣ явлено, что Ѳедору дальше не будетъ ни въ чемъ удачи, а нападутъ на него еще бо̀льшія бѣды, и тому, кто съ Ѳедоромъ водиться станетъ, тоже ни въ чемъ удачи не будетъ.

Ѳедоръ и этому не внималъ и не боялся быть отъ всѣхъ покинутымъ, а разсуждалъ такъ, что онъ худа не дѣлаетъ, храня дѣтскую дружбу съ Абрамомъ, человѣкомъ честнымъ, который свою вѣру держитъ, а чужой не порочитъ и даже хорошее въ ней хорошимъ называетъ.

XI.

Абрамъ пришелъ къ Ѳедору и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Другъ Ѳедоръ, я узналъ, что твои люди на тебя въ большомъ неудовольствіи за твое ко мнѣ расположеніе. Какъ бы это для тебя худо не было.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Другъ Абрамъ, я люблю тебя и не могу дѣлать иначе. Въ отрочьемъ вѣкѣ насъ съ тобою было разбили, но теперь въ возрастѣ мы этого надъ собой не допустимъ. Только душа моя ослабѣваетъ отъ большихъ несчастій. Неужели и вправду Богъ меня кинулъ?

— Счастіе и несчастіе жизни нашей отъ Бога,—отвѣчалъ Абрамъ.—Богъ одинъ создалъ и христіанина, и еврея, и никому не открылъ тайны судьбы ихъ. Люди дерзки, когда они хотятъ проницать тайну Бога и толкуютъ по-своему, за что человѣку отъ Бога посылается счастіе или несчастіе. Это какъ по нашей, такъ и по вашей вѣрѣ совсѣмъ не человѣческое дѣло разбирать и раскладывать. Наше человѣческое дѣло—помогать, чѣмъ можемъ, другъ другу; къ пріязни нашей теперь подваленъ большой камень, а потому и тебѣ будетъ трудно, да и мнѣ страшно, если тебя постигнетъ еще какое-нибудь бѣдствіе. А потому прошу тебя не стѣсняйся дружбой ко мнѣ и покажи, что ты мною пренебрегаешь, а я въ душѣ моей за это на тебя не обижусь.

Въ Ѳедорѣ отъ этихъ словъ даже сердце заныло.

— Нѣтъ,—говоритъ,—Абрамъ, ты мнѣ другъ отъ младыхъ ногтей и никогда меня ничѣмъ не обидѣлъ, и я тебя не могу обидѣть такимъ обхожденіемъ.

— Ну, смотри, какъ знаешь,—отвѣчалъ Абрамъ и, поцѣловавъ Ѳедора, добавилъ сквозь слезъ:—Богъ одинъ знаетъ, къ чему эти испытанія, но будемъ другъ другу вѣрны и Богъ не постыдитъ нашей вѣрности.

Такъ друзья днемъ между собою говорили, а ночью собрались надъ ихъ городомъ тучи, ударилъ съ неба громъ и спалилъ въ одно мгновеніе весь домъ Ѳедора и всѣ его амбары и кладовыя, гдѣ у него лежали товары, которые онъ только что хотѣлъ посылать за море.

XII.

Послѣ этой бѣды отшатнулись отъ Ѳедора всѣ, какъ отъ чумнаго, и стали вѣрить, что съ нимъ и знаться не слѣдуетъ, потому что на немъ въявѣ гнѣвъ Божій.

Ѳедоръ стоитъ на своемъ пожарищѣ, унылый, и думаетъ:

— Мнѣ ни отъ кого не будетъ помощи.

А знакомый голосъ кличетъ его изъ-за забора.

Ѳедоръ поднялъ голову и видитъ лицо Абрама.

— Что ты тужишь?—говоритъ Абрамъ.—Въ бѣдѣ надо скорѣй поправляться.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нечѣмъ мнѣ мою бѣду поправлять; я все до тла потерялъ и теперь мнѣ не за что взяться.

— Я тебѣ денегъ дамъ взаймы на разживу.

— Ты смѣешься, Абрамъ!

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Мнѣ теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мѣрѣ, тысячу литръ золота.

— А что же ты съ ними сдѣлаешь?

— Я бы опять накупилъ цареградскихъ товаровъ, отплылъ въ Александрію, тамъ бы продалъ все за тройную цѣну и долгъ бы отдалъ, и себѣ бы нажилъ.

— Что же, это хорошо, приходи и возьми себѣ у меня въ долгъ тысячу литръ золота.

— А кого же я тебѣ поставлю порукой, что я тебя не обману и долгъ отдамъ?

— Не надо мнѣ поруки. Пусть будетъ намъ наша дѣтская дружба порукой.

Ѳедоръ говоритъ:

— Какъ люблю Іисуса Христа, такъ ручаюсь тебѣ, что я тебя не обману.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Знаю, какъ ты его почитаешь, и потому еще болѣе теперь вѣрю. Ты его имя напрасно не скажешь. Иди и бери деньги.

— А если мнѣ будетъ неудача и ты тогда станешь думать, что я Христомъ не подорожилъ?

— Нѣтъ, я знаю, что ты человѣкъ вѣрный. Иди ко мнѣ и бери скорѣй тысячу златницъ, снаряжай корабль и плыви съ товаромъ въ Александрію.

Ѳедоръ написалъ Абраму должную росписку и подписалъ ее, а Абрамъ отсчиталъ Ѳедору тысячу златницъ и тотъ накупилъ нужныхъ для Александріи цареградскихъ товаровъ, нагрузилъ все на корабль, распростился и поплылъ въ Египетъ.

Всѣ удивлялись, откуда Ѳедоръ взялъ столько денегъ, чтобы такъ легко справиться, и говорили между собою: «вѣрно у

него деньги въ землѣ были припрятаны». А Ѳедоръ, когда настало время отчалить его кораблю, зашелъ къ Абраму проститься и, благодаря его еще разъ, сказалъ:

— Вѣрь же, другъ Абрамъ, что я тебя не обману и не поставлю въ фальшь имени Іисуса.

Абрамъ отвѣчалъ:

— Я не сомнѣваюсь. Добрый человѣкъ не можетъ пристыжать того, кого любитъ и уважаетъ, какъ своего учителя. Плыви съ Богомъ и, что̀ бы съ тобою ни случилося, я своего довѣрія не измѣню.

А довѣрію Абрама суждено было выдерживать много испытаній.

XIII.

Ѳедоръ благополучно прибылъ съ цареградскими товарами въ Александрію и очень хорошо расторговался. Выручилъ онъ столько денегъ, что могъ заплатить весь долгъ Абраму и себѣ оставить. Но на обратномъ пути въ Константинополь морская буря разбила его корабль, и самъ Ѳедоръ насилу спасся на бревнѣ, а все его золото погибло.

Мимо шедшіе корабельщики взяли Ѳедора изъ воды, привезли въ Константинополь и выпустили, какъ нищаго.

Сошелъ Ѳедоръ на землю, дождался ночи и, согнувшись подъ лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на кораблѣ, потащился къ своему пожарищному пустырю, забился въ погребичную яму и плачетъ.

Стыдно ему было даже въ лицо Абраму взглянуть и разсказать, какой съ его деньгами вышелъ худой оборотъ.

А Абрамъ самъ узналъ черезъ людей о Ѳедоровомъ возвращеніи и сейчасъ же пролѣзъ къ нему въ яму и говоритъ:

— Полно, Ѳедоръ, что ты стыдишься? Бѣда надъ всякимъ можетъ случиться. Не приходи въ отчаяніе. Я тебѣ вѣрю и помню, что ты священное для тебя имя во свидѣтельство произнесъ. Ты Іисуса не обманешь, а я вотъ принесъ тебѣ еще тысячу златницъ. Бери и начинай все дѣло наново.

Ѳедоръ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Я,—говоритъ,—не могу принять.

— Отчего?

— Видишь самъ: меня ужасныя бѣдствія преслѣдуютъ.

— Что же, тутъ-то тебѣ и надо мужаться, а друзьямъ твоимъ тебѣ помогать. Иди, одѣнься въ мою запасную одежду, бери тысячу златницъ и принимайся опять за дѣло.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что я съ моею судьбой и тебя изнищу.

— Полно,—говоритъ Абрамъ,—что о судьбѣ спорить? Судьба никому неизвѣстна, а то, что ты за меня битъ былъ отъ своихъ,—это мнѣ извѣстно и я тебя не выдамъ въ несчастіи, да не презрѣнъ будетъ въ людяхъ жидъ, яко рабъ Еговы, сотворившаго небо и землю. Неужели ты за меня умѣлъ пострадать, а я будто того же снести не съ умѣю. Бери деньги и ступай опять искать счастія.

Одѣлъ Абрамъ Ѳедора въ свою запасную одежду; прежнюю долговую росписку переписали съ одной тысячи на двѣ, и Ѳедоръ пошелъ снаряжаться.

XIV.

Въ этотъ разъ Ѳедоръ накупилъ въ Цареградѣ ароматной смолы и нагрузилъ ею цѣлый корабль. Привезъ смолу въ Александрію и съ большимъ прибыткомъ промѣнялъ ее тамошнимъ купцамъ на олово и поплылъ съ оловомъ въ Ефесъ. Въ Ефесѣ на ту пору олово было очень надобно и въ большомъ спросѣ. Ѳедору дали за олово вѣсъ на вѣсъ красной мѣди. И сталъ Ѳедоръ вдругъ богатъ отъ этого выгоднаго промѣна и поплылъ назадъ къ Константинополю, радуясь, что теперь онъ съ Абрамомъ разсчитается и самъ снова будетъ жить непостыдно.

Но вышло все опять пребѣдственно: опять Ѳедорово судно разбилось, и опять все его богатство потонуло. А изъ людей онъ только одинъ спасся, и опять совсѣмъ голый, какъ мать родила, явился домой, добрался онъ до своего пепелища въ Царьградъ, сѣлъ въ уголкѣ темной погребной ямы и опять плачетъ. Опять приходитъ къ нему Абрамъ и говоритъ:

— Ну, слушай ты, Ѳедоръ! Извели мы съ тобой денегъ много, двѣ тысячи златницъ, и все понапрасну: надо ихъ вернуть.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Какъ еще вернуть? Бѣдствія меня такъ и преслѣдуютъ. Но что для меня всего тягостнѣе, ты можешь подумать, что я твои деньги скрылъ и теперь притворяюсь бѣднымъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Абрамъ-жидовинъ,— ты всегда былъ

честный человѣкъ, да и Іисусово имя ты не произнесъ бы напрасно. Я знаю, что ты Іисуса истинно почитаешь и никогда во лжи его имя не упомянешь.

— Утѣшь тебя Богъ, Абрамъ, что ты такъ обо мнѣ думаешь! Правда твоя: я не помяну имени Іисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще бо̀льшія пришли напасти, и радъ я, что ты вѣришь, какъ я Его почитаю.

— Ну, и толковать намъ не о чемъ. Вотъ тебѣ твоя старая росписка на двѣ тысячи златницъ. Сотри ее и напиши новую, въ три тысячи, и поѣзжай въ третье.

Ѳедоръ изумился.

— Благодарю,—говоритъ,—за твою добродѣтель, но мнѣ ужь и брать не охота. Вѣрно на мнѣ есть какой особый грѣхъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ надобно, чтобы люди разныхъ вѣръ другъ другу не помогали.

— А вотъ для этого-то,—говоритъ Абрамъ,—я и не хочу, чтобы ты такъ думалъ. Единъ Богъ во вселенной, но суды его разбирать не наше дѣло, а помогать другъ другу есть наша обязанность. Пиши третью росписку на три тысячи литръ золота и отплывай въ третье.

XV.

Ѳедоръ, по настоянію Абрама, взялъ тысячу литръ золота, сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Кальварію. Удача ему опять пошла самая счастливая. Въ Кальваріи онъ накупилъ пшеницы, по сребреннику за рѣшето, и отплылъ съ нею въ Гундалы, а въ Гундалахъ всю пшеницу продалъ по златницѣ за рѣшето. Денегъ стало очень много, но Ѳедоръ на томъ не остановился: въ Гундалахъ онъ накупилъ хорошаго виноградnаго вина по сребреннику за мотру и поплылъ съ виномъ въ Антіохію. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше и Ѳедоръ продалъ здѣсь вино по златницѣ за мотру, которую купилъ всего по сребреннику.

Послѣ этого у Ѳедора стало столько денегъ, что и дѣвать некуда. Но Ѳедоръ зналъ, что онъ и прежде съ Абрамовой руки наживалъ ихъ легко, да только никогда довезти не могъ.

Какъ бы опять въ третій разъ того же самаго не было.

Надумалъ Ѳедоръ лучше самому денегъ не везти, а послать ихъ съ какими-нибудь вольными корабельщиками такъ, чтобъ имъ неизвѣстно было, что̀ они везутъ.

Пошелъ Ѳедоръ ходить по городу, купилъ для Абрама даръ, антіохійскій плащъ, да сѣдло, чтобы на ослѣ ѣздить, да крѣпкій ларецъ и сдѣлалъ изъ всего этого одинъ свертокъ, а ларецъ завертѣлъ въ самую середку, и положилъ туда четыре тысячи золотыхъ литръ: три тысячи въ возвратъ за взятый у Абрама долгъ, а четвертую тысячу за проценты. Завернулъ это все такъ, что ларца не видно было, и отдалъ ѣхавшимъ въ Царьградъ корабельщикамъ, чтобъ отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя, и самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ.

Вольные корабельщики не догадались, что они везутъ въ посылкѣ золото, и какъ дошли до Царьграда, такъ сейчасъ и отдали посылку Абраму-жидовину.

XVI.

Абрамъ былъ человѣкъ осторожный: онъ не сталъ при корабельщикахъ смотрѣть, что такое ему отъ Ѳедора прислано, а отнесъ свертокъ домой, заперся одинъ и какъ развернулъ плащъ и сѣдло, то нашелъ накрѣпко заклепанный ларецъ, а въ ларцѣ деньги—всѣ четыре тысячи златницъ полностью: три—въ возвратъ займа, а четвертая—за проценты.

Абрамъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и молчитъ, никому ни слова не говоритъ.

Вскорѣ затѣмъ Ѳедоръ успѣлъ вернуться и сейчасъ же приходитъ къ Абраму съ большими дарами, кладетъ передъ нимъ и ткани, и каменья, и золото.

— Прими,—говоритъ,—отъ меня; я тебѣ всѣмъ обязанъ. Безъ тебя бы пропалъ я.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Я за дары тебя благодарю и принимаю ихъ, но пора же тебѣ, Ѳедоръ, теперь мнѣ и долгъ отдать.

Ѳедоръ сильно смутился, но отвѣчалъ другу:

— Правда, Абрамъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы поднести тебѣ сначала мои дары въ честь, а теперь пойдемъ со мною на мой корабль, раскроемъ все, что я имѣю, сочтемъ и подѣлимъ все поровну на двое: половину мнѣ, а половину—тебѣ.

Абрамъ усмѣхнулся и говоритъ:

— Нѣтъ, Ѳедоръ, я тебя искушалъ шуткою, чтобы видѣть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мнѣ укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты воистину кротокъ,

какъ твой учитель, Іисусъ Галилейскій. Я отъ тебя черезъ корабельщиковъ весь свой долгъ и проценты получилъ и мнѣ больше ничего отъ тебя не слѣдуетъ. Вотъ возьми свою должную грамоту. Но скажи мнѣ только на милость, какъ ты это такъ послалъ мнѣ столь значительныя деньги безъ всякаго слѣда?

— А видишь, — отвѣчалъ Ѳедоръ, — я ужасался моего несчастія на обратный путь и лучше хотѣлъ два раза тебѣ заплатить, чѣмъ еще одинъ разъ остаться неисправнымъ за порукой имени моего Спасителя.

Абрамъ обнялъ и разцѣловалъ Ѳедора.

— Да,—говоритъ,—ты его истинно любишь и прославляешь. Умножь Богъ на свѣтѣ людей тебѣ равныхъ и подобныхъ.

— Да умножь Богъ и такихъ, какъ ты, Абрамъ,—отвѣчалъ Ѳедоръ и сказалъ, что онъ желаетъ построить изъ своего богатства такой домъ, гдѣ бы былъ пріютъ и харчи всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобъ они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, а не раздѣлялись.

Абрамъ очень обрадовался.

— Хорошо,—говоритъ,—и я свой процентъ не беру, а отдаю на этотъ домъ. Пусть дѣти живутъ безъ разбору, какъ мы съ тобою жили въ дѣтствѣ нашемъ. И пусть будетъ это дружбѣ нашей на старости поминанье.

И сдѣлали такъ: построили домъ и назвали его «селеніемъ ближнихъ». И приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближнихъ» заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу.

Повѣсть эта не есть баснословіе, измышленное досугомъ писателя. Это есть истинная исторія, въ древніе годы дѣйствительно бывшая и въ давніе же годы писанная рукой современнаго богочтителя и человѣколюбца. Нынѣ она отъ старыхъ записей взята и въ новомъ изложеніи подается для возможнаго удовольствія друзей мира и человѣколюбія, оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія.

Николай Лѣсковъ.

ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ *)

(Путевые наброски и картинки).

VIII.

Проплыть по нашимъ рѣкамъ недѣльку, другую и не пощупать бока другаго парохода, не напороться «по нечаянности» на встрѣчную баржу, не застрять гдѣ-нибудь на шесть, а то и на цѣлыхъ двѣнадцать часовъ по случаю «маленькаго поврежденія» въ машинѣ,—однимъ словомъ, обойтись безъ приключеній—такая же диковина, какъ испытать ихъ, свершая въ наши дни даже океанскія плаванія.

«Почему?»—спроситъ, быть можетъ, мало путешествовавшій читатель.

Да, главнымъ образомъ, потому, что у насъ именно не вмѣшиваются тамъ, гдѣ слѣдовало бы вмѣшаться, а, напротивъ, зачастую стараются регулировать то, что не поддается регулированію. Среди нашихъ рѣчныхъ капитановъ вы можете встрѣтить представителей всевозможныхъ профессій: чиновника, юриста, гусара, купца, дьячка **) и крайне рѣдко—человѣка, знакомаго съ ремесломъ и умѣющаго найтись въ исключительныхъ обстоятельствахъ, всегда возможныхъ хотя бы и въ плаваніи по рѣкамъ.

Эта безшабашная отвага русскаго человѣка браться, съ легкимъ сердцемъ, за дѣло, о которомъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія,—явленіе слишкомъ извѣстное и часто встрѣчающееся во всѣхъ сферахъ отечественной дѣятельности. Не даромъ же у насъ пошла нынѣче въ ходъ теорія «здраваго смысла»,—теорія,

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

**) Въ газетахъ, помнится, сообщали фактъ гибели одного волжскаго парохода, которымъ командовалъ отставной церковнослужитель.

старающаяся подорвать значеніе спеціальнаго образованія, и если насъ не удивляетъ, что иногда по волѣ Провидѣнія (или ближайшаго начальства) лихой кавалеристъ, вмѣсто того, чтобы культивировать жеребцовъ, культивируетъ юношество, педагогъ улучшаетъ конскую породу, мореплаватель свирѣпствуетъ на сухомъ пути, а какой-нибудь штыкъ-юнкеръ, не изучавшій никакого права, кромѣ права давать въ зубы, засѣдаетъ подчасъ въ судѣ,—то отчего же, скажите на милость, дьячку или лабазнику не водить пароходовъ?

На этотъ разъ приключеніе не заставило себя долго ждать.

Часа черезъ четыре, по выходѣ изъ Нижняго, среди бѣла дня, на широкомъ и свободномъ отъ мелей плесѣ, гдѣ мѣста было достаточно для прохода десятка пароходовъ въ рядъ и гдѣ, казалось, немыслимо было и подумать о возможности какого-нибудь приключенія,—шедшій не вдалекѣ отъ насъ вверхъ пароходъ ухитрился-таки устроить намъ непріятность именно въ то время, когда ея совсѣмъ не ожидали.

Пьяны ли были на сосѣднемъ пароходѣ, шедшемъ параллельно съ нами, капитанъ и лоцманы, нарочно ли было устроено столкновеніе (говорятъ, это бываетъ)—Богъ вѣсть, но только дѣло въ томъ, что нашъ «Спутникъ» безъ всякой основательной причины вдругъ сталъ уклоняться отъ своего курса, подаваясь влѣво. Молодой помощникъ капитана, стоявшій на площадкѣ нашего парохода, слишкомъ долго недоумѣвалъ непонятнымъ маневрамъ сосѣда и когда, наконецъ, сообразилъ, что при подобномъ измѣненіи курса столкновеніе неминуемо и приказалъ лоцманамъ взять влѣво, уже было поздно. Носъ сосѣда былъ въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ борта нашего парохода и приближался къ намъ. Испуганные пассажиры, бывшіе на кормѣ, не дожидаясь распоряженія растерявшагося помощника (капитанъ спалъ, чтобы бодрствовать ночью), бросились на другую сторону, и вслѣдъ за тѣмъ, среди внезапно наступившей на обоихъ пароходахъ тишины, раздался трескъ удара.

По счастью, на таранившемъ насъ пароходѣ догадались застопорить машину (въ противномъ случаѣ, при ударѣ съ разбѣга, сосѣдъ легко бы могъ прорѣзать намъ бокъ и пустить насъ ко дну), и ударъ, полученный нами, былъ довольно слабый. Вслѣдъ за тѣмъ пароходы разошлись, размѣнявшись, въ лицѣ своихъ представителей, привѣтствіями безъ всякаго соображенія, что на палубѣ находились дамы.

Все дѣло ограничилось поломкой нѣсколькихъ досокъ борта, да испугомъ пассажировъ, особенно тѣхъ, которые во время этого импровизированнаго абордажа находились въ кормовыхъ каютахъ. Внезапно раздавшійся ударъ, сопровождавшійся трескомъ выбитыхъ стеколъ, произвелъ настоящую панику между женщинами и дѣтьми.

Но среди большинства пассажировъ это неожиданное приключеніе не произвело никакой сенсаціи. Пассажиры бо́льшею частью были люди мѣстные, хорошо знакомые съ волжскими порядками.

— Это еще слава Богу! Не такіе, можно сказать, карамболи бываютъ!—замѣтилъ пожилой купецъ изъ Елабуги.—А вотъ, прошлымъ лѣтомъ, спускался я внизъ, такъ насъ Господь только спасъ. Чуть было вовсе не утонули.

И онъ разсказалъ подробно «случай» ночнаго столкновенія двухъ пароходовъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе пассажиры припомнили подходящіе случаи. Оказалось, что почти у каждаго было на памяти болѣе или менѣе подобное приключеніе, когда только «Богъ спасъ», но при этомъ разскащики рѣдко винили капитановъ, а въ видѣ успокоивающей сентенціи прибавляли, что безъ этого нельзя. Вода—не суша. Въ дорогѣ будь ко всему готовъ.

Тѣмъ временемъ помощникъ капитана, взволнованный происшествіемъ, бывшимъ во время его вахты, соорудивъ актъ, обходилъ пассажировъ съ просьбой подписаться въ качествѣ свидѣтелей. Въ этомъ актѣ, разумѣется, сосѣдъ оказывался виноватымъ, а поведеніе помощника рисовалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ не могъ предотвратить столкновенія и оказалъ чудеса энергіи и распорядительности.

Никто и не подумалъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько былъ виноватъ и нашъ помощникъ, не сообразившій тотчасъ же послѣдствій маневра сосѣда, что сообразилъ бы человѣкъ мало-мальски знакомый съ дѣломъ, и всѣ охотно подписывали актъ, свидѣтельствуя невинность помощника. Онъ такъ трогательно просилъ о подписи, что подмахнули актъ и такіе пассажиры, которые не были очевидцами происшествія, а лжесвидѣтельствовали, такъ сказать, по добродушію, чтобы не обидѣть отказомъ просящаго человѣка.

Этотъ актъ, значительно успокоившій помощника, былъ переданъ въ ближайшемъ городѣ для представленія въ полицейское управленіе.

Когда я полюбопытствовалъ узнать, какое послѣдуетъ движеніе этому «дѣлу», капитанъ только махнулъ рукой и засмѣялся. Такихъ «дѣлъ», по его словамъ, на Волгѣ многое множество, тянутся они подолгу и рѣдко доходятъ до суда, оканчиваясь бо́льшею частью добровольными соглашеніями. Составляются же эти акты бо́льшею частью для очистки себя передъ хозяевами пароходовъ, чтобы не подвергнуться вычету изъ жалованья за поломки или не быть уволеннымъ со службы.

— Хозяева у насъ—купцы, народъ, знаете ли, прижимистый и необразованный... Войдетъ ему въ голову, онъ и сгонитъ съ мѣста... Надо умѣть съ ними ладить... Другой разъ и безъ всякаго резона штрафъ наложитъ.

Вѣроятно, въ силу этой безобразной нелѣпицы отношеній, характеризующей отечественные нравы, и на сосѣднемъ пароходѣ составили актъ, обвиняющій въ столкновеніи нашъ пароходъ. Такимъ образомъ кончаются всевозможныя приключенія и за нихъ рѣдко когда привлекаются къ отвѣтственности капитаны и помощники. Развѣ ужь когда случится происшествіе слишкомъ кричащее.

Если вѣрить тому, что́ пишутъ въ послѣднее время о провинціи нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, то чѣмъ далѣе отъ столицъ, чѣмъ далѣе отъ центровъ умственной жизни, тѣмъ обыватель бодрѣе, веселѣе, менѣе подверженъ вліянію «либеральнаго миража» и за послѣдніе годы совсѣмъ, такъ сказать, «ожилъ»: глядитъ впередъ «безъ страха и боязни» и только ждетъ не дождется, когда, наконецъ, будетъ упраздненъ «ненавистный» для него гласный судъ съ присяжными, уничтожено земство и взамѣнъ этого будутъ возстановлены дареформенные порядки съ предоставленіемъ дворянству первенствующей роли. Судя по этой «схемѣ блаженства», настоящая Аркадія, гдѣ люди не живутъ, а, можно сказать, наслаждаются,—Сибирь. Власть тамъ сильная и грозная, не стѣсняемая препонами, исправникъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ въ своемъ родѣ Гарунъ-аль-Рашидъ, могущій при желаніи безпрепятственно водворить миръ и благосостояніе, земства нѣтъ, суда присяжныхъ нѣтъ, мировыхъ судей нѣтъ, безцензурной печати нѣтъ, журналовъ нѣтъ, общественнаго мнѣнія нѣтъ,—чего еще, кажется, желать для людскаго счастья по доктринѣ нѣкоторыхъ публицистовъ?

Увы! на «провинцію» клевещутъ. Она далеко не такъ бод-

ра и весела, какъ о ней разсказываютъ, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ представителямъ «провинціи», съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Хотя спеціально разговоровъ о внутренней политикѣ на пароходѣ и не вели (слава Богу, не малолѣтки), каждый говорилъ о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, но въ этихъ толкахъ не проскальзывало ни малѣйшаго желанія одобрить идеалъ аракчеевскаго общежитія. Новые суды считали счастьемъ, земскія учрежденія, при всѣхъ недостаткахъ, все же лучше старыхъ порядковъ и, вспоминая эти старые порядки, вовсе не желали возвращенія ихъ... Словомъ, сибирской Аркадіи не завидовали, а спутники на сибирскомъ пароходѣ не только не хвалились Аркадіей, а пугали разсказами о тѣхъ ужасахъ, которые творятся въ странѣ, представляющей собой до нѣкоторой степени приближеніе къ идеалу современныхъ аракчеевцевъ.

И бодрости, и веселья что-то не примѣтилъ я, хотя представителей «провинціи» было не мало въ числѣ нашихъ спутниковъ.

Въ бесѣдахъ проскальзывала нотка недовольства. Правда, часто недовольство это формулировалось въ крайне примитивной формѣ («жить стало хуже»), но смѣю увѣрить читателя, что изъ этихъ бесѣдъ никакъ нельзя было вывести заключенія, что жить стало хуже оттого, что земство и суды «вносятъ развратъ».

— И проходимецъ какой-то пошелъ у насъ нынче въ ходъ, батюшка!—разсказывалъ одинъ старикъ, мировой судья.—И ходитъ-то онъ гоголемъ... Прежде еще стыдился немного... Бывало, всѣ въ клубѣ знали, что цѣна этому проходимцу—грошъ и что за два двугривенныхъ онъ родителей слопаетъ, а нынче, смотришь, онъ еще ораторствуетъ, при случаѣ, на счетъ всякихъ основъ... о благородствѣ чувствъ распинается... Да вотъ, недалеко ходить за примѣрами... Былъ у насъ въ уѣздѣ одинъ такой человѣчекъ... За воровство, за доносы и всякія беззаконія былъ онъ выгнанъ изъ службы и жилъ себѣ, притаившись, какъ паршивая собака... Мы, провинціалы, не брезгливый народъ, а и то брезгали этимъ субъектомъ... Онъ даже въ обществѣ не смѣлъ показываться... А теперь,—какъ бы вы думали?— проповѣдуетъ «сильную власть» въ качествѣ становаго... Сколько пакостей понадѣлалъ въ уѣздѣ—просто бѣда! Чуть что, сейчасъ въ государственной измѣнѣ обвинитъ... Поди, доказывай, что вретъ.

— Тоже и у насъ попадаются-таки человѣчки,—сказалъ въ свою очередь купецъ изъ Елабуги.

— Ну, и у насъ на этотъ счетъ нельзя пожаловаться! — замѣтилъ екатеринбургскій обыватель.

И пошли все тѣ же, давно набившіе оскомину, разсказы о разныхъ, болѣе или менѣе возмутительныхъ случаяхъ насилія, вымогательства, халатности, причемъ все это разсказывалось, въ большинствѣ случаевъ, съ тою примѣсью спеціально-русскаго добродушія, которое считается одною изъ нашихъ добродѣтелей. На первомъ планѣ стояла, такъ сказать, фабула. Разскащика не столько возмущало, что человѣкъ безъ всякой нужды тѣснитъ другаго, сколько интересовалъ самый процессъ прижимки. И если при этомъ «герой» пакости отличается смѣлостью и находчивостью, то въ разсказахъ даже проскакивала нотка нѣкотораго восхищенія, какъ это онъ ловко утѣснилъ одного, ограбилъ другаго, провелъ третьяго... Въ такихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ коротали пассажиры втораго класса свое время. Винта, къ удивленію, не было.

А пароходъ шелъ, да шелъ. На другой день мы уже вошли въ Каму съ ея обрывистыми берегами. На Камѣ плаваніе представляло менѣе шансовъ для приключенія. Пароходы и барки встрѣчалась рѣже и, слѣдовательно, оставались только мели; но, по случаю половодья, и эта опасность не представлялась возможною. Пассажировъ все прибавлялось, преимущественно палубныхъ пассажировъ, хотя и безъ того палуба была набита биткомъ. Интересно было наблюдать, какъ пароходное начальство торгуется съ пассажирами. На одной изъ пристаней стояла артель. Это были вятскіе мужики, сплавившіе гонки сверху и возвращающіеся теперь назадъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и спросилъ о цѣнѣ.

— Три рубля съ человѣка,—отвѣтилъ съ искусственною небрежностью помощникъ капитана, нарочно дѣлая видъ, что нисколько не интересуется этими пассажирами и искоса поглядывая на артель въ 20 человѣкъ.

— По рублику съ человѣка взяли бы, ваша милость!

Помощникъ капитана презрительно фыркаетъ и нарочно даетъ первый свистокъ, думая, вѣроятно, этимъ маневромъ подѣйствовать на мужиковъ. Въ артели происходитъ совѣщаніе.

— Рубль съ четвертакомъ возьмешь?

Помощникъ капитана не отвѣчаетъ и черезъ минуту даетъ второй свистокъ.

Въ артели легкое волненіе. Снова совѣщаются.

— Такъ и быть, по полтора дадимъ.

— И по два съ полтиной дадите,—замѣчаетъ съ усмѣшной помощникъ капитана и прибавляетъ: — вы, ребята, смотри скорѣй, сейчасъ отвалъ, васъ ждать не будемъ.

И съ этими словами онъ снова подходитъ къ свистку, бросая, однако, зоркій взглядъ на мужиковъ.

Снова совѣщаніе. Повидимому, тамъ рѣшено не отступать.

— Больше не дадимъ,—замѣчаетъ артель.— Дождемся другаго парохода.

Раздается третій свистокъ. Артель отходитъ въ сторону.

— Ну, ужь Богъ съ вами, ступай брать билеты.

Артель идетъ на пароходъ, который еще стоитъ на пристани минутъ 10 послѣ третьяго свистка. Эти свистки были не болѣе, какъ маневръ, часто практикуемый на волжскихъ пароходахъ.

Приключеній больше никакихъ не было, если не считать за приключенія двѣ-три остановки по случаю поломки машины и долгую остановку на одной изъ пристаней, вслѣдствіе полученной телеграммы перевести буфетъ съ нашего парохода на встрѣчный пароходъ того же хозяина, а буфетъ съ того же парохода—на нашъ. Благодаря такому распоряженію, два парохода совершенно напрасно простояли у пристани три часа, пока происходила переноска буфета, и въ этотъ вечерній часъ, когда обыкновенно всѣ пьютъ чай, нельзя было добиться кипятку и чего-нибудь съѣдобнаго.

На четвертый день пароходъ пришелъ въ Пермь, вмѣсто ранняго утра, въ первомъ часу дня, но это, впрочемъ, не смутило пассажировъ, слѣдующихъ далѣе, такъ какъ пассажирскій поѣздъ изъ Перми выходитъ по вечерамъ. Оставаться же цѣлый день въ этой бывшей столицѣ золотопромышленниковъ, горныхъ инженеровъ дореформеннаго времени, гдѣ прежде было сосредоточено управленіе заводами и гдѣ теперь царствуетъ мерзость запустѣнія, съ пустыми барскими хоромами, въ видѣ памятниковъ прежняго величія, не было никакой нужды.

Заглянувъ въ этотъ мертвый городъ и не встрѣтивъ въ немъ въ пятомъ часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзалъ и въ семь часовъ вечера поѣздъ отошелъ въ Екатеринбургъ. Изъ оконъ вагоновъ мы видѣли далекую синеву Ураль-

скихъ горъ, передъ нами мелькали знаменитые когда-то заводы, гремѣвшіе въ старое время баснословными пирами и баснословными беззаконіями управителей, и незамѣтно перевалили хребетъ, очутившись географически въ Азіи. Я говорю «географически» потому, что близость Азіи и азіатскихъ нравовъ начала сказываться гораздо раньше географической границы.

Къ вечеру мы были въ Екатеринбургѣ. Тутъ уже прекращаются всякія цивилизованные пути сообщенія, и намъ предстояло сдѣлать триста верстъ по знаменитому, такъ называемому пермскому тракту.

IX.

Эту «прелестную», по словамъ петербургскихъ сибиряковъ, дорогу забыть невозможно. Казалось, что трудно себѣ представить худшія дороги на свѣтѣ, но болѣе насъ опытные путешественники разсказывали потомъ, что есть дороги и хуже пермскаго тракта; это—такъ называемый иркутскій трактъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

Изъ Екатеринбурга мы выѣхали цѣлою компаніей. Къ намъ присоединился еще одинъ спутникъ, ѣхавшій съ своимъ многочисленнымъ семействомъ изъ Петербурга на Амуръ. Съ нимъ мы познакомились еще на пароходѣ.

Это былъ крайне милый и обязательный человѣкъ, оказавшій намъ не мало услугъ въ путешествіи и познакомившій насъ заранѣе со многими особенностями сибирской жизни. Хотя самъ онъ былъ сибирякъ, но не изъ тѣхъ, которые во что бы то ни стало нахваливаютъ свое болото. Онъ проучительствовалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, бросивши любимое имъ дѣло по причинамъ, отъ него не зависящимъ, и ѣхалъ теперь въ качествѣ техника въ амурскую тайгу на пріискъ. Ѣхалъ онъ скрѣпя сердце и только потому, что надѣялся, что на пріискѣ, куда онъ былъ приглашенъ, управляющій относительно порядочный человѣкъ и, слѣдовательно, ему не придется быть свидѣтелемъ тѣхъ классическихъ безобразій, которыя вообще творятся на пріискахъ. А что тамъ творится, про то онъ зналъ, такъ какъ раньше имѣлъ случай служить на одномъ изъ пріисковъ. Творится, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто невѣроятное: эксплуатація людей доходитъ до послѣдняго предѣла. Управители,—въ большинствѣ изъ прикащиковъ, люди безъ всякаго образованія,—безконтрольные

вершители судьбы человѣческой. Грабежъ феноменальный. Произволъ возмутительный. Личность человѣка такъ же мало цѣнится, какъ въ какомъ-нибудь негритянскомъ государствѣ. Неудивительно, что и пріисковые рабочіе, на половину изъ бѣглыхъ или безпаспортные, пользуются отчаянною репутаціей по всей Сибири и развращаютъ ближайшія къ пріискамъ селенія. По словамъ знающихъ это дѣло людей, въ такихъ селеніяхъ трудно встрѣтить дѣвочку тринадцати лѣтъ уже не развращенною...

Правительственный контроль и полицейская власть на пріискахъ представляются горными исправниками. Жалованья они получаютъ рублей четыреста въ годъ и съ пріисковъ *маленькое* дополненіе въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Понятно, что эти господа, набранные съ борка да съ сосенки, часто люди едва грамотные, съ нравственностью болѣе чѣмъ сомнительною, держатъ всегда сторону хозяевъ и въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній между рабочими и пріисковою администраціей рѣшаютъ ихъ обычнымъ сибирскимъ средствомъ—нещадною поркой...

— Есть такіе горные исправники, что по нѣскольку лѣтъ сами находятся подъ слѣдствіемъ,—разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, мой спутникъ сибирякъ.—Я зналъ одного такого. Благодаря его истязаніямъ, двое рабочихъ умерли... Кажется, онъ и до сихъ поръ благополучно исправникомъ... Денегъ у него много... Слѣдствіе можно тянуть безъ конца... Это въ Сибири—обыкновенная исторія. А жаловаться некому... Да и къ кому пойдетъ жаловаться какой-нибудь бродяга?

Нашъ спутникъ еще въ Екатеринбургѣ училъ насъ, какъ надо прессоваться въ тарантасахъ, которые мы достали въ конторѣ г. Михайлова, заплативъ по двѣнадцати руб. за проѣздъ.

Въ 1 часу дня нашъ караванъ двинулся. Съ первой же станціи пошла убійственная дорога: или выбоина, или непролазная грязь въ видѣ мѣсива, по которому лошади ступали шагомъ, и наши колымаги ныряли словно въ волнахъ. Въ тарантасахъ ночью температура была африканская, а въ телѣгахъ холодъ убійственный. Гдѣ было лучше—въ тарантасахъ или телѣгахъ—рѣшить трудно. Въ тарантасахъ—были цѣлы бока, а у насъ хотя бока были избиты, но мы, по крайней мѣрѣ, знали, гдѣ мы и что мы, и въ бесѣдѣ съ ямщиками коротали время дороги.

Теперь, въ виду скораго окончанія желѣзной дороги отъ Екатеринбурга до Тюмени, трактъ закрывается и, разумѣется, содержится еще хуже прежняго. И станціи, и лошади, и экипажи—

безобразны. Есть, конечно, нѣсколько хорошихъ лошадей для проѣздовъ «особъ»; но къ углугамъ обыкновенныхъ проѣзжающихъ лошади скверныя. Разгонъ на этомъ трактѣ огромный.

Ужь я не знаю, къ счастію или къ несчастію, но намъ на станціяхъ давали, вмѣсто лошадей, отчаянныхъ клячъ, которыя покорно выносятъ удары кнута, пускаясь въ отвагѣ отчаянія вскачь, и если ихъ не хлещутъ, то плетутся шажкомъ, опустивъ свои головы. И гнать-то ихъ было совѣстно, тѣмъ болѣе, что по этой адской дорогѣ мало-мальски скорая ѣзда заставляла со страхомъ смотрѣть на тарантасъ и опасаться, доѣдутъ ли они, или не доѣдутъ; ну, и за внутренности было страшно. И мы плелись все время шагомъ.

И ямщики намъ попадались все какіе-то убогіе—то слишкомъ ветхіе, то, напротивъ, совсѣмъ ребята. На одной изъ станцій намъ даже предложили въ ямщики къ переднему Ноеву ковчегу, гдѣ помѣщалось семейство сибиряка, мальченку лѣтъ десяти, который утѣшалъ испугавшихся было дамъ Ноева ковчега, что ему не впервой возить. Намъ давали клячъ и малолѣтокъ вмѣсто ямщиковъ потому, что впереди насъ ѣхалъ генералъ-губернаторъ и для него, разумѣется, были оставлены самыя лучшія лошади и самыя представительные ямщики.

Уже на второй день нашего путешествія намъ стали попадаться на встрѣчу одинокіе путники, пробиравшіеся по зеленѣющему лѣсу съ котомками на плечахъ.

— Ишь, по кормовыя пошелъ,—замѣтилъ старикъ ямщикъ, указывая кнутомъ въ сторону.

Я не понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и спросилъ объясненія. Оказалось, что такъ подсмѣиваются надъ бѣглыми, намекая этимъ, что они будутъ пойманы и снова возвратятся въ Сибирь, но уже по этапу, получая кормовыя деньги.

— А много здѣсь ходитъ бѣглыхъ?

— Цѣлыми косяками иной разъ ходятъ, да только ловятъ ихъ часто,—отвѣчалъ ямщикъ.—Какъ весна, смотришь, и выходитъ онъ, какъ звѣрь, изъ норы. По веснѣ каждую тварь къ волѣ тянетъ...

Погода стояла дождливая и холодная. Май мѣсяцъ глядѣлъ сентябремъ. Мы ѣхали день и ночь, боясь опоздать къ тюменскому пароходу и напуганные разсказами о томъ, что по дорогамъ пошаливаютъ, и поэтому по ночамъ старались не спать.

Наступила вторая ночь—темная, дождливая сибирская ночь.

Тихо плелись мы по грязи, среди гудящаго лѣса. И ямщики, и сѣдоки въ тарантасахъ дремали. Лошади лѣниво, еле-еле ступали по вязкой грязи. На встрѣчу изрѣдка попадались длинные обозы. Это везли кяхтинскій чай къ нижегородской ярмаркѣ. Наконецъ, занялась заря и мракъ ночи разсѣялся. Мы начали дремать.

Вдругъ наша тройка пугливо шарахнулась въ сторону и ямщикъ остановилъ лошадей, крикнувъ переднимъ ямщикамъ остановиться.

Мы вышли изъ телѣги и со спутникомъ подошли къ ямщикамъ.

У самаго края дороги лежала фигура человѣка, покрытаго зипуномъ.

Ямщики молча потрогивали его кнутовищами и тихо покачивали головами.

— Должно мертвый!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Никто не рѣшался удостовѣриться въ этомъ. Всѣ какъ-то брезгливо сторонились отъ лежавшаго человѣка.

Мы со спутникомъ отдернули зипунъ и при слабомъ свѣтѣ разсвѣта увидали безжизненное лицо стараго мертвеца. У виска, около шапки, видна была запекшаяся кровь. Тѣло его хотя и было холодно, но еще не окостенѣло. По всему видно, что смерть произошла недавно. Мы снова накрыли его и молча разошлись.

— Смотри, на станціи не болтай,—проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ, обращаясь къ другимъ.

Кто былъ этотъ старикъ, брошенный у дороги—бродяга ли, мирный ли крестьянинъ, убитый кѣмъ-нибудь, кто знаетъ?

— Должно быть, жиганъ,—сказалъ намъ ямщикъ, садясь на облучекъ,—вѣрно обозники прикончили.

Могло и это быть. Подобные случаи не рѣдкость по сибирскимъ дорогамъ. Между бродягими и обозниками давно уже идетъ война не на животъ, а на смерть. Эти рыцари большихъ сибирскихъ дорогъ, собравшись шайкой, выѣзжаютъ на трактъ и сторожатъ обозы съ товарами. Ночью, когда возчики спятъ, они забрасываютъ нѣчто вродѣ мексиканскихъ лассо, съ крючьями на концахъ, на лошадей и отбиваютъ обозы съ товарами.

Такія же точно лассо употребляются и въ городахъ съ цѣлью грабежа. Даже въ такомъ относительно большомъ городѣ, какъ

Томскъ, такіе факты не рѣдкость. Грабители выѣзжаютъ въ кошевѣ и, завидя гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ путника, набрасываютъ на него арканъ, тащатъ за собой за городъ и тамъ грабятъ. Хроники сибирскихъ газетъ полны описаніемъ такихъ происшествій, остающихся въ массѣ случаевъ не раскрытыми. Одно время въ Томскѣ была настоящая паника. По вечерамъ не выходили изъ квартиръ и даже днемъ не выходили безъ револьверовъ. Въ одну недѣлю были раскуплены всѣ револьверы въ лавкахъ.

«Караулъ, грабятъ!»—такъ начиналась передовая статья одной мѣстной газеты, и въ хроникѣ того же нумера сообщался рядъ происшествій за недѣлю, напоминающихъ нѣсколько о жизни въ американскихъ преріяхъ въ куперовскія времена *).

Я слышалъ цѣлыя легенды про засѣдателей, прикрывающихъ убійцъ, про частныхъ приставовъ, устраивающихъ, въ негласной компаніи съ ворами, грабежи лавокъ и домовъ, про исправниковъ, которымъ острожные фальшивые монетчики сбывали фальшивыя деньги. Ворованныя вещи часто являются во владѣніи охранителей безопасности и при слѣдствіяхъ они же помогаютъ попавшимся давать показанія. Бродяги, скопляющіеся въ городахъ, являются одною изъ доходныхъ статей, пополняя цифру крошечнаго жалованья, получаемаго полицейскими агентами въ Сибири. Начальство прикажетъ устроить облаву,—бродяги своевременно предупреждены и въ руки полиціи попадаютъ все люди съ паспортами, которые, просидѣвъ ночь въ каталажкѣ и заплативъ по рублю, выпускаются.

На сибирскихъ «вечерахъ», между винтомъ и закуской, разговоры всегда ведутся на эту благодарную тему, и разсказы неистощимые.

— Обокрали меня года четыре тому назадъ,—разсказывалъ одинъ томскій обыватель,—и въ числѣ украденныхъ вещей были отличные стѣнные часы. Прошелъ годъ, о вещахъ не было ни слуху, ни духу. Вдругъ вижу: подъѣзжаютъ къ моему дому полицейскій чинъ съ какимъ-то субъектомъ. Впускаю, спрашиваю, что угодно. Оказывается, что полицейскій чинъ пріѣхалъ предложить мнѣ нѣкоторую сдѣлку—возвратить мои часы, украденные привезеннымъ имъ съ собою субъектомъ, а я за это дол-

*) Объ этихъ удобствахъ сибирской жизни говорилось въ *Очеркахъ русской жизни Р. М.*, кн. IX).

женъ помочь ему въ одномъ дѣлѣ, бывшемъ у него въ думѣ. Я отказался отъ этой чести и даже отъ часовъ, но полицейскій, все-таки, великодушно возвратилъ мнѣ часы.

— Пропало у насъ въ конторѣ ружье, — началъ, въ свою очередь, инженеръ.

— И ружье это оказалось потомъ въ полиціи, — перебили его.

И все въ такомъ родѣ...

Вотъ она какова, эта дереформенная Аркадія!

Высшіе представители администраціи безсильны прекратить подобное положеніе дѣлъ, даже при добромъ желаніи. На мѣсто выгнаннаго Иванова является такой же Петровъ. И этотъ Ивановъ, уволенный изъ одной губерніи, ѣдетъ въ другую и тамъ получаетъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что мѣста могутъ быть прямо куплены при посредствѣ такого же Иванова или Петрова, сидящаго въ канцеляріи.

Все это, разумѣется, извѣстно и высшей администраціи изъ отчетовъ, представляемыхъ мѣстными губернаторами. Отчеты эти рисуютъ нерѣдко мрачную картину—положеніе Сибири... И сибиряки ждутъ не дождутся реформъ, которыя бы сравняли далекую окраину съ остальными русскими губерніями.

X.

Вотъ она, наконецъ, и граница Сибири. Два столба, одинъ каменный, другой деревянный, съ гербомъ Тобольской губерніи, указываютъ въѣздъ въ страну, «гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ». Надписи на столбѣ подчасъ трогательныя, но не имѣютъ, однако, безотрадности надписи надъ Дантовымъ адомъ: «оставь надежды навсегда». Напротивъ, юморъ русскаго народа выразился и въ этихъ, иногда своеобразныхъ, надписяхъ: «Поминай, какъ звали». «Кланяйся въ Нерчинскѣ товарищамъ». «Ищи вѣтра въ полѣ». «До свиданія, Сибирь-матушка!» и тому подоб. Есть и нацарапанныя стихотворныя произведенія, и въ нихъ юмористика преобладаетъ надъ лиризмомъ.

Солнце ласково грѣетъ сверху, освѣщая зеленѣющіе, по бокамъ дороги, густые, болотистые лѣса. Дорога дѣлается еще убійственнѣе, лошади ступаютъ буквально шагомъ, съ трудомъ вывозя тарантасы и телѣги изъ непролазной грязи. Къ 11 часамъ утра мы добрались до села Успенскаго, предпослѣдней

станціи передъ Тюменью, села замѣчательнаго тѣмъ, что почти все населеніе занимается кустарнымъ производствомъ такъ называемыхъ тюменскихъ ковровъ. Ковры эти весьма недурны и дешевы, только краски и узоры ихъ весьма безвкусны. Они распространены по всей Сибири и значительная часть ихъ идетъ въ Петербургъ и Москву.

Видъ этого большаго сибирскаго села невольно поражаетъ человѣка, привыкшаго видѣть убогія, черныя русскія деревни. Постройка грубая, аляповатая, но прочная. На лицахъ мужиковъ нѣтъ той забитости, которую вы встрѣтите въ Россіи; видно, что матеріальное благостояніе ихъ лучше.

До Тюмени оставалось тридцать верстъ, которыя мы проѣхали въ шесть часовъ. Усталые, разбитые, грязные, увидали мы, наконецъ, Тюмень, первый сибирскій городъ, разброшенный по оврагамъ, мрачный, грязный, съ огромнымъ бѣлымъ каменнымъ зданіемъ на въѣздѣ. Нужно ли прибавлять, что это былъ острогъ?

Въ гостиницѣ мы нѣсколько пришли въ себя послѣ путешествія.

Пообѣдавъ, я отправился поскорѣе на пристань брать билеты и безъ труда получилъ для себя каюту II класса. Какъ характеристику нравовъ, отмѣчу слѣдующую черточку. Когда я бралъ билетъ на пароходной конторкѣ, молодой конторщикъ обратился ко мнѣ съ обычнымъ сибирскимъ вопросомъ: «чьи вы будете и куда изволите ѣхать?» Съ тѣхъ поръ это сибирское «чьи вы будете» ужь не оставитъ васъ нигдѣ, куда бы вы ни зашли: въ лавку ли, заговорили ли съ пассажиромъ, послѣ первыхъ словъ вамъ неизмѣнно зададутъ этотъ вопросъ.

На пароходѣ уже толпились переселенцы. Пароходъ производилъ впечатлѣніе весьма удовлетворительное, каюты были чисты и цѣна за девять дней пути относительно недорога (за мѣсто II класса 14 р., а за семейную каюту — по числу мѣстъ — по 16 р. за мѣсто.)

Хотя Тюмень—одинъ изъ очень старыхъ сибирскихъ городовъ (основанъ въ 1586 г.), жителей въ немъ, по суворинскому календарю, считается около 16 тысячъ чел. и, какъ перевалочный пунктъ, онъ имѣетъ извѣстное значеніе, тѣмъ не менѣе, никакой привлекательности не представляетъ. Деревянные низенькіе дома, широкіе пустыри, грязныя и безлюдныя улицы. Тюмень—главный пунктъ разсылки арестантовъ по дальнѣйшимъ мѣстамъ. Здѣсь находится главная экспедиція о ссыльныхъ. Здѣсь, въ Тю-

мени, всѣ уголовные арестанты распредѣляются по всѣмъ мѣстамъ Сибири и отправляются партіями. Наплывъ арестантовъ бываетъ такъ великъ, что буквально и острогъ, и пересыльная тюрьма переполнены. Вслѣдствіе такой скученности тифъ и другія болѣзни, разумѣется, косятъ людей.

Не одна, впрочемъ, Тюмень отличается такими тюрьмами. По словамъ оффиціальныхъ отчетовъ и разсказовъ знающихъ дѣло людей, тюрьмы въ Сибири и этапы представляютъ собою нѣчто невообразимое. Трудно изобразить словами весь ужасъ положенія людей, скученныхъ въ небольшихъ пространствахъ огромными массами. Въ Томскѣ, напримѣръ, дѣло доходило до того, что тифозныхъ больныхъ, за недостаткомъ мѣста, клали цѣлыми рядами на полу и смертность доходила до поражающей цифры. Что же касается этаповъ, то они буквально представляютъ собой клоповники, и еще недавно высшее мѣстное начальство предписывало циркуляромъ обратить вниманіе на содержаніе ихъ въ исправномъ видѣ.

Но циркуляры—циркулярами, а жизнь—жизнью, и побывавшіе на этапахъ разсказываютъ про нихъ просто невѣроятныя вещи. Въ крошечномъ помѣщеніи скучиваются въ-повалку мужчины, женщины и дѣти и ихъ на ночь запираютъ. Что происходитъ тамъ, объ этомъ лучше не разсказывать.

Пароходъ отправлялся въ два часа ночи. Въ десятомъ часу мы уже были на пароходѣ и уложили дѣтей спать. Нашъ добрый геній, спутникъ-сибирякъ, совѣтовалъ мнѣ запастись кое-какою провизіей на дорогу и, главное, хлѣбомъ, такъ какъ на пароходѣ все дорого, а иногда и просто бываетъ нельзя достать. Я поспѣшилъ отправиться снова въ городъ. Городъ уже спалъ, только въ нѣкоторыхъ домахъ свѣтились огоньки. Стоялъ чудный, тихій вечеръ. Невольная тоска охватила меня, когда я проѣзжалъ по этимъ глухимъ, пустымъ, угрюмымъ улицамъ. Каково же живется человѣку, не привыкшему еще напиваться съ утра, въ какомъ-нибудь еще болѣе глухомъ захолустьѣ вродѣ Нарыма или Вилюйска?

Невольно припомнились стихи поэта:

«Да... страшный край... Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда стосуточная ночь
Повиснетъ надъ страной».

— Вотъ тутъ у полекъ хорошія булки,—прервалъ мои раз-

мышленія извощикъ, останавливаясь у маленькой двери, надъ которой была какая-то вывѣска.

Я вошелъ въ крошечную комнатку, слабо освѣщенную тусклымъ свѣтомъ крошечной лампы. На прилавкѣ лежали булки и разныя печенья и въ комнаткѣ пахло свѣжимъ хлѣбомъ.

Изъ-за ситцевой занавѣски вышла сморщенная, худенькая, маленькая старушка и необыкновенно вѣжливо и деликатно спросила:

— Что пану угодно?

Она была одѣта въ какомъ-то затрапезномъ платьѣ, въ разорванной кацавейкѣ, но что-то и въ манерѣ, и въ выраженіи этого худенькаго лица, со слезящимися глазами, говорило, что эта старушка знала когда-то лучшія времена. Въ лицѣ ея точно замерла какая-то старая, покорная скорбь. Я не сомнѣвался, что передо мной была женщина, принадлежавшая когда-то къ такъ называемому обществу.

Мы разговорились. Скоро изъ-за занавѣски вышла другая старушка: высокая, сухая, крѣпкая, съ болѣе энергичнымъ выраженіемъ лица. Это была ея младшая сестра.

Ихъ исторія оказалась очень простою и печальною исторіей. Онѣ принадлежали къ одной изъ довольно зажиточныхъ польскихъ фамилій, были сосланы на каторгу за возстаніе въ 63 году, имѣнія ихъ были конфискованы, а теперь онѣ, давно прощенныя, но всѣми забытыя, доживали свой печальный вѣкъ въ Тюмени, добывая себѣ кусокъ хлѣба пекарней.

— Отчего вы давно не вернулись домой?—спросилъ я.

Отвѣтъ обычный: вернуться дорого. Тѣмъ не менѣе, онѣ не теряютъ надежды умереть на родинѣ.

— Мы уже давно собираемся,—замѣтила младшая сестра,—и въ прошломъ году чуть было не уѣхали, да, вотъ, сестра заболѣла. Мы до сихъ поръ не привыкли къ здѣшнему климату, хотя должны были бы ко всему привыкнуть въ 20 лѣтъ,—прибавила она, улыбаясь скорбною улыбкой.—Богъ дастъ, еще вернемся и умремъ на родинѣ.

— Родные ваши живы?

— Почти никого нѣтъ.

— Да, всего пришлось испытать,—заговорила опять маленькая, сморщенная старушка и вздохнула.

— Этой жизни не забудешь!—прибавила младшая сестра.

Я пожелалъ имъ поскорѣй вернуться на родину, и мы распрощались.

Мой возница, тоже изъ ссыльныхъ, попавшій изъ Курской губерніи въ Сибирь, какъ онъ объяснилъ, «за то, что любилъ чужихъ лошадей», и давно уже имѣвшій право возвратиться въ Россію, очень хвалилъ этихъ старушекъ-полекъ.

— Тихія, аккуратныя старушки,—говорилъ онъ.

Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчать поляковъ, сосланныхъ сюда за польское возстаніе и оставшихся въ Сибири. Бо́льшая часть изъ нихъ занимаются торговлей, ремеслами, содержатъ кабаки, нѣкоторые находятся на службѣ. Вообще они какъ-то лучше русскихъ умѣютъ устраиваться, именно потому, что не брезгаютъ никакими занятіями.

Большинство же остальныхъ ссыльныхъ обречено почти что на нищету. Достать имъ какія-либо занятія, безъ помощи администраціи, трудно; да и какія занятія могутъ быть въ какой-нибудь сибирской дырѣ или въ якутскихъ улусахъ? Въ большихъ городахъ, гдѣ могли бы найтись занятія, даютъ ихъ неохотно, боясь, какъ взглянетъ на это мѣстная администрація. Правительство выдаетъ въ пособіе политическимъ ссыльнымъ по шести рублей *) на человѣка и, такимъ образомъ, избавляетъ многихъ буквально отъ голодной смерти.

XI.

Пароходъ «Рейтернъ» **), на которомъ намъ пришлось совершить девятидневное путешествіе, проплывъ болѣе 2,000 верстъ по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, пріятно поражалъ своимъ необыкновенно нарядnымъ, праздничнымъ видомъ.

Не особенно изящно скроенный, но крѣпко сшитый, онъ сіялъ чистотой. Все было подкрашено и подчищено. Довольно умѣстительныя семейныя каюты были прибраны съ особенною тщательностью и на диванахъ бѣлѣли новые коленкоровые чехлы.

---

*) Въ Восточной Сибири, глядя по мѣстностямъ, выдаютъ до 15 р. на человѣка, вслѣдствіе большой дороговизны муки и мяса.

**) Сибиряки любятъ называть свои пароходы фамиліями административныхъ лицъ. Всѣ пассажирскіе пароходы фирмы Курбатова и Игнатова носятъ подобныя названія. Кромѣ „Рейтерна“, есть „Коссаговскій“ (фамилія директора департамента), „Казнаковъ“ (фамилія бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири) и „Бѣленченко“ Впрочемъ, клички иногда мѣняются со смѣной начальства. Пріѣдетъ новый начальникъ—и пароходъ перекрещивается именемъ новаго.

Лоцмана, матросы и оффиціанты щеголяли свѣжими костюмами. Пароходное начальство нѣсколько волновалось. Сумрачный на видъ капитанъ, пожилой, молчаливый пермякъ, бо́льшую часть времени стоялъ на площадкѣ съ торжественно-озабоченнымъ видомъ, а его помощникъ, сухопарый молодой человѣкъ, въ началѣ рейса просто-таки метался, изнывая въ заботахъ о чистотѣ и порядкѣ. Палубу подметали часто, слишкомъ даже часто, въ ущербъ спокойствію палубныхъ пассажировъ. Переселенцы были скучены относительно съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ на пермскомъ пароходѣ, и къ переселенцамъ относились съ нѣкоторою внимательностью, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ нихъ, которые помѣстились ближе къ рубкѣ I класса, на которую часто устремлялись тревожные взоры молчаливаго капитана.

Не торопитесь, однако, обобщать факты и, собираясь въ Сибирь, не разсчитывайте на подобную счастливую случайность. Вы можете разсчитывать на бо́льшую безопасность плаванія по большимъ, пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ, чѣмъ по бойкой Волгѣ, такъ какъ судоходство здѣсь въ зачаточномъ состояніи и столкнуться не съ кѣмъ. Что же касается порядка, удобствъ и чистоты, то сибирскіе пароходы ими не отличаются и, вообще говоря, содержатся не лучше волжскихъ пароходовъ средней руки. Если же въ этотъ рейсъ пароходъ удивлялъ не совсѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ, то и причина этому была не совсѣмъ обыкновенная: въ числѣ пассажировъ находился новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Игнатьевъ, ѣхавшій съ семействомъ и нѣсколькими лицами свиты къ мѣсту своего назначенія.

Путешествовать по почтовымъ сибирскимъ дорогамъ вслѣдъ за высокопоставленными лицами, какъ пришлось намъ, не рекомендую никому, даже человѣку, обладающему воловьимъ терпѣніемъ и ослиною выносливостью. Вамъ придется либо изнывать на станціяхъ, выслушивая философскія сентенціи смотрителей, либо, послѣ самыхъ энергическихъ настояній, получать, вмѣсто хваленыхъ «сибирскихъ лошадокъ», нѣкоторое ихъ подобіе, въ видѣ невозможныхъ ободранныхъ клячъ, а вмѣсто ямщиковъ — несносныхъ стариковъ или крошекъ-младенцевъ, невольно внушающихъ сомнѣніе.

Но за то путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ или на пароходахъ одновременно съ сановными пассажирами несравненно удобнѣе, чѣмъ безъ нихъ. Удобства и внимательность, пред-

спеціально такимъ путешественникамъ, косвенно отражаются и на остальныхъ, а, главное, вы болѣе гарантированы въ благополучномъ исходѣ путешествія. Вотъ почему я, по крайней мѣрѣ, бываю доволенъ, когда судьба посылаетъ на поѣздъ какого-нибудь путешествующаго сановника. Тогда я спокойно сажусь въ вагонъ, увѣренный, что, благодаря такому сосѣдству, поѣзду труднѣе сойти съ рельсовъ, запоздать въ пути,—словомъ, подвергнуться приключенію, ибо хорошо знаю, что благополучіе сановитыхъ путешественниковъ,—разумѣется, находящихся у дѣлъ,—охраняется съ бо́льшею бдительностью и съ сугубымъ усердіемъ, чѣмъ благополучіе обыкновенныхъ смертныхъ, и, слѣдовательно, шансовъ на всякую «кукуевку» значительно меньше.

Хотя графъ и держалъ себя съ скромною простотой, пріятно дивившей пассажировъ-сибиряковъ, привыкшихъ болѣе къ грозному величію старинныхъ сибирскихъ «вице-роевъ», о недоступности которыхъ до сихъ поръ ходятъ легендарныя подробности, и отклонялъ всякія оффиціальныя встрѣчи, но это, разумѣется, не мѣшало даже и не подчиненнымъ сибирскимъ чиновникамъ волноваться и трепетать.

Такіе проѣзжающіе, вѣдь, не особенно часты въ здѣшнихъ палестинахъ.

Наибольшимъ подъемомъ духа и наибольшимъ страхомъ за цѣлость своей шкуры проникаются, въ такихъ случаяхъ, разумѣется, второстепенные служебные агенты и, главнымъ образомъ, господа исправники и засѣдатели, до сихъ поръ сохранившіе здѣсь складку, обличье и вкусы дореформенныхъ Держимордъ и знающіе за собой не мало уголовныхъ грѣховъ, помимо повальнаго здѣсь грѣха — взяточничества. Грѣховодники покрупнѣй, разные матерые юсы, завѣдующіе частями, и совѣтники, игравшіе при «старой метлѣ» роль негласныхъ «сѣрыхъ эминенцій», несмотря на наружную бодрость, тоже не безъ тайнаго страха ждутъ «новой метлы», особенно если слухи о ней благопріятные. Въ тиши своихъ, пропитанныхъ беззаконіемъ и кляузами, канцелярій они готовятся къ пріѣзду, дѣятельно припрятываютъ не только концы, но, случается, и цѣлыя громадныя дѣла, благо прожорливость сибирскихъ крысъ или внезапный внутренній пожаръ сослуживали не разъ добрую службу *). Однимъ словомъ,

*) Похищеніе дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ — обычный пріемъ въ Сибири. Не особенно давно еще изъ губернскаго совѣта одного большаго сибирскаго города

волненіе въ краѣ необычайное. Чиновники мятутся [illegible] ка-
каны, внезапно застигнутые свѣтомъ. Исправники и засѣдатели, эти первые обращики «административнаго товара», съ которымъ приходится знакомиться пріѣзжему, охваченные нерѣдко буквальнымъ трепетомъ, простираютъ усердіе при встрѣчахъ до геркулесовыхъ столбовъ раболѣпія и глупости. Часто, по собственному вдохновенію, не дожидаясь соотвѣтствующей бумажки, они сгоняютъ цѣлыя деревни на починку тракта, отрывая массы людей отъ спѣшныхъ работъ, и прибѣгаютъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ устрашенія въ случаѣ ропота и протеста. И они положительно замираютъ въ благоговѣйномъ недоумѣніи, когда, вмѣсто благодарности за такое вниманіе къ высокому путешественнику, вдругъ, совершенно неожиданно, получаютъ, въ болѣе или менѣе приличной петербургской формѣ, «дурака», наводящаго, однако, бо́льшую панику, чѣмъ откровенный «мерзавецъ!» разгнѣваннаго генерала старыхъ временъ.

За что? Почему?

Этотъ бѣдный дореформенный «дуракъ» — весьма неглупый, замѣтьте, во всемъ, что касается обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ, привыкшій думать, что «управлять» значитъ наводить трепетъ и вымогать, — еще не настолько выдрессированъ, чтобъ обладать хорошимъ верхнимъ чутьемъ столичнаго чиновника, умѣющаго приспособляться въ каждый данный моментъ, и потому всякаго высшаго начальника мѣряетъ на одинъ и тотъ же сибирскій шаблонъ, выработавшійся еще со временъ Пестеля и Трескина. Онъ боится начальства, какъ дикарь стихійной силы, и, въ то же время, смотритъ на него съ наивною оскорбительностью, предполагающею, что у каждаго сановника совсѣмъ особенные глаза, неспособные видѣть предметы въ ихъ подлинности, и совсѣмъ особенныя уши, до слуха которыхъ, сквозь гулъ колольнаго звона, «уры» и башибашнаго общаго вранья о благополучіи, не донесутся обывательскія жалобы. Хотя онъ и смекаетъ, что въ послѣднее время и по ту сторону Урала приподнятъ духъ исправниковъ, но, все-таки, разнообразныхъ оттѣнковъ новѣйшихъ вѣяній различить не можетъ; нерѣдко едва грамотный, газетъ онъ, разумѣется, не читаетъ и, предполагая, что сибирскіе порядки вполнѣ соотвѣтствуютъ новѣйшему «поднятію духа», не догадывается, что въ Петербургѣ мужичокъ до

исчезло уголовное дѣло о двухъ богатыхъ и вліятельныхъ коммерсантахъ, благодаря чему названные купцы оставлены лишь въ подозрѣніи.

извѣстной степени въ модѣ и что пріѣзжіе могутъ, такъ или иначе, заинтересоваться тѣмъ самымъ мужичкомъ, котораго онъ, въ качествѣ первобытнаго Держиморды, привыкъ обрабатывать, по сибирской простотѣ, безъ всякаго любезнаго заигрыванія.

Въ Сибири, гдѣ административная власть функціонируетъ съ бо̀льшимъ просторомъ, съ бо̀льшею независимостью, чѣмъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земство и гласный судъ, и гдѣ обыватель привыкъ считать законъ писаннымъ не для него, пріѣздъ новаго генералъ-губернатора будитъ во всѣхъ классахъ населенія новыя надежды. Каждый припоминаетъ обиды и несправедливости, и каждый простодушно увѣренъ, что въ рукахъ такого властнаго и могущественнаго лица есть тотъ магическій талисманъ, который возстановитъ правду, утретъ слезы и превратитъ маленькаго сатрапчика въ скромнаго общественнаго слугу. И если стоустая молва донесетъ извѣстія, что «новый» доступенъ и добръ, то такого «добраго» ждутъ въ каждомъ уголкѣ Сибири, какъ Мессію, повторяя съ трогательнымъ оптимизмомъ слова некрасовской Ненилы: «Вотъ пріѣдетъ баринъ!»

Буквально цѣлыя толпы народа идутъ на встрѣчу такого добраго начальника. Въ каждомъ захолустьѣ готовятся жалобныя прошенія. Жалобы эти—все тѣ же, которыя приносились сибиряками съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ Сибирь: это жалобы на самовластіе, произволъ и грабительство мѣстныхъ агентовъ. Разница между старыми временами и нынѣшними только та, что нынѣче можно жаловаться на исправниковъ безъ риска очутиться въ кандалахъ или быть сосланнымъ въ какую-нибудь архи-сибирскую трущобу, какъ прежде, и подвиги, вродѣ подвига извѣстнаго въ сибирскихъ лѣтописяхъ мѣщанина Саламатова *), уже не нужны.

«Какою волшебною силой человѣкъ, брошенный сюда, могъ вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ почти составомъ управленія, могъ одинъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуман-

*) Во время террора, наведеннаго на Сибирь управленіемъ Пестеля и Трескина, когда всякія жалобы перехватывались и жалобщикамъ грозили жестокія кары, иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ рѣшился пробраться въ Петербургъ и лично вручить доносъ Императору Александру I. Въ 1818 г. онъ добирается черезъ Китай, черезъ степи и лѣса, въ Петербургъ, подаетъ доносъ Государю и „проситъ приказать его убить, чтобъ избавить отъ тиранства Пестеля“.

ныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь—не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти? Скажутъ: законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ.

«Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ, и терпимость безпорядка, и злоупотребленія. Я могъ ихъ остановить, но не истребить; ихъ порядокъ, управленіе, краю сему не свойственный, остается тотъ же; исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ некѣмъ. Я не могу даже дать движенія суду надъ ними, ибо тѣ, кои должны судить, сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, принужденъ употреблять въ другой».

Такъ жаловался въ своихъ сибирскихъ письмахъ Сперанскій, и такія же сѣтованія повторялись и повторяются лучшими административными дѣятелями Сибири.

Такимъ образомъ, и теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вырисовывается съ достаточною выпуклостью неизмѣнное, при извѣстныхъ условіяхъ, явленіе: трагическое безсиліе самой, повидимому, широкой власти.

Представителямъ ея, въ лучшемъ случаѣ, остается заниматься только поверхностнымъ отправленіемъ дѣлъ, и Сибирь, съ ея «классическими дерзостями» и безобразіями архаическихъ временъ, служитъ внушительною иллюстраціей къ воплямъ журнальныхъ реакціонеровъ, рисующихъ дореформенные порядки въ идеальномъ свѣтѣ.

«На всякое зло у меня развязаны руки, а на добро я безсиленъ!»—писалъ въ 20 годахъ нѣмецъ Рупертъ, управлявшій Камчаткой.

То же сознаютъ и теперь умные сибирскіе администраторы и, поживъ въ Сибири годъ-другой, бѣгутъ изъ нея, убѣждаясь въ своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать при порядкѣ управленія, краю сему не свойственномъ, по выраженію Сперанскаго.

XII.

Постукивая съ однообразною равномѣрностью машиной, «Рейтернъ» ходко шелъ впередъ, дѣлая верстъ по 15 въ часъ. Не надо было и выбирать фарватера,—иди, гдѣ хочешь, полнымъ

ходомъ по широкимъ, многоводнымъ сибирскимъ рѣкамъ, особенно въ началѣ лѣта, когда большая вода затопляетъ лѣсистые берега, оставляя на поверхности свѣжую молодую зелень тальника и ивы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи за пароходомъ, на крѣпкомъ, натянувшемся буксирѣ, буравя и вспѣнивая острымъ носомъ воду, двигалась длинная, черная, мрачная арестантская баржа. Она казалась безлюдною на видъ. На палубѣ, кромѣ рулевыхъ да часоваго съ ружьемъ, ни души. Многочисленные невольные пассажиры этого плавучаго «мертваго дома», заключенные въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ подъ палубой, могли смотрѣть на кудрявые берега лишь въ небольшія окошечки съ желѣзными рѣшетками, пропускавшія мало воздуха и свѣта...

А погода была хорошая... Солнце грѣло по-лѣтнему, манило къ простору и волѣ, и, вѣроятно, ни одинъ арестантъ мечталъ въ это время о побѣгѣ.

Первые дни, берега рѣкъ, по которымъ мы плыли, давали по временамъ красивые пейзажи; особенно хорошъ былъ Иртышъ со своимъ утесистымъ правымъ берегомъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. И пустынное безлюдье не охватывало тоской. Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ и покажется на берегу либо русская деревня съ церковью, либо татарская съ покривившимся минаретомъ, либо рѣдкія еще здѣсь убогія остяцкія юрты.

Эти татарскія деревеньки вмѣстѣ съ часто попадающимися береговыми курганами — остатки когда-то грознаго и могучаго мусульманскаго царства, бывшаго на берегахъ Туры и Тобола... Съ каждымъ годомъ татарское населеніе, говорятъ, уменьшается, постепенно вымирая. Теперь въ Тюменскомъ округѣ татаръ не болѣе трехъ тысячъ; живутъ они рыболовствомъ, извозомъ, ямскою гоньбой; хлѣбопашествомъ занимаются мало.

Черезъ сутки съ небольшимъ, раннимъ утромъ, пароходъ подходитъ къ Тобольску, единственному, сколько-нибудь населенному городу на всемъ громадномъ разстояніи между Тюменью и Томскомъ. За Тобольскомъ вскорѣ начинается безлюдный, пустынный пріобскій край, теряющійся въ тундрахъ Ледовитаго океана; деревни и юрты будутъ попадаться все рѣже, а два попутные городка Сургутъ и Нарымъ, брошенные въ этой непривѣтной и мрачной пустыни,—захолустныя сибирскія дыры, называемыя городами единственно потому, что въ нихъ живутъ исправники.

Расположенный на правомъ нагорномъ берегу Иртыша, Тобольскъ издали казался красивымъ, чистенькимъ городкомъ, но эта иллюзія тотчасъ же разсѣялась, лишь только пароходъ подошелъ къ городу. Пароходъ долженъ былъ простоять въ Тобольскѣ около двухъ часовъ—принять запасъ дровъ и партію арестантовъ на баржу, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать кое-какія закупки по части провизіи (опытные люди предупреждали, что въ буфетѣ на сибирскомъ пароходѣ въ концѣ рейса иногда ничего нельзя получить), наскоро осмотрѣть старинный сибирскій городъ, считающій свое существованіе съ 1587 года, и взглянуть на памятникъ Ермаку, на кремль, построенный плѣнными шведами, и на пресловутый «ссыльный колоколъ,»—на эти три единственныя достопримѣчательности города, показать которыя наперерывъ предлагали извощики, пріѣхавшіе къ пристани въ ожиданіи любопытныхъ туристовъ.

Почти всѣ извощики были евреи. Меня поразило это обстоятельство. Оказалось, что въ Тобольскѣ особенно много ссыльныхъ евреевъ и они, въ числѣ прочихъ занятій, занимаются и извозомъ. Мой возница, молодой, рыжеволосый, съ типичною физіономіей еврей, объяснилъ мнѣ, что отецъ его былъ сосланъ и съ тѣхъ поръ вся ихъ семья живетъ здѣсь.

— Хорошо здѣсь жить?

— Какое житье! Городъ бѣдный... Только и есть, что чиновники да нѣсколько купцовъ побогаче, а то все голье...

— Чѣмъ же занимаются еще евреи?

— А всѣмъ, чѣмъ придется. У кого мастерство, кто въ извощикахъ, кто на базарѣ всякимъ «брахломъ» маклачитъ, кто при случаѣ и жиганитъ... У которыхъ деньги есть, подъ закладъ даютъ, только денежныхъ людей мало... Вовсе плохое здѣсь житье! Въ Россіи, говорятъ, лучше...

Часа было совершенно достаточно, чтобъ осмотрѣть этотъ неказистый, мертвенный и унылый сибирскій городъ, когда-то называвшійся столицей Сибири и долгое время бывшій резиденціей воеводъ, намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ. Любой изъ русскихъ губернскихъ городовъ—куда лучше. Особенно убога нижняя, подгорная часть города, расположенная въ болотистой мѣстности, среди тинистыхъ рѣченокъ, и заливаемая нерѣдко Иртышомъ. Тутъ, среди сырости и вони отъ сваленнаго навоза, рѣдко встрѣтишь сколько-нибудь изрядные дома. Въ неказистыхъ домишкахъ и покосившихся лачугахъ ютится бѣднѣй-

шая часть населенія: коренные обитатели—мѣщане, мелкіе чиновники, евреи. Въ этой же части города помѣщаются и учебныя заведенія.

Подпрыгивая, словно по клавишамъ, по трясущейся бревенчатой мостовой, проложенной на нѣкоторыхъ улицахъ, наша «гитара» («гитара» — излюбленный экипажъ въ сибирскихъ городахъ, гдѣ есть извощики) стала подниматься въ гору по широкому ущелью. Слѣва, на холмѣ, сверкали куполы церквей, бѣлѣли стѣны и башни кремля, виднѣлась красивая арка, а справа—зеленѣлъ садъ.

Остановились у сада.

Вошли въ запущенный городской садъ и скоро по аллеѣ дошли до небольшаго, не особенно изящнаго обелиска изъ сѣраго мрамора. Обошли кругомъ, прочли надпись: «Ермаку—покорителю Сибири», вспомнили поэтическія проклятія Некрасова, обращенныя къ этому завоевателю дальняго Востока, пошли изъ сада и поѣхали на другую сторону, гдѣ на высокомъ холмѣ расположены присутственныя мѣста, кремль, архіерейскій домъ и нѣсколько частныхъ зданій.

Сооруженія кремля, арка, соединяющая ихъ съ бывшимъ губернаторскимъ «дворцомъ», нынѣ занятомъ присутственными мѣстами, и архіейскій домъ,—вотъ и всѣ, сколько-нибудь замѣтныя постройки, да и этими постройками Тобольскъ обязанъ иностранцамъ—плѣннымъ шведамъ, попавшимъ въ Сибирь. Украшать городъ заставилъ ихъ знаменитый даже и въ сибирскихъ лѣтописяхъ сатрапъ-хищникъ, князь Гагаринъ, окончившій свои дни, какъ извѣстно, на висѣлицѣ за беззаконія, притѣсненія, взятки и, какъ гласитъ преданіе, за сепаратистическія стремленія.

Этотъ «экземпель», какъ выразился по поводу казни грозный царь Петръ, мало, однако, принесъ пользы. Не болѣе, какъ въ 1736 году, опять была казнь: казнили Жолобова, который «злохитростными вымыслами, изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе». Затѣмъ шелъ непрерывный рядъ подобныхъ же самовластныхъ и грабившихъ сибирскихъ сатраповъ. Князь Гагаринъ, по крайней мѣрѣ, оставилъ по себѣ память, какъ сдѣлавшій кое-что для Сибири и особенно для Тобольска. При немъ, между прочимъ, отведено устье Тобола, заведена первая латинская школа, устроенъ театръ.

Вблизи отъ архіерейскаго дома находится и другая тоболь-

ская достопримѣчательность—«ссыльный» колоколъ, надпись на которомъ (очевидно, поздняго происхожденія) гласитъ, что «сей колоколъ, въ которой били въ набатъ при убіеніи царевича Дмитрія 1593 года присланъ изъ Углича въ Сибирь».

Послѣ «ссыльнаго» колокола осматривать было нечего, и мы поѣхали къ пристани.

У пристани — оживленіе. Тобольская публика, несмотря на ранній часъ, собралась поглазѣть къ пароходу. Нѣсколько полицейскихъ чиновъ озабоченно ходили взадъ и впередъ, ожидая возвращенія генералъ-губернатора изъ города. Городовые щеголяли въ новыхъ мундирахъ.

По обѣимъ сторонамъ ближайшей къ пристани улицы расположились торговки и торговцы съ хлѣбомъ, молокомъ, колбасой, рыбой, и пассажиры гуляли между рядами, запасаясь всякимъ добромъ. Находящіяся по близости лавки и лавчонки гостепріимно раскрывали свои двери.

Въ двухъ бакалейныхъ лавкахъ, въ которыхъ пришлось побывать, хозяева были поляки. И среди торговавшихъ на улицѣ нерѣдко можно было слышать русскій говоръ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Это все бывшіе политическіе ссыльные. Сибирь была полна ими послѣ 1863 года: въ одномъ Тобольскѣ, напримѣръ, было, какъ мнѣ передавали, свыше трехъ тысячъ ссыльныхъ поляковъ. Амнистія дала возможность большинству возратиться на родину, но многіе и остались: одни не имѣли средствъ вернуться, другіе—боялись бросить насиженныя здѣсь мѣста. Многіе привыкли къ краю, обжились въ немъ, поженились на русскихъ, обзавелись семьями и теперь служатъ здѣсь, лечатъ, торгуютъ, занимаются ремеслами, содержатъ гостиницы, имѣютъ кабаки. Въ Тобольскѣ, говорятъ, поляковъ осталось особенно много.

Купивши консервовъ нельмы мѣстнаго производства, польскихъ булокъ и польскихъ колбасъ, я возвратился на пароходъ.

Арестантская баржа, которую мы видѣли въ отдаленіи, стояла теперь бортъ-о-бортъ съ пароходомъ, въ ожиданіи привода новой партіи.

Въ пространствѣ между крышей баржи и палубой, огороженномъ кругомъ толстою желѣзною рѣшеткой, толпились старики, молодые, женщины, дѣти. Это пространство, представляя собой громадныхъ размѣровъ желѣзную клѣтку, раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій; въ одномъ были люди въ арестантскомъ ко-

стюмѣ и въ кандалахъ, въ другомъ—безъ кандаловъ и въ своемъ платьѣ, въ третьемъ были семейные, которыхъ сопровождали жены и дѣти. Внизу, подъ палубой, жилое помѣщеніе и одиночныя камеры. Рубки, расположенныя по концамъ баржи, назначались, какъ мнѣ объяснили, для привилегированныхъ и для больныхъ. Для политическихъ есть особенное отдѣленіе; они были невидимы.

Арестанты стояли и сидѣли у рѣшетки, глазѣли на пароходъ и на «вольныхъ» людей, покупали у торговокъ хлѣбъ, подъ наблюденіемъ этапныхъ солдатъ, шутили, смѣялись, громко острили, по временамъ позвякивая ножными кандалами.

И какое разнообразіе племенныхъ типовъ и лицъ собрано было въ этой клѣткѣ съ разныхъ концовъ Россіи!

Тутъ и чистокровный, красивый кавказскій типъ горца, сурово, съ надменнымъ спокойствіемъ озирающаго своими большими темными глазами публику, и выдавшіяся скулы, узкіе разрѣзы глазъ и характерный носъ представителя монгольской расы, и мясистыя, широкія, добродушныя лица великоруссовъ рядомъ съ застывшею улыбкой на тупой, неподвижной физіономіи финской расы и, наконецъ, серьезно-вдумчивое выраженіе хохла.

Среди всѣхъ этихъ разноплеменныхъ представителей «преступнаго элемента» бросались, прежде всего, въ глаза типичныя, «звѣрскія» лица, съ низкими, узкими лбами, головами микроцефаловъ, съ тупыми взглядами изъ подлобья,—лица, напоминавшія первобытнаго человѣка-звѣря, дававшія, казалось, богатый матеріалъ скорѣй для психіатровъ, чѣмъ для прокуратуры, пославшей ихъ сюда на новыя преступленія. Встрѣчались даже характерно-отчаянныя физіономіи, полныя безшабашной, смѣющейся удали,—сверкающіе взгляды, рѣшительно сжатыя губы и сумрачно сдвинутыя брови; были и плутовато-умные, юркіе глазки на продувныхъ, измятыхъ лицахъ, напоминающихъ обитателей трущобъ и притоновъ большихъ городовъ. Но большинство, или, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ этихъ людей, имѣли самыя обыкновенныя, нехитрыя, простыя, нерѣдко добродушныя русскія лица, съ покорнымъ, нѣсколько приниженнымъ, но не унылымъ выраженіемъ,—такія, какія вы встрѣчали на каждомъ шагу въ народѣ, съ тою только разницей, что у всѣхъ почти пассажировъ баржи былъ блѣдно-сѣрый, съ землистымъ оттѣнкомъ, цвѣтъ лица, тотъ характерный арестантскій цвѣтъ, который неразлученъ съ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Присутствіе бабъ и дѣтей въ семейномъ отдѣленіи нѣсколько смягчало картину людскаго несчастія. И лица арестантовъ, бывшихъ въ этомъ отдѣленіи, казались спокойнѣе и добрѣе.

Вся обстановка имѣла смягчающій семейный характеръ, и еслибъ не видъ этой клѣтки, не эти сѣрыя пятна и блѣдныя лица, выдѣляющіяся среди пестрыхъ цвѣтныхъ сарафановъ и болѣе сравнительно здоровыхъ женскихъ и дѣтскихъ лицъ, то можно было бы подумать, что идутъ переселенцы. Мирныя сцены здѣсь напоминали обычныя жанровыя картинки домашней жизни. Тутъ смѣялись, давали дѣтямъ подзатыльники, вычесывали имъ головы, лакомились булками,—словомъ, жили точно такъ же, какъ и на волѣ. Но именно эта-то семейная обстановка рядомъ съ кандалами, эти безпечныя личики крошечныхъ дѣтей, выглядывавшихъ изъ-за рѣшетки, напоминая о контрастахъ, производили тяжелое впечатлѣніе.

Одна изъ такихъ обычныхъ семейныхъ сценъ неизгладимо врѣзалась въ моей памяти.

У самой рѣшетки сидѣлъ арестантъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, совсѣмъ мужицкой складки, съ добрымъ, простымъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ лицомъ. Онъ держалъ на одной рукѣ мальчугана, любопытно смотрящаго на пароходъ, и о чемъ-то ему разсказывалъ, показывая на трубу, изъ которой шелъ легкій дымокъ. Въ это время крошка-дѣвочка, сойдя съ рукъ молодой бабенки, подползла къ отцу и, весело смѣясь, стала теребить отцовскіе кандалы. Ее, очевидно, забавляли онѣ, но крошечныя ручонки были безсильны. И отецъ, обративъ вниманіе на дѣвочку, сталъ ее забавлять, позвякивая кандалами. Дѣвочка была въ восторгѣ. Арестантъ, любовно поглядывая на нее, улыбался и снова потряхивалъ кандалами.

Такія «идилліи» заставляли отворачиваться...

Палубные пассажиры, преимущественно переселенцы, передавали арестантамъ черезъ этапныхъ солдатъ копѣечки, булки и куски сахара. Кое-кто и изъ классныхъ пассажировъ, предпочтительно женщины, передавали свою лепту. Принимая приношеніе, арестанты крестились.

Тѣмъ временемъ изъ города привели партію и стали размѣщать на баржѣ. Партіонный офицеръ, докторъ, этапные солдаты—всѣ были въ новенькихъ мундирчикахъ, не то что обыкновенно. Скоро партія была размѣщена, раздались свистки, и пароходъ отвалилъ отъ пристани, на которой стояла толпа глазѣвшей

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

публики. Минутъ черезъ пятнадцать Тобольскъ скрылся за высокимъ берегомъ Иртыша.

По сравненію съ другими большими сибирскими рѣками, Иртышъ не особенно широкъ; за то онъ глубокъ и съ быстрымъ теченіемъ; ни мелей, ни перекатовъ на немъ нѣтъ. Правый его берегъ, крутой, обрывистый, поднимающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до значительной высоты, покрытый зеленью вѣковыхъ сосенъ, пихтъ и елей, густо нависшихъ надъ рѣкой, не лишенъ своеобразной, нѣсколько мрачной красоты дикаго величія. Лѣвый берегъ совсѣмъ низкій: затопленный тальникъ и пески, снова пески и тальникъ утомляютъ своимъ однообразіемъ. Изрѣдка, впрочемъ, рѣка вдругъ врывается въ сравнительно узкое пространство крутыхъ, высокихъ береговъ съ обѣихъ сторонъ, но такія мѣста рѣдки.

Песчаный правый берегъ Иртыша, подвергаясь подмыву, случается, обваливается, и эти обвалы или, какъ сибиряки говорятъ, «о́ползни», падая съ грохотомъ и шумомъ съ высоты въ воду, бываютъ причиной аварій и несчастій. Такое несчастіе именно случилось недѣли за три до нашего прохода. Верстахъ въ двухстахъ отъ устья Иртыша мы видѣли шкуну, лежащую безпомощно на боку въ пескахъ. Она проходила въ верстѣ отъ праваго берега какъ разъ въ моментъ обвала. Отъ паденія такой массы земли съ вѣковыми деревьями вода отпрянула отъ берега, образовавъ на рѣкѣ волненіе, и на столько сильное, что опрокинуло плоскодонную шкуну, бывшую, вѣроятно, безъ надлежащаго балласта, отбросивъ ее къ лѣвому берегу. Баржа съ грузомъ, которую вела на буксирѣ шкуна, выдержала волну и осталась невредима. Изъ экипажа и пассажировъ шкуны нѣсколько человѣкъ погибли въ рѣкѣ, нѣсколько были изувѣчены. День спустя послѣ катастрофы, на «Рейтернѣ», проходившемъ у этихъ мѣстъ, услыхали съ берега крики. Пароходъ остановился и забралъ людей, требовавшихъ помощи.

Чѣмъ выше поднимался къ сѣверу пароходъ, тѣмъ становилось безлюднѣе и пустыннѣе. Иртышъ становился шире, правый его берегъ понижался. Миновавъ Самарово, русское село близъ устья Иртыша, пароходъ вошелъ въ Обь, вступивъ въ угрюмую страну таежныхъ тундръ и лѣсовъ. Мы были въ громадной безлюдной пустынѣ пріобскаго края. Здѣсь мы поднялись до самаго сѣвернаго пункта нашего путешествія, переваливъ за 61° широты, и были, по сибирскому счету разстояній, не очень да-

леко отъ Ледовитаго океана, который и давалъ знать о своей близости холоднымъ, суровымъ дыханіемъ.

Войдя въ Обь, мы повернули и пошли вверхъ по рѣкѣ, постепенно уклоняясь къ юго-востоку.

XIII.

Трудно представить себѣ что-нибудь однообразнѣе и унылѣе этой широкой, разлившейся на необозримыя пространства, рѣки съ ея низкими, затопленными лѣсистыми берегами. Куда ни взглянешь, все та же безпредѣльная тайга по обѣ стороны. Эти тундры тянутся вплоть до Ледовитаго океана. Безлюдье полное. Рѣдко-рѣдко встрѣтится маленькая разбросанная кучка убогихъ остяцкихъ или самоѣдскихъ юртъ, да гдѣ-нибудь подъ берегомъ промелькнетъ душегубка-челнокъ съ «печальнымъ пасынкомъ природы»—самоѣдомъ или остякомъ-рыболовомъ. И опять въ теченіе дня ни одного строенія, ни единой души. Тайга да вода, вода да тайга, и масса комаровъ—«гнуса», какъ называютъ ихъ мѣстные жители.

И погода была какъ разъ подъ-стать этой постылой природѣ. Солнце выглядывало украдкой и грѣло скупо въ началѣ іюня. Мутныя свинцовыя облака низко повисли надъ свинцовою рѣкой. Рѣзкій холодный вѣтеръ съ близкаго сѣвера волновалъ рѣку, играя на ней серебристыми барашками, и напѣвалъ унылую пѣсню, качая верхушки прибережныхъ деревьевъ.

Становилось просто жутко. Тоска невольно охватывала пріѣзжаго человѣка. Неужели здѣсь можно жить?

Живутъ люди и въ этихъ проклятыхъ мѣстахъ (есть, впрочемъ, мѣста еще хуже, поближе къ Ледовитому океану, наприм., Вилюйскъ, Верхоянскъ). Преимущественно по притокамъ Оби, близъ «урмановъ» *), гдѣ больше водится звѣрь, разбросаны рѣдкія селенія аборигеновъ страны, несчастныхъ инородцевъ. Есть, кромѣ того, здѣсь и такъ называемые административные «центры», въ видѣ отчаянныхъ городишекъ, брошенныхъ въ эти трущобы. Въ подобныхъ, неизвѣстно для чего существующихъ, «центрахъ», вродѣ Сургута или Нарыма, кромѣ бурбонистаго исправника или засѣдателя да двухъ-трехъ чиновниковъ, вносящихъ свѣтъ цивилизаціи къ инородцу посредствомъ взятокъ,

*) Глухія лѣсныя трущобы здѣсь называются „урманами“.

живетъ нѣсколько сотенъ обывателей (потомковъ прежде поселенныхъ козаковъ) и уголовныхъ ссыльныхъ, десятокъ рыбопромышленниковъ и скупщиковъ пушнины — отчаянныхъ грабителей-кулаковъ, содѣйствующихъ всѣми силами вымиранію инородцевъ и уничтоженію звѣря и рыбы, и обязательно нѣсколько человѣкъ не-уголовныхъ ссыльныхъ. Безъ десятка-другаго такихъ невольныхъ туристовъ немыслима никакая сибирская дыра, и чѣмъ она трущобистѣе и отдаленнѣе, тѣмъ больше шансовъ встрѣтить въ ней нѣсколькихъ подобныхъ молодыхъ людей «безъ опредѣленныхъ занятій».

— Что же они тамъ дѣлаютъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивался послѣ того, какъ мы миновали Сургутъ, захолустный городишка, брошенный въ обскихъ тундрахъ (подъ 61° 14′ и 90° 50′ долготы) и отрѣзанный зимой отъ Божьяго міра. Объ этомъ «центрѣ» мы слышали отъ бывавшихъ тамъ людей, самого же его не видали, такъ какъ къ самому Сургуту, построенному не на Оби, а на притокѣ ея, рѣчкѣ Бардаковкѣ, пароходы не подходятъ. Пароходная пристань находится верстахъ въ десяти отъ городка.

Въ числѣ пассажировъ нашелся одинъ, который могъ дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ на заданный вопросъ. Это былъ господинъ лѣтъ за сорокъ, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, возвращавшійся изъ Нижняго, куда онъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Спеціально «купеческаго» не было ничего ни въ его манерѣ, ни въ его рѣчи,—и фигура, и разговоръ обличали интеллигентнаго человѣка. Оказалось, что онъ случайный сибирскій житель. Попалъ онъ въ Сибирь въ 1865 году, двадцати лѣтъ отъ роду, со втораго курса университета, замѣшанный въ какое-то политическое дѣло, и, въ качествѣ молодаго человѣка безъ опредѣленныхъ занятій, живалъ во многихъ сибирскихъ дырахъ, передвигаясь постепенно съ дальняго востока на западъ. Затѣмъ, когда по манифесту ему были возвращены всѣ права, онъ получилъ опредѣленныя занятія въ одномъ сибирскомъ торговомъ домѣ. Семья помѣшала ему возвратиться въ Россію.

Вотъ этотъ-то свѣдущій человѣкъ, сохранившій, несмотря на многія испытанія судьбы, не только бодрость духа и здоровье, но и веселость характера, жилъ, между прочимъ, года три и въ Нарымѣ, который, по его словамъ, еще хуже Сургута.

— Жутко приходилось,—разсказывалъ онъ.—Общества ни-

какого, занятій въ Нарымѣ никакихъ пріискать нельзя,—какія тамъ могутъ быть занятія?

— И что же вы дѣлали?

— Да ничего не дѣлалъ. Ходилъ на рѣку, ѣздилъ на рыбную ловлю, изучалъ бытъ остяковъ, кое-что почитывалъ, коли попадались книжки... Бывалъ на именинахъ у мѣстныхъ тузовъ изъ купцовъ и обязательно съ ними пьянствовалъ. Засѣдатель еще, по счастію, человѣкоподобный попался, хотя и пилъ запоемъ, но безъ толку не отравлялъ жизни; а вообразите себя въ такомъ захолустьѣ да въ полной зависимости отъ какого-нибудь пьянаго, еле грамотнаго, глупаго звѣря, воображающаго, что его задача состоитъ въ томъ, чтобы доканать человѣка безсмысленными придирками. А, вѣдь, и такіе попадались... Мы были со своимъ начальствомъ, впрочемъ, въ отличныхъ отношеніяхъ... Вдобавокъ, онъ во мнѣ нуждался...

— Какъ такъ?—заинтересовался я.

— А я за него писалъ годовые отчеты по управленію Нарымскимъ краемъ. Какъ, бывало, наступитъ время посылать въ губернскій городъ матеріалъ для составленія общаго отчета по губерніи, мое начальство ко мнѣ... Плохъ онъ былъ въ грамотѣ...

— Какъ, вы, ссыльный, писали административные отчеты?—расхохотался я.

— Это здѣсь не рѣдкость! Иной исправникъ совсѣмъ не умѣетъ связать нѣсколькихъ предложеній, а отчета требуютъ... Кто-жь напишетъ, коли въ какомъ-нибудь сибирскомъ городкѣ иногда нѣтъ ни одного, буквально ни одного грамотнаго человѣка? Ну, и проситъ помочь случайнаго грамотнаго жителя... Въ наше время и обыватели не сторонились и вообще какъ-то мирнѣе было.

— А послѣ развѣ хуже стало?

— Больше безполезныхъ придирокъ... Ну, куда, скажите вы, убѣжите изъ какого-нибудь Нарыма?... А бываютъ такіе начальники, которые не пускаютъ васъ за городъ... И обыватель, подъ давленіемъ такого начальства, обѣгаетъ... никакого занятія не даетъ и въ большомъ городѣ, гдѣ есть возможность что-нибудь заработать. И живи, какъ знаешь, на шесть рублей мѣсячнаго казеннаго пособія... Шибко бѣдуютъ... Уроковъ давать нельзя, практиковать врачу нельзя... Одинъ вотъ пріѣхалъ съ женой въ Тюкалу, такъ сталъ вывѣски писать... Другой

стекла вставлялъ... Такъ много ли вывѣсокъ-то всѣхъ въ Тюкалѣ?

— Это вы про политическихъ?—вступилъ въ разговоръ бывшій тутъ ех-исправникъ.—Ахъ, я вамъ доложу, господа, чистая бѣда съ ними... Съ одной стороны боишься, какъ бы изъ-за нихъ въ отвѣтѣ не быть, съ другой—опять видишь, что человѣку, что называется, ни тпру, ни ну... Вотъ тутъ и разводи бобами... Да вотъ въ Нижне-Илимскѣ былъ случай... Жилъ тамъ на покаяніи молодой докторъ одинъ, съ женой. Такъ, бывало, пойдутъ на рѣку да съ удочками и сидятъ. Тѣмъ только и поддерживали себя... А какъ нарочно въ ту пору народъ шибко мёръ, тифы да скарлатины, да дифтериты, а на цѣлый округъ одинъ врачъ, котораго и съ собаками не сыщешь. Зовутъ люди этого самаго рыболова-доктора, а онъ не смѣетъ подать помощь, потому что не дозволено... Пріѣхалъ я и вижу, что дѣлать нечего... Разрѣшить не разрѣшилъ, а такъ, знаете ли, на словахъ говорю: «Лечите, молъ, коли хотите, но въ случаѣ чего... я не разрѣшалъ...» Смѣется и обрадовался... Сталъ лечить народъ и вздохнулъ,—видитъ, что помощь есть... Да только блажной какой-то былъ этотъ докторъ... Большой чудакъ...

— А что?

— Да какъ же?... Могъ бы онъ въ тѣ поры деньги заработать, всякій охотно бы ему платилъ, а онъ лечилъ даромъ... Только съ подвальнаго да съ богатыхъ и бралъ плату... Много ли съ такихъ наберешь?... Послѣ какъ отбылъ свой пятилѣтній терминъ и сталъ въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ гражданиномъ, выѣхать-то и не на что... Такъ и остался въ Сибири, мѣсто городоваго врача въ какомъ-то городишкѣ, слышалъ я, получилъ...

Много еще интереснаго разсказывали свѣдущіе люди о жизни случайныхъ гостей въ Сибири, но передавать эти разсказы не стану.

Черезъ недѣлю этого однообразнаго плаванія съ остановками у пустынныхъ береговъ для пополненія запаса дровъ, пароходъ подошелъ къ нарымской пристани. Самый Нарымъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

На песчаномъ берегу островка было нѣсколько построекъ: маленькій домикъ для пассажировъ, пекарня для заготовки хлѣба на арестантскую баржу и лавчонка. На берегу собрались мѣст-

ные жители съ молокомъ, яйцами, хлѣбомъ и просто въ качествѣ любопытныхъ зрителей. Двѣ дамы въ шляпкахъ и съ зонтиками въ рукахъ, очевидно, принадлежали къ нарымской аристократіи.

Нѣсколько остяковъ и остячекъ сидѣли на бревнахъ и апатично глядѣли на пароходъ. Другіе подъѣхали на своихъ челнокахъ съ рыбой. Дешевизна рыбы (маленькія порціонныя стерлядки, напримѣръ, продавались по семи, восьми копѣекъ) поражала пассажировъ, особенно петербуржцевъ.

Я подошелъ къ группѣ остяковъ и заговорилъ съ ними. Только одинъ изъ нихъ могъ отвѣтить по-русски, да и то съ грѣхомъ пополамъ, мѣшая русскія слова съ остяцкими.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ остяки. Вообразите себѣ маленькую, неуклюжую фигуру, плоское, темно-желтое лицо, узкіе гноящіеся глазки и шапку нечесанныхъ, жесткихъ, черныхъ волосъ на головѣ. Выраженіе лица покорно-тупое. Я наблюдалъ одного остяка. Въ продолженіе четверти часа онъ сидѣлъ неподвижно, безсмысленно устремивъ глаза въ одну точку. Одѣты они были въ рубахахъ и портахъ изъ самаго грубаго холста... Ни сапогъ, ни шапокъ ни у кого не было.

И мѣстная статистика, и свидѣтельства наблюдателей единогласно подтверждаютъ фактъ постепеннаго вымиранія этого полудикаго народца финскаго племени. Сифилисъ и разныя эпидеміи и грубая эксплуатація, доводящая до нищеты, губятъ ихъ. Помощи они ни откуда не имѣютъ. Въ Нарымскомъ краѣ, площадь котораго занимаетъ 300 верстъ по Оби и 2,000 верстъ съ запада на востокъ, всего одинъ врачъ. Сообщенія примитивныя: лѣтомъ—на лодкахъ, а зимой—на саняхъ на весьма ограниченномъ протяженіи, главнымъ же образомъ—на лыжахъ. Понятно, что медицинская помощь безсильна. Не рѣдки случаи и голодовокъ. «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, какъ остяки Сургутскаго округа подвергаются самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ. Рыбные и звѣриные промыслы у нихъ съ каждымъ годомъ дѣлаются все хуже и хуже, а хлѣбъ дорожаетъ. Остяки впали въ крайнюю нищету; между ними появился голодъ. Разсказываютъ, что года четыре или пять тому назадъ среди умиравшихъ отъ голода остяковъ дѣло доходило до *людоѣдства*. Кто былъ посильнѣй, тотъ хваталъ слабѣйшаго, убивалъ его и съѣдалъ. Въ нынѣшнемъ году въ сравнительно короткое время изъ ваховскихъ и другихъ остяковъ умерло отъ голода, по однимъ разсказамъ—40, по другимъ—до 70 душъ. Все это происходило въ виду ка-

зенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, устроенныхъ въ центрѣ остяцкихъ поселеній» *).

Въ поясненіе этого надо замѣтить, что остяки, звѣроловы и рыболовы по преимуществу, не занимаются хлѣбопашествомъ, да и въ томъ краѣ мало удобныхъ для того мѣстъ. Для продовольствія инородцевъ устроены хлѣбные магазины, изъ которыхъ должна отпускаться мука за деньги, а иногда и въ долгъ, по дешевой цѣнѣ. Мѣра эта, повидимому, и разумная, не достигаетъ цѣли. Завѣдующіе этими магазинами вахтера, бо́льшею частью изъ мѣстныхъ козаковъ, дѣлаютъ возмутительныя злоупотребленія, вступая въ стачку съ частными торговцами мукой. Они продаютъ имъ всю казенную муку, записывая ее проданной инородцамъ, и эти послѣдніе должны по-неволѣ покупать муку и соль у мѣстныхъ русскихъ кулаковъ по болѣе дорогой цѣнѣ.

Рыболовство, чѣмъ прежде свободно занимался исключительно для себя инородецъ, давно уже перешло въ руки русскихъ кулаковъ - промышленниковъ, завладѣвшихъ насиліемъ и обманомъ лучшими «песками» на Оби, принадлежащими остякамъ. По свидѣтельству людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ, эксплуатація инородцевъ является въ грубѣйшей, возмутительной формѣ. То же самое продѣлывается и звѣроловами. За тяжкій промыселъ въ глухихъ урманахъ, гдѣ инородецъ, въ поискахъ бѣлки, медвѣдя и лисицы, рискуетъ ежеминутно жизнью, вознаграждается, разумѣется, не промышленникъ, а скупщикъ-кулакъ, у котораго инородецъ всегда въ долгу. Спаиваніе водкой играетъ не малую роль при этомъ **).

Остяки оффиціально христіане, но въ дѣйствительности язычники, исповѣдующіе культъ грубаго фетишизма. Они поклоняются идоламъ, обоготворяютъ камни. Идолы ихъ—грубыя человѣкоподобныя фигуры, сдѣланныя изъ дерева. Въ старое время, говорятъ, находили идоловъ, сдѣланныхъ изъ мѣди и даже изъ золота. Остяки скрываютъ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ тайги своихъ идоловъ, боясь, чтобы не провѣдали русскіе и не обворовали ихъ, такъ какъ остяки приносятъ жертвы и деньгами.

По словамъ людей, наблюдавшихъ остяковъ, они честны, во-

---

*) Корреспонденція изъ Сургута (*Петерб. Газета* 1885 г.).

**) О промыслахъ въ Нарымскомъ краѣ есть прекрасно составленный очеркъ г. Б. Шестаковича въ *Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества* за 1884 годъ, а о положеніи промысловыхъ рабочихъ можно найти интересныя свѣдѣнія въ *Сибирской Газетѣ* (1884 и 1885 гг.). и *Сибирскомъ Вѣстникѣ* (1885 г.).

ровство у нихъ почти неизвѣстно. Ихъ покорно-забитый видъ, тупость выраженія не должны, однако, свидѣтельствовать объ отсутствіи умственныхъ способностей. Они, правда, умственно неподвижны, но инородецъ-звѣроловъ нерѣдко выказываетъ не мало смѣтливости и находчивости. Они скрытны и неохотно высказываются; русскихъ недолюбливаютъ. Живутъ они бѣдно и грязно. Въ ѣдѣ не разборчивы: остякъ ѣстъ и рыбу, и мясо въ сыромъ видѣ, не прочь и отъ крысъ.

«Когда рѣжутъ оленя—въ остяцкихъ селеніяхъ торжественное событіе. Группа остяковъ окружаетъ только что зарѣзанное животное, и лишь его освободятъ отъ верхнихъ покрововъ, какъ остяки, живо работая острыми ножами, глотаютъ, кусокъ за кускомъ, теплое сырое мясо, мокая его въ кровь или запивая ею».

Такъ описываетъ остяцкую пирушку г. Павловъ, авторъ небольшой, не лишенной интересныхъ свѣдѣній книги: *3,000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири*, изданной въ 1878 году въ Тюмени. По словамъ того же автора, лучшее лакомство остяковъ—кишки бѣлокъ, наполненныя орѣхами. Онѣ ѣдятся остяками съ величайшимъ наслажденіемъ.

Сколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ имѣется весьма мало обстоятельныхъ работъ о бытѣ остяковъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Очень жаль, что ученыя общества не посылаютъ сюда солидныхъ изслѣдователей. Пройдетъ время, и, пожалуй, остякъ исчезнетъ съ лица земли.

XIV.

На девятый день мы вошли въ Томь. До Томска уже было не далеко. Пассажиры обрадовались: такъ надоѣли имъ однообразное плаванье и обычная пароходная жизнь; всѣмъ, какъ колумбовымъ спутникамъ, хотѣлось «берега».

Пристать мы должны были не къ самому Томску,—къ городу пароходъ подходитъ только весною,—а къ Черемошину, селенію, верстахъ въ шести отъ города. Тамъ пароходная пристань и тамъ же бараки для переселенцевъ.

Уже пристань была въ виду, какъ нашъ пароходъ сталъ на мель. Провозившись съ добрый часъ, сгрузили часть груза на подошедшія лодки, и только тогда снова двинулись и, наконецъ, подошли къ пристани.

Черезъ полчаса на двухъ извощикахъ, въ сопровожденіи двухъ

телѣгъ съ багажомъ, мы отправились въ столицу Западной Сибири. Расположенный на холмистой поверхности, окаймленный зеленѣющими лѣсами, сверкавшій куполами своихъ церквей подъ лучами заходящаго солнца, Томскъ издалека казался привлекательнымъ городомъ, и мы всѣ нетерпѣливо ждали города, заранѣе предвкушая удовольствіе хорошо выспаться на твердой землѣ послѣ закуски и чая.

Но, увы! телѣги съ багажомъ, которыя мы конвоировали, не позволяли намъ двинуться съ приличною скоростью, вдобавокъ, и эти дрожки-гитары, попавшіяся намъ, заставляли удерживать усердіе возницъ изъ боязни потерять маленькихъ пассажировъ, еще не приспособившихся къ балансированію на этихъ неудобныхъ орудіяхъ передвиженія.

Наконецъ, показались строенія, довольно плохенькія. Вотъ и улица, не мощеная, съ деревянными мостками по бокамъ, вмѣсто тротуаровъ, съ низенькими невзрачными деревянными домами. Мои маленькія спутницы почему-то вообразили, что мы не въ городѣ еще, а въ предмѣстьи, и нетерпѣливо спрашиваютъ извощика: «скоро ли городъ?» Оказалось, что мы не только въ «самомъ Томскѣ», но даже на главной улицѣ. Я утѣшалъ, что дальше городъ будетъ лучше, но мы ѣхали дальше, а городъ все красивѣй не дѣлался.

Наконецъ, нашъ поѣздъ остановился у единственной томской гостиницы. «Ни одного нумера! Все, что было, занято подъ генералъ-губернатора!»—сообщилъ намъ выбѣжавшій лакей. Повернули и поѣхали въ номера Войцеховскаго. «Былъ одинъ нумеръ, преотличный, да только что заняли!»—утѣшили насъ и тамъ.

Нашъ кортежъ (двѣ телѣги впереди и двѣ «гитары» позади) направился, по совѣту извощиковъ, на постоялый дворъ. Подъѣхали къ воротамъ. Вхожу на грязный «постоялый дворъ». Меня встрѣчаетъ сама хозяйка, нѣсколько смахивающая на вѣдьму, первымъ дѣломъ спрашиваетъ: «чьи вы будете?» и уже потомъ говоритъ, что у нея есть лишь одна свободная комната. Осматриваю: комнатка крохотная, кровать безъ тюфяка, грязь образцовая. Предлагаетъ еще корридорчикъ на ночь («спокойный корридорчикъ») и снова, пріятно оскаливая зубы, спрашиваетъ: «чьи вы будете и зачѣмъ пріѣхали?»

Отвѣтивъ ей, что я прибылъ въ Томскъ для того, чтобы открыть хорошій постоялый дворъ, и повергнувъ ее въ недоумѣніе, я вышелъ за ворота и устроилъ съ извощиками маленькое

совѣщаніе, куда теперь направиться? Въ этомъ митингѣ приняли участіе и двое прохожихъ, вмѣшавшіеся въ наше дѣло, но ничего путнаго не присовѣтовавшіе.

Рѣшили ѣхать на другой постоялый дворъ. «Тамъ хоть и не очень чтобы чисто, а вѣрно нумера есть!»—совѣтовали оба извощика, выражаясь объ этомъ дворѣ съ видимою осторожностью.

Тронулись. Опять ѣдемъ по той же улицѣ (мы ее въ этотъ вечеръ основательно изучили), доставляя скучавшимъ томичамъ даровой спектакль. А маленькія наши спутницы уже начинаютъ зябнуть въ своихъ лѣтнихъ ватерпруфчикахъ, пробывъ часа два, если не всѣ три, на воздухѣ, который въ этотъ вечеръ не отличался теплотой. Уже начинаетъ темнѣть, когда нашъ поѣздъ остановился у постоялаго двора въ одной изъ боковыхъ улицъ. И тамъ ничего нѣтъ. Все занято извощиками-обозниками.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько смутилъ насъ. Не ночевать же на улицѣ! Совѣтуютъ ѣхать на третій постоялый дворъ въ одной изъ большихъ улицъ. Снова выѣхали на злополучную большую улицу. Всѣ молчаливы и смущены, какъ вдругъ изъ воротъ одного дома насъ поманили.

«Стой!» Остановились.

Какой-то черкесъ подошелъ и сказалъ, что въ этомъ домѣ есть комнаты, можно пристать. Оказалось, что этотъ черкесъ (изъ ссыльныхъ, конечно) былъ кучеромъ и дворникомъ.

Я уже не осматривалъ комнатъ, а мы всѣ прямо пошли въ домъ. Любезная и милая хозяйка провела насъ въ двѣ маленькія комнатки и обѣщала устроить насъ. Не прошло и четверти часа, какъ ужь на столѣ шумѣлъ пузатый самоваръ, появились булки, масло и сливки и, затѣмъ, внесли блюдо жареной телятины. Мы имѣли не только пристанище, но и отличный ужинъ.

Спасибо милой сибирячкѣ! Она насъ дѣйствительно устроила и призрѣла въ этотъ злополучный вечеръ нашего пріѣзда въ Томскъ съ радушіемъ и вниманіемъ, оставившимъ самое пріятное воспоминаніе.

О Томскѣ когда-нибудь въ другой разъ.

Л. Нельминъ *(псевдонимъ).*

Письма И. С. Тургенева къ К. Н. Леонтьеву.

(1851—1876 гг.).

С. Спасское,
12 іюня 1851 г.

Милостивый Государь

Константинъ Николаевичъ.

Я получилъ ваше письмо и посылку вчера и, видите, не замедлилъ отвѣтомъ. Вы не почли нужнымъ, какъ вы говорите, «разсыпàться въ изъявленіяхъ благодарности»—я, съ своей стороны, избавлю и васъ отъ увѣреній въ искреннемъ моемъ участіи къ вашему таланту; лучшимъ доказательствомъ этого участія послужитъ подробность и добросовѣстность моихъ замѣтокъ.

Начнемъ съ вашихъ гекзаметровъ. Прилагаю ихъ къ этому письму вмѣстѣ съ таблицей всѣхъ чисто-метрическихъ ошибокъ, найденныхъ мною въ вашихъ стихахъ. Вы извините за откровенность: вы до сихъ поръ не имѣли точнаго понятія о гекзаметрѣ. Но это не должно васъ опечалить; вы владѣете языкомъ, выраженія ваши живы и счастливы — овладѣть размѣромъ вамъ будетъ очень легко. Позвольте сообщить вамъ нѣсколько замѣчаній о гекзаметрѣ, которыя, я надѣюсь, не будутъ вамъ безполезны, и не взыщите за наставническій тонъ.

Гекзаметръ состоитъ изъ *шести* стопъ, *пяти* трехсложныхъ, въ которыхъ первый слогъ долгій, а вторые два короткихъ, и *одной* окончательной, усѣченной стопы, состоящей изъ одного долгаго и одного коротнаго слога. Вотъ его форма:

1	2	3	4	5	6
—— ᴗᴗ	—— ᴗᴗ	—— ᴗᴗ	—— ᴗᴗ	—— ᴗᴗ	——ᴗ
Жилъ былъ са	*довникъ* о	*динъ* въ опу	*стѣломъ* и	*грустномъ* и	*мѣньи.*

Эта форма представляетъ *полный* гекзаметръ. Греки, изобрѣтшіе этотъ размѣръ, замѣняли часто въ одной, иногда въ двухъ, иногда во всѣхъ стопахъ, *исключая пятой, которая всегда оставалась полной*, и послѣдней, *шестой*, усѣченной, *которая тоже никогда не измѣнялась*,—замѣняли, говорю, короткіе два слога однимъ длиннымъ *), что придавало большое разнообразіе и гибкость этому размѣру. Повторяю, *пятая* стопа и *послѣдняя* никогда не измѣнялись; онѣ-то придаютъ гекзаметру его характеръ, и потому оканчивать стихъ *мужскою* риѳмой, слогомъ съ удареніемъ, какъ вы это дѣлали, наприм., въ полустишьи: Яковъ садовникъ хранѝлъ, — совершенно противно всѣмъ правиламъ и превращаетъ *гекзаметръ* въ *пентаметръ*.

Далѣе, новѣйшимъ народамъ, перенявшимъ гекзаметры у грековъ, предстояло большое затрудненіе. Не имѣя, какъ греки, *количественно*-долгихъ и короткихъ слоговъ, *независимо отъ удареній*, имѣя *только ударенія*, они, по-настоящему, могли ввести у себя только *полный гекзаметръ*, замѣнивъ первый долгій слогъ каждой стопы слогомъ съ удареніемъ:

— ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡.

Но, чувствуя однообразіе этой формы, нѣмцы первые рѣшились по мѣрѣ возможности замѣнять два короткіе слога однимъ долгимъ или, говоря точнѣе, слогомъ съ удареніемъ, т.-е. вмѣсто — ◡◡, ставить — —. Они это сдѣлали не соображаясь съ какими-нибудь произвольными, придуманными законами, не идущими къ ихъ языку (извѣстно, что у грековъ *постоянные* законы опредѣляютъ долготу слога), но съ ухомъ, съ мѣрой и духомъ, можно сказать, съ музыкой языка. Главная задача состояла въ томъ, чтобы читатель, не затрудняясь, тотчасъ прочелъ *измѣненный* гекзаметръ такъ, какимъ его сочи-

*) Напр., у нихъ безпрестанно встрѣчаются такіе гекзаметры:

	1	2	3	4	5		
	— —	— ◡◡	— —	— ◡◡	— ◡◡	— ◡	
или:	— ◡◡	— —	— —	— ◡◡	— ◡◡	— ◡	
или:	— —	— —	— ◡◡	— —	— ◡◡	— ◡	
или:	— —	— —	— ◡◡	— ◡◡	— ◡◡	— ◡	
или даже:	— —	— —	— —	— —	— ◡◡	— ◡	и т. д.

нилъ поэтъ, и эта задача была достигнута, эта попытка въ рукахъ талантливыхъ людей удалась; но надо имѣть талантъ и ухо, чтобы чувствовать, *гдѣ* именно возможно нарушить однообразіе полнаго гекзаметра введеніемъ длиннаго слога, вмѣсто двухъ короткихъ. Вы сами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень удачно это сдѣлали. Ни одинъ читатель не запнется, какъ прочесть слѣдующій вашъ стихъ:

1	2	3	4	5	6
— ∪ ∪	— ∪	— ∪	— —	— ∪ ∪	—
Только и	было, что	пять; од	на надъ	*пру́домъ* въ де	ревнѣ *),

въ которомъ у васъ двѣ стопы среди, 3-я и 4-я состоятъ изъ двухъ долгихъ слоговъ,—или этотъ стихъ:

1	2	3	4	5	6
— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— —	— ∪ ∪	— ∪
Жизнью ки	пящихъ, счас	тливыхъ и	сильныхъ,	*злою* на	смѣшкой,

въ которомъ у васъ 4-я стопа состоитъ изъ долгихъ.

Воейковъ въ слѣдующемъ гекземетрѣ:

1	2	3	4	5	6
— —	— ∪ ∪	— —	— ∪∪	— ∪ ∪	— ∪
Здѣсь сквозь	доски по	ла визж	итъ, зацѣ	пляясь зу	бами,

Гнѣдичъ въ переводѣ *Иліады* часто весьма удачно измѣняли полную форму. Очень жаль, что Жуковскій не понадѣялся на свое умѣнье владѣть стихомъ и всю *Одиссею* перевелъ полными гектаметрами, что̀ производитъ утомительное однообразіе и стукотню. Конечно, оно легче, удобнѣе и положимъ даже правильнѣе, но, повторяю, лучше тогда совсѣмъ бросить этотъ размѣръ. Только, разумѣется, надобно умѣючи вводить долгіе слоги (правильнѣе, слоги съ удареніемъ, потому что количественно-долгихъ слоговъ въ новѣйшихъ языкахъ нѣтъ, но мы для краткости будемъ ихъ называть долгими). Правила, какъ это дѣлать, предписать невозможно, но нѣкоторые намеки могутъ быть даны:

а) Никогда не должно превращать въ долгій слогъ незначительную частицу или незначительный слогъ въ словѣ, на которыхъ неестественно остановиться, какъ вы это сдѣлали въ 55-мъ стихѣ:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ ——— ∪ ∪ — ∪

Думать должно̀, что заглохъ онъ отъ неухода и чащи,

что̀ ужасно деретъ слухъ.

---

*) Полный гекзаметръ былъ бы слѣдующій:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪

Только и было, что тридцать; одна надъ рѣкою въ деревнѣ.

b) Также надобно наблюдать, *чтобы первый долгій слогъ стопы*, слѣдующей за стопой, превращенной въ долгую (— —), былъ не частица или незначительный слогъ, какъ, напр., у васъ въ 60-мъ стихѣ:

— ∪∪ — ∪ ∪— — — ∪ ∪—∪∪ — ∪

Темную кровлю казалъ, какъ бы наблюдая тихонько,

гдѣ послѣ продолженной стопы — залъ какъ — читатель принужденъ сдѣлать удареніе на *бы*, что неестественно.

c) Должно стараться, чтобы продолженный слогъ—слогъ, представляющій собою два короткихъ слога, имѣлъ либо *значеніе* въ стихѣ, какъ, напр. (см. выше),

— ∪ ∪ — ∪ ∪ —

Только и было, что *пять* и т. д.,

либо, чтобы за нимъ слѣдовалъ знакъ препинанія, что̀ позволяетъ голосу остановиться, какъ, напр.:

— ∪ ∪— ∪ ∪ — ∪ ∪—— —∪∪ — ∪

Ягодъ багровыхъ пучки выставляла. Ландышей скроиныхъ

Но, повторяю, правила для употребленія этой вольности должны находиться въ ухѣ поэта, и если вы на свое ухо не надѣетесь, пишите, такъ и быть, исключительно полными гекзаметрами. Но гдѣ больше труда—больше и чести *).

Что же касается собственно-поэтическаго достоинства отрывка, то онъ свѣжъ и картиненъ. Не могу, однако, не замѣтить, что «младые прогрессисты» въ 90-мъ стихѣ непріятно поражаютъ слухъ и что не худо бы вамъ отвыкнуть отъ такихъ оборотовъ, какъ, напр.: «кленъ-то не шибко здѣсь росъ по себѣ», что̀ я, помнится, называлъ вамъ любезничаньемъ и что̀ вовсе не идетъ къ вашему ясному и спокойному поэтическому взгляду. Еще замѣчу вамъ, что ревенемъ, точно, пахнетъ тополь, только не серебристый. Но мнѣ весьма было бы пріятно знать, что вы продолжаете вашу поэму, соображаясь съ метрическими правилами, а метрическія правила соблюдать такъ легко, что, право, не стоитъ нарушеніемъ ихъ вредить впечатлѣнію читателя.

Я такъ подробно распространился о вашихъ гекзаметрахъ, что не имѣю болѣе времени говорить какъ бы слѣдовало о вашей комедіи. Я третье дѣйствіе прочелъ со вниманіемъ; оно не перемѣнило моего прежняго мнѣнія: это сюжетъ, не гово-

*) Въ подлинникѣ слѣдуютъ подробныя указанія на метрическія ошибки въ произведеніи К. Н. Леонтьева.

рю сценическій, но анти-драматическій; интересъ въ немъ даже не психологическій, а патологическій. Но со всѣмъ тѣмъ это вещь замѣчательная и оригинальная. Я исполню всѣ ваши порученія — пошлю вашу комедію къ Краевскому съ письмомъ къ Дудышкину, критику *О. З.*; но я объ этомъ еще поговорю съ вами въ другомъ письмѣ, въ которомъ я выскажу вамъ все мое мнѣніе о вашемъ произведеніи. Я надѣюсь, что въ августѣ мѣсяцѣ вы непремѣнно будете имѣть деньги.

Пока будьте здоровы, работайте. Смѣю думать, что вы теперь не сомнѣваетесь въ желаніи моемъ быть по мѣрѣ силъ полезнымъ вамъ и вашему таланту; надѣюсь, что современемъ къ чувству литературной симпатіи прибавится другое, болѣе теплое—личное расположеніе. Желаю вамъ всего хорошаго.

Вашъ покорный слуга

Иванъ Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
$^{3}/_{15}$ декабря 1851 г.,
понедѣльникъ.

Я имѣю сообщить вамъ непріятную новость, любезный Константинъ Николаевичъ: комедія ваша запрещена цензурой отъ перваго слова до послѣдняго. Я этого, признаюсь, никакъ не предвидѣлъ, хотя я и думалъ, что ее пощиплютъ. Я надняхъ получу ее обратно отъ Краевскаго и буду ждать дальнѣйшихъ вашихъ распоряженій на ея счетъ. Мнѣ очень досадно, что вы съ перваго же шагу на литературномъ поприщѣ наткнулись на препятствія; но это не должно лишать васъ бодрости: порядочный человѣкъ тутъ-то и долженъ показать себя; въ такихъ случаяхъ позволяется не апатія, а озлобленіе. Я вамъ даже долженъ сказать, что, слѣдуя правилу по мѣрѣ возможности извлекать добро изъ худа, я съ нѣкоторой стороны не совсѣмъ огорченъ этою неудачей. Ваша комедія прекрасная вещь, но въ томъ, что̀ вы мнѣ показывали, кромѣ ея, болѣе условій успѣха, и цензурѣ, кажется, не такъ оно покажется зловреднымъ. Пишите только, не унывая, и дайте мнѣ знать, какъ вы работаете. Есть еще одна непріятная сторона въ этомъ запрещеніи: вы, можетъ быть, ожидали денегъ — и теперь не должны на нихъ разсчитывать. Но и этой бѣдѣ помочь есть возможность: редакторы *Современника*, съ которыми я состою въ дружескихъ отношеніяхъ, готовы выслать вамъ впередъ въ половинѣ этого

мѣсяца извѣстную сумму, какъ задатокъ за ваши будущія произведенія. Напишите мнѣ прямо и безъ обиняковъ, сколько бы вы желали, и я берусь вамъ это устроить. А, главное, не падайте духомъ и идите впередъ смѣло и весело.

Мой адресъ: на углу Малой Морской и Гороховой, въ домѣ Гиллерме, квартира № 9.

Будьте здоровы. Въ ожиданіи вашего отвѣта жму вамъ крѣпко руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
2 февраля 1852 г.

Любезный Леонтьевъ.

Я передъ вами весьма виноватъ; у меня, впрочемъ, два извиненія: шестинедѣльное мое нездоровье, до сихъ поръ продолжающееся, и желаніе достать для васъ денегъ отъ ред. *Современника*. Эта редакція оказалась, къ сожалѣнію, сильно истощенною по причинѣ уплаты множества старыхъ долговъ, и потому позвольте мнѣ предложить вамъ слѣдующее: я готовъ отъ себя дать вамъ 100 р. сер. впередъ въ займы, но такъ какъ у меня здѣсь такихъ денегъ нѣтъ, то я сегодня же напишу къ себѣ въ деревню приказъ о высылкѣ вамъ ихъ по вашему адресу въ Москвѣ, заранѣе расчитывая на ваше согласіе. Жалѣю, что эта мысль мнѣ раньше не пришла въ голову; можетъ быть, вы это время чувствовали то непріятное стѣсненіе безденежья, которое мнѣ такъ знакомо бывало въ дни юности.

Ваша комедія погибла для печати и скажу вамъ — я не слишкомъ объ этомъ сожалѣю: въ васъ уже теперь таланта гораздо больше, чѣмъ на сколько она показываетъ. Для чего же вводить читателей въ обманъ? Кончайте повѣсть, о которой вы говорите мнѣ, или хотя 2 первыя главы *Б. завода*. Съ присовокупленіемъ плана цѣлаго романа можно печатать отрывками, какъ, напр., *Богатый женихъ* Писемскаго. Пишите и присылайте мнѣ, какъ той литературной бабушкѣ, которой суждено принимать вашихъ рождающихся дѣтей. Жаль, что до сихъ поръ они такъ неудачно являются на свѣтъ.

Я радъ, что моя статья о племянницѣ вамъ нравится. Настоящаго дѣла я, по причинѣ цензуры, сказать не могъ, и потому она можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ.

Прощайте, любезный К. Н. Желаю вамъ всевозможныхъ удачъ и, главное, здоровья. До свиданія въ маѣ; но мы до того времени еще будемъ переписываться.

(За повѣсть—цензурную—вамъ *Соврем.* хорошо заплатитъ. Вотъ вамъ самое лучшее средство со мной расплатиться. Присылайте ее поскорѣй, а ужь я ее продамъ выгодно.)

Жму вамъ дружески руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
18 февраля 1852 г.

Я только что получилъ ваше письмо, любезный Константинъ Николаевичъ, и собирался уже вамъ отвѣчать, какъ вдругъ получилъ отвѣтъ на мое предписаніе въ деревенскую мою контору, что ранѣе двухъ недѣль этихъ 100 р. вамъ выслать не могутъ, за совершеннымъ истощеніемъ наличныхъ средствъ. Вы не можете себѣ представить, какъ это мнѣ было досадно, и еслибъ я самъ не былъ въ нѣкоторомъ безденежьи здѣсь, я бы тотчасъ выслалъ ихъ вамъ. Нечего дѣлать—прошу меня извинить и подождать двѣ недѣли. Я вамъ пишу все это такъ безцеремонно потому, что я надѣюсь, что между нами церемоніи не у мѣста.

Изъ присланнаго вами перечня содержанія *Булавинскаго завода* я рѣшительно долженъ былъ заключить, что пока нечего и думать о возможности провести его черезъ здѣшнюю цензуру. Обезображеннымъ его печатать не слѣдуетъ, и что же это будетъ за романъ, изъ котораго все выкинутъ, кромѣ описаній, какъ вы говорите? Съ другой стороны, такъ какъ мнѣ очень бы желалось увидать васъ въ печати, не можете ли вы кончить тотъ небольшой разсказъ, о которомъ вы мнѣ говорили? *Современникъ* бы съ радостью его принялъ. Еслибъ вы его прислали къ половинѣ хотя будущаго мѣсяца, онъ бы былъ помѣщенъ въ апрѣльской книжкѣ. Правда, васъ теперь занимаютъ экзамены, но, все-таки, вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ нашли время написать хотя небольшую, но отдѣланную вещь.

Не пишу вамъ больше сегодня — очень занятъ. Желаю вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и вторично прошу вашего извиненія въ невольномъ моемъ замедленіи.

Остаюсь искренно преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
6 октября 1852.

Я давно къ вамъ не писалъ и не отвѣтилъ на ваше письмо, любезный Константинъ Николаевичъ, не потому, чтобы я забылъ объ васъ; напротивъ, возбужденный вами во мнѣ интересъ никогда не уменьшался, но разныя заботы вытѣсняли всѣ другія мысли изъ моей головы, притомъ, я почти каждый день таскался на охоту. Теперь же выпалъ снѣгъ — птица вся улетѣла—и я, какъ пьяница послѣ запоя, возвращаюсь опять къ человѣческимъ чувствамъ и понятіямъ, къ желанію сообщенія съ людьми. Я пишу къ вамъ въ Москву, въ университетъ, въ томъ предположеніи, что ваше здоровье поправилось и что вы опять туда вернулись. Во-первыхъ, прошу васъ прислать ко мнѣ сюда ту вещь, о которой вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ. Мнѣ чрезвычайно хочется знать, какъ вы поведете свой романъ. Я считаю васъ очень способнымъ къ роману или повѣсти; это ваше настоящее поприще. Вашъ тонкій, граціозный, иногда болѣзненный, но часто вѣрный и сильный анализъ тутъ у мѣста. Я, помнится, вамъ высказалъ то же мнѣніе по поводу вашей комедіи. Цензура ее не пропустила и послѣ происшествій сегодняшняго года нѣтъ причины предполагать, чтобы она стала снисходительнѣе; впрочемъ, это не бѣда, по крайней мѣрѣ, для васъ—не оттого, чтобы я думалъ, что ваша комедія слаба, но оттого, что, мнѣ кажется, человѣку съ истиннымъ талантомъ спѣшить нечего. Писать же для денегъ — это должно дѣлать только въ крайнемъ случаѣ. Кстати, извините меня за откровенность: не нужны ли вамъ деньги? Я тогда обѣщалъ вамъ—и не могъ исполнить своего обѣщанія, къ крайнему моему сожалѣнію. Я надѣюсь, что вы не станете со мной церемониться и прямо скажете мнѣ, нужны ли вамъ деньги, или нѣтъ. Молодые таланты иногда скрываютъ желаніе явиться въ печати подъ предлогомъ денежной необходимости, и предлогъ этотъ очень хорошъ—какому молодому человѣку не нужны деньги? Иные это дѣлаютъ безсознательно, но въ васъ, при вашей тонко-развитой сознательности, предположить это нельзя, и потому, если вы точно желаете выдти въ печать, скажите мнѣ это прямо—я, хоть самъ литературный инвалидъ въ отставкѣ, могу еще помочь вамъ, но во всякомъ случаѣ пришлите мнѣ вашу вещь. Деньги же, если вамъ нужны, возьмите у меня прямо и совершенно независимо отъ литературный вашей дѣятельности.

Что вамъ сказать о себѣ? Я ничего не дѣлалъ все это вре-

мя; плановъ много, но что изо всего этого выйдетъ — Богъ вѣсть. Желаю вамъ здоровья и веселья — и въ жизни, и въ творчествѣ, и въ ожиданіи отъ васъ скораго отвѣта, жму вамъ дружески руку и остаюсь

преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Адресъ мой все тотъ же: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ.

Ваше письмо меня очень обрадовало, любезный Константинъ Николаевичъ. Я уже думалъ, что вы меня забыли. Съ удовольствіемъ исполняю вашу просьбу и посылаю вамъ 100 р. сер. Я бы вамъ выслалъ всѣ 150, да хлѣбъ у насъ еще не продается по причинѣ низкихъ цѣнъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанной повѣсти и какъ только прочту ее, пошлю къ Краевскому. Будемъ надѣяться, что цензура не окажется слишкомъ строгою и вамъ ваши *Нѣмцы* принесутъ и деньги, и извѣстность. Я думаю, что вамъ не будетъ непріятно услышать отъ меня мое искреннее мнѣніе насчетъ вашего произведенія. Мнѣ кажется, что вашему таланту, при всей его тонинѣ и ранней выработкѣ, не достаетъ, не скажу, здоровья, а силы и той ясности, которая нѣмцами зовется очень удачно: Heiterkeit. Впрочемъ, я это говорю, судя по прошедшему; а въ ваши годы прошедшее очень скоро становится давно прошедшимъ. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ вами, если не изустно, то хоть письменно, да сегодня время не терпитъ. Пожалуйста, не взирайте на меня съ точки зрѣнія мецената; меценатами дѣлаются тѣ, которые при внѣшнихъ средствахъ не могутъ быть художниками; а я льщу себя надеждою, что принадлежу къ числу художниковъ, и потому отношенія между нами должны быть товарищескія. Я имѣю передъ вами только ту незавидную выгоду, что я старше васъ и, слѣд., опытнѣе: я уже прошусь въ отставку, а вы только что вступаете въ службу.

Высылайте поскорѣе вашу повѣсть. Вы мнѣ мало говорите о своемъ здоровьѣ; изъ этого заключаю, что оно хорошо. Вы меня спрашиваете, почему я живу въ деревнѣ? Въ силу того закона, по которому пролитая вода непремѣнно падаетъ внизъ, а не поднимается вверхъ. Впрочемъ, будьте здоровы, веселы, дружески жму вамъ руку и остаюсь

искренно преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
12 декабря 1852 г.

P.S. Въ отвѣтъ на вашу повѣсть вы получите отъ меня подробное письмо. Съ удовольствіемъ подарилъ бы я вамъ экз. *Зап. ох.*, да все изданіе подарено мною одному пріятелю, съ котораго я уже всѣ слѣдуемые мнѣ экземпляры получилъ и еще спрашивать неловко.

С. Спасское,
6 марта 1853 г.

Извините меня, любезный К. Н., что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваши два письма. Я такъ занятъ, что и теперь ограничусь нѣсколькими строчками. Во-первыхъ, скажу вамъ, что я тотчасъ написалъ къ Краевскому о желаніи вашемъ выставить подъ *Нѣмцами* только буквы К. Л. Надѣюсь, что я исполнилъ вашу просьбу, не зная еще, явилась ли ваша повѣсть въ мартовской книжкѣ *О. З.*, или отложена до апрѣля. Во-вторыхъ, совѣтую вамъ по мѣрѣ возможности (разумѣется, не надсаживая себя) заняться *Лѣтомъ на хуторѣ*, а отъ *Нѣмцевъ* вы не можете ожидать много денегъ: повѣсть ваша врядъ ли займетъ болѣе $2^1/_2$ листовъ или трехъ—по 50 р. сер. за листъ, а 100 р. сер. Краевскій уже вычелъ. Остальныя вы получите тотчасъ отъ меня, какъ только мнѣ напишете число страницъ. Мы съ Краевскимъ имѣемъ большіе счеты—и вы сами желали, чтобы это шло черезъ меня. Если *Нѣмцы* понравятся, мы возвысимъ цѣну листа до 75 р. (это получаетъ Писемскій). Въ-третьихъ, я велю переписать для васъ здѣсь мои повѣсти, а Кетчеру я — виноватъ — я объ этомъ не писалъ. Позабылъ! Но это будетъ сдѣлано и вамъ доставлено.

Здѣшніе вамъ кланяются, а я вамъ желаю бодрости и здоровья. До другаго письма.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
9 іюня 1853 г.

Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, любезный Константинъ Николаевичъ. Я радъ, что вы познакомились лично съ Краевскимъ, но позвольте мнѣ, какъ человѣку болѣе опытному въ литературныхъ дѣлахъ, замѣтить вамъ слѣдующее: во-первыхъ, для васъ самихъ, для будущности вашего таланта, не думайте, пожалуйста, что можно шутить съ публикою—написать, какъ вы

говорите, «что-нибудь полное лжи и лести» для денегъ, а потомъ показаться въ настоящемъ свѣтѣ. Знайте: публику не надуешь ни на волосъ — она умнѣе каждаго изъ насъ; знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, вы должны быть еще благодарны ей, если она пойметъ и оцѣнитъ вашу жертву, если она обратитъ на васъ вниманіе; и это понятно, скажу болѣе: это справедливо. Не вы ей нужны, она нужна вамъ. Вы хотите завоевать ее, такъ напрягайте всѣ ваши силы. Я этимъ не хочу сказать, чтобы вы должны были угождать ей, служить ея вкусамъ; нѣтъ, будьте тѣмъ, чѣмъ васъ Богъ создалъ, давайте все, что въ васъ есть, и если вашъ талантъ оригиналенъ, если ваша личность интересна, публика признаетъ васъ и возьметъ васъ и будетъ пользоваться вами, какъ, напримѣръ, въ другой сферѣ дѣятельности она приняла гутта-перчу, потому что она нашла гутта-перчу вещью полезной и сподручной. Не искажайте своихъ задушевныхъ мыслей и предначертаній въ видахъ цензурныхъ, а старайтесь найти предметы безобидные. *Лѣто на хуторѣ*, кажется, никого оскорбить не можетъ. Жаль мнѣ очень, что *Нѣмцевъ* не пропустили—вещь это хорошая; должно надѣяться, что она не пропадетъ и современемъ будетъ напечатана. Вторая моя просьба къ вамъ состоитъ въ слѣдующемъ: не соглашайтесь ни на какую *фельетонную* работу. Кромѣ того, что это дѣло диллетантовъ, я никакъ не вижу въ васъ, не скажу тѣхъ качествъ, а тѣхъ недостатковъ, которые необходимы фельетонисту. Вы для этого слишкомъ молоды, свѣжи и, въ счастливомъ смыслѣ этого слова, неопытны. А Краевскій радъ какую-нибудь пользу извлечь изъ васъ. Это очень смышленый антрепренеръ, но вамъ не должно даться ему въ руки. Кончите ваше *Лѣто*, отдѣлайте его съ любовью, не спѣша, и отдайте его въ *От. Зап.* Это будетъ очень хорошо и полезно, и, какъ начало, очень для васъ выгодно.

Впрочемъ, желаю вамъ здоровья—это главное; все остальное уладится. Я уже, кажется, писалъ вамъ, что нечего сожалѣть о томъ, что поздно начинаешь печатать. Сколько бы я далъ, чтобы (не говорю уже о первыхъ моихъ плохихъ стихахъ) даже въ позднѣйшихъ вещахъ моихъ многое осталось неизданнымъ!

А взять деньги, какъ говорится, съ нахрапу—трудно и неудобно. Посмотрите, даже Меньшикову ничего не удалось взять

въ Константинополѣ сразу. Время необходимо вездѣ. Посѣйте только доброе зерно—жатва взойдетъ въ свою пору.

О себѣ скажу вамъ, что мой желудокъ очень меня мучитъ. У каждаго свой крестъ.

Ну, прощайте, еще разъ желаю вамъ здоровья и прошу не взыскать за тонъ совѣтника. Это привилегія сѣдинъ. Остаюсь

душевно преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
9 октября 1853 г.

Извините меня, любезный Константинъ Николаевичъ, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо, которое, впрочемъ, и пришло ко мнѣ очень поздно. Съ тѣхъ поръ я весь былъ поглощенъ хлопотами, по причинѣ отъѣзда Тютчевыхъ и принятія на себя хозяйственныхъ распоряженій, а потому и сегодня не могу писать такъ обстоятельно, какъ бы хотѣлось, но откладывать болѣе — совѣстно. Скажу вамъ прямо и откровенно: при томъ разстроенномъ положеніи дѣлъ моихъ, какимъ оно теперь мнѣ открылось, я совершенно не въ силахъ исполнить вашу просьбу; я даже едва ли буду въ состояніи исполнить тѣ обязательства, которыя уже принялъ на себя. Вы, я знаю, на меня пенять не будете, потому что, я увѣренъ, вы не сомнѣваетесь въ томъ, что я съ радостью сдѣлалъ бы для васъ все, что могу. Можетъ быть, въ началѣ будущаго года что-нибудь откроется, но навѣрное ничего сказать нельзя.

Очень сочувствую я затруднительности вашего положенія, и внѣшняго, и внутренняго. Подавать совѣты—дешевое и рѣдко полезное дѣло; я и не стану вамъ подавать совѣтовъ, но скажу только, что если удастся вамъ хорошо начать свое литературное поприще—много затрудненій устранится, а начать хорошо значитъ начать дѣльною вещью. Насколько это возможно при теперешнемъ настроеніи цензуры, насчетъ печатанія *Нѣмцевъ* не могу сказать вамъ ничего положительнаго; впрочемъ, кажется, на Краевскаго въ этомъ отношеніи надѣяться можно. Если хотите, я вышлю вамъ рукопись *Нѣмцевъ*, которая находится у меня. Обращайте вниманіе на ваше здоровье и занимайтесь медициной, насколько это нужно, чтобы выдержать экзаменъ. Докторомъ вы, мнѣ кажется, все-таки, никогда не будете; ваша будущность другая.

О себѣ я вамъ особеннаго сказать не могу — привыкаю понемногу къ хозяйству,

Посылаю вамъ это письмо въ Москву. Вы, должно быть, уже тамъ.

А пока прощайте. Желаю вамъ всего хорошаго, крѣпко жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ

Иванъ Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
26 декабря 1853 г.

Я бы тотчасъ отвѣчалъ вамъ, любезный Леонтьевъ, еслибъ въ тотъ же день Краевскій мнѣ не сказалъ, что онъ уже написалъ вамъ о вашей статьѣ, и вы, вѣроятно, уже распорядились насчетъ ея, т.-е. отдали ее Каткову. Мнѣ кажется этакъ во всякомъ случаѣ будетъ лучше.

Не знаю я, какія денежныя предложенія вамъ дѣлалъ Краевскій — я въ этомъ отношеніи имѣю вліяніе только на *Современникъ* — и, думаю, могъ бы достать вамъ изъ этого источника нѣсколько денегъ, еслибъ я могъ показать что-нибудь ваше, хотя небольшую статью, въ видѣ казоваго конца или обращика. Если у васъ что-нибудь есть въ такомъ родѣ, пришлите мнѣ (вотъ кстати мой адресъ: близъ Владимірской, въ Поварскомъ переулкѣ, въ домѣ Тулубьева).

Извините краткость этого письма; я вамъ черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, буду въ состояніи сказать что-нибудь положительное, а теперь прошу васъ вѣрить въ искреннее уваженіе, съ которымъ остаюсь

душевно вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
3 апрѣля 1854 г.

Любезный Константинъ Николаевичъ, я получилъ вчера ваше письмо. Не могу не поблагодарить васъ за выраженія участія, которыми оно исполнено, но долженъ вамъ объяснить, что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь (моя женитьба), лишено всякаго основанія. Особенно повергло меня въ изумленіе имя моей нареченной невѣсты. Я бы едва ли болѣе удивился, еслибъ узналъ, что китайскій императоръ пожаловалъ меня мандариномъ. Не могу понять, откуда распространился этотъ слухъ?

Прочія воззрѣнія на здѣшнюю мою жизнь, сообщенныя вамъ разскащикомъ, о которомъ вы говорите, также мало сходны съ истиной. Я, дѣйствительно, былъ однажды случайно на вечерѣ представленъ одной высокой особѣ и разговаривалъ съ ней десять минутъ—впрочемъ, живу здѣсь очень уединенно.

Всѣ ваши замѣчанія насчетъ брака очень справедливы и я, вѣроятно, когда-нибудь кончу, какъ всѣ, женитьбой, но это время еще не настало. Для васъ же я не могу слишкомъ горевать, что ваши предположенія на тотъ же счетъ рушились; мнѣ почему-то кажется, что эдакъ лучше.

Я радъ, что скоро наступитъ для васъ эпоха дѣятельности, и желаю только, чтобы здоровье ваше не пострадало отъ перемѣны климата.

Я намѣренъ прожить лѣто въ окрестностяхъ Петергофа—не хочется, въ такое время, удаляться отъ мѣста дѣйствій. Но я надняхъ съѣзжу недѣли на двѣ въ деревню и, можетъ быть, увижу васъ проѣздомъ.

Еще разъ благодарю васъ за ваше участіе, желаю вамъ всего хорошаго и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
10 октября 1854 г.

Вы, вѣрно, пеняете на меня за мое молчаніе, любезный Константинъ Николаевичъ; но вотъ въ чемъ дѣло. Письмо ваше и повѣсть (*Лѣто*) я получилъ, вѣроятно, по недоразумѣнію, 17 числа сентября, а 18 я выѣхалъ изъ Петербурга сюда. Все, что я успѣлъ сдѣлать, было то, что я ее снесъ Краевскому, котораго, однако, не засталъ дома, и оставилъ ее съ запиской. Просить у него денегъ было невозможно—онъ бы не далъ—особенно заочно; я отложилъ эти переговоры до возвращенія моего въ Петербургъ — около 15 ноября. У *Современниковъ* гроша нѣтъ мѣднаго. По-неволѣ пришлось отказаться отъ удовольствія быть вамъ полезнымъ. Надѣюсь, что вы до первыхъ чиселъ декабря обойдетесь какъ-нибудь безъ этой присылки, а къ тому времени обѣщаю добыть вамъ хотя часть желаемаго вами. *Лѣто* я ваше прочелъ; это вещь слишкомъ легкая и милая, чтобы сказать о ней что-нибудь положительнаго; не дурно, но вы можете не то сдѣлать. Какое-то самодовольство прогляды-

ваетъ въ манерѣ, которое не совсѣмъ пріятно. Впрочемъ, повторяю, что это эскизъ, по которому ничего нельзя заключить.

Я бы больше къ вамъ писалъ, да не знаю навѣрное, точно ли вы уже прибыли въ Керчь? Пожалуйста, увѣдомьте меня; а я на всякій случай написалъ также вамъ въ деревню. Я виноватъ тѣмъ, что не написалъ вамъ тотчасъ послѣ пріѣзда сюда; разныя дѣла тому помѣшали. Напишите мнѣ изъ Керчи, тамъ ли вы и дошло ли до васъ это письмо и какой вашъ адресъ.

Пока желаю вамъ всего хорошаго, здоровья и дѣятельности, жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
11 февраля 1855 г.

Я виноватъ передъ вами, любезный Константинъ Николаевичъ. Вотъ уже третье большое письмо я получаю отъ васъ, а до сихъ поръ не отвѣтилъ. Извиненіемъ мнѣ отчасти можетъ служить моя поѣздка въ Москву, продолжавшаяся гораздо долѣе, чѣмъ я ожидалъ (я уѣхалъ отсюда 8 янв. и вернулся только три дня тому назадъ, больной). Сейчасъ берусь за перо съ намѣреніемъ поговорить съ вами. Прежде всего, долженъ, къ сожалѣнію, сказать вамъ, что пока ваша повѣсть не напечатается, отъ Краевскаго денегъ ждать нечего; дѣла его журнала—какъ и всѣхъ журналовъ—идутъ плохо, и онъ не далѣе, какъ третьяго дня, разошелся съ постояннымъ и дѣятельнымъ своимъ сотрудникомъ, Михайловымъ, за то, что тотъ у него попросилъ денегъ впередъ. Впрочемъ, онъ намѣренъ печатать вашу повѣсть въ слѣдующемъ номерѣ—и цензура объ ней еще не имѣетъ понятія. Краевскій надѣется на благополучный исходъ. Какъ только повѣсть пропустится, деньги вамъ будутъ высланы. Драмы вашей буду ждать. Кстати, адресъ вы ставите не совсѣмъ вѣрно; вотъ онъ: на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ Степанова. Я ошибся, сообщая мою критику на *Лѣто на хуторѣ;* я хотѣлъ сказать: *Ночь на пчельникѣ.* Вы уже знаете, что и этотъ очеркъ запретили. Для драмы вашей постараюсь сдѣлать все возможное.

Положеніе ваше не совсѣмъ легко. Что же дѣлать?—потерпите; перемелется, авось мука будетъ. Главное, старайтесь, что-

бы здоровье ваше не повихнулось. Присланныя вами 2 главы у меня въ цѣлости; первая въ особенности мнѣ понравилась. Старайтесь (вы мнѣ позволите быть откровеннымъ съ вами) быть какъ можно проще и яснѣе въ дѣлѣ художества; ваша бѣда—какая-то запутанность, хотя вѣрныхъ, но уже слишкомъ мелкихъ мыслей, какое-то ненужное богатство заднихъ представленій, второстепенныхъ чувствъ и намековъ. Такъ, напр., я долженъ сознаться, что я рѣшительно многаго не понялъ въ вашихъ замѣчаніяхъ насчетъ тѣхъ произведеній, хотя я чувствовалъ, что въ нихъ много дѣльнаго и вѣрнаго. Вспомните, что какъ ни тонко и многосложно внутреннее устройство какой-нибудь ткани въ человѣческомъ тѣлѣ, кожи, напр., но ея видъ понятенъ и однороденъ; какъ медикъ, вы должны сочувствовать этому сравненію; а у васъ иногда теряешься, и сами вы въ самомъ себѣ теряетесь. Глядите больше кругомъ себя и возитесь меньше съ самимъ собою.

Greift nur hinaus in 's volle Menschenleben...
Und wo Ihr 's packt da ist interessant.

Еще разъ прошу у васъ извиненія за мои совѣты; но ихъ мнѣ внушаетъ искреннее участіе къ вамъ и желаніе, чтобы изъ васъ все то вышло, что можетъ и должно выдти.

О себѣ ничего особеннаго не скажу; разныя мысли бродятъ въ головѣ—разныя литературныя предположенія, но пока ничего не дѣлаю, собираюсь издавать Фетова *Горація*. Время такое тяжелое и смутное... Я остаюсь здѣсь до первыхъ чиселъ апрѣля, а къ 15 апрѣля я уже непремѣнно буду въ деревнѣ.

Прощайте, любезный К. Н. Авось когда-нибудь придется увидѣться, но во всякомъ случаѣ прошу васъ быть всегда увѣреннымъ въ моей искренней пріязни.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
29 сентября 1858 г.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, вчера я получилъ письмо ваше изъ Арзамаса и спѣшу отвѣчать, чтобы опять не подать моимъ молчаніемъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Письмо ваше, переданное брату, дошло до меня только по возвращеніи моемъ въ Россію (въ іюнѣ мѣсяцѣ), такъ что я не могъ воспользоваться даннымъ вами адресомъ. Но теперь наша пере-

писка возобновилась и, надѣюсь, не прекратится или, по крайней мѣрѣ, не прервется на такое долгое время.

Я очень хорошо помню моего бывшаго товарища по пожару на «Николаѣ» и сохранилъ о немъ самое дружеское воспоминаніе. Пожалуйста, передайте ему мой усердный поклонъ и скажите, что я очень обрадовался, услыхавъ хорошія о немъ вѣсти. Жену его я, если я не ошибаюсь, видѣлъ раза два въ обществахъ. Они постоянно живутъ въ деревнѣ или выѣзжаютъ на зиму куда-нибудь? Радуюсь также за васъ, что вы, по вашимъ словамъ, нашли себѣ спокойное и удобное мѣсто; сожалѣю, что вы мнѣ ничего не говорите о вашихъ литературныхъ трудахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ васъ, вашъ талантъ долженъ былъ окрѣпнуть и высказаться; тогда онъ подавалъ только надежды, только собирался вылиться въ опредѣленную форму, съ физіономіею, и потому неудивительно, что публика обратила на него мало вниманія; хотѣлось бы мнѣ теперь прочесть что-нибудь ваше или, по крайней мѣрѣ, узнать, чѣмъ собственно вы заняты и какое приняли направленіе? Сказанное вами въ письмѣ, посланномъ за границу, не совсѣмъ опредѣлительно, хотя и намекаетъ на то, къ чему вы идти хотите; въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ потолкуйте больше объ этомъ и, если можете, пришлите мнѣ, когда я буду въ Петербургѣ, какое-нибудь ваше произведеніе.

Я остаюсь здѣсь до 20 октября; съ 20 по 27 я въ Орлѣ, съ 27 окт. по 5 ноября въ Тулѣ, а къ 10 ноября въ Петербургѣ и проживаю въ немъ зиму. Я бы очень былъ радъ увидать васъ, но не знаю, какъ это удастся.

Вы мнѣ не пишете ничего о вашемъ здоровьѣ; надѣюсь, что оно удовлетворительно. Мое—такъ себѣ; тѣло понемногу начинаетъ отказываться, проявилась *gravelle,* ну, да это все въ порядкѣ вещей. Дружески жму вамъ руку и жду большаго письма, на которое отвѣчу такимъ же.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
1 января 1859 г.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, я очень виноватъ передъ вами — не отвѣчалъ на ваши два большихъ письма. Мое молчаніе до нѣкоторой степени—не извиняется, а объяс-

няется тѣмъ обстоятельствомъ, что я уѣхалъ, шесть недѣль былъ болѣнъ скучною горловою болѣзнью, мѣшавшей мнѣ говорить (такъ что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ грифельной доскѣ). Вы скажете: тутъ-то мнѣ и было писать; но я былъ не въ духѣ, хандрилъ и пера въ руки не бралъ. Теперь я, слава Богу, выздоровѣлъ и спѣшу загладить свою вину.

Во-первыхъ, что касается вашей комедіи, то поставить ее на театрѣ нѣтъ никакой надежды. Гончаровъ, которому она понравилась, рекомендовалъ ее еще въ сентябрѣ актерамъ, но она была отвергнута, какъ несценичная вещь, въ чемъ, я полагаю, они были правы. Это тонкая и изящная повѣсть въ драматической формѣ, а не комедія. Слѣдовательно, на это надѣяться нельзя. Во-вторыхъ, что касается переводовъ, то, при обиліи переводчиковъ въ Петербургѣ, при необходимости спѣшной работы, присутствія самихъ переводчиковъ — давать работу за 1000 верстъ затруднительно, тѣмъ болѣе, что уже впередъ все разбирается на мѣстѣ. Между тѣмъ, вамъ деньги нужны. Вотъ что я предлагаю: запродайте вашъ романъ. Я берусь продать его здѣсь выгодно. Тогда вы можете получить отъ 300 до 400 или даже до 500 р. впередъ. Надобно только будетъ прислать первыя главы ко мнѣ. Что вы скажете на это предложеніе?

Я въ Москвѣ провелъ всего два дня и никуда, по нездоровью, не выходилъ, и потому не могъ исполнить ваше порученіе. Съ тѣхъ поръ мы снова вступили въ сношенія съ Катковымъ и я могу въ первомъ же моемъ письмѣ къ нему напомнить ему объ васъ.

Желаю, чтобы мой новый трудъ заслужилъ ваше одобреніе. Поклонитесь отъ меня, пожалуйста, барону Р. и его женѣ. Жду вашего отвѣта. Адресъ мой: на Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера, кварт. № 34. Извините краткость этого письма, но я былъ болѣнъ, а теперь занятъ по горло. Дружески жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
30 марта 1859 г.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, я третьяго дня пріѣхалъ сюда изъ Петербурга съ намѣреніемъ провести здѣсь мѣ-

сяцъ передъ отъѣздомъ за границу, гдѣ я останусь до осени; осенью я вернусь опять сюда, а зиму, по прошлогоднему, проведу въ Петербургѣ. Теперь же я въ Петербургѣ буду отъ 23 до 29 апрѣля (въ этотъ день я выѣзжаю сухимъ путемъ черезъ Ковно); стало быть, если вы хотите, чтобы ваши *Подлипки* меня застали въ Петербургѣ, вышлите ихъ такъ, чтобы они къ 20 апр. были въ Петербургѣ; человѣкъ мой живетъ у меня на квартирѣ (въ Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера, кварт. № 34). Онъ знаетъ, что всѣ письма и т. д., приходящія на мое имя послѣ 20 апр., не нужно пересылать въ деревню. Напишите также, въ какой журналъ вы желали бы помѣстить вашу повѣсть и *minimum* цѣны съ листа. Отъ души желаю, чтобы повѣсть ваша удалась вамъ: пора вамъ выступить съ чѣмъ-нибудь крѣпкимъ и твердо на ногахъ стоящимъ. Очень меня обрадовало то, что вы мнѣ пишете о впечатлѣніи, произведенномъ моею послѣднею вещью: судъ именно такихъ читателей—самый вѣрный. Теперь у меня другой сюжетъ въ головѣ, съ которымъ я вожусь уже мѣсяца два, и только теперь надѣюсь сладить: на исполненіе нуженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, годъ. Вслѣдствіе этой внутренней работы, мнѣ какъ будто непріятно и неловко возвращаться мыслью къ прежнимъ трудамъ, а потому я ограничусь только изъявленіемъ моего удовольствія.

Невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ ничего, а потому я не отчаяваюсь побывать когда-нибудь у моего стариннаго пріятеля, барона Розена. Очень было бы мнѣ пріятно познакомиться лично съ тѣмъ обществомъ, о которомъ я имѣю свѣдѣнія изъ вашихъ писемъ.

Будьте здоровы—это главное. Я изъ Петербурга напишу вамъ еще, а теперь жму вамъ дружески руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
16 апрѣля 1859 г.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, васъ, вѣроятно, удивляетъ мое молчаніе, но вотъ объясненіе ему: я выѣхалъ изъ Петербурга 20 марта, и ваше письмо, хотя написанное 13, меня не застало; человѣкъ мой полѣнился его переслать ко мнѣ и я получилъ его всего три дня тому назадъ. Я пріі-

ѣхалъ сюда на три недѣли для приведенія нѣкоторыхъ дѣлъ въ порядокъ: я ѣду за границу на 4 мѣсяца и уже билетъ мною взятъ въ ковенскомъ дилижансѣ на 29 апрѣля; съ 24 по 29 буду въ Петербургѣ. И такъ, если вы можете такъ распорядиться, чтобы быть объ эту пору въ Петербургѣ, мы увидимся, и я буду очень радъ; если же нѣтъ, то я, по крайней мѣрѣ, предварю Некрасова и Дружинина о вашемъ пріѣздѣ и о вашемъ романѣ, такъ что вамъ, я надѣюсь, легче будетъ сговориться съ этими господами.

Постарайтесь пріѣхать въ Петербургъ около 27 апрѣля.

Кланяюсь барону Розену и всему его семейству и дружески жму вамъ руку.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1860 г.

Любезный Константинъ Николаевичъ, начну съ того, что попрошу у васъ извиненія: мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать вамъ на ваше письмо. Правда, я былъ очень занятъ въ это время, но это не извиненіе, тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, вы ожидали моего отвѣта съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Повѣсть вашу я продалъ въ *Библіотеку для Чтенія* за 50 руб. сер. за листъ; больше получить было невозможно; она будетъ помѣщена въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ. Деньги или, покрайней мѣрѣ, часть денегъ можно вамъ выслать впередъ: напишите сколько—и вы еще успѣете пріѣхать сюда на Святой: я выѣзжаю отсюда 23 апрѣля и мнѣ будетъ очень пріятно видѣться съ вами. Скажу вамъ откровенно, что мнѣ еще будетъ пріятнѣе, если ваши предчувствія сбудутся и окажется, что я несправедливо оцѣнилъ ваше послѣднее произведеніе; я первый охотно сознаюсь въ этомъ. Привозите съ собою вашъ романъ; мнѣ очень хочется его прочесть.

Я сейчасъ узналъ отъ Писемскаго, что ваша повѣсть появится въ апрѣльской книжкѣ *Б. для Ч.* Слѣдовательно, вотъ еще вамъ причина пріѣхать сюда: на вашихъ глазахъ будетъ печататься; мартовская книжка только что вышла сегодня.

Говорю вамъ до свиданія и крѣпко жму вамъ руку. Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня барону Розену.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, посылаю вамъ при семъ 200 руб. сереб., вырученные за *Второй бракъ*, и не могу не пожалѣть о томъ, что не увижу васъ въ Петербургѣ. Я уѣзжаю отсюда послѣ завтра въ Парижъ. Статью вашу о *Наканунѣ* я отдалъ было въ *Современникъ*, но онъ отказался помѣстить ее; тогда я вручилъ ее Дудышкину — и онъ обѣщался ее принять и во всякомъ случаѣ написать вамъ объ ней. Мнѣ самому она показалась очень умной и тонкой; но вы согласитесь, что я въ этомъ дѣлѣ не судья, и въ силу тѣхъ же законовъ человѣческаго самолюбія, подкупленъ порицаніемъ. Какъ бы то ни было, благодарю васъ за то, что вы прислали ее прямо ко мнѣ: въ этомъ я вижу знакъ вашего расположенія ко мнѣ и хорошаго обо мнѣ мнѣнія.

Гдѣ вы проведете будущую зиму? Хоть бы когда увидѣться намъ. Очень былъ бы я радъ, если бы *Второй бракъ* понравился и тѣмъ оправдалъ мои раннія ожиданія отъ вашего таланта. Жму вамъ дружески руку и прошу васъ передать мой дружескій поклонъ барону Розену и его супругѣ.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Изъ вашей повѣсти вышло четыре листа. Мой адресъ — въ Парижъ, poste-restante.

С.-Петербургъ,
22 апрѣля 1860 г.

С.-Петербургъ,
16 февраля 1860 г.

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ, потому что хотѣлъ сказать что-нибудь положительное о вашей повѣсти, какъ со стороны ея внутренняго достоинства, такъ и со стороны ея внѣшней (журнальной) оцѣнки. Скажу вамъ, что повѣсть ваша не дурна, читается легко, но не болѣе: задумана она умно, съ стремленіемъ къ простотѣ и ясности, лица правдивы, но жизненности, красоты, движенія мало; все это замѣнено какимъ-то авторскимъ, игривымъ, часто вычурнымъ хитродушіемъ; авторъ, видимо, рисуетъ, старается и самъ подсмѣивается, а въ результатѣ выходитъ что-то холодное, безкровное и блѣдное. Вашъ умъ много работалъ; вы, видимо, прошли сквозь довольно разнообразный духовный опытъ, вы созрѣли, но художникъ ли вы? На этотъ вопросъ, кладя руку на сердце и взвѣшивая свои слова, не могу отвѣчать ни да,

ни нѣтъ. Мнѣ бы очень было жалко, еслибъ слова мои помѣшали вамъ писать; я бы себѣ этого не простилъ: продолжайте работать; можетъ быть, вы овладѣете, наконецъ, собою, своими силами, ясно поймете свое призваніе; но пока у васъ не будутъ выходить живые образы, никакими тонкостями и умными замѣчаніями и подмѣтками дѣлу не пособить. Почему бы вамъ не попробовать писать критическіе и эстетическіе этюды? На это, я увѣренъ, у васъ есть всѣ данныя.

Библіотека для Чтенія предлагаетъ вамъ 50 руб. сер. съ листа; получивши вашъ отвѣтъ, она можетъ выслать вамъ деньги впередъ. Впрочемъ, я дамъ вашу повѣсть прочесть *Современнику* и *Отечественнымъ Запискамъ*; если кто дастъ больше, я такъ и распоряжусь.

Всякій читатель, начавъ вашу повѣсть, непремѣнно прочтетъ ее до конца и подумаетъ: а, вѣдь, это интересно и хорошо написано; но этимъ и ограничится его впечатлѣніе. Вамъ этого мало: я знаю, можетъ быть, вамъ современемъ дастся и больше.

Любезный К. Н., пожалуйста, не огорчайтесь моимъ письмомъ: высказанное мною мнѣніе, навѣрное, рѣзче, чѣмъ бы слѣдовало, но вы не мальчикъ и твердо стоите на своихъ ногахъ: это по всему видно. Идите впередъ—и дойдете.

Адресъ мой: на Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера, квартира № 34. Буду ждать вашего отвѣта. Поклонитесь отъ меня моему милому и доброму барону Розену и его супругѣ, которую я люблю, хотя не имѣю чести ее знать. Жму вамъ дружески руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавель,
3 октября н. с. 1860 г.

Я пишу къ вамъ, любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, изъ деревни, находящейся въ 50 верстахъ отъ Парижа, или, правильнѣе, изъ замка, принадлежащаго моимъ хорошимъ знакомымъ. Я получилъ ваше любезное письмо недѣли двѣ тому назадъ и благодарю васъ за память и за участіе. Къ сожалѣнію, я въ нынѣшнемъ году не могу вернуться въ Россію; говорю къ сожалѣнію потому, что мнѣ, по семейнымъ обстоятельствамъ, придется провести зиму въ Парижѣ, для меня ненавистномъ. Въ противномъ случаѣ, я бы непремѣнно за-

ѣхалъ къ вамъ и посмотрѣлъ бы, какъ вы живете. Я нанялъ себѣ квартиру въ Парижѣ на rue de Rivoli, 210; напишите мнѣ туда, въ какой именно столицѣ вы поселитесь; я желалъ бы, чтобы это было въ Петербургѣ. Дай Богъ вамъ пойти твердыми ногами впередъ по литературной дорогѣ, на которую вы все еще не вступили какъ слѣдуетъ; но это васъ не должно огорчать: таланты, какъ плоды, созрѣваютъ не въ одинаковое время и не въ одинаковую пору года. Плоды осени бываютъ слаще лѣтнихъ плодовъ. Ваша слабость лежитъ (какъ оно всегда бываетъ) тамъ же, гдѣ ваша сила: ваши пріемы слишкомъ тонки и изысканно умны, часто до темноты. Поэтъ долженъ быть психологомъ, но тайнымъ: онъ долженъ знать и чувствовать корни явленій, но представляетъ только самыя явленія—въ ихъ разцвѣтѣ или увяданіи. Я позволилъ себѣ устранить нѣсколько излишныхъ психологическихъ штучекъ изъ вашей повѣсти, напечатанной въ *Библіотекѣ для Чт.*; надѣюсь, что вы не попеняли на меня за это. А отъ вашихъ *Подлипокъ* я ожидаю много хорошаго, только кончайте ихъ скорѣй: не зарабатывайтесь. Вы ихъ читали Дудышкину и онъ хвалилъ мнѣ ихъ, а онъ хорошій судья. Изъ его словъ было, однако, видно, что вашъ романъ слѣдуетъ сократить.

Все, что вы мнѣ пишете о семействѣ барона Розена, меня очень интересуетъ. Не знаю, удастся ли мнѣ когда-нибудь познакомиться съ его женою лично; жизнь иныхъ людей безпрестанно наталкиваетъ другъ на друга, а другихъ словно отдаляетъ другъ отъ друга; вотъ и съ вами Богъ знаетъ, когда мы увидимся. Поклонитесь имъ обоимъ, если напишете имъ или свидитесь съ ними.

Мнѣ было пріятно прочесть ваше мнѣніе о *Первой любви*. Нашему брату, ветерану наканунѣ полной отставки, уже трудно измѣниться: что у насъ вышло плохо, того не исправишь; что удастся—того не повторишь. Намъ остается одно, о чемъ должно думать: умѣть замолчать вò-время. Пока все еще работа не кончена; и теперь у меня задумана довольно большая вещь. А что я, какъ вы пишете, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ грустнымъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мнѣ скоро 42 года, а я не свилъ себѣ гнѣзда, не упрочилъ себѣ никакого мѣстечка на землѣ: веселаго въ этомъ мало.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта, желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку. Г-жа Марковичъ (Марко Вовчекъ),

о которой вы хотите писать статью, здѣсь, въ Парижѣ: это прекрасная женщина. Только неужели вамъ нравится *Червонный король?* Мнѣ кажется именно этотъ разсказъ самымъ неудачнымъ изъ всѣхъ ея разсказовъ, хотя мысль положена ему въ основаніе жизненно-вѣрная, какъ всегда у М. В.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P.S. Я не франкирую письма для бо̀льшей вѣрности.

Парижъ,
30 октября (11 ноября) 1860 г.

Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, и отвѣчаю немедленно. Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ ваше порученіе и предувѣдомилъ Анненкова о вашемъ романѣ. Съ Гончаровымъ наши отношенія, къ сожалѣнію, прекратились вслѣдствіе довольно глупой исторіи, о которой вы, вѣроятно, услышите по пріѣздѣ въ Петербургъ; но я просилъ Анненкова замолвить ему слово о вашемъ желаніи, и, можетъ быть, онъ согласится, хотя онъ человѣкъ тугой на оказываніе услуги. Отъ всего сердца желаю, чтобы ваше произведеніе исполнило ваши ожиданія; правда, вы поставили себѣ цѣль довольно высокую, но нѣтъ причины предполагать, что вы ея не достигнете.

Очень я вамъ благодаренъ за выраженное вами сочувствіе ко мнѣ и къ моей работѣ, которая, впрочемъ, едва начинается. Трудно мнѣ имѣть на жизнь такое же свѣтлое и радостное воззрѣніе, какое вы имѣете: вамъ 29 лѣтъ, а мнѣ третьяго дня минуло 42. Возвратиться мнѣ съ дочерью въ Россію невозможно: она должна остаться чужестранкой, вслѣдствіе причинъ первой важности. Это очень мнѣ непріятно, но дѣлать нечего.

Вы интересуетесь Ж. Зандомъ (хотя, признаюсь, именно за *Даніеллу* я меньше всего бы ей поклонился). Она живетъ постоянно въ деревнѣ и надняхъ чуть не умерла отъ воспаленія въ легкихъ; теперь же опасность миновала.

Мое здоровье не совсѣмъ удовлетворительно: меня мучитъ нервическій кашель, особенно по ночамъ. Но къ этому всему привыкнуть надо.

Вторично желаю вамъ успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ, дружески жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ,
10 апрѣля н. с. 1861 г.

Извините меня, любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Я былъ занятъ все это время, а теперь я, Богъ дастъ, скоро (черезъ двѣ недѣли) вернусь въ Россію и пробуду дня три-четыре въ Петербургѣ, гдѣ, разумѣется, увижусь съ вами. Но я не хотѣлъ оставить Парижъ, не отозвавшись на вашъ привѣтъ.

Вы очень хорошо сдѣлали, что взяли себѣ постоянное мѣсто, которое можетъ васъ обезпечить до нѣкоторой степени; но совѣтую вамъ также печататься, непремѣнно печататься, хотя бы для того, чтобы самому окончательно убѣдиться въ своемъ призваніи. Я не могу повѣрить, чтобы ваше произведеніе не приняли, въ то время, когда печатаютъ такую дребедень, какую сочинилъ г. Потанинъ. Что въ васъ есть дарованіе—это совершенно несомнѣнно, что оно еще пока не овладѣло собою—это тоже фактъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ вещахъ, которыя я знаю; выведите его на солнечный свѣтъ и оно выростетъ во весь свой размѣръ, а если остановится—вы будете уже знать, какое придать ему направленіе. А потому вамъ нечего держаться въ отдаленіи отъ журналовъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что уже теперь дѣло сдѣлано и вашъ романъ, говоря техническимъ слогомъ, запроданъ и скоро явится въ печати.

Я очень радъ, что вы сблизились съ Анненковымъ: онъ, дѣйствительно, прекрасный человѣкъ и черезъ него вы можете сдѣлать пріятныя и полезныя для васъ знакомства. Петербургъ, какъ всякая столица, не подводится подъ одинъ уровень: въ немъ есть много совершенно различныхъ слоевъ; и тѣ, которые осуждаютъ его, какъ говорится у насъ—*огульно*, только показываютъ тѣмъ, что они его не знаютъ.

Вы мнѣ не пишете о своемъ здоровьѣ; я изъ этого заключаю, что оно хорошо. Желаю вамъ всего хорошаго и жму вамъ руку. До скораго свиданія.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ,
50, Rue de Douai,
вторникъ $^{16}/_{4}$ мая 1876 г.

Я сегодня получилъ ваше письмо, любезный Константинъ Константиновичъ (извините, если я не вѣрно выставилъ ваше

отчество), и рѣшился вамъ отвѣчать немедленно, такъ какъ я не знаю, прибудутъ ли ваши книги до моего отъѣзда въ Россію, который имѣетъ быть надняхъ. Не думаю, чтобы я много измѣнился внутренно со времени нашего знакомства, о которомъ я сохранилъ до сихъ поръ пріятное воспоминаніе; но такъ какъ вамъ угодно знать мое мнѣніе о вашей литературной дѣятельности, то позволю себѣ высказать его вамъ въ двухъ словахъ. Я сожалѣю, что, пользуясь вашимъ положеніемъ на Востокѣ и близкимъ знакомствомъ съ чуждою намъ жизнью, вы не обратили вашихъ замѣчательныхъ способностей на составленіе ученыхъ, этнографическихъ или историческихъ сочиненій, которыя доставили бы вамъ видное и почетное мѣсто въ нашей словесности. Такъ называемая беллетристика, мнѣ кажется, не есть настоящее ваше призваніе; несмотря на вашъ тонкій умъ, начитанность и владѣніе языкомъ, ваши лица являются безжизненными. Я могу ошибаться и первый готовъ рукоплескать тому успѣху вашего романа, о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ. Къ сожалѣнію, я его не прочелъ.

Я очень былъ бы радъ встрѣтиться съ вами въ Россіи. Я пробуду около двухъ мѣсяцевъ въ своей орловской деревнѣ.

Извините, любезный К. К., откровенность, съ которой я высказался передъ вами и на которую прошу васъ взглянуть, какъ на одно изъ доказательствъ нелицемѣрнаго уваженія.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

НАСЛѢДНИКЪ ЛОРДА *).

(The heir presumptive).

Романъ Флоренсъ Марріэтъ.

Глава XXV.

Приговоръ.

Леди Рентонъ воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы съѣздить въ Карронби, и, прежде чѣмъ повидалась съ графомъ, освѣдомилась о Глэдисъ.

— Миледи плоха,—отвѣчала горничная, призванная дать гостьѣ отчетъ о здоровьѣ барыни, — даже очень плоха. Онѣ лежатъ въ будуарѣ, но, конечно, примутъ васъ, если вамъ угодно пожаловать къ нимъ.

— Меня безпокоитъ ея болѣзнь, Парсонсъ. Боюсь, что лэди Моунткарронъ недостаточно заботится о себѣ. Когда стала замѣтна въ ней слабость?

— Трудно сказать, миледи. По-моему, съ нынѣшняго сезона. Барыня постоянно жаловалась на боль въ спинѣ послѣ танцевъ, но, все-таки, продолжали танцовать, хотя я ихъ часто просила беречься. Казалось, точно что-то мѣшаетъ имъ отдыхать. Съ тѣхъ поръ имъ становилось все хуже, да хуже. Просто жалость глядѣть. Сердце болитъ, когда видишь такія страданія. Ни съ кѣмъ не желаютъ онѣ посовѣтоваться.

— Она должна посовѣтоваться съ докторомъ. Ради этого пріѣхала я сегодня. Лэди Моунткарронъ останется больною на всю жизнь, если не обратитъ на себя вниманія. Я потолкую съ графомъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

— Конечно, милорду первому слѣдовало бы позаботиться о нихъ. Я такъ и говорила съ самаго начала. Простите мою смѣлость, миледи. Мнѣ, быть можетъ, неприлично вмѣшиваться въ эти дѣла, но, вѣдь, и у прислуги есть глаза и уши. Докторъ не все можетъ вылечить. Еслибъ вы знали, что дѣлается у насъ по ночамъ! Съ тѣхъ поръ, какъ начались обмороки, я сплю въ уборной, чтобы быть поближе. По цѣлымъ часамъ слышу я иногда, какъ рыдаетъ миледи. Каменное сердце, и то должно тронуться,—прибавила горничная, прижимая платокъ къ глазамъ.

— Мнѣ очень тяжело слышать, что она такъ грустна, Парсонсъ; но это происходитъ отъ болѣзни. Ничто не раздражаетъ такъ, какъ постоянное страданіе. Лишь только мы вылечимъ ея спину, миледи сейчасъ повеселѣетъ. А теперь, если она можетъ принять меня, я пойду наверхъ.

Хотя лэди Рентонъ дѣлала видъ, будто не придаетъ значенія словамъ горничной, она испугалась, увидѣвъ Глэдисъ.

Съ ихъ послѣдней встрѣчи молодая женщина страшно исхудала. Глаза ея были окаймлены синими кругами; лицо стало бѣло, какъ тотъ пеньюаръ, въ которомъ она лежала на диванѣ. Она слабо улыбнулась, увидавъ Эллиноръ. Слезы навернулись на ея глаза.

— Что это значитъ, милое дитя?—бодро начала лэди Рентонъ, притворяясь, будто не замѣчаетъ ея волненія. — Отчего застаю я васъ на диванѣ? Развѣ вы такъ страдаете, Глэдисъ?

— По временамъ я такъ слаба, Эллиноръ, что мнѣ не хочется вставать.

— Вы сейчасъ же должны призвать доктора. Я пріѣхала сегодня, чтобы поговорить съ Моунткаррономъ.

— Вы полагаете, что отъ этого будетъ какой-нибудь толкъ?

— Будетъ ли толкъ, глупенькая дѣвочка? Ужь не думаете ли вы, что умираете? Вы, все-таки, не такъ больны и только черезъ-чуръ напрягались, танцовали и ѣздили верхомъ, когда вамъ слѣдовало отдыхать, и утомили спину. Вамъ нужны укрѣпляющія средства и покой. Если докторъ пропишетъ что-нибудь, надо будетъ наблюдать, чтобы вы исполняли его предписанія, и тогда вы скоро поправитесь.

— Ни укрѣпляющія средства, ни покой не вылечатъ меня,— отвѣчала Глэдисъ, отвернувшись.

— Знаю, что они не могутъ избавить васъ отъ житейскихъ невзгодъ; но если они возстановятъ ваше здоровье, это при-

дастъ вамъ силу храбро переносить остальное. Всѣ мы несемъ свой крестъ, Глэдисъ. Посмотрите хоть на меня. Я вышла замужъ за человѣка, всею душой преданнаго мнѣ, и лишилась его черезъ пять лѣтъ. Жизнь моя стала очень грустна съ тѣхъ поръ, и еслибъ не Джемми и мой маленькій Гуго, она была бы совсѣмъ пуста; а, все-таки, я должна была жить и терпѣть. У всѣхъ общій удѣлъ.

— Но у меня,—дрожащими губами произнесла Глэдисъ,—у меня... нѣтъ *ничего*.

— Есть, милая! У васъ добрые родители, которые нѣжно любятъ васъ, сестра, а современемъ, надѣюсь, Господь пошлетъ вамъ новое утѣшеніе—ребенка, который вознаградитъ васъ за все, какъ меня вознаградилъ Гуго.

— Нѣтъ, нѣтъ,—содрогаясь, воскликнула Глэдисъ,—не надо, не хочу дѣтей. Все, только не это! Мнѣ гораздо лучше одной.

— О, не говорите такъ! Вы не подозрѣваете даже, какимъ счастьемъ было бы для васъ маленькое дитя.

— Только не въ томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь теперь, Эллиноръ. Не говорите... объ этомъ. Вы меня не знаете, не догадываетесь о моихъ мысляхъ. Еслибъ онѣ были вамъ извѣстны, быть можетъ, вы и не пришли бы сегодня сюда.

— Чѣмъ несчастнѣе вы, тѣмъ болѣе нуждаетесь въ моемъ участіи. Не отворачивайтесь отъ меня, Глэдисъ. Охотно облегчила бы я вашу ношу, если бы могла.

— Для моихъ страданій нѣтъ исцѣленія,—грустно отвѣчала лэди Моунткарронъ. — Я сама навлекла ихъ на себя и обязана переносить ихъ, какъ умѣю.

— Вы должны видѣть больше людей,—сказала Эллиноръ. — Въ этой скучной комнатѣ вы хандрите. Не можетъ ли ваша сестра пріѣхать къ вамъ на нѣсколько недѣль, пока вы поправитесь?

— Нѣтъ, ей нельзя покинуть домъ. У нея недавно родился ребенокъ.

— Въ такомъ случаѣ отецъ съ матерью. Ихъ необходимо увѣдомить о вашемъ состояніи.

— Нѣтъ, нѣтъ!—лихорадочно воскликнула Глэдисъ.—Дѣлайте, что хотите, только не говорите ничего отцу; ему будетъ тяжело видѣть меня въ такомъ положеніи. Жизнь его и безъ того не легка. Онъ такъ привязанъ ко мнѣ, такъ предостерегалъ меня противъ этого брака!—возбужденно продолжала она. — Онъ

увѣрялъ, что я не люблю Моунткаррона, просилъ подумать хорошенько, говорилъ мнѣ...

— Молчите, молчите!—прервала ее лэди Рентонъ, боясь, какъ бы волненіе не повредило ей.—Не думайте объ этомъ теперь. Знаю... этого нельзя не видѣть... что бракъ вашъ не вполнѣ удаченъ, но все можетъ еще поправиться. Толковать объ этомъ безполезно. Постарайтесь успокоиться. Прежде всего, нужна врачебная помощь; а когда возстановится ваше здоровье, можно будетъ заняться и остальнымъ.

— Никогда не востановится оно, это немыслимо,—уныло прошептала Глэдисъ.

— Говорить такъ значитъ сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ. Теперь вы еще не въ состояніи правильно судить. Надѣйтесь на лучшее и помните, сколько людей любятъ васъ и никогда не перестанутъ любить, что̀ бы ни случилось.

Она оставила Глэдисъ немного успокоенною, хотя красивое лицо ея все еще выражало глубокую тоску. Эллиноръ знала причину этого отчаянія, и сердце ея обливалось кровью. Она была добрая и честная женщина, но въ эту минуту, все-таки, меньше думала о проступкѣ Глэдисъ и Джемми, чѣмъ о ихъ горѣ. Осуждать ихъ она себѣ не позволяла.

Лишь только вышла она изъ комнаты, какъ пошла разыскивать Моунткаррона и, къ счастью, застала его дома. Гораздо рѣзче генерала Фуллера или самого Брука высказалась она насчетъ небрежности графа относительно жены. Онъ совершенно растерялся и едва узнавалъ свою кроткую кузину въ этой безпощадной женщинѣ.

— Не стыдно ли тебѣ, Моунткарронъ,—воскликнула она,—давать бѣдной Глэдисъ страдать цѣлые мѣсяцы безъ помощи? Послѣдній лакей въ домѣ видитъ, какъ она больна. Не увѣряй меня, пожалуйста, что она скрытна съ тобою. Вызывалъ ли ты ее когда-нибудь на откровенность, заслужилъ ли ее? Какъ мужъ и покровитель, ты долженъ былъ видѣть, что она больна. Это бросается въ глаза всякому. Самый небрежный человѣкъ не можетъ взглянуть ей въ лицо, не замѣтивъ, какъ она страдаетъ. А ты ждешь, чтобъ тебѣ растолковали это! Нечего говорить, сто̀ишь ты, чтобы тебѣ довѣрили молодую слабую женщину!...

— Право, Нелли, ты совершенно озадачила меня своимъ нападеніемъ. Понятно, что я призову доктора, если это нужно. Не послать ли за Чемберсомъ?

— Конечно, нѣтъ. Что понимаетъ онъ въ болѣзняхъ спиннаго мозга? Ты долженъ выписать изъ Лондона спеціалиста, кого хочешь, лишь бы это былъ первоклассный авторитетъ.

— Не можешь ли ты написать вмѣсто меня?

— Нѣтъ, это твое дѣло. Вотъ перья и бумага. Садись и пиши сейчасъ же сэръ Фрэнсису Кардуэллю и проси его назначить самый близкій срокъ, когда онъ можетъ посѣтить Карронби. Славно будетъ, если слухъ о твоей небрежности дойдетъ до Фуллеровъ! Право, старикъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы взялъ назадъ свою дочь. По крайней мѣрѣ, я на его мѣстѣ непремѣнно такъ бы поступила.

— Увѣряю тебя, я не подозрѣвалъ, что Глэдисъ такъ больна.

— Тѣмъ хуже. Говорю тебѣ, что она очень плоха и нуждается въ величайшемъ уходѣ. Ужь не желаешь ли ты, чтобъ она пролежала всю жизнь на спинѣ калѣкою? Этимъ дѣло кончится, если ей не будетъ оказана своевременная помощь. Одинъ Богъ знаетъ, насколько ты въ этомъ виноватъ.

— Ты безпощадна ко мнѣ, Эллиноръ,—смущенно сказалъ лордъ.—Право, не понимаю, что я сдѣлалъ такого ужаснаго. Никогда не отказывалъ я женѣ ни въ одной просьбѣ,—напротивъ, предоставлялъ ей во всемъ полную свободу.

— Судя по слухамъ, и себѣ въ ней не отказывалъ,—рѣзко замѣтила лэди Рентонъ.—Однако, я не чувствую никакого желанія продолжать этотъ разговоръ. Готово ли письмо? Дай мнѣ самой отправить его. Я не успокоюсь, пока не увижу его на пути въ Лондонъ. Прощай.

Съ этими словами лэди Рентонъ схватила конвертъ и вышла изъ комнаты.

Лордъ былъ такъ смущенъ, что тотчасъ же направился къ комнатѣ жены и спросилъ позволенія войти. Появленіе его было настолько неожиданно, что горничная, впустившая его, не могла скрыть своего изумленія.

— Боже мой, самъ милордъ!—воскликнула она.

— Впустите его,—слабымъ голосомъ сказала Глэдисъ.

Маунткарронъ неловко подошелъ къ дивану и, быть можетъ, въ первый разъ замѣтилъ, какъ измѣнилась жена.

— Эллиноръ говорила со мною о тебѣ,—смущенно началъ онъ.—Я ужасно жалѣю, что ты такъ больна. Отчего не сказала ты этого раньше?

— Если ты самъ не замѣчалъ, не стоило говорить.

— Что же съ тобою?

— Ничего, благодарю. Такъ, пустяки. Голова болитъ. Завтра я буду здорова.

— Эллиноръ увѣряла, что ты очень плоха, и заставила меня написать сэръ Фрэнсису. Забавно будетъ, если онъ побезпокоится пріѣхать и не найдетъ ничего.

— Съумѣетъ найти что-нибудь. Доктора на это ловки.

— Думаю, что онъ будетъ здѣсь завтра или послѣ завтра. Я просилъ его телеграфировать. А пока не могу ли я сдѣлать что-нибудь для тебя?

— Ничего, спасибо. Пожалуйста, вернись къ своимъ друзьямъ. Я знаю, какъ ненавистны тебѣ комнаты больныхъ.

— Если я, дѣйствительно, не могу ничего сдѣлать для тебя...—нерѣшительно пробормоталъ графъ.

— Ничего не можешь сдѣлать. Парсонсъ ухаживаетъ за мною прекрасно. Я только и нуждаюсь въ тишинѣ и отдыхѣ.

— Ну, значитъ, прощай пока,—сказалъ лордъ, вставая и не дѣлая никакой попытки поцѣловать ее.—Какъ только получу телеграмму отъ сэръ Фрэнсиса, я дамъ тебѣ знать.

— Благодарю,—равнодушно отвѣчала она.

Дверь закрылась, и Моунткарронъ, вполнѣ увѣренный, что исполнилъ свой долгъ, спустился по лѣстницѣ и велѣлъ сѣдлать лошадь, чтобы ѣхать верхомъ съ Агнесой.

На третій день прибылъ знаменитый лондонскій докторъ, внимательно изслѣдовалъ спину Гледисъ, освѣдомился о различныхъ симптомахъ и выслушалъ подробный отчетъ Парсонсъ о страданіяхъ милэди и обморокахъ, которыми оканчиваются пароксизмы. Пока онъ находился въ будуарѣ, сэръ Фрэнсисъ казался болѣе чѣмъ спокойнымъ, смѣялся надъ мрачнымъ лицомъ горничной, отрицалъ всякую опасность и объявилъ, что нѣсколько недѣль ухода совершенно возстановятъ силы лэди Моунткарронъ.

Но когда онъ направился къ кабинету, чтобы переговорить съ лордомъ, лицо его имѣло совершенно другое выраженіе. Нѣкоторое время хранилъ онъ торжественное молчаніе, заботливо кутаясь въ пальто и шарфъ.

— Ну, сэръ Фрэнсисъ!—воскикнулъ лордъ,—каковъ вашъ приговоръ?

— Милэди очень молода. По ея словамъ, ей всего только двадцать лѣтъ, а молодость—великое дѣло въ этомъ случаѣ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что подмѣтилъ серьезные симп-

томы въ ея болѣзни. Спина сильно поражена. Вѣроятно, миледи всегда была нѣжнаго сложенія, и слабость ея усилилась отъ черезмѣрнаго утомленія и невниманія къ себѣ. Ей придется лежать нѣсколько недѣль. Болѣе этого я не могу ничего сказать въ настоящее время. Если вамъ угодно, я снова навѣщу ее черезъ мѣсяцъ, и тогда выскажусь опредѣленнѣе. Только наблюдайте за тѣмъ, чтобъ она не сходила съ дивана. Ни танцевъ, ни прогулокъ, ни верховой ѣзды. Вставать она можетъ только для того, чтобы перейти съ постели на кушетку. Миледи говорила мнѣ, что собирается ѣхать въ городъ на сезонъ. И думать нечего объ этомъ. Если вамъ дорого ея здоровье, скажу прямо: если вы цѣните ея жизнь, позаботьтесь о томъ, чтобъ исполнялись мои предписанія.

— Вы сказали все это горничной?—спросилъ Моунткарронъ.

— Да. Я долго говорилъ съ нею. Это, кажется, очень толковая женщина. Но врядъ ли нужно напоминать вамъ, что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ не всегда можно надѣяться на слугъ, какъ бы хороши они ни были. Развѣ у лэди Моунткарронъ нѣтъ никакой родственницы, которая могла бы пріѣхать къ ней?

— У нея множество родныхъ, но она довольно упряма въ такихъ вопросахъ и любитъ дѣлать по-своему. Тѣмъ не менѣе, я позабочусь о томъ, чтобы ваши предписанія исполнялись въ точности; а когда вы сочтете нужнымъ повидаться съ паціенткой, вы, конечно, увѣдомите насъ, и все будетъ готово къ вашему пріему. Надѣюсь, вы позавтракаете съ нами до своего отъѣзда?

— Благодарю, мнѣ некогда. Я долженъ попасть на часовой поѣздъ: у меня въ четыре часа важная операція. Развеселите немного жену, милордъ. Мнѣ показалось, что она очень мнительна, а ничто не мѣшаетъ выздоровленію въ такой степени, какъ именно хандра. Очень вамъ благодаренъ.

И опустивъ въ карманъ чекъ въ пятьдесятъ фунтовъ, великій мужъ сѣлъ въ карету, которая должна была отвести его на станцію.

Глава XXVI.

Розы и шипы.

Приговоръ былъ произнесенъ. Двадцати лѣтъ отъ роду, имѣя полную возможность доставить себѣ всю роскошь и всѣ удовольствія, какія можно добыть за деньги, Глэдисъ была осуждена

отказаться отъ всего и лежать на спинѣ до той поры, пока доктора не позволятъ ей встать.

Лордъ не скрылъ отъ жены правды. Изъ гуманности сэръ Фрэнсисъ утаилъ ее отъ молодой женщины, но графъ не понималъ такого малодушія. Часа не прошло съ отъѣзда доктора, какъ Моунткарронъ съ свойственною ему грубостью уже передалъ женѣ сущность дѣла, совершенно не кстати прибавивъ, что она должна быть довольна, такъ какъ обязана всѣмъ этимъ своей собственной непростительной глупости. Гледисъ молча выслушала его. Въ эту минуту она чувствовала себя такою несчастной, что не встревожилась тѣмъ, какая участь ждетъ ее. Если что-либо огорчало ее, то только мысль, что она умретъ не сразу. Долгая болѣзнь казалась ей чѣмъ-то очень томительнымъ. Одно хорошо,—это удалитъ Моунткаррона изъ ея комнаты. Онъ не станетъ удручать больную своимъ присутствіемъ, и, опуская усталую головку на подушки, Гледисъ невольно подумала, что нѣтъ худа безъ добра.

Написать роднымъ было, конечно, необходимо. Графъ понялъ, что невозможно долѣе таить отъ нихъ болѣзнь жены, но молодая женщина попросила позволенія самой извѣстить ихъ, и мужъ согласился на ея желаніе. Она отнеслась ко всему дѣлу легко, просто сообщила, что слишкомъ натрудила спину и что докторъ велѣлъ лежать на диванѣ нѣсколько недѣль.

У Винни былъ новорожденный ребенокъ и она не могла уѣхать изъ дому. Отецъ страдалъ припадкомъ подагры. Гледисъ просила мать не покидать ради нея больныхъ, и было рѣшено, что Фуллеры пріѣдутъ на нѣсколько недѣль въ Карронби, когда поправится старикъ.

Тѣмъ временемъ лэди Моунткарронъ лежала на диванѣ, бѣлая, какъ снѣгъ, падавшій передъ окнами, и съ ноющею болью въ сердцѣ, которую ничто не могло успокоить. Ежедневно горничная подавала ей свѣжій букетъ. Иногда онъ состоялъ изъ раннихъ подснѣжниковъ, въ другой разъ изъ яркихъ, пахучихъ фіалокъ, но что̀ бы это ни было, онъ всегда сопровождался одними и тѣми же словами.

— Мистеръ Брукъ кланяется вамъ, милэди, и желаетъ знать, какъ вы себя чувствуете сегодня.

Отвѣтъ тоже былъ постоянно однообразный:

— Благодарите мистера Брука, Парсонсъ, и скажите, что все попрежнему.

Но хотя Парсонсъ и не видала горькихъ слезъ, которыя проливала Глэдисъ надъ своимъ букетомъ, и не слыхала ея жалобнаго возгласа: «О, мой дорогой, зачѣмъ пересталъ ты любить меня?»—она отлично понимала, что̀ значитъ яркій румянецъ, вспыхивавшій на щекахъ барыни, когда она брала въ руки цвѣты.

Лэди Рентонъ часто навѣщала больную, но Глэдисъ всегда становилось хуже отъ ея визитовъ. Намѣренія Эллиноръ были добрыя, только она придерживалась устарѣлаго взгляда, будто преступную любовь всего лучше можно искоренить подавляя ее, хотя бы отъ этого разбилось больное сердце. Отъ всей души жалѣла она Глэдисъ и Брука, но полагала, что всего полезнѣе какъ можно скорѣе излечить ихъ отъ злополучной привязанности. Поэтому она не давала лэди Моунткарронъ утѣшаться мыслью, что милый раздѣляетъ ея горе,—напротивъ, всегда говорила о Джемми, какъ о человѣкѣ совершенно беззаботномъ.

— Какой онъ, право, веселый!—начала она однажды.—Въ сравненіи съ нимъ и Гуго, я чувствую себя совершенно отжившею. Когда они вмѣстѣ, это точно двое дѣтей. Впрочемъ, Джемми дѣйствительно почти ребенокъ.

— Ему скоро минетъ двадцать пять лѣтъ, — прошептала Глэдисъ.

— Это вѣрно. Какъ летитъ время! Мнѣ кажется, что онъ еще вчера ходилъ въ юбочкахъ... А теперь многое зависитъ отъ него. Кромѣ Моунткаррона, онъ единственный мужчина въ семьѣ, и я желала бы видѣть его счастливо женатымъ.

— Онъ можетъ современемъ сдѣлаться графомъ, — съ слабою улыбкой сказала Глэдисъ.—У меня, конечно, никогда не будетъ дѣтей.

— О, милая, не говорите объ этомъ. Кто знаетъ, какое счастье еще ожидаетъ васъ, когда вы окрѣпнете! Но, конечно, еслибъ у васъ не было дѣтей, Джемми—прямой наслѣдникъ, и его потомки получатъ современемъ титулъ.

Глэдисъ закрыла глаза и вздохнула.

— Вамъ дурно, милая?—воскликнула лэди Рентонъ.

— Нѣтъ. Это — спазмъ. Но вы вѣрно говорите, Эллиноръ; мистеру Бруку, конечно, необходимо жениться. Какъ жаль, что онъ не посватался къ миссъ Темпль!

— Она пріѣдетъ сюда съ отцомъ въ будущемъ мѣсяцѣ! — воскликнула лэди Рентонъ.—Мы узнали это только вчера. Джемъ, навѣрное, будетъ встрѣчаться съ нею во время сезона.

— А мнѣ тамъ не бывать, — прошептала Глэдисъ и залилась слезами.

— Неужели вы объ этомъ такъ жалѣете? Это недостойно васъ, Глэдисъ. Танцы и прочія удовольствія очень хороши въ своемъ родѣ; но если мы дадимъ имъ монополизировать всѣ наши...

— Я говорю не о танцахъ, хотя и люблю ихъ,—рыдала лэди Моунткарронъ. — Мнѣ представилось, что я не увижу своихъ друзей...

— Но я думаю, что генералъ и мистрисъ Фуллеръ пріѣдутъ сюда въ маѣ. Моунткарронъ утверждалъ это. Да и сестра, конечно, навѣститъ васъ при первой возможности. Какъ ея здоровье?

— Очень хорошо, кажется.

— А ея дѣвочка? Какъ зовутъ ее?

— Не знаю. Я не спрашивала.

— Что скажетъ мистрисъ Прендергэстъ о такомъ равнодушіи съ вашей стороны?

— Что ей говорить? Она знаетъ, что я терпѣть не могу дѣтей. Гадкія, дряблыя существа! Я никогда не дотрогивалась до своего племянника, пока ему не минулъ годъ.

— Но это очень неженственно, Глэдисъ. Если вы когда-нибудь станете матерью...

— Ахъ, Эллиноръ, не надоѣдайте мнѣ, пожалуйста, этимъ! Я не хочу быть матерью. Пусть дѣти Джемми наслѣдуютъ титулъ; чѣмъ скорѣе я умру, тѣмъ лучше.

Лэди Рентонъ, увидавъ, что не можетъ успокоить волненія, вызваннаго ея замѣчаніемъ, оставила Глэдисъ одну и ушла, недоумѣвая, отчего ея визиты такъ разстраиваютъ всегда молодую женщину.

Однажды, черезъ недѣлю послѣ посѣщенія доктора, букетъ цвѣтовъ (на этотъ разъ онъ состоялъ изъ розъ) сопровождался нѣсколько иными словами:

— Мистеръ Брукъ кланяется вамъ, милэди. Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, онъ желалъ бы видѣть васъ хоть на нѣсколько минутъ.

Отвѣтъ Глэдисъ былъ чисто-женскій:

— О, Парсонсъ, въ какомъ состояніи мои волосы?

— Все въ порядкѣ, милэди. Лучше быть не можетъ. Позвольте прикрыть вамъ ноги бѣлымъ покрываломъ и подать чис-

тый носовой платокъ. Ну, теперь вы настоящая картинка. Впустить мистера Брука?

— Да, да, если онъ этого желаетъ. Не пора ли вамъ пить чай, Парсонсъ?

— Да, милэди. Если позволите, я напьюсь, пока мистеръ Брукъ съ вами,—съ большимъ тактомъ сказала горничная.

Черезъ минуту она впустила Джемми, и влюбленные снова были вмѣстѣ. Глэдисъ не поднимала глазъ отъ розъ. Она чувствовала, что онъ стоитъ рядомъ съ нею, но не хотѣла взглянуть на него. Только тогда, когда онъ придвинулъ стулъ, сѣлъ, взялъ ее за руку и тихо сказалъ: Глэдисъ,—двѣ слезы, скатившіяся по ея блѣднымъ щекамъ, обличили, что она замѣтила его присутствіе. Это было ихъ первое свиданіе послѣ встрѣчи въ кабинетѣ.

— Ты видишь, до чего я дошла, Джемми, — сказала она, стараясь говорить бодро. — Я обречена лежать тутъ до конца жизни. Хороша перспектива — знать, что все кончено для меня въ двадцать лѣтъ!

Она сдѣлала страшное усиліе, чтобы подавить истерическія рыданія, душившія ее.

— Милая моя, дѣло не такъ плохо. Страхъ заставляетъ тебя преувеличивать опасность. Черезъ нѣсколько недѣль, въ крайнемъ случаѣ, мѣсяцевъ, ты будешь опять сильна и здорова.

— Ты говоришь такъ, чтобъ утѣшить меня, но я лучше знаю, въ чемъ дѣло. Моунткарронъ передалъ мнѣ все, что сказалъ докторъ. По его мнѣнію, спина моя сильно поражена, и, несмотря на мою молодость, болѣзнь, все-таки, весьма серьезна. Понимаю, что̀ это значитъ. Я проведу остатокъ дней моихъ, лежа на диванѣ, пока смерть не освободитъ меня. О, еслибъ она пришла сегодня же! — рыдая, воскликнула лэди Моунткарронъ.

— Глэдисъ, развѣ ты не чувствуешь, что огорчаешь меня?

— Это не надолго. Ты скоро утѣшишься. Эллиноръ говорила надняхъ, что ты долженъ жениться, что тебя обязываютъ къ этому семейные интересы,— я утверждаю тоже самое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты будешь современемъ лордомъ Моунткаррономъ, а послѣ тебя титулъ перейдетъ къ твоимъ дѣтямъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ. Горе душило его. Она торопливо продолжала:

— Я рада, что ты пришелъ сегодня. Мнѣ хотѣлось сказать тебѣ, что ты былъ правъ во всемъ, что̀ говорилъ во время нашего послѣдняго свиданія. Дѣйствительно, это было бы безумiемъ. Хорошо, что ничего не случилось тогда. Подумай, какъ бы ты ненавидѣлъ меня, еслибъ я была теперь на твоихъ рукахъ.

— Я не могъ бы ненавидѣть тебя ни при какихъ обстоятельствахъ.

Онъ боролся съ собою такъ, какъ нѣкогда боролись за свою жизнь на аренѣ римскіе гладіаторы. Съ каждымъ словомъ, которое она произносила, ему казалось, будто капля по каплѣ сочится его кровь. Ему хотѣлось бы сказать многое, но онъ не смѣлъ дать воли своимъ желаніямъ, не зная, куда приведутъ они его, до какой слабости онъ дойдетъ, глядя на блѣдную страдалицу, которую любитъ болѣе жизни. Вслѣдствіе этого, слова̀ его звучали холодно. Онъ не отрицалъ возможности жениться и имѣть дѣтей, и Глэдисъ вообразила, что онъ во всемъ соглашается съ нею.

— Что̀ это Моунткаррону вздумалось передавать тебѣ мнѣніе сэръ Фрэнсиса?—спросилъ онъ, наконецъ.—Ты, вѣдь, знаешь, доктора всегда преувеличиваютъ болѣзнь, чтобы покрыть себя славою. Это принадлежность ихъ ремесла.

— Ужь не думалъ ли ты, что Моунткарронъ пощадитъ мои чувства, вѣренъ приговоръ доктора или нѣтъ? Развѣ онъ когда-нибудь жалѣлъ меня? Напротивъ, казалось, будто онъ испытываетъ злобную радость, передавая мнѣ эту вѣсть. Онъ даже назвалъ меня глупою и сказалъ, что я сама во всемъ виновата.

— Не заботься о томъ, что̀ онъ говорилъ, Глэдисъ. Это все неправда. Болѣзнь твою захватили, слава Богу, вѣ-время, и черезъ мѣсяцъ ты опять будешь на ногахъ. Это сказалъ самъ сэръ Фрэнсисъ.

— Развѣ ты его видѣлъ?—съ любопытствомъ спросила Глэдисъ.

Брукъ покраснѣлъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ.

— Въ то время, когда онъ былъ здѣсь?

— Нѣтъ, въ Лондонѣ.

— Ты нарочно для этого ѣздилъ туда?

— Ну, что-жь, если и нарочно? Неужели ты думаешь, что я недостаточно интересуюсь тобою для этого?

— Это было очень хорошо съ твоей стороны, Джемми,—просто отвѣчала она.

Обращеніе его съ нею все еще казалось ей, однако, холоднымъ въ сравненіи съ прежнимъ. Брукъ тоже чувствовалъ перемѣну, закравшуюся въ ихъ отношенія. Онъ страстно желалъ дать ей понять, что онъ все еще ея другъ, ея милый, но не зналъ, какъ приняться за дѣло, пока Глэдисъ сама не указала ему путь.

— Эллиноръ говорила, что миссъ Темпль пріѣдетъ сюда съ отцомъ въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Кажется,—отвѣчалъ онъ.—Губернаторъ отслужилъ свой срокъ, и полковникъ Темпль возвращается въ Англію со всѣмъ штабомъ.

— Ты поѣдешь встрѣтить ее?—ревниво продолжала Глэдисъ.

— Нелли и это сказала тебѣ? Вѣроятно, ей что-нибудь приснилось, потому что я никогда не говорилъ ничего подобнаго.

— Но ты, однако, проведешь сезонъ въ Лондонѣ?

— Да, по крайней мѣрѣ, часть его. Я пропустилъ весь прошлогодній сезонъ,—вздохнувъ, прибавилъ Брукъ.

— Да, въ то самое время, какъ я подкашивала свое здоровье безумными выѣздами!—воскликнула Глэдисъ.—Я танцовала такъ, что едва могла стоять на ногахъ, и сколько разъ желала упасть мертвою еще до конца бала.

— Ты лучше бы сдѣлала, если бы занялась тѣмъ же, чѣмъ и я.

— А что же ты дѣлалъ? Волочился за миссъ Темпль?

— Въ то время я еще не видалъ ее. Нѣтъ, я сидѣлъ у изголовья бѣднаго Чарли и учился у него, какъ долженъ умирать хорошій человѣкъ.

— Не думаю, чтобы трудно было умирать,—сказала Глэдисъ.—Гораздо труднѣе жить.

— Въ этомъ ты права. Слова твои напоминаютъ мнѣ очень грустный фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ послѣ того, какъ мы разстались. Я видѣлъ, какъ тяжело бываетъ иногда жить женщинѣ... Не разсказать ли тебѣ эту исторію?

— О, да, говори, что хочешь, только бы я забыла, что должна лежать здѣсь.

Брукъ подробно передалъ ей свою встрѣчу съ майоромъ Остеномъ и тѣ страданія, которыя пришлось перенести той, которая слыла его женою.

— Глэдисъ,—продолжалъ онъ,—когда я видѣлъ ея испуганные глаза, слышалъ ея слезы, я благодарилъ Господа за то, что она—не ты. Я умеръ бы, кажется, если бы видѣлъ тебя въ такомъ положеніи, или убилъ бы и тебя, и себя.

Она не сдѣлала никакого замѣчанія.

— Неужели это не грустная исторія, Глэдисъ? Развѣ ты не можешь представить себѣ слезъ, отчаянія, горя бѣдной женщины? Говори же, милая. Ты, навѣрное, страдала бы за нее столько же, какъ и я.

— Можетъ быть. Вѣдь, она не съ *тобою* убѣжала.

О, логика любви! «Еслибъ эта женщина бѣжала съ тобою, я не жалѣла бы ее»,—хотѣла сказать Глэдисъ. Брукъ былъ озадаченъ и не зналъ, что отвѣчать.

— А майоръ былъ такъ же несчастенъ, какъ и она?—спросила, наконецъ, лэди Моунткарронъ.

Брукъ не сразу понялъ, куда клонитъ вопросъ.

— *Очень* несчастенъ, — горячо отвѣчалъ онъ. — Слезы ея сводили его съ ума и онъ почти не бывалъ дома. Днемъ онъ бродилъ по городу, а по вечерамъ игралъ въ карты и на билліардѣ. Когда мы высадились на берегъ, я рѣдко встрѣчалъ ихъ вмѣстѣ, развѣ только за обѣдомъ. Мысль о томъ, что онъ сдѣлалъ, терзала его, а видъ ея страданій служилъ ему вѣчнымъ укоромъ.

— Совершенно по-мужски! — произнесла Глэдисъ.—Бѣдная женщина, навѣрное, уже надоѣла ему. Такъ обыкновенно бываетъ черезъ мѣсяцъ.

— Это неизбѣжная кара незаконной любви, — мягко замѣтилъ Брукъ.

— Вздоръ! Это просто натура мужчинъ. Они такъ же скоро тяготятся женами, какъ и любовницами. Что касается меня, видитъ Богъ, я рада была бы, еслибъ никогда не знала ни одного изъ нихъ.

— Ты желаешь, чтобъ я ушелъ?—вставая, спросилъ Брукъ.

— Мнѣ все равно, уйдешь ты или останешься. Что бы ни случилось, для меня одинаково тяжело. Ты совершенно разстроилъ меня своею страшною исторіей, вмѣсто того, чтобъ развлечь. Какое мнѣ дѣло до того, страдала мистрисъ Остенъ или нѣтъ? Мы всѣ страдаемъ. Для этого достаточно быть женщиной.

— Я думалъ...—началъ онъ.

— Ну, такъ не думай больше!—нетерпѣливо прервала она

его. — Какая польза отъ думанья? Еслибъ я не перестала размышлять...

Но на этомъ она оборвала свою рѣчь, оставивъ конецъ фразы недосказаннымъ.

— Глэдисъ,—послѣ короткаго молчанія началъ Брукъ,—недавно, когда я предлагалъ тебѣ свою дружбу, ты ее отвергла. Ты не станешь больше дѣлать этого, милая?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— И простишь мнѣ горе, которое я тебѣ причинилъ?... Оставь же мнѣ хоть это утѣшеніе. Иногда мнѣ кажется, что безъ него у меня не хватитъ силъ жить.

— Мнѣ нечего прощать, Джемми.

— Ты знаешь, что есть. Только не заставляй меня думать, что своимъ недостойнымъ поведеніемъ я загубилъ твое счастье. Тебѣ можетъ выпасть на долю много хорошаго, хотя ты и жена Моунткаррона. Не вѣрю, чтобъ его увлеченіе было продолжительно. Вскорѣ онъ самъ увидитъ свое безуміе и пойметъ, чего ты стоишь. Постарайся примириться съ нимъ, и я увѣренъ, что ты снова привлечешь его къ себѣ. Помнишь, какъ онъ восторгался тобою? Навѣрное, это опять начнется. Это неизбѣжно. Видишь ли, Глэдисъ, — продолжалъ Брукъ съ болѣзненною улыбкой,— я уже говорю съ тобою, точно другъ или старый дядя. Будь же справедлива и повѣрь, что я имѣю въ виду лишь твое счастье.

— О, да,—равнодушно сказала она, отворачивая лицо.

— Конечно, тяжело, что именно мнѣ приходится говорить съ тобою такимъ образомъ, — продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—но никого другаго нѣтъ, а мы... мы всегда были большими друзьями. Я непремѣнно хочу порвать связь Моунткаррона съ миссъ Рэшертонъ, и усилія мои будутъ вдвое успѣшнѣе, если ты станешь съ нимъ поласковѣе.

— Ты желаешь, чтобъ я нѣжничала съ Моунткаррономъ при настоящемъ положеніи дѣлъ? — спросила Глэдисъ.—Думаю, что это будетъ трудно. У меня такая упрямая натура. Я не могу мѣняться такъ легко, какъ другіе. Быть можетъ, если ты разскажешь мнѣ, какъ ты любезничалъ съ миссъ Темпль...

— Глэдисъ, не болтай вздора! — вспыльчиво прервалъ онъ ее.—Если ты будешь смѣяться надъ всѣмъ, что я говорю, мнѣ всего лучше замолчать. Мое присутствіе, очевидно, раздражаетъ тебя, и я хорошо сдѣлаю, если уйду.

Онъ всталъ и пошелъ къ двери; но не успѣлъ еще дойти до нея, какъ его остановилъ жалобный призывъ:

— Джемми!

— Что?—спросилъ онъ, не возвращаясь.

— Ты мнѣ нуженъ. Иди сюда.

Онъ подошелъ къ дивану, на которомъ она лежала. На ея глазахъ были слезы.

— Я не хотѣла быть груба. Не разставайся со мною такимъ образомъ. Поцѣлуй меня, прежде чѣмъ ты уйдешь. Ты еще ни разу не цѣловалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ вернулся.

Говоря это, она протянула ему губы съ видомъ раскаявшагося ребенка, и Брукъ почувствовалъ, точно его влечетъ къ ней неотразимая сила.

— Глэдисъ, милая, не проси меня объ этомъ! Ты не знаешь, не можешь знать, какимъ счастьемъ это было бы для меня. Но долгъ относительно тебя и... и... другихъ запрещаетъ это. Ради Бога, позволь мнѣ уйти, прежде чѣмъ я потеряю власть надъ собою.

Съ этими словами онъ стиснулъ ея руку, отвернулся, бросился къ двери и сбѣжалъ съ лѣстницы. «Какъ она испытываетъ меня!—прошепталъ онъ, вытирая влажный лобъ.—Когда же буду я настолько твердъ, чтобы, находясь въ ея присутствіи, не думать постоянно о томъ, *чѣмъ* она могла быть для меня?»

А въ это самое время лэди Моунткарронъ рыдала, лежа на подушкѣ, и повторяла: «О, онъ уже не любитъ, онъ забылъ меня. Это вполнѣ ясно. Онъ сказалъ, что его... его долгъ относительно *другихъ* запрещаетъ ему поцѣловать меня. О комъ же могъ онъ говорить, какъ не объ этой гадкой миссъ Темпль? Понимаю теперь. Эллиноръ была права. Онъ хочетъ жениться, а я... О, еслибъ я могла умереть и навсегда забыть и его, и все на свѣтѣ!...»

Глава XXVII.

Месть.

Брукъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Моунткарономъ со дня ихъ ссоры, и графъ, казалось, уже забылъ о ней. Онъ былъ эгоистиченъ и вялъ и не могъ долго сердиться ни на кого. Агнесою онъ увлекался слишкомъ мало, чтобы бороться изъ-за нея, а кузена такъ любилъ, что не желалъ лишаться его об-

щества,—Брукъ его развлекалъ. Бойкій, веселый и остроумный разговоръ его рѣзко отличался отъ тяжеловѣсности самого Моунткаррона, и отъѣздъ Джемми болѣе всего натолкнулъ графа на интимность съ миссъ Рэшертонъ.

Онъ искренно обрадовался возвращенію кузена и не желалъ ссориться съ нимъ, что̀ бы онъ ни говорилъ. Бруку также было пріятно, когда кончился разрывъ между ними. Онъ надѣялся убѣдить Моунткаррона хоть нѣсколько удалиться отъ Агнесы, и это въ значительной степени удалось ему. Инстинктивно лордъ вернулся къ прежней привычкѣ всюду возить съ собой Брука, и кузеновъ постоянно можно было встрѣчать вмѣстѣ. Нововведеніе это не нравилось миссъ Рэшертонъ. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ она привыкла видѣть лорда почти ежедневно; теперь визиты его свелись на одинъ или на два въ недѣлю, а къ его извиненіямъ всегда примѣшивалось имя Брука. Слова: «Джемъ и я»—такъ часто звучали въ устахъ лорда, что Агнеса почувствовала, наконецъ, ревность. Всюду видѣла она слѣды вліянія молодаго человѣка, и рѣшилась помѣшать этому, насколько возможно.

Однажды, когда лордъ явился послѣ пяти или шести дней отсутствія, обыкновенно ласковая встрѣча была замѣнена самымъ холоднымъ привѣтствіемъ.

— Это что такое? — воскликнулъ онъ.— Что случилось съ вами, лэди?

— Не думаю, чтобъ это было для васъ очень важно, лордъ Моунткарронъ. Я успѣла бы умереть и быть погребенною со времени нашего послѣдняго свиданія.

— Но вы не умерли и не похоронены,—значитъ, и плакать не о чемъ. Вѣдь, я былъ здѣсь во вторникъ.

— Нѣтъ, не были. Вы не заходили сюда съ прошлой пятницы.

— Неужели? Чортъ возьми! Я непремѣнно хотѣлъ побывать. Вспомнилъ: Джемъ возилъ меня въ Генли смотрѣть лошадь, и мы вернулись къ ночи. Очень жалѣю объ этомъ, Агнеса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и радуюсь, видя, что вы соскучились обо мнѣ.

— Никогда не говорила я этого, милордъ. Но если это будетъ такъ продолжаться, быть можетъ, настанетъ день, когда *вамъ* придется скучать обо мнѣ.

— Это что такое? Ужь не собираетесь ли вы серьезно поссориться со мной? Впрочемъ, это и отлично! Вы всего краси-

вѣе, когда злитесь, да и поцѣлуй вашъ всего слаще во время примиренія. Только не на меня должны вы гнѣваться, Агнеса, а на Джема. Это все его вина, честное слово.

— Знаю, что его вина,—тяжело дыша, отвѣчала миссъ Рэшертонъ.—Съ его возвращенія изъ Индіи вы на себя не походите.

— Вы знаете, какъ я всегда любилъ Джема.

— И глупѣе этого вы не могли ничего сдѣлать, милордъ.

— Послушайте, однако, это невѣжливо. Почему бы не любить мнѣ кузена? Не забывайте, что онъ мой ближайшій родственникъ.

— И коварнѣйшій другъ.

— Этого я не знаю,—задумчиво промолвилъ графъ.

Онъ не разъ думалъ о своемъ разговорѣ съ Джемомъ по поводу этой женщины и долженъ былъ признаться, что Брукъ правъ. Она, дѣйствительно, груба, дурно воспитана и ниже его по рожденію и привычкамъ. Не слѣдуетъ рисковать ради нея добрымъ именемъ. Она недостойна носить графской короны. Это убѣжденіе удаляло его въ послѣднее время отъ дѣвушки. Не зная настоящей причины, Агнеса кое о чемъ, однако, догадывалась, поняла тѣ мотивы, которые руководили лордомъ, и нашла, что настало время для мести.

— Назовете ли вы другомъ того человѣка, который старается возстановить меня противъ васъ?—быстро спросила она.

— Джемъ этого не дѣлалъ. Онъ и не заходилъ къ вамъ со своего пріѣзда.

— Много же вы знаете! Вы сами такъ рѣдко заглядываете сюда, что цѣлый полкъ могъ бы перебывать здѣсь безъ вашего вѣдома. Двѣ недѣли тому назадъ мистеръ Брукъ сидѣлъ на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сидите теперь вы.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ лордъ, готовый, подобно всѣмъ мужчинамъ, ревновать даже ту женщину, которую собирался покинуть.—Что ему было нужно? Онъ всегда увѣряетъ меня, что терпѣть васъ не можетъ.

Миссъ Рэшертонъ засмѣялась.

— Быть можетъ, онъ старается увѣрить васъ, что ненавидитъ и лэди Моунткарронъ?

— Не знаю... Къ чему припутываете вы ее сюда?

— А я такъ знаю. Какъ бы то ни было, мистеръ Брукъ

осчастливилъ меня визитомъ на прошлой недѣлѣ и просидѣлъ здѣсь все утро.

— Ну, такъ я опять спрашиваю васъ: что же было ему нужно? Что говорилъ онъ?

— Очень многое; больше всего, однако, намеками. Помню время, милордъ (это подтвердятъ вамъ и мои родители), когда кузенъ вашъ оказывалъ мнѣ особое вниманіе, но, конечно, теперь я уже не могу поощрять его. Быть можетъ, это его и злитъ. Во всякомъ случаѣ онъ страшно разсердился и имѣлъ дерзость обвинять меня въ...

— Въ чемъ же, говорите, наконецъ? Какая вамъ нужда притворяться при мнѣ скромницей?

— Въ томъ, будто я интересуюсь вами больше, чѣмъ слѣдуетъ. А потомъ онъ объявилъ, что... Нѣтъ, ужь избавьте меня. Я, право, не могу повторить вамъ всего.

— То, что Джемъ могъ сказать вамъ, вы можете, мнѣ кажется, повторить мнѣ. Я настаиваю на этомъ! — повелительно произнесъ лордъ.

— Онъ сказалъ,—продолжала миссъ Рэшертонъ съ притворною скромностью,—что если вамъ угодно дурачиться, семья заставитъ васъ поплатиться за это, и что никогда не получите вы развода, что бы ни случилось.

— Чортъ бы ихъ побралъ!—воскликнулъ графъ.—Кому онъ нуженъ?

— О, милордъ, онъ говорилъ, конечно, только о томъ случаѣ, еслибъ вы пожелали развода. Понятно, что я была возмущена. Какая дѣвушка не возмутилась бы на моемъ мѣстѣ! И все это только потому, что мы съ вами такіе друзья. Но я ясно поняла цѣль мистера Брука и прямо высказала ему это.

— Онъ, вѣроятно, самъ хочетъ жениться на васъ. Нѣтъ, чортъ возьми, ему это не удастся!

— Не это его цѣль, милордъ,—по крайней мѣрѣ, не теперь. Онъ отлично знаетъ, что не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Пришелъ онъ не ради меня, а въ интересахъ миледи. Всякій долженъ былъ понять это. Если она нуждается въ посредникѣ,—естественно, что она обращается къ нему. Они такіе близкіе друзья.

— Еще бы!... Они—кузены.

— Да. Привязанность кузеновъ очень удобна, милордъ, не такъ ли? У меня тоже былъ двоюродный братъ; онъ хотѣлъ же-

ниться на мнѣ, только онъ не былъ такъ красивъ, какъ мистеръ Брукъ.

Лицо Моунткаррона стало хмуро.

— На что намекаете вы, Агнеса?

— Намекаю? Ни на что. Если вамъ это все равно, кому же какое дѣло?

— Дѣло до чего?

— До близости мистера Брука съ миледи. Неужели вы ничего не замѣчали прошлою зимой, когда они постоянно были неразлучны—и въ домѣ, и на прогулкахъ? Всѣ приписывали болѣзнь вашей жены разлукѣ съ кузеномъ. Говорятъ, будто она до того тосковала по немъ, что слегла. Но, конечно, вамъ это должно быть лучше извѣстно.

— Клянусь честью, Агнеса, — воскликнулъ лордъ, быстро вставая,—славную штуку разсказали вы мнѣ! Значитъ, по-вашему, Глэдисъ амурничаетъ съ Джемомъ?

— О, милордъ, никогда не утверждала я этого! Быть можетъ, все это клевета. Мистеръ Брукъ, правда, очень поспѣшно и неожиданно покинулъ Англію, а миледи не переставала хандрить съ тѣхъ поръ. Пріятно намъ это или нѣтъ, мы не можемъ помѣшать людямъ болтать.

— Нечего говорить, все это весьма подозрительно,—сказалъ лордъ, шагая по комнатѣ.—Они, дѣйствительно, всегда были вмѣстѣ, а со времени его отъѣзда она совершенно раскисла. Если это окажется правда...

— Что сдѣлаете вы тогда, милордъ?

— Разведусь съ нею въ ту же минуту. Неужели вы полагаете, что я потерплю такое безчестье? И еще съ Джемомъ,— съ Джемомъ, которому я вѣрилъ, какъ родному брату... Это просто невѣроятно!

— Ну, такъ и не вѣрьте,—упокоительно сказала Агнеса.— Быть можетъ, все это ложь. Вамъ лучше знать. Если лэди Моунткарронъ съ вами ласкова и довѣрчива, какъ должна быть жена, надо думать, что люди ошибались. Такою фальшивой она не можетъ быть. Ужь еслибъ она увлеклась кѣмъ другимъ, вы непремѣнно догадались бы объ этомъ по ея обращенію съ вами.

— Вы говорите все это, Агнеса, только для того, чтобы еще болѣе раздражить меня. Вамъ хорошо извѣстно, что жена не ласкова со мною и не откровенна. Не разъ уже объяснялъ я вамъ, что она холодна, какъ ледъ, отталкиваетъ всякое мое

вниманіе и не говоритъ со мною ни слова безъ крайней необходимости. Никогда не подозрѣвалъ я того, что̀ вы сейчасъ сообщили мнѣ; но чѣмъ дольше думаю я, тѣмъ болѣе считаю это вѣроятнымъ.

— Вы не должны, однако, дѣйствовать безъ дальнѣйшаго подтвержденія,—сказала миссъ Рэшертонъ, втайнѣ восхищенная успѣхомъ своего разсказа.

— Я поступлю такъ, какъ сочту лучшимъ,—отвѣчалъ онъ,—и узнаю отъ лэди Моунткарронъ всю правду еще прежде, чѣмъ лягу спать сегодня.

— Только, надѣюсь, вы не сошлетесь на меня? Милэди хрупкое существо, но, мнѣ кажется, она болѣе мстительна и лучше умѣетъ пускать въ ходъ свои ноготки, чѣмъ я. Никогда не забуду я, какъ приняла она меня и маму, когда мы обѣдали въ Карронби, или того презрѣнія, которое она оказывала намъ съ тѣхъ поръ.

— Если то, что вы говорите, вѣрно,—она жестока поплатится за это презрѣніе. А Джемми... Вотъ что значитъ жениться на модной красавицѣ, выросшей въ порочной средѣ!

Графъ схватилъ шляпу и готовился выйти.

— Неужели вы не останетесь пить чай?—воскликнула миссъ Рэшертонъ, испугавшись при мысли такъ скоро лишиться его.

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ сегодня некогда. Я спѣшу домой.

Съ этими словами графъ поцѣловалъ ее и исчезъ. Поцѣлуй былъ торопливый и холодный и оставилъ дѣвушку въ весьма неудовлетворенномъ настроеніи духа. Она и сама не могла предвидѣть, чѣмъ кончится ея разоблаченіе, и поможетъ оно или повредитъ осуществленію ея неясныхъ плановъ.

Тѣмъ временемъ графъ шелъ домой въ мрачномъ, возбужденномъ состояніи духа, кусая усы и недоумѣвая, правда ли все, что̀ онъ слышалъ. Въ глубинѣ сердца онъ мало вѣрилъ извѣту. Жены своей онъ не любилъ. Никогда не чувствовалъ онъ къ ней ничего, кромѣ животной страсти; но, какъ ни груба была его натура, онъ не могъ не преклоняться передъ этою красивою, тонко развитою женщиной, которая никогда не позволяла себѣ ни одного вульгарнаго поступка, не произносила ни одного грубаго слова. Во все продолженіе своей брачной жизни лордъ не могъ припомнить случая, когда онъ искалъ бы довѣрія жены, обращался бы съ ней искренно или говорилъ о чемъ-нибудь кромѣ будничныхъ вопросовъ. А, между тѣмъ, онъ сознавалъ, что

Глэдисъ способна интересоваться иными предметами, и слышалъ, какъ бесѣдовалъ о нихъ Брукъ. Джемми пѣлъ съ нею, читалъ, разговаривалъ, ѣздилъ верхомъ, а онъ—былъ только мужемъ.

Все это лордъ смутно понималъ, входя въ комнату жены, но отъ этого не менѣе сердился. По его убѣжденію, во всемъ винова сама Глэдисъ: отчего не довѣрялась она ему? Онъ былъ тутъ, готовый выслушивать ея признанія.

Дойдя до дому, онъ прямо направился къ будуару жены и сѣлъ въ мрачномъ молчаніи.

Глэдисъ съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она лежала, по обыкновенію, на диванѣ въ просторномъ капотѣ. Рядомъ съ нею стоялъ столикъ съ книгами и работою. Въ комнатѣ чувствовался запахъ фіалокъ, и сама Глэдисъ походила на подломанный подснѣжникъ. Парсонсъ скромно удалилась, лишь только вошелъ лордъ. Мужъ и жена остались вдвоемъ.

Съ минуту длилось молчаніе. Наконецъ, Глэдисъ догадалась, что что-то неладно, но это ее не испугало. Храбрая по природѣ, она не знала страха, тѣмъ менѣе стала бы она бояться Моунткаррона, котораго научилась такъ искренно презирать. Поэтому она заговорила первая и спросила, что̀ случилось.

— Что̀ случилось!—повторилъ лордъ, довольный тѣмъ, что нарушено молчаніе.—Нѣчто весьма важное, по-моему!

— Надѣюсь, это не касается миссъ Рэшертонъ? — сказала Глэдисъ тономъ величайшаго презрѣнія.

— Дѣло, по которому я сегодня здѣсь, не касается ни миссъ Рэшертонъ, ни кого бы то ни было, кромѣ тебя. Прежде всего, я хочу знать, что... что значитъ твоя болѣзнь?

— Не лучше ли спросить объ этомъ доктора? Онъ больше знаетъ, чѣмъ я.

— Нѣтъ. Я хочу, чтобъ *вы* отвѣчали мнѣ, сударыня! По комъ или по чемъ тосковали вы такъ, что дошли до этого скверная состоянія?

— Наконецъ-то проявляете вы хоть искру смысла! — хладнокровно сказала она.

— Прошу не шутить со мною такимъ образомъ. Я говорю серьезно, лэди Моунткарронъ; будьте такъ добры, помните это. Если вамъ не угодно отвѣчать на этотъ вопросъ, быть можетъ, вы дадите отвѣтъ на другой. По какой причинѣ уѣхалъ въ Индію Джемъ?

Тутъ она покраснѣла весьма слабо, но, все-таки, замѣтно.

— Не знаю, почему спрашиваете вы объ этомъ меня. Мистеръ Брукъ *вашъ* родственникъ, не мой. Обратитесь къ нему.

— Нѣтъ, миледи, я предпочитаю спросить васъ.

— А я предпочитаю не отвѣчать. Не много выиграла я отъ брака съ вами. Я хочу, по крайней мѣрѣ, сохранить за собой право молчать, когда мнѣ угодно.

Графъ чуть не задохнулся отъ изумленія передъ ея смѣлостью.

— Вы не много выиграли отъ брака со мною? Хорошо ли я разслышалъ ваши слова? Я далъ вамъ титулъ, богатство, роскошный домъ, и, по-вашему, это ничто? Чего же, скажите на милость, желаете вы еще?

— Вы никогда не любили меня, Моунткарронъ, а безъ любви все, что вы перечислили, ничего не значитъ для женщины. Давно постигла я эту истину.

— О, неужели? Быть можетъ, одновременно съ этимъ вы нашли кого-нибудь достойнаго любви, хотя у него нѣтъ этихъ благъ?

Глэдисъ молчала.

— Говорите же. Станете ли вы отрицать, что чувствуете къ Джему нѣчто больше простой дружбы?

— Я ничего не отрицаю.

— Извѣстно ли вамъ, что слухъ о вашемъ увлеченіи разнесся по всему Карронби? Ваши тайныя свиданія стали басней всего околотка. Всѣ знаютъ, что въ то самое время, когда я сдѣлалъ вамъ честь назвать васъ своею женою, вы нѣжничали съ Джемомъ. Слышите, Глэдисъ?

— Превосходно слышу. Я не глуха.

— Что же отвѣтите вы на это?

— Нечего.

— Вы не отрицаете обвиненія?

— Я уже сказала вамъ, что отказываюсь отрицать или утверждать что бы то ни было. По-моему, вы утратили право призывать меня къ отвѣту. Пока продолжаются ваши сношенія съ миссъ Рэшертонъ, всего безопаснѣе для васъ молчать.

— Но я не хочу молчать. Моя близость съ этою дѣвушкой тутъ ни при чемъ. Мои поступки не имѣютъ ничего общаго съ вашими. Вы — моя жена, а жену Цезаря никто не долженъ подозрѣвать.

Глэдисъ засмѣялась.

— За то Цезарь можетъ дѣлать все, что ему угодно! Это вѣрно. Бѣда только въ томъ, что вы—не Цезарь. Если мужчина хочетъ, чтобы жена его была безупречна, онъ, прежде всего, долженъ подавать ей хорошій примѣръ.

— Безупреченъ я или нѣтъ, я не позволю вамъ шутить надо мной. Если вы не дадите мнѣ слова прервать вашу непозволительную интимность съ Джемомъ, я буду вынужденъ взяться за дѣло самъ.

— Никогда не отрекусь я отъ своихъ друзей. Они могутъ бросить меня, но я ихъ не покину.

— Вы признаетесь, что предпочитаете такъ называемую дружбу Брука моему уваженію или своему общественному положенію?

— Тысячу разъ предпочитаю. Если вы желали выслушать правду, вотъ она.

Лордъ сердито всталъ и съ угрожающимъ видомъ подступилъ къ дивану. Въ своемъ возбужденіи Глэдисъ тоже приподнялась. Они стояли теперь лицомъ къ лицу.

— Съ какой стати напускаете вы на себя благородное негодованіе?—вызывающимъ тономъ спросила она.— Что говорила или дѣлала я такого, изъ чего вы могли вывести заключеніе, будто сердце мое принадлежитъ вамъ? Что дѣлали или говорили вы сами, чтобы дать мнѣ право думать, будто вы цѣните во мнѣ что-либо, кромѣ красоты, которую купили за свои деньги? Да, Моунткарронъ, пора намъ, наконецъ, понять другъ друга. Вы знаете, что бракъ нашъ былъ просто куплей и продажей, но въ этомъ я меньше виновата, чѣмъ вы, потому что не вѣдала, что творила. Меня воспитали въ убѣжденіи, будто богатое замужство—единственная цѣль для дѣвушки, и, къ несчастію, я этому повѣрила. Но вы знали или, по крайней мѣрѣ, должны были знать, что это неправда. Вы много старше и гораздо опытнѣе меня; наконецъ, вы видѣли столькихъ женщинъ! А, между тѣмъ, вы, все-таки, купили меня, свою жену, за красоту, точно невольницу. Вы не побезпокоились даже узнать, что происходитъ въ моемъ сердцѣ, да и съ той поры ни разу не поинтересовались освѣдомиться объ этомъ. Я нравилась вамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока была новинкою, а потомъ вы предоставили мнѣ наслаждаться моимъ собственнымъ обществомъ и титуломъ, а себѣ нашли новую, хотя и болѣе грубую, игрушку. По какому же праву спрашиваете вы меня, кого я люблю?

— По праву мужа, и я требую, чтобы вы соображались съ моею волей. Говорите же, былъ Джемъ вашимъ любовникомъ или нѣтъ?

— Я отказываюсь отвѣчать на этотъ вопросъ.

Смѣлость ея довела его до бѣшенства. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ передъ этою хрупкою женщиной, которую, казалось, легкій вѣтерокъ могъ повергнуть на землю. Чтобы поддержать себя, она опиралась головую на подушки, а, между тѣмъ, вызывала его съ неустрашимою смѣлостью. Всѣ животные инстинкты пробудились въ немъ. Природная грубость и жестокость взяли верхъ и, не думая о ея болѣзненности или о своей силѣ, онъ толкнулъ ее прямо въ грудь. Глэдисъ вскрикнула и упала навзничь, ударившись спиною о точеную ножку стола. Въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ появился Брукъ, какъ разъ во-время, чтобы видѣть ударъ. Онъ тщетно стучался и, слыша гнѣвные голоса, вошелъ, наконецъ, безъ приглашенія.

Глэдисъ лежала на полу въ обморокѣ. Увидавъ это, Джемъ съ бѣшенствомъ обратился къ графу. Лицо его было смертельно блѣдно.

— Негодяй, извергъ!—воскликнулъ онъ. — Какъ смѣлъ ты ударить ее? Видитъ Богъ, я разглашу твое поведеніе по всему свѣту.

Не успѣлъ еще лордъ отвѣтить, какъ Брукъ кинулся къ Глэдисъ и взялъ ее на руки.

— Глэдисъ, Глэдисъ! Боже мой, она опять лишилась чувствъ. Гдѣ же Парсонсъ? Глэдисъ, открой же глаза! Мнѣ кажется, ты убилъ ее.

— Оставьте мою жену!—заревѣлъ лордъ.—Какъ смѣете вы дотрогиваться до нея? Честное слово, если вы не отойдете сейчасъ же, я вышвырну васъ изъ двери.

— Я не оставлю ее,—смѣло отвѣчалъ Джемъ,—буду защищать противъ тебя и всего свѣта, пока не отдамъ ее въ болѣе надежныя руки, чѣмъ твои. Тогда ты можешь выбрасывать меня изъ дому, сколько тебѣ угодно.

— Вы оба вызываете меня,—сказалъ Моунткарронъ.—Она не хотѣла отрицать, что ты ея любовникъ, а ты сжимаешь ее въ своихъ объятіяхъ на моихъ глазахъ. Клянусь небомъ, я отомщу вамъ.

— Она не хотѣла отрицать этого?—сказалъ Джемъ, нѣжно глядя на блѣдное, безжизненное лицо, опиравшееся на его ру-

ку.—Если это такъ, то только потому, что она не умѣетъ лгать. Я дѣйствительно ея любовникъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаешь это слово ты. Я люблю ее, какъ братъ, и буду любить до конца моей жизни. Если твой гнѣвъ долженъ обрушиться на кого-нибудь, такъ пусть же на меня. Я одинъ во всемъ виноватъ.

— Не вѣрю!—воскликнулъ лордъ.—Слыхалъ я и прежде о братской привязанности, и знаю, чѣмъ она кончается. Поклянешься ли ты, что никогда не думалъ о ней иначе, какъ о сестрѣ?

— Поклянешься ли ты, въ свою очередь, никогда не вымещать на ней моего грѣха, если я скажу всю правду?

— Да, если она не виновата.

— Она не виновата, Моунткарронъ; чиста, какъ ангелъ небесный. Я знаю, что мое признаніе разлучитъ насъ, быть можетъ, навсегда,—съ подавленнымъ рыданіемъ продолжалъ онъ,—но для нея я перенесу это. Я полюбилъ ее еще раньше, чѣмъ ты женился. Нѣтъ, выслушай меня до конца. Я имѣлъ безуміе признаться ей въ этомъ.

— Когда?

— На прошломъ Рождествѣ. Я готовъ былъ отнять ее у тебя, у всѣхъ на свѣтѣ, у самого Господа, еслибъ только она согласилась послѣдовать за мною. Но она отказалась, и предпочла остаться съ тобою въ Карронби. Могъ ли ты болѣе жестоко отплатить за это?

— Она не хотѣла слушать тебя?

— Развѣ я уже не сказалъ тебѣ этого? Я уѣхалъ, потому что былъ несчастенъ, и сознавалъ, что лучше будетъ удалиться. Когда я почувствовалъ себя исцѣленнымъ, я вернулся. Вотъ и все. Какъ я говорилъ съ самаго начала, одинъ я во всемъ виноватъ. Этому ты долженъ повѣрить.

— Исцѣленъ ты или нѣтъ,—хмуро отвѣчалъ лордъ, — но въ Карронби ты больше не вернешься. Все между нами кончено. Отнынѣ мы—чужіе.

— Я предвидѣлъ это и готовъ вынести послѣдствія своего признанія. Если позовешь Парсонсъ, я уйду сейчасъ. Только будь добръ съ Глэдисъ. У нея любящая и чуткая натура. Будь съ нею кротокъ и она вознаградитъ тебя за это.

— Спасибо. Я не нуждаюсь въ совѣтахъ относительно жены. Побереги ихъ для своей. Гдѣ же эта дура, Парсонсъ?

Лордъ вышелъ въ сосѣднюю комнату звать горничную.

Джемъ торопливо наклонился и въ послѣдній разъ поцѣловалъ блѣдное лицо Гледисъ.

— Ради тебя сдѣлалъ я это,—шепнулъ онъ,—только ради тебя! Дай Богъ, чтобы своими страданіями я купилъ твой покой.

Черезъ минуту горничная уже суетилась около барыни. Мужчины спустились по лѣстницѣ и вышли вмѣстѣ въ сѣни.

— Вотъ твоя дорога,—сказалъ графъ, указывая въ сторону Нэтли.—Не показывайся на ней, пока я живъ.

Брукъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ отвѣчать или желать добиться болѣе выгодныхъ условій. Онъ молча наклонилъ голову, переступилъ порогъ и торопливо удалился.

Глава XXVIII.

Освобожденіе.

Джемъ вернулся въ Нэтли и пообѣдалъ, дѣлая видъ, будто ничего не случилось. Ударъ былъ силенъ, и молодой человѣкъ страдалъ такъ, что не могъ даже допустить мысли о сочувствіи кого бы то ни было. Вечеромъ, когда онъ сидѣлъ съ сестрою, онъ спокойно сообщилъ ей, что Гледисъ хуже, и убѣдилъ ее написать мистрисъ Фуллеръ, разсказать ей все и просить не откладывать долѣе своего пріѣзда. Когда письмо было кончено и запечатано, лэди Рентонъ удивилась, узнавъ, что братъ хочетъ лично отправить его.

— Милый мой!—воскликнула она,—оно не пойдетъ до завтрашняго дня.

— Нѣтъ, пойдетъ, если свезти его въ Аллонби.

— Развѣ оно такъ важно?

— Мнѣ кажется.

— Въ такомъ случаѣ вели Вильяму отправить его. Ночь холодная, тебѣ не годится выходить.

— Спасибо, но я не боюсь стужи и радъ пройтись. Я слишкомъ много ѣзжу верхомъ, Эллиноръ, и уже растолстѣлъ и излѣнился.

— Растолстѣлъ и излѣнился!—смѣясь, повторила она, глядя на его стройную и граціозную фигуру.

Джемъ наглухо застегнулъ пальто и вышелъ на морозный воздухъ. Наканунѣ выпалъ снѣгъ и вся окрестность побѣлѣла. Ночь была прозрачная, какъ день. Луна свѣтила холодно и яс-

но; небо было усѣяно звѣздами. Идя большими шагами къ Аллонби, Брукъ невольно подумалъ, отчего это міръ такъ прекрасенъ, а жизнь такъ грустна? Его жизнь кончилась, завершилась сегодня. Безумныя слова, сказанныя имъ, рѣшили его судьбу. Никогда не встрѣтится онъ болѣе съ Гледисъ. Зачѣмъ суждено было этому случиться? Кто придумалъ все это, допустилъ, только для того, чтобы разбить ихъ сердца? Зачѣмъ встрѣтилъ онъ Гледисъ и, встрѣтившись съ нею, полюбилъ ее и былъ вынужденъ отречься? Все это такъ жестоко, такъ непонятно! Жизнь коротка, и мало въ ней счастья. Для чего выпустилъ онъ изъ рукъ свою долю благополучія? Добрый или злой геній внушилъ ему отказаться отъ Гледисъ, когда она предлагала ему себя? Въ своемъ мрачномъ настроеніи Брукъ никакъ не могъ рѣшить этого вопроса.

«Судьба! — подумалъ онъ, быстро шагая по дорогѣ.—До конца моей жизни я все буду твердить одно имя: Гледисъ! Если я доживу до старости, я, вѣроятно, женюсь. Нельзя же вѣчно оплакивать свое горе; но никому не изгнать изъ моего сердца первую, лучшую любовь. Какъ бы ласково ни глядѣла на меня жена, мнѣ все будетъ казаться, что это ничто сравнительно съ Гледисъ. Когда дѣти станутъ карабкаться на мои колѣна, тщетно буду я искать у нихъ дорогихъ синихъ глазокъ и нѣжныхъ губъ, которыя я такъ любилъ. Отнынѣ вся моя жизнь будетъ непрерывнымъ тоскливымъ желаніемъ вернуться къ той, отъ которой я отрекся сегодня навѣки...»

Онъ дошелъ до Аллонби и безостановочно вернулся домой. Быстрая ходьба помогла ему хорошо заснуть, но поутру старая боль пробудилась въ немъ. Ему казалось, будто, признавшись Моунткаррону, что любитъ Гледисъ, онъ произнесъ собственный смертный приговоръ. Къ Карронби онъ, понятно, не подходилъ, и, выѣзжая изъ Нэтли, направлялся въ противуположную сторону. Болѣе чѣмъ когда-либо занялся онъ фермой и имѣніемъ. Лэди Рентонъ замѣтила эту перемѣну, но не коснулась ея ни словомъ. Она догадывалась, что между братомъ и кузеномъ произошло нѣчто непріятное, и старалась вознаградить Джемми, чаще навѣщая Гледисъ и разсказывая ему все, что ей удавалось вывѣдать. Черезъ Эллиноръ онъ узналъ, что Фуллеры пріѣхали и взяли на себя уходъ за дочерью, и что сэръ Фрэнсису отправлено приглашеніе вторично посѣтить паціентку.

— Гледисъ безспорно хуже, — сказала однажды лэди Рентонъ.—Теперь боль, кажется, совсѣмъ не покидаетъ ее. По-моему, она опять повредила себѣ спину, хотя она отрицаетъ это и только говоритъ, что упала во время обморока. Родители встрѣвожены и хотятъ свезти ее лѣтомъ на воды въ Германію, если сэръ Фрэнсисъ найдетъ это нужнымъ. Думаю, что это было бы ей полезно.

— Что говоритъ на это Моунткарронъ? Добръ ли онъ съ женой? Ласковъ ли съ Фуллерами? Слышали они что-нибудь объ исторіи съ Рэшертонами?

— Надѣюсь, что нѣтъ, хотя, конечно, они не стали бы говорить объ этомъ со мною. Я только разъ встрѣтила Моунткаррона съ ними, и тогда онъ показался мнѣ болѣе хмурымъ, чѣмъ обыкновенно. Кажется, они не особенно ладятъ; но мистрисъ Фуллеръ, все-таки, привѣтливѣе съ нимъ, чѣмъ генералъ.

— Она всегда болѣе интересовалась выгодами брака, чѣмъ самимъ Моунткарономъ. Не странно ли, что матери такъ готовы жертвовать дочерьми ради графской короны и богатства! Жертвоприношеніе Авраама ничто сравнительно съ этимъ.

— Дѣти сами очень охотно соглашаются на подобныя жертвы,—сухо замѣтила лэди Рентонъ.

— Это вѣрно, Нелли. Я радъ, что Гуго—мальчикъ. Если у меня когда-либо будутъ дочери...

При этихъ словахъ онъ замолчалъ и вздохнулъ. Сестра благоразумно оставила безъ вниманія этотъ вздохъ. Ей не хотѣлось расшевеливать въ братѣ воспоминанія.

— Что будешь ты дѣлать сегодня, Джемми?—спросила она.

— Я ѣду на охоту.

— Моунткарронъ тоже собирается туда. Онъ сказалъ это вчера вечеромъ.

— Чортъ съ нимъ! Какое мнѣ до этого дѣло? Ужь не думаешь ли ты, что я лишу себя всѣхъ удовольствій изъ опасенія встрѣтиться съ этимъ болваномъ?

— Конечно, нѣтъ, только тебѣ не зачѣмъ такъ горячиться. Я просто разсказала тебѣ фактъ.

— Я ужасно нетерпѣливъ, не такъ ли?—спросилъ онъ тономъ раскаянія,—и, что всего хуже, я постоянно грубъ и раздражителенъ съ тобою, Нелли. Это не моя вина, милая. Въ настоящее время мнѣ трудно владѣть собою, но скоро я поправлюсь. Ты прощаешь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта, она привлекла къ себѣ его красивое лицо и ласково поцѣловала.

— Дорогой мой Джемъ, — сказала она со слезами на глазахъ, — еслибъ я могла купить твое счастье цѣной своего собственнаго, видитъ Богъ, я охотно сдѣлала бы это.

— А я не допустилъ бы тебя до этого, даже еслибъ ты хотѣла принести такую жертву, — отвѣчалъ онъ. — У тебя было довольно своего горя, и ты перенесла его молодцомъ. Я хочу послѣдовать твоему примѣру. Семья наша всегда отличалась силой характера. Не думай, чтобъ я былъ менѣе мужественъ, чѣмъ ты.

На слѣдующій день, когда Брукъ пріѣхалъ къ мѣсту сбора охотниковъ, онъ, по обыкновенію, увидалъ Моунткаррона рядомъ съ миссъ Рэшертонъ. Агнеса ѣхала на прекрасномъ Гольдфлай, которымъ помѣнялся съ нею влюбленный лордъ. Моунткарронъ выбралъ на этотъ разъ какую-то громадную лошадь. «Навѣрное, тоже рекомендація миссъ Рэшертонъ», — промелькнуло въ головѣ Джемми. Встрѣтившись съ парочкою, онъ снялъ шляпу, но ни графъ, ни дѣвушка не отвѣчали на его поклонъ, и онъ отвернулся, оскорбленный. Ни за что не поступилъ бы онъ такъ съ Моунткарроном, если бы даже между ними произошло пятьдесятъ подобныхъ ссоръ.

Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, онъ обернулся и началъ слѣдить за влюбленными. Ему не понравилась лошадь Моунткаррона. Уже по тому, какъ она откидывала назадъ уши и показывала бѣлки глазъ, если кто-нибудь подъѣзжалъ къ ней, Брукъ догадался, что у нея дурной нравъ; да и мундштукъ былъ слишкомъ натянутъ. Джемми понималъ въ лошадяхъ гораздо болѣе толку, чѣмъ графъ, и ѣздилъ верхомъ несравненно лучше кузена, который всегда считался тяжелымъ ѣздокомъ. Скачки лошади встревожили Брука. Онъ видѣлъ, что Моунткарронъ совершенно не умѣетъ обращаться съ нею, и хотя графъ и выгналъ его изъ своего дома, Джемъ все еще принималъ въ немъ участіе. Черезъ нѣсколько времени, какъ бы случайно, онъ подъѣхалъ къ Моунткаррону, и, соскочивъ на землю, принялся поправлять что-то у своего Флайэра. Потомъ, обернувшись къ графу, постарался сказать небрежно, хотя голосъ его все время дрожалъ:

— Кстати, Моунткарронъ, мундштукъ у твоей лошади слишкомъ натянутъ. Не ослабить ли мнѣ его?

Можно было бы подумать, что графъ не слыхалъ этихъ словъ, еслибъ онъ не рванулъ своей лошади и не повернулъ ее такъ круто, что чуть было не сбилъ съ ногъ Флайэра. Смѣхъ миссъ Рэшертонъ, раздавшійся вслѣдъ за этимъ оскорбленіемъ, сдѣлалъ его еще тяжеле для Брука. Онъ поспѣшно вскочилъ на сѣдло и умчался вслѣдъ за другими. Вскорѣ началась охота, и Джемъ, сразу замѣтивъ, что лошадь причиняетъ Моунткаррону немало хлопотъ, все время тревожно слѣдилъ за нимъ.

Въ полдень всѣ подъѣхали къ низкой каменной стѣнѣ. Гольдфлай перепрыгнулъ, точно птичка, но лошадь Моунткаррона отказалась послѣдовать этому примѣру. Графъ, всегда нетерпѣливый съ животными, а на этотъ разъ вдвойнѣ раздраженный присутствіемъ Джемми, бѣшено пришпорилъ ее. Лошадь взвилась на дыбы, получила ударъ хлыстомъ по головѣ, но, закусивъ удила, понеслась по полю. Брукъ съ ужасомъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она мчалась прямо къ мѣловой шахтѣ.

— Ради Бога, Моунткарронъ, поверни ея голову!—въ волненіи кричалъ Джемъ, когда графъ пронесся мимо него, точно изъ лука стрѣла. Онъ такъ крѣпко натягивалъ мундштукъ, что рѣзалъ тѣло лошади. Пригнувъ голову къ колѣнамъ, она мчала всадника, куда ей было угодно.

— Они несутся прямо къ шахтѣ!—воскликнулъ Брукъ, готовясь слѣдовать за лордомъ.

Но что могъ онъ сдѣлать? Лошадь Моунткаррона уже исчезла вдали. Скакать за нею по пятамъ значило бы только увеличить опасность, а, между тѣмъ, впереди разстилалась грозная шахта, сулившая вѣрную смерть.

— Осадите ее сразу, одною рукой! Соскочите, ради Бога, соскочите!—таковы были крики и мольбы, раздававшіеся за графомъ во время его безумной скачки. Но это было такъ же безполезно, какъ еслибъ на его пути положили тоненькую вѣтку. Увидавъ, что всѣ увѣщанія тщетны и что Моунткарронъ потерялъ всякую власть надъ лошадью, Брукъ и нѣкоторые другіе бросились за нимъ. Мисъ Рэшертонъ осталась на мѣстѣ. Она слишкомъ боялась того, что могла бы увидать, если бы подъѣхала къ шахтѣ.

— Боже мой!—воскликнулъ кто-то,—онъ упалъ!

Джемми закрылъ глаза. Голова его закружилась. Онъ не смѣлъ даже думать о томъ, какое зрѣлище ожидаетъ его. Черезъ минуту всадники осадили лошадей и спѣшились. Слѣзъ и

Брукъ. Стоя у самаго края шахты, онъ не могъ рѣшиться заглянуть въ нее. Кто-то изъ постороннихъ оказался храбрѣе.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ,—лошадь и онъ убились на смерть.

При этихъ страшныхъ словахъ, Брукъ, казалось, оживился и во что бы ни стало захотѣлъ идти на помощь кузену. Вопреки всѣмъ совѣтамъ, онъ спустился по отвѣсному скату, разрывая одежду и раня руки. Ему было все равно, убьется онъ или нѣтъ, лишь бы помочь Моунткаррону. Не успѣлъ онъ, на половину скользя, на половину падая, добраться до дна ямы, какъ подбѣжалъ къ лорду и вытащилъ его изъ-подъ трепетавшей еще лошади.

— Приведите хирурга, какъ можно скорѣе!—крикнулъ онъ стоявшимъ наверху. — Онъ еще живъ, только безъ чувствъ. Ради Бога, помогите!

Съ этими словами онъ обнялъ лорда и положилъ его голову себѣ на грудь.

— Моунткарронъ, милый, ты очень ушибся? Скажи хоть одно слово. Сердце мое надрывается.

При этомъ призывѣ графъ открылъ глаза, уже начинавшіе тускнѣть.

— Сорвалось!—слабымъ голосомъ сказалъ онъ. Потомъ, увидавъ Брука, прибавилъ, точно между ними никогда ничего не было:—Джемъ, не плачь. Я всегда любилъ тебя.

Съ этими словами онъ снова закрылъ глаза.

— О, Моунткарронъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ, подавленный горемъ и ужасомъ,—мы всегда были съ тобою какъ братья. Скажи, что ты прощаешь меня. Я не хотѣлъ... никогда не думалъ... Еслибъ ты любилъ ее...—отрывочно бормоталъ онъ, но, не имѣя силъ продолжать, завершилъ все мольбою:—Говори, ради Бога. Скажи, что ты прощаешь меня!

— Все хорошо...—прошепталъ графъ глухимъ голосомъ,—все хорошо, Джемъ. Я... я... прощаю. Не мучься... обо...мнѣ.

Съ этими словами онъ внезапно вытянулся въ объятіяхъ Брука, вздрогнулъ и испустилъ духъ.

Джемъ сидѣлъ, точно во снѣ, держа на рукахъ трупъ Моунткаррона. Даже тогда, когда прибылъ хирургъ съ носилками и толпою любопытныхъ, чтобъ отнести раненаго домой, онъ далъ взять тѣло, не произнеся ни слова. Доктору не пришлось говорить ему, что графъ умеръ. Онъ съ самаго начала зналъ это

и былъ совершенно ошеломленъ.Ославъ въ Карронби гонца предупредить генерала, онъ двинулся съ печальною процессіей къ дому, гдѣ еще такъ недавно жилъ Моунткарронъ.

Когда они пришли туда и уложили покойнаго на постель, гдѣ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ отдыхалъ, полный жизни и силъ, Брукъ грустно отвернулся и поѣхалъ назадъ въ Нэтли.

Голова его кружилась, сердце надрывалось отъ горя и раскаянія; онъ чувствовалъ, что можетъ видѣть лишь одного человѣка на свѣтѣ—свою сестру.

Сидя у ея ногъ, спрятавъ лицо въ ея колѣна и чувствуя, что ея ласковыя руки обвиваются вокругъ ея шеи, Джемми наединѣ съ нею, своею второю матерью, и передъ лицомъ Бога сдѣлалъ полную исповѣдь своей слабости, своего безумія и раскаянія, и нашелъ въ ея женской симпатіи и нѣжности облегченіе для своихъ страданій. Онъ не могъ говорить или думать ни о чемъ, кромѣ Моунткаррона и того оскорбленія, которое нанесъ кузену. Все остальное, внезапная перемѣна, совершившаяся въ собственной судьбѣ Джема, препятствіе, исчезнувшее съ его пути,—все было забыто.

Когда старый дворецкій, перешедшій къ нему на службу по наслѣдству отъ отца, торжественно возвѣстилъ:

— Кушанье подано, *милордъ!*

Джемъ вскочилъ, точно пробужденный отъ сна.

— *Какъ?*—воскликнулъ онъ.

— Кушанье подано, милордъ,—снова повторилъ дворецкій.

Лэди Рентонъ поспѣшила отвѣтить:

— Хорошо, Симмондсъ, мы сейчасъ придемъ. Ты забываешь, милый,—ласково обратилась она къ Бруку,—что честь нашего имени теперь въ твоихъ рукахъ.

— Да,—уныло отвѣтилъ онъ,—я дѣйствительно забылъ это.

Потомъ, опустивъ бѣлокурую голову на колѣна сестры, точно онъ снова сдѣлался маленькимъ ребенкомъ, новый графъ разразился слезами и воскликнулъ:

— А я еще обманывалъ его, Нелли, обманывалъ!...

Глава XXIX.

Наконецъ!

Безполезно было бы описывать погребеніе лорда Моунткаррона. Такія церемоніи всегда тяжелы и печальны, а ради высо-

каго положенія покойнаго было сдѣлано все, чтобы придать похоронамъ еще болѣе удручающій характеръ. Половина населенія графства присутствовала на нихъ, но главнымъ лицомъ былъ Брукъ. Когда обрядъ и всѣ законныя формальности кончились, когда порѣдѣла немного толпа провожатыхъ, новый графъ отозвалъ въ сторону старика Фуллера.

— Генералъ,—нервно началъ онъ,—лэди Моунткарронъ, надѣюсь, понимаетъ, что домъ этотъ въ ея распоряженіи, пока она пожелаетъ оставаться въ немъ. Я уѣзжаю на нѣкоторое время. Неожиданность всего случившагося совершенно разстроила меня, и перемѣна мнѣ необходима. Пройдетъ, быть можетъ, годъ, прежде чѣмъ я поселюсь въ Карронби. Скажите же вашей дочери не торопиться... Пусть она считаетъ этотъ домъ своимъ собственнымъ...

— Вы очень добры, любезнѣйшій графъ, но мы уѣзжаемъ завтра, и дочь съ нами. Все это время она только и молила меня объ одномъ—увезти ее домой. Это очень естественно. Графъ былъ тяжелъ для такого молодаго существа, и бѣдное дитя тоскуетъ по ласкамъ своей семьи. Все устроено для нашего отъѣзда завтра утромъ.

— *Завтра утромъ!*—повторилъ Джемми, — какъ скоро! Можно ли мнѣ проститься съ нею?

Но тутъ вмѣшалась мистрисъ Фуллеръ. Если генералъ ни о чемъ не догадывался, она поняла тайну дочери и полагала, что свиданіе съ бывшимъ мистеромъ Брукомъ могло быть только вредно для вдовствующей графини.

— Мнѣ очень жаль отказать вамъ въ вашей просьбѣ, лордъ Моунткарронъ,—сухо сказала старуха,—но, какъ вамъ извѣстно, Глэдисъ очень слаба и упала духомъ, и я думаю, что въ настоящее время ей было бы вредно видѣть кого бы то ни было, связаннаго съ прошлымъ. Она очень опечалена своею потерей.

Послѣднее замѣчаніе было внушено мистрисъ Фуллеръ материнскимъ самолюбіемъ. Она боялась, какъ бы Брукъ не вообразилъ, что дочь ея втайнѣ радуется своему избавленію.

— Конечно, она должна быть опечалена,—простодушно сказалъ Брукъ.—Это было ударомъ для всѣхъ насъ. Я не спалъ ни одной ночи съ этой минуты.

Онъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что ему не позволяютъ видѣть Глэдисъ и проститься съ нею. Ему такъ хотѣлось бы взглядомъ, пожатіемъ руки, словомъ надежды, произнесеннымъ ше-

потомъ, оставить въ ней воспоминаніе о его привязанности! Но, быть можетъ, имъ лучше не видаться. Все еще такъ ново, такъ ужасно. Присутствіе его могло бы, пожалуй, раздражить ее, а не утѣшить. Не другомъ предсталъ бы онъ передъ нею, а живымъ укоромъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ отвѣчалъ:

— Передайте же, пожалуйста, лэди Моунткарронъ мой дружескій привѣтъ и то, что я сейчасъ сказалъ насчетъ Карронби. Увѣрьте ее, что если я могу быть ей чѣмъ-нибудь полезенъ, ей стоитъ только приказать.

Генералъ передалъ эти слова молодой женщинѣ, которая лежала на диванѣ, устремивъ глаза въ пространство, точно ожидая чего-то. Мать замѣтила, какъ при имени Брука краска прилила къ ея блѣднымъ щекамъ. Никакого другаго признака волненія она не обнаружила.

— Развѣ я не увижу его до своего отъѣзда?—спросила она, когда кончилъ отецъ.

— Графъ не желаетъ этого,—быстро отвѣчала мистрисъ Фуллеръ.—Онъ, видимо, обрадовался, когда я предложила отсрочить ваше свиданіе. Ему, конечно, тяжело явиться передъ тобою при измѣнившихся обстоятельствахъ. Онъ сказалъ, что ты можешь остаться въ Карронби сколько тебѣ угодно, потому что онъ скоро уѣзжаетъ. Но, конечно, отецъ сообщилъ ему, что ты отправляешься съ нами въ городъ.

— Скоро уѣзжаетъ...—прошептала Глэдисъ.—Но куда же?

— Это не наше дѣло, милая!—раздражительно отвѣчала мать.—Отнынѣ намъ не часто придется имѣть сношенія съ лордомъ Моунткарономъ или съ Карронби. Намъ нужно думать только о тебѣ и о томъ обезпеченіи, которое оставилъ тебѣ покойный графъ. Слава Богу, оно настолько щедро, что сдѣлаетъ тебя на всю жизнь независимой отъ кого бы то ни было.

Глэдисъ отвернула печальное лицо и, казалось, не находила никакого удовольствія въ мысли о богатомъ обезпеченіи, закрѣпленномъ за нею. Генералъ съ любопытствомъ и сочувствіемъ поглядѣлъ на дочь. Онъ не понималъ ея. На его долю выпала обязанность сообщить ей извѣстіе о смерти мужа, и послѣ перваго изумленнаго и недовѣрчиваго взгляда она только сказала: «слишкомъ поздно!»

Что означали эти слова? Старикъ подумалъ, ужь не омрачило ли неожиданное горе умъ любимаго дѣтища, но жена посовѣтовала ему не дурачиться и не ломать головы надъ вопро-

сами, въ которыхъ онъ ничего не смыслитъ. Однако, генералъ ясно понялъ. Какъ бы ни глядѣла Глэдисъ на внезапное разрушеніе своихъ честолюбивыхъ надеждъ, она искренно желала скорѣе вернуться домой, льнула къ отцу гораздо болѣе, чѣмъ къ матери, и, казалось, не знала покоя, когда онъ хоть на шагъ удалялся отъ нея.

Это продолжалось и тогда, когда они переѣхали въ Лондонъ. По желанію Глэдисъ, ей устроили спальню рядомъ съ кабинетомъ, для того, чтобы всякое утро можно было передвигать диванъ, на которомъ она лежала, въ комнату отца, и она видѣла бы его лицо и слышала его голосъ. Если эти сношенія были драгоцѣнны для лэди Моунткарронъ, то какъ дороги были они для старика! Онъ точно помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ любимая дочь была опять съ нимъ, превратился въ нѣжнѣйшую няньку, первый входилъ въ комнату больной по утрамъ, послѣдній выходилъ изъ нея вечеромъ; самъ носилъ Глэдисъ пищу и никому не позволялъ передвигать дивана, на которомъ лежало его сокровище.

Черезъ нѣсколько недѣль такого постояннаго общенія, генералъ не только, попрежнему, пользовался любовью дочери, но и ея полнымъ довѣріемъ. Признаніе, которое она ему сдѣлала, огорчило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обрадовало его.

— О чемъ думаешь ты, Глэдисъ?—спросилъ онъ однажды, замѣтивъ, что слезы навертываются мало-по-малу на ея синихъ глазахъ.

— Я думаю, папочка, о томъ, какъ славно кончилось мое блестящее замужство. Я хотѣла быть графиней, несмотря на все, что ты мнѣ говорилъ, а вотъ я теперь больная, ненужная никому, и всю жизнь буду подвергать испытанію твое терпѣніе. На что мнѣ теперь титулъ и деньги? Чего бы я не дала, чтобы снова стать Глэдисъ Фуллеръ, бѣгать по всему дому и танцовать до утра.

— Но, милая, болѣзнь твоя произошла не отъ того, что ты графиня.

— О, отецъ, ты не знаешь и половины моей исторіи! Ради тебя я старалась притворяться, пока *онъ* жилъ; но теперь, когда все кончено, почему бы тебѣ и не знать всего? Ты былъ правъ, папа. Я воображала, что могу быть счастлива безъ любви, но жестоко ошиблась. Любовь намъ необходима. Жить безъ нея невозможно.

Добрые глаза генерала приняли тревожное выраженіе.

— Мнѣ тяжело слышать, что ты такъ страдала, милая. Но, слава Богу, ты еще молода и можешь встрѣтить ту любовь, по которой тоскуешь.

Лэди Моунткарронъ болѣзненно вскрикнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, не говори этого! Мнѣ больно отъ твоихъ словъ. Слушай, милый. Я встрѣтила ту любовь, которая могла бы удовлетворить меня, и прошла мимо нея. Теперь любимый человѣкъ, въ свою очередь, отшатнулся отъ меня и никогда не будетъ моимъ. Не говори же объ этомъ, ради Бога!

Вмѣсто всякаго отвѣта, отецъ подошелъ къ дивану и обнялъ дочь.

— Ты жалѣешь обо мнѣ, милый папа, не такъ ли?—рыдая, продолжала графиня.—Я догадывалась... Я уже давно подмѣтила, что и у тебя было когда-то разочарованіе въ любви, и отъ этого еще болѣе привязалась къ тебѣ. Я такъ люблю тебя, отецъ!...

Генералъ, вспомнивъ о своей незабвенной Винифредѣ, крѣпче сжалъ дочь въ объятіяхъ, не отвѣчая начего.

— Ты никогда не коснешься этого болѣе, папочка, не правда ли? Моя тайна должна быть священна для тебя, какъ твоя — для меня. Давай жить другъ для друга, милый! Замужъ я болѣе не выйду. Одна мысль о бракѣ уже ненавистна мнѣ. Я буду твоею дочерью и подругой до той минуты, когда мы оба переселимся на небо.

Такимъ образомъ, мало-по-малу Глэдисъ открыла отцу душу, а генералъ узналъ, какъ ужасенъ былъ ея бракъ и какое облегченіе доставила ей неожиданная свобода. Но никогда не слыхалъ онъ имени того таинственнаго милаго, воспоминаніе о которомъ дѣлало для Глэдисъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ похожими на блѣдныя тѣни.

Она искренно вѣрила, что Джемми покинулъ ее, оплакивала его, какъ оплакиваютъ мертвыхъ, и такъ же мало думала, что онъ можетъ снова появиться на ея жизненномъ пути и возвратить ей радость, какъ еслибъ онъ дѣйствительно умеръ.

Раза два писалъ онъ ей, но очень осторожно, а читать между строками она не умѣла или не желала. Вынужденную сдержанность его она приписывала холодности и плакала надъ его дружескими посланіями, какъ надъ могилой своей любви.

Когда Винни коснулась однажды признанія, сдѣланнаго ей сестрою въ былые дни, и выразила надежду, что скоро исчез-

нутъ всѣ препятствія съ ея пути, Глэдисъ остановила ее, точно она сдѣлала большой промахъ.

— Никогда не возвращайся болѣе къ этому, Винни!—горячо воскликнула она.—Мнѣ стыдно даже вспомнить то, что̀ я говорила тебѣ. Все давно миновало. Пожалуйста, забудь это и повѣрь, что этому никогда не бывать. Онъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, за котораго я его принимала, и я излечилась отъ своего безумія.

— Очень рада слышать это, — замѣтила практическая мистрисъ Прендергэстъ.—Я никогда не имѣла высокаго понятія о немъ и увѣрена, что ты можешь гораздо лучше устроить свою судьбу. Я полагаю, что ты на всю жизнь наглядѣлась на Моунткарроновъ и рада будешь перемѣнить фамилію, хотя бы только для того, чтобы не слыхать этого звука.

— Лучше устроить свою судьбу?—иронически повторила Глэдисъ.—Что за безуміе даже говорить объ этомъ, когда ты знаешь, что я на всю жизнь прикована къ дивану! Могу ли я еще разъ выйти замужъ? Да кто захочетъ навязать себѣ на шею жену съ болѣзнью спиннаго мозга?

— Ну, это пройдетъ,—бодро отвѣчала сестра.

Она напускала на себя увѣренность ради Глэдисъ, но вся семья начинала серьезно тревожиться объ ея здоровьѣ. Сэръ Фрэнсисъ еще не потерялъ надежды, но полагалъ, что болѣзнь затянется. Жестокое паденіе, во время котораго молодая женщина ударилась спиной о столъ, повлекло за собою такіе симптомы, которые грозили совершенно приковать ее къ постели. Окружающіе тщательно старались поддерживать въ ней надежду, но прилагали къ дѣлу столько усердія, что еще болѣе возбуждали мнительность больной.

Тѣмъ временемъ новый лордъ Моунткарронъ всякій день твердилъ сестрѣ:

— Не съѣздить ли мнѣ завтра въ городъ, Нелли? Не находишь ли ты, что я ждалъ достаточно долго?

А лэди Рентонъ только качала головой и говорила:

— Прошло всего три мѣсяца, милый. Едва ли было бы прилично объясняться съ нею такъ скоро.

Онъ нетерпѣливо отворачивался и принимался за работу; но на другой день опять предлагалъ тотъ же вопросъ. Наконецъ, онъ объявилъ:

— Я не могу долѣе выслушивать твоихъ совѣтовъ, Нелли. Ты вовсе не думаешь о нашихъ страданіяхъ. Прошло уже около пяти мѣсяцевъ со времени смерти бѣднаго Моунткаррона. Понятно, что мы не можемъ еще обвѣнчаться...

— Обвѣнчаться, Джемми? О чемъ думаешь ты! — воскликнула сестра.

— Выслушай меня, Нелли. Какъ я уже говорилъ, мы, конечно, не можемъ обвѣнчаться до конца года, хотя это, по-моему, страшная нелѣпость; но нѣтъ никакой причины, почему бы мнѣ не объясниться и не уладить дѣло. Я не въ силахъ долѣе терпѣть этой неопредѣленности. Она убиваетъ меня. Я долженъ заручиться обѣщаніемъ Глэдисъ и дать ей свое слово, или я сойду съ ума.

— Быть можетъ, она уже сама раздумала,—спокойно произнесла Эллиноръ, въ глубинѣ сердца немного ревновавшая брата къ лэди Моунткарронъ.

— Спасибо за утѣшеніе, — воскликнулъ графъ, вскакивая съ мѣста.—Другими словами, это значитъ, что я долженъ ѣхать сегодня въ Лондонъ съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ. Я не пропущу ни одной лишней ночи, не узнавъ своей судьбы.

Онъ явился въ городъ какъ разъ во́-время. Была середина іюля, и Фуллеры уже укладывались, чтобы ѣхать въ Германію, гдѣ для Глэдисъ ожидали большой пользы отъ какихъ-то ваннъ.

Никого не было дома, кромѣ генерала, который, не подозрѣвая ничего, ввелъ молодаго графа въ комнату дочери безъ всякаго предупрежденія.

— Можете ли вы ее видѣть, милый мой? Конечно, можете. Почему же нѣтъ? Мы давно поджидали васъ, но, вѣроятно, вы не были въ городѣ въ нынѣшнемъ году?

— Нѣтъ. Мы думали съ сестрой, что мнѣ лучше пока не пріѣзжать.

— Вѣрно, вѣрно. Очень грустное обстоятельство. Мы всѣ были глубоко потрясены. Лэди Моунткарронъ теперь окрѣпла, значительно окрѣпла. Сэръ Фрэнсисъ нашелъ замѣтное улучшеніе и возлагаетъ большія надежды на нѣмецкія воды, куда мы отправляемся на будущей недѣлѣ.

— На будущей недѣлѣ!—воскрикнулъ лордъ Моунткарронъ.—Значитъ, я пріѣхалъ какъ разъ во́-время.

— Какъ разъ во время!—смѣясь, подтвердилъ генералъ.—Я увѣренъ, что Глэдисъ будетъ очень рада васъ видѣть.

Во время этого разговора старикъ шелъ съ гостемъ къ кабинету и безъ церемоніи распахнулъ дверь.

— Глэдисъ, дитя мое, я привелъ къ тебѣ стараго друга. Лордъ Моунткарронъ пріѣхалъ проститься съ нами до нашего отъѣзда въ Германію.

Услышавъ это имя, Глэдисъ, быстро приподнявшая голову при появленіи отца, снова упала на подушки и поблѣднѣла, какъ смерть.

— Это только въ первую минуту,—шепнулъ старикъ графу.— Звукъ этого имени всегда потрясаетъ ее. Она скорѣе оправится безъ свидѣтелей. Я оставлю васъ однихъ.

И съ этими словами генералъ удалился, затворивъ за собою дверь.

Лордъ подошелъ къ дивану и взглянулъ на блѣдную женщину, отстранявшуюся отъ него и закрывшую лицо руками.

— Моя Глэдисъ!—прошепталъ онъ, наконецъ, тономъ безконечной нѣжности.

При этомъ звукѣ она почувствовала, что онъ все еще ея другъ, если не милый. Кровь прилила къ ея щекамъ, и онѣ стали похожи на алую розу.

— Отчего не пріѣхалъ ты раньше?—со вздохомъ спросила она.

— Меня не пускали. Эллиноръ увѣряла, что еще слишкомъ рано, что ты можешь превратно истолковать мои побужденія, счесть меня навязчивымъ. Но, мнѣ кажется, мы понимаемъ другъ друга, Глэдисъ. Во время нашихъ послѣднихъ свиданій между нами не было никакой скрытности, не такъ ли?

— Никакой,—вспыхнувъ, отвѣчала она, хотя сердце ея замерло при мысли о томъ, что собирается онъ сказать.

— Твое рѣшеніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, Глэдисъ?

— Нѣтъ,—съ трудомъ произнесла она.

— Мое тоже нѣтъ. Ты очень старательно убѣждала меня жениться. Ну, я и хочу сдѣлать по-твоему. Это тебя не удивляетъ?

— Нѣтъ,—слабымъ голосомъ отвѣчала она.

— Если это было нужно прежде, то теперь вдвойнѣ. Не пожелаешь ли ты мнѣ счастья?

— Да. Ты... ты женишься... на миссъ Темпль?

— На миссъ Темпль?—смѣясь, повторилъ лордъ.—Еще бы! Да развѣ я могу жениться на комъ бы то ни было, кромѣ той

женщины, которую люблю, какъ свою жизнь? Ты знаешь, кто это, Глэдисъ?

Она покачала головой. Ей все еще не вѣрилось въ постоянство Джемми. Замѣтивъ грустное выраженіе ея лица, онъ приблизился къ дивану и опустился на колѣна.

— Была разъ женщина, Глэдисъ, которая предложила отречься отъ свѣта и всего, что ей дорого, ради меня, хотѣла промѣнять богатство, титулъ, общественное положеніе на позоръ, лишь бы быть со мною.

— О, Джемми,—порывисто воскликнула она, закрывая лицо руками,—не напоминай мнѣ этого!

Онъ овладѣлъ ея пальцами, отнялъ ихъ отъ лица и прижалъ свою голову къ ея головѣ.

— Но я долженъ напомнить тебѣ это. Это былъ самый счастливый часъ моей жизни. Я горжусь имъ. Тогда мнѣ пришлось опечалить тебя, хотя Богъ свидѣтель, что я терзалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свое сердце. Если это въ моей власти, дай же мнѣ исцѣлить теперь ту рану, которую я нанесъ тебѣ, дай хоть нѣсколько вознаградить тебя за твою безкорыстную любовь. Я предлагаю тебѣ свое имя, покровительство,—все, что имѣю. Ты моя жена. Души наши сочетались уже давно. Завершимъ же этотъ бракъ на глазахъ у всего свѣта.

— Твоя жена, Джемми?—дрожа, переспросила она.—Да ты, вѣрно, забылъ, во что я превратилась! Могу ли я быть твоею женой... я, неизлечимо больная? Можетъ ли жалкое созданіе, неспособное шевельнуть рукою, быть хозяйкою дома, исполнять какія-либо обязанности? О, Джемми, ты забылъ все это!—продолжала она, заливаясь слезами.

Онъ осушилъ ихъ поцѣлуями.

— Ничего не забылъ я, милая, а, главное, не забылъ, что научился цѣнить твою душу и сердце выше всего. Пока *они* преданы мнѣ, Глэдисъ, ты моя жена, и никакая женщина не займетъ твоего мѣста.

— Захочешь ли ты на всю жизнь связать себя съ безполезнымъ инвалидомъ?

— Какъ помѣшаешь ты этому,—весело спросилъ онъ,—если я положилъ на это всю душу? Слушай, Глэдисъ: было время, когда ты ни въ чемъ не могла отказать своему Джемми. Ужь не хочешь ли ты начать это теперь?

Онъ обнялъ ее, положилъ ея голову себѣ на грудь и осыпалъ страстными поцѣлуями ея глаза и губы, пока она не шепнула:

— О, Джемми, я твоя... всегда была твоею съ перваго дня нашей встрѣчи. Дѣлай со мною, что хочешь.

Мы снова въ Карронби. Джемми и Глэдисъ женаты уже три года. Виконтъ Тальмеджъ, которому исполнился почти годъ, прыгаетъ на рукахъ няни и весело визжитъ, глядя на шалости своихъ кузеновъ, маленькихъ Прендергэстовъ, которые катаются по травѣ.

Мистрисъ Фуллеръ и Винни суетятся около дѣтей, а генералъ сидитъ съ дочерью на лугу подъ тѣнью раскидистыхъ старыхъ деревьевъ. Глэдисъ все еще кажется хрупкою, и, вѣроятно, такою останется на всю жизнь, но можетъ уже стоять и ходить попрежнему, хотя и неспособна еще на значительныя физическія усилія.

— Къ счастью, въ нихъ нѣтъ никакой нужды,—смѣясь, говорилъ генералъ.—Да мнѣ кажется, Моунткарронъ и не позволилъ бы тебѣ утомляться.

— Думаю, что съ Джемми сдѣлался бы припадокъ, еслибъ онъ увидалъ, что я хочу бѣгать. Онъ не даетъ мнѣ даже носить моего ребенка.

— Я бы очень желала, чтобы ты разучилась звать мужа по имени, Глэдисъ,—укоризненно замѣтила мать.—Это вовсе неприлично, да и какъ-то смѣшно, наконецъ, просто непочтительно.

Мистрисъ Фуллеръ никакъ не могла отвыкнуть отъ привычки думать больше о выгодахъ брака, чѣмъ о самомъ человѣкѣ, и содрогалась при одной мысли чѣмъ бы то ни было унизить достоинство графа и графини.

— Вотъ онъ!—воскликнула Глэдисъ, довольная тѣмъ, что можетъ прервать рацею матери.

По полянѣ шелъ лордъ Моунткарронъ, въ этотъ день смотрѣвшій красивѣе, чѣмъ когда-либо, въ своемъ бархатномъ охотничьемъ костюмѣ.

— Милый, какъ ты запоздалъ!—воскликнула Глэдисъ, идя ему на встрѣчу.

Моунткарронъ обнялъ ея стройный станъ, любовно глядя въ сіяющіе глазки.

— Джемми,—шепнула она, стоя на цыпочкахъ и прижимаясь къ его лицу,—какъ мнѣ тебя звать?

— Какъ ты звала меня въ ущельѣ «Луннаго свѣта», дорогая,—отвѣчалъ онъ тихо.—Зови тѣмъ именемъ, какимъ призывала ты меня, когда мы разставались, какъ думали тогда, навѣки. Пусть буду я для тебя только «Джемми», твоимъ Джемми до конца моей жизни!

И тутъ же, къ великому ужасу мистрисъ Фуллеръ, онъ крѣпко обнялъ жену и поцѣловалъ ее...

А. В.

Тайный другъ.

Среди суетъ и жизненныхъ волненій,
Когда кипитъ людская жизнь вокругъ,
Есть у меня хранитель добрый геній,
Есть у меня незримый тайный другъ.
Я не боюсь враговъ и сильныхъ свѣта,
Я вѣрую въ святую мощь его;
Когда звучитъ глаголъ его привѣта,
Съ нимъ не страшусь я въ мірѣ ничего.
Среди тревогъ, среди скорбей и муки
Онъ въ душу мнѣ вливаетъ благодать,
Хоть рѣчь его мнѣ ни въ слова, ни въ звуки
На языкѣ людскомъ не передать.
На оргіи разгульной и безумной,
Въ сумятицѣ крикливыхъ голосовъ,
Слыхалъ не разъ я, средь ватаги шумной,
Его святой, никѣмъ не слышный зовъ.
Когда я былъ объятъ слѣпой враждою,
Когда кипѣлъ я мщеніемъ и зломъ,
Его укоръ звучалъ передо мною
И примирялъ меня съ моимъ врагомъ.
Когда, томясь тоскою безнадежной,
Въ отчаяньи я проклиналъ весь свѣтъ,
Порывъ души мучительно-мятежный
Смирялъ его ласкающій привѣтъ.
Среди рабовъ, въ ихъ омутѣ тлетворномъ,
Чтобъ я не сталъ рабомъ подобно имъ,

Онъ мнѣ внушалъ быть гордымъ, непокорнымъ,
Благословлялъ напутствіемъ своимъ.
Отъ зависти, отъ рабства, низкой лести
Меня онъ велъ спасительной рукой,
Предъ сильными давалъ мнѣ твердость чести
И гордаго презрѣнія покой...
Кто онъ? Какой могучей тайной силы
Посланникъ онъ? Того не знаю я.
Но пусть ведетъ и до дверей могилы,
Какъ прежде велъ тропинкой бытія!...

Л. Пальминъ.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

XVIII.

Что сдѣлано было въ царствованіе Императора Николая для ограниченія крѣпостнаго права.

Мы познакомились съ дѣятельностью всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ царствованіе Императора Николая, разсмотрѣли, какъ отнеслось дворянство къ попыткамъ правительства побудить его добровольно измѣнить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, видѣли также, насколько воспользовались помѣщики закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, указали на гуманизирующее вліяніе науки, литературы и журналистики, разобрали проекты частныхъ лицъ относительно ограниченія крѣпостнаго права и полнаго освобожденія крестьянъ и, наконецъ, познакомились съ дѣятельностью правительства по крестьянскому дѣлу въ той части Россіи, гдѣ и политическія причины побуждали его къ возможно болѣе энергической защитѣ народа отъ высшаго сословія. Теперь мы можемъ сгруппировать всѣ предположенія, какія были высказаны по крестьянскому дѣлу въ разсматриваемую эпоху, и сопоставить ихъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ это время для ограниченія крѣпостнаго права. Припомнимъ, прежде всего, разбросанныя въ нашей статьѣ указанія на то, какъ относился къ крестьянскому вопросу самъ Императоръ Николай.

Мысль о необходимости уничтоженія рано или поздно крѣпостнаго права была не чужда Николаю Павловичу еще до вступленія его на престолъ, какъ потому, что ее проводилъ въ сво-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

ихъ лекціяхъ академикъ Шторхъ, преподававшій великому князю политическую экономію, такъ и потому, что она занимала его брата, Императора Александра I, постоянно собиравшаго проекты по этому предмету. Впрочемъ, Николай Павловичъ пришелъ, по его собственному свидѣтельству, къ такому выводу, что если его братъ и намѣренъ былъ первоначально дать крѣпостнымъ свободу, то впослѣдствіи онъ «отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи». Однако, первые же дни царствованія Императора Николая должны были его убѣдить, что лучшіе представители молодаго поколѣнія иначе смотрятъ на этотъ вопросъ: изъ первыхъ допросовъ арестованныхъ декабристовъ присутствовавшій на нихъ Государь узналъ, что одною изъ главныхъ причинъ общественнаго недовольства была инертность правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—молодые люди смѣло и откровенно высказывали свои мысли по этому предмету. Черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ Императоръ Николай учредилъ, 6 декабря 1826 года, секретный комитетъ, которому было поручено разсмотрѣть предположенія относительно улучшенія различныхъ отраслей государственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, относительно измѣненія быта крестьянъ, для чего комитету были переданы и проекты по этому вопросу, представленные правительству въ предшествовавшее царствованіе. Еще прежде чѣмъ закончилъ свою дѣятельность комитетъ 6 декабря 1826 года, по высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія закона о прекращеніи продажи людей безъ земли. При разногласіи въ государственномъ совѣтѣ относительно продажи крестьянъ на свозъ, возникшемъ при обсужденіи составленныхъ этими комитетами законопроектовъ, Государь примкнулъ къ мнѣнію большинства, высказавшагося за запрещеніе безземельной продажи крѣпостныхъ безъ всякаго исключенія. Однако, проекты комитета 6 декабря 1826 года, въ концѣ-концовъ, одобрены не были, вслѣдствіе протеста великаго князя Константина Павловича. Изъ разговора Императора Николая съ Киселевымъ въ 1834 году мы видимъ, что съ самаго вступленія на престолъ Государь собираетъ матеріалы по крестьянскому дѣлу и задумываетъ вести «процессъ» противъ «рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи», но не встрѣчаетъ сочувствія не только со стороны министровъ, которые боязливо отступаютъ передъ этимъ

вопросомъ, но и со стороны своихъ братьевъ, Константина и Михаила. Тѣмъ не менѣе, Государь категорически высказалъ въ разговорѣ съ Киселевымъ убѣжденіе, что дѣло это онъ долженъ «передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи», т.-е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе. Сознавая свою неопытность и неподготовленность въ этомъ отношеніи, Императоръ Николай былъ крайне доволенъ, что нашелъ себѣ такого помощника, какъ Киселевъ, который при управленіи имъ Дунайскими княжествами занимался регулированіемъ положенія крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Въ слѣдующемъ, 1835 году Государь учредилъ новый секретный комитетъ, одною изъ задачъ котораго было принятіе мѣръ для улучшенія состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, но дѣятельность котораго не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ для крѣпостнаго населенія Россіи.

Въ концѣ 1839 года Императоръ Николай опять учреждаетъ секретный комитетъ, который долженъ былъ уже исключительно заняться вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ мартѣ 1840 года членъ этого комитета, Киселевъ, предложилъ Государю слѣдующую программу мѣръ для ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпостныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) исполненіе помѣщичьими крестьянами рекрутской повинности на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ относительно отбыванія ея для прочихъ сословій; 3) назначеніе крестьянамъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права собственности на движимое имущество; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство для крѣпостныхъ крестьянъ сельскаго управленія съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь нашелъ всѣ эти предположенія «весьма справедливыми и основательными» и разрѣшилъ внести ихъ въ комитетъ; но когда Киселевъ составилъ подробный проектъ, обнимающій лишь часть этихъ предположеній, именно опредѣленіе надѣловъ и повинностей крестьянъ, то Государь повелѣлъ объявить комитету въ февралѣ 1841 г., что онъ не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія дать предполагаемому измѣненію закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ силу обязательнаго постановленія и что увольненіе крестьянъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи по-

мѣщиковъ. Такое повелѣніе по своему общему смыслу, конечно, подкрѣпило мнѣніе членовъ комитета, протестовавшихъ противъ установленія какихъ бы то ни было обязательныхъ нормъ повинностей при обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Въ мартѣ 1842 г. Государь произнесъ въ государственномъ совѣтѣ предъ обсужденіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ цѣлую рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что «никогда не рѣшится даровать свободу крѣпостнымъ людямъ», что время, когда къ этому можно будетъ приступить, еще весьма далеко и что теперь «всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Но если, по мнѣнію Государя, и «не должно давать вольности» крѣпостнымъ, то за то «должно открыть путь къ другому, переходному состоянію», на основаніи добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Всего важнѣе въ этой рѣчи было рѣшительное осужденіе обезземеленія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, а затѣмъ заявленіе, что настоящій законъ есть только первый шагъ на пути ограниченія крѣпостнаго права: воспользовавшись тѣми договорами, которые будутъ заключены на основаніи этого указа, и подробнымъ регулированіемъ въ нихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, Государь предполагалъ издать впослѣдствіи обстоятельный законъ, который, какъ надо полагать, на основаніи его упоминанія о *положительномъ* законодательствѣ, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать уже обязательнымъ для владѣльцевъ населенныхъ имѣній; въ настоящее же время онъ не желалъ оказывать на нихъ давленія. Когда въ томъ же засѣданіи кн. Д. В. Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если оставить договоры на волю дворянъ, то едва ли кто-нибудь станетъ ихъ заключать, и потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ за основаніе указъ Императора Павла о трехдневной барщинѣ, то Государь сказалъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному». Но относительно Западной Россіи Императоръ Николай держался иныхъ взглядовъ: въ мартѣ 1840 г. на постановленіи комитета западныхъ губерній онъ написалъ: «Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ

пивентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства»,—и вскорѣ послѣ того предписалъ ввести инвентари въ четырехмѣсячный срокъ. Когда исполнить это повелѣніе такъ скоро не оказалось возможнымъ, то въ февралѣ 1841 г., за нѣсколько дней до объявленія комитету объ обязанныхъ крестьянахъ, что увольненіе крѣпостныхъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи помѣщиковъ, Императоръ Николай на докладѣ комитета западныхъ губерній, заключающемъ предположенія о введеніи въ этомъ краѣ обязательныхъ инвентарей, написалъ: «Дѣломъ симъ не медлить; я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы». Въ 1840 г. Императоръ Николай учредилъ секретный комитетъ для улучшенія быта дворовыхъ, имѣвшій всего три засѣданія, послѣ чего было повелѣно оставить это дѣло впредь до удобнаго времени. Въ 1843 г. Государь поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому представить свои соображенія по вопросу о дворовыхъ и, когда онъ исполнилъ это требованіе, учредилъ новый секретный комитетъ объ устройствѣ ихъ быта, въ которомъ принялъ самъ ближайшее участіе (см. гл. VI); онъ согласился на нѣкоторыя маловажныя мѣры, направленныя, главнымъ образомъ, къ уменьшенію числа дворовыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что «*прямаго* воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности». Тутъ же онъ сказалъ, что мысль объ измѣненіи у насъ крѣпостнаго состоянія никогда не оставляла его съ самаго вступленія на престолъ и что, считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился *начать* съ дворовыхъ людей; но затѣмъ опять повторилъ, что запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ признаетъ «рѣшительно на долгое время невозможнымъ». Считая полезнымъ выдавать изъ казны ссуды дворовымъ, владѣльцы которыхъ будутъ отпускать ихъ на волю за опредѣленную плату, Государь рѣшилъ ассигновать съ этою цѣлью на первый случай до 100,000 руб., но предположеніе это, сколько намъ извѣстно, исполнено не было. Законъ 1844 г. о выкупѣ дворовыхъ на волю, бывшій результатомъ дѣятельности этого комитета, не имѣлъ никакихъ существенныхъ послѣдствій. Въ 1846 г. для разсмотрѣнія записки

министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго *Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи* былъ опять учрежденъ секретный комитетъ, который призналъ своевременнымъ лишь принятіе мѣръ для огражденія движимаго имущества крѣпостныхъ крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ, что̀ Императоръ Николай и приказалъ исполнить. Но въ томъ же году, еще ранѣе, чѣмъ это повелѣніе Государя осуществилось, комитетомъ министровъ былъ возбужденъ вопросъ о дарованіи крѣпостнымъ «права на собственность» относительно недвижимаго имущества, чѣмъ Государь и повелѣлъ заняться немедленно, сказавъ по этому поводу Киселеву: «Пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностію; но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается». Однако, новыя предположенія привели въ мартѣ 1848 г. къ ничтожному результату — къ дозволенію пріобрѣтать недвижимую собственность не иначе, какъ съ согласія помѣщика, и, притомъ, съ запрещеніемъ начинать какія бы то ни было споры относительно недвижимыхъ имуществъ, уже прежде купленныхъ крѣпостными на имя помѣщиковъ.

Когда баронъ Корфъ возбудилъ въ іюнѣ 1847 г. вопросъ о распространеніи права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона населенныхъ имѣній, Государь съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этому предположенію и, собирая для его обсужденія «келейный» комитетъ, заявилъ, что «пользу и главныя начала» этого дѣла онъ считаетъ уже рѣшенными *), и благодаря такой, едва ли не единственный разъ обнаруженной Императоромъ Николаемъ рѣшительности относительно крестьянскаго вопроса въ собственной Россіи, не замедлилось изданіе указа по этому предмету (8 ноября 1847 г.); но противъ этой правительственной мѣры началась усиленная агитація со стороны нашихъ крѣпостниковъ, и распускаемые ими неблагопріятные слухи и даже письменные протесты, присылаемые Государю, пришлось разсматривать въ двухъ комитетахъ, изъ которыхъ первый былъ учрежденъ въ началѣ 1848 г. и очень быстро закончилъ свою дѣятельность, а второй въ концѣ года подготовилъ негласную отмѣну указа 8 ноября. Къ 1847 г. относится обращеніе Императора Николая къ смоленскимъ дво-

*) Государь высказался за то, чтобы дозволено было выкупаться не иначе, какъ цѣлыми селеніями, и выразилъ желаніе, чтобы, въ случаѣ надобности, казна оказывала крестьянамъ пособіе для выкупа.

рянамъ съ выраженіемъ желанія, чтобъ они отозвались на призывъ правительства относительно обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, причемъ въ рѣчи къ депутатамъ смоленскаго дворянства Государь, между прочимъ, сказалъ, что «крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи почти не по праву, а обычаемъ, черезъ долгое время, не можетъ считаться собственностію, а тѣмъ менѣе вещью». Но уже въ концѣ того же года одинъ помѣщикъ, пославшій наслѣднику-цесаревичу записку по крестьянскому вопросу, получилъ такой отвѣтъ: цесаревичу извѣстно, что Государь «отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ»; вслѣдъ затѣмъ смоленскому дворянству (изъ среды котораго группа помѣщиковъ въ 13 человѣкъ отправила коллективный проектъ по крестьянскому дѣлу) было дано знать оффиціально, что Государь «не желаетъ, чтобы производились частныя подписки, но что каждый имѣетъ руководиться указомъ 2 апрѣля 1842 г. отдѣльно» *), и, наконецъ, въ началѣ 1849 г. мнѣніе смоленскаго губернскаго предводителя дворянства князя Друцкаго-Соколинскаго, проникнутое самыми крѣпостническими тенденціями, заслужило одобреніе Государя. Реакція, начавшаяся у насъ вслѣдъ за февральскою революціей во Франціи, вызвала гоненіе даже и на весьма умѣренные протесты противъ крѣпостнаго права въ печати. Нѣкоторая рѣшительность была обнаружена Государемъ лишь относительно Юго-западнаго края, для котораго инвентарныя правила были утверждены первоначально 26 мая 1847 г., а затѣмъ въ новой редакціи 29 декабря 1848 г., когда нечего было уже и думать о прогрессивномъ движеніи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ собственной Россіи.

Такимъ образомъ, Императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, если не при немъ, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующее царствованіе, и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность *девяти* «секретныхъ», «келейныхъ» и «особыхъ» комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждав-

*) Просьба тульскихъ дворянъ въ 1847 г. объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу и подобное же предложеніе Кошелева относительно Рязанской губерніи были отвергнуты.

шія надежды: законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и дозволеніе выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы: первая — вслѣдствіе крайней инертности дворянства и равнодушія громаднаго большинства его къ крестьянскому вопросу, а вторая — вслѣдствіе ея скорой отмѣны, и лишь дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генералъ-губернатора Юго-западнаго края Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ коммиссій осталась безплодною, была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостнаго права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно. Мы видѣли, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ относились къ намѣреніямъ правительства по крестьянскому дѣлу такіе люди, какъ Бѣлинскій; понятно, какое могучее содѣйствіе могли бы оказать эти передовые дѣятели правительству: одни—прямымъ обсужденіемъ мѣръ настоятельно необходимыхъ, другіе эмансипированіемъ общества посредствомъ своимъ беллетристическихъ и иныхъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ защитѣ интересовъ закрѣпощеннаго крестьянства. Но правительство отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормазили иниціативу Киселева, единственнаго болѣе другихъ энергическаго человѣка въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль иногда довольно благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другаго комитета. Если, однако, благодаря этому противодѣйствію лицъ, непосредственно окружающихъ Государя, его мечты о подготовкѣ паденія крѣпостнаго права и не привели ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ, направленнымъ къ его ограниченію, то, все-таки, сознаніе Государя, что онъ обязанъ по мѣрѣ возможности дѣйствовать въ этомъ направленіи, вызвало цѣлый рядъ отдѣльныхъ, хотя и не особенно важныхъ, но за то довольно многочисленныхъ узаконеній, кое въ чемъ огра-

ничивавшихъ помѣщичью власть и распространеніе крѣпостнаго права.

Вопросъ объ окончательномъ *упраздненіи крѣпостнаго права* не мало озабочивалъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ лучшихъ представителей общества и администраціи, причемъ въ тридцатыхъ годахъ еще чувствуется сильное вліяніе взгляда, столь распространеннаго въ эпоху Императора Александра I о возможности и желательности личнаго, безземельнаго освобожденія крестьянъ; напротивъ того, въ сороковыхъ годахъ преобладаетъ убѣжденіе въ необходимости бо́льшаго или меньшаго земельнаго обезпеченія освобожденныхъ крестьянъ. Въ проектѣ закона о состояніяхъ 1830 года допускается возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями, причемъ, однако, договоры съ помѣщиками должны были чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ восходить на усмотрѣніе Государя. Для комитета 1835 года, наиболѣе вліятельными членами котораго были кн. Васильчиковъ, Сперанскій и Канкринъ, идеаломъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно совершилось въ Остзейскомъ краѣ. А въ комитетѣ 1839 года Киселевъ уже рѣзко высказывается противъ обезземеленія крестьянъ, находя его опаснымъ для общественнаго спокойствія, и желаетъ предоставленія крестьянамъ, при переводѣ ихъ въ обязанные, помѣщичьихъ земель не въ собственность, а въ вѣчную, неизмѣнную аренду съ вознагражденіемъ собственника земли барщиною или оброкомъ, опредѣленными по каждому имѣнію инвентаремъ; напротивъ, кн. Меншиковъ отстаиваетъ здѣсь остзейскую систему эмансипаціи. Въ позднѣйшихъ проектахъ требованіе земельнаго надѣленія крестьянъ является уже преобладающимъ, хотя обыкновенно предлагаются размѣры надѣла недостаточные для обезпеченія благосостоянія получившихъ свободу. Неизвѣстный авторъ записки, составленной вслѣдъ за изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ, какой-то помѣщикъ изъ промышленныхъ губерній Приволжскаго края, предлагалъ предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ въ ограниченную собственность, «съ платою небольшаго оброка, сколь возможно малое по числу душъ количество земли», остальную же землю совѣтовалъ раздавать имъ въ пользованіе по полюбовному соглашенію; размѣръ надѣла долженъ быть, однако, таковъ, чтобы нормальное крестьянское семейство могло на немъ кормиться, содержать не-

обходимый рабочій скотъ и платить легкія денежныя повинности и чтобъ этотъ участокъ можно было обработать, посвящая ему 2—3 дня въ недѣлю. Тульскіе дворяне въ проектѣ 1844 года предлагали надѣлить крестьянъ и дворовыхъ по одной десятинѣ земли на ревизскую душу (со включеніемъ усадебной) «въ вѣчную собственность», съ тѣмъ, чтобы съ помѣщиковъ былъ снятъ долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, а крестьяне вѣчно вносили, кромѣ подушной подати, по 3 руб. съ десятины, сначала въ названныя учрежденія, а затѣмъ въ казну *). Н. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ за границей въ 1847 году, предлагаетъ или освобожденіе съ одною усадебною землей, или еще предоставленіе крестьянамъ небольшаго надѣла (maximum 1 дес. на душу пашни и луговъ); но онъ требуетъ, чтобъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ эмансипація совершилась *безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ*. Желтухинъ въ проектѣ того же 1847 года, не особенно рѣшительно отвергая личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, предлагаетъ освобожденіе ихъ посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ ничтожныхъ надѣловъ, обезпечивающихъ лишь уплату процентовъ въ кредитное учрежденіе. Кн. Л. Голицынъ въ проектѣ 1847 года предлагалъ выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи съ надѣломъ въ 2 дес. пашни на душу, а въ проектѣ его же 1852 г. такая операція, давая крестьянамъ личную свободу, устанавливала лишь арендныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (съ надѣломъ отъ 1 до 3 десят. въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи); въ полную же собственность крестьяне могли выкупать земли лишь по добровольному соглашенію. Наконецъ, смоленскій помѣщикъ Вонлярлярскій предлагалъ произвести выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ въ потомственное владѣніе *всей земли, которою они пользовались*, съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 руб. 50 коп. съ десятины. Освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, требовали также и славянофилы (П. Кирѣевскій желалъ, чтобъ имъ

*) Перовскій, какъ видно изъ его записки 1845 года, желалъ собственно не освобожденія крестьянъ (онъ отрицательно относился и къ переходу ихъ въ обязанные), а регулированія ихъ повинностей инвентарями и затѣмъ дальнѣйшаго ограниченія крѣпостнаго права отдѣльными правительственными мѣропріятіями, послѣ которыхъ, впрочемъ, онъ готовъ былъ согласиться и на „разрѣшеніе свободнаго перехода крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ иныя сословія“.

была отдана половина всей помѣщичьей земли), и Заблоцкій-Десятовскій. Само собою разумѣется, что такого же освобожденія желали Бѣлинскій, Герценъ, Кавелинъ и другіе друзья народа въ лагерѣ западниковъ. Очень важно было также, что общественное мнѣніе въ лицѣ людей совершенно противуположныхъ взглядовъ (какъ, напримѣръ, Хомяковъ и фонъ-Визинъ) высказывалось за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; къ счастію, энергическій защитникъ его нашелся и въ высшихъ рядахъ администраціи: Киселевъ успѣшно опровергалъ инсинуаціи князя Меншикова противъ общины, какъ учрежденія будто бы даже опаснаго съ правительственной точки зрѣнія.

Сравнивая ходъ и развитіе крестьянскаго вопроса въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая, мы замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, самъ Императоръ Николай съ гораздо бо̀льшимъ вниманіемъ относился къ нему, чѣмъ его предшественникъ: доказательствомъ этому служитъ цѣлый рядъ учрежденныхъ имъ секретныхъ комитетовъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ принималъ и непосредственное участіе и съ работами которыхъ онъ былъ всегда хорошо знакомъ, тогда какъ Императоръ Александръ I лишь въ самое первое время царствованія лично участвовалъ въ обсужденіи вопроса объ ограниченіи крѣпостнаго права въ неоффиціальномъ комитетѣ; горячее желаніе Императора Николая улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, до 1848 г., доказываютъ и его бесѣды съ Киселевымъ, и его рѣчь въ государственномъ совѣтѣ предъ изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ. Важнымъ шагомъ впередъ, сравнительно со взглядами на это дѣло Императора Александра I, было отрицательное отношеніе Императора Николая къ остзейскому безземельному освобожденію крестьянъ. Въ наукѣ и литературѣ также слышатся болѣе энергичные голоса противъ крѣпостнаго права: дѣятельность Григоровича, Тургенева, Некрасова, Бѣлинскаго, Герцена, Заблоцкаго-Десятовскаго, проф. Мейера и Кавелина, наконецъ, кружка славянофиловъ не осталась безплодною и общество начинаетъ активнѣе относиться къ крестьянскому вопросу: это подтверждается и значительнымъ числомъ записокъ о крестьянскомъ дѣлѣ, составленныхъ людьми, не принадлежащими къ администраціи, и свидѣтельствомъ современниковъ, указывающихъ, что толки объ освобожденіи крестьянъ дѣлаются

явленіемъ все болѣе и болѣе обычнымъ *). Къ мысли о необходимости освобожденія приводили, наконецъ, и причины экономическія: въ этомъ отношеніи очень любопытно уже приведенное нами (гл. VII, стр. 36 и 37) свидѣтельство министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго въ его запискахъ 1845 года, которое вполнѣ объясняетъ намъ такія явленія, какъ просьба дворянъ малоземельной Тульской губерніи объ учрежденіи губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу, или составленіе динабургскимъ дворянскимъ комитетомъ проекта объ увольненіи крестьянъ въ обязанные, признаннаго, однако, правительствомъ неудовлетворительнымъ.

Еще въ теченіе XVIII вѣка установилось правило, что только потомственные дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями и даже пріобрѣтать отдѣльныхъ крѣпостныхъ. Въ царствованіе Императора Александра I правительство принимало не мало мѣръ для прегражденія лицамъ, не имѣющимъ на то права по закону, пользоваться, посредствомъ разныхъ уловокъ, правами, присвоенными въ этомъ отношеніи лишь потомственному дворянству. Въ царствованіе Императора Николая пришлось, прежде всего, подтвердить нѣкоторыя изъ недавнихъ постановленій по этому предмету предшествовавшаго царствованія, а затѣмъ развивать и дополнять эти узаконенія. Въ 1828 году было разъяснено, что такъ какъ существующее въ законахъ запрещеніе имѣть крѣпостныхъ лицамъ, не имѣющимъ на то права, относится не только къ владѣнію людьми по-одиночкѣ и безъ земли, но еще болѣе къ владѣнію цѣлыми деревнями, то, согласно съ указомъ 6 февраля 1758 года, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ доказано такое владѣніе означенными лицами, крестьянъ съ ихъ деревнями должно брать въ казенное вѣдомство, всѣхъ же обличенныхъ въ противузаконномъ пріобрѣтеніи и владѣніи, равно и тѣхъ дворянъ, которые будутъ этому способствовать дозволеніемъ дѣлать такія пріобрѣтенія на ихъ имя, подвергать штрафу, опредѣленному въ 1823 г. (см. гл. I, стр. 190). Въ 1836 г. былъ изданъ слѣдующій законъ о крестьянахъ, достающихся во владѣніе разночинцевъ. Если деревни или крѣпостные люди, съ землею или безъ земли, достанутся по наслѣдству личному дворянину или другому лицу, не имѣющему права владѣть ими, то

*) Напомнимъ показанія Заблоцкаго-Десятовскаго въ запискѣ 1841 г. (гл. XV нашей статьи, стр. 140 и 141) и управляющаго московскою казенною палатой Ринкевича (гл. IX, стр. 88).

они немедленно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣднику уплачивается изъ казны за каждую ревизскую душу сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной для писанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія въ тѣхъ губерніяхъ. Въ виду того, что лица, не принадлежащія къ потомственному дворянству, не имѣли права владѣть крѣпостными, правительство нашло нужнымъ принять мѣры противъ пріобрѣтенія ихъ дворянками, вышедшими замужъ за недворянъ. Въ 1841 году было постановлено, что дворянкѣ, вступившей въ бракъ съ лицомъ, не имѣющимъ правъ потомственнаго дворянина, не запрещается пожизненное владѣніе крѣпостными, доставшимися ей тѣмъ или инымъ способомъ съ землею или безъ земли, но вновь пріобрѣтать какъ населенныя имѣнія, такъ и безземельныхъ крѣпостныхъ—ей не дозволяется никакимъ способомъ *). Въ 1842 г. правительство признало нужнымъ, въ отвращеніе разныхъ злоупотребленій, постановить, чтобы лица, происшедшія изъ крѣпостнаго состоянія и возведенныя въ дворянское достоинство, не владѣли тѣми населенными имѣніями, въ которыхъ они или отцы и дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ; если же имъ достанется по наслѣдству такое имѣніе, то они обязаны, не вступая во владѣніе и распоряженіе имъ, просить объ учрежденіи надъ ними опеки, сохраняя, впрочемъ, право продать его въ шестимѣсячный срокъ. Манифестомъ 11 іюня 1845 г. повышены чины, дававшіе права потомственнаго дворянства, а, слѣдовательно, и право владѣнія крѣпостными: въ военной службѣ потомственное дворянство долженъ былъ давать лишь штабъ-офицерскій чинъ, въ гражданской—чинъ пятаго класса. Въ 1847 году было предписано находящіяся во владѣніи однодворцевъ западныхъ губерній населенныя имѣнія и ихъ крестьянъ безъ земли немедленно обратить въ казенное вѣдомство съ выдачею указаннаго закономъ вознагражденія.

Несмотря на то, что владѣніе населенными имѣніями сдѣла-

*) Но если мужъ пріобрѣтетъ права дворянства или по смерти мужа недворянина останется бездѣтная вдова или она вступитъ въ бракъ съ потомственнымъ дворяниномъ, то ей разрѣшается пріобрѣтеніе вновь крѣпостныхъ и съ землею, и безъ земли. Если же у вдовы останутся дѣти, рожденныя въ супружествѣ съ непотомственнымъ дворяниномъ, то пріобрѣтеніе крѣпостныхъ не дозволяется ей такъ же, какъ и при жизни мужа, развѣ она вступила бы въ новый бракъ съ лицомъ, имѣющимъ права потомственнаго дворянства. По смерти дворянки, бывшей въ замужствѣ за недворяниномъ, населенное имѣніе и крѣпостные безъ земли берутся въ казну на общихъ, указанныхъ для такихъ случаевъ закономъ, основаніяхъ.

лось привилегіей одного потомственнаго дворянства, существовала небольшая группа людей городскаго сословія, сохранившихъ право на такое владѣніе: это—смоленскіе купцы и мѣщане. Въ 1746 г., вмѣстѣ съ подтвержденіемъ ихъ правъ на жалованныя польскими королями земли и крестьянъ, имъ разрѣшено было покупать крѣпостныхъ не только у своихъ горожанъ, но и у помѣщиковъ, однако же, безъ земли и не цѣлыми деревнями. Въ 1777 г. права смоленскихъ купцовъ и мѣщанъ были вновь подтверждены, но въ царствованіе Императора Николая они подверглись ограниченію. Въ 1833 г. было повелѣно: купцамъ и мѣщанамъ города Смоленска воспретить на общемъ основаніи вновь пріобрѣтать крѣпостныхъ людей; тѣхъ, которые теперь записаны за ними, оставить въ ихъ владѣніи, но дозволить продавать только потомственнымъ дворянамъ. Въ 1836 г. по этому вопросу состоялось новое узаконеніе. Населенныя имѣнія, принадлежащія городскому обществу города Смоленска, повелѣно было оставить и впредь въ его владѣніи, съ тѣмъ: а) чтобъ эти имѣнія принадлежали всему городскому обществу въ цѣломъ его составѣ, а не отдѣльно кому-либо изъ его членовъ; б) чтобъ они не были отчуждаемы отъ города въ частное помѣщичье владѣніе безъ особаго высочайшаго разрѣшенія; в) что тѣмъ болѣе принадлежащіе къ нимъ люди не могутъ быть отчуждаемы поодиночкѣ или семьями на вывозъ; г) что управленіе имѣніями должно принадлежать городской думѣ подъ особымъ надзоромъ гражданскаго губернатора и д) что, въ случаѣ злоупотребленій или противузаконнаго пользованія, люди, принадлежащіе къ этимъ имѣніямъ, отбираются въ казну. Пріобрѣтеніе вновь и водвореніе на городскихъ земляхъ крѣпостныхъ людей было отнынѣ запрещено. Крѣпостные люди, пріобрѣтенные доселѣ смоленскими купцами или мѣщанами въ частное владѣніе, оставляются въ ихъ владѣніи только пожизненно, а затѣмъ отбираются отъ наслѣдниковъ съ вознагражденіемъ изъ казны на основаніи закона 1836 г. о крестьянахъ, достающихся во владѣніе разночинцевъ.

Наше законодательство опредѣляло, не только *кто* можетъ владѣть населенными имѣніями и людьми на крѣпостномъ правѣ, но и *гдѣ* могутъ быть крѣпостные. Въ *Царствѣ Польскомъ* крѣпостное право было уничтожено въ 1807 г. Наполеономъ I (крестьяне получили только личную свободу безъ земли) и тамъ вовсе не было крѣпостныхъ; а потому въ положеніи о порядкѣ перечисленія обывателей имперіи въ Царство Польское (1836 г.)

было сказано: «обывателямъ имперіи всѣхъ состояній, *исключая крѣпостныхъ*, дозволяется водворяться въ Царствѣ Польскомъ». Крѣпостнаго права никогда не было и въ *Финляндіи*, и вслѣдствіе этого было предписано: если русскій помѣщикъ, дворянинъ или офицеръ расположеннаго въ Финляндіи войска посредствомъ закладной, долговаго обязательства или иного акта передастъ какому-либо финляндскому гражданину крѣпостныхъ людей съ правомъ ли собственности, или въ видѣ слугъ, работниковъ и т. п., на опредѣленное или неопредѣленное время, то такія сдѣлки почитать незаконными и переданнымъ крѣпостнымъ даровать свободу. Въ 1850 г. было постановлено относительно *Земли Черноморскаго войска*: всѣхъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ *), принадлежащихъ дворянамъ Черноморскаго войска, оставить въ услуженіи у ихъ настоящихъ владѣльцевъ, въ качествѣ драбантовъ на льготное время въ теченіе 25 лѣтъ, считая этотъ срокъ съ 16 іюня 1833 г., съ тѣмъ, чтобы по истеченіи его, т.-е. въ 1858 г., мужчины были обращены въ козаки Черноморскаго войска, а женщины получили свободу. Въ 1859 г. въ Землѣ Черноморскаго войска не было уже ни одного крѣпостнаго. Царане, или поселяне, живущіе въ *Бессарабіи* на земляхъ владѣльческихъ, были и прежде людьми лично свободными; но въ царствованіе Императора Николая было постановлено, что въ Бессарабіи вообще невозможно владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ. Въ учрежденіи для управленія Бессарабскою областью (1828 г.), между прочимъ, сказано: «Крестьяне, въ Бессарабіи поселенные и впредь поселяемые, исключая цыганъ, не могутъ быть въ крѣпостномъ владѣніи ни у бессарабскихъ помѣщиковъ, ни у дворянъ россійскихъ. И вслѣдствіе сего россійскіе дворяне, жительствующіе въ Бессарабіи, могутъ, кромѣ цыганъ, имѣть тамъ крѣпостныхъ людей токмо дворовыхъ, и то для личной и дворовой услуги, а не для поселенія ихъ на землѣ». Въ 1843 г. возникъ вопросъ, имѣютъ ли право бессарабскіе дворяне владѣть крѣпостными людьми русскаго происхожденія, и тогда было предписано: тѣмъ бессарабскимъ дворянамъ, которые владѣютъ въ прочихъ губерніяхъ или областяхъ Россіи недвижимыми населенными имѣніями, дозволяется имѣть и въ Бессарабіи, для личной и дворовой услуги, но не для поселенія ихъ на землѣ,

*) Изъ одного указа 1844 г. видно, что въ Землѣ Черноморскаго войска были изъ крѣпостныхъ только дворовые.

дворовыхъ русскаго происхожденія людей; тѣмъ же изъ этихъ дворянъ, которые такихъ имѣній въ Россіи не имѣютъ, покупка дворовыхъ безъ земли и владѣніе ими, на основаніи общаго по этому предмету закона, воспрещается. Въ 1847 г. состоялось новое постановленіе относительно правъ бессарабскихъ жителей на владѣніе имѣніями въ этой области и относительно помѣщичьихъ цыганъ. Лица, не принадлежащія къ потомственному дворянству, не могутъ имѣть крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ русскаго происхожденія и пріобрѣтать вновь цыганъ. Право такого владѣнія не можетъ переходить къ нимъ ни посредствомъ даренія, ни по духовнымъ завѣщаніямъ, ни по наслѣдству; если же такимъ образомъ имъ достанутся крѣпостные люди, то они отбираются въ казну съ установленнымъ вознагражденіемъ владѣльцу *). Впредь право владѣнія крѣпостными цыганами по документамъ, признаннымъ законными, предоставить однимъ только дворянамъ, имѣющимъ собственныя населенныя имѣнія; у лицъ же, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству, равно и у дворянъ-непомѣщиковъ, владѣющихъ нынѣ крѣпостными цыганами по законнымъ документамъ, оставить ихъ съ тѣмъ, чтобъ они впредь таковыхъ не пріобрѣтали, а тѣхъ, которые у нихъ теперь находятся, могли бы отчуждать только дворянамъ, имѣющимъ собственное населенное имѣніе. Такимъ образомъ, въ Бессарабіи не было лишь населенныхъ имѣній на крѣпостномъ правѣ, но были отдѣльные крѣпостные **). Въ 1839 г. была принята важная ограничительная мѣра относительно *Закавскаго края*: было повелѣно воспретить всѣмъ тамошнимъ владѣльцамъ перечисленіе и переводъ въ этотъ край русскихъ крестьянъ и продажу въ немъ находящихся тамъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ впредь до окончательнаго устройства этого края. Когда нѣсколько позднѣе возникъ вопросъ: могутъ ли обитающія въ Каспійской области лица христіанскихъ исповѣданій, которыя имѣютъ во владѣніи своемъ деревни, населенныя «*такъ называемыми подвластными имъ людьми*», покупать крѣпостныхъ для причисленія къ этимъ имѣніямъ, то въ

*) Цыганъ, на принадлежность которыхъ владѣльцы не представятъ доказательствъ, предписывалось освободить изъ крѣпостнаго состоянія, и изъ нихъ способнымъ къ ремесламъ или промысламъ дозволить приписываться къ городамъ въ мѣщане или цехи съ согласія обществъ; всѣхъ же прочихъ перечислить, подобно кореннымъ цыганамъ, къ дунайскому козачьему войску.

**) По 10 ревизіи (1859 г.) ихъ числилось 5,486 душъ м. п.

1844 г. было постановлено: разрѣшеніе этого вопроса отложить впредь до опредѣленія правъ состоянія тамошнихъ поселянъ и устройства за Кавказомъ высшаго между мусульманами сословія, воспретивъ до того переводъ и перечисленіе въ Каспійскую область крѣпостныхъ людей. Запрещеніе это продолжало существовать до самаго уничтоженія крѣпостнаго права. Сибирь знала рабство, но почти не знала крѣпостнаго права; были, однако, лица, желавшія распространить его и въ этой мѣстности *); этимъ крѣпостническимъ стремленіямъ былъ положенъ предѣлъ повелѣніемъ Императора Николая въ 1839 г. Киселевъ, который готовъ былъ допустить переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь, но подъ условіемъ перевода ихъ въ обязанные, испрашивалъ въ 1839 г. соизволеніе Государя на отводъ тамъ земель: 1) на случай, если бы представилась впослѣдствіи настоятельная надобность въ земляхъ для поселенія въ Сибири владѣльческихъ крестьянъ «на условномъ положеніи, въ видѣ обязанныхъ», и 2) «для отвода земель по всемилостивѣйшему пожалованію» подъ хозяйственныя заведенія частныхъ лицъ. Государь относительно перваго предложенія положилъ такую разолюцію: *«ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ»*, а отводъ земель по всемилостивѣйшему пожалованію для учрежденія фабричныхъ и промышленныхъ заведеній разрѣшилъ, но съ тѣмъ, чтобы на этихъ земляхъ *«не были водворяемы люди крѣпостнаго состоянія»*. Объ этомъ послѣднемъ было распубликовано въ указѣ 27 октября 1839 г.; повелѣніе же Государя о томъ, чтобы вообще не было дозволяемо селить крѣпостныхъ въ Сибири, хотя и послужило основаніемъ къ тому, что нѣсколько крѣпостническихъ проектовъ относительно Сибири потерпѣли фіаско, но администраціей Сибири не всегда соблюдалось, и въ началѣ 50-хъ годовъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири вовсе не зналъ высочайшей воли относительно этого предмета **). Во время уни-

*) См. интересную статью *К. П. Михайлова:* „Крѣпостничество въ Сибири". *Сибирскій Сборникъ*, приложеніе къ *Восточному Обозрѣнію* 1886 г., кн. I, стр. 107—112, 114, 118.

**) Сообщая министру государственныхъ имуществъ гр. Киселеву о злоупотребленіяхъ владѣльца Знаменскаго стекляннаго завода Коновалова относительно его крѣпостныхъ, что вызвало наложеніе на него опеки, Н. Н. Муравьевъ въ заключеніе говоритъ: „Помѣщики, какъ, напримѣръ, Коноваловъ... *вывозятъ сюда крестьянъ своихъ* изъ непозволительныхъ разсчетовъ, чтобы избѣгнуть необходимости платить здѣшнему работнику надлежащую по мѣстнымъ потребностямъ задѣльную плату и

чтоженія крѣпостнаго права въ Западной Сибири (въ губерніяхъ Тобольской и Томской) было всего 29 помѣщичьихъ имѣній и въ нихъ 1,407 д. крѣпостныхъ м. п.; въ Восточной Сибири было всего около трехъ сотенъ крѣпостныхъ м. п.: большинство ихъ, какъ оказалось, было приписано къ имѣніямъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи.

Относительно *обезпеченія крѣпостныхъ крестьянъ земельнымъ надѣломъ* была принята въ царствованіе Императора Николая полезная мѣра. Въ концѣ предшествующаго царствованія открылось, что одна помѣщица Тульской губерніи, заложивъ купцу въ своемъ сельцѣ 200 дес. земли, оставила крестьянамъ на 28 душъ мужскаго пола только 10 дес. Когда, вслѣдствіе процесса наслѣдниковъ помѣщицы съ этимъ купцомъ, открылось указанное выше почти совершенное обезземеленіе крестьянъ, то московскій сенатъ возбудилъ вопросъ о распространеніи указа 27 ноября 1814 г. *) на всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ

чтобы извлечь изъ нихъ выгоды, основанныя на разореніи тѣхъ людей; подобное зло мудрыми распоряженіями правительства искореняется повсемѣстно, а въ здѣшнемъ краѣ, находящемся въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи, заслуживаетъ еще бо́льшаго вниманія. Для этого я нахожу необходимымъ съ своей стороны постановить для Сибири слѣдующее: 1) Примѣняясь къ 997 ст. IX тома Св. Зак. (приведенный выше законъ 1827 г. относительно Финляндіи), „запретить россійскимъ помѣщикамъ передавать своихъ крѣпостныхъ людей здѣсь находящимся дворянамъ, офицерамъ и всѣмъ вообще гражданамъ, не имѣющимъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи помѣщичьяго владѣнія, съ правомъ ли собственности, или въ видѣ слугъ, работниковъ или тому подобнаго, на опредѣленное или на неопредѣленное время (тогда уже было запрещено покупать крѣпостныхъ безъ земли иначе, какъ къ населеннымъ имѣніямъ). По нарушеніи сего правила, люди, такимъ образомъ переданные, должны получить свободу. 2) Съ переселеніемъ въ Сибирь крѣпостныхъ людей крѣпостное состояніе должно прекращаться. 3) Помѣщики внутреннихъ россійскихъ губерній, пребывающіе въ Сибири, могутъ имѣть право держать при себѣ крѣпостныхъ людей, но для личныхъ лишь услугъ, не употребляя ихъ здѣсь ни для какихъ другихъ работъ. По нарушеніи же сего правила, люди, такимъ образомъ употребленные, должны получать свободу". Киселевъ въ своемъ отвѣтѣ сообщилъ о высочайшихъ повелѣніяхъ, запрещающихъ переселеніе въ Сибирь крѣпостныхъ (изъ которыхъ второе—о поселеніи ихъ на пожалованныхъ земляхъ было публиковано во всеобщее свѣдѣніе); по полученіи о томъ же напоминанія и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Муравьевъ извѣстилъ Киселева, что онъ предложилъ всѣмъ начальникамъ губерній и областей Восточной Сибири „наблюсти о недопущеніи водворенія крѣпостныхъ людей въ ихъ вѣдомствѣ" (Арх. Мин. Гос. Им.).

*) Этимъ указомъ было предписано: „При дозволенной покупкѣ купцами и другаго званія людьми земель заселенныхъ долженъ продавецъ, въ то же самое время или, по крайней мѣрѣ, не далѣе годоваго срока, обитающихъ тутъ крестьянъ перевесть на другія свои земли или продать ихъ другому, имѣющему дворянское право, съ тѣмъ же о переселеніи сихъ крестьянъ на собственныя свои земли обязательствомъ, въ чемъ при совершеніи купчихъ брать отъ нихъ подписки и за исполненіе-

янъ, у которыхъ послѣ заклада или запродажи помѣщиками ихъ земли будетъ оставаться менѣе $4^1/_2$ дес. на душу. Указъ объ этомъ, изданный въ 1827 году, имѣлъ очень важное значеніе, такъ какъ затѣмъ на надѣлъ въ $4^1/_2$ дес. стали нерѣдко указывать, какъ на minimum земельнаго обезпеченія, необходимаго для благосостоянія крестьянъ, хотя положительнаго постановленія о томъ, что помѣщикъ, не продающій и не закладывающій землю, обязанъ дать въ пользованіе крестьянъ не менѣе этого количества, издано не было.

Относительно *повинностей крестьянъ* въ Россіи вообще была принята только одна мѣра: запрещено помѣщикамъ устанавливать сборы съ крестьянъ на воспитаніе дворянскихъ дѣтей *). Затѣмъ продолжалъ дѣйствовать законъ относительно назначенія опеки надъ помѣщиками, разоряющими своихъ крестьянъ. По уложенію о наказаніяхъ 1845 года, «если виною помѣщика, чрезъ обремененіе безмѣрными сборами или иными, также непомѣрными тягостями населенія, имѣнія будутъ доведены до разоренія», то какъ это, такъ и другія имѣнія того же помѣщика берутся въ опеку, и помѣщику воспрещается какъ личное въ нихъ пребываніе, такъ и отдача кому-либо въ управленіе или владѣніе, «развѣ чрезъ продажу, законно совершенную». Сверхъ того, такой помѣщикъ навсегда лишается права участвовать въ дворянскихъ выборахъ.

Мы видѣли въ первой главѣ, какъ въ царствованіе Императора Александра I не разъ возвращались къ вопросу о необходимости *прекращенія продажи крѣпостныхъ безъ земли.* Въ первые годы слѣдующаго царствованія этотъ вопросъ также обсуждался и въ «особомъ комитетѣ», и въ комитетѣ 6 декабря 1826 года, и въ государственномъ совѣтѣ, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ 1833 году одинъ помѣщикъ, имѣніе котораго было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, просилъ,

---

емъ оныхъ строго наблюдать земскому начальству... Если же въ теченіе годоваго срока переселенія крестьянъ на другія земли не совершится, тогда конфисковать оныхъ въ вѣдомство казенное и водворить ихъ на земляхъ казенныхъ же по распоряженію правительства".

*) Объ ограниченіи повинностей въ Западной Россіи см. гл. XVI. Сенаторы, ревизовавшіе Закавказскій край, составили предположенія относительно опредѣленія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ въ имперіи, но главнокомандующій Грузіею, руководствуясь „мѣстными свѣдѣніями", призналъ исполненіе этихъ предположеній „рѣшительно невозможнымъ", и правительство, какъ видно изъ одного указа 1836 г., отказалось отъ этой мысли.

въ виду малаго количества въ немъ земли, разрѣшенія продать изъ него на свозъ нѣсколько душъ. По этому поводу Императоръ Николай, повелѣвъ, чтобъ относительно даннаго случая было поступлено по правиламъ опекунскаго совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ желаніе, чтобы государственный совѣтъ разсмотрѣлъ общій вопросъ, слѣдуетъ ли дозволять продажу крестьянъ на свозъ безъ земли; когда же государственный совѣтъ представилъ, что если не запретить вообще продажу людей безъ земли и по-одиночкѣ, то и запрещеніе продажи на свозъ не будетъ имѣть дѣйствія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе разсмотрѣть оба эти вопроса вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого возникли новыя и продолжительныя пренія какъ въ департаментѣ законовъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. О ходѣ здѣсь этого дѣла мы узнаемъ изъ бумагъ Сперанскаго, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. публичной библіотеки.

Департаментъ законовъ *), приступивъ въ мартѣ 1833 года къ составленію проекта указа, призналъ нужнымъ различить два главные вида продажи людей безъ земли: продажу съ публичнаго торга и «продажу частную». Первый видъ этой продажи уже былъ запрещенъ указомъ 1771 г., но оставался безъ исполненія въ двухъ случаяхъ: 1) по взысканіямъ за долги казенные и 2) по взысканіямъ за долги частные. Такъ какъ эти два случая не были опредѣлены въ указѣ, то они и «составили въ немъ два изъятія или два предлога къ неисполненію». Первое изъ этихъ изъятій прекращено въ 1798 г. постановленіемъ, чтобы, въ случаѣ казенныхъ взысканій, не продавая людей въ публичнаго торга, отписывать ихъ въ казну съ зачетомъ долга по оцѣнкѣ получаемаго съ нихъ дохода; осталось прекратить второе изъятіе, «и тогда указъ 1771 г. приметъ полную силу». Затѣмъ департаментъ законовъ приступилъ къ разсужденію: какимъ образомъ замѣнить продажу людей съ публичнаго торга въ случаѣ частныхъ взысканій безъ нарушенія долговаго права, и принялъ здѣсь за основаніе то же правило, какъ и въ 1830 г., при обсужденіи проекта закона о состояніяхъ, а именно, чтобы и въ случаѣ частныхъ взысканій, по примѣру казенныхъ, причислять людей въ казенное вѣдомство, выдавая за нихъ заимодавцу установленную плату. Департаментъ законовъ разсуж-

*) Какъ видно изъ собственноручной, написанной карандашомъ, записки Сперанскаго, безъ сомнѣнія, представляющей проектъ журнала засѣданія этого департамента.

далъ, что случаи этого рода ограничиваются однимъ прошедшимъ временемъ *), не могутъ быть и нынѣ многочисленны и по истеченіи небольшаго числа лѣтъ должны вовсе прекратиться. Установивъ, такимъ образомъ, на указѣ 1771 г. правило о непродажѣ людей съ публичнаго торга и тѣмъ разрѣшивъ первый видъ этого дѣла, департаментъ законовъ приступилъ ко второму: къ запрещенію частной продажи людей безъ земли **). Въ концѣ проекта, составленнаго департаментомъ законовъ, было еще запрещеніе продавать крестьянъ и съ землею, но съ раздробленіемъ семейства. Это признано было нужнымъ постановить для прегражденія «личной продажи по-одиночкѣ съ малымъ количествомъ земли».

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта предположенія департамента законовъ найдены были «въ началахъ ихъ соотвѣтственными вопросамъ, соображенію его представленнымъ», но признавалось удобнѣе раздѣлить указъ на два: въ одномъ рѣшить вопросъ о непродажѣ по частнымъ взысканіямъ людей безъ земли съ публичнаго торга, а въ другомъ—постановить, что, кромѣ продажи на свозъ крестьянъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ другомъ видѣ передача крѣпостнаго права на людей безъ земли не дозволяется, а передача ихъ съ разлученіемъ семействъ не можетъ быть дѣлаема и съ землею ***).

Когда, при обсужденіи этого вопроса, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта нашлись защитники дозволенія продавать крестьянъ на свозъ, то Сперанскій, какъ видно изъ его собственноручной записки, заявилъ, что онъ остается при мнѣніи, из-

---

*) Такъ какъ впредь предполагалось вовсе ихъ прекратить и на людей безъ земли никакихъ долговыхъ актовъ не составлять.

**) „Здѣсь надлежало уже принять другое основаніе,—читаемъ въ рукописи Сперанскаго.—Нельзя было искать сего основанія въ самомъ существѣ права: отрицать или наводить сомнѣніе на сіе право было бы поколебать всѣ доселѣ правильно и законно совершавшіяся продажи; но съ того времени, какъ запрещено разночинцамъ и даже дворянамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, право ея слилось съ правомъ пріобрѣтать деревни такъ, что по настоящимъ законамъ тотъ только можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей безъ земли, кто можетъ пріобрѣтать по состоянію своему деревни. Слѣдовательно, если оба сіи права по настоящимъ законамъ сопряжены въ одномъ правѣ дворянскаго состоянія, то справедливость требуетъ постановить, чтобы они сопряжены были и въ дѣйствіи ихъ и чтобы люди отъ деревень личною продажей не были отрѣшены, т.-е. запретить продажу людей безъ земли“.

***) Это послѣднее правило предпочли, однако же, впослѣдствіи отнести къ первому указу.

ложенномъ въ журналѣ департамента законовъ, во-первыхъ, потому, что не находитъ причины перемѣнить положеніе, принятое по этому предмету въ 1830 г. большинствомъ голосовъ государственнаго совѣта и утвержденнаго Государемъ, а, во-вторыхъ, потому, что «находитъ весьма неудобнымъ, чтобы продажа на свозъ, доселѣ закономъ токмо *терпимая* *), нынѣ новымъ закономъ положительнымъ и изъявленіемъ высочайшей воли Государя Императора была утверждаема, и утверждаема, притомъ, безъ всякаго приличнаго повода, ибо въ томъ, что продажа на свозъ законами допускаема, не было доселѣ нигдѣ никакого вопроса, ни сомнѣнія, и, слѣдовательно, и разрѣшать, и утверждать тутъ нечего: вопросъ опекунскаго совѣта состоялъ не въ томъ, можно ли продавать вообще людей на свозъ, но въ томъ, можно ли освобождать *изъ-подъ запрещенія людей, у него въ залогѣ* состоящихъ, въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ, уплативъ часть долга, намѣренъ продать часть ихъ на свозъ, и, впрочемъ, самый сей вопросъ рѣшенъ уже высочайшимъ повелѣніемъ отрицательно, т.-е. не велѣно совѣту освобождать иначе, какъ деревнями, по точной силѣ его „узаконеній» **).

Между тѣмъ какъ Сперанскій въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта энергично ратовалъ въ пользу совершеннаго прекращенія продажи людей безъ земли, которая дѣйствительно принимала самыя безобразныя формы (вродѣ продажи людей на рынкахъ, хотя и запрещенной закономъ, но продолжавшей существовать), другой членъ государственнаго совѣта, умѣвшій соединять политическій либера-

*) Курсивъ подлинника.

**) На другой день Сперанскому пришло на умъ еще нѣсколько мыслей о неудобствахъ продажи людей на свозъ, которыя онъ также собственноручно записалъ: „*1-е неудобство*. Постановивъ правило: не продавать безъ земли, но не ограничивать количество земли, тѣмъ самымъ разрѣшается продажа и съ малымъ количествомъ земли, а подъ симъ разрѣшеніемъ кроется уже изъятіе изъ правила, ибо продажа съ малымъ количествомъ земли есть почти то же, что и продажа безъ земли. Къ сему изъятію сокрытому присоединяется другое изъятіе явное: разрѣшеніе продажи на свозъ. Подъ сими двумя изъятіями правило становится уже ничтожнымъ... *2-е неудобство*. Въ продажѣ на свозъ полагается одно только ограниченіе: чтобы была у помѣщика земля для поселенія; но сколько земли, не опредѣлено. Слѣдовательно, 1) на 10 десятинъ пустопорожнихъ можно купить на свозъ 100 душъ; 2) можно купить 100 душъ на свозъ подъ видомъ причисленія ихъ къ другой деревнѣ; а какъ деревня сія и сама можетъ быть малоземельна, то отъ покупщика зависитъ, поселивъ для одного вида изъ ста душъ два или три семейства, прочихъ взять во дворъ. Слѣдовательно, крѣпостные люди, повидимому, купленные на свозъ для причисленія на землѣ, очутятся на дѣлѣ безъ земли“ (рук. Имп. публич. библ.).

лизмъ съ самымъ завзятымъ крѣпостничествомъ, адмиралъ Мордвиновъ, представилъ мнѣніе въ защиту необходимости продажи людей по-одиночкѣ, пока существуетъ крѣпостное право. Начавъ поговорками: «отъ горькаго корня не будетъ плода сладкаго; на рѣдькѣ не выростетъ ананасъ», онъ продолжаетъ: «Доколѣ рабство между крестьянами нашими существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по-одиночкѣ должна быть допущена. Она необходима и часто для проданнаго бываетъ плодотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосердаго господина, отъ скудной и тощей своей нивы переселяется на ниву пространную и плодотворную. Отчего же участь его можетъ сдѣлаться го́ршею?...» Но это не значитъ, чтобы, протестуя противъ частной мѣры, Мордвиновъ требовалъ болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса, т.-е. освобожденія крестьянъ. Напротивъ, указавъ на то, что крѣпостной крестьянинъ уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ огражденъ закономъ отъ насилій помѣщика, и, между прочимъ, на то, будто бы помѣщикъ не можетъ отнять у него «собственность, праведно имъ пріобрѣтенную», Мордвиновъ продолжаетъ:

«Если же и не пользуется онъ полнотою свободы, то, при настоящей степени просвѣщенія, промышленности и богатства въ Россіи, *необходимо сіе для общаго спокойствія, для внутренняго благоустройства и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ совершенствованіи всѣхъ правительственныхъ частей* (!). Къ симъ преуспѣяніямъ государство наше съ довольною быстротой стремится. Оно и къ освобожденію крестьянъ отъ рабства достигнетъ, когда народонаселеніе его съ пространствомъ обладаемой нами земли сравняется, когда возможемъ мы пріобрѣсти денежные капиталы, достаточные для предварительнаго найма рабочихъ рукъ, и когда продажа урожаевъ нашихъ будетъ съ избыткомъ вознаграждать насъ. Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на землѣ своей рабовъ и замѣнять трудъ ихъ уступкою имъ половины изъ угодьевъ земли, составляющей его собственность. Тогда свобода крестьянина съ обоюдною пользой какъ его, такъ и помѣщика самою собою воспріиметъ начало и повсемѣстно водворится». А до того времени «укрѣпленіе людей къ землѣ.... и отвращеніе бродяжничества для блага общаго необходимо нужны. При обладаніи великимъ пространствомъ земель, мало населенныхъ, если мы можемъ желать, чтобы земли таковыя были порядочно обработаны, чтобы сельскія хозяйства наши доводимы были до благоустройства, то иначе нельзя совершать его, какъ токмо чрезъ непосредственную власть нашу надъ рабочимъ народомъ. Безъ оной никакой помѣщикъ не рѣшится смѣло и надежно поступать къ устроенію усадьбы своей со всѣми потребными для оной зданіями, осушать болота, распространять пашню, усовершенствовать сельскія орудія, употреблять денежный капиталъ на все, что можетъ привести земледѣліе наше въ лучшее состояніе... Страшенъ былъ нѣкогда день Юрьевъ, и

страхъ сей можетъ неминуемо возобновиться, если бродяжничество крестьянъ допущено будетъ. Не обратится ли земля Русская въ прежній свой дикій видъ, въ которомъ она пребывала до временъ Петра Великаго? Не сей ли Государь въ укрѣпленіи крестьянъ къ землѣ усмотрѣлъ начало просвѣщенія, обогащенія и благолѣпія Россіи?... Потерпимъ еще нѣсколько, и рабство само собою исчезнетъ въ Россіи, если обращено будетъ вниманіе не къ преждевременному уничтоженію онаго, но къ постепенному уменьшенію необходимости держать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахотныхъ земляхъ паренина, когда помѣщикъ будетъ изобиловать денежнымъ капиталомъ, достаточнымъ къ тому, чтобы нанимать работниковъ для посѣва и жатвы. Таковъ есть законъ природы, умудряющій правителей государственныхъ. Такъ во всей Европѣ водворилась свобода... Таковой ходъ и для Россіи есть благонадежнѣйшій и безопаснѣйшій».

Можно ли не удивляться при англоманско-крѣпостническихъ взглядахъ Мордвинова откровенному предпочтенію имъ выгодъ помѣщиковъ интересамъ мужика; но удивительно, что человѣкъ, столь образованный, бывшій тогда президентомъ вольнаго экономическаго общества, не зналъ того, что̀ убѣдительно доказано было въ трудахъ этого общества еще въ царствованіе Александра I, что барщинный трудъ слишкомъ мало производителенъ и что при существованіи его нельзя ожидать агрономическихъ улучшеній, введенія усовершенствованныхъ системъ хозяйства.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта было 27 апрѣля 1833 г. рѣшено: проектъ указа о запрещеніи продажи людей съ публичнаго торга и продажи съ раздробленіемъ семействъ поднести на высочайшее усмотрѣніе. Что касается втораго указа—о непродажѣ крѣпостныхъ вообще безъ земли, то изданіе его нашли затруднительнымъ, какъ это мы узнаемъ изъ написаннаго самимъ Сперанскимъ журнала этого засѣданія. Въ виду всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ затрудненій, предсѣдатель государственнаго совѣта предложилъ на этотъ разъ ограничиться лишь постановленіемъ о запрещеніи продажи людей съ публичнаго торга, а также и вообще продажи съ раздробленіемъ семействъ, вопросъ же объ установленіи правила о непродажѣ людей безъ земли передать въ департаментъ законовъ для новаго, подробнаго по этому предмету соображенія. Общее собраніе государственнаго созѣта согласилось съ предложеніемъ предсѣдателя.

2 мая 1833 г. былъ данъ именной указъ сенату, въ которомъ послѣ упоминанія объ указахъ 1771 и 1798 гг. было сказано: «дабы привести указъ 1771 г. въ полную его силу и

дѣйствіе... признали мы за благо постановить повсемѣстно слѣдующее: 1) Отнынѣ впредь крѣпостныхъ людей безъ земли, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ, не представлять и не принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ, на помѣщикѣ лежащихъ, а ко взысканію оныхъ употреблять безъ послабленія всѣ другія мѣры, закономъ постановленныя. 2) По закладнымъ на крѣпостныхъ людей безъ земли и по частнымъ долговымъ обязательствамъ, до состоянія настоящаго запрещенія совершеннымъ и, по просрочкѣ ихъ, ко взысканію представленнымъ, а равно какъ и по взысканіямъ, вслѣдствіе исковъ всякаго рода окончательно присужденнымъ, когда у должника нѣтъ другаго имущества, кромѣ крѣпостныхъ людей безъ земли, или когда имущества сего на полное удовлетвореніе взысканія недостаточно, не обращая людей сихъ въ продажу, поступать на томъ же основаніи, какъ поступается по казеннымъ взысканіямъ, а именно: причисляя крѣпостныхъ людей, продажѣ подлежавшихъ, безъ раздробленія ихъ семействъ въ казенное вѣдомство, выдавать, кому слѣдуетъ, изъ казны по 300 р. за каждую ревизскую душу м. п. и по 150 р. женскаго. 3) Постановивъ, такимъ образомъ, правила для точнаго исполненія указа 1771 г. по частнымъ взысканіямъ, вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ запретить *отдѣльно отъ семействъ* какъ съ землею, такъ и безъ земли продажу крѣпостныхъ людей вообще и уступку ихъ по дарственнымъ записямъ въ постороннія руки. Семействомъ же, не подлежащимъ раздробленію, считать: отца, мать и изъ дѣтей сыновей неженатыхъ и дочерей незамужнихъ» *).

Какъ мы видѣли, общее собраніе государственнаго совѣта въ апрѣлѣ 1833 г. поручило департаменту законовъ обсудить вопросъ о непродажѣ людей безъ земли во всемъ его объемѣ. Дѣло это разсматривалось департаментомъ законовъ въ декабрѣ 1834 г., и рѣшено было отложить его до того времени, когда явятся обстоятельства, благопріятныя «столь важной перемѣнѣ»,

---

*) Въ 1835 г. было постановлено: 1) по казеннымъ взысканіямъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, наличные изъ нихъ, безъ раздробленія семействъ, причисляются въ казенное вѣдомство, съ зачетомъ въ счетъ лежащаго на помѣщикахъ взысканія за каждую наличную душу м. п. 300 р., а женскаго—половину. 2) По закладнымъ и другимъ частнымъ долговымъ обязательствамъ, совершеннымъ до указа 2 мая 1833 г., и по взысканіямъ, присужденнымъ вслѣдствіе исковъ всякаго рода, когда у должника нѣтъ другаго имущества, кромѣ крѣпостныхъ людей безъ земли, поступать на томъ же основаніи, какъ постановлено по казеннымъ взысканіямъ.

и «представится возможность приступить къ рѣшительному воспрещенію продажи людей безъ земли». По мнѣнію департамента, «благопріятныя въ семъ дѣлѣ обстоятельства могутъ состоять: 1) въ лучшемъ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, ибо положеніе ихъ, когда оно приметъ свою прочность и когда пользы его опытомъ утвердятся, можетъ быть принято образцомъ для устройства крестьянъ помѣщичьихъ,—образцомъ хотя не совсѣмъ равнымъ, но къ коему въ теченіе времени можно будетъ приближаться мѣрами постепенными, хотя и медленными, но за то вѣрными, и съ совершеннымъ сохраненіемъ пользъ помѣщичьихъ. Когда крестьяне казенные будутъ опытомъ удостовѣрены, что земля, на коей они водворены, не есть ихъ собственность, но собственность казны, у коей они ее нанимаютъ и ею пользуются изъ оброка, опредѣляемаго не по душамъ, но по участкамъ, тогда и крестьяне помѣщичьи, несмотря на то, что они тверды будутъ къ землѣ, не будутъ, однако же, считать сей земли своею, и, слѣдовательно, право помѣщичье останется неприкосновеннымъ». Нельзя не замѣтить, что и при дозволеніи продавать крестьянъ безъ земли они, все-таки, считали, что земля, на которой они поселены, принадлежитъ имъ, хотя они сами составляютъ собственность помѣщика, и, слѣдовательно, запрещеніе безземельной продажи не могло усилить этого убѣжденія. Второе благопріятное, по мнѣнію департамента, обстоятельство—окончаніе внутренняго размежеванія помѣщичьихъ земель—еще менѣе идетъ къ дѣлу: департаментъ полагалъ, что тогда помѣщики получатъ болѣе возможности разверстать свою землю «на участки и распредѣлить ихъ крестьянамъ за опредѣленный оброкъ или работу» (повидимому, тутъ имѣется въ виду введеніе подворнаго пользованія землею). Хотя, такимъ образомъ, «количество помѣщичьихъ земель въ общей ихъ сложности не увеличится», но, по мнѣнію департамента, «умножатся способы на той же самой землѣ учредить лучшее хозяйство и, слѣдовательно, содержать бóльшее число крестьянъ, нежели содержится нынѣ; а чрезъ сіе уменьшится тѣснота владѣній и пресѣчется одна изъ причинъ, понуждающихъ нынѣ къ продажѣ крестьянъ безъ земли». Поэтому департаментъ законовъ постановилъ, не внося эти предположенія въ общее собраніе государственнаго совѣта, испросить соизволеніе Государя предоставить департаменту заняться этимъ дѣломъ тогда, когда вышеуказанныя обстоятельства «приведены будутъ къ ихъ совершенію и съ тѣмъ вмѣстѣ

представится возможность приступить къ постепеннымъ мѣрамъ, могущимъ вести ихъ къ разрѣшенію настоящаго вопроса» (рук. Имп. публ. библ.). Этимъ постановленіемъ вопросъ о полномъ запрещеніи продажи людей безъ земли былъ окончательно похороненъ.

При производствѣ 8-й народной переписи въ 1833 г. было постановлено, чтобы на будущее время лица, имѣющія право владѣть крѣпостными, при совершеніи купчихъ крѣпостей приписывали покупаемыя ими семейства, для платежа за нихъ повинностей, исключительно къ собственнымъ населеннымъ имѣніямъ, что и слѣдовало означать въ самыхъ купчихъ крѣпостяхъ *). Затѣмъ въ 1841 году было издано слѣдующее постановленіе: 1) Присутственнымъ мѣстамъ, совершающимъ крѣпостные акты, поставить въ обязанность требовать отъ дворянъ, покупающихъ дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли, точнаго показанія, *къ какому недвижимому населенному его имѣнію намѣренъ онъ приписать людей*. 2) При продажѣ или залогѣ имѣній не дозволять владѣльцамъ выговаривать или оставлять за собою людей съ разлученіемъ семейства. 3) *Не дозволять совершенія купчихъ крѣпостей на дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ обоего пола такимъ покупщикамъ, которые не имѣютъ населенныхъ имѣній*. 4) Дворянамъ, не имѣющимъ населеннаго недвижимаго имѣнія, не позволять пріобрѣтать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли никакимъ способомъ, а съ достающимися имъ по семейному раздѣлу поступать на основаніи законовъ о наслѣдствахъ, «приходящихъ къ неимѣющимъ права владѣть крѣпостными людьми» **).

Въ 1846 г. пришлось строго подтвердить установленное въ 1798 году запрещеніе совершать купчія крѣпости на людей безъ земли въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской подъ страхомъ законной отвѣтственности, независимо отъ признанія самой покупки недѣйствительною.

---

*) Люди, купленные до изданія этого закона, приписывались также и къ городскимъ домамъ. Владѣльцы, не имѣющіе собственныхъ недвижимостей, должны были теперь для обезпеченія платежа за своихъ дворовыхъ людей и отбыванія рекрутской повинности внести въ уѣздное казначейство за каждую душу мужскаго пола по 240 р.

**) За нарушеніе этихъ послѣднихъ правилъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г. купленные или доставшіеся люди отбираются въ казну безъ всякаго вознагражденія владѣльцамъ, которые подвергаются еще строгому выговору въ присутствіи суда, а во второй разъ—аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ; за противузаконное же разлученіе семействъ грозило денежное взысканіе за каждую душу мужскаго пола 150 и женскаго 75 руб. За продажу людей отдѣльно отъ семействъ они получали свободу, а помѣщики должны были платить за нихъ подати до ревизіи.

Продажа людей въ рекруты была запрещена еще въ XVIII вѣкѣ, но правительству приходилось въ царствованіе Николая, какъ и въ первой четверти XIX вѣка, принимать мѣры, чтобы преградить возможность разныхъ уловокъ для обхода этого закона.

Отдача помѣщиками людей своихъ на работу была ограничена постановленіемъ 1827 года, воспретившимъ отдавать крѣпостныхъ на горные заводы *).

Переходимъ къ узаконеніямъ относительно права помѣщиковъ *наказывать своихъ крѣпостныхъ*. Мы видимъ въ I главѣ (стр. 208 и 209), что указъ 1822 года объ отправленіи въ Сибирь крѣпостныхъ безъ суда, по волѣ ихъ помѣщиковъ (безъ зачета въ рекруты), возбудилъ недоумѣнія и разныя толкованія. Для поясненія его 30 августа 1827 года были установлены слѣдующія правила: дозволялось отпразлять въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ людей не старѣе 50 лѣтъ, не дряхлыхъ и не увѣчныхъ; при этомъ слѣдовало не разлучать мужа и жены, а вмѣстѣ съ ними отправлять и малолѣтнихъ мужскаго пола до 5 лѣтъ, а женскаго до 10 лѣтъ, безъ зачета мужскаго пола за рекрута. Помѣщикъ долженъ былъ снабдить ссылаемыхъ одеждою и кормовыми деньгами по разсчету, отъ мѣста пересылки до Тобольска, и платить слѣдующія за нихъ въ казну подати и повинности до ревизіи. Такимъ образомъ, указу 1822 г., касавшемуся собственно лишь негодныхъ къ службѣ, было придано болѣе широкое значеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ уничтоженъ указъ 1824 года о принятіи крѣпостныхъ безъ ограниченія лѣтъ. Такъ какъ нѣкоторые помѣщики, представившіе своихъ крѣпостныхъ къ отправленію за дурное поведеніе въ Сибирь, просили о возвращеніи ихъ, то государственному совѣту пришлось въ слѣдующемъ году вновь заняться соображеніями о «степени и цѣли права, даннаго помѣщикамъ, удалять отъ себя людей въ Сибирь», что привело къ измѣненію и дополненію закона 1827 года. Государственный совѣтъ нашелъ, что право помѣщика должно заключаться «единственно въ удаленіи навсегда отъ себя и изъ своего имѣнія порочнаго и нетерпимаго по продерзостямъ своимъ крѣпостнаго человѣка; но что то или другое назначеніе человѣку, удаляемому помѣщикомъ, должно уже зависѣть отъ распоряженія правительства, и что симъ способомъ отвратятся тѣ злоупотреб-

*) Правила, установленныя относительно отдачи бѣлорусскихъ помѣщичьихъ крестьянъ на суда, земляныя и другія черныя работы, см. гл. XVI нашей статьи.

ленія и затрудненія», какія бываютъ «по несообразности нынѣ дѣйствующаго правила ссылать всѣхъ таковыхъ людей въ Сибирь по желанію ихъ владѣльцевъ». Для этого постановлены были слѣдующія правила: 1) «Помѣщикъ можетъ за продерзостные проступки и нетерпимое поведеніе крѣпостнаго своего человѣка удалить его навсегда отъ себя и изъ своего имѣнія», представивъ его для этого въ распоряженіе губернскаго правленія. 2) Губернское правленіе свидѣтельствуетъ ихъ и если найдетъ годными, то отдаетъ въ военную службу, неспособныхъ же къ ней назначаетъ къ переселенію въ Сибирь. 3) Назначенные въ военную службу помѣщику за рекрута не зачитаются. 4) Жены ихъ считаются на общемъ положеніи женъ крѣпостныхъ, поступающихъ въ военную службу, т.-е. получаютъ свободу. 5) Относительно опредѣленныхъ губернскимъ правленіемъ къ отправленію въ Сибирь велѣно руководствоваться правилами закона 30 августа 1827 года. 6) Помѣщикъ, пожелавшій простить удаленнаго имъ за дурное поведеніе человѣка, можетъ опять возвратить его въ свое владѣніе, если не состоялось еще о немъ опредѣленія губернскаго правленія или оно не приведено въ исполненіе. Постановленіемъ, что только неспособные къ службѣ могутъ быть отправляемы по желанію помѣщика въ Сибирь, возстановленъ былъ истинный смыслъ указа 1822 г. *). Закономъ 1827 г. не дозволялось отправлять въ Сибирь по желанію помѣщиковъ людей старѣе извѣстнаго возраста, но въ 1831 г. было постановлено, что крѣпостные, наказанные по судебному приговору и обращенные на прежнее мѣстожительство, если помѣщики принять ихъ не пожелаютъ, могутъ быть ссылаемы въ

*) Когда возникъ вопросъ, кому должны принадлежать дѣти крестьянъ, представляемыхъ помѣщиками къ ссылкѣ въ Сибирь, но обращаемыхъ въ военную службу, то въ 1836 г. было постановлено: дѣтей крестьянъ, рожденныхъ до поступленія на службу, оставлять за прежними владѣльцами, рожденныхъ же позднѣе причислять въ военное вѣдомство. Въ случаѣ тяжкой неизлечимой болѣзни отправляемаго по волѣ помѣщика въ Сибирь, губернскому начальству разрѣшено было ходатайствовать объ оставленіи больнаго или больной на прежнемъ мѣстѣ жительства, но при этомъ мѣстное начальство должно было въ своихъ представленіяхъ „объяснять и способы къ обезпеченію судьбы оставляемаго“. Въ 1853 г. было запрещено отправлять по просьбѣ помѣщика въ Сибирь крѣпостныхъ женщинъ беременныхъ или имѣющихъ грудныхъ младенцевъ; если же помѣщикъ пожелаетъ удалить ихъ отъ себя немедленно, то велѣно было содержать ихъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія до истеченія срока, назначеннаго для находящихся въ такомъ положеніи женщинъ, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми того возраста, въ какомъ они не должны быть разлучаемы съ матерями.

Сибирь на поселеніе, хотя бы были и старѣе 50 лѣтъ. Нужно думать, что со стороны помѣщиковъ было не мало домогательствъ о ссылкѣ стариковъ, такъ какъ въ 1846 г. были установлены правила, дававшія еще болѣе возможности ссылать въ Сибирь крѣпостныхъ старѣе 50 лѣтъ по волѣ ихъ господъ. Для этого теперь требовалось, чтобъ удостовѣрено было, что они уже отдавались для исправленія въ смирительный или рабочій домъ, или въ одну изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; помѣщикъ въ этомъ случаѣ обязанъ, сверхъ взноса кормовыхъ денегъ и снабженія отправляемаго одеждою, внести еще сумму, равную положенной въ той губерніи за каждую для письма крѣпостей ревизскую душу (также и за женщинъ). Губернскимъ правленіямъ предоставляется при отправленіи такихъ людей назначать изъ этой суммы «путевыя пособія» въ количествѣ, не превышающемъ для одинокаго $^1/_{15}$, а для семейнаго $^1/_{12}$ всего взноса; остальныя же деньги препровождаются въ тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія, откуда и выдаются переселенцу при его водвореніи по требованію приказа о ссыльныхъ. Дѣло дошло, наконецъ, и до предоставленія помѣщикамъ права удалять несовершеннолѣтнихъ. Въ 1847 г. были постановлены слѣдующія правила: не воспрещать помѣщикамъ удалять изъ своихъ имѣній и несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей «порочнаго поведенія» отъ 8 до 17-ти лѣтняго возраста, отдавая ихъ, на общемъ основаніи, въ распоряженіе губернскаго правленія; принятые такимъ образомъ мальчики отсылаются въ батальоны военныхъ кантонистовъ, а несовершеннолѣтнія дѣвочки отдаются въ палату государственныхъ имуществъ для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ прежняго ихъ жительства уѣздахъ, «съ тѣмъ, чтобъ онѣ находились тамъ подъ особымъ надзоромъ начальства и, по достиженіи установленнаго для вступленія въ бракъ возраста, выдаваемы были въ замужство или обращаемы въ работницы къ благонадежнымъ хозяевамъ». Правила эти повелѣно было не публиковать во всеобщее свѣдѣніе, а предписать, кому слѣдуетъ, къ надлежащему руководству и исполненію.

Въ началѣ 1854 г., вслѣдствіе записки министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова, въ государственномъ совѣтѣ возбужденъ былъ вопросъ о ссылкѣ крѣпостныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ.

Департаментъ законовъ, разсматривая это дѣло, «принялъ на видъ», что по закону «обязанность воздерживать крѣпостныхъ людей отъ всякихъ пороковъ и непорядковъ возложена на владѣльцевъ, и что имъ же ввѣрена и полицейская въ своихъ имѣніяхъ власть. При существованіи такого закона удаленіе изъ имѣнія людей, вредныхъ по образу ихъ мыслей и характеру для общественной нравственности и спокойствія, не можетъ быть названа *правомъ* помѣщиковъ, но составляетъ прямую ихъ *обязанность:* отвѣтствуя предъ правительствомъ за поведеніе и нравственность своихъ крѣпостныхъ, они *должны* ограждать селенія и крестьянскія общества отъ вредныхъ и опасныхъ для нихъ людей. Предполагаемая нынѣ (повидимому, министромъ внутреннихъ дѣлъ) повѣрка посредствомъ предводителей дворянства правильности въ семъ отношеніи распоряженій владѣльцевъ, ослабивъ средства ихъ къ исполненію упомянутой обязанности, не достигла бы своей цѣли, ибо характеръ людей и дурныя ихъ наклонности и намѣренія могутъ быть вполнѣ извѣстны только лицамъ, находящимся въ ближайшихъ и ежедневныхъ съ ними сношеніяхъ; постороннимъ же такія намѣренія, *покамѣстъ они еще не обнаружились прямыми внѣшними дѣйствіями*, бо́льшею частью не доступны. Посему предводители дворянства, не имѣя средства къ открытію истинной причины, побуждающей помѣщика къ удаленію изъ имѣнія своего крѣпостнаго, были бы поставлены въ крайнее затрудненіе, а иногда даже и въ невозможность свидѣтельствовать о правильности его распоряженія. Между тѣмъ, такое вмѣшательство могло бы имѣть весьма вредныя послѣдствія: съ одной стороны, въ самой бо́льшей части случаевъ оно не останется тайной, а сдѣлавшись извѣстнымъ крестьянамъ, неизбѣжно потрясетъ довѣріе и уваженіе къ владѣльцамъ, дастъ поводъ къ неповиновенію и чрезъ то лишитъ помѣщика средствъ къ исполненію возложенныхъ на него правительствомъ обязанностей, на коихъ основано охраненіе общественнаго спокойствія въ столь многолюдномъ сословіи; съ другой же стороны, подобное вмѣшательство вынудитъ помѣщиковъ, для сохраненія необходимаго въ глазахъ крестьянъ значенія, терпѣть иногда въ своемъ имѣніи, *по недостатку лишь юридическихъ доказательствъ*, пребываніе вредныхъ людей, что было бы совершенно противно вышеприведенному закону и могло бы повесть къ нарушенію общественнаго спокойствія и безопасности, *въ противность тѣхъ цѣлей правительства, для коихъ казенные крестьяне, въ предъидущія царствованія, преимущественно раздавались помѣщикамъ*... Такъ какъ удаленіе крѣпостныхъ людей изъ имѣнія сопряжено всегда съ значительными расходами и съ потерею крѣпостнаго права на всю семью удаляемаго, то трудно предполагать, чтобы помѣщикъ рѣшился на столь важное пожертвованіе своими выгодами безъ крайней необходимости».

Находя, такимъ образомъ, невозможнымъ ограничить право дворянъ подвергать крѣпостныхъ такому суровому наказанію, какъ удаленіе изъ имѣнія, соединенное съ отдачей въ военную службу или ссылкой въ Сибирь, полагая, что даже контроль предводителей дворянства можетъ показаться слишкомъ стѣснительнымъ для помѣщиковъ, департаментъ законовъ изъявлялъ готовность ограничить въ этомъ отношеніи только произволъ

управителей. Если же и затѣмъ признано было бы необходимымъ облегчить въ чемъ-либо участь крѣпостныхъ, удаляемыхъ изъ имѣнія по распоряженію помѣщика, то, имѣя въ виду, что «проступки крѣпостныхъ людей и степень ихъ неисправимости могутъ быть различны, наказаніе же по существующимъ правиламъ полагается имъ всѣмъ одинаковое», департаментъ законовъ предложилъ «предоставить помѣщикамъ... просить о переселеніи менѣе виновныхъ, въ случаѣ негодности ихъ къ военной службѣ, вмѣсто Сибири на свободныя казенныя земли въ другія малоземельныя губерніи». Относительно того, насколько это предложеніе осуществимо, пришлось спросить мнѣніе Киселева, какъ министра государственныхъ имуществъ, но онъ высказался противъ него. Киселевъ указалъ на то, что «состояніе свободныхъ казенныхъ земель со времени учрежденія управленія государственныхъ имуществъ значительно измѣнилось. Въ теченіе 16 лѣтъ сдѣланы отводы земель *до 800,000 десят. по всемилостивѣйшему пожалованію* лицамъ, ожидавшимъ назначенія съ девяностыхъ годовъ прошедшаго столѣтія; около двухъ милліоновъ десятинъ, не включая лѣса, дано въ надѣлъ малоземельнымъ (государственнымъ) крестьянамъ и иностраннымъ поселенцамъ, до двухъ милліоновъ десятинъ отведено для переселенія крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ числѣ 120,000 душъ» и т. д. Затѣмъ уже нѣтъ свободныхъ земель для поселенія крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ сѣверныхъ губерній, но здѣсь селить ихъ неудобно, такъ какъ переселяемые не въ состояніи будутъ расчистить и удобрить некультивированныя земли. Поэтому Киселевъ предложилъ крѣпостныхъ крестьянъ, удаляемыхъ изъ помѣщичьихъ имѣній, отправлять «по существующему нынѣ закону» въ Тобольскую губернію, отдѣливъ только ихъ отъ преступниковъ, ссылаемыхъ за преступленія, и водворять ихъ особыми селеніями или усадьбами, съ чѣмъ еще въ 1852 г. согласился и сибирскій комитетъ *). Послѣ этого отвѣта Киселева государственный совѣтъ рѣшилъ принять мѣры лишь для ограниченія власти управителей, и въ апрѣлѣ 1854 г. было запрещено помѣщикамъ въ выдаваемыхъ ими на управленіе имѣніями общихъ довѣренностяхъ предоставлять управителямъ право удалять крестьянъ навсегда изъ имѣ-

*) Журналъ его былъ одобренъ Государемъ, и затѣмъ вырабатывались новыя правила по соглашенію со вторымъ отдѣленіемъ соб. Его Величества канц. и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

нія и отдавать ихъ въ рекруты, такъ какъ «эти мѣры взысканія принадлежатъ исключительно власти самого помѣщика», но ему дозволялось уполномочивать на это управителя или кого-либо другаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ упоминаніемъ лица, подвергаемаго наказанію *).

Администрація предлагала помѣщикамъ свои услуги не только для отправленія крѣпостныхъ въ Сибирь, но и для препровожденія на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній. Такихъ людей пересылали посредствомъ внутренней стражи до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состоятъ имѣнія, куда отправляются эти люди. Пересылка производилась въ «ручныхъ укрѣпленіяхъ», т.-е. оковахъ.

Право помѣщиковъ наказывать крестьянъ такимъ образомъ опредѣлялось въ Сводѣ Законовъ изд. 1833 г.: «Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, помѣщикъ имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія *по его усмотрѣнію*, но безъ увѣчья и тѣмъ менѣе еще съ опасностію ихъ жизни. Когда владѣлецъ не пожелаетъ наказывать крѣпостныхъ своихъ самъ или употребленные имъ способы наказанія и исправленія останутся безуспѣшными, то онъ можетъ прибѣгнуть къ правительству и просить законнаго съ его стороны содѣйствія. За вины собственно противъ владѣльца или правъ его, равно какъ и за проступки полицейскіе, крѣпостные люди по его просьбѣ подвергаются или полицескому наказанію, съ возвратомъ на прежнее жилище, или содержанію въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ **) *на срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный*». Статьи эти основаны на постановленіяхъ, изданныхъ еще до царствованія Императора Николая; нужно только замѣтить, что подъ одною изъ нихъ цитированъ именной указъ 5 іюля 1811 г.; имъ дѣйствительно предоставляется помѣщикамъ отправлять крѣпостныхъ, по своему желанію, въ исправительныя заведенія, *но не иначе, какъ по объявленіи причинъ*. Это послѣднее, въ высшей степени важное условіе при составленіи извлеченія изъ источника пропущено.

*) Помѣщики сохранили въ разсматриваемую эпоху право отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты съ зачетомъ, если они годны къ военной службѣ, въ будущій наборъ, и безъ зачета, если они для нея не годились. Но въ 1846 г. было запрещено принимать въ рекруты и безъ зачета ниже установленнаго роста.

**) Въ изданіи 1842 г. прибавлено: „или въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства“.

Въ 1846 году были точно опредѣлены права помѣщиковъ относительно расправы ихъ съ крестьянами. Среди измѣненій и дополненій къ уложенію о наказаніяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда эти преступленія или проступки совершены противъ помѣщика, его семейства или противъ другихъ его крестьянъ и дворовыхъ людей, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ и вѣдаются полиціями или судами лишь въ томъ случаѣ, когда самъ помѣщикъ, не желая употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, дастъ знать о томъ надлежащему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крестьянами и дворовыми людьми противъ кого-либо другаго, то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ помѣщика или управляющаго въ такомъ лишь случаѣ, если о томъ будетъ просить самъ обиженный. Что касается размѣра наказанія при судѣ и расправѣ помѣщиковъ надъ крѣпостными, то онъ опредѣленъ такимъ образомъ, что для крѣпостныхъ едва ли было бы не лучше, если бы помѣщичья расправа оставалась въ прежнемъ, не регламентированномъ видѣ. Сами помѣщики и управляющіе ихъ имѣніями по довѣренностямъ могли на основаніи новаго закона подвергать крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ «*наказанію розгами до 40 или палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ случаяхъ особенной важности и до двухъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ (!), сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными**). За преступленія и проступки еще болѣе важные, а равно и тогда, когда означенныя выше мѣры домашняго исправленія оказываются безуспѣшными, помѣщикъ можетъ *отсылать* крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей *въ смирительные и рабочіе дома на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ одного до шести мѣсяцевъ*. Если помѣщикъ по какимъ-либо причинамъ не пожелаетъ употребить предоставленнаго ему закономъ права суда или же признаетъ, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, то мо-

*) Т.-е. на основаніи устава о содержащихся подъ стражею, съ правомъ, для предупрежденія побѣга, заковывать въ кандалы.

жетъ отослать его въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ виновнымъ по правиламъ уложенія о наказаніяхъ. Впрочемъ, людей совершенно неисправимыхъ и вредныхъ помѣщикъ имѣетъ право удалять навсегда отъ себя и изъ своихъ имѣній».

Подобныя постановленія вызывали негодованіе просвѣщенныхъ современниковъ. Ю. Ѳ. Самаринъ въ своей запискѣ *О крѣпостномъ состояніи* (1854—56 гг.) говоритъ: «Со времени изданія уложенія о наказаніяхъ... безотчетная власть помѣщиковъ въ присужденіи ихъ людей къ уголовнымъ и исправительнымъ наказаніямъ *была расширена* дарованіемъ права ссылать въ Сибирь стариковъ и несовершеннолѣтнихъ и заводить въ имѣніяхъ сельскія тюрьмы. Трудно постигнуть, съ какою цѣлью, изъ какихъ видовъ допущено это отступленіе отъ общаго стремленія нашего законодательства со временъ Екатерины II; но должно сказать къ чести помѣщиковъ, что практика далеко отстала отъ закона. Совѣсть въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ за одно съ благоразуміемъ. Помѣщикъ, который бы вздумалъ завести у себя тюрьму, забивать въ кандалы и ссылать дѣтей, рисковалъ бы произвести въ своемъ имѣніи возмущеніе».

Законъ о *наложеніи опеки на имѣнія жестокихъ помѣщиковъ* продолжалъ дѣйствовать и въ николаевскую эпоху. Въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 года мы находимъ слѣдующія постановленія о владѣльцахъ, повинныхъ въ жестокомъ обращеніи со своими крѣпостными. Изобличенные въ этомъ помѣщики, сверхъ учрежденія опеки надъ ними и всѣми ихъ населенными имѣніями, лишаются права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ и подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и проч.), или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Если, вслѣдствіе нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій, причинится кому-нибудь смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года и предается церковному покаянію. Когда

съ преступленіемъ было соединено и злоупотребленіе властью, то виновный, если онъ помѣщикъ, отдается въ опеку вмѣстѣ со всѣми его населенными имѣніями, а если управляющій, то навсегда лишается права управлять крѣпостными людьми *).

Относительно личныхъ правъ крѣпостныхъ отмѣтимъ слѣдующія постановленія. Что касается доступа ихъ къ обученію въ училища, то въ рескриптѣ Государя на имя министра народнаго просвѣщенія въ 1827 г. было сказано: «До свѣдѣнія моего дошло, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ». Вслѣдствіе этого «отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и оттого они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ». Для избѣжанія этого предписывалось допускать къ обученію въ гимназіяхъ и университетахъ только людей «свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ», но крѣпостнымъ дозволялось обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и частныхъ заведеніяхъ для обученія хозяйству, садоводству, ремесленной и иной промышленности, но которыя по своей программѣ также не выше уѣздныхъ училищъ. Черезъ десять лѣтъ это повелѣніе опять подтверждено именнымъ указомъ, въ которомъ было еще прибавлено, чтобы «и въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собствен-

*) Въ 1850 году было постановлено, что владѣлецъ, изобличенный въ злоупотребленіи своею властью, можетъ не только продать принадлежащее ему населенное имѣніе, но и передать его по дарственной записи; но затѣмъ постоянное пребываніе въ такомъ имѣніи ему воспрещается. Черезъ три года предшествовавшія постановленія объ опекѣ надъ такими помѣщиками были измѣнены и дополнены слѣдующими правилами: 1) Запрещеніе владѣльцамъ хозяйственнаго управленія отданными въ опеку имѣніями касается не только назначенія крестьянъ на работу, сбора оброка и другихъ повинностей, но и болѣе коренныхъ распоряженій по хозяйству, какъ, напримѣръ, переселеніе крестьянъ на новыя мѣста или въ другія имѣнія. 2) Такимъ владѣльцамъ рѣшительно воспрещается продажа крестьянъ на свозъ, или хотя съ землею, но по частямъ, а равно и отдѣльная продажа какого-либо количества принадлежащей къ имѣнію земли. 3) Дареніе такихъ состоящихъ подъ опекою имѣній допускается, если имѣніе благопріобрѣтенное, только по смерти владѣльца по его духовному завѣщанію; а продажа, промѣнъ, отдача въ залогъ, вступленіе помѣщика въ долговыя обязательства и совершеніе всякаго рода сдѣлокъ на его имущество разрѣшаются сенатомъ не иначе, какъ по представленіямъ учрежденной надъ нимъ дворянской опеки съ согласія губернскаго предводителя.

ныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ». Поводомъ къ этому указу были частые случаи пріема крѣпостныхъ въ частные пансіоны и такъ называемыя реальныя училища; правительство нашло, что «симъ смѣшеніемъ состояній нарушается порядокъ соразмѣрности, въ степеняхъ ученія вообще установленный, и *вводится противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ*». Если принять во вниманіе, какъ ужасно могло быть и бывало положеніе крѣпостнаго, получившаго образованіе, то нельзя не признать, что эта мѣра имѣла нѣкоторое основаніе; но, съ другой стороны, было бы гораздо лучше постановить, что люди, окончившіе извѣстный курсъ наукъ, должны получать личную свободу. Въ 1842 г. былъ изданъ новый законъ относительно удовлетворенія крѣпостныхъ людей за обиды, причемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду не столько увеличеніе денежнаго взысканія, «сколько уравненіе ихъ въ семъ отношеніи съ лицами свободнымъ сословій» *). Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ были, попрежнему, воспрещены: по уложенію о наказаніяхъ 1845 г. крѣпостные за подачу такой жалобы подвергаются наказанію розгами до 50 ударовъ.

Относительно помѣщичьей власти надъ крѣпостными отмѣтимъ слѣдующія постановленія. Въ 1826 г. запрещено было приводить крѣпостныхъ крестьянъ къ присягѣ цѣлымъ обществомъ для утвержденія ихъ повиновенія владѣльцу. По уложенію о наказаніяхъ 1845 г. всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ противъ помѣщиковъ, управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій почитается «*возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ*», и виновные въ немъ подвергаются наказаніямъ, назначеннымъ за это послѣднее преступленіе. Такимъ образомъ, этимъ закономъ была, какъ замѣчаетъ Самаринъ, «уравнена въ нашемъ законодательствѣ безотчетная власть частнаго лица, владѣльца населеннаго имѣнія, съ правительственными учрежденіями, дѣйствующими на

*) Теперь повелѣно было взыскивать за безчестіе крѣпостнаго съ обидчика ту же сумму, какая опредѣлена сельскимъ судебнымъ уставомъ за обиду государственнаго крестьянина, и точно также за безчестіе крѣпостныхъ женщинъ вдвое противъ мужей, за оскорбленіе замужней дочери вчетверо, а за обиду мужскаго пола моложе 17 лѣтъ въ половину противъ того, что слѣдуетъ ихъ отцу.

основаніи законовъ и подлежащими отвѣтственности передъ высшими инстанціями по жалобамъ отъ ихъ подчиненныхъ» *).

О двухъ указахъ 1844 года относительно предоставленія помѣщикамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ мы уже говорили въ VI главѣ. Въ концѣ царствованія Императора Александра I, въ 1824 году, крестьянамъ Грузіи, при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, дозволено было выкупаться на свободу. При этомъ былъ возбужденъ вопросъ относительно выдачи выкупающимся на волю ссуды отъ казны, но въ 1831 году онъ былъ рѣшенъ государственнымъ совѣтомъ отрицательно; вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено, что желающіе выкупиться крестьяне обязаны внести деньги въ теченіе 30 дней со времени сдѣланнаго ими чрезъ полицію объявленія о послѣдней цѣнѣ, состоявшейся на торгахъ, или, если покупщиковъ не явилось, о суммѣ, въ которую оцѣнено имѣніе. Назначеніе тридцатидневнаго срока было для крестьянъ весьма стѣснительно, но очень важно, что тѣмъ же постановленіемъ грузинскимъ крестьянамъ дозволено было выкупаться на свободу не только при продажѣ съ публичнаго торга, но и при частныхъ продажахъ имѣній, а въ 1835 г. было пояснено, что это право распространяется и на отдѣльныхъ грузинскихъ крестьянъ и дворовыхъ, продаваемыхъ владѣльцами посредствомъ частныхъ сдѣлокъ безъ земли. О томъ, что дозволеніе крестьянамъ Грузіи выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга было указомъ 8 ноября 1847 года распространено на всю Россію и что затѣмъ это дозволеніе было взято назадъ въ 1849 году, мы уже говорили въ главахъ VII и IX.

Крѣпостные крестьяне получали также свободу посредствомъ пріобрѣтенія населенныхъ имѣній въ казну, о чемъ мы имѣемъ свѣдѣнія со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ (въ 1838 году). До 1847 года эти покупки дѣлались вслѣдствіе ходатайства помѣщиковъ **), которые, побуждаемые необходимостью обратить свои населенныя имѣнія въ капи-

*) Указъ 3 марта 1848 г., дозволившій крѣпостнымъ пріобрѣтать въ собственность земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній, *но не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ*, былъ уже разсмотрѣнъ въ VII главѣ. Указъ 1853 г. о воспрещеніи отдачи въ аренду помѣщичьихъ населенныхъ имѣній, вызванный злоупотребленіями въ западныхъ губерніяхъ (см. гл. XVI), относился и къ остальной Россіи.

**) Таковы были: графини Орлова-Чесменская, Самойлова и Тизенгаузенъ, княгиня Багратіонъ, наслѣдники генерала Орлова, графъ Зубовъ, графъ Борхъ и проч.

талы, предлагали довольно выгодныя условія, такъ что министерство государственныхъ имуществъ могло пріобрѣсти бо́льшую часть этихъ имѣній «по шестипроцентному разсчету дохода», кромѣ двухъ, которыя давали 5—5½ процентовъ. 11 августа 1847 года были утверждены Государемъ правила относительно покупки въ казну продаваемыхъ съ публичнаго торга населенныхъ имѣній *), а 8 сентября того же года были утверждены Государемъ правила относительно пріобрѣтенія въ казну имѣній западныхъ губерній, продаваемыхъ съ публичнаго торга въ случаѣ просрочки платежей въ банковыя учрежденія, въ которыхъ они заложены. Правила 11 августа и 8 сентября были между собою сходны и разница между ними лишь въ томъ, что покупка въ великороссійскихъ губерніяхъ была ограничена опредѣленною суммой (на первый, 1848 годъ было назначено 300,000 р.), а въ западныхъ губерніяхъ она была не ограничена, но за то покупка совершалась не иначе, какъ по доходу въ 7%. Въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1848 г. по поводу записки тульскаго предводителя Норова относительно правъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга (см. гл. IX), приходилось не разъ касаться и правилъ 11 августа и 8 сентября. Тутъ, между прочимъ, графъ Киселевъ въ своихъ возраженіяхъ Норову замѣтилъ, что одинъ лишній рубль, набавленный на торгахъ частнымъ лицомъ, лишаетъ министерство возможности пріобрѣсти имѣніе въ казну, и тогда крестьяне должны на основаніи указа 8 ноября или внести въ тридцатидневный срокъ объявленную на торгахъ цѣну, или поступить во владѣніе новаго помѣщика. Имѣя это въ виду, комитетъ предложилъ, не измѣняя правилъ о назначеніи секретно командируемымъ на торги чиновникамъ послѣдней цѣны, до которой они могутъ торговаться, разрѣшить министру государственныхъ имуществъ не стѣсняться вышеуказанными разсчетами, а дѣйствовать по своему усмотрѣнію и давать подвѣдомственнымъ палатамъ полномочія оставлять за казною имѣнія и по высшей цѣнѣ, особенно небольшія. Государь 14 іюля

*) Министерство государственныхъ имуществъ, собирая свѣдѣнія о всѣхъ назначаемыхъ въ продажу населенныхъ имѣніяхъ, опредѣляетъ цѣну, до которой его чиновникъ можетъ торговаться на то или другое имѣніе, и указываетъ ее въ секретной инструкціи отправляемому съ этою цѣлью чиновнику, ко́торый торгуется на счетъ казны наравнѣ съ прочими желающими. Крестьянамъ купленнаго казною имѣнія предоставлялось въ теченіе опредѣленнаго срока изъявить желаніе о выкупѣ собственными средствами, въ противномъ же случаѣ имѣніе поступало въ казну.

1848 года утвердилъ эти предложенія секретнаго комитета. Когда, въ слѣдующемъ году, новыми правилами о продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ былъ отмѣненъ указъ 8 ноября 1847 года о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу, то назначеннымъ на торги чиновникамъ было предоставлено торговаться на счетъ казны гласно, на общемъ для всѣхъ основаніи. Положено было также имѣть въ виду преимущественно пріобрѣтеніе въ казну имѣній мелкопомѣстныхъ, чрезполосныхъ или смежныхъ съ казенными, цѣны же, до которыхъ предоставлялось торговаться, назначать: на имѣнія въ 20 ревизскихъ душъ до суммы, на которую доходъ съ нихъ можетъ составить 4%, а на имѣнія отъ 21 до 100 душъ—отъ 4½ до 5%. Въ 1849 году на покупку имѣній было ассигновано 150,000 руб., а въ слѣдующемъ году назначеніе съ этою цѣлью денегъ пріостановлено; но такъ какъ отъ ассигнованныхъ въ 1848—49 гг. 450,000 рублей оставалась еще значительная сумма, то покупка имѣній въ казну продолжалась; однако, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ пріобрѣтать только помѣщичьи имѣнія, которыя смежны или чрезполосны съ землями казенныхъ селеній и которыя заключаютъ въ себѣ не болѣе 20 душъ *).

Въ теченіе времени съ 1838 по 1855 г. было всего пріобрѣтено въ казну въ Великороссіи 178 имѣній, съ населеніемъ 54,349 душъ муж. пола, за сумму въ 8.735,872 руб. Крестьянамъ этихъ имѣній, при поступленіи въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, были оставляемы земли, которыми они пользовались во время помѣщичьяго владѣнія, и, кромѣ того, въ имѣніяхъ малоземельныхъ они получали и господскія угодья; ихъ облагали особыми сборами на возмѣщеніе по банковымъ правиламъ суммъ, употребленныхъ казною на покупку имѣній. Сколько было пріобрѣтено населенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ Россіи, намъ неизвѣстно.

Если мы сопоставимъ требованія, высказанныя разными комитетами, членами администраціи и частными лицами, съ тѣмъ, что было дѣйствительно сдѣлано съ этою цѣлью въ царствова-

*) Въ 1851 году также не было ассигновано суммы на покупку имѣній, но въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая деньги съ этою цѣлью, вѣроятно, ассигновались; это нужно думать, во-первыхъ, потому, что въ 1855 году послѣдовало высочайшее повелѣніе пріостановить покупку въ казну помѣщичьихъ имѣній, и, во-вторыхъ, потому, что съ 1851 по 1855 годъ было пріобрѣтено въ казну въ Великороссіи 100 имѣній, съ населеніемъ въ 12,131 душъ мужскаго пола, что было бы невозможно на сумму, оставшуюся отъ ассигновокъ 1848—49 годовъ.

ніе Императора Николая, то мы увидимъ, что ограниченіе крѣпостнаго права за эту эпоху подвинулось впередъ весьма мало, не говоря уже, разумѣется, объ освобожденіи крѣпостныхъ, необходимость котораго стало все болѣе и болѣе сознавать наше общество. Мы видѣли, какъ разсуждали о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, но полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не позволено было разлучать при этомъ членовъ семейства, запрещено принимать крѣпостныхъ безъ земли въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ и покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены только въ Юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. въ счетъ идти не могутъ; относительно предоставленія крестьянамъ права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3 марта 1848 г. былъ шагомъ не впередъ, а скорѣе назадъ. Размѣра выкупа, за который можно пріобрѣтать свободу, установлено не было. Распространеніе въ 1847 г. на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга было отмѣнено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не принесъ почти никакихъ плодовъ. Освободилось, вслѣдствіе покупки имѣній въ казну, также незначительное число душъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ частныхъ, не полныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но очень важно то, что въ николаевскую эпоху въ правительственныхъ сферахъ выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостнаго права.

Посмотримъ теперь, увеличивалось ли, или уменьшалось въ разсматриваемую эпоху количество крѣпостныхъ въ Россіи. При Императорѣ Николаѣ, какъ и при Александрѣ I, населенныя имѣнія на полномъ крѣпостномъ правѣ въ пожалованіе не раздавались, и, слѣдовательно, уже болѣе не существовало важнаго источника увеличенія числа крѣпостныхъ крестьянъ. Напротивъ, мы видимъ цѣлый рядъ способовъ уменьшенія крѣпостнаго населенія Россіи. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ весьма ничтожные результаты: въ положеніе обязанныхъ перешло при Императорѣ Николаѣ всего 24,708 душъ муж. пола. На основаніи указа 8 ноября 1847 г. выкупилось при продажѣ

имѣній въ собственной Россіи еще того менѣе—всего 964 души муж. пола (о Грузіи, для которой собственно въ 1824 г. и изданъ былъ этотъ законъ, мы свѣдѣній не имѣемъ). На основаніи указа 1803 г. поступило въ царствованіе Императора Николая въ свободные хлѣбопашцы 66,109 душъ муж. пола; куплено въ казну въ великороссійскихъ губерніяхъ въ 1838 — 55 гг.—54,349 душъ муж. пола. Были, однако, еще другіе, болѣе важные по своимъ результатамъ, способы освобожденія: всѣ крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались людьми свободными; всѣ крестьяне выморочные и отсужденные въ казну поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ; не мало людей получало увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія по отдѣльнымъ отпускнымъ; случалось, что правительство оставляло на мѣстѣ поселенія бѣглыхъ крѣпостныхъ, зашедшихъ на нѣкоторыя окраины Россіи (въ Новороссію, Бессарабію и въ Закубанскія провинціи), давая имъ, такимъ образомъ, свободу и вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммой; въ западныхъ губерніяхъ, послѣ польскаго возстанія 1831 г., не мало имѣній было конфисковано и проч. Въ результатѣ всего этого былъ тотъ въ высшей степени важный фактъ, что численное возростаніе крѣпостнаго населенія въ Россіи въ эпоху Императора Николая не только пріостановилось, но даже ревизіи стали обнаруживать постепенное, хотя и весьма медленное, уменьшеніе количества крѣпостныхъ. По 5 ревизіи (въ 1794—96 гг.) въ Европейской Россіи и Сибири вмѣстѣ съ Остзейскимъ краемъ было крѣпостныхъ 9.789,680; по 6 ревизіи (1811 г.)—10.416,813 (нужно припомнить обильныя пожалованія населенныхъ имѣній—около 300,000 душъ муж. пола въ царствованіе Императора Павла). Въ 8 ревизію (1835 г.) въ той же мѣстности было крѣпостныхъ 10.872,229 душъ муж. пола; слѣдовательно, замѣчается еще возростаніе, несмотря на то, что 416,013 душъ муж. пола (по 6 ревизіи) крѣпостныхъ Остзейскаго края получили въ царствованіе Императора Александра I свободу. Но въ 9 ревизію (1851 г.) крѣпостныхъ было уже менѣе, чѣмъ во время восьмой, а именно: 10.708,856 душъ муж. пола (уменьшеніе на $1,_{5}\%_{0}$). Въ 10 ревизію (1859 г.) крѣпостныхъ Европейской Россіи и Сибири было 10.696,139 д. муж. пола, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ во время 9 ревизіи.

В. Семевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПЛАНОМЪ *).

(ПОВѢСТЬ).

(Посвящается Натальѣ Алексѣевнѣ Гольцевой).

Часть II.

I.

Прошли года, перемѣнилось время, а съ нимъ и люди, а съ людьми и рѣчи. То, чѣмъ жилось раньше, было пережито, что волновало, увлекало, заставляло страстно биться сердца и горѣть умы, улеглось, потеряло свою пряность, свою острую, возбуждающую силу. Вѣчно бѣгущія волны жизни унесли старые культы и смыли съ знаменъ ихъ выцвѣтшія уже, полинявшія надписи: «идеалъ», «прогрессъ», «человѣчество» и т. д., а вѣчно юное время несло имъ на смѣну и новые культы, и новые, менѣе туманные, болѣе выразительные и опредѣленные термины: «купить», «продать», «взять куртажъ». Новыя понятія вошли въ міръ, новый масштабъ прилагался къ человѣку, новый кодексъ опредѣлялъ границы человѣческой совѣсти. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ всевозможныхъ «концессій», «акцій», «облигацій» и т. д., и т. д., и сквозь этотъ общій гулъ, какъ трескучій, ужасъ наводящій взрывъ гранаты, то тамъ, то сямъ раздавалось зловѣщее «крахъ», на минуту, только на минуту ошеломлявшее всѣхъ. Въ общемъ жилось такъ же шумно, такъ же страстно, но только иначе, какъ-то легче, какъ-то особенно легче. Ни во что не вѣрилось, надеждъ никакихъ не было,—слышалось одно: «не зѣвай!»

Правда, таковъ былъ только «общій фонъ», такъ сказать, только поверхность необъятнаго житейскаго моря, его накипь,

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

пѣна, кидавшіяся въ глаза и закрывавшія собою его тихую, бездонную глубину-Внизу глубоко-глубоко, все-таки, тлѣли, какъ искры въ сѣромъ, охлажденномъ пеплѣ, здоровыя человѣческія силы; туда ушла, запряталась встревоженная царившимъ хищеніемъ, его нахальнымъ лозунгомъ: «лови моментъ», человѣческая совѣсть; туда ушли, запрятались умъ, знаніе, подвигъ. Люди, у которыхъ не было общаго съ улицей и ея новымъ культомъ, у которыхъ совѣсть была не въ карманѣ и не на концѣ аршина, у которыхъ въ груди билось не портмонэ, а настоящее человѣческое сердце,—эти люди ушли, изолировались, попрятались, кто куда и какъ могъ; но ихъ присутствіе, ихъ значеніе, ихъ тихая, почти не замѣтная, безшумная работа, все-таки, сказывались,—сказывались уже и тѣмъ, что жизнь не умирала, а, «все-таки, двигалась». Одни ушли въ область безстрастной науки и тихимъ, кропотливымъ трудомъ выкапывали міру изъ бездонныхъ тайниковъ природы и мысли новые перлы знанія и свѣта; другіе, болѣе живые и страстные, ставили впереди себя свои идеалы и тонули съ ними въ сѣрой человѣческой массѣ, ища себѣ и отклика, и адептовъ; третьи... третьи, не приставшіе ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, сѣвшіе, такъ сказать, посединѣ, вѣчно неудовлетворенные, измученные и жизнью, и своею безпочвенностью, грызли самихъ себя, являлись тѣми «рыцарями на часъ», больными «мучениками рефлекса», о которыхъ писалось уже такъ много. Нашъ старый кружокъ, нашъ знакомый уже читателю «семейный очагъ», заключалъ въ себѣ всѣ эти три типа. Семеновъ ушелъ въ свою математику, гдѣ не нужно было никакихъ сдѣлокъ, никакихъ компромиссовъ; Кутыревъ и Леля, какъ люди втораго типа, ушли въ деревню, въ самую «клѣточку жизни», какъ говорили они: онъ—врачомъ, она — акушеркой; я... я, признаюсь, сидѣлъ между двухъ стульевъ, я только вѣчно грызъ себя, я былъ «мученикомъ рефлекса». Конечно, все это случилось, опредѣлилось, сложилось у насъ не сразу,—много воды утекло, многое было пережито, перечувствовано, переплакано, такъ сказать, прежде. Оторванные отъ жизни, заброшенные въ далекую снѣжную глушь,—тяжелую, безпросвѣтную, какъ осенніе сумерки,—мы трое складывались, опредѣлялись постепенно. Молодые, здоровые, не поломанные, неопытные, какъ дѣти, очутившись въ этой глуши, одни, изолированные отъ всѣхъ и всего, предоставленные единственно своимъ, еще не сложившимся, силамъ, мы, естественно, каждый по своему, соотвѣт-

ственно характеру своего нравственнаго «я», соотвѣтственно его инстинктамъ, стали отвоевывать себя отъ засасывавшей тины глухого, безпросвѣтнаго мѣста, бездѣятельности и мертвечины и, такимъ образомъ, складывались постепенно. Отвоевывать — да, потому что эта тина обладаетъ страшною засасывающею силой, трудно преоборимою и для сильныхъ, сложившихся натуръ. Соблазнъ тихой, животной жизни, безсмысленнаго животнаго покоя, довольства, сытости былъ раскинутъ предъ нами громадною сѣтью, и въ этой крѣпкой сѣти билось и трепетало изо дня въ день, съ часу на часъ, наше молодое, духовное, человѣческое «я». Насъ окружали скука, тоска, пьянство, картежная игра, жизнь со дня на день, будничное, сѣрое прозябаніе—безъ мысли, безъ чувства, безъ живаго человѣческаго слова, безъ цѣли. И все это давило, мучило, подтачивало силы, все это лѣзло въ глаза, назойливо заявляло о своемъ правѣ на жизнь и громко, съ апломбомъ, требовало себѣ этого признанія. Изо дня въ день, съ часу на часъ, съ минуты на минуту!

Мы изнывали.

Наши молодыя души боролись, но тина не отступала,—она всасывалась сквозь всѣ поры организма тихо, незамѣтно, безшумно. Она надвигалась, какъ кошмаръ, какъ медленно разстилающійся туманъ, какъ тихо идущая черная туча, грозя поглотить насъ, искалѣчить, задушить своею подавляющею и, въ то же время, невидимою массой. Она притупляла ощущенія, ослабляла протестъ противъ себя, заставляла какъ-то невольно сживаться, свыкаться съ собою и постепенно, шагъ за шагомъ, становилась бокъ-о-бокъ съ нашимъ нравственнымъ міромъ, какъ нѣчто законное, естественное, нормальное, нѣчто такое, съ чѣмъ уже свыклись, сжились наши глаза, наши уши, нашъ умъ, наша совѣсть. Въ этой-то способности притуплять и ослаблять ощущенія и крылась ея страшная сила; а сила привычки, способность человѣческой души сживаться, свыкаться, способность поддаваться силѣ этого ужаснаго «изо дня въ день, съ часу на часъ, съ минуту на минуту»—обусловливали возможность ея побѣды и нашего пораженія. Съ каждымъ днемъ блѣднѣли краски, тупѣли нервы, тупѣло чувство,—все тупѣло: и острота, и интензивность нашего душевнаго протеста... Что еще недавно казалось ужаснымъ, противнымъ, отвратительнымъ, сегодня... сегодня уже не поражало, не ужасало, не отталкивало... Такъ у стараго солдата тупѣетъ чувство самосохраненія, такъ у стараго хирурга при-

тупляется впечатлѣніе къ стонамъ, такъ у падшихъ, несчастныхъ нравственныхъ калѣкъ тухнетъ человѣческая искра, глохнетъ стыдъ и совѣсть.

Мы изнывали и тина одолѣвала... Мы это чувствовали, понимали, сознавали и потому днемъ мы все больше и больше уходили каждый «въ свое», а ночью, безсонною, тревожною ночью, въ этотъ ужасный часъ самоанализа, самобиченья, разсчетовъ съ совѣстью, когда голова горитъ, а сердце бьется, какъ сумасшедшее,—въ эти ужасныя, безсонныя ночи мы стонали,—да, стонали, а порою... порою рыдали, какъ дѣти. Но наши стоны были не стонами физической, животной боли,—нѣтъ, такъ стонать можетъ только человѣческая душа, а рыдать такъ можетъ только молодая, безсильная злоба. Семеновъ все больше и больше уходилъ въ свою науку, я—въ свои сомнѣнія, рефлексы, вѣчное балансированіе между положеніями Шопенгауэра и Ланге, Дюринга и Гартмана; Кутыревъ, живой, страстный, впечатлительный Кутыревъ... ему приходилось хуже насъ. Ни во что такое онъ не могъ уйти по природѣ; онъ все заводилъ знакомства съ разными неудачниками и пилъ съ ними, какъ сапожникъ,—пилъ, а ночью... стоналъ.

О, эти ночи,—длинныя, безпросвѣтныя, ночи безъ отдыха, безъ покоя,—благо тому, кто не зналъ васъ, но хорошо и тому, кто васъ извѣдалъ! Спасибо вамъ! Вы однѣ являлись намъ на помощь, вы однѣ спасали въ насъ человѣка, темныя, тревожныя ночи! Дико, монотонно, какъ жалкая пѣсня тунгуса, воетъ метель-буранъ, нанося горы снѣга, скрипятъ высокія ели, скрипятъ крыша и бревна. Ни зги, ни просвѣта... Тоскливо, мрачно, какъ въ темной могилѣ, какъ-то нравственно душно, какая-то одурь-дремота оковала и голову, и душу, спутала туманомъ мысли... Не то плакать хочется, не то злиться, не то застыть—совсѣмъ, всецѣло, застыть безъ просыпленія. А буря все злится, все воетъ и такъ и высасываетъ изъ души, кажется, послѣднія капли жизни... Ахъ, скорѣй бы только, скорѣй все, все высосала бы, выпила, вытянула!... Зачѣмъ мнѣ все это «мое», зачѣмъ? Не нужно! Скорѣй только!... И, уткнувшись лицомъ въ горячее изголовье, лежишь безъ мысли и глушишь готовыя вырваться изъ груди какіе-то дикіе, какъ эта буря, безсмысленные, отчаянные крики.

Тихо, медленно тянутся минуты и часы, не принося съ собой ни сна, ни покоя. На мигъ прорвутся тяжелыя тучи и на

морозномъ, опорошенномъ снѣгомъ стеклѣ блеснутъ искрами далекія, безстрастныя звѣзды или разольется струйками зеленоватый, меланхолическій лучъ яркой сѣверной луны, и затѣмъ опять быстро потонетъ все во мракѣ. На мигъ что-то проснется въ душѣ, зашевелится, затеплится, блеснетъ въ ней, какъ звѣздочка, какъ струйка луннаго свѣта, и тоже быстро скроется, потонетъ во мракѣ какого-то безсмысленнаго, отчаяннаго душевнаго вопля—дикаго, но страшно больнаго. Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

Семеновъ ворочается,—не спитъ!... Богъ его знаетъ, что стоитъ предъ нимъ: какое-нибудь невозможное уравненіе съ безконечными неизвѣстными или что-нибудь другое; онъ вообще рѣдко высказывается, рѣдко говоритъ,—вѣчно думаетъ, думаетъ и думаетъ, уткнувшись глазами въ пространство, нервно скатывая пальцами шарики изъ хлѣба.

Въ невозможной берлогѣ Кутырева—тишина; всѣ пьяные неудачники-друзья ушли давно, оставивъ его одного на соломѣ, среди пустыхъ полуштофовъ и невообразимаго безпорядка. Споры, пѣсни, громкіе разсказы о пережитомъ всѣхъ этихъ заштатныхъ дьячковъ, уволенныхъ писцовъ и т. д., и т. д.,—все это смѣнилось безмолвіемъ, тяжелымъ и неподвижнымъ. Слава Богу, хоть онъ-то спитъ,—тамъ давно все тихо. Но вотъ и оттуда несется вздохъ, похожій на стонъ, и разсыпается тысячью: «эхъ!» Точно слезы закапали гдѣ-то, точно рыданія глушитъ кто-то.

— Слышишь?—окликаетъ меня Семеновъ.

— Да!—и въ мою душу закрадывается, какъ отзвукъ этого «эхъ!» что-то больное, гнетущее и гонитъ изъ нея охватившую ее дремоту.

— Не спится?

— Нѣтъ.

— Пойдемъ къ нему!—вскакиваетъ Семеновъ.

Мы идемъ къ Кутыреву. Долго не хочетъ онъ насъ слушать и лежитъ неподвижно, уткнувшись лицомъ въ мокрыя, совсѣмъ мокрыя ладони. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову.

— Плюньте на меня, братцы,—говоритъ онъ,—право, плюньте! Нестоющій я человѣкъ, да и только! Пропьюсь въ конецъ и пропаду такъ!...

— Врешь, братъ,—отвѣчаетъ Семеновъ,— не пропьешься и не пропадешь такъ... Ты, вонъ, займись чѣмъ-нибудь!

— Не могу, выдержки нѣтъ, — тоска одна!... Эхъ, брат-

цы, все трынъ-трава, все опостылѣло!... Самъ себѣ противенъ!... Все, братцы, къ чорту!

— Какъ все?... Что ты, дружище? Опомнись!... Какъ все?...

— Да такъ-таки... все, все, все!

У Семенова сумрачно сдвигаются брови.

— А Леля?

Этотъ магическій звукъ превращаетъ моментально все; вся картина мѣняется внезапно. Кутыревъ уже не лежитъ, а стоитъ во весь свой дюжій ростъ, дрожитъ, глубоко дышетъ и широко вытаращенными глазами смотритъ на насъ. Я самъ какъ-то встрепенулся.

— Не говори, не говори, — отвѣчаетъ онъ страстно, лихорадочно, задыхаясь отъ волненія, — не говори, Саша! Не произноси здѣсь ея имени всуе,—не чета мы ей,—нѣтъ! Ей алтарь нуженъ, Саша... Она, что звѣзда,—вонъ, вонъ, гляди!—указываетъ онъ рукою на прорвавшуюся въ тучахъ яркую звѣздочку,—что эта звѣзда, вѣка свѣтить будетъ! Она не подастся... она скорѣй трупомъ ляжетъ! Нѣтъ на свѣтѣ ничего краше и чище русской женщины. Мы «пасъ» передъ нею,—куда намъ!...

И, пробужденные, растревоженные, мы говоримъ уже до утра, до того, какъ изможденныя, ослабѣвшія вѣки начинаютъ слипаться сами собою. Спасибо вамъ, безсонныя, тревожныя ночи!

II.

Спасла насъ Леля.

Въ нашихъ письмахъ мы, понятно, скрывали отъ нея, прятали свое состояніе; мы притворялись бодрыми и веселыми, мы шутили и увѣряли, что чувствуемъ себя какъ нельзя лучше, писали, что усиленно занимаемся и готовимся къ будущимъ экзаменамъ. Но развѣ можно было спрятать, скрыть душу отъ нашей чуткой Лели? Развѣ можно было замаскировать передъ нею горячія слезы холодною, дѣланною улыбкой? Она прочла все между строкъ, поняла изъ недомолвокъ, поняла своимъ сердцемъ, своимъ женскимъ чутьемъ, которое всегда и вездѣ прочуетъ правду, прочуетъ открытую боль, и нежданно-негаданно, точно чудомъ, явилась къ намъ на помощь. Не испугали ее ни даль, ни холодъ, ни лишенія, какъ не пугало ее ничто и никогда, разъ дѣло шло о другихъ, разъ влекло ее къ чему-нибудь ея сердце. Выдержавъ свой экзаменъ акушерки, бод-

рая, сильная, цѣльная, вся дышавшая вѣрой въ жизнь и въ людей, совершенно просто, точно на прогулку, она покатила къ намъ.

На дворѣ стояла тихая, морозная, звѣздная ночь. Въ такія ночи сѣвера воздухъ бываетъ такъ чистъ и прозраченъ, звѣзды горятъ такъ ярко, что небо кажется голубымъ, млечный путь ярко выдѣляется на немъ полосой бѣлаго тумана, а отъ звѣзднаго блеска по снѣгу разсыпаются мелкія, какъ точки, но яркія, красныя и зеленыя искры. Звѣзды горятъ, переливаясь всѣми тонами яркаго пламеннаго свѣта, вспыхивая, какъ ракеты, и непривычному человѣку какъ-то жутко и странно въ этомъ безмолвномъ, безшумномъ мерцаніи; непривычное ухо все ждетъ уловить хоть отзвукъ далекаго треска и взрывовъ. Но все тихо, безшумно, неподвижно, какъ-то торжественно тихо. Не качаются ни ели, ни кедры; точно замороженный, разстилается черною лентой дремучій боръ, безмолвная даль раздвигается широко, утопая въ какомъ-то синемъ, звѣздномъ туманѣ, точно въ небѣ; все прекрасно, чисто, холодно и какъ-то особенно, какъ-то страшно безмолвно. Все застыло, замерло, точно земля потеряла свое солнце, свое скрытое въ нѣдрахъ тепло. И хорошо въ такія ночи, и грустно, и нѣга какой-то безстрастной, холодной, мертвой дремы сковываетъ душу, и жить хочется, въ то же время, — жить страстно, шумно, кипуче, хочется движенія, суеты и людскаго шума.

Въ такія ночи Кутыревъ напивался безъ друзей и горланилъ надрывающимъ голосомъ свои любимыя пѣсни, а Семеновъ ломалъ карандаши и проклиналъ свою разсѣянность, изъ-за которой не выходили его формулы. Я зналъ, что все это—вліяніе звѣздной ночи, но молчалъ, чтобы не копаться въ чужой душѣ, не бередить и безъ того больныхъ ощущеній, не трогать того, что всѣмъ намъ было извѣстно безмолвно. Такъ и въ эту ночь, Кутыревъ, уставъ горланить на морозѣ, валялся, охая, на своей соломѣ; Семеновъ нервно вскакивалъ, бросалъ карандашъ, захлопывалъ по сту разъ книгу, ругалъ и себя, и свою науку. И вдругъ колокольчикъ!...

Колокольчикъ мы слышали часто, и всегда будилъ онъ въ насъ какое-то жуткое, тревожное чувство ожиданія; всегда отъ него какъ-то болѣзненно ныло наше сердце и какъ-то тоскливѣе становилось, когда онъ затихалъ вдали... Но теперь, точно какое-то предчувствіе, необъяснимое, непонятное, удесятирило

это чувство тревоги; мы съ Семеновымъ почему-то невольно прислушивались, ловили сначала далекіе звуки и переглядывались, сами не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Можетъ быть, сильнѣе напряжены были нервы, сильнѣе возбуждены мы были... Но вотъ звуки все ближе и ближе, все явственнѣе, все отчетливѣе и вдругъ... Леля! Впрочемъ, нѣтъ: мы услышали сначала какой-то топотъ, какіе-то голоса, разспросы, и стояли, неподвижные, изумленные, все еще не вѣря, не понимая даже, что это къ намъ, что эта насъ спрашиваютъ; о Лелѣ мы, понятно, и не думали даже,—она выѣхала, не предупредивъ насъ. Вдругъ отворилась дверь и съ тучей холоднаго воздуха ворвалась она, вся свѣтлая и радостная, съ своею чудною улыбкой, съ своею мягкою лаской, а за нею бородатый, заиндивѣвшій ямщикъ бережно несъ корзинку, всю окутанную мѣхомъ.

— Мои мальчики! Мои бѣдные мальчики!

Мы дрожали, захлебываясь отъ счастья, и дрожа, мѣшая другъ другу, торопясь, толкаясь, то душили ее,—буквально душили, на что она тщетно кричала: «дайте же мнѣ выпутаться, мальчики»,—то въ перебой срывали съ нея платки, шубу, пимы, чѣмъ только усложняли дѣло «выпутыванья». Она охала, смѣялась, кричала: «ахъ Боже мой, какіе медвѣди!» требовала, чтобы мы поворачивались, чтобъ она могла разсмотрѣть насъ, и, въ то же время, изъ глазъ ея, изъ ея чудныхъ глазъ капали слезинки.

— Боже мой! какъ вы похудѣли, обросли какъ!

Но мы еще не пришли въ себя, мы не могли говорить и только дрожали въ волненіи. «Леля... Леля!»—безсмысленно бормотали наши губы.

— А вы, протодьяконъ... что съ вами?

Онъ стоялъ блѣдный и дрожалъ; его губы тряслись. Онъ не сводилъ съ нея благоговѣйнаго взгляда.

— Самоваръ?! Конечно, чаю?—крикнулъ Семеновъ, убѣгая въ кухню.

— Дай, дай!... Но что съ вами, протодьяконъ?

— Я пьянъ!

— Что... о-о?

— Я пьянъ, Леля!

И съ глухимъ рыданіемъ, полнымъ и муки, и боли, и стыда, и невыразимаго счастья, онъ опустился къ ея ногамъ, бормоча какіе-то обрывки фразъ, страстныя сравненія и моля о прощеніи.

— Бѣдный, бѣдный,—говорила она, плача и наклоняясь къ нему,—бѣдный... Но этого больше не будетъ?

— Никогда, Леля!

— Никогда, протодьяконъ?... Никогда?

— Нѣтъ, никогда!... Я скорѣй задушу себя!—и всякое сомнѣніе должно было отлетѣть отъ его тона.

Изъ корзинки раздался крикъ, и Леля бросилась къ ней. Тамъ лежалъ закутанный Борька, который уже ходилъ и мямлилъ слова, понятныя только Лелиному слуху.

— Мы молодцы,—говорила Леля, выпутывая свое сокровище и какъ-то особенно мило, по-дѣтски, нарочно картавя и путая,—мы въ кальзиночкѣ пріѣхали, какъ товарчики... Мы пай мальчики, не простудились... Мы пай, мы пай! Мы чай будемъ пить, булочку кусать!... Правда?—обернулась она къ намъ съ розовымъ, прелестнымъ Борькой, который протягивалъ намъ свои ручонки.—Правда, молодцы?... Вмѣсто отвѣта, мы цѣловали его, мы послушно давали ему теребить наши виски.

Такъ и встаетъ предо мной эта картина... Такъ и вижу я нашу прелестную, улыбающуюся Лелю съ ея розовымъ, улыбающимся сокровищемъ на рукахъ, вижу дрожащаго отъ блаженства Кутырева, вижу эту потѣшную корзиночку, въ которую Леля «уложила» своего Борьку,—и придумала же!—все, все вижу... И теперь еще, много лѣтъ уже спустя, когда жизнь и время давно примяли, придавали все то, что чувствовалось, чѣмъ жилось когда-то,—и теперь еще при воспоминаніи объ этой сценѣ я оживаю, молодѣю, я чувствую, какъ волна глубокаго человѣческаго счастья, полнаго необъятнаго мира, невыразимой, необъятной нѣжности, охватываетъ тепломъ мою истрепанную, застывающую душу... Спасибо тебѣ, морозная, звѣздная ночь!

За самоваромъ, когда мы пили чай, а Кутыревъ качалъ и забавлялъ Борьку, Леля уже знала всю нашу жизнь, поняла всю ея подноготную,—поняла все, хотя мы говорили въ перебой, скачками, больше восклицаніями, какъ всегда при встрѣчахъ съ человѣкомъ давно не видѣннымъ,—поняла, и тихо, грустно качала головкой. Глаза ея говорили за нее: съ грустнымъ выраженіемъ останавливались они на братѣ; съ милою, ласковою улыбкой, полною не то шутки, не то снисходительности, переходили они на меня; съ глубокою нѣжностью, къ которой сквозило что-то почти материнское, глядѣли они на Кутырева... А мы трое, мы всѣ вмѣстѣ нашими шестью глазами смотрѣли на нее

съ восторгомъ, съ какимъ-то святымъ, непередаваемымъ благоговѣніемъ.

— Такъ вы такъ-таки ничего и не дѣлаете, протодьяконъ?

— Ничего!—качнулъ онъ головой, опуская свои добрые глаза отъ стыда и багровѣя.

— Ни зубовъ не рвете, ни пьявокъ не ставите, ни перевязокъ, даже не фельдшерствуете?

— Даже,—прогудѣлъ онъ, опуская еще ниже голову.

— И вы, юристъ, ничего?

— И я ничего.

— Ну, этого будетъ!... Постойте, проберу я васъ!... Такъ нельзя, фи,—это Богъ знаетъ на что похоже!

И она пробрала. На другой же день у нея завелись откуда-то разныя знакомки-бабы, которыя нуждались въ медицинской помощи, — наша хозяйка такъ-таки сразу влюбилась въ нее и стала ее «славить»,—роженицы, больныя, прикладывавшія къ ранамъ, по совѣту разныхъ знахарей, всевозможную мерзость, все, что только можетъ придумать измученный болью умъ. И Кутыревъ, съ утра до вечера, какъ самый рьяный, самый страстный фельдшеръ, мазалъ, мылъ, прижигалъ, щипалъ корпію и удивительно искусно вытаскивалъ зубы... И для брата нашла она живое дѣло... Богъ знаетъ какъ откопала она гдѣ-то разныхъ дьяконскихъ дочерей, молодыхъ писцовъ, молодыхъ купеческихъ дочекъ, о которыхъ мы и слыхомъ не слыхивали, которые жаждали и читать, и учиться, и сдала ихъ брату, — работы у него съ уроками явилось по горло. Но и меня она не забыла. Прійдя разъ утромъ съ базара, она привела съ собой нѣсколько человѣкъ крестьянъ и сейчасъ же позвала меня.

— Ну-ка, юристъ, покажите намъ свою прыть... Начинайте-ка кляузы!... Вотъ послушайте, какое дѣло!...

Дѣло было возмутительное. Темные деревенскіе люди, обиженные ловкимъ проходимцемъ, не знали, гдѣ и какъ найти имъ судъ, правду, защиту. Я указалъ имъ, я написалъ имъ прошенія. Когда я, понятно, отказался отъ предложенныхъ мнѣ ими кровныхъ грошей, они обидѣлись и обратились къ Лелѣ:

— Что-жь брезговать-то нами, Елена Васильевна? Вѣдь, мы чѣмъ можемъ... За работу-то, чай, слѣдуетъ!...

— Не брезгаетъ онъ, добрые люди,—успокоивала ихъ Леля,— а не нужно ему, вотъ и все!... Вы, вонъ, правду-то свою прежде сыщите...

И сразу какъ-то поняли ее они, и сразу успокоились. За ними у меня пошло столько кліентовъ, что каждый базарный день я исписывалъ, по крайней мѣрѣ, десть бумаги: того изъ тюрьмы освобождать, того отъ кулака спасать, того отъ произвола,—цѣлая уйма работы!

Словомъ, все измѣнилось у насъ, все перевернулось. Мы почувствовали себя живыми, нужными людьми, забыли тоску, ожили, ветрепенулись. Леля была нашею душой, нашею звѣздой, которая грѣла и освѣщала все, что ее окружало. И не нашею только,—о, нѣтъ!... За десятки верстъ знали нашу Лелю, нашу «свѣтъ-голубушку Елену Васильевну, «солнышко-красное», «звѣздочку Божію», — знали, любили, и какъ любили!... Такъ любить можетъ только простая деревенская душа, измученная, избитая, нашедшая, наконецъ, себѣ «своего человѣка», «свою душу», сердце, которому она можетъ довѣриться, которое поймметъ ее, забьется на ея невзгоды. Не было избы, въ которой ее не поминали любовью; а сколько свѣчей «воску яраго» сгорѣло за нее и ея Борьку передъ святыми иконами, про то знаетъ только церковный староста, да и тотъ ошибется въ счетѣ.

— И какъ тебя такою Господь Богъ на нашей землѣ родилъ! — только удивлялись ея знакомки-бабы, у которыхъ она или крестила, или «принимала», которымъ шила что-нибудь или вообще помогала чѣмъ-нибудь. Но крѣпко сердили ее эти восхваленія, сильно хмурила она на нихъ свои чудныя брови.

— Что я-то? — хмуро возражала она.—Что зла никому не дѣлаю? Не велика это важность! Не такіе люди есть на свѣтѣ. Есть такіе, что молиться на нихъ можно!...

Но ей, понятно, не вѣрили. Гдѣ же такіе люди на свѣтѣ, что ихъ не слышно, не видно? Святые угодники Божіи, всѣ пророки, подвижники за міръ давно уже спятъ своимъ мирнымъ, вѣчнымъ сномъ. Гдѣ же они?

— Есть, есть,—говоритъ Леля и глаза ея загораются чуднымъ блескомъ. — Дѣти ваши узнаютъ про нихъ! Пусть только выростутъ, пусть учатся въ школахъ!...

Но простые, темные люди готовы были молиться и на нее, какъ и мы молились. За десятки верстъ тащились они, чтобы «глазкомъ» поглядѣть на нее, привезти ей у груди теплыхъ яичекъ, приласкать, приголубить своимъ простымъ, искреннимъ словомъ.

— На-кось, покушай, милая,—говорили ей бабы, вынимая

изъ-за пазухи яички. — Тепленькіе, грудью своей согрѣла для тебя, сердешная! На-кось, сыночку дай! Угодница ты наша!...

— Да не нужно мнѣ, голубушка.

— А хоть не нужно, возьми!... Безъ корысти, — возьми по душѣ!... Мнѣ въ сладость будетъ, какъ сама-то ѣсть ихъ станешь, потому наша ты заступница!

И баба хныкала. Хныкала и Леля.

. . . . . .

Вскорѣ мы обвѣнчали нашу «парочку» въ церкви,—какъ-то само собой это вышло, такъ какъ Кутыревъ, казалось, и заикнуться не смѣлъ объ этомъ, а Леля стѣснялась все. Кажется, Семеновъ крикнулъ имъ разъ: «Да ступайте же вы, наконецъ, повѣнчайтесь! Что тянете?...» И они повѣнчались. А немного спустя, мы всѣ вмѣстѣ снова прибыли въ столицу и сдали наши экзамены. Жизнь уже шла не та: улица жила наживой, прежнее было забыто, но мы сложились уже настолько, что каждый ушелъ отъ нея въ «свое». Кутыревы уѣхали на земскую службу, Семеновъ сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, а я... я уже сказалъ, что̀ было такое я... Потянулись годы...

III.

Новая эпоха создала новые типы, перекроила, перешила изъ старыхъ. «Титаны» исчезли; ихъ смѣнили «дѣльцы».

Въ провинціи, въ большомъ промышленномъ центрѣ, у меня былъ старый пріятель, старый другъ,—Марковичъ,—крупный землевладѣлецъ, рыцарски честный, необычайно мягкій, довѣрчивый старикъ. Мнѣ часто приходилось вести его дѣла и, признаюсь, я всегда любовался имъ,—этимъ точно чудомъ уцѣлѣвшимъ осколкомъ совсѣмъ почти исчезнувшаго уже типа «рыцаря-барина», какою-то странною, но прелестною смѣсью русскаго Рудина, англійскаго лорда и самаго великодушнаго, самаго сантиментальнаго и, конечно, непрактичнѣйшаго изъ героевъ Ламартина. Честный, правдивый, искренній до конца своихъ длинныхъ ногтей, а потому и довѣрчивый, какъ ребенокъ; неспособный ни подозрѣвать обмана, ни не вѣрить человѣку маломальски порядочному съ виду,—онъ, понятно, легко могъ бы стать вкусною добычей какой-нибудь современной акулы, не спасай его кровное, врожденное отвращеніе ко всякаго рода спекуляціямъ, биржевой игрѣ и «рыцарямъ кредита». Новая эпоха

была не по немъ, она ошеломила его, заставила какъ-то съежиться, уйти со сцены, и онъ весь ушелъ, весь спрятался въ семью, состоявшую изъ вѣчно больной жены и пяти дочерей, плохо сводя концы своихъ доходовъ съ большихъ, но, благодаря общему упадку хозяйства, неурожаямъ и плохому, безобразному веденію дѣлъ мало доходныхъ имѣній. Внезапно онъ вызвалъ меня телеграммой, прося пріѣхать какъ можно скорѣе по какимъ-то особенно-важнымъ дѣламъ. Я поѣхалъ, но, признаюсь, съ какою-то тревогой въ сердцѣ, потому что и эта спѣшность, и особенно-важныя дѣла, которыхъ у него раньше никогда не было, не предвѣщали, конечно, ничего хорошаго.

Тамъ, въ этомъ большомъ промышленномъ центрѣ, я засталъ и Анчарова, и Марью Львовну, и многихъ другихъ изъ старыхъ знакомыхъ, которыхъ давно-давно потерялъ совсѣмъ изъ вида. На Марковича, — на добраго, довѣрчиваго старика, — вѣрнѣе, на его положеніе и имѣнія, — шла самая откровенная охота, самая беззастѣнчивая травля, точно на матераго русака, сущность которой не понималъ, не видѣлъ, конечно, онъ одинъ.

Анчаровъ былъ теперь директоромъ какого-то замысловатаго банка или чего-то вродѣ банка и какихъ-то особенныхъ акціонерныхъ предпріятій. Его звѣзда, благодаря капиталамъ жены, которую онъ постоянно держалъ за границей, свѣтила такъ же ярко, его имя было столь же популярно, его роль,— о! его роль была болѣе чѣмъ завидна, болѣе чѣмъ блестяща. Онъ былъ всѣмъ—и оракуломъ, и заправителемъ, и направителемъ; имъ вдохновлялись, у него спрашивали совѣтовъ, что купить, что продать; передъ нимъ лебезили, ему поклонялись, какъ «геніальному дѣльцу». Дамы собственноручно варили ему любимыя варенья,—ахъ, онъ такъ любитъ сливы въ сиропѣ!—мужчины брали у него манеру ходить, носить свою трость, кланяться и пожимать руки. Его имя въ предпріятіи поднимало цѣну бумагъ, одно его слово понижало ихъ по произволу; а брошенныя къ кому-нибудь мимоходомъ слова: «я васъ буду имѣть въ виду!» или что-нибудь въ этомъ родѣ поднимало счастливца на высоту. Словомъ, весь городъ, кажется, только и жилъ, и дышалъ однимъ «замѣчательнымъ Михаиломъ Ивановичемъ».

Конечно, неумолимая рука времени перекроила на свой ладъ и его внѣшность, согласно новымъ требованіямъ эпохи. Все «титаническое», все «загадочное», все такъ чаровавшее нѣког-

да сердца исчезло, какъ дымъ, слетѣло съ него, какъ слетаетъ съ гуся вода.

Теперь онъ весь, казалось, дышалъ сановитостью, капиталомъ и дѣломъ. Стройнаго торса, гибкой таліи, этихъ точно выточенныхъ ногъ, сводившихъ нѣкогда съ ума,—всего этого какъ ни бывало. Теперь выдавалось, бросалось въ глаза круглое, внушительное, серьезное брюшко, на которомъ болталась массивная золотая цѣпь съ кучей всякихъ брелоковъ, красивыя, тонкія черты лица обрюзгли, отекли, а голова сливалась съ шеей. Только взглядъ его черныхъ, узкихъ, блестящихъ глазъ оставался прежній; но этотъ холодный, безстрастный, металлическій взглядъ казался уже не загадочнымъ,—нѣтъ, онъ «поражалъ» его адептовъ,—«Да, да,—всмотритесь только!»—онъ поражалъ своею «чертовскою геніальностью».

Исчезла и его молчаливость. Теперь онъ былъ уже краснорѣчивъ,—и какъ краснорѣчивъ!—особенно когда рисовалъ и развивалъ свои «блестящіе, дѣловые, способные и оживить, и поднять» общее благосостояніе, планы. Эти планы его кружили головы, увлекали всѣхъ блестящею перспективой легкаго и быстраго обогащенія, наполняли его кассы кредитными билетами въ обмѣнъ на всевозможные, безчисленные «паи» и «акціи», а самого его дѣлали какимъ-то магомъ, общимъ благодѣтелемъ, добрымъ чародѣемъ волшебныхъ дѣтскихъ сказокъ. «Помилуйте! Михайло Ивановичъ, да это геній! Нашъ городъ безъ него въ навозѣ тонулъ!»—«Михайло Ивановичъ?! Да какъ онъ нашу управу, управу-то къ рукамъ прибралъ! Ха-ха-ха, удивительно!»—«Анчаровъ!? Да онъ, батенька, всю губернію безъ пороха взорвать можетъ! Всю губернію на воздухъ пустить можетъ, коли только захочетъ! Вся она у него промежъ пальцевъ сидитъ,—его добрая воля! Начальство—и то имъ только животы свои держитъ!»

Теперь онъ не скрывалъ ничего, «искренно» выкладывалъ все, ярко рисуя перспективы, «строго» обсуждая каждый шагъ, взвѣшивая всѣ комбинаціи pro и contra и доказывая, «какъ дважды два-четыре», всѣ «выгоды», всю «пользу», все «благодѣяніе» какого-нибудь плана задуманной новой «операціи». И лица слушателей-адептовъ вытягивались, блѣднѣя, глаза горѣли больнымъ лихорадочнымъ огнемъ, руки и ноги дрожали какою-то нехорошею дрожью, воображеніе похотливо пылало. Но, понятно, великія классическія тѣни продолжали теперь спокойно почивать

въ своихъ тѣсныхъ, холодныхъ могилахъ или въ темномъ омутѣ бездны подножія Тарпейской скалы, а вмѣсто нихъ въ алчно настроенномъ воображеніи слушателей осушались болота, падали вѣковые лѣса, оживали мертвыя степи, прокладывались дороги, гремѣли фабрики и заводы, носились тучи зерна, пеньки, сала, щетины... и надъ всѣмъ этимъ царила цифра: милліонъ!

— Ахъ, ну и далъ же Господь талантъ человѣку! Однимъ словомъ, волшебникъ! Магъ... магъ, да и только,—куда плюнетъ, тамъ и кладъ найдетъ. Чародѣй!—И къ нему текли «вклады», тащили деньги, честь, имя, всю будущность семей; ему закладывали завѣтныя, родовыя имѣнія и заложили бы «женъ и дочерей», если бы то время, въ которое подобные залоги были возможны, не кануло безвозвратно въ Лету, а новое не требовало бы для залоговъ недвижимости болѣе устойчивой.

IV.

Я встрѣтился съ нимъ на раутѣ у Марьи Львовны, куда затащилъ меня Марковичъ, какъ только я пріѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ мимоходомъ, что съ Анчаровымъ у него будутъ какія-то дѣла, что вызвалъ онъ меня ради этихъ дѣлъ, что на раутѣ мы непремѣнно встрѣтимся съ нимъ и съ другими нужными тузами биржи, что, наконецъ, Марья Львовна будетъ очень рада вновь меня увидать послѣ столькихъ лѣтъ. Я пошелъ тѣмъ болѣе охотно, что и самому мнѣ хотѣлось поглядѣть обновленную Марью Львовну. Что же касается встрѣчи съ Анчаровымъ, то, разъ она была необходима, волей-неволей приходилось подавить то непріятное ощущеніе неловкости, съ какимъ обыкновенно встрѣчаются люди, имѣющіе скверные счеты въ прошломъ, хотя бы всеисцѣляющее время и окутало это прошлое глубокимъ туманомъ лѣтъ.

Прелестная Марья Львовна, никогда не отстававшая отъ вѣка, конечно, тоже вполнѣ подчинилась духу времени и его законамъ. Она смѣшала прежній «прогрессъ» съ «ажіотажемъ»,—«вѣдь это, конечно, все равно! Помилуйте, развитіе промышленности, культура... ахъ, даже Спенсеръ сказалъ!»—вела теперь при посредствѣ «этого замѣчательнаго» Анчарова блестящія биржевыя сдѣлки, была «убѣждена» и увѣряла всѣхъ, что быть «дѣльцомъ», «практическимъ человѣкомъ» значитъ быть «истиннымъ гражданиномъ»,—«потому что промышленность и культура...

какъ бы это сказать?—ну, вы понимаете, конечно!»—а бѣдность пріурочивала къ глупости и «ротозѣйству». Естественно, ея рауты были не прежніе, хотя столь же шумные и страстные: вмѣсто молодыхъ, живыхъ, полныхъ страсти лицъ, виднѣлись все жирныя, обвислыя, положительныя лица съ именами все больше на «зонъ», или «каки»; вопросами дня служили биржевыя цѣны и маклерскія сдѣлки, а вмѣсто прежнихъ монологовъ, раздавались кругомъ, хотя и громкіе, но отрывистые, точно отрубленные, періоды, живо напоминавшіе стукъ аукціоннаго молотка. Но хозяйка оставалась, при помощи разныхъ secrèts de toilete, все прежнею прелестною Марьей Львовной съ чудными ножками, съ живымъ, страстнымъ, воспаленнымъ взглядомъ, съ плечами,—ахъ! съ такими плечами, что всѣ гости, навѣрное, вспоминали о самой тонкой, самой первосортной крупчаткѣ.

— Рада, рада!—кричала она мнѣ, какъ только увидѣла.—Сюрпризъ, настоящій сюрпризъ! У насъ сегодня весь день сюрпризы!

— Какъ?—спросилъ я, пожимая ея когда-то чудную ручку, на которой теперь ясно выдѣлялись слѣды времени въ видѣ синенькихъ жилокъ.

Она конфиденціально наклонилась къ моему уху.

— Только, чуръ, языкъ за зубами, слышите?—шептала она.—Получена телеграмма... Не проговоритесь только! Кажется, наше новое товарищество на паяхъ будетъ утверждено.

— Какое товарищество?

— Ахъ, да вы и не знаете ничего, правда! Это—новое предпріятіе Анчарова. Геніальная вещь!—и, замѣтивъ по моему лицу, что все это мало интересовало меня, она быстро перемѣнила разговоръ.

— Какъ давно, какъ давно не видались, а? И постарѣли оба и... А знаете, тутъ вашъ старый пріятель земскимъ врачомъ былъ!...

— Кутыревъ?

— Да! Знаете? Онъ, вѣдь, на вашей... помните?... Лелѣ женился... Знаете?

— Знаю!

— И судьбу ихъ знаете? Бѣдные! Сами виноваты, конечно, но, все-таки, жаль... Ахъ! она была акушеркой, онъ—врачомъ... Я всегда имъ говорила: бросьте эти глупости! Ну, можно ли въ нашъ практическій, дѣловой вѣкъ разными глупостями, этими

сантиментальными идеалами заниматься? Точно мальчики!—тараторила Марья Львовна,—но они и ухомъ не вели!... Ну, и доплясались! Сами сжали, что посѣяли!... Теперь, въ этомъ холодѣ, поди, одумались, да...

Все это я зналъ, но пустое, холодное, какое-то суконное тараторенье Марьи Львовны навѣяло на меня такую грусть, такую тоску, такъ мучительно больно разбередило все переболѣвшее,—все, что я гналъ всегда отъ себя, какъ тяжелый, больной кошмаръ, тревожившій съ лѣтами засыпавшую молодую горячность... совѣсть, что ли, право, не знаю,—что я воспользовался первымъ случаемъ и улизнулъ отъ нея въ уголъ. Тамъ я на свободѣ занялся своимъ обычнымъ дѣломъ: грызъ, переворачивалъ, глодалъ собственную душу, какъ всѣ мы, больные люди рефлекса. Такъ и стоялъ въ моихъ ушахъ болѣзненно вырвавшійся крикъ изъ души Семенова, когда, узнавъ, что Кутыревы «доплясались», онъ, схвативъ себя за голову руками, застоналъ: «О, если бы мнѣ ихъ вѣра, эта страстная вѣра!» и бросился на постель, рыдая, кляня и себя, и свою математику, и свою черствость, и все, и все... А я...

— Ба-ба-ба! Сколько лѣтъ! Сколько зимъ!

Передо мною стоялъ Анчаровъ, протягивая мнѣ свои короткія, жирныя руки, какъ другу, и улыбаясь самою непринужденною, самою привѣтливою улыбкой. Признаюсь, эта развязность, этотъ непринужденный, веселый тонъ послѣ всего, что когда-то произошло между нами, смутили-таки меня. Какъ ни вѣрилъ я во всеисцѣляющую силу времени, въ людскую забывчивость, но тутъ просто растерялся.

— Гора съ горою... Сколько воды-то уплыло!

Анчаровъ все такъ же улыбался, только глаза его какъ-то особенно бѣгали изъ стороны въ сторону,

— Многонько...—всего и нашелся я.

— А сколько перемѣнъ-то, а? Перемѣнъ сколько?! Помните какъ мы тогда-то... ха-ха-ха,— жирно хохоталъ онъ,—идеалами, все разными иделами пробавлялись, а?

— Я думалъ, вы все еще служите, карьеру дѣлаете!— попробовалъ было я замять свою неловкость.

— Служу? карьеру?... Ха-ха-ха! Да кто теперь служитъ... въ наше время-то? Бездарность одна! Теперь, батюшка, самодѣятельность, промышленность, биржа—вотъ сила! Вотъ гдѣ карьера! Только бы умъ да голова—и карьера! Выслуживаться,

заискивать, бѣгать на помочахъ?! Слуга покорный!—и онъ расшаркался при всеобщемъ одобрительномъ смѣхѣ. — А къ намъ вы какъ сюда: на время или совсѣмъ?—подозрительно спросилъ онъ, видимо довольный и собой, и всеобщимъ одобреніемъ.

— На время, по дѣламъ...

— Очень пріятно,—перебилъ Анчаровъ,—очень пріятно!... Дѣла... дѣла!... Значитъ, нашего полку прибыло! Ну-съ, а вы какъ, батюшка,—фамиліарно хлопнулъ онъ старика Марковича, подходившаго къ намъ въ ту минуту,—а? Все еще не подаетесь? Все еще noblesse oblige, а?— захохоталъ онъ, — все еще съ кровно дворянской высоты смотрите на насъ, биржевиковъ, и наши «презр...р...р...ѣнныя» спекуляція, а?

— Да вотъ, видите,—такъ же шутливо отвѣтилъ тотъ,—въ дѣла вступать хочу!... Его,—указалъ онъ на меня,—на помощь позвалъ!

— А, такъ вы по его дѣламъ? Вотъ какъ! — не то недовольнымъ, не то удивленнымъ тономъ протянулъ Анчаровъ, причемъ лицо его чуть не скорчилось въ гримасу.— Что-жь, въ добрый часъ! Я увѣренъ, что вы убѣдите его, наконецъ, бросить это «благородное» фанфаронство! Съ его имѣніями, при его положеніи въ свѣтѣ, при его значеніи лопатой деньги загребать можно, а онъ какими-то доходишками съ неурожаевъ пробавляется, а? Посудите сами!... Какъ другу, близкому другу, предлагаю ему вступить въ одну очень выгодную операцію, такъ нѣтъ! Куда! Noblesse, видите ли, oblige! Кровь, родъ! Унижаться до спекуляцій! Марковичъ—и спекуляціи!!! Это въ нынѣшнѣе-то время, а? Въ нынѣшнѣе время, когда рубль всему владыка? А? каково?—скороговоркой, почти крича отъ волненія, говорилъ онъ, поворачиваясь то въ мою сторону, то въ сторону старика.

— Не всѣмъ же спекулировать, Михайло Ивановичъ!—перебилъ я эту страстную тираду.

— Вѣрно-съ! Но ему обязательно, — съ удареніемъ подхватилъ Анчаровъ,—о-б-я-з-а-т-е-ль-но! Помилуйте, больная жена съ дѣтьми за границей, дѣтямъ приданое готовить нужно и все прочее; наконецъ, и положеніе въ свѣтѣ поддерживать нужно, а всего этого не сдѣлаешь на доходы съ неурожаевъ. Вѣдь, какъ другъ говорю! На рукахъ, вѣдь, носилъ я его Женичку!—и, сладко захихикавъ, онъ опять хлопнулъ старика, у котораго при имени любимой красавицы-дочери, одной, изъ всей семьи,

оставшейся теперь съ нимъ, какъ-то особенно нѣжно и мягко блеснули глаза.

— Ну, убѣдите же его!—сладко и томно протянула прелестная Марья Львовна, хватая и меня, и Марковича за рукава,—убѣдите! Вѣдь, въ этомъ дѣлѣ милліоны нажить можно!— и она сладостно зажмурила глазки.

Марковичъ улыбался и по этой улыбкѣ я понялъ, что убѣждать мнѣ его не придется.

V.

Да и не пришлось, конечно. Анчаровъ уже убѣдилъ его, опуталъ, обошелъ кругомъ, и старикъ съ тѣмъ же родовымъ упрямствомъ, съ какимъ отрицалъ до сихъ поръ и биржу, и спекуляцію, съ какимъ держался отъ нихъ въ сторонѣ, пробавляясь, какъ выразился Анчаровъ, «доходами съ неурожаевъ», теперь стоялъ за предложенную «по дружбѣ» операцію. Слишкомъ любя семью, онъ далъ вговорить себѣ необходимость этой «жертвы» съ его стороны ради ея благополучія и, разъ перейдя свой рубиконъ, разъ поборовъ, наконецъ, свое отвращеніе,— что̀, несомнѣнно, стоило ему многихъ усилій,—онъ, какъ и всѣ подобные ему характеры, уже страстно, горячо ухватился за то, что ненавидѣлъ прежде отъ всей души. Все это крайне походило на ренегатство со всѣми его давно извѣстными, общими душевными перетасовками. Какъ только мы вышли отъ Марьи Львовны, онъ взялъ меня подъ руку и, наклонившись, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ сказалъ, что рѣшилъ вступить въ предложенное Анчаровымъ предпріятіе.

— Для этого я и вызвалъ васъ,—закончилъ онъ.—Мнѣ, видите ли, деньги нужны, чтобы купить это дѣло у Анчарова... Хочу просить васъ заложить имѣнія.

— Анатолій Осиповичъ!—перебилъ я его, изумленный,— вамъ ли вести спекуляціи? Подумайте только,—ну, какой вы спекуляторъ?

Онъ разсердился.

— Да вы думаете, мнѣ легко было придти къ этому рѣшенію, что ли? Да я ненавижу эти спекуляціи! Но что же подѣлаешь? Въ такое время живемъ...Противъ рожна, видно, не попрешь. Будь я одинъ, конечно...

— Что же вынуждаетъ васъ? Вѣдь, жили же вы до сихъ поръ вдали отъ всего этого?

— Жилъ, а теперь нельзя! Доходовъ мало, да и тѣ все падаютъ... Жена съ дѣтьми за границей,—одно леченіе требуетъ уйму денегъ. А тутъ старшая дочь замужъ выходитъ! Да я давно уже концы съ концами не свожу, со дня на день перебиваюсь! — грустно, пришибленнымъ тономъ закончилъ онъ и махнулъ рукой.

— Ну, ладно, Анатолій Осиповичъ, ладно! Будь по-вашему! Но знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, дѣло хорошо, въ которое вступаете?... Этотъ Анчаровъ...

— О, помилуйте, вѣдь, мы съ нимъ пріятели!—подхватилъ онъ, точно угадавъ мою мысль.— Вѣдь, онъ правду говоритъ, что Женю на рукахъ носилъ. Помилуйте, вѣдь, онъ только по дружбѣ... Сколько разъ онъ выручалъ уже меня изъ неловкаго положенія своимъ кредитомъ!

Возражать было, очевидно, нечего. Но какое-то грустное предчувствіе, какая-то щемящая боль не давали мнѣ покоя. Мнѣ какъ-то стало невыразимо жалко этого наивнаго старика.

— Но что это за предпріятіе такое?

— Тамъ много всего вмѣстѣ... И осушеніе, и ломка камня... Заводъ есть... Анчаровъ—и директоръ, и учредитель.

— И подноситъ вамъ все это выгодное предпріятіе въ видѣ сюрприза? такъ?

Мой ироническій вопросъ опять разсердилъ его.

— Я Анчарову вѣрю, безусловно вѣрю!—категорически отрѣзалъ онъ. — Онъ — биржевикъ, спекулянтъ, но другъ и не мошенникъ. Отчасти и сюрпризъ здѣсь, если хотите, отчасти и его неугомонность... Вѣдь, онъ настоящій герой времени. Начнетъ что-нибудь, поставитъ дѣло на ноги и уже на новое готовится,—старое надоѣло!

— А я, все-таки, не вѣрю вашему Анчарову... Вѣдь, я давно его знаю! Вотъ послушайте, что я разскажу вамъ!—и я разсказалъ ему все происшедшее между нами.

Старикъ выслушалъ, не проронивъ и слова, и долго упорно молчалъ. Несомнѣнно, мой разсказъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Я увѣренъ, что раньше, при другихъ условіяхъ, все разсказанное мною безусловно повліяло бы на его отношенія къ Анчарову, но теперь онъ только покачалъ головой и сказалъ:

— Да, признаться, тутъ мало джентльменства... Ну, да особеннымъ джентльменомъ я его и не считаю... Во всякомъ слу-

чаѣ онъ не мошенникъ. Знаете ли, кто не спотыкался... А въ то далекое время... Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ отрицалъ въ принципѣ дуэль, ну, а ваше нападеніе нахрапомъ сбило съ толку, смутило... Согласитесь...

— Вы окончательно рѣшили?—перебилъ я, начиная сердиться въ свою очередь.

— Совсѣмъ. Я попрошу васъ заложить имѣнія и какъ можно скорѣй. Анчаровъ ждать не можетъ!—отрѣзалъ онъ.

— На другое утро, когда я былъ занятъ составленіемъ довѣренности на залогъ имѣній, ко мнѣ неожиданно вошла Женя. Она вся выглядѣла взволнованно и грустно.

— Скажите, папа дѣйствительно беретъ анчаровское дѣло?—спросила она, не спуская съ меня тревожнаго взгляда.

— Да,—отвѣтилъ я,—онъ и вызвалъ меня, чтобы помочь ему заложить для этого имѣнія.

Она грустно покачала головой.

— А что, вы тоже не вѣрите въ это дѣло?

— Нѣтъ, не въ дѣло!—отвѣтила она.—Но я не думаю, чтобы папа съ его характеромъ,—вы, вѣдь, знаете его,—чтобы онъ могъ вести какое-нибудь предпріятіе...

— И я это думаю!... Я отговаривалъ его... Отчего вы не попробуете отговорить?

— Ну, гдѣ мнѣ? Онъ только разсердится! Если вы не могли, то что же я?... Знаете, какъ вы ему близки и какъ онъ васъ уважаетъ!...

— А я и въ дѣло-то это не вѣрю, Женя!—сказалъ я, беря ея ручку.

— То-есть какъ это?

— То-есть такъ, дитя мое, что предполагаю здѣсь кое-что нечистое... Съ чего бы это вдругъ Анчаровъ сюрпризы дѣлалъ?... Я, вѣдь, знаю его и не вѣрю ему!

— Что вы, что вы?—почти крикнула Женя.

— Да-съ!... Не вѣрю! егоза черноглазая!...

— Вы думаете?

— Я думаю, что онъ способенъ надуть!

— Нѣтъ, это невозможно!—вскочила она.—Анчаровъ, нашъ старый пріятель,—надуть?! Нѣтъ, не говорите этого... нѣтъ!

Я уѣхалъ, заложилъ имѣнія и выслалъ старику деньги.

VI.

Прошло немного времени и я опять попалъ по дѣламъ въ N. О Марковичѣ и его дѣлахъ я не слыхалъ ничего съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ заложилъ его имѣнія, слава же Анчарова все росла и росла и далеко вышла за предѣлы того благополучнаго уголка, гдѣ онъ размашисто раскинулъ сѣти своихъ операцій. Его имя встрѣчалось и въ биржевыхъ извѣстіяхъ столичныхъ газетъ, и въ спискахъ разныхъ концессіонеровъ, и въ отчетахъ благотворительныхъ обществъ. «Нашъ извѣстный финансистъ», «нашъ извѣстный предприниматель», «извѣстный своею щедростью благотворитель», — все это были синонимы Анчарова, становившагося все популярнѣе и популярнѣе.

Былъ теплый майскій вечеръ, когда я позвонилъ у подъѣзда дома Марковича. Старика дома не было. Меня встрѣтила Женя и обрадовалась, какъ старому другу.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, — говорила она, усаживая меня, — что вы къ намъ завернули!... Много у насъ перемѣнъ, много!... Всего вамъ и разсказать нельзя!

— Что же, хорошее или дурное?

— Хорошаго мало, — отвѣтила она грустно, — да и совсѣмъ-таки нѣтъ ничего хорошаго... Знаете, вы чуть ли не были правы...

— Въ чемъ?

— Когда предостерегали противъ Анчарова... Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ взялъ это дѣло, его и узнать нельзя. Вѣчно въ тревогѣ, какой-то грустный, разсѣянный, осунулся, постарѣлъ весь... Знаете, — и въ голосѣ ея послышались слезы, — я увѣрена, что дѣла его плохи, очень плохи, хотя онъ и ничего не говоритъ мнѣ...

Екнуло у меня сердце въ тревогѣ... Плохи дѣла были, если старикъ, всегда ровный, спокойный, такимъ представлялся дочери, съ которой онъ всегда бывало шутилъ только, смѣялся, всегда стараясь объ одномъ — отгонять отъ нея все хмурое и невеселое.

— Что же Анчаровъ-то?

— О, папа давно съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Мы давно не видимся. Почти сейчасъ, какъ папа купилъ это дѣло, у нихъ вышли споры...

Женя совсѣмъ готова была расплакаться и я, конечно, сталъ ее успокоивать, хотя самого меня скребли кошки. Скоро пріі-

ѣхалъ старикъ, но только на мгновеніе—захватить какіе-то документы. Онъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ неузнаваемъ, до того, что я чуть не ахнулъ. Увидѣвъ меня, онъ будто оробѣлъ чего, съежился, замялся, но, все-таки, дружески протянулъ мнѣ руку и обнялъ.

— Не ждалъ, не ждалъ! — говорилъ онъ, — но очень радъ, очень радъ... Вы какъ сюда?

Я сказалъ, по какимъ дѣламъ.

— Ну, а ваши дѣла какъ?

Я уставился на него и смотрѣлъ ему прямо въ лицо тревожнымъ взглядомъ.

— Дѣла, дѣла? — сконфузился онъ и замялся, стараясь не глядѣть на меня.—Да такъ, какъ всѣ дѣла теперь—и такъ, и этакъ. Знаете, застой теперь! Вы посидите, конечно, мнѣ недолго,—быстро обрѣзалъ онъ, видимо, тяжелый для него разговоръ,—вотъ только документы свезу...

— Нѣтъ, вы ужь извините меня. Я сегодня же долженъ ѣхать въ деревню. Вернусь черезъ три дня и зайду.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я буду ждать васъ.

Мы вышли вмѣстѣ. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ изъ города, но дѣла покончилъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ, и вернулся черезъ два дня. Гнала, торопила меня и скверная, тяжелая забота: по дорогѣ я узналъ навѣрное, что Марковича дѣла плохи, крайне прохи, что ему грозитъ бонкротство, полное разореніе, а можетъ быть даже и судъ. Конечно, въ его личной чистотѣ, честности сомнѣваться я не могъ ни на секунду даже; онъ легко могъ запутаться въ анчаровскихъ сѣтяхъ, самъ не понимая, не подозрѣвая даже, въ чемъ онъ запутывается. Я узналъ все это отъ одного изъ мелкихъ адептовъ-почитателей Анчарова,—одного изъ тѣхъ типичныхъ хищниковъ, вѣчно голодныхъ, громко восторгающихся всякою крупною подлостью, разъ она продѣлана «по законамъ» и настолько ловко, что совсѣмъ оставила «въ дуракахъ» довѣрчиваго человѣка, какихъ можно было встрѣтить на каждомъ перекресткѣ.

— Ахъ!—заливался онъ, не слыша себя отъ какого-то непостижимаго удовольствія, захлебываясь и брызжа слюной.— Ахъ! И обошелъ же его Анчаровъ, то-есть вотъ какъ липку ободралъ. Ахъ! ну, и талантъ у человѣка! Т-а-л-антъ!

— Какъ обобралъ?—спрашивалъ я, изъ-за тревоги не обращая вниманія на это жадное улюлюканье.

— Да такъ! Плевое дѣло, гроша нестоющее, за сотни тысячъ продалъ! Самому петля приходилась, потому одно слово: мыльный пузырь, на водѣ все писано было, а онъ и сбылъ ему, да за такой капиталъ, за такой капиталъ,— ахъ!—и мой собесѣдникъ даже глаза зажмурилъ.

— Надулъ, значитъ! Такъ вы хотите сказать?

— То-есть какъ надулъ? Коммерція, извѣстно! Какое-жь надувательство? Глаза есть— смотри, а коли дуракъ—самъ на себя и пеняй!... На то и щука въ морѣ...

— И дѣла совсѣмъ плохи, говорите вы? — допрашивалъ я, затыкая уши на всю эту философію.

— Одно слово—банкротъ! Имущества-то и по гривнѣ на рубль не хватитъ... Акціонеры и дольщики такую тревогу подняли, такую тревогу! «Обманъ,—кричатъ,—надувательство!» А онъ только глазами хлопаетъ. Извѣстно, не его ума дѣло, — куда ему-то въ коммерцію? «Я, — говоритъ, — самъ обманутъ, самъ не зналъ, что дѣло такъ стоитъ»... Ха-ха-ха,—залился разскащикъ, хватаясь за бока,—ха-ха-ха! Самъ не зналъ... ха-ха-ха!...

Я уже не слушалъ, хотя тотъ все еще обязательно посвящалъ меня въ эту «ловкую штуку» и долго еще хохоталъ надъ «зазѣвавшимся карасемъ», передавая всевозможные слухи о томъ, какъ Анчаровъ въ первое время и отчеты составлялъ для неопытнаго Марковича съ фиктивными балансами, и книги помогалъ ему вести при посредствѣ «своего» бухгалтера съ ложными записями, которыя совсѣмъ отуманили старика, и многое, многое другое, свидѣтельствовавшее о несомнѣнномъ мошенничествѣ. Я думалъ только о тяжелой долѣ, павшей на всю эту мирную, ни въ чемъ неповинную семью, гадалъ и соображалъ, какъ бы выпутать ее изъ-подъ этой кучи нечистаго мусора, если выпутать и вытащить была еще возможность.

Я вернулся поздно вечеромъ и сейчасъ же отправился къ Марковичу. Сердце у меня ныло, въ головѣ стоялъ цѣлый содомъ; какая-то тревога разливалась внутри по мѣрѣ приближенія къ дому, а жгучее, нетерпѣливое желаніе провѣрить всѣ эти толки, узнать навѣрное всю правду, въ то же время, подгоняло. Слуга сказалъ, что старикъ давно сидитъ у себя запершись въ кабинетѣ. Я прошелъ безъ доклада и съ тревожно бившимся сердцемъ отперъ дверь.

Въ кабинетѣ стоялъ полумракъ отъ спущеннаго надъ горѣвшими свѣчами абажура. Кучи бумагъ валялись то тамъ, то сямъ

въ безпорядкѣ, точно чья-то нетерпѣливая рука лихорадочно перерыла всѣ эти листы, ища и шаря въ нихъ чего-нибудь спѣшно, особенно спѣшно. Синеватый дымокъ недокуренной сигары тонкою струйкой извивался вверхъ въ неподвижномъ, тепломъ воздухѣ, расширяясь кверху въ дрожавшія, расползавшіяся ленты. Старикъ сидѣлъ неподвижно за своимъ письменнымъ столомъ и точно спалъ, облокотясь на столъ и уперевъ лицо въ неподвижныя ладони.

— Анатолій Осиповичъ!...

Онъ вздрогнулъ, повернулъ ко мнѣ свое мертвенно-блѣдное,— даже не блѣдное, а какое-то сѣрое, окаменѣлое, съ помутившимся взглядомъ, съ крупными каплями слезъ,—лицо и посмотрѣлъ пристально.

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти!...

Это все, что вырвалось у него изъ груди, вмѣсто привѣта,—вырвалось съ какимъ-то хрипомъ затаеннаго плача и застыло въ мертвомъ воздухѣ. Онъ опять закрылъ лицо.

Я подошелъ и положилъ ему на плечо руку.

— Анатолій Осиповичъ, Анатолій Осиповичъ! — окликнулъ я его громче.—Первое условіе успѣха—не отчаяваться!... Послушайте, не теряйте бодрости!

Онъ отнялъ отъ лица руки.

— Все пропало, все! — проговорилъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ.—Я разоренъ, опутанъ, обманутъ, надутъ... я ограбленъ! Понимаете? — вскочилъ онъ. — Я даже незапятнаннаго, честнаго имени не оставлю дѣтямъ... Ахъ! бѣдныя дѣти... д-ѣ-т-и!—и онъ застоналъ отъ глубокой, смертельной боли и снова повалился, какъ безсильный, въ кресло.

— Анатолій Осиповичъ!

Но онъ только глухо рыдалъ въ отвѣтъ.

— Анатолій Осиповичъ, ободритесь! Вы — мужчина, вы — отецъ!... Поговоримъ, можетъ быть, не все еще потеряно.

— Все!—простоналъ онъ.

— Не можетъ быть! Это—отчаяніе говоритъ въ васъ....

— Убѣдитесь, убѣдитесь сами! — и онъ сталъ швырять бумаги, документы, счета, весь окружавшій его бумажный хламъ, точно съ злорадствомъ повторяя одно: — вотъ, вотъ, вотъ!

— Я все это, конечно, разсмотрю,—говорилъ я, дѣлая не-

имовѣрныя усилія казаться совершенно спокойнымъ,—разсмотрю, какъ юристъ, и, можетъ быть, чего добраго, мы сами притянемъ Анчарова къ отвѣтственности за обманъ. Вы только скажите мнѣ, употребили ли вы всѣ усилія, все, что было въ вашей власти, чтобы... чтобы...

— Я даже къ *нему* ѣздилъ! Къ *нему*, къ этому... этому... Я сейчасъ отъ него!...

— Ну, и что?—Я понялъ, что онъ говорилъ объ Анчаровѣ.

Старикъ вскочилъ снова, его лицо исказилось гнѣвомъ, глаза зажглись и метали искры.

— Я молилъ,—понимаете?—я молилъ!... Я не укорялъ его ни въ обманѣ, ни въ плутовствѣ, я только молилъ!

— Ну?

— Онъ отказалъ во всемъ, отказался отъ всякой помощи. Въ коммерціи де нѣтъ дружбы!... Нѣтъ!... Ахъ! дѣти, бѣдныя дѣти!—схватился онъ за голову руками въ порывѣ страшнаго отчаянія.

— Постойте, постойте!... Можетъ быть, еще и есть выходъ!

— Есть, конечно,—иронически подхватилъ онъ,—есть! Онъ даже указалъ мнѣ его!

— Какой же?

— Поспѣшить перевести все имущество на жену... Понимаете?

— Это въ модѣ,—отвѣтилъ я, потупляя невольно глаза.

— Но только не въ моей!... Я не могу,—понимаете?—я не могу!—страстно заговорилъ онъ, весь трясясь.—Я не подлецъ же, не воръ я! Я—дуракъ, старый, несчастный дуракъ, но не воръ! Въ роду у насъ не было воровъ. Пусть дѣти съ сумою пойдутъ, Христа ради, подъ окна... Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя дѣти!... Но я не могу, не могу я, не могу!—и съ глухимъ истерическимъ рыданіемъ онъ упалъ снова въ кресло.

Я долго провозился съ нимъ еще, напрягая всю волю казаться спокойнымъ, и, въ концѣ-концовъ, казалось, добился своего. Подъ конецъ онъ, дѣйствительно, сталъ спокойнѣе, слушалъ мои слова съ интересомъ, казалось, слѣдилъ за моими движеніями, когда я собиралъ бумаги, чтобы разсмотрѣть ихъ за ночь, даже подавалъ мнѣ и искалъ ихъ. Мое спокойствіе, видимо, отражалось на немъ,—я и не думалъ приписывать все это утомленію, потому что глаза его лихорадочно горѣли. Онъ даже

съ чувствомъ, особенно горячо пожалъ мою руку, когда я сказалъ, что не уйду къ себѣ, а останусь съ бумагами у него, и самъ приказалъ приготовить для меня комнату.

— Спите, непремѣнно постарайтесь заснуть! — сказалъ я, прощаясь. — За ночь я разсмотрю все и завтра мы потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

— Спасибо, спасибо! — отвѣчалъ онъ и тепло меня обнялъ.

VII.

Всю ночь провозился я съ бумагами, съ книгами, счетами и убѣдился, что, дѣйствительно, все пропало, какъ говорилъ старикъ, — вся семья оставалась нищей, буквально нищей. Всѣхъ имѣній съ трудомъ хватило бы на ликвидацію, даже не будь они заложены, а теперь, съ громаднымъ долгомъ земельнымъ банкамъ, который весь, цѣликомъ, ушелъ въ анчаровскій карманъ, кредиторамъ еле-еле выгадывался четвертакъ на рубль. Предпріятіе же, раздутое Анчаровымъ, его рекламами и искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ на акціи до продажи Марковичу, дѣйствительно представляло собою мыльный пузырь, пущенный, однако, съ такимъ знаніемъ дѣла и такъ ловко, что закону оставалось только молчать. Въ то, что, передавая дѣло, Анчаровъ баснословно высоко оцѣнилъ ничего почти не стоющее имущество, назвалъ фабриками и заводами то, что не имѣло и тѣни подобія заводамъ и фабрикамъ, показалъ фактивную, не существующую доходность, искусственно поднявъ ничего нестоющія акціи, которыя немедленно же пали вслѣдъ за передачей, и во многое другое еще законъ не вмѣшивался, предоставляя все это усмотрѣнію и соглашенію договаривающихся сторонъ.

Въ тяжеломъ раздумьи сошелъ я внизъ, въ столовую, къ утреннему чаю, не зная, какъ приступить къ старику, котораго такъ или иначе я обнадежилъ, которому пообѣщалъ свою помощь. Въ столовой никого не было, шипѣлъ только поданный самоваръ, да ворчалъ что-то попугай, перепрыгивая съ одной жердочки на другую. Безстрастная природа, праздновавшая свой медовый мѣсяцъ, ликуя, несла въ открытое окно волны яркаго весенняго свѣта, тонкаго и мягкаго аромата стоявшихъ въ цвѣту деревьевъ и живыхъ, страстныхъ звуковъ птичьяго щебетанья, и всѣ эти волны, точно смѣшиваясь, переплетаясь и сливаясь другъ съ другомъ въ узкой оконной рамѣ, наполняли комнату

жизнью, свѣтомъ и глубокою весеннею нѣгой. Такъ и напрашивалось, такъ и тянуло сказать: «какъ хороша, какъ прелестна жизнь, если бы... если бы...»

Крикъ, невозможный, неописуемый крикъ прорѣзалъ воздухъ и застылъ, точно окаменѣлъ. Кому хоть разъ въ жизни выпало на долю слышать подобный крикъ, въ которомъ смѣшивалось, казалось, все зло, все горе, составляющее изнанку міроваго счастья, въ которомъ сливались вмѣстѣ и испугъ, и отчаяніе, и невыразимая боль, и ужасъ, смертельный ужасъ, — крикъ, вмѣстѣ съ которымъ, кажется, вырывалось изъ груди и сердце, тотъ не забудетъ его во вѣки. Волосы поднялись у меня дыбомъ, дыханье захватило; я чувствовалъ, какъ похолодѣлъ весь, въ одно мгновенье... И ничего не соображая, не понимая, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, весь охваченный точно туманомъ отъ ужаса, я какъ-то безсознательно, точно повинуясь одной неодолимой силѣ этого крика, какъ призыва, бросился на него въ кабинетъ. Тамъ, окаменѣвъ отъ ужаса, какъ блѣдная мраморная статуя, съ широко раскрытыми, безумными, окаменѣвшими глазами, съ искаженнымъ, но прелестнымъ лицомъ и судорожно прижатыми къ недышавшей груди руками, стояла Женя, наклонившись впередъ къ креслу, въ которомъ какъ-то судорожно и протяжно хрипѣлъ старикъ.

Я не понималъ еще ничего и ничего не видѣлъ... Я видѣлъ только тонкую, яркую струю свѣта, яркій золотой лучъ утренняго солнца, который, пробившись изъ-за угла спущенной сторы, золотилъ полосами сѣдую старческую голову, судорожно двигавшуюся по спинкѣ кресла, и разсыпался яркими, жгучими струями по кудрямъ, лицу и складкамъ бѣлаго платья Жени. Я видѣлъ пылинки, которыя носились, плывя, въ этомъ лучѣ и тонули, ныряя; я видѣлъ муху, которая одна безучастно кружилась надъ письменнымъ столомъ, кресломъ и бѣлою, окаменѣвшею фигурой дѣвушки. За окномъ на вѣткѣ кричалъ воробей и его силуэтъ, рѣзко выдѣлявшійся темнымъ пятномъ тѣни на ярко освѣщенной сторѣ, качался и прыгалъ то вверхъ, то внизъ. Часы на столѣ рѣзко и твердо тикали въ царившей тишинѣ, но какой-то протяжный не то вздохъ, не то храпъ заглушалъ ихъ. Я не понялъ еще этого страннаго, протяжнаго звука, я только двинулся, чтобы понять его, — двинулся и все понялъ, все увидѣлъ: и бритву, и кровь, и судорожно подни-

мавшуюся съ хрипомъ грудь, и потускнѣвшій, холодный, полный боли, полный муки, полный невыразимаго страданія взоръ.

— Папа, папа! Боже мой, папа!—раздался въ моихъ ушахъ не то вопль, не то стонъ, я не знаю что̀, но только что-то ужасное, бездонно ужасное, до того ужасное, что я задрожалъ весь, какъ листъ, опомнился, пришелъ въ себя точно отъ электрическаго удара, и двѣ бѣлыя, холодныя руки протянулись къ старику, маряясь въ крови, а глухія рыданія заглушали его хрипы,—папа!

Я видѣлъ, я ясно видѣлъ, какъ на этотъ нечеловѣческій вопль потухавшіе, почти безжизненные зрачки блеснули жизнью, какъ задвигались умиравшія губы и мой слухъ, мой болѣзненно напряженный слухъ уловилъ, кажется, ихъ предсмертный, агоническій шепотъ: «Мои дѣти! Мои бѣдныя дѣти!»

. . . . . .

Зачѣмъ я бѣжалъ, куда, я не знаю. Я бѣжалъ безсознательно, весь охваченный паническимъ ужасомъ, потому что сзади за мною гнались и эти зрачки, и этотъ стонъ, и этотъ хрипъ. Я помню, что мнѣ хотѣлось кричать, звать на помощь, но губы мнѣ не повиновались и я безсильно задыхался отъ боли или ужаса—не знаю. Мнѣ кажется, я бы сталъ звонить въ набатъ, если бы набѣжалъ на колоколъ, и помню, что въ головѣ вертѣлось одно имя: Анчаровъ, Анчаровъ! Почему и зачѣмъ былъ онъ мнѣ нуженъ, я, конечно, не понималъ. Но безсознательно торчавшее въ мозгу имя мало-по-малу овладѣло сознаніемъ настолько, что стало для меня цѣлью,—я, казалось, бѣжалъ къ Анчарову и, казалось, начиналъ понимать это. По крайне мѣрѣ, когда случай натолкнулъ его на меня у подъѣзда чьего-то дома, я сразу остановился и схватилъ его за рукавъ.

— Пойдемъ!... Пойдемъ!

Онъ не сопротивлялся, не спросилъ ни куда, ни зачѣмъ, а пошелъ,—по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобъ онъ что-нибудь спрашивалъ. Я видѣлъ, что мой видъ, мой голосъ ошеломили его; онъ поблѣднѣлъ, съежился, оторопѣлъ какъ-то. Говорятъ, ужасъ заразителенъ и гипнотизируетъ, лишаетъ воли, даже сознанія другихъ людей, — можетъ быть, тутъ именно было что-нибудь въ этомъ родѣ, потому что Анчаровъ мнѣ повиновался. Мы шли оба торопливо, молча, не говоря ни слова, и я все держалъ его за рукавъ.

Когда мы вошли, наконецъ, въ кабинетъ, Женя лежала

безъ чувствъ на оттоманѣ, возлѣ нея суетилась прислуга, а у кресла старика толпилась цѣлая куча людей, въ томъ числѣ докторъ и чины полиціи, которые что-то безучастно писали и топили на свѣчѣ сюргучъ. Старикъ уже не хрипѣлъ. Вся испачканная кровью, сѣдая голова его лежала, свѣсившись, на лѣвомъ плечѣ. Чей-то повелительный, осипшій голосъ, среди топота ногъ, шуршанья платья, бумаги и какихъ-то неясныхъ восклицаній суетившихся людей, выдѣлялся своимъ спокойнымъ, невозмутимымъ ритмомъ, однообразно отдавая одни и тѣ же приказанія:

— Печати!... На все печати!... Не забудьте печатей!

А въ углу, почти у самаго порога, дюжій, плутоватый на видъ дѣтина, въ кафтанѣ среднекупеческаго покроя, съ глазами въ-раскосъ, съ какими-то особенными вывертками въ движеніяхъ, громкимъ шепотомъ спрашивалъ экономку, «какъ насчетъ позументу прикажете, потому что какъ гробъ по-благородному» и т. д., на что честная, мягкая, какъ воскъ, жалостливая нѣмка, вся въ слезахъ, вся пришибленная горемъ, въ удивленіи воскликнула: «Mein Gott, wass will der Kerl! Der grobe Kerl!»

Анчаровъ,—я видѣлъ это ясно,—оперся о каминъ, чтобы не упасть. Лицо его было смертельно блѣдно, глаза вытаращены въ холодномъ, неподвижномъ ужасѣ. Но въ чертахъ его проскальзывало въ этотъ моментъ что-то теплое, хорошее, человѣческое, что-то такое, чего раньше я въ немъ не видалъ никогда. Его губы дрожали; можно было думать, что онъ шепчетъ.

— Вы, конечно, сдѣлаете для семьи,—сказалъ я ему тихо, наклонясь.

Онъ посмотрѣлъ на меня влажными, не загадочными, не металлическими, не «ловкими», а влажными человѣческими глазами,—посмотрѣлъ такъ, что я повѣрилъ ему въ первый разъ.

— Да, да... все! — шепталъ онъ мнѣ въ отвѣтъ побѣлѣвшими губами, сжимая мою руку.

Я бросился къ Женѣ, которая пришла въ себя, а когда повернулся, Анчарова уже не было.

VIII.

Прошло нѣсколько особенныхъ скверныхъ дней въ вознѣ съ погребеніемъ и въ той больной, душу раздирающей суетѣ, которая неминуемо сопровождаетъ подобныя катастрофы. Женя ле-

жала въ постели, не вставая; доктора боялись, кажется, воспаленія мозга; она бредила, не узнавая никого; власти «описывали» и «печатали», гробовщики, могильщики, чтецы и т. д., и т. д.,— все это приставало, любезно кланялось, просило денегъ, денегъ и денегъ; все тормошило, суетилось, бѣгало и какъ-то особенно назойливо и мучительно не давало покоя. Прилетѣли и какіе-то родственники; но, узнавъ, что семья въ полномъ разореніи, что ничего, кромѣ расходовъ, на ихъ долю выпасть не можетъ, разлетѣлись такъ же быстро, какъ и слетѣлись, точно вороны съ обглоданнаго до-чиста, до-бѣла, остова, оставивъ всѣ заботы, всѣ хлопоты на мнѣ одномъ. И волей-неволей приходилось мнѣ и бѣгать, и суетиться, и хлопотать, и ломать, въ то же время, голову надъ тревожнымъ вопросомъ: какъ быть дальше, какъ устроить несчастную семью, выгадать для нея хоть какія-нибудь крохи? Дѣло было трудное въ виду полнаго разоренія,—оставалась одна надежда на Анчарова,—кстати, онъ прислалъ сто рублей на похороны,— надежда, что авось разбуженная ужасною катастрофой совѣсть заставитъ его дать семьѣ хоть часть изъ тѣхъ сотенъ тысячъ, за которыя онъ спустилъ покойному свой «мыльный пузырь». Я надѣялся потому, что помнилъ и его взглядъ, и его шепотъ. Какъ только кончилась процедура похоронъ, я отправился къ нему.

— Я пришелъ къ вамъ въ качествѣ повѣреннаго Марковича, — сказалъ я, когда онъ быстрыми шагами выбѣжалъ ко мнѣ въ пріемную,—вы обѣщали...

— Да, да, да, помню... Грустная исторія, ужасная исторія! —вздохнулъ онъ.—Пойдемъ въ кабинетъ, тамъ потолкуемъ.

Его глаза бѣгали, его лицо не предвѣщало ничего хорошаго.

— Вотъ, — сказалъ онъ, доставая изъ конторки, очевидно, заранѣе приготовленные, два векселя покойнаго по тысячѣ рублей каждый,—вотъ я дѣлаю, что могу!—и онъ разорвалъ ихъ.

— Ну?—я ждалъ еще.

— Вотъ и это!—и онъ досталъ пять сотенныхъ бумажекъ и положилъ ихъ предо мною,—все, что могу-съ!

— Какъ, это все? Это все, чѣмъ вы можете помочь?... Да, вѣдь, эти векселя и гривенника не стоютъ теперь.

— А вы чего же еще желаете?—и онъ уставился на меня неподвижнымъ, холоднымъ, какъ сталь, взглядомъ, облокотившись на конторку.

— Михайло Ивановичъ,—началъ я, и отъ волненья у меня

дрожали губы, — будемъ говорить прямо. Въ прошломъ у насъ съ вами, насколько помните, нехорошіе счеты, а я не изъ тѣхъ, которые забываютъ прошлое. Я бы не пришелъ къ вамъ, если бы... если бы... ну, словомъ, если бы я не видѣлъ вашего волненія при той сценѣ,— помните? Вы тогда заговорили человѣкомъ, вы обѣщали—помните?—вы сказали: «да, да, все сдѣлаю!»

Его коробило, пока я говорилъ.

— Помню!—твердо отчеканили его холодныя губы, хотя лицо покраснѣло и онъ какъ-то сконфуженно отряхалъ пепелъ съ сигары, не глядя на меня.

— Ну-съ?... Я потому только и пришелъ къ вамъ. Вы многое можете сдѣлать.

— Я сдѣлалъ все, что могъ!

— Михайло Ивановичъ, вѣдь, вы ограбили старика, вы сами толкнули его въ пропасть.

Онъ всплеснулъ въ удивленіи руками.

— Ограбилъ? Толкнулъ въ пропасть?! Я?!

— Вы продали ему дутое предпріятіе, которое угрожало вамъ самимъ, можетъ быть, судомъ. Вы сбыли его покойному за сотни тысячъ!

— Дутое предпріятіе?! Дутое предпріятіе?! — старался онъ увильнуть въ сторону.—Да развѣ есть въ коммерціи дутыя и не дутыя предпріятія? Все зависитъ отъ рукъ-съ! Зачѣмъ онъ покупалъ?

Но тутъ онъ самъ понялъ, что заврался.

— Я ему указывалъ выходъ, онъ могъ перевести все на жену!—скороговоркой затушевывалъ онъ сказанное.

— А совѣсть?

— Ха-ха-ха! — захохоталъ онъ дѣланнымъ смѣхомъ, — въ коммерціи совѣстливость!... Что же это такое?

— Это абсурдъ, понятно! И вы, конечно, понимали это вполнѣ, когда передавали ему за сотни тысячъ то, что не стоило и гроша! Но я этого не оставлю, въ этомъ даю вамъ слово... Я употреблю все, чтобы вывести наружу это мошенничество,— говорилъ я, не помня себя,— я обращусь къ печати.

Онъ презрительно улыбнулся, хотя и поблѣднѣлъ.

— Къ суду...

Онъ поклонился.

— Къ администраціи, наконецъ, если судъ найдетъ, что формальности соблюдены.

— Сколько угодно!

Машинально я подвинулся впередъ, и онъ, вспомнивъ, вѣроятно, прошлое, испуганно нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Я вышелъ съ отуманенною злобой головой, съ кипѣвшею внутри желчью. Но оставлять такъ сразу дѣло не хотѣлъ и направился къ Марьѣ Львовнѣ, зная ея значеніе у Анчарова.

Я не говорилъ ей ни слова о своемъ визитѣ къ Анчарову, а, рисуя только яркими красками положеніе разоренной семьи, просилъ ее повліять на него. Она выслушала меня молча, хотя, видимо, была взволнована, заерзала, какъ-то нерѣшительно взглядывала на меня и кусала губы.

— Но, вѣдь, онъ самъ виноватъ, — какъ-то нерѣшительно, точно оправдываясь, проговорила она, наконецъ,—отчего не перевелъ на жену, какъ совѣтовалъ Анчаровъ? Такъ всѣ дѣлаютъ.

— И вы, Марья Львовна!—не выдержалъ я.—Да развѣ онъ такой былъ человѣкъ?...

— Ахъ, mon cher, вѣдь, спекуляція не поэзія... Нельзя же въ такія дѣла вводить разныя нѣжности... Согласитесь!... Нужно было слушать Анчарова...

— Анчарова, который надулъ его, своего друга, который продалъ ему дутое дѣло?

— Ахъ, надулъ!—точно обидѣлась она. — Развѣ это надувательство? Это—коммерція!... Дружба дружбой, а деньги деньгами! У него же были глаза, чего-жь онъ зѣвалъ?

— Марья Львовна!

— Да, да, да,—затараторила она, не слушая, — да! И вы хотите, чтобъ Анчаровъ филантропничалъ?!

— Но, вѣдь, за вздоръ онъ получилъ сотни тысячъ!

— Такъ что-жь? Такъ всѣ дѣлаютъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній; это законъ спекуляціи. И Анчаровъ всего меньше человѣкъ, способный на разныя сантиментальности... Это дѣловой человѣкъ!

По тону и словамъ можно было думать, что и тутъ все потеряно, но Марья Львовна была женщина. Я не доказывалъ ей, не убѣждалъ,—я обращался только къ ея чувству. Мало-по-малу она перестала возражать, разволновалась и, кажется, чуть не прослезилась.

— Вотъ что,—сказала она взволнованнымъ голосомъ, кладя мнѣ на плечо руку.—Мнѣ самой жаль эту семью, а вы еще больше подогрѣли меня... Но помочь вамъ *я* не могу,—я, лично, понимаете?... Анчаровъ не такой человѣкъ, чтобы кого-нибудь слушать... Но я дамъ вамъ совѣтъ...

— Какой?

— А вотъ какой: обратитесь къ его женѣ; онъ перевелъ все на нее, да и богатство-то ихъ, въ сущности, не его, а ея... Затроньте ея чувствительность; она, вѣдь, осталась прежнею Гликочкой,—немного насмѣшливо вставила Марья Львовна,—и какъ-нибудь такъ, чтобъ онъ не узналъ, да поскорѣй... Она можетъ выдать векселя или что-нибудь въ этомъ родѣ семьѣ... Понимаете?... Но только, чуръ, пусть это останется между нами, а не то Анчаровъ мнѣ не проститъ... Слышите?

— Конечно... Развѣ она вернулась изъ-за границы?

— Да, надняхъ... Идите сегодня вечеромъ къ ней; они на разныхъ половинахъ, да и Анчарова дома не будетъ. Только, смотрите!—погрозила она шутливо.

Вечеромъ я пошелъ. Еще въ прихожей столкнулся я съ высохшею, напоминавшею мумію,—до того была она тоща,—женскою фигурой съ бѣлесоватыми глазами и съ трудомъ узналъ въ ней Гликочку.

— Гликерія Ивановна, Гликочка!...

Она отступила на шагъ, широко вытаращила свои бѣлесоватые глаза, разставила руки, слегка вскрикнула, точно застонала, и вдругъ бросилась мнѣ на шею.

— Это вы... вы... неужели?!—плакала она у меня на плечѣ.—Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ!—потащила она меня.—Вспомнимъ наше старое, наше честное старое... Оно уплыло... уплыло!—продолжала она, плача.

Меня самого, признаюсь, разстроила эта встрѣча. Все старое, заснувшее, полузабытое точно ожило и нахлынуло густою, неудержимою волной. Эти слезы Гликочки отдавали чѣмъ-то вродѣ похороннаго плача.

— Гликерія Ивановна!—хотѣлъ было я успокоить ее, но она перебила меня.

— Нѣтъ, не Гликерія Ивановна! Зовите меня Гликочкой, какъ прежде, какъ тогда... Я все прежняя Гликочка, глупенькая, но честная и искренняя... Да, да, прежняя, хотя кругомъ одна подлость... ахъ, столько подлости!

Она говорила это такъ страстно, съ такою неподдѣльною болью, что мнѣ стало жаль ее.

— Что вы, Гликочка, что вы? Это такъ кажется больше!.. Развѣ можетъ жизнь одною подлостью пробавляться? Посудите сами!..

— Ну, ужь не знаю, право! Только я такъ несчастна, такъ глубоко несчастна... Знаете, вѣдь, вы другъ, вамъ можно,—знаете, этотъ Михайло Ивановичъ такой... такой!...—и она совсѣмъ разрыдалась.

— Гликочка!

— Но я, глупая, его такъ люблю... ахъ, такъ люблю! — и она заломила точно въ отчаяньи руки.

Въ этомъ сказалась вся Гликочка.

— А я къ вамъ по дѣлу, Гликочка, — перебилъ я ея ламентаціи и грустныя, и смѣшныя,—по дѣлу несчастныхъ Марковичей...

— Что-жь? Что-жь?—быстро спохватилась она.—Бѣдные они, бѣдные... Ахъ, мнѣ такъ жаль!

Я разсказалъ ей все: и травлю на старика, и перепродажу, и причину полнаго разоренія, и мой разговоръ съ Анчаровымъ,— все, до мельчайшихъ подробностей. Она слушала, то блѣднѣя, то вскакивая отъ изумленія, то хныча, то перебивая меня всевозможными возгласами негодованія.

— Вы говорите: векселей имъ выдать, да? О, непремѣнно, непремѣнно! Это ужасно, это невѣроятно!... Сейчасъ, сію минуту. Самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ!—кричала она, когда я кончилъ, бѣгая по комнатѣ въ неописуемомъ волненіи.

Со мной были вексельные бланки; я вынулъ ихъ и положилъ.

— Диктуйте! — и она схватила со столика перо.— Сколько писать? Скорѣй, скорѣй!

— Это ваше дѣло.

— На пятьдесятъ тысячъ, по десяти?—лихорадочно спросила она и взяла бланкъ.

— Отлично.

— Ну, диктуйте же!

Я сталъ диктовать, а она торопливо записывала, волнуясь, браня и перо, которое плохо писало, и густоту чернилъ, и съ какою-то точно злобой по нѣсколько разъ со стукомъ макала перо, повторяя:

— Ахъ, бѣдные! Ахъ, несчастные!—Но вдругъ она спохва-

тилась и зарыдала.—А что, если онъ разсердится? Ахъ, я такъ его люблю!—хныкала она, бросивъ перо и отодвигая бланкъ.

Признаюсь, я почувствовалъ себя крайне глупо: на такой пассажъ я уже никакъ не разсчитывалъ. Все шло какъ нельзя лучше и вдругъ эти неожиданныя слезы, эта странная нерѣшительность. Я покраснѣлъ и глупо уставился на нее, не зная, что говорить, а она смотрѣла на меня умоляющими, плачущими глазами, точно прося ее выручить. Въ это же мгновенье въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ Анчаровъ.

— Что это? Векселя? Шантажъ?—внѣ себя, весь задыхаясь и трясясь отъ злобы, крикнулъ онъ, схватывая разложенные бланки. Послѣ оказалось, что, опасаясь моего визита къ Гликочкѣ, онъ на всякій случай отдалъ приказаніе прислугѣ увѣдомить его о моемъ приходѣ.

— Что это? Шантажъ?!

Гликочка вскочила. Какъ всѣ «Гликочки», застигнутыя врасплохъ, она проявила на моментъ, на одинъ моментъ, конечно, неожиданную дерзость.

— Какъ вы смѣете такъ выражаться?—крикнула она, вспыхнувъ.—Это справедливость одна! Вы ограбили семью... я ей выдамъ вѣкселей на пятьдесятъ тысячъ, непремѣнно выдамъ!

— Ты разорить меня хочешь?

— Хочу, хочу, хочу!—топала Гликочка.

— Ты разрушишь всѣ мои планы!

— Ваши планы? Ха-ха-ха! Ваши планы?... Вы мнѣ смѣете говорить про планы? Никакихъ у васъ плановъ нѣтъ! Одна безсовѣстность да алчность! Одна сплошная ложь!

— Гликочка! Дитя мое!...

Но Гликочка и безъ этого страстнаго восклицанія уже выговорилась. Она заломила руки и заплакала.

— Ахъ, когда я такъ его, глупая, люблю, такъ люблю!—умоляюще, точно оправдываясь, обернулась она ко мнѣ, ломая руки.

Я схватилъ шляпу и выбѣжалъ.

. . . . . .

На другой день меня позвали, обвинили почти въ шантажномъ вымогательствѣ векселей, посовѣтовали не вводить раздора въ «почтенную семью» и оставить городъ.

IX.

Тяжелымъ гнетомъ легла вся эта жизненная драма на мою душу, и гнетущій призракъ ея все носился предъ мною въ шумѣ и сутолокѣ столичной жизни. Но до финала было еще далеко; финалъ пришелъ позже, драма все тянулась да тянулась, незамѣтно, тихо, за занавѣсью, которая, вдругъ поднявшись, открыла одну развязку, но такую глубоко-больную, что предъ нею поблѣднѣло все предшествовавшее, все то кровавое прошлое, которое ее обусловило и отъ котораго я тщетно искалъ себѣ забвенія. Все это померкло, потускнѣло передъ однимъ письмомъ Жени,—ея роковымъ письмомъ, оглушившимъ меня, какъ ударъ грома, наполнившимъ душу тою острою, невыразимою болью, которую не тушатъ даже мужскія слезы, которая не глохнетъ съ годами, для которой нигдѣ и никогда нѣтъ забвенія. Такая боль заползаетъ въ душу, какъ хроническій, неизлечимый недугъ въ заболѣвшее тѣло, что̀ гложетъ тихо, незамѣтно, но упорно, шагъ за шагомъ; она встаетъ подчасъ какимъ-то тяжелымъ укоромъ, точно шепчетъ человѣку, что и онъ виноватъ,—виноватъ уже тѣмъ однимъ, что спокойно жилъ, думалъ, дышалъ, когда за спиной у него разыгрывалось то роковое, чему онъ не приберетъ теперь и названія, но что̀ въ свое время онъ бы могъ, пожалуй, предотвратить своимъ вмѣшательствомъ.

Это письмо лежитъ предо мною; его потускнѣвшія, пожелтѣвшія строчки сливаются въ моихъ глазахъ въ кровавыя, перепутанныя нити; ни читать, ни разобраться въ нихъ я не могу, да и незачѣмъ,—его слова отпечатлѣлись въ мозгу такъ сильно, что я могу читать наизустъ. Я получилъ его поздно вечеромъ, прочелъ, окаменѣлъ какъ-то, застылъ, забылся, а когда очнулся, когда забившееся сердце пробудило меня отъ внезапной дремоты, я зналъ каждое слово, помнилъ каждый переносъ.

«Дорогой другъ мой!

«Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Вы пожалѣете меня, конечно, но я хочу, чтобы вы меня и простили. Знаете, невозможно умирать съ нехорошею тайной, съ сознаніемъ проступка... по крайней мѣрѣ, я не могу. Я хочу вамъ покаяться,—вамъ, вамъ одному, потому что ни мамѣ, ни сестрамъ я ничего не сказала. Зачѣмъ мнѣ ихъ мучить?—и такъ моя смерть принесетъ имъ много горя,— а я хочу, чтобы

онѣ всѣ были счастливы и *обезпечены*. Бѣдная мама, бѣдныя сестры, какъ онѣ будутъ плакать, какъ имъ будетъ тяжело, но за то онѣ будутъ обезпечены! Горе, которое я имъ принесу, будетъ имѣть для нихъ и хорошую сторону. Я оставляю имъ только коротенькую записку, въ которой пишу, что стрѣляюсь потому, что жизнь надоѣла и много горя вынесла. Но вамъ я скажу все... все,—я хочу покаяться и хочу, чтобы вы мнѣ простили. Ахъ, я такъ много думала, такъ много плакала... Знаете, другъ мой, откуда эти 25,000 рублей, которыя я перевела на васъ съ порученіемъ передать ихъ мамѣ и сестрамъ подъ видомъ остатковъ отъ ликвидаціи нашихъ дѣлъ, — я еще разъ, и еще разъ прошу васъ, умоляю не говорить ничего никому,— знаете? Ахъ, еслибъ все это зналъ папа, что̀ бы онъ сказалъ? Онъ бы не повѣрилъ!... Но что же дѣлать, что же дѣлать, когда бѣдная мама и сестры умрутъ съ голоду?...

«Вотъ какъ все это вышло. Я писала вамъ, что я нашла себѣ уроки, которые совсѣмъ меня обезпечивали. Я хорошо устроилась, нашла себѣ маленькую, уютную комнату. Въ ней много свѣта и всѣ окна выходятъ въ прелестный садъ. Ахъ, въ немъ такъ хорошо, такъ хорошо! Себя я чувствовала спокойно и даже немного гордилась, что трудомъ зарабатываю средства. Тревожила меня только судьба мамы и сестеръ, которыя все не ѣхали, проживали за границею послѣдній грошъ,—бѣдная мама лежала въ постели. Когда у нихъ вышли всѣ деньги, она написала мнѣ пойти къ Анчарову и попросить у него денегъ,— вѣдь, она бѣдная, помнила и знала только одно, что онъ нашъ старый пріятель. О, чего мнѣ стоило пойти къ нему! Я точно предчувствовала все, что вышло изъ этого визита. Я много плакала, прежде чѣмъ пошла, но онъ встрѣтилъ меня по-родственному и даже пожурилъ, что я не заглянула къ нему раньше. «Я бы и самъ, конечно, навѣстилъ васъ,—сказалъ онъ,—но думалъ, что вы на меня сердитесь, хотя я ни въ чемъ, ни въ чемъ не виноватъ. Покойный самъ подготовилъ себѣ все своею непрактичностью!» На другой же день онъ навѣстилъ меня, просидѣлъ долго, почти весь вечеръ, и опять держалъ себя мило, тепло, по-родственному. Онъ любовался и моею комнаткой, и моею черемухой, и канарейкой, все распрашивалъ о мамѣ и сестрахъ; я даже ему письма ихъ давала читать. Черезъ день онъ опять пріѣхалъ и сталъ ѣздить каждый вечеръ. Мы и гуляли съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и читали, и перебирали прошлое. Конечно, будь я опыт-

мнѣ, не будь я такъ глупа, я бы поняла его и его визиты, поняла бы его тонъ, его взгляды, но тогда я ничего не понимала. Иногда меня брало какое-то раздумье, но я такъ была увѣрена, что онъ только жалѣетъ меня и нашу семью, что въ немъ говоритъ только старая пріязнь. Ахъ, какъ я была глупа! Иногда его посѣщенія были мнѣ тяжелы, мнѣ хотѣлось быть одной, но я сейчасъ же пересиливала себя и упрекала въ неблагодарности. Такъ тянулось до вчерашняго вечера, до этого ужаснаго вечера. Нѣтъ, я не могу... мнѣ нужно отдохнуть.

«Я провалялась цѣлый часъ въ какомъ-то отупѣніи, въ тупыхъ, но тяжелыхъ слезахъ, а нужно спѣшить, нужно кончать, а не то онъ пріѣдетъ за мной. Да, за мной, слышите? Онъ купилъ мое тѣло, ну, и долженъ застать только одно тѣло. Ахъ, зачѣмъ все это именно такъ вышло?... Вѣдь, я еще хочу, хочу и хочу жить! Бѣдная мама, бѣдныя сестры! Я только для васъ все это сдѣлала, но вы не должны этого знать, никогда, никогда!

«Мы гуляли съ нимъ вчера у рѣки, надъ обрывомъ,—помните?—вамъ еще такъ нравилось это мѣсто. Рѣка тихо катилась, плавно, спокойно, и волны такъ нѣжно шумѣли и плескались о скалы, что ухо чуть ловило эти звуки. Дубы стояли тихо и угрюмо, какъ заколдованные рыцари въ сказкахъ, а съ неба въ рѣку глядѣли звѣзды и качались на волнахъ. И вдругъ затрещалъ соловей, но такъ затрещалъ, что я, кажется, никогда не слышала такого пѣнія. Я стояла, какъ околдованная, и сама готова была, Богъ знаетъ отчего, заплакать. И тутъ вдругъ Анчаровъ бросился ко мнѣ, бросился...

«Онъ цѣловалъ мои ноги, мое платье, ловилъ мои руки, клялся и признавался въ своей страсти. Сначала я ничего не понимала, я испугалась и дрожала отъ испуга, но пришла въ себя, когда онъ заговорилъ о мамѣ. Онъ обѣщалъ ее осыпать золотомъ, дать ей возможность лечиться, кончить жизнь въ довольствѣ и убѣждалъ меня принести эту жертву для семьи, для больной старухи-матери. Онъ говорилъ, что уѣдетъ со мной за границу, гдѣ никто не упрекнетъ меня за нашу связь; говорилъ, что страдаетъ съ своею женой, которую онъ не любитъ. И все говорилъ о мамѣ, о сестрахъ, объ ихъ нуждѣ,—о, Боже мой, Боже мой! Я слушала, какъ каменная, но дрожала съ ногъ до головы, какъ человѣкъ больной лихорадкой. Я не могла произнести ни звука и стояла неподвижно, пока онъ схватился за бумажникъ. «Берите, берите,—лихорадочно произнесъ онъ,—

берите!... Сколько нужно? Десять тысячъ? Пятнадцать? Двадцать? Двадцать пять?...» Тогда я вскрикнула, или зарыдала, не помню, и побѣжала, сломя голову. Но дома я одумалась, я пришла въ себя. Глубокая обида, страшная боль давили меня, но предо мною стояла больная мама и бѣдныя сестры. Боже мой, какія онѣ всѣ бѣдныя! Я все думала и плакала, плакала и думала! И я надумала, я все надумала. Утромъ я послала къ нему записку: «Пришлите немедленно двадцать пять тысячъ и пріѣзжайте вечеромъ». Цифру я написала машинально; это было послѣднее слово, которое онъ прокричалъ, и оно стояло въ моихъ ушахъ. Деньги лежали уже предо мною черезъ часъ и я снесла ихъ въ банкъ и перевела на васъ. Отдайте ихъ мамѣ!

«Когда онъ пріѣдетъ, револьверъ сдѣлаетъ свое дѣло; онъ застанетъ только мое тѣло и пусть назоветъ меня воровкой. Мнѣ все равно. А вы?... Видите, я опять плачу.

«Но плакать долго нельзя. Скоро загремитъ его карета въ нашемъ молчаливомъ переулкѣ, а письмо нужно послать. Боже мой, какъ тяжело умирать! Черемуха такъ и тянется ко мнѣ, вмѣстѣ съ розовыми лучами близкаго заката. Моя канарейка все скачетъ. Всѣ, всѣ могутъ и будутъ жить, а я нѣтъ. Почему, за что? Что я сдѣлала?... Я—воровка!... Ой, нѣтъ, развѣ жизнь человѣческая не стоитъ двадцати пяти тысячъ?

«Прощайте всѣ, всѣ. И ты, розовое солнце, и ты, бѣлая черемуха, и ты, моя канарейка, и мама, и сестры, и зеленое поле, и рѣка, и дубы, и все, все... И люди прощайте, прощайте, добрые люди!... Я всѣхъ, всѣхъ люблю, всѣмъ и всему говорю прощай, любя!...

«И вы прощайте, мой дорогой и хорошій другъ! Прощайте и простите! Поцѣлуйте маму и сестеръ... Прощайте, а не то я совсѣмъ расхнычусь. Я сейчасъ запечатаю и отправлю съ своею доброю Матреной. То-то бѣдная испугается, когда вернется! Вѣдь, тогда ея «солнышко-барышня» будетъ лежать бездыханная. Прощайте и простите «вашу егозу черноглазую»!

«Женя Марковичъ».

«Нѣтъ, я не могу, не могу, не могу!...»

Но она смогла. Вслѣдъ за этимъ письмомъ я прочелъ въ газетѣ слѣдующее:

«У насъ опять самоубійство. Застрѣлилась изъ револьвера дѣвица Евгенія Марковичъ, дочь прогорѣвшаго на неудачныхъ спекуляціяхъ богатаго помѣщика, 18-ти лѣтъ. Покойная оста-

вила только краткую записку къ роднымъ, въ которой заявляла, что ей надоѣло жить. Выстрѣлъ былъ направленъ прямо въ сердце, изъ чего можно заключить, что смерть была моментальная. Покойная блистала красотой» и т. д., и т. д.

X.

Марковичи вернулись изъ-за границы, но я ихъ не видалъ; для этого не хватало у меня ни силъ, ни воли. Съ чѣмъ пришелъ бы я къ нимъ, я, свидѣтель живой драмы, я, одинъ, одинъ изъ всѣхъ, кромъ Анчарова, конечно, знавшій роковую тайну, свято хранить которую обязанъ былъ уже потому одному, что раскрытіе ея не принесло бы съ собой ничего, кромѣ горя, еще бо́льшаго горя? Старуха-мать, изможденная болѣзнью, добитая самоубійствомъ мужа и дочери, еле-еле дотягивала свои послѣдніе дни, а молодежь, сестры?... Зачѣмъ было бередить имъ воспоминаніями ихъ затягивающуюся силами молодости больную рану? Заботы о нихъ я поручилъ хорошему другу, кстати и далекому родственнику ихъ, который купилъ имъ небольшой домикъ въ N.,—старуха непремѣнно хотѣла остаться тамъ, поближе къ дорогимъ могиламъ,—а остальныя *Женины* деньги положилъ въ банкъ, на проценты съ которыхъ семья и перебивалась. Къ тому же, дочери давали уроки, шили, одна занималась въ торговой конторѣ, такъ что вообще, сравнительно, конечно, жили безбѣдно. Съ Анчаровымъ они никогда не встрѣчались; его участіе въ злой судьбѣ ихъ стало хорошо имъ извѣстно.

Дѣла задерживали меня въ столицѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ ни разу не пришлось побывать въ N. Когда я попалъ туда, наконецъ, я отыскалъ и улицу, и крошечный деревянный домишко, гдѣ ютилась дорогая мнѣ семья, но войти къ ней все не рѣшался. Такой ужь нравъ у меня, таковы мои нервы. Долго бродилъ я по грязному тротуару, долго взглядывалъ на окна, на двери, сто разъ рѣшался и, все-таки, не рѣшился. Промучившись, уставъ, проклявъ свою нервность, свою робкую нерѣшительность, я какъ-то вдругъ сразу повернулся и машинально пошелъ внизъ, за городъ, только смутно сознавая, что иду къ кладбищу.

Сторожъ у калитки сказалъ мнѣ, гдѣ найти могилу Жени; она была похоронена рядомъ съ отцомъ. Машинально вошелъ на погостъ и такъ же машинально двинулся по густой кладбищенской

аллеѣ. На дворѣ стояла осень и желтый, мертвый листъ усыпалъ дорожки, простые могильные бугры, дорогіе памятники, высокіе и малые кресты. Мягко шуршалъ этотъ листъ подъ моими ногами, и этотъ мягкій шорохъ какъ-то особенно хорошо, какъ-то грустно хорошо гармонировалъ и съ моимъ настроеніемъ, и съ сѣрымъ осеннимъ небомъ, и съ этою тихою, грустною аллеей плакучихъ березъ, липъ и каштановъ. Тихо все было, неподвижно, безмолвно, только ворона каркнула, пролетѣвъ гдѣ-то, а въ душу заползало то особое чувство покоя, холоднаго, безстрастнаго покоя, безучастія, равнодушія къ себѣ, къ своему «я», которое нагоняется такъ часто на нервныхъ людей безмолвнымъ, грустнымъ видомъ кладбища. Ничего какъ-то не чувствуется тогда, ничего не выдѣляется, все какъ-то тупо, тупо—и покойно.

Я думалъ о могилѣ, которая была тамъ, внизу, за поворотомъ, подъ густою кущей деревьевъ. Я зналъ, какой памятникъ поставленъ на ней,—колонка, увитая гирляндой; въ мысли онъ рисовался мнѣ пустыннымъ, одинокимъ, усыпаннымъ желтымъ листомъ, обвитымъ густыми, полуобнаженными вѣтвями. Я сорвалъ нѣсколько стеблей еще зеленой травы, чтобы бросить на этотъ желтый листъ, и шелъ все впередъ, ничего не видя, не разглядывая. Машинально повернулъ я и остановился, какъ вкопанный.

Могила была не одинока, не пустынна. Ее осыпалъ желтый листъ, ее обвивали черныя вѣтви, но на плитѣ у подножія колонки сидѣла живая, человѣческая фигура. Въ глубокой задумчивости, уткнувшись лбомъ въ ладонь согнутой, упертой въ колѣно руки, сидѣлъ кто-то, тоже ничего не видя и не слыша. Шляпа валялась у его ногъ и букетъ живыхъ цвѣтовъ выдѣлялся яркимъ, почти рѣжущимъ пятномъ на грустной желтизнѣ опавшихъ листьевъ. Кто это?

Разбуженный, встревоженный моимъ шагомъ, онъ поднялъ голову: Анчаровъ!

Да, это сидѣлъ онъ, одинъ, подъ этимъ сѣрымъ вечернимъ небомъ, среди этой кущи сплетенныхъ, полуобнаженныхъ вѣтвей, на этой бѣлой плитѣ, придавившей собою когда-то живаго человѣка. Сразу онъ не узналъ меня; его глаза были мутны, онъ всматривался въ меня подозрительно, недружелюбно, зло, какъ всматривается всегда человѣкъ, неожиданно и грубо потревоженный въ своихъ личныхъ, интимныхъ ощущеніяхъ. Но узнавъ, онъ вздрогнулъ,—вздрогнулъ и побѣлѣлъ, какъ его носовой платокъ.

Мы точно спорить сошлись за эту могилу, за это тихое, грустное мѣсто. Этого я не ждалъ. Признаюсь, я почувствовалъ себя неловко, я покраснѣлъ, какъ всегда при чужой драмѣ. Мнѣ было какъ-то и досадно, и больно, и обидно, что я такъ съ разбѣга ворвался въ чужую душу, въ ея міръ, въ ея интимность. Я чуть не сказалъ: «извините!» и хотѣлъ повернуться, но онъ предупредилъ меня. Молча, не говоря ни слова, не кивнувъ мнѣ даже головой, съ какимъ-то дѣланнымъ спокойствіемъ, дѣланнымъ равнодушіемъ, онъ всталъ, поднялъ шляпу и, не глядя на меня, повернулся идти.

Мнѣ стало еще болѣе неловко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то особенное чувство овладѣло мной. Право, не знаю, что̀ именно такое, какъ характеризовать это ощущеніе, но мнѣ какъ-то жутко было отпустить его *такъ*, молча, безъ слова, безъ... я не скажу ласки, не скажу теплоты, но вообще *такъ*. Извиниться, что ли, хотѣлось мнѣ, что я его потревожилъ, или уступить мѣсто и уйти, право не знаю что̀, но я подошелъ къ нему и взялъ его руку. Онъ не протягивалъ ее.

— Михайло Ивановичъ! Послушайте...—началъ я, самъ не зная что и зачѣмъ.

— Что вамъ угодно?

Онъ спросилъ это ледянымъ тономъ, глаза его уставились на меня въ упоръ и дышали невѣроятною злобой, въ губахъ сквозила не то насмѣшка, не то презрѣніе.

— Я уйду, если хотите?

Онъ недоумѣвающе, но дѣланно пожалъ плечами:

— Какъ вамъ угодно.

Мнѣ слѣдовало, конечно, или уйти, или замолчать и остаться, но я даже растерялся. Сбитый съ толку, растерянный, почти машинально, я спросилъ о семьѣ Марковичей.

— Какъ живетъ семья?... Я, знаете, не могу ихъ видѣть. Я ихъ не вижу! — говорилъ я, путаясь, волнуясь, все больше конфузясь и теряясь.

Онъ повелъ плечами.

— Я ихъ тоже не вижу!

И, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повернувшись ко мнѣ блѣднымъ, съ ядовито и зло глядѣвшими глазами лицомъ, какъ бы глумясь надо мной и кичась своею черствостью, онъ послалъ мнѣ въ догонку, потому что я тоже повернулся идти, съ какимъ-то холоднымъ, дѣланнымъ смѣхомъ въ тонѣ:

— Я, вѣдь, только *ее* любилъ, одну *ее*! Ни до кого больше мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла!

. . . . . .

Но поздно вечеромъ того же дня мнѣ вручилъ большой пакетъ банковый артельщикъ, которому поручено было разыскать меня въ гостиницахъ города. Въ пакетѣ была записка всего въ два слова: *для семьи*, а при ней семьдесятъ пять тысячъ банковыми билетами.

Виноватъ, въ запискѣ подъ двумя приведенными словами стояло еще подчеркнутое: *отъ NN.*

XI.

Анчаровъ, конечно, какъ и прежде, былъ «душой», «звѣздой», «оракуломъ», чѣмъ хотите. Крайне отзывчивый на всякія «вѣянія» и «настроенія», согласно новому духу времени, новому кодексу понятій, онъ слылъ уже, понятно, не «титаномъ», не «дѣльцомъ» даже, а «трезвеннымъ, свѣдущимъ» человѣкомъ. Банки его были переуступлены, «предпріятія» ликвидированы, блестящіе «планы» переданы въ другія ловкія руки, а самъ онъ, «послуживъ дѣлу промышленности и оживленію края», съ спокойною совѣстью опочилъ на лаврахъ «предводительства» въ уѣздѣ, добрая часть котораго составляла теперь его неотъемлемую, благопріобрѣтенную собственность. Естественно, онъ воевалъ теперь съ «этимъ земствомъ», съ этимъ «корнемъ зла», какъ выразительно называлъ онъ его, расточая все, что только можно было расточать на головы немногочисленной, но стойко державшейся кучки дѣйствительно земскихъ людей, стоявшихъ за земскіе интересы,— «ну, не сумазброды ли это, не фантазеры ли, не вредные ли люди?»—отрицалъ «эти г-л-а-с-н-ы-е,—Боже, сколько презрѣнія было въ этомъ!—«гласные» суды, чуждые и народному духу, и его традиціямъ». «Помилуйте, вѣдь, это смѣхъ одинъ! Мошенники остаются безнаказанными!»—и прессу, эту «ужасную» прессу, которая «подрывала и святость семейнаго очага, и понятіе о благопріобрѣтенномъ». И все это говорилось, конечно, только во имя «отечества», во имя интересовъ «нашего простаго, добраго, сѣраго мужичка», которому нужна только «добрая ложка каши» и ведерко-другое ржанаго «излюбленнаго квасу»... Только!

И Марья Львовна, прелестная Марья Львовна, смѣшавшая нѣкогда прогрессъ съ ажіотажемъ, а нынѣ ажіотажъ съ «трез-

веннымъ дѣломъ», осталась все прежнею прелестною Марьей Львовной съ удивительными ножками,—ахъ, эти ножки!—и плечами, теперь, впрочемъ, всегда покрытыми густымъ, но довольно прозрачнымъ тюлемъ. Она блюла уже строго посты, пожимала своими удивительными плечами на «этихъ стриженыхъ», — о, всему причиной эти курсы, это всѣмъ извѣстно!—и писала въ «трезвенной» газетѣ страстные, полные огня, фельетоны, въ которыхъ распиналась за «священныя обязанности матери»,—Боже, какъ она несчастна, какъ глубоко несчастна, что у нея самой нѣтъ такого кругленькаго, упитаннаго,—ахъ! такого краснощекаго бэбэ. Она гдѣ-то «предлагала свои услуги», даже служила и всѣхъ призывала остепениться, одуматься, бросить, наконецъ, это «глупое подражаніе Европѣ». «Посмотрите! Наши добрые, вѣрные мужички: они всѣмъ довольны, никогда не ропщутъ,—кричала она всѣмъ и каждому и сейчасъ же добавляла:—блаженны кротцыи!»

Когда я поѣхалъ въ N., меня сильно просили добрые знакомые выхлопотать въ земствѣ стипендію для одного бѣднаго, безроднаго юноши, только что кончившаго гимназію и не имѣвшаго никакихъ средствъ поступить въ университетъ. Какъ ни увѣрялъ я, что не имѣю ни малѣйшихъ шансовъ добиться успѣха, что въ N. у меня нѣтъ никакихъ связей, ко мнѣ приставали такъ сильно, что, волей-неволей, я далъ слово похлопотать и сдѣлать все возможное. Все зависѣло, главнымъ образомъ, отъ Анчарова и потому, естественно, я пошелъ къ Марьѣ Львовнѣ.

Она забросала меня восклицаніями, какъ всегда, перебивала, увѣряла, что пора «одуматься», но когда выговорилась, стала слушать спокойно. Вѣроятно, утомившись, она даже пообѣщала сама упросить Анчарова и, несомнѣнно, успѣла бы въ этомъ, не принеси его нелегкая какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я только что собрался уходить.

— Сама судьба, сама судьба! — закричала Марья Львовна, бросаясь къ нему на встрѣчу и быстро, какъ всегда, скороговоркой передавая ему мою просьбу.—Вы сдѣлаете, да, вы сдѣлаете?—приставала она съ томною граціей молодой институтки.

Анчаровъ только что разглядѣлъ меня и еле успѣлъ спрятать выразительно-недовольную гримасу. Его видъ былъ спокойно-важенъ; борода съ просѣдью, которую онъ носилъ теперь, придавала ему много величія и сановитости. Кивнувъ мнѣ глазами, такими же бѣгающими, живыми глазами, какъ и прежде, онъ

спокойно и важно остановился, положилъ на столъ свою фуражку съ краснымъ околышемъ, подумалъ и спокойно-важнымъ, размѣреннымъ тономъ отрѣзалъ:

— Никогда-съ!

— Почему?—невольно вырвалось у меня.

— Таковъ мой принципъ. Коли не попъ, не суйся въ ризы!... Нѣтъ у него средствъ—незачѣмъ и въ университетъ!—такъ же спокойно, наставительно продолжалъ Анчаровъ.

— То-есть какъ это? — пожалъ я плечами. — Бѣдняки не должны учиться?

— Въ университетѣ — да! Совершенно вѣрно-съ, не должны!— подхватилъ онъ.— Довольно съ насъ ученыхъ пролетаріевъ, этихъ разныхъ «истовъ»,—очень довольно-съ! Будетъ-съ!

— Пусть идутъ въ ремесла, какъ за границей, напримѣръ,— подхватила Марья Львовна,—разныя профессіи изучаютъ... Помилуйте, у насъ даже лакеевъ нѣтъ хорошихъ, нянекъ, поваровъ, садовниковъ, мэтръ-д'отелей!

Я невольно расхохотался.

— Однако, еще очень недавно вы утверждали совсѣмъ иное... теперь отрицать начали.

— Да, да, да и да! — какъ-то странно подхватилъ Анчаровъ.—Все теперь отрицаемъ-съ! Въ этомъ, батенька, весь такъ называемый raison d'état, весь смыслъ исторіи... Сначала утверждать, потомъ отрицать...

— А потомъ? — Меня заинтересовала эта своеобразная философія.

— А потомъ,— съ апломбомъ, ни мало не смущаясь, продолжалъ Анчаровъ, — потомъ истина-съ и ляжетъ въ свой моментъ по серединѣ! Понимаете? Въ *свой* моментъ! Но не раньше, не раньше-съ!

— Какой умъ, какой государственный умъ!—захлебывалась мнѣ въ ухо Марья Львовна.—Ахъ, еслибъ его планы были приняты! Ахъ!...

— Это выходитъ нѣчто вродѣ терминовъ: сначала тезисъ, потомъ антитезисъ и, наконецъ, синтезъ. Такъ?

Анчаровъ пропустилъ мимо ушей мой шутливый тонъ.

— Такъ, такъ, такъ... Именно-съ! Это прелестная аналогія... Да, вѣдь, жизнь имѣетъ даже свою логику! Сначала синтезъ, потомъ антитеза... или то бишь... ахъ, я совсѣмъ сбился!... Ну, да все равно, вы понимаете...

. . . . . .

Немного спустя, я встрѣтилъ его недалеко отъ одного изъ департаментовъ. Онъ весь сіялъ и весело протянулъ мнѣ свои руки, точно другу. Въ моменты глубокаго счастья, какъ извѣстно, забывается все горькое, злое и обидное.

— Можно думать, что вы выиграли двѣсти тысячъ, право!

— Больше-съ, больше!— отвѣтилъ онъ, сіяя.—Я получилъ, наконецъ, назначеніе, котораго давно...

— Вотъ что!—Мнѣ стало какъ-то жутко.

— Да-съ!—отвѣтилъ онъ, потирая руки и зорко пронизывая меня взглядомъ.—Пора непосредственно воздѣйствовать на жизнь! Пора отъ словъ перейти къ дѣлу-съ! Да-съ!... Человѣкъ, у котораго есть свой планъ... вы понимаете?

Я, конечно, понялъ.

Григорій Мачтетъ.

СТАРЫЯ ПИСЬМА*).

(Vermächtniss).

Романъ Эрнста Экштейна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава VIII.

Былъ канунъ новаго года. Около шести часовъ вечера Эмма Лерснеръ въ сопровожденіи Преле вышла изъ дому.

Когда они достигли улицы Фабриція, ихъ обогналъ небольшой, коренастый мужчина, вышедшій отъ закладчика Шульца. Онъ поражалъ своими большими рыжими усами. Мужчина этотъ былъ Эфраимъ Пельцеръ, извѣстный «агентъ». Когда онъ, обгоняя, заглянулъ имъ въ лица (онъ зналъ всѣхъ обитателей 17 номера въ Пескахъ такъ же хорошо, какъ старыхъ школьныхъ товарищей), то имъ овладѣло смутное безпокойство, ощущаемое преступникомъ, когда онъ видитъ, что враги окружаютъ то мѣсто, гдѣ скрыта его тайна. Что имъ обоимъ здѣсь нужно? Такимъ образомъ, онъ слѣдовалъ за ними, повинуясь скорѣе инстинкту, чѣмъ сознательному плану.

Они достигли самой населенной части города. Было уже половина девятаго. Великолѣпная погода,—небольшой морозъ безъ малѣйшаго вѣтерка,—вызвала массу народа на улицы, такъ какъ до встрѣчи новаго года оставалось еще много времени.

Эмма, не произнося ни слова, безостановочно шла впередъ. Преле съ сокрушеннымъ сердцемъ слѣдовалъ за ней, не замѣчая дороги. Эмма на много опередила его.

— Куда вы идете?—спросилъ онъ, останавливаясь.

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

— Идите—или отправляйтесь домой! Какъ хотите.

И Преле снова послѣдовалъ за нею, покачивая головой и вздыхая объ отвѣтственности, принятой имъ на себя.

Толпа становилась все гуще. Они находились теперь въ рабочемъ кварталѣ такъ называемаго Іоганнисштадта. Передъ дверьми одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ пивныхъ стояла, горячо разсуждая, толпа молодыхъ рабочихъ подъ руку съ дѣвушками.

Толпа была раздражена. Она направлялась въ танцовальную залу и вдругъ узнала, что музыка и танцы неожиданно запрещены, такъ какъ въ семействѣ одного высокопоставленнаго лица, квартира котораго соприкасалась съ помѣщеніемъ гостиницы, была тяжело больная.

— Намъ какое дѣло до этого?—раздавались дикіе крики.— Если старуха не можетъ слышать, то пусть убирается! Мы можемъ страдать и умирать, до этого никому нѣтъ дѣла! Это стыдъ и позоръ! Полиція притѣсняетъ насъ! Она не успокоится, пока не раздавитъ насъ, раздавитъ, какъ собакъ!

При видѣ этой шумной толпы Эмма почувствовала какъ бы внезапное опьяненіе. Прежде чѣмъ Преле что-либо сообразилъ, она стояла уже среди недовольныхъ.

— Ну, этой что еще надо?—спросила одна изъ дѣвушекъ.

— Эта, повидимому, одна изъ... Боже мой, какъ она вертитъ глазами! Можетъ быть, это родственница старухи! Довольно дерзка, какъ видно! Теперь она побѣжитъ и призоветъ полицію!

Въ то время, какъ работницы, бывшія всѣ почти съ непокрытыми головами и въ бѣдныхъ платьяхъ, при видѣ хорошенькой фигуры Эммы кричали такъ скорѣе изъ зависти, чѣмъ по дѣйствительному убѣжденію, какой-то человѣкъ съ длинными растрепанными волосами остановился передъ молодою дѣвушкой и коротко спросилъ ее, чего она ищетъ здѣсь и что значитъ, что она, ни съ того, ни съ сего, ворвалась въ ихъ кругъ.

— Чего я здѣсь ищу?—воскликнула Эмма такъ отчетливо и громко, что слова ея далеко разнеслись по воздуху.—Васъ я ищу, васъ всѣхъ безъ исключенія! Говорите, къ какой партіи принадлежите вы?

— Ага!—вскричали работницы.—Она хочетъ предать насъ! Гоните ее къ чорту, эту хитрячку!

— Молчите!—приказала она.—Вы говорите, какъ безумные! Да, стойте и удивляйтесь: я докажу вамъ это! Извѣстно вамъ имя Отто Вельнера?

— Вельнеръ?—повторилъ тотъ же рабочій.—Отто Вельнеръ, ранившій совѣтника? Онъ изъ нашихъ! Но лучше бы онъ не дѣлалъ этого, такъ какъ намъ онъ не помогъ, а себѣ повредилъ. Но онъ хорошій малый! Что же съ нимъ?

— Ну, Отто Вельнеръ сегодня осужденъ!

— Осужденъ?— повторила толпа въ одинъ голосъ. — Ого! Быстро!

— Страшно быстро! — вскричала Эмма. — Онъ осужденъ и будетъ казненъ до наступленія новаго года!

— Глупости!—крикнулъ старый рабочій, подошедшій въ это время съ двумя другими. — Это не можетъ быть такъ скоро! Приговоръ долженъ еще быть утвержденъ.

— Но клянусь жизнью!—воскликнула Эмма, простирая руки.—Что знаете вы объ этомъ? По справедливости и закону, дѣйствительно, это не могло бы быть. Но здѣсь нѣтъ справедливости и закона. И развѣ бы я такъ отчаявалась, если бы я лгала? Вы должны спасти его, пока еще не поздно!

Толпа, собравшаяся вокругъ молодой дѣвушки, увеличивалась съ каждою минутой.

— Фрейленъ Эмма,—бормоталъ Преле,—подумайте, что вы дѣлаете?

— Замолчи, негодяй!—крикнулъ какой-то бочаръ.—Эта дѣвушка права, трусъ, глупый верблюдъ! Да здравствуетъ Отто Вельнеръ! Ура, ура!

Толпа подхватила этотъ крикъ. Чѣмъ тѣснѣе становилась все увеличивающаяся толпа, тѣмъ болѣе усиливалось воодушевленіе каждаго отдѣльнаго лица.

Вновь приходящіе на половину понимали, въ чемъ дѣло, но они слышали брань бочара и вторящихъ ему рабочихъ, восторженные крики толпы, и примыкали къ движенію.

Два полицейскіе, съ трудомъ пробивающіе себѣ дорогу сквозь толпу, очевидно, предугадывали, чѣмъ это должно кончиться.

— Проходите! проходите! — кричали блюстители порядка, сначала вѣжливо, но мало-по-малу раздражаясь безуспѣшностью своихъ усилій.

Насмѣшливый хохотъ и дерзкія слова въ рядахъ народной массы были отвѣтомъ.

Это увеличило раздраженіе полицейскихъ.

— Вы арестованы!—сказалъ первый, опуская руку на плечо одного изъ рабочихъ.

— Я?—спросилъ тотъ, вынимая изо рта трубку.—За что? Я спокойно стою здѣсь.

— Слѣдуйте за мною!—прервалъ его полицейскій.

Его товарищъ подхватилъ арестованнаго подъ другую руку.

— Выпустите меня!—кричалъ рабочій.—Всѣ стоящіе здѣсь свидѣтели, что я только что пришелъ.

— Конечно!—крикнули многіе вызывающимъ тономъ.

— Все равно! Вы пойдете съ нами!

Арестованный сопротивлялся.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ бочаръ, едва протолкавшійся къ мѣсту происшествія.—Это еще что такое? Что, вамъ недостаточно Вельнера? Такъ одного за другимъ! Теперь баста! Знаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ вотъ что!

Съ этими словами онъ схватилъ стоявшаго ближе полицейскаго за шиворотъ и встряхнулъ его такъ, что шапка слетѣла съ его головы. Въ одну секунду полицейскіе были обезоружены.

— На здоровье! — приговаривалъ бочаръ. — А теперь убирайтесь... Но говорю вамъ, если вы не освободите Вельнера... Сію же секунту освободите его! А почему? Потому что это рѣшеніе народа! Оно должно быть исполнено! На то мы бочары!

Эти слова были сигналомъ ко всеобщему гвалту.

— Мы хотимъ отворить его тюрьму! — кричалъ бочаръ. — Вонъ та дѣвушка сказала. Она смѣлая дѣвушка, очень смѣлая. Она должна знать это. Идите, ребята! Сегодня канунъ новаго года! Впередъ! Мы освободимъ Вельнера!

Во время этой шумной сцены Эмма не произнесла ни слова. Она испугалась дикаго бѣгства съ крикомъ и свистомъ толпы, устремившейся внизъ по улицѣ. Но потомъ сердце ея забилось при мысли объ Отто, и какъ ни была она утомлена, она послѣдовала влеченію массы.

При выходѣ изъ верхней улицы Павла толпа наткнулась человѣкъ на двадцать полицейскихъ, высланныхъ сюда начальствомъ по телеграфному требованію. Они не могли противустоять натиску народной массы. Три или четыре рабочихъ были ранены въ схваткѣ, но не опасно. Это подлило масла въ огонь.

— Они убиваютъ насъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ и толпа съ удвоенною силой устремилась впередъ.

— Долой полицеймейстера!—раздавалось отовсюду.—Высы-

лай къ намъ твоихъ мальчишекъ! Мы ужь зададимъ имъ. Долой полицеймейстера! Поздравляемъ Вельнера! Поздравляемъ Вельнера съ новымъ годомъ! Да здравствуетъ Вельнеръ! Ура, ура!

Такъ, или почти такъ, кричала толпа и все болѣе дикимъ и разъяреннымъ становился ея ревъ, такъ какъ въ полицейскомъ домѣ не было и признаковъ какого-либо движенія.

Самые смѣлые протолкались впередъ; два или три начали ломиться въ дверь, кто-то поднялъ съ мостовой камень и бросилъ его въ освѣщенное окно нижняго этажа, такъ что стекла разлетѣлись въ дребезги.

Вдругъ въ толпѣ раздался громкій голосъ:

— Отъ стараго города приближается войско!

Внезапная тишина послѣдовала за этимъ возгласомъ. Эмма, дрожа, схватилась за руку Преле.

— Ну, что? — крикнулъ бочаръ.— Солдаты за насъ. На то они и сыны отечества! Я знаю это. Я самъ служилъ. Я тоже сынъ отечества!

— Не болтай глупостей!—остановилъ его другой.— Если войско идетъ, то благоразумнѣе было бы намъ убраться.

— Глупости!—отвѣтилъ бочаръ.—Я лучше знаю. Солдаты... это по моей части! Не безпокойтесь! Я ужь устрою. Я скажу маленькую рѣчь, оттуда сверху. Вотъ вы увидите, какъ они будутъ повиноваться!

По прошествіи трехъ минутъ раздались равномѣрные шаги отряда, приближающагося къ площади. Во главѣ его ѣхалъ поручикъ. Его блестящая шпага какъ бы нетерпѣливо сверкала при свѣтѣ фонарей. Толпа невольно отступила назадъ.

Достигнувъ середины площади, отрядъ остановился. Офицеръ выѣхалъ впередъ мелкимъ галопомъ.

— Это лейтенантъ фонъ-Клерво,—сказалъ Преле Эммѣ.

Твердымъ, далеко разнесшимся голосомъ лейтенантъ отдалъ приказаніе: немедленно разойтись, въ противномъ же случаѣ онъ очиститъ площадь штыками. Мятежники еще на нѣсколько шаговъ отступили назадъ; затѣмъ остановились, въ рядахъ поднялся страшный крикъ, свистъ и брань.

Офицеръ повторилъ приказаніе, но шумъ заглушилъ его голосъ.

Секунду онъ колебался, потомъ повернулъ назадъ, коротко скомандовалъ что-то и отрядъ двинулся впередъ.

Теперь, при приближеніи сверкающихъ штыковъ, толпа обра-

тилась въ бѣгство. Съ криками и проклятіями разсыпалась она въ разныя стороны. Только немногіе имѣли серьезное намѣреніе сопротивляться. Въ полчаса вся площадь была какъ бы выметена.

— Батальонъ, стой!—скомандовалъ лейтенантъ фонъ-Клерво, потомъ онъ обратился къ молодому подпоручику, командовавшему батальономъ, и съ улыбкой покручивая усы, сказалъ:— Видите, я былъ правъ. Битва окончилась безъ кровопролитія, какъ та, извѣстная въ древности... вамъ, съ вашею начитанностью, лучше знать, чѣмъ мнѣ, гдѣ и когда она происходила.

Отрядъ раздѣлился на три части, и каждая изъ нихъ направилась по одной изъ трехъ главныхъ улицъ.

И Эмма, не двигавшаяся до послѣдней минуты и, если бы это отъ нея зависѣло, такъ и оставшаяся бы стоять подобно статуѣ, благодаря Преле, чуть не несшему ее на рукахъ, очутилась въ толпѣ бѣглецовъ.

— Я говорю,—не переставалъ ворчать Преле,—что все это глупости, ужасныя, страшныя глупости! Ахъ, фрейленъ, что-то будетъ, что-то будетъ! Если откроется, что это вы, а это должно открыться...

Вдругъ бѣгство пріостановилось. Отрядъ полицейскихъ, между которыми были и тѣ два, съ которыми такъ грубо обошелся бочаръ, бросился на встрѣчу толпѣ, чтобы схватить наиболѣе опасныхъ и отвести подъ стражу. Послѣдовало семь или восемь арестовъ. Полицейскимъ было свыше приказано дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и употребить свою власть только надъ зачинщиками, несомнѣнно виновными.

Преле хотѣлъ тихо и незамѣтно пробраться мимо полицейскихъ. Вдругъ чья-то рука опустилась на его плечо.

— Вотъ они!—воскликнулъ полицейскій, схватившій его.— Онъ и его дерзкая сообщница.

— Слава Богу!—крикнулъ другой.

Преле поблѣднѣлъ. Нѣсколько любопытныхъ окружили на почтительномъ разстояніи эту странную сцену, такъ какъ дѣйствительно контрастъ между наружностью Эммы и оскорбительными словами полицейскаго былъ поразителенъ.

— Что это значитъ?—вскричалъ Преле, наконецъ, приходя въ себя.

— Вы еще спрашиваете? Впередъ! И вы впереди всѣхъ,—вы, притворщица, лицемѣрка! Дѣлаетъ еще такое лицо, какъ будто

она и воды не замутитъ, а сама затѣяла весь этотъ скандалъ!... Молчите! Мнѣ кажется, мы уже знакомы съ вами, — обратился онъ къ Преле. — Недавно еще я сажалъ васъ подъ арестъ: это было въ Сѣверной улицѣ, гдѣ вы устроили скандалъ у церкви Ядвиги. Что, вы еще лжете? Ваше имя Преле, а эту дѣвушку зовутъ Лерснеръ... Не правда ли? Или какъ вы сказали, г. агентъ?

Съ послѣднимъ вопросомъ онъ обратился къ своему спутнику.

— Лерснеръ, совершенно вѣрно,—повторилъ тотъ. — Это и такъ извѣстно, и другіе подтвердили это. Впередъ, мамзель! Ужь вамъ покажутъ.

— Не держите меня,—сказала Эмма съ страшнымъ спокойствіемъ. — Я пойду сама, если это нужно. Но этотъ человѣкъ невиненъ въ томъ, что произошло. Онъ отсовѣтывалъ мнѣ, не переставалъ останавливать меня.

— Да, я слышалъ это!—крикнулъ одинъ изъ рабочихъ.

— Все равно, онъ пойдетъ тоже!

— Зачѣмъ?—спросилъ рабочій.—Такъ какъ вы уже знаете его имя...

Случайно проходилъ мимо почтенный кузнецъ, знакомый одго изъ полицейскихъ. Онъ подошелъ и, услышавъ, въ чемъ дѣло, подтвердилъ показаніе перваго рабочаго. Онъ, кузнецъ, какъ разъ вышелъ изъ трактира въ то время, какъ начался шумъ. Онъ хорошо слышалъ, какъ этотъ высокій, широкоплечій мужчина отговаривалъ и предостерегалъ дѣвушку. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія Фрицъ Преле былъ отпущенъ, хотя теперь онъ самъ высказывалъ желаніе сопровождать молодую дѣвушку.

Эмма, сознавая себя виновной, безмолвно слѣдовала за полицейскимъ. Смущенная и придавленная горемъ, она признала себя виновной во всемъ, въ чемъ ее обвиняли. Такъ какъ ея поступокъ былъ признанъ тяжелымъ преступленіемъ — нарушеніемъ спокойствія страны, то нечего было и думать о томъ, чтобъ ее отпустили на свободу. Послѣ непродолжительнаго допроса ей объявили, что она останется подъ арестомъ, и тотчасъ же отвели въ назначенную ей камеру, гдѣ она безъ чувствъ упала на полъ.

Глава IX.

Донесъ полиціи на самомъ дѣлѣ никто иной, какъ Эфраимъ Пельцеръ, незамѣтно для Эммы и Преле наблюдавшій за ними.

Остановившись за воротами одного изъ ближайшихъ домовъ, мимо которыхъ надо было проходить словолитчику съ молодою дѣвушкой, онъ незамѣтно послѣдовалъ за ними. Ему интересно было знать, что̀ дѣлаетъ въ этой мѣстности Эмма, горячая защитница Отто Вельнера.

Пельцеръ передъ этимъ только что вернулся отъ несчастнаго Бренера, все еще не рѣшавшагося выходить на свѣтъ Божій. Онъ убѣждалъ его не унывать и далъ денегъ, такъ какъ, вслѣдствіе сложившихся теперь обстоятельствъ, ему выгодно было, чтобы бывшій его соумышленникъ не измѣнялъ своей твердости. Онъ мучительно содрогнулся, когда Бренеръ, утомленный вѣчнымъ страхомъ и скучнымъ сидѣньемъ на чердакѣ, сказалъ какъ-то, что самымъ благоразумнымъ будетъ, если онъ вернется къ смотрителю арестантской. Не менѣе опаснымъ было впечатлѣніе, произведенное на Бренера чтеніемъ извѣстій о судьбѣ Вельнера. Мысль, что невинный всю жизнь будетъ мучиться за него и его преступленіе, потрясла его душу.

Теперь Пельцеръ представилъ ему, что онъ можетъ успокоить свою слишкомъ чувствительную совѣсть, когда будетъ въ безопасности по ту сторону океана; письма къ адвокату съ указаніемъ на Фанни Лабицкую, какъ на соучастницу, вполнѣ достаточно.

Эфраимъ, все-таки, нашелъ необходимымъ по возможности наблюдать за этимъ человѣкомъ. Онъ, подъ покровомъ ночи, сталъ чаще навѣщать Бренера, заботился, насколько это возможно, о его *внѣшнемъ* благосостояніи и часто просиживалъ съ нимъ цѣлые часы. Со времени присяги у слѣдователя какъ будто магнитъ притягивалъ Пельцера въ этотъ мрачный чердакъ.

Полицейскій, которому Эфраимъ Пельцеръ, побуждаемый чувствомъ антипатіи, выдалъ имена Преле и Эммы Лёрснеръ, не удовольствовался этимъ свѣдѣніемъ; онъ разспрашивалъ дальше, и Эфраимъ Пельцеръ, всегда хитрый, осторожный, былъ настолько глупъ, что указалъ направленіе, по которому они шли къ мѣсту, гдѣ начался безпорядокъ.

Въ указанномъ направленіи былъ рядъ домовъ, уже давно казавшихся полиціи подозрительными, какъ притонъ противуобщественныхъ агитацій. А такъ какъ на слѣдующій день на всѣхъ углахъ и перекресткахъ появились новые экземпляры возмутительныхъ прокламацій, а прокламаціи эти, повидимому, были

въ связи съ происшедшимъ наканунѣ, то въ то же утро по всему кварталу начался рядъ обысковъ.

Въ три часа отрядъ полицейскихъ проникъ изъ параллельной улицы въ заднія строенія дома старьевщиковъ.

Обыскъ начался съ помѣщенія пивной въ первомъ этажѣ, но оказался безуспѣшнымъ. Затѣмъ перешли въ подвалы и надѣялись сдѣлать здѣсь важное открытіе. Разочарованіе было полнѣйшее.

Чѣмъ меньше старанія полицейскихъ увѣнчивались успѣхомъ, тѣмъ съ бо́льшею жадностью обыскивали они всѣ уголки подвала, и затѣмъ, бранясь и посылая проклятія, перешли во второй этажъ и третій. Всюду встрѣчали они блѣдныя, испуганныя лица, но ничего подозрительнаго.

Наконецъ, обыскали и чердакъ.

Здѣсь они неожиданно услышали странный звукъ какъ бы крадущихся шаговъ.

Звукъ этотъ доносился изъ-за оштукатуренной стѣны, принятой ими за брандмауеръ сосѣдняго дома. На самомъ же дѣлѣ она отдѣляла тайное помѣщеніе Бренера отъ остальнаго чердака.

Одинъ изъ полицейскихъ приложилъ ухо къ стѣнѣ. Все тихо. Уже они хотѣли уходить, какъ вдругъ тамъ, внутри, упалъ на полъ какой-то предметъ. Этотъ стукъ раздался такъ близко, что не могло быть сомнѣнія, что это досчатая перегородка или, самое бо́льшее, тонкая глинобитная стѣна. Послѣднее предположеніе оправдалось, когда полицейскій ударилъ объ стѣну рукояткой своего оружія.

Опять спустились въ третій этажъ, чтобъ узнать, нельзя ли отюда проникнуть туда. Жители этого этажа ничего не знали и предполагали, что если бы надъ ними жилъ кто-нибудь, то они должны бы были это замѣтить. Комната, въ которой жилъ Бренеръ, находилась не надъ жилыми комнатами, но въ сторонѣ, надъ помѣщеніемъ, гдѣ Шульцъ хранилъ свои заклады.

Несмотря на это, коммиссаръ не отказался отъ своей мысли. Всюду ища и разспрашивая, попалъ онъ, наконецъ, въ темную комнату нижняго этажа, гдѣ прежде, когда страхъ не такъ мучилъ Бренера, онъ сидѣлъ днемъ за стаканомъ водки. Въ домѣ комната эта называлась «сокровищницей», т.-е. комнатой, гдѣ закладчикъ хранилъ свои драгоцѣнности. Здѣсь уже не трудно было найти узенькую лѣстницу, ведущую подъ самую крышу.

Бренеръ, между тѣмъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, спрятался подъ

изголовье своей кровати. Чердакъ, отъ котораго его комната отдѣлялась тонкою стѣной, заключалъ старый хламъ, много лѣтъ валяющійся здѣсь безъ употребленія. Неожиданный шумъ, раздавшійся такъ близко отъ него, бѣготня и суета, сердитые голоса, весьма многозначительный смыслъ ихъ восклицаній,— все это подѣйствовало на Бренера, какъ смертельный приговоръ. Пошатнувшись, онъ зацѣпилъ стулъ и опрокинулъ стаканъ: собственный страхъ погубилъ его. Все яснѣе сознавалъ онъ, что эти люди кого-то или что-то ищутъ, и ему сразу сдѣлалось очевидно, что онъ самъ—предметъ этихъ поисковъ и что правда относительно его преступленія въ домѣ совѣтника узнана и убѣжище преступника открыто.

Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, онъ пропустилъ единственную возможность спасенія—немедленно спуститься внизъ и бѣжать черезъ пивную передняго зданія.

Какъ страусъ, преслѣдуемый охотниками, спряталъ онъ голову въ кусты; онъ съежился, какъ дрожащій ребенокъ, боясь пошевельнуться, прислушиваясь, возобновятся ли опять шаги и голоса.

Уже онъ хотѣлъ свободнѣе вздохнуть, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ полицейскіе сошли съ чердака, прошло четверть часа. Вдругъ голова его безжизненно склонилась къ стѣнѣ: онъ услыхалъ, что кто-то поднимается по лѣстницѣ, и вслѣдъ затѣмъ раздался громкій стукъ въ дверь.

Бренеръ не шевельнулся.

— Отворите!—крикнулъ коммиссаръ.

— Все кончено!—пробормоталъ Бренеръ.—О, мое предчувствіе! Ежеминутно предвидѣлъ я это...

Стукъ возобновился.

— Во имя закона отворите!—снова воскликнулъ полицейскій.

Бренеръ тихо приподнялся съ своего мѣста.

Онъ оглядѣлся. Взглядъ его упалъ на маленькое квадратное оконце. Послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ вырвалъ онъ желѣзный крюкъ, выбилъ раму, придвинулъ стулъ и попробовалъ пролѣзть въ отверстіе. Неувѣренность, связывающая его члены, дѣлала его усилія безуспѣшными. Онъ упалъ съ окошка обратно въ комнату въ ту минуту, когда полицейскіе, вслѣдствіе его страннаго поведенія, увѣрившіеся въ своемъ подозрѣніи, съ усиліемъ выломали двери.

Бренеръ безумными глазами смотрѣлъ на полицейскихъ. При-

ложивъ лѣвую руку ко лбу, на правую медленно приподнимаясь, онъ еще разъ прошепталъ: «Я предвидѣлъ это, тысячу разъ видѣлъ я это во снѣ!»

— Почему вы не отворяете?— спросилъ коммиссаръ.—Какъ ваше имя?

Бренеръ молчалъ, а служитель порядка продолжалъ рѣзкимъ голосомъ:

— Знаете ли вы, зачѣмъ мы здѣсь?

Онъ окинулъ несчастнаго Бренера пронизывающимъ взглядомъ.

— Не лгите! — продолжалъ онъ послѣ паузы.—Сознайтесь намъ добровольно, что̀ у васъ здѣсь скрыто! Какъ, вы упрямитесь? Комнату, вѣдь, не долго обыскать.

— Сжальтесь! — вскричалъ Бренеръ въ отчаяніи. — Я во всемъ сознаюсь! Но меня подговорилъ Пельцеръ! Ведите меня, только скорѣе, и судите! Убейте меня, если хотите; мнѣ надоѣла эта несносная жизнь, и чѣмъ скорѣе я покончу съ ней, тѣмъ лучше!

Послѣ этихъ словъ ему, повидимому, сдѣлалось легче.

— Вотъ, вотъ!—и онъ поднялъ съ кровати соломенный тюфякъ.—Вотъ инструменты. Пельцеръ подговорилъ меня, а позднѣе, получивъ деньги, отказался. Вотъ!... А здѣсь вотъ и ножны отъ ножа... Я самъ не знаю, что случилось со мной... Я былъ, какъ помѣшанный, когда онъ приблизился ко мнѣ... Пусть я буду проклятъ, если я тысячу разъ уже не искупилъ этого.

Коммиссаръ, пораженный въ первую минуту, скоро понялъ, что судьба натолкнула его не на цѣль его поисковъ, но на нѣчто болѣе важное и серьезное. О показаніи Пельцера и ножѣ, узнанномъ имъ, въ теченіе послѣднихъ дней было столько разговоровъ, что дальнѣйшая комбинація являлась сама собой.

— Вы сознаетесь, слѣдовательно?—спросилъ онъ, передавая одному изъ спутниковъ найденные предметы.

— Не мучьте меня дольше! — воскликнулъ Бренеръ, закрывая лицо руками. — Ведите меня къ слѣдователю! Ему я все скажу! Слишкомъ долго терзали мое сердце вѣчный страхъ и сознаніе, что другой, невинный, будетъ осужденъ!

Коммиссаръ приказалъ людямъ выйти. Онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, толкнувшимъ въ его руки, вмѣсто предполагаемаго революціонера, непредполагаемаго преступника и героя уже давно считаемой объясненною cause célèbre и представить

слѣдователю уже готовое и вполнѣ опредѣленное признаніе, чтобы г. Зееборну не пришлось даже узнавать подробностей.

Такимъ образомъ, онъ подробно разспросилъ совсѣмъ растерявшагося Бренера. Рыдая, какъ провинившійся школьникъ, разсказалъ онъ все съ самаго начала; не скрылъ также и участія Фанни въ преступленіи.

Только одинъ разъ онъ запнулся въ разсказѣ. Ему пришло въ голову, что Отто Вельнеръ, въ мученіяхъ котораго онъ виновенъ, съ желѣзною твердостью скрывалъ, *зачѣмъ* онъ приходилъ въ библіотеку. Въ низкой душѣ преступника шевельнулось нѣчто вродѣ благороднаго чувства. У Отто Вельнера должны быть очень уважительныя основанія, если онъ скрываетъ то, что̀ имѣетъ такое громадное значеніе для его оправданія; если онъ ни слова не сказалъ объ ожидавшей его дамѣ, умолчалъ объ ея имени, которое, какъ онъ припоминаетъ, было Люцинда... Бренеръ говорилъ себѣ, что можетъ отчасти загладить свою вину передъ Вельнеромъ, если изъ уваженія къ побужденіямъ, заставляющимъ Отто молчать, ничего не выдастъ изъ того, что̀ онъ подслушалъ.

Такимъ образомъ, онъ, согласно съ показаніемъ Отто, разсказалъ, что тотъ, глубоко задумавшись, забрелъ въ библіотеку и въ то время, какъ вошелъ совѣтникъ, находился за шкафомъ. Бренеръ, окончивъ свой разсказъ, сдѣлался спокоенъ и покоренъ своей судьбѣ. Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ его закоренѣлая, жестокая душа испытывала удовольствіе великодушнаго поступка... Добровольно, почти охотно послѣдовалъ онъ за полицейскимъ; во дворѣ его передали двумъ жандармамъ.

Черезъ двадцать минутъ онъ стоялъ въ кабинетѣ начальника полиціи, гдѣ онъ въ присутствіи приведшаго его коммиссара слово въ слово повторилъ свое показаніе. Начальникъ полиціи немедленно отправилъ его къ слѣдователю, занятому въ эту минуту вторичнымъ допросомъ Эфраима Пельцера по поводу нѣкоторыхъ не вполнѣ понятныхъ подробностей.

При видѣ Бренера у такъ называемаго агента подкосились колѣна.

— Г. слѣдователь,—сказалъ Бренеръ твердымъ голосомъ,—зачеркните все, что у васъ написано! Отто Вельнеръ невиненъ, а этотъ Пельцеръ лжетъ, какъ негодяй!

— Безсовѣстный! — вскричалъ Пельцеръ, сдѣлавъ два шага назадъ и ища глазами дверь.

Бренеръ же, раньше чѣмъ полицейскіе могли помѣшать, бросился къ Пельцеру и схватилъ его за плечо.

— Держите его крѣпче! — сказалъ онъ коммиссару. — Это Пельцеръ, о которомъ я разсказывалъ вамъ, негодяй, отдавшій чорту душу, чтобы погубить невиннаго!

Слѣдователь былъ озадаченъ.

— Да я не понимаю...—сказалъ онъ, поднимаясь съ кресла.

Въ то время, какъ одинъ изъ полицейскихъ держалъ смертельно блѣднаго Пельцера, Бренеръ въ третій разъ повторилъ свой разсказъ; потомъ коммиссаръ выложилъ на столъ слѣдователя инструменты и ножны.

— Что можете вы возразить?—обратился страшно взволнованный Зееборнъ къ Пельцеру.

— Что онъ лжетъ! Что все это онъ говоритъ изъ злобы и мести, потому что онъ... потому что онъ... Всегда онъ угрожалъ мнѣ, что подстроитъ мнѣ это...

— Но ваши оправданія смѣшны,—замѣтилъ слѣдователь.— Чтобы досадить другому, никто не приметъ на себя ложно такого тяжелаго преступленія.

— Да, да! Этотъ вотъ въ состояніи...

Слѣдователь взялъ въ руки ножъ и, приблизивъ къ ножнамъ, медленно вложилъ въ нихъ клинокъ. Принадлежность другъ другу этихъ предметовъ была несомнѣнна.

— Агентъ Ефраимъ Пельцеръ остается здѣсь подъ арестомъ,—произнесъ слѣдователь.—Между тѣмъ, я сдѣлаю должныя распоряженія относительно Отто Вельнера. Все до мелочей совпадаетъ. Даже недоразумѣнія въ показаніи совѣтника объясняются теперь. Ростъ одинъ, волосы... Боже мой, вѣдь, это удивительно, какъ иногда группируются обманчивыя улики!.. Но у меня съ самаго начала было предчувствіе, что здѣсь какая-то ошибка. Ну, теперь я могу себя поздравить, что, наконецъ, послѣ столькихъ усилій мнѣ удалось внести свѣтъ въ этотъ хаосъ.

Полицейскій коммиссаръ, считавшій себя единственнымъ вносителемъ свѣта, вытянулъ лицо.

Бренеръ и Пельцеръ были отведены въ арестантскія камеры.

Глава X.

На слѣдующій день, втораго января, голубое небо было безоблачно; тихая, ясная погода съ легкимъ морозомъ не измѣни-

лась; воздухъ былъ прозраченъ; солнце золотило фасады Сунтгельмскаго дома, баллюстрады высокаго балкона и фигуры каріатидъ, заливало блескомъ оконныя рамы и весь кабинетъ. Преломляясь въ зеркалѣ рококо, оно сверкало на дамасскихъ саблякъ, клинкахъ и великолѣпномъ огнестрѣльномъ оружіи.

Баронъ Анастасій фонъ-Сунтгельмъ еще вечеромъ получилъ извѣстіе объ арестѣ Эфраима Пельцера, не давшее ему покоя всю ночь. До двухъ часовъ онъ безостановочно шагалъ по комнатѣ, тысячу разъ передумывая случившееся и напрасно ища исхода. Несомнѣнно, что Пельцеръ сознается въ мотивахъ своего лжесвидѣтельства и, надѣясь оправдать себя, назоветъ того, кто подговорилъ его. Да даже и безъ этого дѣло должно выясниться, такъ какъ, вѣдь, самъ Анастасій своимъ тяжелымъ свидѣтельствомъ открылъ этого «агента». А если у Пельцера найдутъ извѣстную сумму денегъ, то сдѣлается очевиднымъ, что онъ былъ подкупленъ, и каждый мало-мальски искусный слѣдователь добьется отъ него правды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія: Анастасій проигралъ не только въ этомъ клятвопреступномъ дѣлѣ, но и въ борьбѣ съ Отто Вельнеромъ. Если откроется подкупъ Пельцера, то невозможно, чтобъ оставалась тайной причина, побуждавшая его на этотъ подкупъ.

Баронъ неустанно думалъ объ этой второй части вопроса, не сознавая, что она-то именно менѣе важная, почти не имѣющая значенія.

Лжесвидѣтельство Пельцера—вотъ скала, нависшая надъ его головой, и эта-то скала должна неминуемо обрушиться на него, раздавить...

Около двухъ часовъ Анастасій легъ въ постель. Страхъ, мучившій его, прошелъ; горькая улыбка появилась на его лицѣ, когда онъ закрылъ глаза; тяжело дыша, онъ заснулъ.

Онъ всталъ въ восемь часовъ, спросилъ завтракъ и поѣлъ съ обычнымъ аппетитомъ.

Потомъ онъ занялся туалетомъ, старательно пригладилъ рѣдкіе волосы и еще съ большимъ тщаніемъ, чѣмъ прежде, занялся примѣненіемъ безчисленныхъ баночекъ и стклянночекъ, въ замѣчательномъ порядкѣ разставленныхъ на мраморной полкѣ надъ изящнымъ умывальникомъ.

Часъ одѣванія, считаемый столь многими неизбѣжнымъ зломъ, для Анастасія фонъ-Сунтгельма былъ всегда источникомъ болѣе или менѣе идеальнаго наслажденія. Зачесывая локоны на виски,

онъ думалъ объ эффектѣ, произведенномъ ими на неопытное дѣвичье сердце или на завистливую душу плѣшиваго романиста, доктора Кайзера. Когда онъ смотрѣлся въ зеркало, вытирая усы, онъ повертывалъ голову во всѣ стороны, кланялся и кивалъ головой или задавалъ себѣ вопросъ: что далъ бы за такіе усы лейтенантъ фонъ-Клерво? Купая руки въ миндальномъ молокѣ, онъ припоминалъ всѣ ручки, которыя онъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ. Онъ блаженно улыбался и дѣлалъ символическіе жесты или ласково гладилъ себя по рукѣ и хлопалъ.

Именно сегодня онъ, повидимому, особенно предавался этимъ наслажденіямъ. Ароматная эссенція, вылитая имъ на волосы, напоминала ему весну съ душистыми розами и фіалками. Затѣмъ онъ занялся узкими аристократическими ногтями и намазалъ ихъ, наконецъ, какимъ-то удивительнымъ составомъ. Это косметическое средство было его собственнымъ изобрѣтеніемъ; Анастасій очень гордился этимъ, но никогда не выдавалъ секрета.

Теперь, когда онъ былъ совсѣмъ готовъ, онъ, горько улыбаясь, вылилъ остатокъ стклянки въ умывальникъ. Это было первымъ и единственнымъ диссонансомъ въ почти часовой симфоніи его одѣванія. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ коротенькую записку, переписалъ ее четыре раза, запечаталъ въ четыре конверта, положилъ въ каждый по билету въ 5,000 марокъ и запечаталъ каждый пятью печатями. «Надписать!»—замѣтилъ онъ и крупными буквами надписалъ адресы на конвертахъ.

Эти записочки съ пятитысячными билетами были рыцарскимъ прощальнымъ привѣтомъ четыремъ «легенькимъ интрижкамъ», съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, бывшимъ у него въ теченіе зимы. Актриса, польская графиня, голубоокая миссъ и веселая, но—ахъ!—слишкомъ строгая Адель,—всѣ онѣ должны узнать, что Анастасій фонъ-Сунтгельмъ, несмотря на все, что про него скоро будутъ говорить, былъ джентльменъ, не разставшійся со свѣтомъ, не оставивъ дамамъ, которыхъ онъ уважалъ, приличныхъ визитныхъ карточекъ.

Невольный вздохъ вырвался изъ груди барона, когда онъ писалъ имя Адели. Еслибъ онъ могъ переселиться въ вѣчность съ пріятнымъ сознаніемъ, что и этотъ послѣдній предметъ его быстро мѣняющихся увлеченій не устоялъ противъ него! Какъ истинный философъ, онъ покончилъ какъ съ прошедшимъ, такъ и

съ будущимъ; его огорчалъ только маленькій недочетъ въ блестящемъ ряду: мѣсто, гдѣ долженъ былъ бы въ золотой рамкѣ красоваться великолѣпный портретъ этой хитрой дѣвушки, кажущееся теперь такимъ голымъ и пустымъ среди всѣхъ этихъ блестящихъ женскихъ фигуръ, какъ пустое мѣсто въ ряду портретовъ венеціанскихъ дожей. И она была маленькою измѣнницей, какъ обезглавленный Марино Фаліери, и, строго говоря, не заслуживала бы этого прощальнаго подарка. Но все равно: баронъ Анастасій фонъ-Сунтгельмъ не дѣлалъ теперь различій; близость послѣдней минуты дѣлала его великодушнымъ. Онъ позвалъ лакея и приказалъ немедленно сдать письма на почту. Затѣмъ онъ сочинилъ пятое письмо баронессѣ. Въ холодныхъ выраженіяхъ просилъ онъ у подруги своей жизненной комедіи извиненія, если обезпокоитъ ее своимъ неожиданнымъ удаленіемъ со сцены. Онъ желаетъ ей въ будущемъ всего хорошаго и надѣется, что она не прекратитъ своей благотворительной дѣятельности и что она замѣнитъ ей радости семейной жизни.

«Что же касается слуховъ, — такъ заканчивалъ онъ письмо, — которые неминуемо распространятся послѣ приведенія въ исполненіе моего твердо обдуманнаго рѣшенія, то я вполнѣ предоставляю тебѣ, чему ты должна и чему не должна вѣрить. Быть дворяниномъ часто труднѣе, чѣмъ это предполагаетъ чернь. Я хотѣлъ быть дворяниномъ и пренебрегъ чернью и ея законами; но во мнѣ, все-таки, живетъ сознаніе, что au fond я поступалъ такъ, какъ того требовало мое положеніе, поэтому мнѣ не въ чемъ раскаяваться».

Онъ надписалъ адресъ и сунулъ письмо въ карманъ, чтобъ опустить въ ближайшій ящикъ.

Между тѣмъ, возвратился лакей съ квитанціями.

Анастасій еще разъ подошелъ къ зеркалу и самодовольно улыбнулся. Затѣмъ онъ спросилъ перчатки, цилиндръ, свою тоненькую тросточку и съ помощью лакея закутался въ длинное пальто.

— A propos, — сказалъ онъ лакею, — я охотно выпилъ бы глотокъ марсалы. Я не знаю, гдѣ и когда мнѣ придется сегодня завтракать.

Лакей удалился, чтобы принести требуемое.

Анастасій снялъ, между тѣмъ, со стѣны дорогой револьверъ, осмотрѣлъ зарядъ, взвелъ курокъ и затѣмъ осторожно спустилъ его опять. Когда въ комнату вошелъ слуга съ бутылкой вина,

Анастасій съ равнодушнымъ видомъ спряталъ оружіе въ боковой карманъ.

— Налейте, Фридрихъ!—сказалъ онъ, взявъ перчатки и палочку.

Онъ съ жадностью осушилъ стаканъ и, поставивъ его на подносъ, сказалъ:

— Выпейте остальное за мое здоровье!

Задумчиво вытеръ онъ ротъ носовымъ платкомъ и, натягивая перчатки, вышелъ изъ дому.

Анастасій направился по улицѣ Луизы, всегда наиболѣе оживленной въ это время. Солнечный свѣтъ при необыкновенной прозрачности воздуха принималъ неуловимые оттѣнки свѣжести. Анастасію казалось, что никогда еще въ этомъ короткомъ разстояніи до хлѣбной площади ему не попадалось столько хорошенькихъ, свѣжихъ, молодыхъ дѣвушекъ. Въ окнѣ фирмы Туссена и Герольдъ отразилась вся его фигура, изящное пальто, высокій цилиндръ, снисходительно улыбающееся лицо.

Онъ вздрогнулъ.

Черезъ какой-нибудь часъ, если ничто его не задержитъ, фигура этого изящнаго господина, которому онъ такъ привѣтливо улыбался, перестанетъ любоваться этимъ блестящимъ свѣтомъ; онъ простится съ этимъ царствомъ блеска и наслажденія и переселится въ холодную вѣчность.

Онъ остановился. Неужели это такъ необходимо? Невозможно развѣ бѣжать и вдали, подъ маской, инкогнито, продолжать игру?

Эта мысль пробудила въ немъ страстное желаніе жить. Онъ основательно все обдумалъ. Много дней понадобилось бы, чтобъ обратить въ наличныя деньги хоть третью часть состоянія, котораго хватило бы для продолженія его обычнаго существованія. Сегодня даже онъ долженъ быть готовъ, что придутъ изъ полиціи за нимъ... Анастасій вздрогнулъ. Его напуганная фантазія представляла ему отпрыска Сунтгельмовъ-Хиддензое, спасающимся бѣгствомъ въ гавани одного изъ портовыхъ городовъ. Вдругъ неожиданно появляются враждебныя лица, преграждаютъ ему дорогу, задерживаютъ и увозятъ на торжество той черни, которую до сихъ поръ онъ такъ презиралъ. Возможность только этого перетянула съ необыкновенною силой вѣсы. На секунду онъ закрылъ глаза и потомъ, послѣ этого послѣдняго колебанія, побѣдителемъ пошелъ на встрѣчу смерти.

Теперь онъ былъ настоящій стоикъ. Какъ зрѣлый человѣкъ

относится къ глупостямъ своего дѣтства, такъ и онъ смотрѣлъ, проходя по улицѣ Принцессы, на вывѣску кондитерской, гдѣ онъ въ первый разъ пилъ хересъ съ Аделью. Ни одного сожалѣнія не шевельнулось въ его груди.

Его нечаянно толкнулъ какой-то мужчина, идущій по одному направленію съ нимъ и быстро обогнавшій его.

— Родерихъ Лундъ! — прошепталъ Анастасій, между тѣмъ какъ поэтъ пробѣжалъ мимо, не узнавъ своего мецената.—То-же колесо въ моей хитро устроенной машинѣ, такъ неожиданно остановившейся! Считаетъ себя геніемъ и не имѣетъ понятія о житейской мудрости. Бѣдный малый! Съ этимъ бы я скорѣе справился, чѣмъ съ тѣмъ, другимъ!

Онъ устремилъ задумчивый взглядъ въ землю.

— Да, да, нѣтъ сомнѣнія, этотъ Вельнеръ будетъ моимъ наслѣдникомъ... Ба! Если я самъ не могу сорвать цвѣтка, то какое мнѣ дѣло до того, *кто* будетъ наслаждаться его ароматомъ?

Родерихъ Лундъ исчезъ въ дверяхъ номера 17. Анастасій окинулъ непріязненнымъ взглядомъ весь домъ, пожалъ плечами и прошелъ мимо.

Такимъ образомъ онъ достигъ послѣднихъ домовъ предмѣстья. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ по чистому полю, онъ обернулся назадъ. Дорога поднималась вверхъ. Вонъ передъ нимъ, въ блескѣ солнцѣ, громадная столица съ разстилающимся темнымъ дымомъ надъ бѣлыми крышами, съ вѣчно дымящимися трубами и неумолкаемымъ движеніемъ, доносящимся сюда подобно легкому журчанію. Пустая, суетная жизнь! Глупая погоня за счастьемъ! Теперь все это такъ ничтожно, такъ незначительно! Анастасій фонъ-Сунтгельмъ выше всего этого.

И онъ продолжалъ свой путь впередъ; свернувъ съ главной дороги, онъ достигъ хижины. Здѣсь жила одна бѣдная женщина съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, съ трудомъ кормившаяся доходомъ съ маленькаго участка земли. На деревянной доскѣ неправильными буквами было написано: «Садоводство Л. Хёригъ». Анастасій остановился на минуту. При видѣ этого порога, который онъ собирается переступить, ему показалось, будто прошлое, оживая, встаетъ изъ могилы.

Это была именно та самая хижина, гдѣ почти двадцать четыре года тому назадъ онъ задумалъ то страшное преступленіе.

Тогда надъ входомъ висѣла другая вывѣска, съ надписью: «Адоларъ Тимсенъ».

Вмѣстѣ съ своимъ слугой, ловкимъ, хитрымъ, вѣчно улыбающимся Мольбекомъ, который первый внушилъ ему эту преступную мысль, онъ позднею ночью пришелъ въ эту хижину и цѣлыхъ два часа проговорилъ съ ея владѣльцами. Въ глубинѣ комнаты стояла качка, слабо освѣщенная кухонною лампочкой. Въ этой качкѣ лежало блѣдное, дрожащее дитя, осунувшагося личика котораго почти коснулось крыло смертоноснаго ангела. Адоларъ Тимсенъ, отецъ, уже потерялъ надежду. Крошечное созданіе, которому самое бо́льшее было полгода, безсмысленно смотрѣло впередъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ и только едва повернуло голову отъ неожиданнаго свѣта, когда Мольбекъ съ торжествующимъ видомъ поднесъ къ его лицу лампу.

И тогда былъ заключенъ договоръ, долженствующій другаго ребенка лишить отцовскаго наслѣдства и вмѣсто него сдѣлать барона Анастасія владѣльцемъ двухъ милліоновъ. Это другое дитя былъ пятимѣсячный Отто фонъ-Арлесбергъ, племянникъ Анастасія фонъ-Сунтгельма, тождественный съ Отто Вельнеромъ изъ Хальдорфа. Племянникъ,—такъ называлъ Анастасій мальчика, хотя родство было на нѣсколько степеней дальше. Баронесса взяла на свое попеченіе этого ребенка нѣсколькихъ недѣль отъ рожденія, послѣ неожиданной смерти его родителей.

Въ то время Элеонора уѣзжала на нѣсколько недѣль. Маленькаго Отто она поручила заботамъ кормилицы, супруги Адолара Тимсена.

Въ головѣ находчиваго Мольбека, слышавшаго плачъ и жалобы кормилицы о безнадежной болѣзни ея собственнаго ребенка, зародилась преступная мысль—въ отсутствіе баронессы подмѣнить дѣтей и дать маленькому Отто Тимсену умереть въ домѣ барона, подъ именемъ Отто Арлесбергъ. Въ тотъ вечеръ это было окончательно рѣшено. Незначительной суммы было достаточно, чтобы убѣдить родителей; колебаніе матери было устранено объясненіемъ, что ей достанется мучительное счастіе до самаго конца ухаживать за своимъ ребенкомъ.

Черезъ три дня больной ребенокъ скончался. Онъ былъ признанъ Отто Арлесбергомъ и все было давно кончено, когда вернулась изъ путешествія Элеонора. Тимсенъ же, съ женой и настоящимъ Отто фонъ-Арлесбергомъ, слывшимъ теперь за ихъ собственнаго выздоровѣвшаго ребенка, уѣхали въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, послѣ того какъ сіяющій наслѣдникъ добровольно заплатилъ имъ, сверхъ условія, еще небольшую сумму. Тимсенъ

же былъ странная натура. Видъ ребенка, постоянно напоминавшій ему о преступленіи, и упреки жены, говорившей, что они согрѣшили противъ собственнаго ребенка, похоронивши его за чужаго, побудили его въ слѣдующемъ же году возвратиться въ Германію, чтобъ избавиться какимъ-нибудь образомъ отъ этого ребенка. Такимъ образомъ, онъ доѣхалъ до одного города сѣверо-западной Германіи, гдѣ жилъ его бывшій школьный товарищъ, переплетчикъ Готфридъ-Георгъ-Францъ Вельнеръ. Жена этого страннаго человѣка незадолго передъ тѣмъ лишилась двухлѣтняго пріемнаго сына, горячо любимаго ею. Тимсену удалось оставить полуторагодоваго мальчика, выдаваемаго ими за своего собственнаго, у Готфрида-Георга-Франца Вельнера и передать переплетчику свои мнимыя права.

Отто Вельнеръ или Отто фонъ-Арлесбергъ росъ, ничего не зная о своемъ происхожденіи; а такъ какъ его пріемные родители черезъ нѣсколько лѣтъ оставили городъ, переселившись въ отдаленное мѣстечко Хальдорфъ, то его дѣйствительныя отношенія къ пріемному отцу остались тайной. Баронъ фонъ-Сунтгельмъ радовался, между тѣмъ, удачному окончанію, наградилъ Мольбека богатствомъ и жилъ роскошною, веселою жизнью, приходящею теперь къ концу.

Все это въ одну минуту пронеслось въ умѣ барона Анастасія. Каждая черта той странной ночной картины — качка и мигающій свѣтъ лампы, блѣдное дѣтское личико и гладко выбритыя розовыя щеки слуги, каждая строчка въ предательскихъ письмахъ, писанныхъ позднѣе Тимсеномъ къ Готфриду Вельнеру, и различные переходы увѣренности и страха въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ,—все, все это припомнилось ему, какъ будто это только вчера произошло.

Не лучше ли было тогда вернуться назадъ, когда онъ стоялъ здѣсь съ Мольбекомъ передъ дверями хижины?

Самоувѣренно поднявъ голову, онъ постучалъ.

Хозяйка хижины, двадцати восьми или девяти-лѣтняя полная, высокая женщина, несмотря на глубокую печаль, лежащую на ея лицѣ, все еще красивая, отворила дверь и съ громкимъ крикомъ отступила назадъ.

— Ты узнаешь меня еще?—спросилъ баронъ.

— Милосердый Боже!—воскликнула женщина.—Возможно ли это? Что надо вамъ здѣсь... послѣ столькихъ, столькихъ лѣтъ?

— Не будь ребенкомъ, Луиза! — сказалъ Анастасій тономъ

человѣка, все, даже самое тяжелое легко принимающаго къ сердцу.—Дѣла нельзя, вѣдь, измѣнить, такъ не будь сентиментальна! Я въ дурномъ расположеніи духа. У меня было несчастіе... Люди въ этомъ пошломъ, неугомонномъ городѣ поклялись дѣлать мнѣ и въ будущемъ всякія непріятности... Вотъ я и вспомнилъ, что здѣсь живетъ преданный, добрый человѣкъ, бывшій всегда хорошаго мнѣнія обо мнѣ, и вотъ я пришелъ, чтобы поболтать нѣсколько минутъ.

— О, господинъ баронъ!—вскричала женщина, осыпая его руки страстными поцѣлуями и заливаясь слезами.

— Перестань — сказалъ баронъ.—Я не могу этого вынести теперь! Ты больше всѣхъ имѣешь право меня ненавидѣть, и ты одна сохранила ко мнѣ нѣчто вродѣ дружбы. Вотъ деньги! Онѣ полезны тебѣ будутъ послѣ столькихъ лѣтъ забвенія съ моей стороны. Здѣсь твой мальчикъ? Я хотѣлъ бы его посмотрѣть... Я уѣзжаю на долго...

— Я жду его къ половинѣ пятаго.

Баронъ взглянулъ на часы,

— Слишкомъ долго придется ждать. Вообще лучше оставить это. Говорила ли ты ему когда-нибудь?...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни одной человѣческой душѣ! Развѣ я не поклялась вамъ?

— Хорошо. Да и какая польза была бы въ этомъ? Обними меня! Ты была одна изъ самыхъ красивыхъ, Луиза, и здѣсь въ полумракѣ глаза твои блестятъ такъ же, какъ тогда... Будь счастлива!

Это были послѣднія слова, произнесенныя Анастасіемъ. Спокойно, по привычкѣ заложивъ руки за спину, онъ направился къ лѣсу. Среди соблазнительнаго шума столицы оружіе дрогнуло бы въ его рукѣ. Ему необходимо было себя и свои чувства отдѣлить отъ внѣшней жизни, чтобы разстаться съ самою жизнью. Какъ олень забирается въ самую чащу, чтобы умереть, такъ и Анастасій избралъ уединенное мѣсто, куда, можетъ быть, нѣсколько недѣль никто не заглянетъ. Пускай въ жаждущемъ скандаловъ городѣ поломаютъ себѣ головы, что сдѣлалось съ однимъ изъ блестящихъ представителей его высшаго общества.

Но разсчетъ этотъ оказался невѣренъ. Не больше, какъ черезъ часъ, два дровосѣка нашли нѣкогда стройнаго и величественнаго барона плавающимъ въ своей крови.

Анастасій, очевидно, сидя, прислонился къ стволу дерева, чтобы по возможности въ болѣе удобной позѣ разстаться съ жизнью. Выстрѣлъ, направленный имъ изъ револьвера прямо въ ротъ, не произвелъ, вѣроятно, мгновенной смерти, такъ какъ верхняя часть корпуса соскользнула отъ ствола въ сторону, а судорожно сжатый кулакъ нажималъ курокъ, не достигнувъ, впрочемъ, цѣли. Ужасная рана, окровавленная одежда, скорченные члены, посинѣвшее лицо,—все это представляло потрясающую картину. Испуганные работники поспѣшили въ городъ и объявили слѣдователю о случившемся.

Такъ умеръ Анастасій фонъ-Сунтгельмъ-Хиддензое, джентельменъ par excellence, ненасытный покоритель сердецъ, человѣкъ съ безупречнымъ галстухомъ и легкою совѣстью.

Глава XI.

Еще до наступленія Новаго года Преле принесъ домой страшное извѣстіе о судьбѣ Эммы. Всѣ, и безъ того взволнованные непонятнымъ отсутствіемъ Эммы, были внѣ себя. Г-жа Лерснеръ не произнесла ни слова; но черезъ нѣсколько минутъ съ ней сдѣлался нервный припадокъ. Адель Якоби была въ отчаяніи. Въ первый разъ въ душѣ ея явилось истинное, серьезное чувство и измѣнило каждую черту ея лица. Съ помощью словолитчика она ухаживала за теткой. Преле, какъ ни былъ огорченъ, испытывалъ странное удивленіе, что онъ помогаетъ и хлопочетъ вмѣстѣ съ этою дѣвушкой, не слыша отъ нея сравненій съ носорогомъ и другими четвероногими животными.

И Гейнціусъ, вернувшійся отъ Пельцера въ жалкомъ видѣ, съ компрессомъ на сильно распухшемъ глазѣ, плакалъ вмѣстѣ съ Преле горючими слезами, проливая ихъ теперь обильнѣе, чѣмъ даже о своемъ дорогомъ Отто. «Aequam memento!»—повторялъ онъ, изрѣдка вздыхая, но классическая житейская мудрость не оказывала никакого дѣйствія. На самомъ дѣлѣ Карлъ-Теодоръ Гейнціусъ оплакивалъ сразу два несчастія: не только опасность, грозившую Эммѣ, но также, и почти еще сильнѣе, удостовѣреніе факта, что ему не остается никакой надежды. Онъ чувствовалъ, что любовь Эммы къ Отто, даже если она будетъ отвергнута имъ, или если, — какъ это, къ величайшему отчаянію честнаго учителя, казалось ему весьма вѣроятнымъ,— если введенное въ обманъ правосудіе вычеркнетъ имя Отто изъ

книги бюргерскаго общества, то и тогда любовь ея будетъ жить, какъ неугасимая лампада во Святая Святыхъ. И поэтому Гейнціусъ плакалъ, какъ Ніобея, закрывающая величественную голову отъ гнѣва безсмертнаго...

И Марта плакала, но немного разсѣянно, не вполнѣ отдаваясь тому, что волновало другихъ. Одинъ только Родерихъ Лундъ оставался, повидимому, равнодушнымъ къ этому грустному событію. Если остальные едва понимали, что случилось, то для Родериха Лунда это было совершеннѣйшею загадкой. Эмма Лерснеръ—кроткое, невинное созданіе—арестована за сопротивленіе начальству, за нарушеніе спокойствія и возмущеніе: это казалось ему настолько невозможнымъ, что онъ счелъ это за злое дѣло безсовѣстныхъ интригановъ. Слѣдующій день объяснитъ все...

Но и безъ этого хладнокровнаго разсужденія онъ не могъ бы раздѣлять отчаяніе окружающихъ.

Канунъ Новаго года для автора *Гракха* былъ такъ полонъ восторга, что онъ вполнѣ отдался самому безпощадному эгоизму, существующему только на землѣ,—эгоизму счастливой любви.

Нѣсколько часовъ тому назадъ Марта Боссъ сдѣлалась его невѣстой. Упоенный блаженствомъ, онъ лежалъ у ея ногъ, — истинный поэтъ не только въ томъ, что̀ онъ создавалъ, но и въ томъ, что̀ онъ переживалъ. Остатокъ дня прошелъ для него въ блестящихъ галлюцинаціяхъ и Марта, по характеру не такая восторженная, какъ ея женихъ, была увлечена его творческою силой.

До четырехъ часовъ утра общество не расходилось, въ двадцатый разъ обсуждая случившееся, высказывая надежды и опасенія, утѣшая и ободряя другъ друга.

Несмотря на все это, огорченные и плачущіе, заснули раньше Родериха, вслѣдствіе своего поэтическаго оптимизма принявшаго это дѣло такъ легко къ сердцу. Онъ былъ счастливъ среди общаго несчастія, и счастіе не давало ему покоя. Онъ сѣлъ къ письменному столу, взялъ перо и постарался выразить словами то, что̀ его волновало. Но онъ рвалъ написанные стихи, такъ какъ они казались ему недостойными того небеснаго созданія, которое онъ можетъ, наконецъ, назвать своимъ. Въ шесть часовъ онъ въ изнеможеніи бросился на кровать, а въ девять уже былъ опять одѣтъ.

Онъ поспѣшилъ въ гостиную. Тамъ все еще было такъ, какъ осталось съ вечера.

Черезъ десять минутъ явилась фрейленъ Якоби. Она вмѣсто Эммы приняла теперь на себя обязанности хозяйки, которыми до сихъ поръ всегда пренебрегала. Она затопила печь, поставила на мѣсто мебель,—съ бо̀льшимъ шумомъ, конечно, чѣмъ ея тихая кузина,—и ходила и вытирала пыль, не обращая вниманія на поэта.

Родерихъ, разсѣянно поклонившійся Адели, тоже не обратилъ на нее вниманія. Приблизившись къ двери Марты, онъ постучалъ и началъ разговоръ съ Мартой, противъ обыкновенія, нисколько не интересовавшій Адель, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, невѣста не вышла изъ своей комнаты въ хорошенькомъ праздничномъ платьѣ. «Это несносно, наконецъ»,—подумала Адель, когда Родерихъ заключилъ въ объятія свою невѣсту и страстно поцѣловалъ ее.

Около половины одиннадцатаго Родерихъ предложилъ Мартѣ прогулку въ городской паркъ. Его влекло наружу, на чистый воздухъ, къ людямъ. А, можетъ быть, ему хотѣлось, чтобы любовались его сокровищемъ, какъ ребенку, выносящему на воздухъ свою новую куклу.

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, они подъ руку прошли рабочій кварталъ и достигли парка, наполненнаго уже гуляющими.

Родерихъ болталъ безъ умолку, а Марта блаженно слушала, только изрѣдка задавая вопросъ или отвѣчая своимъ нѣжнымъ, глубокимъ голосомъ.

На площадкѣ, самомъ оживленномъ мѣстѣ гулянья, имъ встрѣтился красивый офицеръ. При видѣ Марты на лицѣ его проскользнула полуулыбка, какъ бы говорящая: «эту дѣвушку я знаю». Въ то же время, онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы намѣреваясь поклониться; но затѣмъ, очевидно, передумалъ и замаскировалъ свое движеніе другимъ, безразличнымъ.

Родерихъ замѣтилъ этотъ странный маневръ.

— Знаешь ты этого господина?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.—Чего ты такъ покраснѣла? Я не понимаю тебя.

Марта дала уклончивый отвѣтъ.

Наконецъ, она созналась, что нѣсколько разъ видала этого господина.

— Гдѣ?—спросилъ Родерихъ.

— На моемъ прежнемъ мѣстѣ, у той дамы....

— Этотъ человѣкъ невѣжа! Если онъ знаетъ тебя, то по-

чему не кланяется? А если не хочетъ кланяться, то къ чему этотъ странный маневръ?

— Но я прошу тебя!—прошептала Марта, крѣпче прижимая руку Родериха. — Что намъ за дѣло о этого господина? Ты, вѣдь, знаешь... я говорила тебѣ...

— Ничего я не знаю, ни даже какъ зовутъ этого нахала.

— Чего ты волнуешься? Клерво зовутъ его, лейтенантъ фонъ-Клерво.

— Я потребую отчета отъ этого лейтенанта фонъ-Клерво. Если кто-нибудь замѣтилъ его поведеніе... Я не могу этого допустить!

Своею болтовней Мартѣ удалось отвлечь его отъ разсужденія объ этомъ непріятномъ происшествіи. Но самаго дѣла онъ, все-таки, не забылъ.

На слѣдующій день Родерихъ отправился въ квартиру лейтенанта фонъ-Клерво и съ плохо скрытымъ раздраженіемъ потребовалъ объясненія. Фонъ-Клерво сохранилъ полнѣйшее спокойствіе.

— Имя ваше мнѣ не безъизвѣстно, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Докторъ Вольфъ и профессоръ Соломонъ восторгались при мнѣ вашимъ талантомъ. Вы—геніальный поэтъ и, основываясь на этомъ, я извиняю вамъ дерзкій тонъ. Вы слишкомъ раздражительны, уважаемый г. Лундъ. У меня и въ помыслахъ не было желанія обидѣть эту молодую даму. Напротивъ, я думалъ, что, можетъ быть, барышнѣ будетъ непріятно, если я поклонюсь ей...

— Какъ такъ?

— Боже мой, вѣдь, я не знаю, въ какихъ вы отношеніяхъ съ этой дамой... Мнѣ въ высшей степени непріятно...

— Я прошу васъ оставить мои отношенія совершенно въ сторонѣ и высказаться яснѣе. Вполнѣ понятно, что вы не будете утверждать ничего, чего бы вы не могли доказать.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ лейтенантъ, немного раздраженный послѣдними словами.—Въ виду этого, я въ затрудненіи, что̀ сказать. Что же угодно вамъ знать?

— Что заставляетъ васъ предполагать, что поклонъ вашъ былъ бы непріятенъ фрейленъ Боссъ?

— Развѣ я сказалъ это? Ну, все равно: мѣсто, гдѣ я встрѣчалъ фрейленъ Марту...

— Дальше!—крикнулъ Родерихъ, задыхаясь.

— Вы волнуетесь,— сказалъ лейтенантъ.— Оставимте всю эту исторію! Въ концѣ-концовъ, даже поэтъ будетъ обладать настолько опытностью, что скажетъ, что не всякій разъ, нагибаясь сорвать розу, онъ находитъ на ея лепесткахъ чистыя капли первой утренней росы...

Родерихъ дрожалъ.

— Что дало вамъ право дѣлать такія недвумысленныя сравненія?

— Домъ, въ которомъ я неоднократно видалъ фрейленъ Марту...

— Я не понимаю васъ. Фрейленъ Боссъ была компаньонкой одной дамы...

— Извѣстной г-жи Тарофъ, репутація которой не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

— Но, вѣдь, вы говорите, что вы сами бывали у этой Тарофъ...

— Боже мой,—усмѣхнулся Клерво,—молодой человѣкъ ничего не теряетъ отъ такихъ маленькихъ шалостей... Вы сами знаете... Но это не мѣшаетъ тому, что послѣ спокойнаго обсужденія презираешь представительницъ подобныхъ «англійскихъ уроковъ».

Родерихъ Лундъ былъ пораженъ; наконецъ, онъ порывисто произнесъ:

— Обо всемъ этомъ фрейленъ Боссъ ничего не знала!

— Гм!—замѣтилъ лейтенантъ. — Правда, она держала себя скромно въ сравненіи съ другими... Но когда явился фонъ-Тиллихау, лицо ея необыкновенно просвѣтлѣло. Вы виноваты, что вызвали меня на нескромность, но, вѣдь, вы хотѣли этого.

— Конечно! Я хочу все слышать! Что такое было съ Тиллихау?

— Ну, онъ спеціально занялся фрейленъ Мартой. Это онъ устроилъ, что она поступила сюда... Сначала она дичилась; потомъ они подъ руку расхаживали по Шекспировской залѣ. Такъ называется роскошно отдѣланная комната... Въ этой Шекспировской залѣ много боковыхъ тайныхъ комнатъ...

— Довольно!—вскричалъ Родерихъ. — Можете вы мнѣ дать слово, что все именно такъ было?

— Конечно. Даю вамъ честное слово.

— Но, Боже мой!—вскричалъ Родерихъ, въ страшномъ бѣшенствѣ, — возможно ли, чтобы твари, подобныя этой Тарофъ,

безнаказанно существовали? Какого же сорта особы собираются у нея?

— Мѣщанки, дочери честныхъ родителей, не имѣющихъ понятія о томъ, что говорится за ихъ спинами. Но что съ вами? Вы блѣдны! Я не думалъ...

Родерихъ не слушалъ дальше. Сила воли его сломилась. Поспѣшно раскланявшись, онъ выбѣжалъ.

Онъ рѣшилъ немедленно поговорить съ Мартой, и если она подтвердитъ слова Клерво, то покончить съ ней навсегда.

Поспѣшно взбѣжалъ Родерихъ по лѣстницѣ и заперся въ своей комнатѣ; онъ хотѣлъ придти въ себя, успокоиться, раньше чѣмъ произнести хоть слово о томъ, что разрывало его душу; онъ боялся своей вспыльчивости.

Такъ какъ сегодня Адели невозможно было пропустить службу, то Марта осталась дома, чтобы помогать г-жѣ Лерснеръ. Она сидѣла въ своей комнатѣ, продолжая вязаніе, начатое арестованною Эммой. Обѣдъ кончился; г-жа Лерснеръ спала, а Адель опять спѣшила въ городъ. Родерихъ подождалъ, чтобы замолкли легкіе шаги молодой дѣвушки. Послѣ этого онъ отправился въ гостиную и постучалъ въ дверь Марты.

Когда онъ вошелъ, Марта обернула къ нему свое счастливое, улыбающееся лицо, отложила вязаніе въ сторону и бросилась ему на встрѣчу...

Но Родерихъ протянулъ впередъ руку, какъ бы отстраняя ее.

— Марта,—сказалъ онъ, едва сдерживаясь,—мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Ты пугаешь меня. Что случилось?

— Ничего новаго, насколько я знаю, но старое дошло до моихъ ушей. Я никогда не спрашивалъ тебя о твоемъ прошломъ; я вѣрилъ тебѣ. Это было довольно глупо. Я сознаю теперь свою глупость. Однимъ словомъ, что дѣлала ты у этой Тарофъ, подлой, низкой женщины, которой давно слѣдовало бы сидѣть въ тюрьмѣ?

— О, Боже мой!—прошептала Марта, блѣднѣя.

— Мой вопросъ смутилъ тебя... Ты сознаешь, слѣдовательно...

— Родерихъ!—произнесла она умоляющимъ голосомъ.—Если бы ты зналъ...

— Я знаю достаточно! Но изъ твоихъ устъ хочу я слышать

подтвержденіе! Смотри мнѣ прямо въ лицо и тогда рѣшайся лгать! Правда ли, что фонъ-Тиллихау нашелъ тебѣ это «мѣсто», что онъ бывалъ въ домѣ этой старой негодяйки и бывалъ исключительно для тебя? Да или нѣтъ?

Блѣднѣе смерти она взглянула на него.

— Да, но я... но я...

— Отлично, отлично! — вскричалъ Родерихъ, въ безумномъ бѣшенствѣ путая волосы.— Да, безстыдное да! Мнѣ легче было бы, если бы ты солгала и сказала нѣтъ! Это такъ страшно грубо, такъ убійственно подло! Такъ вотъ причина грусти твоихъ задумчивыхъ глазъ: сознаніе тайнаго позора или желаніе того, что было! Фу!

— Ты не имѣешь права такъ говорить!—воскликнула Марта съ чувствомъ оскорбленной гордости.—Мнѣ не въ чемъ упрекать себя, кромѣ неопытности... Я была такъ глупа...

— И это ты называешь глупостью! — прервалъ ее Родерихъ. — О да! это отличное слово!... «Друзьями» называютъ негодяевъ, соблазняющихъ васъ... «литературными вечерами» называются безстыдныя оргіи... Ну... есть еще и другіе эуфемизмы, напримѣръ, для...

Онъ употребилъ выраженіе грубой площадной брани.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди Марты.

— Родерихъ! Ты, ты!...

Это было все, что она произнесла.

— Притворщица!—проговорилъ онъ, со злостью сжимая кулаки.—Дѣлаешь видъ, будто это слово оскорбило тебя, между тѣмъ какъ отлично знакома съ дѣломъ? Солги, если можешь, что ты отлично знала, что̀ тебя ожидало; что ты съ нетерпѣніемъ стремилась къ позору и стыду! Что? Извѣстна тебѣ Шекспировская зала?

Несчастная дѣвушка залилась горькими слезами. Она медленно приблизилась къ нему, опустилась передъ нимъ на колѣна, не произнося ни слова, но все еще рыдая и въ отчаяніи ломая руки.

Родерихъ насмѣшливо смотрѣлъ на склоненную фигуру, молча умоляющую о пощадѣ. Она была слишкомъ больно оскорблена, чтобы произнести хоть одно слово оправданія. Да если бы даже она и попробовала оправдываться, развѣ Родерихъ повѣрилъ бы ей? Честное слово лейтенанта фонъ-Клерво перевѣсило бы всѣ

увѣренія и клятвы. Дѣвическій стыдъ, безутѣшное горе онъ принялъ за сознаніе вины.

Въ борьбѣ между любовью и ненавистью онъ простоялъ нѣсколько минутъ безъ движенія. Потомъ, сложивъ на груди руки, онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Несчастная! Я не нахожу выраженій, чтобы сказать, сколько презрѣнія и отвращенія возбуждаетъ во мнѣ твой видъ! Иди своею дорогой и погрузись окончательно въ грязь... Меня же ты больше не увидишь!

Съ этими словами онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Онъ не слыхалъ, какъ она съ легкимъ стономъ упала у порога. Ему показалось, что она еще разъ назвала его имя. На секунду имъ овладѣла прежняя страсть... Если она, все-таки, невиновна?... Но, вѣдь, это невозможно! Открытое лицо офицера ясно встало передъ нимъ и разсѣяло минутное сомнѣніе. Обезумѣвъ отъ злости и горя, онъ бросился въ свою комнату и повалился на полъ. Въ душѣ его клокотала настоящая буря. Потомъ онъ поднялся, чтобы бѣжать изъ этого дома. Сегодня же онъ переѣдетъ на новую квартиру и начнетъ новую жизнь, — жизнь тяжелаго труда и легкихъ сердечныхъ удовольствій. Пустъ она, негодная, не думаетъ, что онъ будетъ несчастенъ изъ-за нея.

Направляясь къ лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ хозяйку.

— Что было у васъ съ Мартой? — спросила она съ упрекомъ.—Она внѣ себя и такъ блѣдна.

— Ба, это пустяки!

— Но я страшно испугалась. Я вошла въ ея комнату, услыхавъ шумъ, и она сидѣла у стола и горько плакала. Потомъ она вышла и дала мнѣ вотъ это письмо, чтобъ я передала его вамъ. Вотъ, прочтите его, а когда она вернется, то попросите у нея прощенія! Увѣряю васъ, она была какъ помѣшанная.

Родерихъ разорвалъ конвертъ. Письмо заключало только нѣсколько строкъ: «Я не виновата такъ, какъ ты думаешь, но я чувствую, что если бы даже ты могъ загладить твои упреки, то, все-таки, между нами все кончено. Стыдъ, что я жила въ домѣ этой Т., ни на секунду не покидаетъ меня, я сама не могу этого вынести, а на тебѣ, любимомъ мною больше всѣхъ на свѣтѣ, не должно быть ни одного пятна. Прощай, Родерихъ, и прости, если я заставила тебя страдать.

«Марта».

— Когда, когда она ушла?—спросилъ Родерихъ, дрожа.

— Минутъ двадцать тому назадъ.

— И вы могли ее пустить... въ такомъ возбужденномъ состояніи?

— Ее невозможно было удержать.

Родерихъ не колебался. Его ненависть, его ожесточеніе сразу исчезли. Если Марта сдѣлала что-нибудь надъ собой! Теперь только онъ понялъ, какъ страшно онъ оскорбилъ ее. Онъ долженъ найти ее, спасти, вымолить прощеніе, или его жизнь разбита навѣки.

Преслѣдуемый ужасными картинами, онъ бѣжалъ по улицамъ. Только долго спустя послѣ наступленія темноты онъ вернулся домой съ выраженіемъ мучительнаго страха на разстроенномъ лицѣ.

Послѣдняя слабая надежда, что Марта дома, оказалась тщетной. До полночи сидѣлъ онъ у открытаго окна, мучимый страхомъ и ожиданіемъ. Напрасно.

Онъ зналъ теперь: счастье его жизни потеряно навсегда.

Глава XII.

Отто Вельнеръ въ первый же день Новаго года, утромъ, узналъ о вчерашнихъ событіяхъ. Несмотря на полнѣйшую апатію, уже нѣсколько дней овладѣвшую имъ, извѣстіе это его страшно взволновало. Пылкая фантазія молодаго человѣка не переставала работать. Онъ переживалъ ходъ событія до того момента, когда Эмма переступила порогъ тюрьмы. Онъ обдумывалъ, что́ должно было произойти, чтобы скромная, беззаботная дочь почтенныхъ бюргеровъ сдѣлалась вдругъ возмутительницей. Какъ должна любить эта дѣвушка, если все ея существо измѣнилось изъ страха за его жизнь, если ради него она пренебрегла всѣмъ, чѣмъ она до сихъ поръ жила и во что вѣрила!

Онъ вспоминалъ теперь о безчисленныхъ мелочахъ, которыя могли бы и раньше открыть ему любовь Эммы, если бы взглядъ его съ безумною страстью не былъ прикованъ къ женѣ другаго.

Съ раскаяніемъ и стыдомъ, давно онъ уже поборолъ эту страсть; теперь ему въ первый разъ пришла въ голову мучительная мысль, какъ иначе могла бы сложиться вся его жизнь... Если бы Эмма встрѣтилась на его пути раньше, чѣмъ онъ увидѣлъ Люцинду! Онъ былъ бы застрахованъ отъ очарованія этой неземной красоты; онъ тотчасъ же узналъ бы, гдѣ ему искать

истиннаго счастья и сердечнаго покоя. Но теперь слишкомъ поздно. Онъ безнадежно смотрѣлъ въ мрачное будущее.

А она, если она на половину любитъ его, такъ, какъ доказываетъ ея поступокъ,—она будетъ несчастна на всю жизнь.

День прошелъ въ мучительныхъ размышленіяхъ. Все мрачнѣе и мрачнѣе представлялась ему его судьба, пока, наконецъ, имъ не овладѣло полнѣйшее отчаяніе. Стиснувъ кулаки, онъ бился лбомъ о холодную стѣну. Онъ мысленно переживалъ свое осужденіе и долгіе мучительные годы въ арестантской куркѣ, между тѣмъ какъ міръ будетъ процвѣтать, а слава и любовь проливать свой блестящій свѣтъ.

Среди этого приступа слабости, дошла до него вѣсть о неожиданномъ измѣненіи дѣла. Тюремный сторожъ разсказалъ ему, что одинъ человѣкъ, по имени Бренеръ, арестованъ и сознался въ преступленіи, въ которомъ обвинялся до сихъ поръ Отто. Также арестованъ и агентъ Пельцеръ, обвиняемый въ лжесвидѣтельствѣ.

Отто чуть не умеръ отъ неожиданности. Широко открытыми глазами онъ уставился на сторожа, губы скривились и, вмѣсто словъ, изъ груди его вылеталъ хрипъ. Наконецъ, у него вырвался крикъ восторга. Онъ дико схватилъ сторожа за плечи, встряхнулъ его и, какъ безумный, бросился ему на шею.

— Вы не лжете?—произнесъ онъ, дрожа.—Я убью васъ, если хоть слово изъ того, что̀ вы говорите, невѣрно! Бренеромъ зовутъ этого негодяя? Какъ его открыли? Когда и гдѣ? И онъ сознался... во всемъ сознался? Это невозможно! Такой закоренѣлый злодѣй не сознается такъ скоро... И Эфраимъ Пельцеръ... Этого молодца я знаю! Онъ безбожно лжетъ! Да, я увѣряю васъ, лжетъ!...

— Подробностей я еще не знаю,—прервалъ его сторожъ.—Я не могу съ вами долго разговаривать; съ сегодняшняго утра инспекторъ на̀-строго запретилъ это. Но одно я могу вамъ утвердительно сказать: вы не долго у насъ пробудете.

Съ этими словами сторожъ ушелъ.

Отто провелъ безсонную ночь.

На слѣдующее утро, слѣдовательно, въ тотъ день, когда Анастасій фонъ-Сунтгельмъ-Хиддензое въ послѣдній разъ совершалъ свой туалетъ, сторожъ явился позднѣе обыкновеннаго. Когда щелкнулъ замокъ, Отто уже думалъ, что ему приносятъ

извѣстіе о свободѣ. Онъ ошибся; но то, что̀ сообщилъ сторожъ, дало ему силы перенести разочарованіе.

— Она знаетъ это! — вскричалъ старикъ съ лукавою усмѣшкой.

— Что?

— Что настоящій преступникъ найденъ. Говорю вамъ, если бы вы только видѣли! Вчера цѣлый день она была какъ убитая и такъ тиха, такъ тиха; она сидѣла, какъ восковая кукла. Мой товарищъ сказалъ, что она не трогалась съ мѣста и ничего въ ротъ не брала. Я подумалъ, что если она такъ старалась помочь вашему несчастію, то она обрадуется, когда узнаетъ, что все такъ устроилось. Тогда я рѣшилъ, и хотя это и запрещено, отправился къ ней и разсказалъ ей то, что̀ я вамъ говорилъ вчера, и кое-что еще, такъ какъ дома я узналъ много новаго отъ моей старухи, — Богъ ее знаетъ, откуда она все знаетъ. При первомъ словѣ она вскочила, барышня-то, и какъ будто ожила послѣ долгаго обморока. Она покраснѣла, и смѣялась, и плакала. А когда она узнала, что она причина этого счастливаго оборота... да, этого вы еще не знаете: вѣдь, вслѣдствіе возмущенія, напали на слѣдъ дома, гдѣ скрывался Бренеръ, и если это было и дерзкое, и достойное наказанія возмущеніе, то, все-таки оно принесло съ собою и нѣчто хорошее. Жаль только, что за это она сама попала въ бѣду!

Когда Отто опять остался одинъ, ему ясно припомнилось каждое слово сторожа. Такъ ей, значитъ, онъ обязанъ своимъ освобожденіемъ! И теперь при извѣстіи объ этомъ неожиданномъ освобожденіи, означающимъ только освобожденіе для *него*, сердце ея забилось святою радостью; она забывала свою собственную, грустную судьбу при мысли, что спасенъ тотъ, кого она любитъ.

Этотъ часъ закрѣпилъ неразрывный союзъ сердецъ.

Какъ въ Отто пробудилась любовь, такъ передъ Эммой мелькнулъ первый лучъ надежды. Изъ словъ тюремнаго сторожа, забывшаго свою строгую роль, она узнала то, что наполнило блаженствомъ ея грудь... Около двухъ часовъ дня потребовали Отто къ слѣдователю.

Зееборнъ принялъ его съ изысканною вѣжливостью.

— Г. Вельнеръ,—торжественно произнесъ онъ,—къ величайшему моему удовольствію, я могу сообщить вамъ, что, на основаніи важныхъ открытій, вы освобождаетесь отъ слѣдствія.

Отто поклонился.

Слѣдователь продолжалъ:

— Настоящій виновникъ «преступленія 15 декабря» арестованъ со вчерашняго дня. Всѣ пункты его показанія совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ сущности дѣла. Улики, на группировкѣ которыхъ основывалась вѣроятность вашего участія, вполнѣ разсѣеваются вслѣдствіе этого новаго освѣщенія; даже самый опасный изъ свидѣтелей, агентъ Эфраимъ Пельцеръ, полтора часа тому назадъ сознался, что его показаніе о признаніи оружія—безстыдная выдумка. Онъ будетъ судиться за лжесвидѣтельство. Вы, г. Вельнеръ, испытываете теперь радость, что, благодаря усиліямъ правосудія, выяснилась ваша невинность. Вы можете идти, г. Вельнеръ. Позволю себѣ только еще замѣтить, что въ скоромъ времени я вынужденъ буду пригласить васъ участвовать свидѣтелемъ въ процессѣ Бренера.

— Меня... свидѣтелемъ?!—пробормоталъ Отто.—Я думалъ, что преступникъ сознался.

— Конечно. Но для измѣренія субъективной вины преступника никогда не можетъ быть достаточно матеріала.

— О чемъ придется мнѣ свидѣтельствовать?

— Обо всемъ, о чемъ судья найдетъ нужнымъ спросить. Большая же часть найдется здѣсь въ актахъ...

— И меня, какъ свидѣтеля, приведутъ къ присягѣ?—спросилъ Отто, смущенный.

— Конечно.

Холодный потъ выступилъ на лбу юноши. Счастливое настроеніе, только что придававшее ему какъ бы крылья, замѣнилось другимъ—тяжелымъ чувствомъ. Неужели твердость, выказанная имъ до сихъ поръ, все-таки, окажется напрасной? Послѣ приведенія къ присягѣ онъ долженъ сказать всю истину и передъ лицомъ зѣвающей толпы опозорить своего благодѣтеля. Это ужасно!

Молча вышелъ онъ отъ слѣдователя и направился на Пески. Сознаніе этой ужасной необходимости не покидало его. Наконецъ, напрасно промучившись всю дорогу, онъ нашелъ исходъ, не особенно надежный, но, все-таки, исходъ.

Отто рѣшилъ уѣхать отсюда, далеко за границу, чтобы приглашеніе судьи не могло дойти до него.

Правда, это трудная задача, такъ какъ, лишенный всякихъ средствъ, онъ находился теперь въ болѣе стѣсненныхъ обстоя-

тельствахъ, чѣмъ тогда, когда онъ покинулъ Хальдорфъ. Но выбора не было. Уважаемый человѣкъ, которому онъ столькимъ обязанъ, долженъ быть пощаженъ, какою бы то ни было цѣной, хотя бы ему, Отто, пришлось пожертвовать счастьемъ всей жизни. Завтра же онъ долженъ уѣхать.

А Эмма?

При этомъ вопросѣ онъ почувствовалъ, какъ окрѣпла его недавно зародившаяся любовь. Страшная боль охватила его при мысли оставить эту дѣдушку, можетъ быть, безпомощной среди обвиненій, послѣдствій которыхъ нельзя угадать.

Новая борьба, противорѣчія и мученія! Но его рѣшенія невозможно было поколебать. Пусть эта раздвоенность, разрывающая его душу, будетъ наказаніемъ за его первое роковое ослѣпленіе!...

Онъ рѣшилъ скрыть отъ друзей свое намѣреніе. Пусть никто не будетъ въ состояніи даже ему отсовѣтовать; судьбу же Эммы онъ думаетъ вручить человѣку, бывшему и его горячимъ защитникомъ.

Дома онъ засталъ Гейнціуса, г-жу Лерснеръ и Преле. Около часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Родерихъ отправился отыскивать свою Марту.

Общество приняло его съ неописуемымъ восторгомъ. Гейнціусъ безпрестанно обнималъ и цѣловалъ его; Преле чуть не раздавилъ ему руку и даже г-жа Лерснеръ на минуту забыла безпокойство о своей любимой дочери. Уже здѣсь извѣстны были событія, вызвавшія освобожденіе Отто, но никто не ожидалъ сегодня же увидать его. Отто, переодѣвшись, отправился къ доктору Лербаху.

Адвокатъ принялъ его любезно, но немного сдержанно. Онъ также со вчерашняго дня зналъ о случившемся. Немного церемонно выразилъ онъ молодому человѣку пожеланія счастія.

Отто удивляло, что докторъ Лербахъ не пріѣхалъ къ нему въ тюрьму, тогда какъ раньше его защитникъ появлялся въ его комнатѣ ради менѣе серьезныхъ событій.

Вообще, что такое случилось? Чѣмъ больше онъ изъявлялъ выраженій благодарности, тѣмъ холоднѣе отклонялъ докторъ Лербахъ эти выраженія. Въ тонѣ, которымъ онъ сказалъ, что исполнилъ только свой долгъ, слышалась даже горечь. Отто Вельнеръ иначе прѣдставлялъ себѣ эту встрѣчу. Неужели въ душѣ этого человѣка, все-таки, шевелилась тѣнь подозрѣнія?

Отто задалъ себѣ этотъ вопросъ и не находилъ отвѣта. Можетъ быть, это зародышъ недовѣрія, который исчезнетъ, когда Отто откроетъ ему свою душу.

Ахъ, какъ хорошо было открыть свою душу! Прося для Эммы отеческой защиты своего благодѣтеля, Отто высказалъ признаніе, что съ нею, единственно-любимой, связаны всѣ, всѣ его надежды. Истинное чувство, одушевлявшее его, придавало его словамъ что-то трогательное. Онъ съ откровенною простотой разсказалъ, какъ во время одиночнаго заключенія ему сдѣлалась ясна цѣль его жизни, какъ все его существо стремилось къ Эммѣ, что только она одна изъ тысячи, среди которой нѣтъ ей подобныхъ, могла бы его осчастливить.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, то смущенно, какъ конфузливое дитя, то горячо, какъ будто такъ трудно было заинтересовать адвоката Эммой и ея судьбой,—въ это время въ Лербахѣ происходила странная перемѣна.

— Я сдѣлаю все, что смогу,—тихо отвѣтилъ онъ.—Но во всякомъ случаѣ вы не должны забывать одного! Законъ нарушенъ здѣсь открытымъ, неоспоримымъ проступкомъ. Такъ что не увлекайтесь никакими иллюзіями.

Когда Отто направился къ двери, Лербахъ продолжалъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ:

— А propos, вамъ, все-таки, вѣроятно, придется быть свидѣтелемъ въ процессѣ Бренера. Здѣсь слѣдовало бы...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но удержался.

— Это не къ спѣху,—прибавилъ онъ.—Когда вы получите приглашеніе, я возвращусь къ этому предмету.

При словахъ адвоката молодаго человѣка бросало въ жаръ и въ холодъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ чуть слышно. Затѣмъ онъ быстро простился, какъ будто боясь дальнѣйшихъ объясненій.

Докторъ Лербахъ съ возростающимъ волненіемъ прошелся по комнатѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Люцинда повѣрила ему свою тайну, онъ страшно страдалъ. Мысль, что ея образъ, стоявшій въ его душѣ такимъ высокимъ и чистымъ, запятнанъ, терзало его душу. Онъ не измѣнилъ своему намѣренію—только тогда отомстить, когда Люцинда выздоровѣетъ, а Отто будетъ на свободѣ. Теперь Отто освобожденъ, былъ у него, оскорбленнаго, какъ живой вызовъ, и, все-таки, Лербахъ не чувствовалъ въ себѣ ненависти, требуемой гордостью и честью.

Какъ только Лербахъ узналъ, что Отто освобождается отъ преслѣдованія, онъ сталъ придумывать, съ чего бы ему начать, чтобы съ достоинствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ энергіей сыграть роль мстителя.

Роль эта, на самомъ дѣлѣ, представляла затрудненія.

Ее слѣдовало разыграть такъ, чтобы не подозрѣвали о побуждающихъ ее причинахъ; необходимы, значитъ, были хитрость, ложь, противныя открытой и честной душѣ этого человѣка.

Самымъ удобнымъ казалось ему то, что онъ сразу придумалъ: при первомъ удобномъ случаѣ затѣять споръ, незамѣтно раздражить противника и, такимъ образомъ, подъ предлогомъ ничтожнаго оскорбленія, отомстить за тяжелое, непростительное.

Онъ представлялъ себѣ, какъ хладнокровно подставитъ онъ подъ дуло своего пистолета юношу, недавно столь симпатичнаго ему, какъ онъ скажетъ умирающему: «Не сомнѣвайся въ истинномъ основаніи этой справедливой кары! Проклятіе неблагодарному!» Онъ подумалъ также, что смерть оскорбителя унесетъ съ собой въ могилу эту тайну, что тогда не нужны будутъ ухищренія для избѣжанія этого страшнаго свидѣтельскаго показанія.

Какъ быстро возникали эти образы, такъ же быстро и разсѣевались. Именно личная выгода, могущая послѣдовать для него отъ удачнаго исхода его мести, внушала ему отвращеніе. Кромѣ того, какъ тяжело ни оскорбилъ его Отто Вельнеръ, въ немъ не изгладились еще прежнія отеческія чувства. Несмотря на гордость, Лербахъ былъ безпристрастенъ и справедливъ. Онъ понималъ всемогущую силу страсти и преклонялся передъ нею.

Теперь онъ передумывалъ все это въ тысячный разъ. Опустивъ глаза, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ пылающимъ лицомъ, радуясь собственной мягкости и самообладанію.

Однимъ словомъ, куда бы онъ ни взглянулъ, онъ нигдѣ не видѣлъ возможности поступить такъ, какъ подсказывала ему злоба. Наконецъ, онъ рѣшился на время отложить дѣло и подождать.

Этому рѣшенію способствовала Эмма Лерснеръ и явившееся у Лербаха желаніе снова дѣйствовать въ ея интересахъ. За эти послѣднія недѣли онъ полюбилъ Эмму, онъ благоговѣлъ передъ наизмѣримостью самопожертвованія, скрытаго въ ея груди, и считалъ событіе наканунѣ Новаго года заблужденіемъ благо-

роднаго чувства, которое ошиблось только въ выборѣ средствъ. Онъ и раньше просьбы Отто предполагалъ защищать Эмму и по возможности смягчить послѣдствія ея поступка. Защищать эту дѣвушку и преслѣдовать ненавистью любимаго ею человѣка,—это значило бы уничтожить собственное дѣло.

По мѣрѣ того, какъ докторъ Лербахъ поддавался голосу великодушія, на сердцѣ его дѣлалось легче и спокойнѣе.

Онъ прислонился къ окну, смотря на чистый, ясный воздухъ, и глубоко задумался.

Въ это время отворилась дверь изъ сосѣдней комнаты. Люцинда, блѣдная, съ сжатыми губами, показалась на порогѣ. Роковая минута, когда она открыла свой проступокъ мужу, къ удивленію Лербаха, прошла безъ послѣдствій для здоровья Люцинды. Напротивъ, летаргическое спокойствіе, овладѣвшее съ тѣхъ поръ ея мыслями и чувствами, способствовало выздоровленію. Зная своего мужа, она могла быть увѣрена, что отнынѣ счастіе съ нимъ немыслимо. Его обращеніе въ теченіе послѣднихъ дней, непрерывныя, но холодныя заботы не оставляли ей никакого сомнѣнія, что онъ старается вырвать изъ сердца ея образъ. Ее мучилъ не вопросъ, останется ли она его женой въ глазахъ свѣта, но сохранитъ ли онъ къ ней прежнія отношенія. Потерять его любовь, его довѣріе, даже если онъ никогда не произнесетъ ни одного упрека, это дѣлало ее несчастной, этого она не хотѣла и не могла перенести. Долго думала она, но не приходила ни къ какому рѣшенію, пока, наконецъ, ей не пришло въ голову, что именно это-то и должно быть ея наказаніемъ. Она могла надѣяться, что ея страданія съ теченіемъ времени смягчатъ его душу и что она возвратитъ часть того, что теряетъ.

Теперь же, когда она стояла на порогѣ, по ея лицу можно было прочесть, что и это рѣшеніе кажется ей невозможнымъ.

— Освальдъ,—сказала она,—я пришла проститься. Сегодня же я уѣду отсюда... уѣду... Богъ знаетъ куда. Ты же разсказывай всемъ и каждому, что ты выгналъ меня изъ дому. Я знаю теперь положеніе дѣла, я знаю, что̀ неизбѣжно. Не удивляйся, Освальдъ! Я слышала, отъ тебя самого слышала, что онъ долженъ свидѣтельствовать и открыть тайну. Тебѣ не остается выбора, а я не хочу въ страхѣ и отчаяніи ждать, пока въ судѣ... Это убило бы меня, Освальдъ! Я знаю, что никто ему не повѣритъ, если онъ скажетъ правду, что всѣ подозрѣваютъ

всегда самое дурное. Твоя честь не пострадаетъ, если ты ранѣе выгонишь жену, которую будутъ поносить. Я хотѣла остаться, чтобы пощадить тебя въ глазахъ свѣта. Теперь все кончено, все...

Лербахъ слушалъ, задыхаясь.

Она сдѣлала шагъ впередъ.

— Прежде чѣмъ уйду, Освальдъ, — грустно продолжала она, — позволь мнѣ сказать тебѣ еще разъ, какъ мнѣ тяжело и какъ горько, горько я раскаиваюсь! Дай мнѣ руку, Освальдъ, скажи, что ты прощаешь; пусть твоя доброта и состраданіе восторжествуютъ надъ твоею гордостью! Если бы ты зналъ, что̀ я испытываю! Нѣтъ, такъ ты не можешь меня отпустить! Ты долженъ дать мнѣ единственное утѣшеніе, что ты будешъ вспоминать обо мнѣ безъ ненависти и раздраженія.

Лербахъ не двигался. Только что онъ говорилъ самому себѣ, что и онъ виноватъ въ этомъ грустномъ событіи, что онъ скорѣе слѣдовалъ голосу страсти, чѣмъ разсудка, когда просилъ руки такой молодой дѣвушки; онъ созналъ, что безуміе было вѣрить въ ея любовь. А теперь...

Такъ сильно страдала Люцинда за его честь, что сама предлагала себя въ жертву! Это могла сдѣлать только женщина, одѣленная истиннымъ непритворнымъ самопожертвованіемъ.

Какъ ничтожна показалась ему ея вина въ сравненіи съ этимъ трогательнымъ героизмомъ! Все условное, все навѣянное самолюбіемъ исчезло въ немъ: осталась только всепрощающая любовь.

— Люцинда!—вскричалъ онъ, когда она безсильно опустила протянутую руку, думая, что онъ отказываетъ ей въ этой послѣдней просьбѣ. Притянувъ руки, онъ смотрѣлъ на нее взглядомъ, открывшимъ ей все его сердце. Горячія слезы струились по его лицу.—Люцинда, жена!—повторялъ онъ.

Она колебалась, не понимая, какая перемѣна произошла въ немъ. Потомъ съ громкимъ крикомъ она бросилась къ нему на шею и спрятала лицо на его груди, какъ блудный сынъ, плачущій на груди отца. Послѣ часа счастливыхъ объятій, вопросовъ, отвѣтовъ, Лербахъ поцѣловалъ рыдающую Люцинду въ лобъ.

— Теперь же—ради тебя и меня—ни слова о томъ, что напоминаетъ прошлое! Твоя ошибка, также какъ и моя, должна быть вычеркнута изъ нашей памяти!

Люцинда взглянула на него—и только теперь она съ отчаяніемъ вспомнила о томъ, что ея тайна, все-таки, неизбѣжно будетъ открыта свидѣльствомъ Вельнера.

— Что будетъ тогда?—со страхомъ спросила она.—Тогда все напрасно—вся твоя доброта и великодушіе. Сила обстоятельствъ принудитъ тебя къ тому, что ты сегодня добровольно отвергъ...

— Дитя мое,—торжественно началъ Лербахъ,—послѣ того, какъ мы оба простили другъ другу и поклялись въ вѣчной любви и вѣрности, нѣтъ ничего на свѣтѣ, что могло бы меня принудить. Но успокойся! Законъ даетъ намъ здѣсь выходъ. Отто Вельнеръ будетъ въ состояніи вообще избѣжать показанія. Можетъ быть, это будетъ трудно, но я надѣюсь на это. И если даже это не удастся, то ты можешь быть увѣрена, что никогда въ жизни не услышишь отъ меня ни одного упрека. Здѣсь, конечно, намъ нельзя будетъ остаться, но свѣтъ великъ.

— И я послѣдую за тобой, куда бы ты ни повелъ меня!

Снова она опустила свою голову на грудь мужа, проникнутая блаженнымъ чувствомъ примиренія, пересиливающимъ всѣ будущія бури.

Между тѣмъ стемнѣло. Свѣтъ уличнаго фонаря упалъ на потолокъ комнаты.

Люцинда встала и зажгла свѣчи на каминѣ. Ей казалось, какъ будто она вновь зажигаетъ потухшее пламя ихъ семейнаго очага, какъ будто это первое самовольное распоряженіе въ кабинетѣ мужа возвращаетъ ей святыя права, считавшіяся ею утраченными.

Въ то время, какъ здѣсь водворялся полный миръ, Отто грустно блуждалъ по темнымъ улицамъ, преслѣдуемый единственною мыслью, что завтра онъ будетъ уже далеко на чужбинѣ. Онъ проклиналъ свою судьбу, освободившую его для того только, чтобы перемѣнить стѣны темницы на изгнаніе.

Такимъ образомъ, измученный физически и нравственно, онъ къ семи часамъ возвратился на Пески. Тамъ онъ засталъ профессора Соломона, ожидавшаго его съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

— Наконецъ-то!—вскричалъ философъ. — Поздравляю васъ отъ всего сердца, не только съ торжествомъ истины, но и еще съ болѣе важнымъ событіемъ. Лербахъ, которому я сказалъ, что иду къ вамъ, поручилъ мнѣ сообщить вамъ... Я встрѣтилъ его вмѣстѣ съ слѣдователемъ Зееборномъ на Ивановской улицѣ.

Завтра утромъ въ одиннадцать часовъ онъ ожидаетъ васъ. Теперь держитесь обѣими руками за спинку стула! Бывали примѣры, что психическія потрясенія такого радостнаго свойства, какъ то, которое я сообщу вамъ, производили апоплексическіе удары или какія-нибудь другія органическія поврежденія. Прошу васъ только не принять меня за сумасшедшаго, когда я произнесу великое слово. Вы не Отто Вельнеръ, таинственный молодой человѣкъ съ солиднымъ доходомъ нуль плюсъ нуль, а Отто фонъ-Арленсбергъ, счастливый обладатель двухъ милліоновъ, поѣа bene съ исключеніемъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ марокъ, изъ разныхъ экономическихъ соображеній разсѣянныхъ по вѣтру ихъ прежнимъ владѣльцемъ, Анастасіемъ фонъ-Сунтгельмъ, а, можетъ быть, и въ подтвержденіе старой пословицы: чужое добро въ прокъ не идетъ. Позвольте мнѣ, г. Отто фонъ-Арленсбергъ съ словомъ χαῖρε пожать вашу руку.

Отто смотрѣлъ на него такъ, будто бы онъ, все-таки, предполагалъ, что профессоръ помѣшался. Г-жа Лерснеръ, Гейнціусъ и Преле, которымъ Соломонъ дѣлалъ до сихъ поръ только неясные намеки, чтобы не испортить эффекта, раздѣляли недоумѣніе Отто. Словолитчикъ, мучимый тяжелымъ сознаніемъ, что въ долговой книжкѣ профессора за нимъ записано 60 марокъ, счелъ себя обязаннымъ сдѣлать замѣчаніе, долженствующее изгладить впечатлѣніе этого скептицизма.

— Да, да, невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего, — сказалъ онъ.

— Мои сообщенія,—продолжалъ философъ,—лишены спекулятивнаго характера. Они основаны на фактахъ, милѣйшій г. Преле, на фактахъ вполнѣ несомнѣнныхъ. И факты эти очень просты. Въ квартирѣ Эфраима Пельцера, сознавшагося, что безстыднѣйшій интриганъ за наше десятилѣтіе, баронъ Анастасій, подкупилъ его на лжесвидѣтельство, нашли, кромѣ 40 тысячъ марокъ въ банковыхъ билетахъ, связку писемъ, изъ которыхъ всякому здравомыслящему человѣку дѣлается очевиднымъ, что вы, милѣйшій г. Вельнеръ, я хочу сказать, фонъ-Арленсбергъ, вы— истинный владѣлецъ всего состоянія, присвоеннаго Анастасіемъ. Подробности вы узнаете завтра отъ Лербаха. Что во всемъ этомъ событіи меня особенно радуетъ, это то, что по всему предшествовавшему я могу предполагать, что эти письма тождественны съ содержаніемъ пакета, пропавшаго по моей винѣ. И такъ, я еще разъ обращаюсь къ вамъ съ моимъ традиціоннымъ χαῖρε и поздравляю васъ съ такимъ феноменальнымъ счастіемъ!

Восторженный крикъ сорвался съ губъ сельскаго учителя и за неимѣніемъ шляпы онъ сорвалъ съ головы повязку и, забывая о своемъ синякѣ, бросилъ ее вверхъ. Потомъ онъ бросился къ профессору на шею и такъ безумно цѣловалъ его, что очки философа слетѣли на полъ.

— Вы пренебрегаете международнымъ правомъ, уважаемый г. Гейнціусъ!—затѣтилъ Соломонъ съ достоинствомъ.—Посланники священны и неприкосновенны. Но оставимъ это! Я исполнилъ свое порученіе: одно стекло, по крайней мѣрѣ, треснуло, такъ что я могу...

— Но я не понимаю... — пробормоталъ Отто, приложивъ руку ко лбу.

— Это пустяки! Я даю вамъ честное слово, дѣло очевидно; но оставимъ это!

Онъ надѣлъ шляпу.

— Бываютъ моменты потрясающаго величія, — сказалъ онъ.—Этотъ одинъ изъ подобныхъ! Глубокоуважаемый милліонеръ, до свиданія! Научныя проблемы влекутъ меня δικόνδε δόμοσδε. До скораго свиданія! Кстати, я хотѣлъ еще сказать, и чуть-чуть съ этими милліонами не позабылъ,—это будетъ вамъ интересно. Бренеръ, которому вы обязаны всѣми несчастіями, nota bene не только несчастіями, но и пріятными милліонами, такъ какъ безъ лжесвидѣтельства Эфраима Пельцера было бы трудно открыть это дѣло,—Бренеръ сегодня послѣ обѣда повѣсился въ своей камерѣ!

— Повѣсился?!—вскричалъ Отто въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Повѣсился!—подтвердилъ Соломонъ.—Это самое благоразумное, что онъ могъ сдѣлать. Его приговорили бы, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ, и такимъ образомъ онъ избавилъ себя и городъ отъ скучнѣйшаго процесса и плательщиковъ отъ расходовъ.

* * *

Въ тотъ же часъ, не далеко отъ Шотландскихъ острововъ, произошла ужасная катастрофа, не изгладившаяся еще до сихъ поръ изъ общей памяти. Бакетботъ *Іоаннъ* столкнулся съ норвежскимъ пароходомъ *Венеція* и такъ повредилъ его, что тотъ немедленно пошелъ ко дну.

На кораблѣ *Венеція* находились Мейнертъ и Фанни. Они, прежде всего, направились въ Христіанію и нѣкоторое время пробыли тамъ, гдѣ имъ казалось наиболѣе безопаснымъ, такъ

какъ они узнали изъ газетъ, какъ усердно ищетъ полиція ихъ слѣдъ.

За недѣлю до наступленія новаго года они сѣли на злополучный пароходъ, направлявшійся въ Квебекъ, въ Канаду.

Столкновеніе кораблей произошло въ открытомъ морѣ. *Іоаннъ*, виновникъ несчастія, не счелъ нужнымъ оказать помощь жертвамъ своей неосторожности. Онъ на всѣхъ парусахъ мчался дальше, на юго-востокъ. Такимъ образомъ, въ мрачныхъ, взбалмученныхъ морскихъ волнахъ разыгрался рядъ ужасныхъ сценъ, подобныхъ которымъ трудно найти.

Леопольдъ Мейнертъ бросился въ одну изъ спущенныхъ лодокъ; но, прежде чѣмъ ударили веслами, она опрокинулась. Передъ глазами своей возлюбленной онъ исчезъ въ холодныхъ волнахъ.

Фанни, между тѣмъ, окоченѣлыми пальцами ухватилась за бортъ другой лодки. Три раза ее отталкивали, но, наконецъ, послѣ послѣдняго отчаяннаго усилія матросы втащили ее въ лодку. Черезъ три часа послѣ этого сидящіе въ лодкѣ были въ безопасности, почти единственные оставшіеся въ живыхъ изъ нѣсколькихъ тысячъ. Датскій пароходъ, шедшій изъ Стромзэ въ Копенгагенъ, принялъ ихъ и послѣ недѣльнаго плаванія благополучно высадилъ на берегъ.

Извѣстіе объ этой катастрофѣ разлетѣлось по всей Европѣ. Въ гавани датской столицы Фанни Лабицкая, слѣдъ которой вопреки ея предположеніямъ открыли вплоть до самой Христіаніи, была тотчасъ же взята полиціей. Подобныя мѣры предосторожности полиція предписала во всѣхъ гаваняхъ, куда бы ни пристали потерпѣвшіе на *Венеціи*.

Черезъ три дня послѣ этого слѣдователь Зееборнъ, ко всеобщему удивленію, констатировалъ, что бѣжавшая подруга Мейнерта тождественна съ сообщницей Бренера.

Фанни Лабицкая, къ своему величайшему сожалѣнію, забыла на кораблѣ *Венеція* свой неразлучный флакончикъ съ ціанистымъ кали. Когда присяжные единогласно признали ея виновность, то жаждущей жизни и любви преступницѣ ничего больше не оставалось, какъ принять на себя всѣ грустныя послѣдствія, такъ какъ послѣдовать примѣру Бренера у нея не доставало характера.

Глава XIII.

Наступила весна. Въ паркѣ хорошенькой виллы, недалеко отъ воротъ сѣвернаго предмѣстья, собралось оживленное общество, центръ котораго составляла сіяющая счастьемъ парочка: Отто и Эмма.

— Да, друзья мои, — говорилъ взволнованный Отто, — вы должны узнать его такъ же, какъ я зналъ, этого незабвеннаго человѣка, не бывшаго моимъ отцомъ, но любившаго меня со всѣмъ жаромъ отцовской любви. Я хочу представить вамъ его образъ. До сихъ поръ я колебался, такъ какъ думалъ, не принадлежитъ ли это завѣщаніе покойнаго мнѣ одному. Но теперь я рѣшился—и здѣсь подъ душистой сиренью, при блескѣ солнца самое подходящее мѣсто, также какъ и сегодняшнее торжество самое подходящее время.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, просмотрѣлъ его и сказалъ:

— Конечно, если я здѣсь сегодня прочту его, то я чувствую, что то, что мнѣ свято, какъ бы очистится отъ оскорбленія, нанесеннаго ему Эфраимомъ Пельцеромъ. Это письмо моего отца, но переписанное рукою Пельцера. У меня осталась только копія,—«оригиналъ» уничтоженъ барономъ фонъ-Суитгельмъ.

— Я виноватъ! Я виноватъ!—сказалъ профессоръ Соломонъ.—Но, какъ я уже тысячу разъ говорилъ, я слѣдовалъ тому принципу, что, какъ выражается Гёте, зло хочетъ, а добро дѣлаетъ — mutatis mutandis, такъ какъ я ровно ничего не хотѣлъ.

Все общество съ любопытствомъ и участіемъ сгруппировалось вокругъ Отто, начавшаго чтеніе.

«Мой дорогой Отто!

«Какъ ты убѣдишься по письмамъ, приложеннымъ здѣсь, ты не сынъ тѣхъ, кого ты считалъ своими родителями. Отецъ твой былъ Феликсъ фонъ-Арленсбергъ, родственникъ барона Анастасія фонъ-Суитгельмъ, лишившаго тебя отцовскаго наслѣдства и имени. Какимъ образомъ онъ это совершилъ, объ этомъ я не буду здѣсь распространяться. Приложенныя письма дадутъ тебѣ объясненіе всѣхъ мельчайшихъ подробностей. Я же хочу объяснить тебѣ,—если взглядъ твой когда-нибудь упадетъ на это письмо, — что побудило меня скрывать отъ тебя, дорогой мой Отто, истину, только недавно узнанную мною, и взять съ

тебя клятву сломать печати только тогда, если ты увидишь, что не въ силахъ выдержать житейской борьбы.

«Мною руководили два соображенія: одно касается тебя, другое меня. Ты повѣришь, конечно, что первое пересиливало. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ я наблюдалъ за тобой и пришелъ къ убѣжденію, что твой характеръ, несмотря на всѣ достоинства, которыя я признаю за нимъ, нуждается въ твердости, чтобъ имѣть право на истинное счастіе. Ты отличаешься неутомимостью, страстью, стремящеюся къ наслажденіямъ, хотя эти наслажденія могутъ быть и высоки, и благородны. При подобныхъ качествахъ человѣкъ слабъ и не выдерживаетъ борьбы съ страданіями. Я вижу, что въ твоей душѣ дремлютъ многообѣщающія дарованія, но не достаетъ той желѣзной силы, чувствующей и признающей, что работа—удѣлъ каждаго смертнаго. То, чему ты научился, то почти что дано тебѣ небомъ: лучшее же на землѣ должно быть завоевано. И я предугадывалъ печальное будущее, если такимъ незрѣлымъ ты вступишь въ свѣтъ сонливой бездѣятельности и сводящаго съ ума блеска.

«Далѣе, ты знаешь, какъ мало цѣны придаю я выгодамъ огромнаго состоянія. И такъ, я сказалъ себѣ: если тебѣ удастся собственными силами добиться приличнаго существованія, то потеря тѣхъ милліоновъ не имѣетъ значенія.

«Только одно стояло призракомъ передъ моею душой: именно страхъ, что, если я уничтожу эти бумаги, ты, несмотря на всѣ усилія, впадешь въ бѣдность. Такимъ образомъ, я рѣшилъ то, что я сдѣлалъ. Я передалъ тебѣ все, что можетъ подтвердить твои права, и взялъ съ тебя клятву, ограничивши ее только однимъ исключеніемъ.

«Пусть—это мое искреннее желаніе—содержаніе этого пакета никогда не будетъ тебѣ извѣстно! Тогда ты будешь всѣмъ обязанъ самому себѣ и не будешь нуждаться въ томъ, о чемъ ты никогда не зналъ.

«Основаніе же, касающееся меня, слѣдующее: я тебя горячо любилъ. Сознаніе, что я буду существовать въ твоей памяти, пока ты будешь жить, облегчаетъ мнѣ смерть, приближеніе которой я чувствую. Мысль же, что ты узнаешь, что въ узахъ, соединяющихъ насъ, не достаетъ самаго главнаго, если не въ дѣйствительности, то, все-таки, по мнѣнію людей и, можетъ быть, по-твоему,—эта мысль не даетъ мнѣ покоя. Я хочу жить въ твоей памяти, какъ твой отецъ, не только какъ другъ, воспи-

тавшій и усыновившій тебя. Это мое единственное желаніе передъ смертью. Если же ты, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, все-таки, прочтешь то, что̀ я пишу, то подави въ себѣ чувство разочарованія. Скажи себѣ, что кровныя узы только внѣшнія и случайныя, тогда какъ узы общей жизни и нѣжной любви существенныя и настоящія. Воспоминай и тогда обо мнѣ, какъ объ отцѣ, искренно и горячо любившемъ тебя до послѣдней минуты».

Отто читалъ съ возростающимъ волненіемъ; большинство окружающихъ было глубоко тронуто.

— Духъ философа, — замѣтилъ Соломонъ, — относительно этики и калобіэтики. Кто могъ бы, между тѣмъ, отрицать, что подобные тебѣ ростутъ только на почвѣ чисто-метафизическаго убѣжденія?

Только Преле, повернувшій съ Аделью въ ближайшую аллею, объявилъ это совсѣмъ непонятнымъ и фрейленъ Якоби замѣтила довольнымъ тономъ, что она давно не слыхала изъ устъ своего жениха такихъ разсудительныхъ словъ.

— Если у меня будутъ дѣти, — продолжалъ Преле, — и мнѣ слѣдовало бы только протянуть руку, чтобы сдѣлать ихъ милліонерами, то я и не подумалъ бы философствовать о собственныхъ силахъ. Пусть говорятъ, что угодно, но деньги есть и всегда будутъ главнымъ условіемъ жизни, и если бы Отто фонъ-Арленсбергъ не принялъ во мнѣ участія и не помогъ мнѣ, то я глубоко убѣжденъ, что между нами до сихъ поръ все было бы попрежнему и ты насмѣялась бы надо мной, вмѣсто того, чтобы сказать да!

— Послушай, — сказала Адель, — не смѣй этого говорить! Хотя это и скромно съ твоей стороны, но меня это выставляетъ въ отвратительномъ свѣтѣ. Правда, я сама хорошенько не понимаю, что̀ побудило меня; но что это не твое матеріальное положеніе, это вѣрно, даю тебѣ слово.

— Гмм... — сказалъ Преле.

— Ты сомнѣваешься?

— Нѣтъ, но это я вѣрно знаю; ты сдѣлалась со мной ласкова съ того дня, какъ появились эти два милліона.

— Какое ты дитя! Неужели я выхожу за тебя замужъ потому, что другой получилъ наслѣдство? Или можно было развѣ заранѣе предвидѣть, что Отто фонъ-Арленсбергъ купитъ тебѣ типографію?

— Купитъ?... Скажи: дастъ въ займы!

— Оставайся теперь при этомъ!

— Я вовсе не утверждаю, Адель.

— Долженъ же ты это когда-нибудь выслушать, хотя это и непріятно мнѣ!... А то ты, въ концѣ-концовъ, вообразишь... Да, ты правъ: съ того вечера я совершенно измѣнилась; но тутъ были совсѣмъ особенныя основанія. Видишь ли ты (она понизила голосъ до шепота), съ меня было достаточно горя несчастнаго Родериха; потомъ я замѣтила, какъ дѣйствуетъ на умы, если два человѣка, назначенные другъ для друга, расходятся изъ-за глупостей; что Марта невинна, это я тогда же знала,—она совсѣмъ не была похожа... Да, нечего тебѣ удивляться: у меня давно было смутное предчувствіе, что мы предназначены другъ для друга, но... многое мѣшало мнѣ... Ну, ты этого не понимаешь! И вотъ—это и было главною причиной—въ тотъ вечеръ пришло письмо отъ того господина, отъ барона, ужасное письмо съ пятью тысячами марокъ... Я никогда не говорила объ этомъ, но эти пять тысячъ марокъ еще лежатъ у меня, такъ какъ я не знала, что дѣлать съ ними; выбросить я тоже не могла ихъ, такъ какъ уже выяснилось, что они не принадлежали барону... Это письмо, — видишь ли, Фрицъ, мнѣ казалось, какъ будто меня передъ всѣмъ свѣтомъ выставили къ позорному столбу и люди проходили мимо и отворачивались съ презрѣніемъ и отвращеніемъ,— это письмо открыло мнѣ глаза, и тогда мнѣ дѣйствительно показалось, что я стояла на краю пропасти. И тутъ я подумала, какъ дружески ты предостерегалъ меня, какъ хорошо относился ко мнѣ и, несмотря на все это, не отнялъ твоей любви, и поэтому я сказала: да,—а вовсе не изъ-за твоей жалкой типографіи. Вѣдь, въ сравненіи съ Эммой и ея женихомъ мы, все-таки, нищіе и будемъ ли мы получать двумя тысячами марокъ больше, или меньше въ годъ, это безразлично.

Фрицъ Преле въ волненіи схватилъ ея руку.

— То, что ты говоришь мнѣ теперь, мнѣ и больно, и пріятно... я долженъ поцѣловать тебя, Адель! Непремѣнно такъ, въ лобъ. Такъ я долженъ тебѣ вѣрить... Я такъ счастливъ! Я думалъ, что я буду счастливъ, если ты будешь моей и хоть ради Христа дашь согласіе... А теперь ты говоришь мнѣ... Адель, я долженъ тебя еще разъ поцѣловать! Здѣсь никто не увидитъ. А что касается типографіи, то она вовсе не такая жалкая; современемъ изъ нея выйдетъ что-нибудь и я буду работать для те-

бя, съ утра до вечера, и употреблять всѣ усилія, чтобы ты не очень отличалась отъ Эммы. Впрочемъ, ты гораздо красивѣе Эммы. Эти же злополучныя 5,000 марокъ... ты должна ихъ возвратить; онѣ принесутъ только несчастіе. Я подумаю, какъ это сдѣлать. Ахъ, какъ хорошо, что вся эта исторія такъ кончилась, а то бы случилось еще несчастіе, и знаешь ли ты, если я прихожу въ бѣшенство, настоящее, неудержимое бѣшенство, то я никого не слушаю и тогда со мной могло бы случиться то же, что съ Родерихомъ Лундомъ.

— Бѣдный Родерихъ Лундъ!—задумчиво произнесла Адель.— Теперь мнѣ, право, жаль, что я такъ невнимательно слушала, когда онъ намъ читалъ свою трагедію.

— Тѣмъ болѣе, что ея уже не существуетъ.

— Какъ, и *Гракха*?

— Конечно. Когда онъ узналъ, что Марта бросилась въ рѣку, онъ все сжегъ. Онъ хотѣлъ, чтобы послѣ него ничего не оставалось. Но, вѣдь, ты знаешь это!

— Конечно, знаю; но я знаю, что въ его книгахъ найденъ былъ второй экземпляръ его пьесы и поэтому я думала...

— Глупости! Найденъ *Барбаросса*, который надняхъ,— можетъ быть даже сегодня,—въ первый разъ пойдетъ на сценѣ, знаешь, тамъ, въ южной Германіи... У Лунда, на самомъ дѣлѣ, былъ большой талантъ!.

— Жаль его,—замѣтила Адель.

— Страшно жаль! Мнѣ всегда дѣлается грустно, когда вспоминаю тѣ времена... Слава Богу, что наконецъ-то арестована эта проклятая женщина, эта Тарофъ, виновница его несчастія. Правда, фонъ-Тиллихау сдѣлался отъ этого болѣе...

— Ну, онъ за это время очень измѣнился, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ... Но смотри, кто-то ѣдетъ.

Въ эту минуту слѣва подкатилась элегантная коляска.

— Докторъ Лербахъ! — воскликнуло общество, выбѣжавшее на стукъ экипажа.—Наконецъ-то! Довольно долго заставилъ онъ насъ ждать себя!

Адвокатъ выскочилъ изъ экипажа и направился къ нимъ по аллеѣ, еще издали раскланиваясь. Онъ дружески поцѣловалъ Эмму въ украшенную цвѣтами головку, любезнымъ замѣчаніемъ вывелъ изъ замѣшательства мать невѣсты, обратился съ шуткой къ Фрицу Преле и его невѣстѣ, пожалъ руку Отто и остальнымъ мужчинамъ и затѣмъ обратился снова къ Эммѣ:

— Жена моя извиняется, — вѣжливо произнесъ онъ, — ее неожиданно задержали гости. Взамѣнъ этого я привезъ вамъ сердечныя пожеланія счастія отъ совѣтника. Онъ позволилъ себѣ сдѣлать нашей милой невѣстѣ подарокъ, если не дорогой по цѣнѣ, за то дорогой по мѣсту, занимаемому среди фамильныхъ драгоцѣнностей моего тестя: это — браслетъ, который въ тотъ роковой вечеръ онъ хотѣлъ достать своей дочери Камиллѣ, безбездѣлушка изъ приданаго его матери.

Эмма, краснѣя, приняла этотъ подарокъ. Отто хотя и не могъ еще изгладить чувства горечи къ совѣтнику, но не могъ не оцѣнить и необычайной деликатности этого подарка.

— Nunc est bibendum! — воскликнулъ Карлъ-Теодоръ Гейнціусъ, увидя, что всѣ въ сборѣ.

Все общество направилось къ большой верандѣ, гдѣ началось празднованіе помолвки Отто съ Эммой. Адвокатъ произнесъ первый тостъ. Веселымъ тономъ и съ большимъ юморомъ онъ изобразилъ картину всѣхъ событій, разыгравшихся прежде, чѣмъ была достигнута цѣль сегодняшняго празднества; только о собственныхъ стараніяхъ для спасенія обоихъ героевъ онъ умолчалъ.

Послѣ того, какъ прекратились крики ура, Отто всталъ и дополнилъ то, что пропустилъ Лербахъ.

Еще менѣе останавливаясь на своей судьбѣ, чѣмъ на судьбѣ своей невѣсты, смущенно смотрѣвшей въ тарелку, онъ говорилъ о дружбѣ этого человѣка, пожертвовавшаго нѣсколькими недѣлями своего дорогаго времени, проникнувшаго даже въ кабинетъ регента, чтобы добиться того, чего онъ не могъ достигнуть отъ закона, отъ милосердія великодушнаго повелителя.

Герцогъ удостовѣрился собственными глазами, такъ какъ краснорѣчію доктора Лербаха удалось пробудить участіе государя къ революціонеркѣ съ дѣтскою улыбкой и кроткими голубыми глазами. Когда Лербахъ явился къ нему во второй разъ, регентъ протянулъ ему руку и сказалъ съ величайшею благосклонностью: «Уже давно я намѣревался выразить замѣчательному адвокату, безпорочно-честному человѣку особенный знакъ моего уваженія и симпатіи, и все колебался, какая форма наиболѣе подходящая, такъ какъ выдающіеся люди требуютъ выдающагося способа обхожденія. Примите теперь то, что вамъ будетъ наиболѣе пріятно! Вотъ, читайте, дорогой Лербахъ! Ваша маленькая пріятельница свободна! Тѣмъ легче могъ я въ данномъ случаѣ воспользоваться

преимуществами короны, что государство обязано что-нибудь сдѣлать для Отто фонъ-Арленсберга».

Около одиннадцати часовъ обѣдъ кончился. При лунномъ свѣтѣ прошлись по саду и затѣмъ снова собрались на веранду, гдѣ докторъ Соломонъ, мастеръ этого дѣла, приготовилъ великолѣпный пуншъ. Карлъ-Теодоръ Гейнціусъ носилъ въ карманѣ стихи—первый плодъ его вновь пріобрѣтеннаго сердечнаго покоя.

Только что онъ поднялся съ мѣста, какъ въ комнату вошелъ слуга съ двумя телеграммами.

Первая телеграмма была отъ Эриха фонъ-Тиллихау съ поздравленіями и пожеланіями счастья. Эрихъ фонъ-Тиллихау лично отвезъ ее на почту, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заказное письмо «милой мамѣ», въ которомъ онъ извѣщалъ, что вчера его дорогая Камилла открыла ему пріятную, полную надеждъ тайну. Но ни эта тайна, ни содержаніе телеграммы, говорящее о «славно увѣнчанной вѣрности», не могли ему помѣшать зайти въ сосѣдній виноградникъ, гдѣ счастливый супругъ и будущій папаша прижалъ свои губы, только что скромно улыбавшіяся при отправленіи депеши, къ розовымъ губкамъ лепечущей «tiamo» итальянки.

Вторая телеграмма была изъ столицы южной Германіи. Вотъ ея содержаніе: «Сегодня первое представленіе *Барбароссы*. Выдающійся успѣхъ. Сотни представленій почти несомнѣнны. Пожалуйста, спросите *Колоколъ*, желателенъ ли рефератъ въ пять столбцовъ. Отвѣтъ по старому адресу. Іосифъ Коханскій».

Впечатлѣніе этой телеграммы, два раза прочитанной Отто, было потрясающее.

— Я предсказывалъ это,—замѣтилъ адвокатъ.

— Если бы онъ дожилъ до этого!—сказала взволнованная Эмма.

Гейнціусъ опять спряталъ въ карманъ свой сонетъ. Онъ былъ написанъ въ шутливомъ духѣ и не подходилъ теперь къ общему настроенію. Его поэтическому опыту опять не посчастливилось. Но онъ не негодовалъ. Онъ молча осушилъ стаканъ вина въ память покойнаго, единственное оставшееся произведеніе котораго составляетъ гордость и украшеніе нѣмецкой литературы.

В. Р.

Университетская наука для русскихъ женщинъ *).

IV.

Петербургскіе высшіе женскіе курсы открыты въ сентябрѣ 1878 года **). Но, на основаніи этого факта, совершенно ошибочно было бы выводить заключеніе объ отсталости Петербурга въ вопросѣ о высшемъ женскомъ образованіи. Напротивъ: какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда впервые проявилось стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію, затихшее, впрочемъ, вскорѣ на много лѣтъ, такъ и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вновь возникъ и на этотъ разъ уже безповоротно,—Петербургъ шелъ впереди другихъ. Тутъ впервые былъ предъявленъ оформленный запросъ женщинъ на высшее образованіе, и тутъ же зародились первые проблески высшаго женскаго образованія.

Явленіе—въ высшей степени поразительное въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія; но, тѣмъ не менѣе, по цѣли этой статьи, невозможно входить здѣсь въ подробности этого явленія, и мы остановимся лишь на особенно выдающихся моментахъ, имѣющихъ, притомъ, непосредственное отношеніе къ петербургскимъ высшимъ курсамъ ***).

Починъ въ возбужденіи вопроса о высшемъ образованіи русскихъ женщинъ принадлежитъ публицисту-женщинѣ (бывшей однимъ изъ соредакторовъ *Недѣли*), Евгеніи Ивановнѣ Конради. Въ декабрѣ 1867 года она внесла въ происходившій тогда въ Петербургѣ съѣздъ натуралистовъ дѣльно мотивированную записку о необходимости научнаго образованія для женщинъ ****). Г-жа Конради была выразительницей идеи, не только

*) *Русская Мысль*, кн. XI

**) По отчету за 1878—79 учебный годъ, открытіе курсовъ считается съ 1 сентября; чтеніе же лекцій началось съ 20 сентября 1878 года.

***) О первомъ движеніи русскихъ женщинъ къ высшему образованію мы имѣли уже случай довольно подробно говорить въ статьѣ: *Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи* (*Наблюдатель* 1882 г., №№ 4, 5 и 6).

****) Записка Е. И. Конради напечатана въ *Трудахъ* перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей.

не переставшей бродить въ русскомъ обществѣ съ начала шестидесятыхъ годовъ, но и вызывавшей съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе болѣзненное проявленіе, въ видѣ эмиграціи русскихъ женщинъ за границу, въ поискахъ высшаго образованія. Съѣздъ натуралистовъ, не имѣвшій, по своей программѣ занятій, педагогическаго отдѣла, конечно, могъ только выслушать записку Е. И. Конради, отнестись къ возбужденному вопросу съ платоническимъ сочувствіемъ, но не имѣлъ права входить въ обсужденіе его и тѣмъ болѣе выступать въ роли ходатая передъ правительствомъ.

Замѣчательно, что одного факта подачи г-жею Конради записки съѣзду оказалось достаточнымъ, чтобы дать толчокъ окончательно назрѣвшему вопросу. 11 марта и затѣмъ 13 мая 1868 года ректору петербургскаго университета были поданы заявленія отъ 400 женщинъ съ просьбою объ устройствѣ «лекцій или курсовъ для женщинъ», въ видахъ удовлетворенія «все болѣе и болѣе возрастающей въ обществѣ потребности серьезнаго женскаго образованія». Въ первыхъ рядахъ этого характернаго, многознаменательнаго движенія стояли Е. И. Конради, Н. В. Стасова, В. П. Тарновская, Е. Н. Воронина, О. А. Мордвинова, А. П. Философова, М. В. Трубникова. Но, что особенно интересно, въ числѣ женщинъ, подписавшихъ заявленіе на имя ректора университета, находятся: графиня А. И. Толстая, графиня В. Ростовцева, княгиня Эристова, Е. и Н. Милютины, Л. Воронцова, баронесса Ю. Розенъ, А. Тизенгаузенъ,—словомъ, около сотни женщинъ высшаго круга, самыхъ родовитыхъ русскихъ фамилій. Мало того: не остались безгласными и провинціальныя русскія женщины. Въ письмѣ изъ Смоленска, отъ 28 іюня 1868 года, на имя ректора петербургскаго университета, подписанномъ шестьюдесятью тремя женщинами, выражается «живѣйшая признательность» за возбужденіе вопроса о чтеніи «лекцій спеціально для женщинъ». «Мы радуемся, — говорится, между прочимъ, въ этомъ письмѣ смоленскихъ дамъ,—не за себя, потому что не многія изъ насъ настолько подготовлены, чтобы слушать университетскій курсъ, но радуемся за наше молодое поколѣніе, за женскія гимназіи и другія учебныя заведенія, которымъ данъ будетъ жизненный толчокъ, вслѣдствіе чего постепенное улучшеніе воспитанія женщинъ совершится быстро и легко».

Такимъ образомъ, не прошло и полгода со времени возбужденія вопроса о научномъ образованіи русскихъ женщинъ, какъ за него высказались около 500 женщинъ самаго разнообразнаго сословнаго положенія и состоянія—отъ средняго, интеллигентнаго, до самаго высшаго. Со времени первыхъ заявленій и ходатайствъ русскихъ женщинъ о высшемъ образованіи, къ нимъ примкнулъ профессоръ петербургскаго университета Андрей Николаевичъ Бекетовъ, поддерживавшій и раздѣлявшій съ ними всѣ хлопоты и труды по устройству высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Имя Андрея Николаевича остается неразрывно связан-

нымъ съ этимъ крупнѣйшимъ изъ русскихъ высшеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеній—отъ момента зарожденія мысли о немъ до послѣдняго времени.

Но, несмотря на полное сочувствіе и поддержку, оказанную совѣтомъ петербургскаго университета стремленію женщинъ къ научному образованію, между возбужденіемъ ходатайства передъ правительствомъ объ открытіи курсовъ университетскаго характера и осуществленіемъ ихъ прошло около десяти лѣтъ. Совѣтъ университета и просительницы находили необходимымъ организовать «правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы» по предметамъ словесно-историческаго и физико-математическаго отдѣленій; между тѣмъ, министръ народнаго просвѣщенія далъ согласіе на учрежденіе лишь «общихъ публичныхъ лекцій, т.-е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій». При этомъ не лишне замѣтить, что оффиціальнымъ письмомъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 5 апрѣля 1869 года, учредительницамъ «публичныхъ лекцій» было воспрещено «публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій для предполагаемаго курса общихъ лекцій для мужчинъ и женщинъ, а также и о подпискѣ на слушаніе курсовъ». Наконецъ, въ исходѣ 1869 года министръ народнаго просвѣщенія далъ окончательное разрѣшеніе открыть чтеніе профессорами университета «публичныхъ лекцій» по нѣкоторымъ предметамъ словесно-историческаго и естественнаго отдѣленій. Лекціи начались 20 января 1870 года.

Эта полумѣра послужила, однако, зерномъ, изъ котораго развилось все, чѣмъ такъ недавно еще гордилась Россія (правда, нѣсколько преувеличенно *), по части высшаго женскаго образованія. Исключеніе представляютъ лишь «педагогическіе курсы с.-петербургскихъ женскихъ гимназій», существующіе съ 1863 года, т.-е. являющіеся однимъ изъ самыхъ старѣйшихъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Учрежденіе въ Петербургѣ «публичныхъ лекцій», какъ первый опытъ дать женщинамъ выходъ къ высшему образованію, вызвало во всѣхъ университетскихъ городахъ движеніе въ пользу научнаго образованія женщинъ, проявившееся открытіемъ въ Москвѣ Лубянскихъ курсовъ (почти одновременно съ петербургскими «лекціями»), организацію въ 1870 и 1871 годахъ кіевскимъ обществомъ естествоиспытателей въ университетѣ «систематическихъ публичныхъ курсовъ по естественнымъ наукамъ», къ чему впослѣдствіи примкнуло чтеніе лекцій и по предметамъ словесно-историческимъ. Это движеніе, однако, оформилось лишь въ 1872 году, съ одной стороны, учрежденіемъ въ Москвѣ первыхъ въ Россіи высшихъ женскихъ курсовъ В. И. Герье, съ другой—открытіемъ въ Петербургѣ врачебныхъ

*) См. кн. VII *Русской Мысли* 1886 г.: *Образованіе женщинъ у насъ и за границей.*

женскихъ курсовъ, о которыхъ, какъ и о педагогическихъ курсахъ, будетъ рѣчь въ особой статьѣ.

Петербургскія «публичныя лекціи», просуществовавъ до 1873 года, принуждены были пріостановить на нѣсколько лѣтъ свою дѣятельность. Иначе и быть не могло. Придирчивый контроль надъ профессорскими программами нерѣдко задерживалъ начало лекцій по нѣкоторымъ предметамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ другой стороны, приходилось терпѣть матеріальную нужду, вслѣдствіе отсутствія организаціи для сбора пожертвованій. Самое же главное—простое чтеніе лекцій, безъ всякой провѣрки, насколько усвоено прочитанное, не только не удовлетворяло, но прямо тяготило и преподающихъ, и слушающихъ. Съ прекращеніемъ «лекцій», однако, не умерла идея, во имя которой онѣ были затѣяны: напротивъ, тѣ высшія женскія учебныя заведенія, которыя, косвеннымъ образомъ, обязаны были «публичнымъ лекціямъ» своимъ появленіемъ на свѣтъ, способствовали еще бо́льшему развитію и упроченію идеи научнаго женскаго образованія. Точно также и энергія лицъ, стремившихся къ практическому осуществленію этой идеи, возрастала, можно сказать, пропорціонально встрѣчавшимся препятствіямъ. Наконецъ, въ сентябрѣ 1878 года послѣдовало открытіе петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, разрѣшенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ. При этомъ министръ самъ указалъ на профессора университета К. Н. Бестужева-Рюмина, какъ на лицо, которое онъ желалъ бы видѣть во главѣ вновь разрѣшаемаго учрежденія. Уважаемый ученый, стоявшій, можно сказать, въ сторонѣ отъ происходившаго въ теченіе 10 лѣтъ уже движенія въ пользу высшаго женскаго образованія, съ готовностью принялъ на себя званіе учредителя высшихъ женскихъ курсовъ, сопряженное, понятно, съ большими хлопотами и отвѣтственностью, но безвозмездное.

Ко времени разрѣшенія петербургскихъ высшихъ курсовъ имѣлось всего, отъ прежнихъ «публичныхъ лекцій», 222 р. 35 к., т.-е. на 22 р. 35 к. больше того, чѣмъ располагали казанскіе курсы въ моментъ ихъ открытія. Петербургскіе курсы были такъ бѣдны, что имъ не на что было нанять помѣщенія, и, благодаря начальнику с.-петербургскихъ женскихъ гимназій, И. Т. Осинину, они помѣстились на первыхъ порахъ въ залахъ и классахъ Александровской женской гимназіи (при педагогическихъ курсахъ), такъ что чтеніе лекцій производилось вечеромъ. Первою заботой учредителей, понятно, было устройство матеріальной стороны высшихъ курсовъ. Съ этою цѣлью организовано было «общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». Учредители общества поступили вполнѣ осмотрительно и совершенно правильно: они обратились за разрѣшеніемъ не къ учебной администраціи, — гдѣ, почему-то, ходатайства о подобнаго рода учрежденіяхъ, какъ было сказано уже, встрѣчали неблагопріятный исходъ,—а къ министру внутреннихъ дѣлъ,

которымъ и былъ утвержденъ уставъ общества 4 октября 1878 года. Въ уставѣ весьма обстоятельно разработаны права и обязанности общества. Онъ составляется изъ лицъ обоего пола, всѣхъ состояній и званій, безъ ограниченія числа членовъ (§ 3). Обществу предоставлено пользоваться всѣми дозволенными закономъ способами для увеличенія матеріальныхъ средствъ курсовъ (§§ 4 и 7). Распорядительная и контролирующая власть принадлежитъ общимъ собраніямъ, которыя могутъ быть какъ обыкновенныя (т.-е. очередныя, разъ въ годъ, въ началѣ учебнаго года), такъ и чрезвычайныя—по экстренному созыву, когда потребуютъ обстоятельства (отъ § 22 до § 28); исполнительнымъ же органомъ общества служитъ комитетъ, состоящій изъ 12 членовъ, по выбору собранія. Въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы, въ случаѣ надобности, какъ члены общества, такъ и постороннія лица. Комитетъ, какъ исполнительный органъ общества, управляетъ и завѣдываетъ всею хозяйственною и имущественною стороной курсовъ, заботится объ увеличеніи матеріальныхъ ихъ средствъ, составляетъ ежегодную смѣту доходовъ и расходовъ,—словомъ, является фактическимъ хозяиномъ и распорядителемъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ собственно педагогической части (отъ § 10 до § 21). Общество «имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ», а также облечено «правомъ владѣть движимою и недвижимою собственностью, пріобрѣтая таковую всѣми указанными въ законѣ способами» (§§ 29 и 30).

Благодаря учрежденію общества или, точнѣе, удачному выбору членовъ комитета (черезъ каждое трехлѣтіе выходитъ треть членовъ комитета, на мѣсто которыхъ избираются общимъ собраніемъ новые, или оставляются тѣ же члены, по новому избранію), матеріальная сторона курсовъ была поставлена, съ перваго же года ихъ существованія, *блистательно*. Это объясняется, съ одной стороны, огромнымъ наплывомъ слушательницъ, которыхъ въ сентябрѣ 1878 года, при открытіи лекцій, записалось на курсы 814; съ другой — быстрому матеріальному упроченію курсовъ еще болѣе способствовало то обстоятельство, что предшествовавшее десятилѣтіе сплотило у этого дѣла группу людей энергическихъ, глубоко и искренно преданныхъ дѣлу высшаго женскаго образованія, съумѣвшихъ привлечь жертвователей и разумно воспользовавшихся всѣми, предоставленными имъ, правами для увеличенія матеріальнаго благосостоянія курсовъ. Такъ, за первый же годъ ихъ дѣятельности, т.-е. по 1 сентября 1879 года, въ приходѣ было 44,143 руб., въ расходѣ — 19,715 р. 88 к.; слѣдовательно, осталось 24,427 р. 12 к. Чтобы не утомлять читателя обиліемъ цифръ и, въ то же время, дать хотя приблизительное понятіе, какъ успѣшно выполняло общество вспомоществованія курсамъ и его комитетъ добровольно принятую ими на себя въ высшей степени трудную обязанность,—замѣтимъ, что за все время дѣятельности общества оно ежегодно завершало свою смѣту *лучше*, чѣмъ

предполагало, и это «лучше» систематически возрастало съ каждымъ годомъ. Вотъ факты.

Въ 1879—80 учебн. году	ожидался дефицитъ въ	3,700 руб.	; но получился избытокъ въ	5,000 руб.
„ 1880—81 „	„ „	„ 13,700 „	; но капиталъ общества остался безъ измѣненія.	
„ 1881—82 „	„ „	„ 6,900 „	; но получился избытокъ въ	12,700 руб.
„ 1882—83 „	„ „	„ 11,700 „	; но получился избытокъ въ	4,000 руб.
„ 1883—84 „	„ „	„ 10,000 „	; но получился избытокъ въ	25,000 руб.
„ 1884—85 „	„ ожидал. пожертвованій	5,000 „	; въ дѣйствительности получено	30,180 руб.,

т.-е. на 25,180 руб. болѣе предположеннаго по смѣтѣ поступленія.

Картина, не лишенная эффектности и блеска, несмотря на всю скромность языка цифръ!... Что касается «ожиданія дефицитовъ», то это объясняется колоссальностью расходовъ, которые во второмъ году жизни курсовъ ($18^{79}/_{80}$ уч. годъ) составляли 41,760 руб., въ третьемъ году ($18^{80}/_{81}$ уч. годъ)—57,870 руб. и т. д. Но это были расходы дѣльные, вполнѣ осмотрительные и производительные,—расходы, свидѣтельствовавшіе о несомнѣнномъ и, притомъ, выдающемся ростѣ того дѣла, у котораго такъ мужественно встало общество вспомоществованія и его энергическій исполнительный органъ—комитетъ. Комитетъ, получая годъ отъ году крупные остатки отъ своихъ смѣтныхъ назначеній, какъ бы не довѣрялъ прочности симпатій русскаго общества курсамъ, во всякомъ случаѣ, съ похвальною осторожностью, умалялъ размѣры этихъ симпатій,—и въ теченіе пяти лѣтъ подъ-рядъ не могъ отрѣшиться отъ мысли о дефицитахъ; но русское общество, съ своей стороны, изъ года въ годъ доказывало, что оно считаетъ позорнымъ дефициты въ бюджетѣ курсовъ, и давало избытокъ, приращеніе. Наконецъ, подъ напоромъ фактовъ, комитетъ общества вспомоществованія, на седьмомъ году жизни курсовъ, рискнулъ, наконецъ, отрѣшиться отъ мысли о дефицитахъ и занесъ на приходъ 5,000 руб. пожертвованій; но и тутъ ошибся: онъ въ шесть разъ уменьшилъ то довѣріе, тѣ симпатіи, которыя петербургскіе высшіе курсы успѣли уже снискать въ русскомъ обществѣ, какъ учрежденіе, пріобрѣвшее извѣстность и доброе имя не только на всю Россійскую имперію, но и за границей.

Приведенную картину цифръ о превышеніи доходовъ надъ расходами не лишне дополнить другою, не менѣе назидательною, цифровою картиной — возрастаніемъ членовъ общества вспомоществованія петербургскимъ курсамъ. Въ моментъ открытія дѣятельности общества (въ ноябрѣ 1878 г.) было 89 членовъ; но въ первомъ же году дѣятельности курсовъ число ихъ возросло до 254, во второмъ—до 438, въ третьемъ—до 584,

въ четвертомъ—до 669, въ пятомъ—до 700, въ шестомъ—до 763, въ седьмомъ ($18^{84}/_{85}$ уч. г.)—до 785 членовъ. Но, какъ будетъ объяснено нѣсколько ниже, всѣ приведенныя до сихъ поръ данныя позволяютъ составить лишь приблизительное понятіе о томъ, безспорно выдающемся участіи, которое принимало русское общество въ матеріальномъ обезпеченіи курсовъ.

Въ этомъ дѣлѣ приинимала, наконецъ, участіе и казна. Согласно представленію министра народнаго просвѣщенія и опредѣленію государственнаго совѣта, курсы ежегодно получаютъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія пособіе въ размѣрѣ 3,000 рублей. По этому поводу правительствомъ еще разъ былъ выраженъ взглядъ, что учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи *признается полезнымъ и необходимымъ*. Какъ было указано выше, одною изъ главныхъ «полезностей» курсовъ признавалась необходимость отвлечь русскихъ женщинъ отъ заграничныхъ университетовъ. Конечно, учрежденіе въ Петербургѣ врачебныхъ женскихъ курсовъ (въ 1872 г.), а затѣмъ московскихъ и казанскихъ высшихъ курсовъ, оказало уже значительное вліяніе на уменьшеніе количества русскихъ женщинъ, устремлявшихся за границу ради высшаго образованія; но, все-таки, движеніе продолжалось и выражалось въ довольно крупныхъ десяткахъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія за 1876 и 1878 годы, изъ которыхъ видно, что въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, Швейцаріи и Франціи обучалось въ это время около 60 русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, по болѣе новымъ и разработаннымъ свѣдѣніямъ, относящимся къ $18^{80}/_{81}$ учебному году, число русскихъ женщинъ, обучавшихся за границей, упало до 9. Это пониженіе совершилось несомнѣнно подъ вліяніемъ петербургскихъ высшихъ курсовъ, которые, такимъ образомъ, оправдали ту цѣль, которую имѣло въ виду правительство при ихъ учрежденіи. Къ несчастію, уже въ 1882 году, вслѣдствіе прекращенія пріема на врачебные курсы, вновь обнаружилось движеніе русскихъ женщинъ за границу; въ нынѣшнемъ же учебномъ году,—по причинамъ, полагаемъ, не нуждающимся въ поясненіи,—обнаружился огромный наплывъ русскихъ женщинъ за границу. Такъ, напримѣръ, по отчетамъ за минувшій учебный годъ (по 1 іюля нынѣшняго года), въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ русскихъ женщинъ-студентокъ было 76 и въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Швецаріи 8; если къ этому прибавить еще вольнослушательницъ, то получится около 100 русскихъ женщинъ, обучавшихся въ прошломъ учебномъ году въ Швейцаріи и Франціи. По газетнымъ же сообщеніямъ, относящимся къ началу нынѣшняго учебнаго года, въ одномъ Парижѣ считалось не менѣе 150 русскихъ женщинъ въ разныхъ его высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ Швейцаріи—болѣе 40; есть также свѣдѣнія относительно женщинъ, направившихся частью въ Италію, частью въ Англію, въ чаяніи поступленія во

вновь открытый женскій университетъ Голлоуэя («The Holloway Royale College») и другія, доступныя въ этой странѣ женщинамъ, высшія учебныя заведенія. Словомъ, общее количество русскихъ женщинъ, устремившихся за границу въ поискахъ высшаго образованія, несомнѣнно превышаетъ 200. Подъемъ въ одинъ годъ болѣе чѣмъ на 100 цифры русскихъ эмигрантокъ во имя образованія—очень серьезный фактъ, способный вызвать на размышленіе даже и самыхъ безпечныхъ. Такимъ образомъ, повторился симптомъ, утратившій было свое болѣзненное значеніе 14 лѣтъ тому назадъ, съ момента открытія курсовъ В. И. Герье. Между тѣмъ, камъ мы не замедлимъ объяснить, всѣ усилія дѣятелей петербургскихъ высшихъ курсовъ направлены были именно къ тому, чтобы въ самомъ ближайшемъ будущемъ сдѣлать напраснымъ, излишнимъ всякое стремленіе русскихъ женщинъ за границу, ради какихъ бы то ни было отраслей высшаго общаго, университетскаго образованія.

Организація управленія курсами представляется въ такомъ видѣ. Кромѣ комитета общества вспомоществованія, завѣдывающаго всею хозяйственною частью, есть еще педагогическій совѣтъ, которому ввѣрено «общее управленіе курсами»; предсѣдатель педагогическаго совѣта считается «завѣдующимъ курсами» (§ 17 «правилъ»). Ближайшее же наблюденіе за слушательницами лежитъ на «распорядительницѣ курсовъ» (т.-е., иначе, директриссѣ или начальницѣ) и ея помощницахъ (§ 18 «правилъ»). Словомъ, организація сложная, *трехсоставная*. Нужно много такта, чтобы спѣться, дружно, согласно идти къ намѣченной цѣли, тѣмъ болѣе, что каждая изъ указанныхъ составныхъ частей управленія представляетъ собою не отдѣльныхъ лицъ, а самостоятельную корпорацію, съ своими особыми правами и обязанностями, причемъ, съ другой стороны, дѣятельность каждой изъ составныхъ частей управленія находится въ самомъ непосредственномъ соприкосновеніи съ остальными частями на каждомъ шагу. На первыхъ же порахъ очень предусмотрительно была установлена слѣдующая мѣра для непосредственнаго общенія между комитетомъ общества и педагогическимъ совѣтомъ. Комитетъ испросилъ у совѣта разрѣшеніе присылать одного изъ своихъ членовъ на засѣданія совѣта и приглашалъ на свои засѣданія двухъ членовъ педагогическаго совѣта: К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Н. Бекетова, избранныхъ почетными членами общества. Эта мѣра принесла огромную пользу, установивъ замѣчательную солидарность между педагогическимъ совѣтомъ и комитетомъ курсовъ, что, въ свою очередь, обусловило поразительно быстрый и успѣшный ростъ ихъ.

Опытъ нѣсколькихъ первыхъ мѣсяцевъ доказалъ всѣ неудобства помѣщенія курсовъ Александровской женской гимназіи. Достаточно сказать, что даже библіотеку курсовъ пришлось помѣстить въ квартирѣ директриссы (распорядительницы) курсовъ, Надежды Васильевны Стасовой,

къ слову сказать, одной изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятельницъ курсовъ, связавшей свою судьбу съ ними, отдавшей имъ всю себя—все свое время, всѣ свои силы, безсмѣнно остающейся начальницей курсовъ во все время ихъ существованія и безвозмездно несущей этотъ до крайности хлопотливый, сложный и обременительный трудъ. По окончаніи экзаменовъ за первый годъ, педагогическій совѣтъ заявилъ, что признаетъ необходимымъ для курсовъ особое помѣщеніе, такъ чтобы лекціи читались днемъ, а не вечеромъ, какъ было въ первомъ году. Комитетъ обратился въ городскую думу съ просьбою отвести помѣщеніе курсамъ въ одномъ изъ принадлежащихъ городу зданій, но безуспѣшно.

10 сентября 1879 года началось чтеніе лекцій въ наемномъ помѣщеніи для курсовъ. Одинъ только наемъ голыхъ стѣнъ обошелся въ первый же годъ въ 8,120 рублей. Въ этомъ обширномъ и удобномъ помѣщеніи разомъ закипѣла лихорадочная дѣятельность курсовъ и сразу стало ясно, чѣмъ они должны и могутъ быть по тому серьезному отношенію къ дѣлу, которое съ каждымъ днемъ яснѣе, опредѣленнѣе проявлялось со стороны слушательницъ. По первоначальному учебному плану, полный курсъ долженъ былъ закончиться въ три года. Но уже во второмъ году существованія курсовъ (въ $18^{79}/_{80}$ уч. г.) педагогическимъ совѣтомъ былъ возбужденъ вопросъ о четырехлѣтнемъ срокѣ, и комитетъ, съ своей стороны, горячо поддержалъ эту мысль. По матеріальному положенію курсовъ, задумываться надъ введеніемъ четвертаго учебнаго года не приходилось. На третьемъ году существованія курсовъ (въ $18^{80}/_{81}$ уч. г.) мы видимъ вполнѣ приличную ихъ обстановку и такое обзаведеніе и благоустройство кабинетовъ и лабораторій, которое давало возможность занять въ годъ до 150—160 слушательницъ практическими работами въ одномъ кабинетѣ. Общее же количество слушательницъ въ этомъ году было 980. Прибавка четвертаго учебнаго года не встрѣтила препятствій со стороны учебной администраціи. Что же касается значенія этого факта въ жизни самого учрежденія, то,—помимо образовательнаго его значенія, въ видахъ «улучшенія и углубленія высшаго образованія женщинъ», какъ удачно выразился педагогическій совѣтъ,—прибавка четвертаго года, можно сказать, надбавила энергіи какъ педагогическому совѣту, такъ и дѣятелямъ общества вспомоществованія и его комитета; съ другой стороны, это наглядное и внушительное выраженіе роста курсовъ способствовало увеличенію симпатій къ нимъ общества.

Нужно замѣтить, что вопросъ о прибавкѣ четвертаго года встрѣтился съ другимъ, также весьма существеннымъ вопросомъ—о помѣщеніи курсовъ. Г-жа Боткина, владѣлица дома, гдѣ нанята была квартира, черезъ годъ подняла годовую квартирную цѣну до 12,000 рубл.; прибавляя къ этому еще и ремонтъ помѣщенія за счетъ курсовъ же, получаемъ расходъ на квартиру около 13,000 рублей въ годъ. Не говоря уже

о значительности такого расхода, курсы, съ прибавкою четвертаго учебнаго года, рѣшительно переросли занимаемое ими помѣщеніе, оказавшееся теперь недостаточнымъ. При столкновеніи двухъ такихъ вопросовъ первой важности, требовавшихъ для разрѣшенія весьма значительныхъ денежныхъ затратъ, въ обществѣ вспомоществованія и комитетѣ образовались разныя теченія, грозившія осложниться недоразумѣніями между педагогическимъ совѣтомъ и комитетомъ и вредно отразиться на учебно-хозяйственной части курсовъ. Но этому въ самомъ же началѣ былъ положенъ предѣлъ образованіемъ смѣшанной коммиссіи изъ членовъ педагогическаго совѣта и комитета, подъ предсѣдательствомъ завѣдывавшаго въ то время курсами К. Н. Бестужева-Рюмина. Въ составъ коммиссіи вошли: профессора—А. М. Бутлеровъ (нынѣ умершій), О. Ѳ. Миллеръ, И. И. Боргманъ и Н. И. Билибинъ; члены комитета—Н. В. Стасова, В. П. Тарновская, А. Я. Гердъ и А. Н. Страннолюбскій. Все это, замѣтимъ кстати, выдающіеся дѣятели курсовъ. Вотъ въ эту-то коммиссію и были переданы всѣ тѣ вопросы учебно-хозяйственной части, которые, такъ или иначе, могли послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ. Результаты, къ которымъ пришла смѣшанная коммиссія, подверглись окончательному разсмотрѣнію въ соединенномъ засѣданіи педагогическаго совѣта и комитета (6 февраля 1881 года). Вотъ что говорится, между прочимъ, по этому поводу въ «Отчетѣ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» за 1880—81 учебный годъ: «Многіе существенные вопросы, возникшіе въ прошломъ (т.-е. 1880) году и составлявшіе предметъ занятій смѣшанной коммиссіи, педагогическаго совѣта и комитета,—вопросы, вызвавшіе опасеніе и безпокойство за будущее,—благодаря просвѣщенному и благожелательному участію и содѣйствію гг. профессоровъ, получили рѣшеніе, вполнѣ благопріятное для дальнѣйшаго хода дѣла». Не входя въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, замѣтимъ, что именно дѣятельностью смѣшанной коммиссіи были выработаны и укрѣплены тѣ *устои* по учебно-хозяйственной части курсовъ, на которыхъ уже стало рѣшительно невозможно какое бы то ни было колебаніе этого учрежденія какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи,—благодаря которымъ, наконецъ, окончательно была уничтожена почва для какихъ бы то ни было недоразумѣній въ будущемъ.

Педагогическій совѣтъ въ этомъ случаѣ оказался на высотѣ своего призванія. Въ виду увеличенія расходовъ по содержанію курсовъ, плата за профессорскія лекціи была понижена съ 300 рубл. на 250 рубл.; за лекціи же доцентовъ и преподавателей установлена плата по 150 рубл. О значеніи этой мѣры въ финансовомъ отношеніи можно судить по тому, что, при трехъ курсахъ въ 1880—81 учебномъ году, плата за преподаваніе составляла 31,600 рубл., между тѣмъ, несмотря на открытіе четвертаго курса въ 1881—82 учебномъ году, преподаваніе обошлось лишь

въ 26,625 рубл., т.-е. почти на 5,000 рублей менѣе предшествовавшаго года. Благодаря этому, хотя прибавка учебнаго года и вызвала нѣкоторые новые расходы, но, по смѣтѣ на 1881—82 учебный годъ, общая цифра расходовъ (55,215 руб.) была на 1,655 руб. менѣе расходовъ предъидущаго года (57,870 руб.). Имѣя такую надежную опору въ педагогическомъ совѣтѣ *), органъ, заправляющій имущественною, хозяйственною частью курсовъ (общество вспомоществованія и его комитетъ), могъ уже бодро и окончательно остановиться на мысли о пріобрѣтеніи собственнаго дома, о чемъ былъ поднятъ вопросъ ещё въ первомъ году существованія курсовъ. И это высшее женское учебное заведеніе имѣетъ съ 1885—86 года прекрасный собственный домъ. Но, прежде чѣмъ говорить, кто и какимъ путемъ создалъ этотъ домъ, необходимо представить, хотя въ общихъ чертахъ, картину дѣятельности курсовъ, какъ учебнаго заведенія университетскаго характера.

Курсы, соотвѣтственно университетскому дѣленію на факультеты, имѣютъ слѣдующія отдѣленія: *словесно-историческое*, *физико-математическое* и *спеціально-математическое*. Программу *перваго* отдѣленія составляютъ слѣдующіе предметы: исторія церкви, русскій языкъ, русская литература, всеобщая литература, философія, русская исторія, древняя, средняя и новая исторія, исторія славянъ, исторія искусствъ, латинскій языкъ, политическая экономія и обзоръ государственныхъ учрежденій. Въ программу *втораго* отдѣленія входятъ: общій курсъ математики, элементарная механика, физика, химія, космографія и астрономія, физическая географія, минералогія и геологія, зоологія, ботаника, анатомія и гистологія животныхъ, физіологія, агрономія. На *третьемъ* отдѣленіи, какъ спеціально-математическомъ, преподаются: алгебра и тригонометрія, аналитическая геометрія, дифференціальное исчисленіе, приложеніе дифференціальнаго исчисленія къ геометріи, интегральное исчисленіе, теоретическая механика, упражненія по математическому анализу. Что же касается объема преподаванія, то слѣдующее распредѣленіе предметовъ по отдѣленіямъ и курсамъ въ 1884—85 учебномъ году даетъ возможность наглядно убѣдиться въ серьезности научнаго образованія на курсахъ **):

---

*) Отношеніе членовъ педагогическаго совѣта къ матеріальному положенію курсовъ не ограничилось однимъ только сокращеніемъ гонорара, хотя и это уже весьма чувствительная жертва. Мы видимъ членовъ этой достойной корпораціи въ числѣ жертвователей на курсы. Такъ, напримѣръ, въ 1880—81 уч. году поступило пожертвованій отъ гг. профессоровъ: Билибина—600 р., Боргмана—300 р., Поссе—300 р., Бекетова—200 р., Тихомандритскаго—200 р., Янсона—25 р., Некрасова—25 р. Наконецъ, не говоря уже о чтеніи публичныхъ лекцій въ пользу курсовъ (напримѣръ, профессорами Бутлеровымъ и Боргманомъ), нѣкоторые изъ профессоровъ прямо отказываются отъ части гонарара въ пользу курсовъ (напримѣръ, гг. Овсянниковъ, Билибинъ и Преображенскій).

**) Скобкою означены общія лекціи на двухъ курсахъ, т.-е., иначе, лекціи сводныя.

Словесно-историческое отдѣленіе.

	I кур.	II кур.	III кур.	IV кур.
Богословіе *). Протоіерей *Тихомировъ* . . .	2 часа.	—	—	—
Русскій языкъ. Проф. *Ягичъ*	2 „	2 часа.	2 часа.	—
Русская литература. Проф. *Миллеръ*	2 „	2 „	2 „	2 часа.
Всеобщая литература. Проф. *Веселовскій* . .	—	2 „	2 „	2 „
Философія. Проф. *Каринскій*	2 „	2 „	2 „	2 „
Русская исторія. *Преподаватели:*				
Платоновъ, Козеко и *Шмурло*	2 „	3 „	3 „	1 „
Древняя исторія. Проф. *Латышевъ*	3 „	1 „	—	—
Средняя исторія. Проф. *Васильевскій*	—	3 „	3 „	2 „
Новая исторія. Проф.: *Бауэръ* (нынѣ умершій) и *Васильевскій*	—	—	2 „	2 „
Исторія славянъ. Преподав. *Кракау*	—	—	3 „	3 „
Исторія искусствъ. Проф. *Сомовъ*	—	—	2 „	2 „
Латинскій языкъ. Препод.: *Шеборъ* и *Шнукъ*.	4 „	4 „	2 „	2 „
Политическая экономія. Проф. *Янсонъ* . . .	—	2 „	—	—

Значитъ, на словесно-историческомъ отдѣленіи читалось лекцій: на I курсѣ—17, на II—21, на III—23, на IV—18; всего, слѣдовательно, 79 годовыхъ лекцій, изъ которыхъ 23 общихъ для двухъ курсовъ (означены скобкою). Плата за лекціи составляетъ въ годъ 12,100 рублей.

Физико-математическое отдѣленіе.

	I кур.	II кур.	III кур.	IV кур.
Общій кур. математики. Проф. *Артемьевъ*. .	6 час.	—	—	—
Элементарная механика. Проф. *Гезехусъ* . .	1 „	—	—	—
Физика. Проф. *Борманъ*	2 „	2 час.	2 час.	2 час.
Химія. Акад. *Бутлеровъ* (нынѣ умершій) и *Львовъ*	3 „	2 „	1 „	1 „
Космографія и астрономія. Проф. *Глазенапъ* .	—	1 „	—	1 „
Физическая географія. Проф. *Гезехусъ* . . .	—	1 „	1 „	—
Минералогія и геологія. Проф. *Иностранцевъ*	—	2 „	2 „	2 „
Зоологія. Проф. *Вагнеръ*	3 „	2 „	—	—
Ботаника. Проф.: *Бекетовъ* и *Фаминцынъ*. .	3 „	1 „	2 „	2 „
Анатомія и гистологія. Проф.: *Овсянниковъ* и *Вельскій*	—	2½ „	1 „	1 „
Физіологія челов. Проф. *Съченовъ* и *Введенскій*.	—	—	2 „	2 „
Агрономія. Проф. *Костычевъ*	—	—	2 „	—

Слѣдовательно, лекціи на физико-математическомъ отдѣленіи распредѣляются такъ: на I курсѣ—18, на II—13½, на III—13, на IV—11; всего, значитъ, 55½ годовыхъ часовъ или лекцій, изъ которыхъ 4 общихъ для двухъ курсовъ. Чтеніе лекцій обходится въ годъ 11,975 руб.

**) Лекціи читаются для слушательницъ всѣхъ отдѣленій.

Спеціально-математическое отдѣленіе.

	I кур.	II кур.	III кур.
Аналитическая геометрія. Академикъ *Имшенецкій* . .	2 часа.	2 часа.	—
Дифференціальное исчисленіе. Проф. *Билибинъ*. . . .	—	2 „	2 час.
Интегральное исчисленіе. Академикъ *Имшенецкій*. . .	—	—	3 „
Анализъ. Проф. *Билибинъ*	2 „	2 „	6 „
Упражненія по математическому анализу и аналитической геометріи. Г-жа *Шиффъ* *)	4 „	4 „	6 „

Преподаваніе спеціально-математическихъ предметовъ для желающихъ начинается со втораго курса физико-математическаго отдѣленія. Такимъ образомъ, I курсъ спеціально-математическаго отдѣленія соотвѣтствуетъ II курсу; въ общемъ, продолжительность ученія на этомъ спеціальномъ отдѣленіи, какъ и на всѣхъ другихъ, четырехлѣтняя. Всѣхъ лекцій на этомъ отдѣленіи 29 (въ томъ числѣ 4 общихъ), а именно: на I курсѣ (отвѣчающемъ второму курсу физико-математическаго отдѣленія)—8, на II—10, на III—11 **). Общая стоимость преподаванія—3,050 рублей.

Всего же на трехъ отдѣленіяхъ чтеніе лекцій занимало въ 1884 — 85 учебномъ году 163½ часа. Общая стоимость лекцій составляла 27,125 руб. Къ этому нужно еще прибавить 11,667 руб., какъ расходъ на вознагражденіе ассистентовъ, лаборантовъ и консерваторовъ, на учебныя пособія, кабинеты, лабораторію и библіотеку. Такимъ образомъ, общій годовой расходъ собственно на учебную часть составляетъ 38,792 руб.

Что касается размѣровъ обзаведенія кабинетовъ и лабораторій, то это будетъ понятно само собою, безъ перечня инвентаря, изъ количества слушательницъ, практически занимающихся въ нихъ, что̀ мы и укажемъ вскорѣ. Состояніе же библіотеки курсовъ опредѣляется слѣдующими цифрами. Къ 1 сентября 1885 года (т.-е. черезъ семь лѣтъ послѣ открытія курсовъ) въ библіотекѣ имѣлось 1,709 сочиненій, въ 4,627 томахъ. Въ 1884—85 учебномъ году библіотека увеличилась на 141 сочиненіе, въ 484 томахъ, частью пожертвованныхъ разными лицами, частью пріобрѣтенныхъ на средства курсовъ.

Занятія слушательницъ на курсахъ заключаются не въ одномъ только посѣщеніи лекцій, но и въ практическихъ занятіяхъ почти по всѣмъ предметамъ и на всѣхъ отдѣленіяхъ. Занятія эти состоятъ на словесно-историческомъ отдѣленіи въ представленіи слушательницами различныхъ сочиненій и рефератовъ, которые затѣмъ подвергаются разбору при участіи остальныхъ слушательницъ, или просматривается профессорами.

„Масса представляемыхъ слушательницами словеснаго отдѣленія сочиненій и рефератовъ, по разнымъ предметамъ курса, на самыя разнообразныя темы,— говорится

*) Изъ слушательницъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ перваго выпуска (въ 1881—82 учебн. году) оставлена при курсахъ въ званіи репетитора.

**) 6 часовъ, занятые г-жей Шиффъ, отнесены къ числу практическихъ занятій по математикѣ.

въ *Отчетѣ* за 1884—85 учебный годъ,— такова, что простое перечисленіе ихъ заняло бы цѣлыя страницы. Очевидно, что, для исполненія этихъ работъ, при серьезности требованій, слушательница должна посвятить много труда и времени на ознакомленіе съ источниками, на чтеніе сочиненій, связанныхъ съ разрабатываемою ею темой и т. д. Профессора, съ своей стороны, не щадятъ времени и труда на просмотръ сочиненій и разборъ рефератовъ своихъ слушательницъ. Къ послѣднему привлекаются и товарищи реферирующихъ, что̀, въ значительной мѣрѣ, возбуждаетъ и поддерживаетъ интересъ къ этимъ занятіямъ, въ которыхъ слушательницы принимаютъ самое живое участіе и къ которымъ очень серьезно готовятся. Для сужденія о достоинствѣ представленныхъ работъ, приводимъ отзывъ одного изъ профессоровъ о рефератахъ слушательницъ III и IV курсовъ по русской исторіи: „Рефераты эти представляли не простую компиляцію изъ указанныхъ источниковъ, а критическую обработку матеріала, и обнаруживали не только начитанность въ русской исторической литературѣ, но и знакомство съ первыми источниками русской исторіи, умѣнье ясно располагать и излагать научный матеріалъ, не ограничиваясь при этомъ данными одного какого-нибудь автора, а освѣщая и группируя ихъ съ помощью многихъ историко-юридическихъ трудовъ. Большая часть рефератовъ слушательницъ III и IV курса отличалась и вполнѣ литературнымъ, при всей сжатости, языкомъ".

Слушательницы спеціально-математическаго отдѣленія, кромѣ лекцій, также имѣютъ еще особые часы для репетицій и упражненій по различнымъ отдѣламъ теоретическаго курса математики. Особенно же много времени удѣляется практическимъ занятіямъ на физико-математическомъ отдѣленіи, гдѣ, кромѣ рефератовъ, слушательницамъ приходится очень много работать въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ 1884—85 учебному году:

Въ химической лабораторіи было. . .	36	час. практ. занят.			(для III и IV курс.);	раб.	71	слуш.
Въ физическомъ кабинетѣ было . . .	27	„	„	„	(для II, III и IV „);	„	176	„
По ботаникѣ было .	21½	„	„	„	(„ I, II, III и IV „);	„	278	„
„ зоологіи.	12	„	„	„	(„ II, III и IV „);	„	118	„
„ минералогіи (т.-е. кристаллографіи и петрографіи) . . .	8	„	„	„	(для III и IV „);	„	135	„
По гистологіи животныхъ	8	„	„	„	(для IV курса):	„	63	„
По физіологіи животныхъ	5	„	„	„	(„ IV „);	„	56	„

Всего 117½ годовыхъ часовъ практическихъ занятій. Прибавляя къ этому 55½ годовыхъ часовъ лекцій, получаемъ 173 часа занятій на физико-математическомъ отдѣленіи, не считая времени, употребляемаго на разборъ рефератовъ. Такою колоссальною затратой рабочаго времени на научныя занятія едва ли можетъ похвалиться хоть одинъ изъ нашихъ университетовъ. Самая же драгоцѣнная сторона этихъ занятій—чрезвычайно дѣльная, практичная ихъ постановка. Слушательницы раздѣлены на группы и каждая изъ нихъ имѣетъ возможность продѣлать всѣ манипуляціи по всѣмъ спеціальностямъ. Благодаря этому, слушательницы,

оканчивая петербургскіе курсы, одинаково умѣлы и опытны въ обращеніи съ физическимъ приборомъ, химическимъ реактивомъ, примѣненіемъ микроскопа, пріемами, необходимыми для опредѣленія растеній и животныхъ, а также анатомическаго и гистологическаго ихъ строенія, наконецъ, съ изслѣдованіемъ минераловъ и ихъ кристаллическихъ формъ. Между тѣмъ, эта именно сторона знанія—одна изъ самыхъ важнѣйшихъ, въ видахъ разумнаго примѣненія къ жизни—не достигается, вообще говоря, даже и приблизительно на естественномъ отдѣленіи въ университетахъ, гдѣ студенты получаютъ преимущественно теоретическія знанія по всему курсу предметовъ и болѣе или менѣе достаточныя практическія свѣдѣнія по какой-либо одной спеціальности.

Такимъ образомъ, по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ, словесно-историческому, физико-математическому и спеціально-математическому, петербургскіе высшіе женскіе курсы имѣютъ огромное образовательное значеніе какъ по обширности и полнотѣ сообщаемыхъ слушательницамъ знаній, такъ и, тѣмъ болѣе, по тому благотворному вліянію, которое они оказываютъ на развитіе у своихъ питомицъ самодѣятельности, привычки къ систематическому и серьезному самостоятельному труду. Говоря иначе, курсы на всѣхъ ихъ отдѣленіяхъ преподаютъ своимъ слушательницамъ, помимо перечисленныхъ выше наукъ, еще одну науку, саму труднѣйшую, совершеннѣйшую и полезнѣйшую изъ наукъ — *умѣнье изучать, работать*. Благодаря этому, уровень какъ познаній, такъ и развитія слушательницъ, выпускаемыхъ курсами въ жизнь, очень высокъ. Надежнымъ опредѣленіемъ этого уровня, помимо экзаменовъ, рефератовъ и практическихъ занятій, служитъ еще и представленіе *курсоваго сочиненія*, безъ котораго педагогическій совѣтъ не выдаетъ свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса. Уже во время перваго выпуска (въ 1881–82 учебномъ году), на актѣ, происходившемъ въ присутствіи попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа и его товарища, въ отчетѣ педагогическаго совѣта было указано на курсовыя сочиненія, какъ на *заслуживающія особеннаго вниманія*. Кромѣ того, три работы (по химіи — г-жи Давыдовой, окончившей на спеціально-математическомъ отдѣленіи; по математикѣ—г-жъ Сердобинской и Шиффъ) признаны были *выдающимися*; одно сочиненіе (г-жи Александровой: *Критическій разборъ записокъ о Россіи Манштейна*), по отзыву профессора Бестужева-Рюмина, *заслуживало напечатанія на средства курсовъ*.

Изъ вниманія къ даровитости нѣкоторыхъ изъ оканчивающихъ курсъ слушательницъ и оказаннымъ ими успѣхамъ, педагогическій совѣтъ, уже послѣ перваго выпуска, призналъ необходимымъ не лишать ихъ возможности къ дальнѣйшему усовершенствованію въ научномъ отношеніи, подъ руководствомъ профессоровъ: однѣ изъ слушательницъ оставляются самимъ педагогическомъ совѣтомъ для пользы же курсовъ, какъ необходимыя для него рабочія силы; другія—получаютъ разрѣшеніе остаться.

Къ началу нынѣшняго учебнаго года на курсахъ изъ бывшихъ слушательницъ состояли: г-жи Сердобинская, Россійская, Щепкина и Соломко—какъ ассистенты или руководители практическихъ занятій: первая — по физикѣ, вторая — по зоологіи, третья — по русской исторіи (занималась разборомъ источниковъ въ формѣ лекцій), четвертая — по петрографіи; г-жи Давыдова, Веселовская, Величко, Бѣлышева и Шиффъ — какъ репетиторы: первая — по химіи, вторая — по латинскому языку, три же остальныхъ—по разнымъ предметамъ спеціально - математическаго курса.

Само собою разумѣется, что наиболѣе даровитыя и дѣльно подготовленныя слушательницы оставляются при курсахъ съ разсчетомъ, чтобы выработать изъ нихъ преподавательницъ для того же заведенія, которому онѣ обязаны своимъ духовнымъ рожденіемъ, и первые опыты въ этомъ отношеніи дали, можно сказать, блестящіе результаты. Тѣ изъ окончившихъ курсъ слушательницъ, которыя были оставлены при курсахъ и у которыхъ оказалась на рукахъ добрая доля профессорскихъ обязанностей, прекрасно справляются съ этимъ дѣломъ. Это еще болѣе возвышаетъ заслугу педагогическаго совѣта петербургскихъ курсовъ въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Но и это еще не вполнѣ опредѣляетъ значеніе петербургскихъ высшихъ курсовъ въ дѣлѣ научнаго образованія женщинъ. Доказательствомъ силы и прочности вліянія курсовъ на развитіе въ слушательницахъ серьезнаго склада мыслей и любви къ умственному труду служитъ, между прочимъ, изъ года въ годъ повторяющійся фактъ, что нѣкоторыя изъ окончившихъ курсъ продолжаютъ дѣятельно работать надъ развитіемъ и углубленіемъ своего научнаго образованія. Результатомъ этого являются работы ученаго характера, представляемыя бывшими слушательницами профессорамъ курсовъ, какъ бывшимъ ихъ учителямъ. Интересующихся этимъ фактомъ мы отсылаемъ къ отчету о курсахъ за 1884—85 учебный годъ, гдѣ они найдутъ (стр. 20) цѣлый рядъ именъ бывшихъ слушательницъ и представленныхъ ими профессорамъ ученыхъ работъ по предметамъ словесно-историческаго и физико-математическаго отдѣленій. Здѣсь же обратимъ вниманіе на несомнѣнно-ученыя заслуги бывшихъ питомицъ петербургскихъ высшихъ курсовъ.

„Не преувеличивая значенія имѣющихся налицо фактовъ,—говорится въ только-что указанномъ отчетѣ о курсахъ (стр. 22),—мы не имѣемъ права умолчать о томъ, что въ ученыхъ журналахъ, нашихъ и заграничныхъ, почти каждый годъ появляются труды кончившихъ курсъ слушательницъ и нѣкоторыя изъ этихъ работъ признаются вполнѣ компетентными людьми—настолько значительными, что мнѣнія ихъ авторовъ принимаются во вниманіе при рѣшеніи того или другаго научнаго вопроса. Такъ, въ нынѣшнемъ году (т.-е. 1884—85 учебн. году) слушательницею Лидіей Погожевой сдѣлано изслѣдованіе *Объ окончаніи нервовъ въ концахъ портняжной мышцы у лягушки*, которое представлено къ напечатанію въ *Бюллетеняхъ академіи наукъ*, какъ имѣющее значеніе по вопросу о самостоятельной мышечной возбудимости. Другое, выдающееся въ томъ же смыслѣ, изслѣдованіе, сдѣланное окончившею въ прошломъ году курсъ, слушательницею г-жею Е. Соломко—*Кристаллическія породы села Исач-*

ки (Полтавской губерніи),—напечатано, по удостоенію петербургскаго общества естествоиспытателей, въ берлинскомъ журналѣ *Neuer Jahrbuch für Mineralogie* за 1885 г. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, работа г-жи Соломко должна имѣть рѣшающее значеніе относительно одного изъ спорныхъ вопросовъ геологіи".

Къ этому мы добавимъ отъ себя: прекрасную работу г-жи Пѣнкиной, сдѣлавшей чрезвычайно интересный обзоръ литературы о Полѣсьѣ; трудъ г-жи Щепкиной—*Популярная литература въ срединѣ XVIII*, напечатанный въ № 4 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1886 годъ. Трудъ этотъ, если не ошибаемся, находится въ ближайшей связи съ дѣятельностью г-жи Щепкиной, какъ лектриссы на курсахъ. «Статья,—говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ по поводу этого труда,—написанная съ положительнымъ талантомъ и умомъ, представляетъ только часть сочиненія, которое задумано авторомъ и на которое положено и теперь уже много труда и усилій, что̀ люди понимающіе легко усмотрятъ и въ напечатанной статьѣ» *).

Таковы результаты научной дѣятельности курсовъ за первыя семь лѣтъ ихъ существованія, когда, нужно замѣтить еще, преподавательская дѣятельность значительно стѣснялась недостатками наемнаго помѣщенія, изъ котораго курсы съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе выростали. Исторія ни одного изъ русскихъ университетовъ не представляетъ примѣра, подобнаго тому развитію, росту, благоустройству и благосостоянію, которыми ознаменовано семилѣтіе существованія петербургскихъ курсовъ. Это тѣмъ болѣе назидательно, что эти курсы представляютъ собою учрежденіе, такъ сказать, *самозародившееся* и *саморазвившееся*. Та программа, по которой они развивались, дѣйствовали и достигли уже такого уровня, что успѣли даже вписать свое имя въ исторію міровой науки, подобно первокласснымъ ученымъ учрежденіямъ,—есть результатъ, такъ сказать, *творчества* педагогическаго совѣта, дѣйствовавшаго не имѣя достаточно подходящихъ примѣровъ ни у насъ, ни за границей и создавшаго *первый въ Европѣ женскій университетъ*, четырьмя годами раньше Голлоуэйскаго женскаго университета въ Англіи. Да, университетъ! Петербургскіе высшіе курсы смотрятъ на себя какъ на «*первую ступень развитія высшаго университетскаго образовательнаго заведенія для женщинъ*» *). Но если мы общеобразовательныя женскія средне-учебныя заведенія называемъ *гимназіями*, то во сколько же разъ справедливѣе назвать петербургскіе высшіе женскіе курсы *университетомъ* для женщинъ? И судя по тому, что̀ сдѣлано этимъ учрежденіемъ въ первое семилѣтіе, остается уже, сравнительно, весьма немного, чтобы стать ему университетомъ въ полномъ смыслѣ слова. По крайней мѣрѣ, все

*) № 3747 *Новаго Времени* 1886 г.: *По поводу статьи „Гражданина" о высшихъ женскихъ курсахъ*, К. Н. Бестужева-Рюмина.

*) См. *Отчетъ* за 1884—85 учебный годъ, „Рѣчь профессора А. Н. Бекетова", стр. 67.

прошлое курсовъ, полное саморазвитія и самоусовершенствованія, неуклонно вело ихъ къ этой конечной цѣли. Это не значитъ, однако, что они обязательно должны усвоить шаблонъ мужскихъ университетовъ; но всѣ тѣ особенности, которыя могутъ быть въ университетѣ для женщинъ и которыхъ никто не въ состоянія предрѣшить, должны быть выработаны самою жизнью курсовъ—послѣдовательно, методически, безъ вредныхъ ошибокъ и искуственно навязанныхъ мѣръ.

Въ теченіе семилѣтія на курсахъ было круглымъ числомъ 2,500 слушательницъ. Изъ нихъ 486 окончили полный курсъ, 143 выбыли до окончательныхъ экзаменовъ. На содержаніе курсовъ издержано за это время около 336,000 рублей. Слушательницами внесено 267,000 рублей. Остальные 69,000 рублей доставлены: обществомъ вспомоществованія и его комитетомъ; субсидіею отъ правительства по 3,000 рублей въ годъ; субсидіею отъ петербургской городской думы, тоже по 3,000 рублей въ годъ, начиная съ 1882—83 учебнаго года.

Наконецъ, семилѣтняя дѣятельность петербургскихъ курсовъ завершилась блестящимъ и многознаменательнымъ фактомъ—открытіемъ курсами собственнаго дома, выстроеннаго на собственномъ участкѣ земли, собственными средствами,—дома, имѣющаго право быть названнымъ, по качествамъ постройки, монументальнымъ сооруженіемъ, хотя и не особенно большихъ размѣровъ.

Завѣдывающій петербургскими высшими женскими курсами и предсѣдатель комитета общества профессоръ А. Н. Бекетовъ *), при открытіи и освященіи зданія курсовъ (22 сентября 1885 года), такъ началъ свою рѣчь: «Торжество, на которомъ мы присутствуемъ сегодня, многозначительно для всей страны: это—освященіе и открытіе перваго зданія, воздвигнутаго въ Россіи высшему женскому образованію, и, притомъ, на частныя средства русскаго общества. Суммы, собравшіяся въ комитетѣ, заправляющемъ хозяйствомъ нашего учрежденія, на постройку этого дома, стеклись со всѣхъ концовъ имперіи: съ береговъ Амура, изъ Восточной и Западной Сибири, изъ Средней Азіи, съ Кавказа, изъ

---

*) А. Н. Бекетовъ, руководившій съ 1868 года движеніемъ вопроса о высшемъ женскомъ образованіи и находившійся впереди другихъ при исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе петербургскихъ курсовъ, былъ предсѣдателемъ комитета общества вспомоществованія съ 1879—80 учебн. года до начала 1885—86 г., т.-е. въ теченіе 6-ти лѣтъ. Единственною наградой за эту безвозмездную дѣятельность было единодушное выраженіе собраніемъ общества вспомоществованія (12 января 1886 г.) А. Н. Бекетову „особой признательности за многолѣтнюю, энергичную и въ высшей степени благотворную его дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія въ Россіи“. Осенью 1881 года К. Н. Бестужевъ-Рюминъ отказался отъ завѣдыванія курсами, вслѣдствіе разстройства здоровья. Съ этого времени предсѣдательствованіе въ педагогическомъ совѣтѣ перешло къ А. Н. Бекетову и онъ до сихъ поръ остается завѣдующимъ петербургскими высшими курсами.

всѣхъ почти европейскихъ губерній и даже отъ русскихъ, живущихъ въ Пекинѣ» *).

Одно это уже доказываетъ, какимъ сочувствіемъ пользуются петербургскіе курсы во всей Россіи. Исторія зданія курсовъ—такое характерное проявленіе общественнаго почина и самодѣятельности, что объ этомъ не грѣхъ было бы написать цѣлую книгу. Къ сожалѣнію, по размѣрамъ статьи, мы должны сжать объ этомъ рѣчь до нѣсколькихъ строкъ.

Мысль о постройкѣ собственнаго дома курсовъ выростала, оформливалась и, наконецъ, воплощалась въ видѣ зданія параллельно росту общественнаго сочувствія къ этому дѣлу и въ прямой зависимости отъ него. Такъ, напримѣръ, первоначально постройка дома ставилась въ зависимость отъ пожертвованія городомъ участка земли. Но когда выяснилось (въ 1882—83 учебн. г.), что на даровой участокъ разсчитывать не приходится, у комитета общества были уже средства на пріобрѣтеніе участка земли. По ограничности средствъ, приходилось искать такого участка на окраинахъ Петербурга, стоимостью около 10,000 рублей. Пока производились розыски, средства комитета успѣли возрости настолько, что оказалось возможнымъ употребить на пріобрѣтеніе земли болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза противъ первоначально предположенной суммы. Поэтому земля подъ зданіе курсовъ пріобрѣтена не на окраинѣ столицы, а въ самомъ центрѣ ея, на Васильевскомъ островѣ (10 линія, у Средняго проспекта), гдѣ скучено такъ много высшеучебныхъ заведеній. Наконецъ, окончательно составленная смѣта расходовъ по постройкѣ дома въ 164,750 рублей выросла во время самаго хода постройки въ 212,870 рубл. 26 к.,—и это возростаніе опять-таки объясняется не передержками (ихъ всего-навсе 267 руб. 58 к. по всей операціи пріобрѣтенія земли и постройки дома), а возрастаніемъ пожертвованій, въ числѣ которыхъ мы видимъ, напримѣръ, 8,602 р. 68 коп. на сверхсмѣтные расходы и 6,000 р., пожертвованные О. Н. Рукавишниковой спеціально на устройство химической лабораторіи.

Не мало пришлось поработать педагогическому совѣту и комитету общества надъ выясненіемъ внутренняго распредѣленія предполагаемаго къ постройкѣ зданія; окончательный же планъ его, примѣнительно къ пріобрѣтенному участку земли, былъ выработанъ при дѣятельномъ и безвозмездномъ участіи цѣлой группы наиболѣе выдающихся спеціалистовъ по строительной части (архитекторовъ и техниковъ). Исполненіе этого плана возложено было на особую хозяйственно-строительную коммиссію, подъ наблюденіемъ комитета общества. Честь же самаго соору-

*) Такъ, напримѣръ, отъ И. М. Сибирякова—10,000 р., В. П. Варгунина—5,000 р., Е. П. Кузнецовой—1,000 р., К. Х. Лушниковой—500 р. Отъ трехъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—21,500 р. Изъ внутреннихъ губерній и Сибири—9,500 р. Изъ Кяхты—525 р. (собраны г-жею Лушниковою). Общая же сумма пожертвованій превышаетъ 67,000 рублей.

женія этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ зданія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ современной строительной техники, гигіеническихъ условій, приспособленности къ занятіямъ и, наконецъ, изящнаго вкуса,— принадлежитъ архитектору А. Ф. Красовскому, безвозмездно исполнившему это трудное и отвѣтственное дѣло, да притомъ еще съ удивительною быстротой. Въ іюлѣ 1884 года было приступлено къ кладкѣ фундамента, а къ началу зимы домъ былъ уже подъ крышею; 22 сентября 1885 года, какъ было сказано, произошло освященіе и открытіе зданія курсовъ.

Расходы по постройкѣ дома выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ. Стоимость всѣхъ работъ и матеріаловъ—187,563 р. 26 к., пріобрѣтеніе участка земли—25,307 р.; слѣдовательно, общая стоимость дома 212,870 р. 26 к. Само собою разумѣется, что только любовь къ дѣлу да добрая воля цѣлой группы дѣятелей могли создать такой прекрасный, прочный и помѣстительный домъ при такихъ скромныхъ расходахъ. Люди практическіе, опытные въ дѣлахъ подобнаго рода, цѣнятъ это сооруженіе съ принадлежащею ему землей ($630^{5}/_{6}$ квадр. саж.), по крайней мѣрѣ, въ полтора раза дороже. На покрытіе этой суммы употреблено: 67,179 р. 78 к., пожертвованныхъ спеціально на этотъ предметъ, и 41,259 р. 29 к. изъ другихъ капиталовъ общества вспомоществованія; всего уплачено обществомъ изъ своихъ средствъ 108,439 р. 7 коп. Для покрытія же остальной суммы (104,431 р. 19 к.) въ распоряженіи общества вспомоществованія оказался вполнѣ достаточный кредитъ. Такъ, еще при началѣ постройки дома комитетъ общества получилъ заимообразно (*въ безсрочный заемъ*) отъ Ю. А. Варгуниной 20,000 р. и М. К. Цебриковой 5,000 р. Кромѣ того, А. М. Сибирякова и И. М. Сибиряковъ, много жертвовавшіе на курсы, дали обществу взаймы 42,000 рублей (на условіяхъ *погашенія въ 44 года*). Наконецъ, подъ залогъ дома въ петербургскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ (погашеніе долга въ 25 лѣтъ) получено 60,600 рублей. Всего, слѣдовательно, занято обществомъ 127,600 рубл., т.-е. капиталъ, превосходящій размѣръ недоставшей суммы (104,431 р. 19 к.), такъ какъ, кромѣ покрытія расходовъ по постройкѣ дома, необходимо было еще пополнить заимообразно израсходованный запасный капиталъ общества.

Максимальная уплата процентовъ (т.-е. роста и погашенія) составляетъ 8,666 р. 50 к. (да и то въ одинъ лишь годъ, а затѣмъ размѣръ уплаты послѣдовательно уменьшается), т.-е. на 4,333 р. 50 к. менѣе той суммы, во что обходилась прежняя наемная квартира въ домѣ г-жи Боткиной. Къ этому необходимо еще добавить, что, блистательно выполнивъ всѣ финансовыя операціи по дому, комитетъ общества вступилъ въ 1885—86 годъ съ такою смѣтой: въ приходѣ 77,977 рубл. (въ томъ числѣ запаснаго и неприкосновеннаго капиталовъ курсовъ 12,377 р. и

текущихъ поступленій 65,600 р.), въ расходѣ 65,023 р.; слѣдовательно, въ остаткѣ 12,954 р.

Едва состоялось открытіе зданія курсовъ, какъ осенью прошлаго года Л. Ѳ. Пантелеевъ, съ уступкой продавшій участокъ земли подъ домъ для курсовъ, предложилъ купить у него сосѣдній участокъ земли, съ уступкою же болѣе 3,000 рубл. противъ дѣйствительной его стоимости. За этимъ предложеніемъ не замедлили поступить и пожертвованія, спеціально на пріобрѣтеніе новаго участка земли: отъ А. и И. Сибиряковыхъ 4,891 р., Н. А. Варгунина 5,000 р. и Н. В. Попова 1,000 р., всего 10,891 р. Въ этой суммѣ и поступилъ въ пользу курсовъ новый участокъ земли. Такимъ образомъ, курсы въ началѣ 1886 года, т.-е. въ восьмомъ году существованія, владѣли недвижимою собственностью (землею и домомъ), наминальная цѣнность которой составляетъ 223,761 р., а дѣйствительная чуть не вдвое болѣе.

Такъ вотъ какъ быстро и въ какое крупное учрежденіе и въ имущественномъ, и въ образовательномъ отношеніи выросли петербургскіе высшіе женскіе курсы, оставаясь, однако, въ положеніи частнаго учебнаго заведенія, не имѣя даже устава, не говоря уже о правахъ. Не только дѣятели, непосредственно стоявшіе у дѣла и такъ безкорыстно потрудившіеся ради него, но и всѣ мы, русскіе люди, не избалованные проявленіями общественнаго почина и самодѣятельности, можемъ съ гордостью смотрѣть на этотъ фактъ, такъ много говорящій уму и сердцу ободряющаго, освѣжающаго.

Въ виду пріостановки пріема слушательницъ на курсы въ нынѣшнемъ учебномъ году, долгъ въ 127,600 рубл., сдѣланный съ такою огромною выгодой для курсовъ, при условіи, разумѣется, продолженія ихъ дѣятельности въ прежнемъ видѣ, оказывается теперь страшнымъ игомъ для этого учрежденія и его дѣятелей. По ходу курсовъ, невозможно было даже предвидѣть такого ужаснаго затрудненія и тѣмъ болѣе трудно рѣшить, какъ выйдетъ общество вспомоществованія курсамъ изъ этого подавляющаго матеріальнаго затрудненія, обрушившагося нежданно-негаданно, по обстоятельствамъ и условіямъ, лежащимъ внѣ учрежденія и совершенно отъ него независящимъ. Насколько извѣстно, однако, дѣятели курсовъ не утратили еще надежды и вѣры въ благопріятный исходъ: «Есть сильное основаніе надѣяться,—читаемъ въ № 291 *Новостей*,—что въ началѣ слѣдующаго учебнаго года будетъ разрѣшенъ пріемъ». Дай Богъ!

V.

Въ одинъ годъ съ петербургскими курсами открылись и кіевскіе курсы (4 октября 1878 г.). И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, починъ въ возбужденіи вопроса объ организаціи научнаго образованія для женщинъ принадлежитъ самимъ же женщинамъ. Во главѣ ихъ стояли г-жи:

Алексѣева, Антоновичъ, Аѳанасьева, Бабикова, Гогоцкая, Горовая, Покровская и Толочинова, собравшія, для начала дѣла, 550 рублей. За теоретическую разработку вопроса взялся профессоръ А. И. Селинъ. Послѣ смерти Селина, дѣло, начатое имъ, было окончено совѣтомъ университета св. Владиміра. Учредителемъ курсовъ былъ избранъ профессоръ С. С. Гогоцкій, за которымъ также сохранено было и предсѣдательствованіе въ педагогическомъ совѣтѣ. Въ этомъ званіи онъ оставался до марта 1881 года; за отказомъ С. С. Гогоцкаго по болѣзни, завѣдываніе кіевскими курсами и предсѣдательствованіе въ педагогическомъ ихъ совѣтѣ перешло къ В. С. Иконникову, стоящему во главѣ курсовъ до сихъ поръ.

Кіевскіе курсы были организованы по первоначальному образцу московскихъ курсовъ В. И. Герье, т.-е. съ двухлѣтнимъ срокомъ. Но во второмъ учебномъ году (1879 — 80) было возбуждено ходатайство о трехлѣтнемъ срокѣ ученія, по образцу петербургскихъ курсовъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Затѣмъ, въ 1881 году, опять-таки по примѣру петербургскихъ курсовъ, было возбуждено новое ходатайство о прибавкѣ четвертаго учебнаго года, на что также не встрѣтилось препятствій. Такимъ образомъ, кіевскіе курсы изъ двухлѣтнихъ превратились въ четырехлѣтніе, съ двумя отдѣленіями—словесно-историческимъ *) и физико-математическимъ, т.-е., иначе, напоминаютъ собою организацію учебной части петербургскихъ курсовъ. Но, нужно замѣтить, *только* «напоминаютъ», тогда какъ, въ сущности, между тѣми и другими курсами весьма значительная разница, какъ мы увидимъ сейчасъ.

Прежде всего, конечно, необходимо остановиться на распредѣленіи предметовъ, количествѣ лекцій и практическихъ занятій. Возьмемъ данныя, относящіяся къ первому четырехлѣтію (съ 1878 до 1882 учебныхъ годовъ), какъ времени наилучшаго положенія кіевскихъ курсовъ, когда у нихъ было и наибольшее количество учащихся, и болѣе удовлетворительное положеніе матеріальныхъ средствъ.

Словесно-историческое отдѣленіе.

	I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	IV курсъ.
Русская историческая грамматика .	2 час.	2 час.	1 час.	—
Исторія русской словесности. . . .	2	2	1	1 часъ
„ всеобщей литературы . . .	2	2	2	2
„ греческой „ . . .	2	2	2	2
„ римской „ . . .	—	—	2	2
Русская исторія (древній періодъ) .	2	2	1	1
„ „ (новый „) .	2	2	3	3
„ исторіографія.	2	—	—	1
Исторія Греціи.	3	—	—	—

*) Въ „положеніи“ о кіевскихъ курсахъ и „отчетѣ“ за первое четырехлѣтіе отдѣленіе это называется „историко-философическимъ“, что, понятно, неточно.

Исторія Рима	—	3 часа	—	—
„ среднихъ вѣковъ	—	2	2 часа	2 часа
Новая исторія	—	—	2	2
Статистика	—	—	2	2
Логика	2	—	—	—
Психологія	—	2	—	—
Педагогія	—	2	2	1
Исторія философіи	—	2	2	2
Латинскій языкъ	1	1	1	1
Нѣмецкій „	1	1	1	1
Французскій „	1	1	1	1
Нравственное богословіе	—	—	1	—
Практическія занятія: по рус. языку	—	—	1	1
„ „ „ „ исторіи,	1	—	—	—
„ „ „ всеоб. лит.	1	—	—	—
„ „ „ чтен. лѣтоп.	1	—	—	—

Итого, не считая практическихъ занятій, получается *двадцать одинъ* предметъ, но изъ нихъ *семь* предметовъ *необязательныхъ*. Общее количество годовыхъ часовъ занятій 107: въ I курсѣ—26, II—27, III—28, IV—26 часовъ. Но изъ 107 часовъ занятій нужно исключить 28 *необязательныхъ*: въ I курсѣ—5, во II—9, въ III—8, въ IV—6 часовъ. Остается, такимъ образомъ, 79 годовыхъ часовъ, т.-е. та же цифра, какъ и на петербургскихъ курсахъ въ седьмой годъ ихъ существованія; но опять-таки это—только кажущееся сходство, при огромномъ внутреннемъ различіи. Такъ, напримѣръ, словесно-историческое отдѣленіе петербургскихъ курсовъ не загромождено цѣлою третью необязательныхъ предметовъ; практическія занятія производятся почти по всѣмъ предметамъ преподаванія, съ затратою, разумѣется, весьма значительнаго количества времени, а не 5 часовъ, какъ на кіевскихъ курсахъ; въ общее число годовыхъ часовъ не входятъ практическія занятія; наконецъ, изъ 79 годовыхъ лекцій 23 общихъ для двухъ курсовъ, что составляетъ огромное сбереженіе матеріальныхъ средствъ.

Физико-математическое отдѣленіе.

	I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	IV курсъ.
Алгебра	4 часа	—	—	—
Геометрія	4	—	—	—
Тригонометрія	2	2 часа	—	—
Аналитическая геометрія	—	3	2 часа	—
Дифференціал. и интеграл. вычислен.	—	—	3	3 часа
Алгебраическій анализъ	—	—	3	3
Астрономія	—	—	—	2
Теорія вѣроятностей	—	—	1	1
Физика	—	4	3	3
Химія органическая и неорганич.	—	2	2	—
Зоологія	—	—	2	2
Ботаника	—	—	—	—

Минералогія	—	—	2	2
Логика	2	—	—	—
Психологія	—	2	—	—
Педагогія	—	2	2	1
Исторія философіи	—	2	2	2
Латинскій языкъ	2	2	2	2
Французскій „	1	1	1	1
Нѣмецкій „	1	1	1	1
Нравственное богословіе	—	—	1	—
Практическія занятія: по химіи	—	—	6	6
„ „ „ математ.	2	2	2	2
„ „ „ физикѣ	—	—	2	2 *).

Значитъ, и на физико-математическомъ отдѣленіи опять-таки *двадцать одинъ* предметъ, но изъ нихъ обязательныхъ *только десять*, т.-е. меньше половины. Годовыхъ часовъ занятій 111, которые по курсамъ распредѣляются такъ: въ I курсѣ 18 час., изъ нихъ 5 необязательныхъ; во II курсѣ 23 ч., изъ нихъ 8 необязат.; въ III—37 ч., изъ нихъ 13 необязат.; въ IV—33 ч., изъ нихъ 12 необязательныхъ. Всего 38 необязательныхъ часовъ; исключивъ ихъ изъ общаго количества годовыхъ часовъ, получимъ 73 часа обязательныхъ занятій. Необходимо еще замѣтить, что въ общій разсчетъ годовыхъ часовъ включены и 24 часа практическихъ занятій. Если допустить, что практическія занятія по такимъ предметамъ, какъ химія, физика и математика, болѣе чѣмъ затруднительно отнести къ *необязательнымъ*, то, исключивъ 24 часа изъ 73 часовъ годовыхъ занятій, мы получимъ собственно на лекціи по обязательнымъ предметамъ 49 годовыхъ.

Въ приведенномъ разсчетѣ мы строго держались цифръ отчета педагогическаго совѣта, но намъ бы пріятно было думать, что или въ самомъ отчетѣ есть ошибка, не оговоренная въ «опечаткѣ», или нами невѣрно поняты нѣкоторыя цифры, вслѣдствіе неразработанности отчета. Тѣмъ не менѣе, физико-математическое отдѣленіе кіевскихъ курсовъ какъ по составу предметовъ, такъ и по распредѣленію занятій настолько разнится отъ физико-математическаго и спеціально-математическаго отдѣленій петербургскихъ курсовъ, что совершенно напрасно было бы проводить между ними параллель. Для ясности дѣла, напомнимъ, что въ петербургскихъ курсахъ на физико-математическомъ отдѣленіи преподается 13 предметовъ (вмѣстѣ съ богословіемъ), при 57½ годовыхъ лекціяхъ (6 общихъ для двухъ курсовъ) и 117½ годовыхъ часахъ практическихъ

*) Какъ на словесно-историческомъ, такъ и на физико-математическомъ отдѣленіяхъ совпадаютъ часы лекцій по слѣдующимъ общимъ для обоихъ отдѣленій предметамъ: нравственному богословію, логикѣ, психологіи, педагогіи и языкамъ—латинскому, французскому и нѣмецкому. Хотѣлось бы думать, что чтеніе лекцій по этимъ предметамъ производилось совмѣстно для обоихъ отдѣленій; но по отчету педагогическаго совѣта, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, выходитъ какъ бы, что чтеніе лекцій производилось не совмѣстно. Можетъ быть, это—неточность, недомолвка?

занятій; на спеціально - математическомъ отдѣленіи проходится въ три года 5 предметовъ, при 29 годовыхъ лекціяхъ (4 общихъ), 6 часахъ репетицій и 14 часахъ практическихъ занятій; прибавляя же къ этому 20 лекцій (считая и богословіе) I курса, проходимаго совмѣстно съ физико-математическимъ отдѣленіемъ, получимъ 49 годовыхъ лекцій (6 общихъ).

Во второе четырехлѣтіе на кіевскихъ курсахъ почти не было измѣненій въ предметахъ преподаванія и количество лекцій приблизительно то же, что и въ первомъ четырехлѣтіи; но убавилось число часовъ практическихъ занятій; практическія занятія по химіи велись не систематически, съ перерывами, а на словесно-историческомъ отдѣленіи ихъ, кажется, даже вовсе нѣтъ въ настоящее время. Что же касается физико-математическаго отдѣленія, то въ 1885—86 учебномъ году закрылось два курса, вслѣдствіе недостаточнаго количества слушательницъ. О прошломъ этого отдѣленія необходимо замѣтить, что, несмотря на нѣсколько странный составъ программы, съ преобладаніемъ предметовъ необязательныхъ, оно, по преобладающимъ обязательнымъ предметамъ, имѣло преимущественно математическій характеръ. Въ послѣднее же время, вслѣдствіе убыли слушательницъ, предполагалось сократить математическіе предметы и дать преобладаніе естественнымъ, бывшимъ прежде необязательными предметами.

По § 5 «положенія» кіевскихъ курсовъ, «слушательницы историко-филологическаго (?) отдѣленія обязаны представлять, въ теченіе курса, два письменныя сочиненія на заданныя темы, а на окончательныхъ испытаніяхъ писать въ аудиторіи письменный отвѣтъ на одну изъ предложенныхъ темъ. Слушательницамъ математическаго отдѣленія за письменныя работы засчитываются практическія упражненія и, кромѣ того, въ концѣ курсовъ онѣ должны представить работу на одобренную однимъ изъ преподавателей тему (по обязательному предмету). По поводу «письменныхъ сочиненій», въ отчетѣ педагогическаго совѣта (за 1878—82 уч. гг.) выражено сожалѣніе, что матеріалъ для нихъ приходилось «значительно ограничивать», вслѣдствіе скудости библіотеки курсовъ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, трудно не придти къ выводу, что учебная часть на кіевскихъ курсахъ недостаточно выдержана. Чтеніе необязательныхъ предметовъ, безспорно, имѣетъ свою хорошую сторону и, по общему составу предметовъ того или другаго отдѣленія, можетъ быть даже болѣе или менѣе необходимымъ. Но, само собою разумѣется, необязательные предметы не должны *заглушать* предметы основные; являясь до нѣкоторой степени роскошью въ программѣ, они могутъ быть или не быть, глядя по состоянію матеріальныхъ средствъ учрежденія.

Относительно говоря, кіевскіе курсы не должны бы особенно горько жаловаться на безденежье: денежныя ихъ средства, сравнительно, были довольно сносны, но не было правильной организаціи для завѣдыванія и управленія хозяйственною частью курсовъ. Со времени учрежденія кур-

совъ, при нихъ существуетъ попечительный комитетъ изъ лицъ, вносящихъ ежегодно по 25 рублей. Само собою разумѣется, что всѣ суммы, поступающія, такъ или иначе, въ пользу курсовъ, необходимо было слить подъ однимъ управленіемъ; между тѣмъ, мы видимъ полное и строгое раздѣленіе суммъ педагогическаго совѣта и попечительнаго комитета, что̀, конечно, произвело обоюдное ихъ ослабленіе.

До 1885 года включительно (какъ года гражданскаго, но не учебнаго) въ распоряженіе педагогическаго совѣта поступило 118,598 руб. (63,394 руб. за первое четырехлѣтіе и 55,204 руб. за второе). За тотъ же промежутокъ времени попечительнымъ комитетомъ собрано 48,649 руб. (27,211 руб. въ первое четырехлѣтіе и 21,438 руб. во второе), всего 167,247 рублей, какъ расходный капиталъ, на текущія нужды курсовъ. Кромѣ того, со спеціальною цѣлью для вспомоществованія слушательницамъ поступило: отъ земскихъ управъ (черниговской, бессарабской и саратовской) 2,664 руб., отъ графини Паниной 900 руб., отъ вдовы профессора Котляревскаго 200 руб. Эти суммы съ прежде приведенными составляютъ капиталъ въ 171,011 рублей. Наконецъ, есть еще спеціальные капиталы: А. П. Безуса 10,149 руб., мѣщанина Шеленговскаго 6,000 руб., инженера Скальскаго 1,043 руб., Тургеневскій 364 руб. Проценты съ этихъ капиталовъ предназначены на удовлетвореніе разныхъ нуждъ курсовъ—по части учебной, для вспомоществованія слушательницамъ и на устройство стипендій (капиталъ Шеленговскаго).

Простой перечень поступленій въ пользу кіевскихъ курсовъ уже доказываетъ, что, по приливу общественныхъ пожертвованій, курсы эти занимаютъ первое мѣсто послѣ петербургскихъ. Переживъ четырехлѣтнее странствованіе съ квартиры на квартиру, курсы осѣли на одномъ мѣстѣ, но не въ собственномъ, конечно, а въ наемномъ помѣщеніи. За все время существованія курсовъ, систематически пополнялась лишь библіотека, въ которой имѣется около 900 томовъ. Что же касается химической лабораторіи и физическаго кабинета, то, строго говоря, имъ до сихъ поръ только еще положено начало.

Безъ сомнѣнія, матеріальный успѣхъ курсовъ и имущественный ихъ ростъ былъ бы болѣе выразителенъ, при условіи болѣе правильной хозяйственной организаціи, но не въ видѣ «членовъ-соревнователей», не въ видѣ «благотворительнаго общества», съ очень неопредѣленнымъ положеніемъ,—какъ это поставилъ себѣ цѣлью педагогическій совѣтъ курсовъ (§ 4 и примѣч. къ § 8 «положенія»), — а непремѣнно въ формѣ органа, соотвѣтствующаго петербургскому «обществу для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» и его комитету, съ тѣми же функціями, какія выполняются этими учрежденіями.

Какъ видно уже изъ приведенныхъ выше цифръ прилива общественныхъ пожертвованій, на высшіе курсы въ Кіевѣ существуетъ громадный запросъ. Это, съ другой стороны, подтверждается и цифрою учащихся.

Въ теченіе 8-ми лѣтняго срока, на курсахъ перебывало 1,098 слушательницъ; изъ нихъ сдали всѣ экзамены около 200 слушательницъ; 75 слушательницъ прошли полный четырехлѣтній курсъ, но не держали окончательныхъ испытаній. Приводя эти цифры, считаемъ необходимымъ отмѣтить фактъ постепенной убыли слушательницъ. Такъ, въ первое четырехлѣтіе на кіевскихъ курсахъ было 708 слушательницъ; при открытіи курсовъ поступило 324 слушательницы, затѣмъ ежегодно поступало отъ 142 до 119 слушательницъ. Съ 1882 года началась рѣзкая убыль: общее количество слушательницъ упало съ 408 до 195 въ 1885 — 86 учебномъ году; количество ежегодно поступающихъ на курсы сократилось до 74 слушательницъ.

Въ основѣ этого явленія лежитъ, прежде всего, ненормальное устройство матеріальной части курсовъ, которое, съ одной стороны, обременяетъ педагогическій совѣтъ массою мелочныхъ хозяйственныхъ заботъ, съ другой—тормазитъ учебное дѣло неувѣренностью въ поступленіи суммъ, отсутствіемъ расходной нормы и т. д. Къ этому, конечно, нельзя не прибавить указанную выше недостаточную выдержанность учебной программы. Но, вѣдь, всѣ эти причины были и тогда, когда на курсы поступало болѣе 140 слушательницъ въ годъ. Значитъ, нужно искать еще какихъ-нибудь причинъ, имѣвшихъ вліяніе на убыль слушательницъ.

«Не мало подрывала дѣло кіевскихъ курсовъ масса нелѣпыхъ слуховъ,—читаемъ мы въ кіевской газетѣ *Заря*, въ статьѣ *Высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ*,— распускаемыхъ вольными и невольными врагами этой юной еще школы. И если подобные слухи и толки не имѣютъ существеннаго значенія и быстро теряются въ шумѣ столичной жизни, то въ провинціи они дѣйствуютъ нерѣдко самымъ подавляющимъ образомъ». Мы привели эти строки потому, что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, они принадлежатъ лицу хотя и не принимающему непосредственно участія въ дѣятельности курсовъ, но, тѣмъ не менѣе, хорошо знакомому съ ихъ ходомъ за все время существованія. По поводу этой цитаты, такъ сказать, въ поясненіе ея, считаемъ необходимымъ привести выдержки изъ письма къ намъ одного изъ крупнѣйшихъ кіевскихъ представителей науки, также непричастнаго къ завѣдыванію и управленію курсами:

„Вы спрашиваете, „почему кіевскіе курсы *глохнутъ?*“. Не обинуясь отвѣчаю вамъ: *среда заѣла*. Вы интересуетесь сущностью „слуховъ“. Глупость и чепуха всѣ эти слухи, точнѣе—нелѣпѣйшая сплетня, до чего такъ невѣроятно падки у насъ въ Кіевѣ люди прекраснаго и непрекраснаго пола, люди молодые и убѣленные сѣдинами, неучи и люди патентованные...

„Мы, кіевляне, народъ дореформенный въ обширномъ смыслѣ, стадный народъ. Если „человѣкъ съ вѣсомъ“ неодобрительно отзывается о чемъ-нибудь, эта неодобрительность становится почти обязательною для тѣхъ, которые слышатъ ее. „Какъ, и вы жертвуете на курсы?“—спрашиваетъ „человѣкъ съ вѣсомъ“. Жертвователь чувствуетъ себя какъ бы въ положеніи провинившагося и тономъ извиненія отвѣчаетъ: „Я всего только одинъ разъ... Я не поступлю въ члены“. Но поговорите съ этимъ

недоброжелателемъ курсовъ, отпугивающимъ жертвователей отъ нихъ. Оказывается, что онъ или ровно ничего не знаетъ о курсахъ и ихъ слушательницахъ, или повторяетъ нелѣпѣйшія сплетни, отъ которыхъ уши вянутъ...

„...Можно безъ преувеличенія сказать, что, при нынѣшнемъ положеніи дѣла, для того, чтобы быть дѣятелемъ на курсахъ или хотя бы слушать курсы, нужна извѣстная доля мужества, потому что это значитъ быть отмѣченнымъ до нѣкоторой степени *извѣстнаго рода печатью*; а для Кіева такая отмѣтка имѣетъ значеніе... При такихъ условіяхъ, не выдвинешься въ дѣятельности по курсамъ, не выступишь съ пропагандой въ ихъ пользу, потому что рискуешь быть встрѣченнымъ насмѣшками глупцовъ.

„...По нашимъ, кіевскимъ, нравамъ, есть одно только средство обновить кіевскіе курсы: какое-либо вниманіе правительства, выраженное хотя бы въ ежегодной субсидіи въ нѣсколько сотъ рублей. Тогда *сплетники съ вѣсомъ* разомъ замолчатъ; а это —большой выигрышъ для дѣла. Да это мы видимъ и изъ прошлаго кіевскихъ курсовъ. Пока имъ свѣтила надежда кое-какихъ правъ и прочнаго устава, къ нимъ было одно отношеніе; а какъ померкла эта надежда—совсѣмъ иное отношеніе...

„Словомъ, не кіевскіе курсы *глохнутъ*, а среда ихъ *глушитъ*. Между тѣмъ, это учрежденіе такъ необходимо для цѣлаго края!...“

Ставъ на эту точку зрѣнія, нельзя не признать за кіевскими курсами и ихъ дѣятелями весьма почтенной заслуги.

VI.

И такъ, путемъ русскаго общественнаго почина и самодѣятельности зародились, возникли и на общественныя же средства содержались четыре разсадника университетской науки для женщинъ. На это дѣло изъ средствъ русскаго общества издержано болѣе 1.000,000 рублей. Цѣною этихъ затратъ да самоотверженными, можно сказать, трудами лучшихъ представителей науки русское общество получило около 1,200 женщинъ, просвѣщенныхъ университетскою наукой.

Англійскія женщины, получившія высшее образованіе, пропагандируютъ воздвигнуть памятникъ профессору Фаусету, какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ высшаго женскаго образованія. Но во сколько же разъ заслуги русскихъ ученыхъ людей, потрудившихся на пользу высшаго образованіи женщинъ въ Россіи, выше заслугъ Фаусета?... Да и какая огромная разница въ условіяхъ дѣятельности! Пропаганду Фаусета въ пользу высшаго женскаго образованія можно назвать тріумфальнымъ шествіемъ; а у насъ—препятствіе за препятствіемъ, одно другаго серьезнѣе. Возьмите хотя бы такой фактъ. Вотъ уже почти повсюду идутъ въ газетахъ разъясненія, сущность которыхъ можно формулировать такъ: занятіе женщинъ высшею наукой не представляетъ ничего предосудительнаго; занимаясь наукою, женщина не только не утрачиваетъ, но еще болѣе возвышаетъ образъ и подобіе Божіе; обладаніе ученымъ дипломомъ опять-таки не представляетъ ничего предосудительнаго для женщины и т. д. Словомъ, все то, чѣмъ мы должны были бы гордиться, чему слѣдовало бы радоваться,—принижается до степени простой *непре-*

досудительности. Да попутно съ этимъ серьезнѣйшимъ образомъ доказывается, что дамская шапочка, вмѣсто шляпки, пледъ и костюмъ не по послѣдней модной картинкѣ—не достаточные признаки для нравственной оцѣнки слушательницъ высшихъ курсовъ. Наконецъ, просто производится путемъ печати розыскъ—куда дѣваются женщины, получившія высшее образованіе?... Невольно прошибаетъ краска стыда за тѣхъ, которымъ необходимы подобнаго рода разъясненія!... Но, къ несчастію, не мало еще въ русскомъ обществѣ людей, которые не хотятъ или не могутъ понять, какое *горе* для общества,—напомнимъ мы слова С. М. Соловьева,—«*женщина, мятущаяся во всѣ стороны, съ отуманеннымъ сознаніемъ*»,—«*женщина—въ унизительномъ состояніи...*»!

Высшіе женскіе курсы оказали большую услугу какъ тѣмъ, что дали въ теченіе 14 лѣтъ такую значительную цифру образованныхъ женщинъ, т.-е. *лучшихъ русскихъ женщинъ* въ томъ смыслѣ, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенной въ началѣ статьи цитатѣ изъ рѣчи Соловьева, такъ и тѣмъ, что своею практикой разъяснили тотъ путь, то направленіе, котораго необходимо держаться въ разрѣшеніи вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, какъ отрасли въ системѣ государственнаго образованія. Мы будемъ еще имѣть случай коснуться этого вопроса въ особой статьѣ, при расмотрѣніи связи между среднимъ и высшимъ образованіемъ женщинъ, а также и вопроса, слѣдуетъ ли намъ подражать той формѣ высшаго женскаго образованія, которую мы видимъ во Франціи, Швейцаріи, Англіи и другихъ европейскихъ государствахъ *). Здѣсь же намѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ тотъ путь, который указанъ практикою курсовъ въ разрѣшеніи вопроса о высшемъ женскомъ образованіи.

По характеру средняго образованія женщинъ, по ихъ общественному положенію и цѣли, имъ, прежде и главнѣе всего, необходимо общее научное образованіе. Но такъ ужь устроена познавательная способность человѣка, что, получивъ общее научное образованіе, онъ начинаетъ искать спеціальнаго,—искать потому, что именно спеціальное образованіе—если, конечно, оно слѣдуетъ послѣ хорошей общей подготовки — укрѣпляетъ душу человѣка, придаетъ бодрость мышленію и вызываетъ творческую дѣятельность. И чѣмъ правильнѣе общая подготовка, тѣмъ настойчивѣе стремленіе къ спеціализаціи, тѣмъ производительнѣе она.

Этимъ именно цѣлямъ высшаго образованія женщинъ и отвѣчаютъ высшіе курсы. И понятно: они созданы самою жизнью и программа ихъ дѣятельности выработалась сама собою. Удовлетвореніе потребностей общаго научнаго и спеціальнаго образованія женщинъ типично опредѣлилось на курсахъ В. И. Герье, гдѣ такъ характерно выражено словесно-историческое отдѣленіе въ факультетской формѣ, и еще болѣе—на всѣхъ

*) См. *Русская Мысль*, кн. VII: *Образованіе женщинъ у насъ и за границей.*

трехъ отдѣленіяхъ петербургскихъ курсовъ, имѣющихъ вполнѣ факультетскій характеръ.

Наука для всѣхъ одна; особой науки для женщинъ нѣтъ и быть не должно. Этой формулы держались западно-европейскіе передовые дѣятели, такъ блистательно добившіеся чуть не во всей Европѣ (за исключеніемъ Австріи и Германіи) уравненія женщинъ съ мужчинами въ дѣлѣ высшаго образованія. Высшіе курсы тоже не создаютъ особой науки для женщинъ: то, что преподается на курсахъ, есть безспорно университетская наука. Но, затѣмъ, остается вопросъ о степени полноты программы курсовъ, о нѣкоторыхъ недочетахъ въ ней. Это опять-таки безусловно говоритъ въ пользу курсовъ,—служитъ доказательствомъ постепенности, естественности ихъ развитія и роста. Такъ какъ первую и самую насущную злобу представляло общее научное образованіе женщинъ, то этой именно потребности, прежде всего, и старались курсы удовлетворять по преимуществу. Съ этого именно пункта началось дальнѣйшее расширеніе и развитіе программы каждыхъ изъ существующихъ курсовъ.

При томъ уровнѣ, на которомъ стоятъ теперь курсы, нѣтъ ничего легче, какъ обратить одни изъ нихъ въ факультеты въ полномъ смыслѣ слова, другіе—въ болѣе или менѣе полные университеты для женщинъ. Какъ это сдѣлать и при какихъ условіяхъ, насколько это, наконецъ, желательно или необходимо,—на эти вопросы мы отвѣтимъ, какъ было сказано, въ особой статьѣ, при разборѣ взаимнаго отношенія между среднимъ и высшимъ образованіемъ женщинъ. Но несомнѣнно, полагаемъ, изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ, что курсы, прежде всего, необходимо сохранить, какъ чрезвычайно полезные отпрыски университетской науки, народившіеся и развившіеся совершенно самостоятельнымъ путемъ, подъ напоромъ самой жизни.

М. Песковскій.

Рабочіе на сахарныхъ заводахъ.

I.

Каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о государственной помощи представителямъ нашей крупной промышленности, на сцену обыкновенно выдвигается и рабочій вопросъ, такъ что интересы трудящихся массъ при подобныхъ ходатайствахъ ставятся на первый планъ, о себѣ же господа ходатаи какъ будто вовсе и не заботятся. То же случилось и при обсужденіи мѣръ для устраненія сахарнаго «кризиса». Поэтому любопытно взглянуть, каково же положеніе рабочихъ въ этой отрасли нашей обрабатывающей промышленности. Въ самый разгаръ разрѣшенія вопроса о сахарномъ кризисѣ, получены отчеты фабричныхъ инспекторовъ тѣхъ округовъ, въ которыхъ преимущественно развито сахароваренiе, именно харьковскаго и кіевскаго.

Изъ этихъ отчетовъ, между прочимъ, прежде всего, видно, что мѣстное населеніе вовсе не такъ заинтересовано въ процвѣтаніи сахароваренія, какъ объ этомъ протрубили сахаровары. Они, напротивъ, избѣгаютъ найма мѣстныхъ рабочихъ, во-первыхъ, потому, что тѣ требуютъ высшей заработной платы, и, во-вторыхъ, при всякихъ столкновеніяхъ эти послѣдніе находятся въ бо̀льшей возможности уйти съ завода. «Заводы избѣгаютъ вообще набирать рабочихъ изъ мѣстнаго населенія, — говорится въ отчетѣ кіевскаго инспенктора г. Новицкаго. — Мѣстному рабочему всегда удобнѣе бросить работу по тѣмъ или другимъ причинамъ и уйти съ завода, тогда какъ пришлому, попавшему на заводъ за сотни верстъ отъ дому и поставленному на родинѣ въ болѣе тяжелыя экономическія условія, чѣмъ мѣстный крестьянинъ, остается только одно — работать во что бы то ни стало до конца производства, лишь бы заработать на дорогу для обратнаго пути». Харьковскій фабричный инспекторъ, д-ръ Святловскій, говоря о такомъ же стремленіи сахарозаводчиковъ своего округа, поясняетъ, что «наемъ дальнихъ рабочихъ, какъ увѣряютъ знатоки дѣла, объясняется желаніемъ держать рабочихъ въ рукахъ; съ мѣстными своими рабочими нѣтъ никакого сладу; чуть что не

такъ, они бросаютъ и разсчетъ и уходятъ, особенно если подойдутъ какія-либо деревенскія работы».

Такимъ образомъ, бо́льшая часть рабочихъ нанимается сахарозаводчиками въ другихъ губерніяхъ, преимущественно же въ бѣднѣйшихъ западныхъ и юго-западныхъ. Самый наемъ совершается часто при условіяхъ, которыя исключаютъ всякое понятіе о вольныхъ заработкахъ. Для найма рабочихъ при заводахъ состоятъ цѣлые отряды подрядчиковъ и агентовъ, которые и вербуютъ рабочихъ, отправляясь за ними иногда въ очень отдаленныя мѣстности. «Наемъ рабочихъ,—говоритъ г. Новицкій,—совершается въ то время, когда сельское населеніе наиболѣе нуждается въ деньгахъ, ради которыхъ рабочій принимаетъ на себя всевозможныя обязательства. Наемъ рабочихъ производится обыкновенно при дѣятельномъ участіи должностныхъ лицъ волостнаго правленія, которыя заинтересованы не только въ томъ, чтобъ изъ задатковъ нанимающихся пополнить денежныя ихъ повинности, но извлекаютъ изъ найма и личныя выгоды, получая отъ нанимателей денежную благодарность. Нерѣдко весь полученный рабочимъ задатокъ тутъ же, при наймѣ, уходитъ на погашеніе повинностей». Волостныя правленія, съ своей стороны, даютъ нанимателямъ такія гарантіи выполненія договоровъ, которыя совсѣмъ не предусмотрѣны закономъ. Такъ, на договорныхъ листахъ иногда попадаются слѣдующаго рода приписки сельскихъ властей: «Волостное правленіе, съ приложеніемъ казенной печати, удостовѣряетъ, принявъ при этомъ на себя ручательство за точное исполненіе нанявшимися крестьянами всего изложеннаго въ семъ условіи...» Въ самыхъ же условіяхъ есть такіе странные пункты: «За невышедшихъ изъ домовъ рабочихъ, умершихъ, а также и тѣхъ, которые будутъ за преступленія подвергнуты суду и по этой причинѣ останутся дома, выданные имъ задатки отрабатываются ихъ родственниками, односельцами или же обществомъ, въ средѣ котораго можетъ произойти подобный случай». Обыкновенно задатки, выдаваемые нанимающимся крестьянамъ, настолько велики, что не только поглощаютъ собою всю причитающуюся имъ плату за цѣлую «кампанію», но и образуютъ еще долгъ, который приписывается къ задатку слѣдующаго года. Въ результатѣ получается трудъ уже кабальный, на который отправляются крестьяне подъ давленіемъ сельскихъ властей, а не вольный наемъ.

Самыя условія, заключаемыя нанимателями и крестьянами, какъ мы уже видѣли, часто просто противузаконны, не говоря уже о какомъ-нибудь равновѣсіи во взаимныхъ гарантіяхъ и обязательствахъ. Такъ, за неисполненіе рабочими условій договора всегда полагаются неустойки. По однимъ, наприм., условіямъ, разсмотрѣннымъ г. Новицкимъ, «рабочій, не прибывшій на заводъ или ушедшій изъ него до срока, обязанъ возвратить задатокъ въ двойномъ размѣрѣ»; по другому условію, та же неустойка полагается даже и въ томъ случаѣ, «если нанявшійся умретъ или взятъ будетъ на военную службу». Но это еще довольно милостиво.

Нѣкоторые же заводчики устанавливаютъ даже на этотъ случай круговую поруку въ нанимаемыхъ артеляхъ, и на одномъ заводѣ артель должна возвратить за каждаго ушедшаго тройной задатокъ и, кромѣ того, возвратить убытки, «какіе будутъ показаны конторой». Есть, наконецъ, еще одно условіе, въ которомъ говорится: «Если кто изъ насъ, рабочихъ, не явится на работу на заводъ къ назначенному сроку, или же хотя и явится на заводъ и проработаетъ нѣсколько времени и уйдетъ базъ письменнаго дозволенія повѣреннаго Чернобыльскаго, подвергается препровожденію на работу посредствомъ волостнаго или сельскаго правленія и штрафу за каждый прогульный день». Между тѣмъ, заводская администрація оставляетъ за собою право увольнять отдѣльныхъ рабочихъ во всякое время и даже совсѣмъ пріостановить работу на какой угодно срокъ, причемъ контора разсчитываетъ рабочихъ по день остановки, и «мы, — говорятъ отъ себя въ условіяхъ рабочіе,—не должны предъявлять къ конторѣ никакихъ претензій, и если мы останемся должными конторѣ, то должны возвратить ей наличными деньгами». Д-ръ Святловскій разсказываетъ, между прочимъ, что сахарозаводчики имѣютъ привычку нанимать бо́льшее количество рабочихъ противъ дѣйствительно необходимаго, въ той надеждѣ, что нѣкоторое число рабочихъ не явится. Если же, паче чаянія, явится больше, чѣмъ нужно, то съ излишнимъ народомъ рѣдко церемонятся, хотя они бо́льшею частью и приходятъ издалека.

Очень часто, какъ мы уже говорили, доставка рабочихъ на заводы поручается особымъ подрядчикамъ. Въ этомъ случаѣ заводы и имѣютъ уже дѣло исключительно съ ними, не входя въ непосредственныя сношенія съ рабочими какъ при наймѣ ихъ, такъ и расплатѣ, содержаніи и т. д. Въ кіевскомъ районѣ одинъ и тотъ же подрядчикъ доставляетъ нерѣдко рабочихъ на нѣсколько заводовъ; многіе изъ нихъ настолько зажиточны и расширили кругъ своей дѣятельности, что держатъ для найма рабочихъ своихъ собственныхъ агентовъ. Съ каждаго рабочаго подрядчикъ получаетъ около 5 руб. и больше барыша, чѣмъ, конечно, значительно сокращается заработокъ перваго. Иногда въ роли такого подрядчика фигурируютъ волостныя правленія, которыя, отправляя на заводъ партіи рабочихъ изъ недоимочныхъ крестьянъ, сдаютъ ихъ на руки особо назначаемымъ «старостамъ».

II.

Нанятые при такихъ условіяхъ рабочіе, конечно, не пользуются особенно высокимъ заработкомъ. По вычисленіямъ г. Новицкаго, онъ колеблется отъ 6 до $7^1/_2$ р. въ мѣсяцъ, при наймѣ же съ помощью подрядчика понижается иногда и до 5 р. Но это только, такъ сказать, назначенная заработная плата,—дѣйствительная всегда нѣсколько ниже. Дѣло въ томъ, что эта плата устанавливается за 30 рабочихъ дней, такъ какъ

однимъ изъ первыхъ пунктовъ всѣхъ условій съ рабочими ставится имъ въ обязанность работать днемъ, ночью, по воскресеньямъ и всѣмъ праздничнымъ днямъ. Исключеніе дѣлается только для особо большихъ праздниковъ, каковы: Рождество Христово, Крещеніе, Пасха и т. д. Понятно, что большинство рабочихъ не въ состояніи бываетъ выполнить такихъ обязательствъ, въ результатѣ чего является сокращеніе заработковъ посредствомъ наложенія штрафовъ за «прогульные дни».

Насколько вообще развито на сахарныхъ заводахъ стремленіе уменьшить заработную плату, объ этомъ не собрано сколько-нибудь полныхъ данныхъ. Заводская администрація обыкновенно заявляла чинамъ инспекціи, что къ штрафамъ она почти не прибѣгаетъ, хотя въ договорныхъ листахъ и рабочихъ книжкахъ отдѣлъ о наложеніи ихъ является самымъ обширнымъ. Именно рабочіе подвергаются штрафу: за несвоевременное прибытіе, за прогульные дни, отказъ отъ какой-нибудь работы, пьянство, кражу сахара, порчу вещей и, наконецъ, даже за «противорѣчіе», «худое качество», «распутство» и т. п. Въ чью пользу поступаютъ штрафныя деньги, опять-таки не выяснено. Нѣкоторыя конторы, впрочемъ, говорили, что штрафныя деньги идутъ на улучшеніе пищи больныхъ рабочихъ и для наградъ лучшимъ изъ нихъ. Г. Новицкому пришлось, между прочимъ, слышать отъ представителей заводской администраціи, что прежде практиковавшійся ими способъ устрашенія рабочихъ былъ гораздо болѣе дѣйствителенъ. Состоялъ же онъ въ томъ, что проступки рабочихъ подвергались суду отдѣльныхъ артелей рабочихъ со старостами во главѣ и заканчивались обыкновенно сѣченіемъ.

Нисколько не лучше вознаграждаются на сахарныхъ заводахъ рабочіе мѣстные. Выросши при заводахъ, они, въ большинствѣ случаевъ, успѣваютъ спеціализироваться на какой-нибудь сторонѣ производства и работаютъ уже въ качествѣ мастеровъ, а не чернорабочихъ. Къ этой послѣдней группѣ принадлежатъ слесари, литейщики, токари, аппаратчики при вакуумъ-аппаратахъ и выпарныхъ котлахъ, машинисты, бондари и т. д. Заработная плата ихъ колеблется отъ 1 до 2 р. въ сутки. Затѣмъ всѣ мастеровые, кромѣ высшей заработной платы, пользуются и разными другими льготами. Такъ, они не обязаны работать по ночамъ и праздникамъ, а если это окажется нужнымъ, то получаютъ высшую противъ обыкновенной заработную плату. Другіе изъ нихъ имѣютъ при заводахъ квартиры и харчевое довольствіе. Точно также сравнительно высокій заработокъ попадаетъ на долю конныхъ семейныхъ рабочихъ. Они нанимаются подвозить свеклу къ моечнымъ барабанамъ. При этомъ каждому подвозчику необходимо имѣть двухъ-трехъ полурабочихъ, подкидывающихъ свеклу въ возы. Дневной заработокъ такихъ возчиковъ простирается отъ 1 до 1 р. 50 коп. Одинъ же заводъ заключилъ условіе съ цѣлою колоніей нѣмцевъ, по которому поденная плата назначена по 4 р. въ сутки. Но и чернорабочіе изъ мѣстнаго населенія стоятъ въ лучшихъ условіяхъ

сравнительно съ своими пришлыми товарищами. Заработная плата ихъ рѣдко падаетъ ниже 7—8 р. въ мѣсяцъ, нанимаясь же поденно, они получаютъ отъ 30 до 50 к. въ сутки. Къ заработной платѣ мѣстные рабочіе очень часто выговариваютъ себѣ харчевой паекъ, дрова для отопленія, кормъ для скота въ видѣ жома и нѣкоторыя другія мелкія льготы. Но заработокъ ихъ также значительно понижается при наймѣ съ помощью подрядчика.

Всѣ пришлые рабочіе получаютъ отъ заводовъ, сверхъ заработной платы, квартиру и продовольствіе. Для послѣдняго заводы обыкновенно отпускаютъ рабочимъ артелямъ извѣстное количество продуктовъ на каждый «рабочій» мѣсяцъ. Въ кіевскомъ округѣ, въ большинствѣ случаевъ, эти харчи состоятъ изъ ржаной муки около 2 п., пшена отъ 1 п. до 20 ф., говядины отъ 30 до 9 ф., сала около 3 — 4 ф., постнаго масла 2—3 ф., соли 4 ф., затѣмъ слѣдуютъ капуста, лукъ, перецъ и на немногихъ заводахъ рыба отъ 2 до 5 ф., сахару же на сахарныхъ заводахъ не выдаютъ. Но тутъ дѣло, опять-таки, идетъ о рабочемъ мѣсяцѣ, который на большинствѣ заводовъ установленъ въ 30 дней; если же рабочій не всѣ дни работалъ, то соотвѣтственно уменьшается и харчевой паекъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что рабочимъ отпускается достаточно только хлѣба; что же касается мяса и сала, то размѣръ ихъ можно считать весьма недостаточнымъ для мѣсячнаго продовольствія взрослаго человѣка, притомъ, работающаго по 12 ч. въ сутки. На многихъ заводахъ, по словамъ г. Новицкаго, даже такой сравнительно дешевый приварокъ, какъ капуста и картофель, отпускается не въ достаточномъ количествѣ. Въ особенности это относится къ тѣмъ рабочимъ, которыхъ продовольствуютъ заводы черезъ подрядчиковъ. Но и этотъ паекъ, получаемый рабочими, болѣе или менѣе уменьшается, если кто-нибудь изъ нихъ не выработаетъ всего «рабочаго» мѣсяца. Всего же заводамъ обходится продовольствіе рабочихъ около 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ на каждаго.

Всѣ пришлые рабочіе для своего продовольствія образуютъ артели, которыя составляютъ большею частью изъ земляковъ; онѣ такъ и носятъ среди рабочихъ и администраціи названія — артели черниговской, курской, орловской, могилевской и т. д. Въ артель входитъ человѣкъ отъ 50 до 150. Она избираетъ изъ среды своей должностныхъ лицъ— старосту, сторожа, повара и хлѣбопека. Контора только утверждаетъ ихъ въ этихъ должностяхъ. Впрочемъ, это бываетъ только при «вольномъ» наймѣ рабочихъ заводами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда партіи ихъ приводятся подрядчиками или присылаются волостью, распорядительная власть, по всѣмъ сторонамъ быта рабочихъ, находится въ рукахъ этихъ послѣднихъ или ихъ уполномоченныхъ. Они должны смотрѣть за порядкомъ въ артели, размѣщать рабочихъ въ казармахъ, наблюдать за чистотою ихъ и даже взыскивать за проступки. На одномъ заводѣ назначенный

волостью «старшина» получаетъ 35 руб. въ мѣсяцъ жалованья, кормовыя на двухъ лошадей для разъѣзда «по дѣламъ» артели и имѣетъ писаря съ жалованьемъ 15 руб. въ мѣсяцъ.

Пища—въ большинствѣ случаевъ борщъ и каша—варится въ казармахъ два раза въ сутки: около полудня и полуночи. Между 11 и 12 часами дня рабочіе обѣдаютъ по смѣнамъ, а между 11—12 часами ночи ужинаютъ; въ промежуткахъ они ѣдятъ хлѣбъ въ видѣ завтрака и «подвечерка». Паекъ часто уменьшается еще вслѣдствіе того, что заводы разсчитываютъ продовольствіе рабочихъ для скоромнаго стола, между тѣмъ какъ они почти половину рабочаго времени ѣдятъ постное. Вслѣдствіе этого рабочіе обращаются постоянно къ заводской администраціи съ просьбою замѣнить скоромные продукты постными, и весьма немногіе заводы дѣлаютъ это добросовѣстно, т.-е. выдаютъ постное по стоимости возвращаемаго. Обыкновенно администрація при этомъ выгадываетъ въ свою пользу иногда очень почтенную разницу.

Какъ, однако, ни скудна пища рабочихъ, они умудряются еще дѣлать сбереженія изъ выдаваемаго имъ пайка, чтобы этимъ увеличить свой заработокъ. На всѣхъ заводахъ возведено въ правило, что рабочіе обыкновенно цѣлыми артелями могутъ возвращать часть пайка, якобы сбереженія, и получать за него деньги. Обыкновенно же артели добровольно не добираютъ нѣкоторой части слѣдуемыхъ имъ продуктовъ, чтобы получить взамѣнъ ихъ деньги. Стремясь, такимъ образомъ, возможно болѣе увеличить свои «недоборы», рабочіе еще болѣе ухудшаютъ свою пищу. Г. Новицкому на одномъ и томъ же заводѣ пришлось наблюдать двѣ артели, изъ которыхъ одна въ 120 человѣкъ довела недоборъ въ харчахъ до 120 руб. на артель,—вмѣсто 13 пудовъ масла и сала, брала 5, 5 и т. д., другая артель потребляла свои продукты полностью; и г. Новицкій, пробуя пищу у обоихъ, нашелъ, что по вкусу и питательности у первой артели она доведена до невозможно-низкой степени. Насколько опять-таки администрація заводовъ умудряется выгадывать и на этой операціи, видно уже изъ того, что на всѣхъ почти заводахъ рабочимъ запрещено продавать остатки продуктовъ на сторону. Но, какъ мы говорили, большинство рабочихъ находится у заводовъ, подрядчиковъ или «волостей» въ неоплатномъ долгу и при окончательномъ разсчетѣ почти ничего не получаетъ, такъ что возвращаться домой часто не на что. Поэтому понятно, что рабочій стремится хоть кое-что сколотить какимъ бы то ни было способомъ и добровольно голодаетъ, дѣлая изъ скуднаго пайка еще «сбереженія».

III.

За такую ничтожную заработную плату рабочимъ на большинствѣ заводовъ приходится проводить все время при самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, которыми отличаются какъ заводскія, такъ и жилыя помѣще-

нія. Такъ, при мойкѣ бураковъ, рабочимъ, при общей сырости помѣщенія, приходится босыми стоять въ водѣ. Если тутъ рабочіе коченѣютъ отъ холода, то въ другихъ отдѣленіяхъ имъ приходится задыхаться отъ жары и вредныхъ испареній. Къ нимъ могутъ быть причислены отдѣленія паточныя, пробѣлочныя, разливныя и аппаратныя. Здѣсь рабочіе не рѣдко должны оставаться совсѣмъ голыми. Послѣднее обстоятельство вызывается не только высокою температурой, но и самымъ свойствомъ работъ. «Рабочіе при переноскѣ или перевозкѣ утфеля,—говоритъ г. Новицкій,—или патоки къ тюрбинамъ, а тѣмъ болѣе при извлеченіи того и другаго продуктовъ изъ ящиковъ, куда рабочіе принуждены лазить съ лопаткой или ведрами, сильно выпачкиваются; при такихъ условіяхъ одежда ихъ совершенно обсахарилась бы въ нѣсколько часовъ». Между тѣмъ, понизить температуру въ нѣкоторыхъ изъ отдѣленій далеко не представляется непреоборимо-затруднительнымъ. Но фабричная администрація объ этомъ весьма мало безпокоится и г. Новицкому удалось видѣть одинъ только во всемъ его округѣ вентиляторъ. Въ настоящее же время изъ отдѣленій съ весьма высокою температурой рабочіе непосредственно переходятъ въ совсѣмъ холодныя и даже выбѣгаютъ на дворъ, босые и раздѣтые, для «отправленія естественныхъ надобностей», такъ какъ теплыхъ отхожихъ мѣстъ нигдѣ не устроено. Съ другой стороны, рабочіе собственными средствами устраиваютъ весьма примитивную вентиляцію, вышибая стекла въ окнахъ и подвергаясь вслѣдствіе этого дѣйствію сквозняковъ.

Къ числу наиболѣе вредныхъ операцій на сахарныхъ заводахъ слѣдуетъ отнести работы съ известью, которыя состоятъ въ гашеніи ея, переноскѣ и разбалтываніи съ водою. «Мельчайшія частицы извести,—говоритъ г. Новицкій,—отдѣляющіяся отъ нея при переноскѣ и при пересыпаніи, носятся въ воздухѣ, покрываютъ платье и тѣло рабочихъ, дѣйствуя разрушающимъ образомъ на то и другое, разъѣдаютъ глаза, и несмотря на повязки, проникаютъ въ легкія и вызываютъ разнаго рода легочныя страданія, при гашеніи же извести выдѣляются, кромѣ того, удушливые пары. Помѣщенія для всѣхъ этихъ операцій съ известью устроены крайне неудовлетворительно». Мѣры, смягчающія вредъ отъ подобныхъ операцій, и тутъ возможны, но почти не примѣняются на нашихъ заводахъ. Такъ, только на весьма немногихъ изъ нихъ введены устройство механическихъ мѣшалокъ, замѣна переноски извести перевозкою ея въ вагончикахъ и т. п. Не менѣе небрежно поставлено дѣло охраненія здоровья рабочихъ и въ костокальняхъ, гдѣ производится такъ называемое «оживленіе крупки»—костянаго угля. Здѣсь наиболѣе тяжелою работой является перегребаніе крупки, разложенной на сушильной печи. «При довольно значительной температурѣ,—разсказываетъ г. Новицкій,—эта работа сопровождается отдѣленіемъ мелкой угольной пыли, покрывающей рабочихъ съ головы до ногъ; причемъ тутъ, какъ и въ паточ-

ной, рабочіе бываютъ совсѣмъ голые. Въ этомъ же отдѣленіи находятся квасильные чаны, испускающіе гнилостный запахъ. При выниманіи крупки изъ патроновъ, въ которыхъ она прокаливается въ печи, отдѣляется весьма значительное количество амміачныхъ паровъ». Между тѣмъ, «въ большинствѣ костокаленъ чаны для припариванія крупки устроены безъ надлежащихъ колпаковъ и вытяжныхъ трубъ. Такимъ образомъ, къ пыли, покрывающей не только рабочихъ, но и все помѣщеніе, присоединяется еще и паръ, наполняющій его». Если къ этому прибавить, что большинство костокаленъ темны, тѣсны и грязны, то работы въ нихъ нужно причислить къ весьма вреднымъ.

Наконецъ, наиболѣе слабою стороной устройства мастерскихъ на сахарныхъ заводахъ слѣдуетъ признать отсутствіе должныхъ огражденій при машинахъ. По словамъ г. Новицкаго, существующія огражденія крайне несовершенны и состоятъ обыкновенно изъ легкихъ деревянныхъ перилъ, поставленныхъ кое-какъ. Рѣдко можно найти заводъ, гдѣ бы всѣ безъ исключеніи машины были ограждены; обыкновенно бываетъ ограждена только бо́льшая или меньшая часть ихъ. Передаточные ремни, расположенные въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и часто въ проходахъ, помѣщены очень низко и рѣдко бываютъ ограждены футляромъ или огорожены. Внизу рабочимъ угрожаютъ паточныя ямы и квасильные чаны, которые бо́льшею частью остаются открытыми.

Въ связи съ такими условіями при производствѣ работъ на сахарныхъ заводахъ находятся и роды заболѣваній, которымъ больше всего подвергаются рабочіе. По вычисленію доктора Святловскаго, изъ 100 несчастныхъ случаевъ 70 падаютъ на разныя травматическія поврежденія и около 30 на ожоги. По даннымъ, собраннымъ г. Новицкимъ, четвертая часть всѣхъ лечившихся въ заводкихъ больницахъ принадлежитъ къ числу получившихъ ожоги и травматическія поврежденія и затѣмъ пятую часть даетъ группа съ такими болѣзнями, какъ нарывы, костоѣды, вереды, язвы и т. д. Эти болѣзни можно отнести къ профессіональнымъ для рабочихъ сахарныхъ заводовъ, такъ какъ онѣ обусловливаются дѣйствіемъ на кожу такихъ раздражительныхъ веществъ, какъ, наприм., патока, которой рабочій бываетъ обыкновенно облѣпленъ съ головы до ногъ. Третье мѣсто въ ряду болѣзней, которымъ подвергаются рабочіе, принадлежитъ лихорадкѣ и другимъ заболѣваніямъ отъ простуды, причина которыхъ кроется преимущественно въ неровности температуры въ разныхъ отдѣленіяхъ завода, между тѣмъ какъ рабочіе принуждены перебѣгать изъ одного изъ нихъ въ другое.

IV.

Еще менѣе администрація заводовъ проявляетъ заботливости при устройствѣ жилищъ для рабочихъ, которыя, какъ и на прочихъ заводахъ, получили названіе казармъ. При каждомъ заводѣ обыкновенно существу-

етъ нѣсколько такихъ казармъ и въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ состоятъ изъ одной большой постройки. При довольно однообразномъ внутреннемъ устройствѣ казармъ, относительное ихъ достоинство зависитъ преимущественно отъ величины помѣщенія, соотвѣтственно, конечно, съ количествомъ живущихъ тамъ рабочихъ, отъ способовъ вентилированія и чистоты содержанія. Обыкновенно каждая казарма дѣлится на нѣсколько частей, которыя представляютъ изъ себя большія длинныя комнаты. Сплошныя нары расположены бо́льшею частью посрединѣ комнаты въ два ряда «голова въ голову»; вокругъ наръ устроенъ проходъ. Иногда нары тянутся вдоль трехъ стѣнъ, а проходъ оставляется посредипѣ. На деревянныя нары сплошь укладываются тюфяки, состоящіе изъ мѣшковъ, набитыхъ соломою; часто дѣлается еще проще, именно на нары кладется солома, покрываемая общимъ рядномъ. Никакихъ другихъ постельныхъ принадлежностей обыкновенно нѣтъ. Для каждой артели отводится одно такое помѣщеніе.

Относительно кіевскаго округа г. Новицкій говоритъ, что на большинствѣ заводовъ казармы даже въ примитивномъ смыслѣ устроены чрезвычайно неудовлетворительно. Такъ, на нѣкоторыхъ заводахъ при тѣснотѣ казармъ нѣтъ особыхъ столовыхъ, рабочіе ѣдятъ въ спальняхъ, что еще болѣе усугубляетъ порчу воздуха въ казармахъ На одномъ же заводѣ рабочіе варятъ въ спальняхъ даже пищу. Здѣсь, кромѣ того, не имѣется для ѣды особыхъ столовъ, такъ что рабочіе располагаются на нарахъ и гдѣ попало, вслѣдствіе чего казармы представляются крайне грязными, съ валяющимися на полу объѣдками. «Рабочіе этого завода,— по словамъ г. Новицкаго,—имѣютъ болѣзненный, неприглядный видъ». Вообще же на всѣхъ заводахъ тюфяки обыкновенно крайне грязны, такъ какъ солома перемѣняется въ нихъ одинъ разъ въ годъ передъ началомъ производства. Далѣе, «однимъ изъ общихъ и существенныхъ недостатковъ казармъ является несовершенство ихъ вентиляціи, а часто и полное ея отсутствіе. Въ лучшемъ случаѣ вентиляція состоитъ въ томъ, что испорченный воздухъ изъ-подъ наръ, помощью заложенныхъ подъ поломъ трубъ, проводится въ печь, находящуюся въ томъ же помѣщеніи. Если эти трубы проведены подъ топку печи, то, само собою разумѣется, онѣ тѣмъ самымъ утрачиваютъ свое практическое значеніе, такъ какъ печь и безъ такихъ трубъ очищаетъ воздухъ въ той же степени. Другое вентиляціонное приспособленіе, болѣе существеннное, состоитъ въ томъ, что дѣлаютъ вытяжную трубу или даже нѣсколько ихъ въ потолкѣ. Такія трубы мало, однако, приносятъ пользы, такъ какъ рабочіе, въ видахъ охраненія тепла, закрываютъ эти отверстія, что нерѣдко вызывается необходимостью, вслѣдствіе низкой температуры воздуха въ казармахъ, благодаря или плохому устройству печей, или недостаточному отопленію». Въ казармахъ же весьма многихъ заводовъ и вовсе нѣтъ никакой вентиляціи.

Тѣми же недостатками отличаются казармы и въ харьковскомъ округѣ. «Что особенно огорчаетъ жильцовъ казарменныхъ помѣщеній, — пишетъ д-ръ Святловскій,—это полное отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для прятанія одежды, бѣлья и проч.,—словомъ, отсутствіе собственнаго угла. О какихъ бы то ни было приспособленіяхъ для сушки онучь или мокрой одежды также нѣтъ и помину». Затѣмъ на заводахъ обоихъ округовъ, только на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ работающихъ женщинъ очень много, для нихъ устраиваются отдѣльныя отъ мужчинъ помѣщенія. Эти послѣднія всегда выглядятъ чище и наряднѣе мужскихъ. Но на большинствѣ заводовъ рабочіе обоего пола спятъ въ однихъ помѣщеніяхъ, и въ нѣкоторыхъ даже безъ наръ и постелей—просто въ-повалку. Точно также рѣдки и отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ.

Въ фактѣ болѣе чѣмъ плохаго устройства жилищъ для рабочихъ нужно видѣть исключительно плодъ крайне небрежнаго отношенія владѣльцевъ заводовъ къ возможности доставить своимъ рабочимъ хотя кое-какія удобства. Устройство хорошихъ жилищъ не представляетъ ни чего-нибудь труднаго само по себѣ, ни сопряженнаго съ какими-нибудь чрезвычайными расходами. Теперь наблюдаются только единичные примѣры затратъ заводчиковъ на дѣло улучшенія быта рабочихъ,—примѣры, которые, однако, свидѣтельствуютъ, что въ этомъ отношеніи съ весьма небольшими затратами можно достигнуть очень многаго. Такъ, главный недостатокъ казарменныхъ помѣщеній—отсутствіе вентиляціи—устраняется весьма простымъ приспособленіемъ, встрѣченнымъ г. Новицкимъ на одномъ изъ заводовъ. Состоитъ онъ въ томъ, что, кромѣ печей, поставленныхъ внутри спаленъ, онѣ находятся и въ сѣняхъ, безпрерывно доставляя такимъ образомъ въ спальни свѣжій нагрѣтый воздухъ взамѣнъ выпускаемаго посредствомъ вытяжныхъ трубъ. Другой заводъ, единственный, впрочемъ, въ отношеніи устройства помѣщеній для рабочихъ почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нары въ нихъ замѣнены желѣзными кроватями, которыя снабжены не только тюфяками, но и одѣялами и подушками. Между каждыхъ двухъ кроватей находится столикъ со шкафчикомъ. Отопляются эти помѣщенія колориферами, а устройство вентиляціи вполнѣ обезпечиваетъ притокъ нужнаго количества свѣжаго воздуха. Наконецъ, нѣкоторые заводы стремятся замѣнить казарменныя помѣщенія отдѣльными небольшими домиками, предназначающимися для семейныхъ рабочихъ. Тутъ, впрочемъ, преслѣдуются совершенно другія задачи, именно—образовать осѣдлое заводское населеніе.

Необходимыми учрежденіями, которыя должны имѣться при фабрикахъ и заводахъ, считаются больницы, бани и школы. Больницы дѣйствительно считаются имѣющимися при каждомъ заводѣ, но на самомъ дѣлѣ онѣ существуютъ при весьма немногихъ заводахъ. Такъ, большинство больницъ, даже лучше устроенныхъ и признанныхъ инспекціей удовлетворительными, не имѣютъ постоянныхъ врачей, а довольствуются фельд-

шерами и рѣдкими сравнительно посѣщеніями надзирающихъ за больницами врачей. Самыя большія больницы состоятъ изъ двухъ-трехъ комнатъ, такъ что больные инфекціонными болѣзнями почти никогда не отдѣляются отъ остальныхъ. Затѣмъ число кроватей въ больницахъ настолько незначительно по отношенію къ числу заводскихъ рабочихъ, что ихъ можно признать существующими или для вида только, или для нуждъ самой заводской администраціи. Бани существуютъ почти на всѣхъ заводахъ, но о качествѣ ихъ въ отчетахъ данныхъ не имѣется. Наконецъ, школъ, прадназначенныхъ для дѣтей, работающихъ на заводахъ, почти вовсе не имѣется, такъ какъ самый дѣтскій трудъ при сахарномъ производствѣ примѣняется очень слабо. На 19, наприм., сахарныхъ заводахъ кіевскаго округа, осмотрѣнныхъ инспекціей, всего работаетъ около 300 дѣтей, т.-е. въ среднемъ по 15 чел. на заводъ. При нѣкоторыхъ заводахъ, впрочемъ, устроенныя школы поставлены даже на очень широкую ногу, каковы въ кіевскомъ округѣ школы: Александровскаго товарищества, графовъ Бобринскихъ, Абазы, имени Воронцова, въ мѣстечкѣ Городище и нѣкоторыя другія. Но онѣ также, какъ и больницы, предназначены исключительно для лицъ заводской администраціи.

V.

Среди мѣстнаго населенія сахарные заводы пользуются весьма плохою репутаціей, съ одной стороны, какъ разсадники разврата, который они вносятъ въ среду крестьянской молодежи, а съ другой—какъ гнѣзда, откуда распространяются всевозможныя заразныя болѣзни. Дѣйствительно, для развитія этихъ послѣднихъ и распространенія ихъ за свои предѣлы, заводы представляютъ чрезвычайно благопріятную почву. Именно, всевозможные отбросы разлагаются тутъ же на дворахъ; отхожія мѣста устроены самымъ примитивнымъ образомъ, являя изъ себя сплошную клоаку, такъ что чины инспекціи могли созерцать ихъ, оставаясь на весьма приличной дистанціи; на многихъ заводахъ ихъ вовсе нѣтъ и въ распоряженіе рабочихъ отдается для этого весь дворъ.

О вліяніи сахарныхъ заводовъ на окрестныя поселенія д-ръ Святловскій говоритъ слѣдующее: «Рѣдкій изъ песочносахарныхъ заводовъ не имѣетъ какихъ-либо приспособленій для обезвреживанія испорченной воды и бурачныхъ остатковъ, загрязняющихъ заводскую окрестность (воду и почву). Но въ большинствѣ случаевъ эти приспособленія крайне недостаточны, что̀ частью объясняется небрежностью владѣльцевъ, отчасти же, хотя и въ меньшей степени, неудовлетворительностью существующихъ въ современной техникѣ способовъ утилизаціи или обезвреживанія заводско-фабричныхъ отбросовъ и стоковъ». Какъ на яркій примѣръ порчи воды заводскими отбросами, можно указать на протоколъ, составленный мѣстными властями о Тростянецкомъ заводѣ, принадлежащемъ г. Кенигу.

Расположенъ онъ на разстояніи версты выше села Тростянецъ при рѣкѣ Боромлѣ. Вскорѣ послѣ открытія завода вода рѣки у самаго Тростянца сдѣлалась грязною и стала издавать зловоніе. Рыба подохла, такъ что ее собирали руками. Воду отказывался пить даже скотъ. Санитарная коммиссія признала эту воду ни для какого употребленія негодною.

Въ кіевскомъ округѣ, по словамъ г. Новицкаго, «помимо того, что большинство сахарныхъ заводовъ обставлено весьма плохо въ санитарномъ отношеніи, они нерѣдко заражаютъ грязными водами окрестныя мѣстности». Для спуска ихъ на большинствѣ заводовъ устроены канавы, по которымъ вода и стекаетъ въ озера или рѣки, «чѣмъ не только наносится вредъ населенію, живущему ниже по теченію, но и заражается воздухъ непосредственно прилегающей къ заводу мѣстности». Надъ канавами же устроены и отхожія мѣста, благодаря чему онѣ, въ особенности весною, даютъ себя чувствовать на очень далекомъ разстояніи. Судьба, постигающая сосѣднія съ заводами селенія, бываетъ поэтому по-истинѣ ужасна. Мы уже указали на большое село Тростянецъ, какъ на жертву небрежнаго спуска водъ сахарозаводчиками. Въ такомъ же положеніи очутилось и большое мѣстечко Городище, причемъ заводомъ загрязнена не только протекающая близъ него рѣка Ольшанка, но даже подпочвенная влага, такъ что сдѣлалась совершенно негодною къ употребленію и вода, получаемая изъ колодцевъ.

Если затѣмъ принять во вниманіе существующую теорію о распространеніи бактерій, по которой наилучшимъ проводникомъ ихъ являются воды, а мѣстомъ наибольшаго нахожденія человѣческіе экскременты, то можно себѣ представить, какую службу сослужатъ сахарные заводы распространенію инфекціонныхъ болѣзней, спуская эти самые экскременты вмѣстѣ съ бактеріями въ рѣки.

Слѣдовательно, если возбужденъ вопросъ о покровительствѣ производству въ видахъ якобы пользъ населенія, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, устранить ту массу вреда, которую сахарные заводы приносятъ этому же населенію при данной постановкѣ дѣла; если говорить о связи процвѣтанія производства съ интересами работающаго тамъ люда, то слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы ему при этомъ жилось хоть сколько-нибудь сносно.

В. Бирюковичъ.

МИШЛЕ.

(*Taine*: «Essais de critique et d'histoire»).

I.

Возрожденіе *).

Кантъ говорилъ, что наши идеи происходятъ частью отъ предметовъ, частью отъ насъ самихъ, что предметы, поражая нашъ умъ, находятъ въ немъ врожденную форму, что этотъ первоначальный изгибъ измѣняетъ полученный образъ и что, вслѣдствіе этого, наша истина не есть истина. Оказалось, что это ученіе было предположеніемъ въ философіи; оказывается, что оно—правило въ критикѣ. Наши способности направляютъ насъ; наши дарованія вводятъ насъ въ заблужденіе или поучаютъ насъ; наша первобытная организація внушаетъ намъ какъ наши ошибки, такъ и наши открытія. Разложить умъ,—это значитъ вкратцѣ и заблаговременно указать его открытія и его ошибки.

Мишле—поэтъ, поэтъ высокаго полета; какъ таковой, онъ постигаетъ факты въ ихъ совокупности и заставляетъ постигать ихъ. Это столь впечатлительное воображеніе трогается какъ общими событіями, такъ и событіями частными, и симпатизируетъ съ жизнью вѣковъ, какъ и съ жизнью отдѣльныхъ личностей; онъ видитъ страсти цѣлой эпохи такъ же отчетливо, какъ страсти человѣка, и съ такою же живостью рисуетъ средніе вѣка или Возрожденіе, какъ Филиппа Красиваго или Франциска I. Всѣ эти блестящіе образы, страстныя движенія, остроумные анекдоты, размышленія и разсказы управляются одною главною мыслью, и все произведеніе, какъ восторженное войско, несется однимъ движеніемъ къ одной цѣли.

Это движеніе увлекательно; напрасно стали бы мы сопротивляться,—мы должны прочесть до конца. Книга поражаетъ умъ съ первой страницы; вопреки возраженіямъ и сомнѣніямъ, она, завладѣвъ вниманіемъ, уже

*) *Histoire de France*, томъ VII.

не выпускаетъ его. Она написана съ поразительною страстностью, часто болѣзненною, заставляющею страдать читателя и, однако, очаровывающею его: мы удивляемся, чувствуя, какъ насъ волнуютъ столь внезапныя и сильныя движенія; мы хотѣли бы вернутся къ спокойствію разсужденія и логики—и не можемъ этого; вдохновеніе сообщается нашему уму и увлекаетъ его; мы думаемъ о томъ діалогѣ, въ которомъ Платонъ изображаетъ бога, притягивающаго къ себѣ душу поэта, и поэта, притягивающаго къ себѣ души своихъ слушателей, какъ цѣпь намагниченныхъ колецъ, которыя сообщаютъ другъ другу магнитное свойство и поднимаются высоко на воздухъ, соединенныя другъ съ другомъ и привѣшенныя къ первому магниту. Ни одинъ поэтъ не проявляетъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ Мишле, этой чудной власти; когда впервые начинаешь мыслить и встрѣчаешь его, невольно признаешь его своимъ наставникомъ; онъ созданъ плѣнять открывающіеся умы и управлять ими, и онъ доказалъ это.

Что же это за всесильныя чары и какими звуками умѣетъ онъ такъ глубоко смущать сердца? Въ немъ живетъ нѣсколько поэтовъ; каждый изъ нихъ видитъ особую сторону жизни человѣческой, и всѣ они соединяются какъ бы въ гармоническомъ хорѣ, чтобы воспѣвать ее въ ея совокупности и выражать всѣ ея красоты. Въ немъ таятся смутные пантеистическіе инстинкты, и онъ какъ бы слышитъ въ самомъ себѣ отголосокъ гигантскихъ эпопей, въ которыхъ индусскіе поэты восхваляютъ обновленіе всемірнаго Бога. «Чрезъ Салерно, чрезъ Монпелье, чрезъ арабовъ и евреевъ, чрезъ ихъ учениковъ, итальянцевъ, совершалось славное воскресеніе Бога природы. Погребенный въ теченіе не трехъ дней, а тысячи, или тысячи двухъ сотъ лѣтъ, онъ, однако, пробилъ головой своей могильный камень. Онъ восходилъ, побѣдоносный, неизмѣримый, съ руками, полными плодовъ и цвѣтовъ,—Любовь, утѣшительница міра».

Это неясное созерцаніе природныхъ силъ, это мистическое смятеніе чувствъ, это непроизвольное воскрешеніе величественныхъ и фантастическихъ образовъ древняго Востока не препятствуютъ удивительному чародѣю возвратиться къ «благородной, ясной, героической древности» и рисовать съ изумительною ясностью столь отчетливыя черты художественной и прелестной Греціи. «Древность показалась юной, — говоритъ онъ,—и по своему странному очарованію, и по своей глубокой гармоніи съ нарождавшеюся наукой. Болѣе горячая кровь, пламя любви вернулось въ наши старыя жилы вмѣстѣ съ чуднымъ виномъ Гомера, Эсхила и Софокла, и, столь же мужественный, какъ и обольстительный, греческій геній руководилъ Коперникомъ и Колумбомъ». Мишле безъ усилій становится современникомъ цивилизацій и людей; ихъ чувства мгновенно и сами собою переходятъ въ него; его душу, какъ лиру, приводятъ въ колебаніе и сотрясеніе звуки всѣхъ страстей и всѣхъ скорбей; когда онъ говоритъ о Виргиліи, его проза внезапно принимаетъ гармонію стиховъ

Виргилія, а его сердце—печаль Виргилія; я не рѣшился бы сказать, что онъ создаетъ исторію; она создается въ немъ; пѣсни и мысли другихъ воспроизводятся на его устахъ и въ его умѣ, хотя онъ ихъ и не ищетъ; онъ самъ походитъ на то всеобъемлющее существо, о которомъ онъ только что говорилъ, которое принимаетъ всякія формы и въ безконечномъ разнообразіи остается само собою, и которое всюду, куда ни проникаетъ оно, приноситъ съ собой жизнь и красоту. «Святой Виргилій, говорили нѣкогда, молись обо мнѣ! У меня самого эти слова лежали на сердцѣ гораздо раньше, чѣмъ я узналъ, что другой говорилъ ихъ въ XVI вѣкѣ. А кто болѣе, нежели я, въ правѣ произносить ихъ,—я, воспитанный на твоихъ колѣнахъ, такъ долго не имѣвшій иной пищи, кромѣ древности, услащенной тобою; я, жившій твоимъ молокомъ, прежде чѣмъ почерпнулъ у Гомера кровь, молоко и жизнь? Часы меланхоліи въ юности я проводилъ близъ тебя; въ старости, когда являются печальныя думы, любимые напѣвы невольно звучатъ еще въ моихъ ушахъ; голоса нѣжной сивиллы довольно для того, чтобъ отогнать отъ меня черный рой злыхъ сновидѣній».

Возможно ли сохранить тонъ разсказа, когда событія и люди такъ живо представляются въ воспламененномъ воображеніи? Нѣтъ; мало-помалу авторъ начинаетъ ихъ считать дѣйствительными, они живутъ передъ нимъ, онъ говоритъ съ ними, слышитъ ихъ отвѣты; діалогъ и драма со всѣхъ сторонъ входятъ въ исторію; узкая рамка повѣствованія сломана; воззванія, восклицанія, всѣ движенія вдохновенія, дифирамбъ, проклятія, личныя признанія, увѣщанія тѣснятся толпой; исторія становится поэмой. Если она порой и соглашается ограничиться простымъ повѣствованіемъ, ея полетъ не ослабѣваетъ. Образы такъ ярки, обороты такъ быстры, струя изобрѣтенія такъ удачна и такъ стремительна, что предметы какъ бы возрождаются съ своими красками, движеніями и формами и проходятъ передъ нами, подобно фантасмагоріи лучезарныхъ картинъ. Самыя мелкія событія, подробность, касающаяся костюмовъ, анекдотъ, относящійся къ книгопечатанію, оживотворяются, и намъ кажется, что передъ нами какое-то видѣніе, когда историкъ разсказываетъ намъ, «какъ въ 1500 г. Альдъ оставилъ форматъ, избранный учеными, и распространилъ in octavo, родоначальника маленькихъ форматовъ, книгъ и летучихъ памфлетовъ, безчисленныхъ легіоновъ невидимыхъ духовъ, которые пробирались во мракѣ, пролагая путь свободѣ на глазахъ у тирановъ».

Это пламя воображенія согрѣваетъ стиль и разгорячаетъ его до какого-то неистовства. Перо Мишле подобно кисти Делакруа и карандашу Доре: историкъ не останавливается передъ самыми грубыми тонами, онъ отыскиваетъ въ грязи страстныя выраженія, извлекаетъ изъ медицины и народнаго языка подробности и термины, которые поражаютъ и устрашаютъ, и покрываетъ все это великолѣпными метафорами, бросающими какъ

бы пурпуровый отблескъ на всѣ разоблаченныя имъ пятна. Было бы несправедливо по отношенію къ нему выдѣлить и представить въ отталкивающей рельефной картинѣ черты, собранныя имъ для изображенія нравовъ и войнъ Италіи. Читатель помнитъ въ его *Histoire de la Révolution* убійства 2 сентября и Авиньонскій ледяной погребъ; никогда,—думается мнѣ,—человѣческое краснорѣчіе не доходило до такого избытка отчаянной страсти, чтобъ заклеймить убійство и преисполнить и удручить душу читателя ужасомъ и негодованіемъ. Подобные разсказы встрѣчаются въ *Histoire de la Renaissance* и тамъ слѣдуетъ искать ихъ. Но что можно привести здѣсь, такъ это портреты, въ которыхъ, съ прозорливостью живописца и физіолога, онъ видитъ характеръ сквозь темпераментъ и возсоздаетъ нравственныя свойства на основаніи физическихъ. Это портретъ кардинала д'Амбуазъ: «Вы подумали бы, что видите передъ собой крѣпкую фигуру нормандскаго крестьянина; судя по этому широкому лицу и густымъ опущеннымъ бровямъ, вы поклялись бы, что это одинъ изъ тѣхъ выскочекъ, которые, благодаря глупой хитрости, усиленному труду, не особенно разборчивой совѣсти, взобрались наверхъ на четвереньках». Это портретъ соперника Савонаролы: «Отправились въ la Pouille за однимъ изъ тѣхъ уличныхъ проповѣдниковъ, у которыхъ горитъ въ крови пламя ихъ родины, за однимъ изъ тѣхъ безстыдныхъ, наглыхъ францисканскихъ монаховъ, которые на ярмаркахъ Италіи силою своихъ легкихъ и громогласной глотки побѣждаютъ соревнованіе фигляра и гаера». Проза, мнѣ кажется, стоитъ здѣсь живописи, и нѣтъ картины болѣе яркой, нежели этотъ портретъ.

Въ сущности, какъ видите, этотъ восторженный пылъ насмѣшливъ; Мишле художникъ въ самыхъ глубокихъ свойствахъ своей природы, а есть ли во Франціи художникъ, лишенный остроумія? Что бы мы ни дѣлали, мы всегда сродни Вольтеру и Мольеру; сарказмъ невольно является на нашихъ устахъ; смѣшное поражаетъ насъ прежде всего; среди лиризма и своихъ сердечныхъ изліяній Мишле на каждомъ шагу встрѣчается съ комедіей. Это портретъ Людовика XII, влюбленнаго обладателя своего миланскаго наслѣдства, ведущаго на колѣнахъ войну съ папой, робкаго и терпѣливаго предъ первою своею супругой, выносящаго отъ англичанки, своей второй владычицы, Богъ знаетъ, да и чортъ также, какое обращеніе. Это исторія императора Максимиліана, великаго охотника, «у котораго были ноги оленя, да и мозгъ тоже оленя. Рыцарь (искатель приключеній) и подъ конецъ кондотьеръ въ лагерѣ англичанъ, императоръ, служащій за сто талеровъ въ день». Еще черта, достойная Аристофана; Мишле часто походитъ на великаго комика оригинальною смѣлостью своихъ изобрѣтеній, вольностью своихъ аллегорій, легкостью и ловкостью, съ которыми онъ побиваетъ своихъ противниковъ. Рѣчь идетъ объ умѣренныхъ мистикахъ. «Другіе (схоластики) ступали неуклюже, съ путами на ногахъ, жалкія четвероногія, которыя, однако, хоть сколько-нибудь

могли двигаться. Но мистики умѣренные были крылатыя животныя. Они представляли удивительное зрѣлище крылатыхъ существъ, которыя изрѣдка распускаютъ маленькія, стянутыя, вздернутыя крылья, вспархиваютъ съ завязанными глазами къ небу на футъ отъ земли и снова падаютъ внизъ, безпрестанно взлетая и отдыхая отъ своего гусинаго полета на птичьемъ дворѣ ортодоксіи и въ отечественномъ навозѣ».

Таковъ этотъ талантъ, столь богатый и гибкій, смѣсь остроумія и энтузіазма, учености и философіи, нѣжной прелести и иронической запальчивости, творческій умъ, какихъ мало, огненная душа, въ которой вѣчно пламенная страсть вызываетъ вѣчно живые образы,—душа, проносящаяся однимъ стремительнымъ полетомъ чрезъ всѣ контрасты, съ движеніями, столь разнообразными и противуположными, которыя всѣ одинаково объясняются господствомъ высшей силы, вдохновенія.

Все ли этимъ сказано? И развѣ нѣтъ мѣста порицанію? Всегда находится что-нибудь, достойное порицанія. Вдохновенное воображеніе, породившее здѣсь столько красотъ, служитъ, въ то же время, причиной несовершенствъ произведенія и смущаетъ читателей, которыхъ оно очаровало.

Какое впечатлѣніе оставляетъ эта книга и что говоритъ себѣ читатель, разставаясь съ ней? Одно слово, и слово роковое: *Я сомнѣваюсь.* Что авторъ чистосердеченъ и очень ученъ, всѣ признаютъ это. Былъ ли онъ достаточно проницателенъ и остороженъ, чтобъ достигнуть истины? Никто этого не знаетъ.

Произведеніе, подобное *Исторіи Англіи* Маколея, имѣетъ при себѣ свои доводы. Я не говорю о цитатахъ и выноскахъ, которыя являются отъ времени до времени внизу страницы, какъ доказательства самыхъ поразительныхъ фактовъ, и указываютъ читателю средства для провѣрки текста: я буду говорить о ходѣ идей и о стилѣ; событія сгруппированы въ правильные отдѣлы, всѣ эти группы въ естественномъ порядкѣ расположены около одной главной мысли, каждый фактъ окруженъ объясненіями, подтвержденъ другими фактами и присоединенъ къ цѣлому видимою и прочною связью, всѣ выраженія точны и разсчитаны, всѣ страстныя движенія доказаны разсужденіями и фактами; никогда ни декламаціи, ни гипотезъ; общія мысли такъ же твердо установлены, какъ и частныя событія; всюду разсудокъ, здравый смыслъ, критика и логика,—вотъ основанія, на которыхъ зиждется довѣріе читателей и авторитетъ историка. Когда въ восьми томахъ, на каждой страницѣ и въ каждой строкѣ, въ вопросахъ всякаго рода, въ безчисленныхъ фактахъ, въ несмѣтныхъ подробностяхъ, человѣкъ вамъ показываетъ, что онъ остороженъ, что онъ дѣйствуетъ не иначе, какъ съ документами въ рукахъ, что онъ даетъ имъ вѣрное толкованіе, что никогда его сужденіе не колеблется, никогда страсть не увлекаетъ его, тогда мы бросаемъ всякое недовѣріе, принимаемъ всѣ его изслѣдованія, раздѣляемъ его убѣжденіе и каждый изъ насъ, въ свою очередь, говоритъ: *Я вѣрю.*

Должны ли мы вѣрить Мишле? Что касается меня, то, на основаніи личнаго опыта, я отвѣчаю «да», ибо, изучая документы эпохи, которую онъ изучилъ, мы испытываемъ ощущеніе, сходное съ его ощущеніемъ, и находимъ, что конечные выводы его провидящаго лиризма почти такъ же точны, какъ заключенія терпѣливаго анализа и медленнаго обобщенія. Но эта провѣрка имѣетъ значеніе лишь для того, кто самъ производилъ ее, и только въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ она была имъ сдѣлана. Кто поручится за истину всего остальнаго и какое довѣріе читатели, не предпринимавшіе этихъ изслѣдованій, могутъ имѣть къ идеямъ, относительно которыхъ имъ не даютъ доказательствъ и которыя выражены такимъ образомъ, что должны внушать имъ самое справедливое и основательное недовѣріе? Этотъ порывистый тонъ, эти нервныя вспышки пламеннаго вдохновенія, эти вопли, идущіе отъ сердца, этотъ безпрерывный дифирамбъ,—можетъ ли все это установить въ нашемъ разумѣ твердое убѣжденіе? Авторъ говоритъ какъ пророкъ, а въ исторіи пророкамъ не вѣрятъ. Мы видимъ, что люди, событія, чувства возрождаются передъ нимъ, что онъ описываетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они проходятъ передъ его глазами, что онъ видѣлъ ихъ при такомъ же яркомъ свѣтѣ, какъ настоящіе и осязательные факты; но что это: воскрешеніе или вымыселъ? Оживляетъ ли этотъ поэтическій методъ умершія существа, или же онъ создаетъ существа воображаемыя? Какимъ доказательствомъ подкрѣпляютъ свой авторитетъ это историческое провидѣніе и смѣлое откровеніе? Что долженъ я подумать о критической и разсудочной способности автора послѣ слѣдующей фразы: «Вакхъ, святой Іоаннъ и Джоконда устремляютъ къ вамъ свои взоры; вы очарованы и смущены; что-то безконечное вліяетъ на васъ страннымъ магнетизмомъ. Искусство, природа, грядущее, духъ тайны и открытій, властелинъ нѣдръ вселенной, бездны, невѣдомой вѣкамъ, говорите, чего вы требуете отъ меня? Эта картина притягиваетъ меня, призываетъ меня, овладѣваетъ мною, поглощаетъ меня; я иду къ ней противъ воли, какъ птица приближается къ змѣѣ!» Это голосъ умственной галлюцинаціи. Могу ли я повѣрить, что человѣкъ, умъ котораго такъ омрачается поэтическими и мистическими видѣніями, будетъ всегда въ состояніи держать твердою рукой эти столь чувствительные и колеблющіеся вѣсы, на которыхъ критика такъ осторожно взвѣшиваетъ идеи и факты исторіи? Прочтите мѣсто, относящееся къ Микель-Анджело, странный отрывокъ, написанный какъ бы Крейцеромъ или Нибуромъ, величественный и фантастическій, восхитительный, какъ комментарій къ живописи, но въ которомъ гипотеза преизобилуетъ и льется черезъ край и который исторія отвергаетъ, потому что она допускаетъ только достовѣрность и доказанную истину. Точно также отвергаетъ она и эти смѣлыя предположенія, заранѣе и рѣшительнымъ тономъ объясняющія характеръ Максимиліана, Карла V и многихъ другихъ сочетаніемъ свойствъ пяти или шести расъ, изъ кото-

рыхъ происходили ихъ предки. Историки должны бы научиться отъ естествоиспытателей, что законы о видахъ, вѣрные по отношенію къ цѣлымъ массамъ, въ высшей степени сомнительны, если прилагать ихъ къ отдѣльнымъ личностямъ, и что наше сужденіе теряетъ свой авторитетъ, если мы приписываемъ семейственнымъ сопряженіямъ всѣ дѣйствія и чувства человѣка, происшедшаго отъ этого смѣшенія. Опять-таки въ насъ возбуждается недовѣріе, когда мелкій фактъ возводится передъ нами въ символъ цивилизаціи, частный человѣкъ превращается въ представителя эпохи, такая-то личность преобразовывается въ миссіонера Провидѣнія или необходимости, идеи воплощаются въ лицахъ, люди теряютъ свой дѣйствительный обликъ и настоящій характеръ для того, чтобъ сдѣлаться историческими моментами. Умъ читателя путается; онъ видитъ, какъ факты становятся идеями, а идеи фактами; все сливается и смѣшивается въ его глазахъ въ какую-то смутную поэзію, убаюкивающую его воображеніе пѣніемъ гармоническихъ фразъ, между тѣмъ какъ ни одинъ точный и доказанный законъ не можетъ найти себѣ опоры среди столькихъ шаткихъ гипотезъ и рискованныхъ утвержденій. Болѣе того, смѣлый насмѣшникъ порою подаетъ поводъ къ насмѣшкамъ другихъ; онъ дерзновененъ, даже наперекоръ здравому смыслу; онъ забываетъ, что извѣстные образы смѣшны, и, право, не знаешь, печалиться или смѣяться, когда онъ намъ представляетъ символомъ религіозныхъ изобрѣтеній XV вѣка церковный инструментъ, называемый *серпентомъ*. Прибавимъ еще, что этотъ натянутый стиль, эти удивительныя сочетанія словъ, эта привычка жертвовать вѣрнымъ выраженіемъ въ пользу сильнаго выраженія производятъ впечатлѣніе ума, у котораго страсть превратилась въ болѣзнь и который, добровольно извративъ языкъ, можетъ невольно извратить и истину. Говорить, что «Италія таитъ федерализмъ въ самыхъ костяхъ своихъ», писать, что «Максимиліанъ Сфорца, обобранный, издерганный, истощенный до послѣдней капли, былъ довершенъ и не могъ ничего болѣе дать»,—вотъ странныя преувеличенія, тѣмъ болѣе, что этотъ лихорадочный стиль не покидаетъ Мишле и что опьяненіе, изступленіе и экзальтація такъ же свойственны ему отъ природы, какъ другимъ спокойствіе, умѣренность и здравый смыслъ. Не могутъ нравиться и эти парадоксы, эти слишкомъ замысловатыя остроты, скорѣе достойныя какого-нибудь Клавдіана или Авзонія, чѣмъ великаго историка, часто повторяющіяся и отзывающіяся софистомъ и писателемъ временъ упадка. Чувствуется какое-то шарлатанство, когда очень простая мысль, что судьи объявлены отвѣтственными за свои приговоры, выражается слѣдующимъ образомъ: «Правосудіе, правосудное для самого себя, карающее себя, если оно неправильно караетъ, и заточающее себя въ тюрьму, если оно рѣшаетъ несправедливо!» Слышится какая-то притязательность, когда говорится о *спокойствіи* (atarachie) *духа* Леонардо да-Винчи. Вы помните, что въ другомъ мѣстѣ онъ представилъ гусаровъ Булье, «рас-

каленныхъ до бѣла» обѣщаніями своего генерала: эти стилистическія ухищренія заставляютъ читателя подозрѣвать, что писатель хочетъ во что бы то ни стало возбудить удивленіе, что онъ менѣе занятъ своимъ сюжетомъ, нежели самимъ собою, и что въ исторіи онъ искалъ не столько истины, сколько того, что патетично и занимательно.

Исторія—искусство, это правда, но она, въ то же время, наука; она требуетъ отъ писателя вдохновенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ отъ него и размышленія; если ея работникомъ является творческое воображеніе, то орудіемъ ей служатъ осторожная критика и осмотрительное обобщеніе; ея картины должны быть такъ же живы, какъ поэтическія изображенія, но ея стиль долженъ быть такъ же точенъ, ея раздѣленія такъ же опредѣленны, ея законы такъ же строго доказаны, ея выводы такъ же ясны, какъ и въ естественной исторіи. Мишле воспиталъ въ себѣ поэтическое воображеніе. Оно покрыло собой или заглушило другія дарованія, которыя въ началѣ развились вмѣстѣ съ нимъ. Его исторія обладаетъ всѣми преимуществами вдохновенія: движеніемъ, граціей, остроуміемъ, красками, страстностью, краснорѣчіемъ; она лишена преимуществъ науки: ясности, точности, увѣренности, чувства мѣры, авторитета. Она чудесна и, въ то же время, несовершенна; она плѣняетъ, но не убѣждаетъ. Быть можетъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда пожелаютъ опредѣлить ее, скажутъ, что она лирическая эпопея Франціи.

II.

Реформація *).

Въ чемъ состоитъ это вдохновенное воображеніе, которое признаютъ за Мишле его друзья и враги и которое служитъ источникомъ его преимуществъ и недостатковъ? Другіе, напр., Викторъ Гюго, видятъ внутреннимъ взоромъ, съ величайшею ясностью и удивительною отчетливостью, цвѣта и формы; дѣйствительные предметы, существующіе въ природѣ, не могутъ имѣть ни болѣе опредѣленныхъ чертъ, ни болѣе законченныхъ подробностей, чѣмъ фантастическіе предметы, проносящіеся предъ ихъ умственными очами. Но они больше живописцы, чѣмъ поэты; они лучше понимаютъ обликъ предмета, чѣмъ его сокровенную мысль; они лучше представляютъ себѣ ощущенія, чѣмъ чувства; у нихъ скорѣе воображеніе глазъ, чѣмъ воображеніе сердца. У Мишле скорѣе воображеніе сердца, чѣмъ воображеніе глазъ; его величайшая сила—это способность быть взволнованнымъ; онъ смотритъ на формы и цвѣта для того лишь, чтобъ проникнуть въ душу и въ страсть, которую они выражаютъ; онъ никогда не описываетъ для того, чтобы описывать; онъ воображаетъ лишь для того, чтобъ чувствовать. Доказательствомъ этого могутъ быть его

*) *Histoire de France*, томъ VIII.

пейзажи: сравните пейзажи Виктора Гюго *) съ страницей Мишле о Фонтенбло, которое избралъ мѣстомъ своихъ прогулокъ больной и состарившійся Франциск I.

«Фонтенбло преимущественно осенній пейзажъ, самый оригинальный, самый дикій и самый пріятный, самый уединенный. Его скалы, согрѣтыя солнцемъ и дающія пріютъ больному, его фантастическіе тѣнистые уголки, окрашенные октябрскимъ пурпуромъ и заставляющіе мечтать раньше зимы; въ двухъ шагахъ маленькая Сена между золотистыхъ виноградниковъ: это—прелестное послѣднее гнѣздышко, гдѣ можно отдохнуть и допить остатокъ жизни, каплю, сбереженную отъ сбора винограда».

Онъ приводилъ туда своихъ итальянскихъ художниковъ, которые, будучи предоставлены сами себѣ, предались случайностямъ своего генія и всѣмъ прихотямъ искусства. «Отсюда эти Меркуріи, эти страшныя искривленныя лица въ *cour Ovale*, отсюда эти удивительные Атласы, охраняющіе купальни въ *cour du Cheval blanc*, люди-скалы, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ еще не нашедшіе своей формы и своей души, свидѣтельствующіе, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ камнѣ заключена врожденная мечта о бытіи и желаніе достигнуть его».

Развѣ не поразительна эта послѣдняя фраза? Онъ открылъ ихъ жизнь; онъ страдаетъ ихъ порываніями. Внѣшній и ощутительный образъ, проходя чрезъ воображеніе художника, поразилъ его въ самое сердце.

«Россо снялъ узду съ своего бѣшенаго коня. Имѣя дѣло съ властелиномъ, требовавшимъ только забавы и постоянно говорившимъ «дерзайте», онъ съ самою причудливою смѣлостью слилъ для маленькой любимой галлереи больнаго всѣ искусства въ одно. Нѣтъ ничего болѣе безумнаго, болѣе забавнаго. Трибуле, Брюске, безъ всякаго сомнѣнія, помогли ему своими мудрыми совѣтами. Прекрасное, отвратительное, чудовищное примиряются, однако же, и не обнаруживаютъ противорѣчія. Вы сказали бы, что это Гаргантуа, приведенный въ соотвѣтствіе съ Аріостомъ. Ожирѣвшіе священники, двусмысленныя весталки, смѣшные герои, смѣлыя дѣти,—все это французскія фигуры. Ни одного воспоминанія объ Италіи. Эти рѣзвыя и красивыя дѣвушки—нѣкоторыя взволнованы и съ трудомъ переводятъ дыханіе, одна страдаетъ, и подруга, стоящая рядомъ съ нею, прикасается къ груди ея нѣжною сестринскою ру-

---

*) On entendait gémir Simoun meurtrier,
Et sur les cailloux blancs les écailles crier
Sous le ventre des crocodiles.

Les obélisques gris s'élançaient d'un seul jet;
Comme une peau de tigre au couchant s'allongeait
Le Nil jaune tacheté d'îles.

(Слышались завыванія смертоноснаго самума; по бѣлымъ камнямъ ползли крокодилы, скрипя своею чешуей. Сѣрые обелиски возвышались, какъ стрѣлы; желтый Нилъ, испещренный островами, какъ тигровая шкура, тянулся на западѣ).

кой,—всѣ эти прелестные образы, это—наши французскія дѣвушки, которыхъ Россо призывалъ и заставлялъ позировать и играть передъ собой. Стыдливыя, тревожныя, улыбающіяся при мысли, что онѣ очутились въ королевскомъ дворцѣ, иныя съ сердитымъ выраженіемъ лица и плачущія, безъ сомнѣнія, оттого, что ими слишкомъ любуются,—онъ взялъ все. Это—природа, и это—восхищеніе».

Эта вторая картина рисуетъ душѣ то, что̀ картина Россо рисуетъ взору. Ни одного эпитета, заимствованнаго изъ мастерской; ни одного слова, опредѣляющаго форму очертанія или оттѣнокъ цвѣта; всѣ слова выражаютъ душевныя движенія, радости, страданія, мысли, дѣйствія внутренняго и невидимаго существа. Ощущенія переложены въ чувства, живопись въ поэзію; и это переложеніе, столь точное, столь непроизвольное и удачное, указываетъ и объясняетъ самую глубокую потребность и самую главную способность автора.

Первое слѣдствіе этого рода воображенія, это—краснорѣчіе. Мишле такъ сильно взволнованъ, что онъ не можетъ не волновать другихъ. Событія, разсказываемыя имъ, глубоко захватываютъ его; онъ борется съ своими дѣйствующими лицами; болѣе того, онъ борется съ философскими идеями, которыя онъ любитъ и которыя на глазахъ его входятъ въ міръ, чтобы управлять имъ. Эта книга, напримѣръ, длинная защитительная рѣчь въ пользу духа новаго времени, стремящагося появиться на свѣтъ и ведущаго за собою искусство, науку, свободу и человѣколюбіе.

Враги, которыхъ встрѣчаетъ этотъ новый духъ,—личные враги автора. Онъ чувствуетъ каждую рану, которую они наносятъ его кумиру, и мститъ за нее. Горькія насмѣшки, оскорбительныя поношенія, жгучее презрѣніе, ненависть и гнѣвъ, всѣ сильныя страсти скопляются въ немъ, льются черезъ край и обрушиваются на нихъ, чтобъ ихъ уничтожить. Въ то же время, восторги любви, радостныя восклицанія, порывы нѣжности, крики удивленій рождаются сами собою при появленіи божества, которое онъ защищаетъ и которому поклоняется. Эта исторія—ода; она составлена, какъ ода, изъ воззваній, смѣлыхъ оборотовъ, разбитыхъ предложеній, ослѣпительныхъ метафоръ; всюду слышится лирическое пѣніе. Онъ чувствуетъ больше, чѣмъ остальные люди, и я не знаю, могъ ли женевскій фанатизмъ превзойти экзальтацію слѣдующаго отрывка:

«Противовѣсомъ громадной и мрачной западнѣ, въ которую готова была пасть Европа, покинутая Франціей, могъ быть только этотъ геройскій разсадникъ. Всякому народу, находившемуся въ опасности, Спарта, вмѣсто войска, посылала спартанца. То же было и съ Женевой. Англіи она дала Петра Мученика, Нокса—Шотландіи, Марникса—Нидерландамъ: трехъ человѣкъ и три революціи.

«И теперь начинается борьба! Пусть внизу Лойола роетъ подземелья! Пусть вверху испанское золото, шпага Гизовъ обольщаютъ или подкупаютъ! За этою тѣсною оградой, въ темномъ саду Божіемъ, на защиту

правъ души разцвѣтаютъ кровавыя розы подъ рукой Кальвина. Если гдѣ-нибудь въ Европѣ нужна кровь и казни, если нуженъ человѣкъ для сожженія или колесованія, то этотъ человѣкъ въ Женевѣ, готовый бодро идти на зовъ, вознося Богу благодаренія и воспѣвая Ему псалмы».

Эта чувствительность воображенія даетъ историческій инстинктъ, я хочу сказать—искусство распознавать среди множества фактовъ и причинъ главный фактъ и главную причину. Она замѣняетъ строгій анализъ и инымъ путемъ достигаетъ той же цѣли. Каждая рукопись, которую разбираетъ авторъ, каждая гравюра, которую онъ просматриваетъ, оставляютъ въ немъ, послѣ тысячи впечатлѣній, одно, преобладающее надъ всѣми. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ это постоянно увеличивающееся волненіе становится страстью, и естественнымъ образомъ оказывается, что это страсть эпохи. Дѣлаясь современникомъ угасшихъ поколѣній, онъ невольно усвоилъ ихъ способъ получать ощущенія; своею способностью быть взволнованнымъ онъ принялъ въ себя чувства, казавшіяся уничтоженными навѣки и погребенными въ пыли старыхъ книгъ. Способность страдать и радоваться такимъ образомъ при соприкосновеніи съ прошедшимъ для ума то же самое, что химическій воспріимчивый составъ для блестящей пластинки, которую имъ покрываютъ. Одна сохраняетъ нравственные отпечатки, другая—отпечатки физическіе; и одинъ и тотъ же механизмъ производитъ искусство фотографа и талантъ историка.

Въ примѣръ возьмемъ проповѣдь Лютера. Разсматривая въ немъ только ученіе его и слѣдуя обыкновенному методу, мы станемъ считать его врагомъ свободы и истребителемъ человѣчества. Онъ преувеличиваетъ догматъ первороднаго грѣха; онъ пишетъ трактатъ о *несвободной волѣ*; онъ превозноситъ благодать болѣе, чѣмъ самые суровые янсенисты; онъ доводитъ до крайности крайнія ученія св. Августина и св. Павла. Но возьмите другой методъ: вслушайтесь, какъ Мишле, въ грубый голосъ, въ страстныя изліянія, въ могучую и смѣлую простоту рѣчей народнаго трибуна, вы увидите, что пагубная система превращается въ спасительную проповѣдь, что деспотизмъ въ теоріи имѣетъ слѣдствіемъ независимость на дѣлѣ и что умозрительный мистицизмъ порождаетъ активную добродѣтель. Этотъ мужественный нѣмецъ, чувственный, грубый, щедрый на ругательства, этотъ человѣкъ, котораго терзаетъ плоть, кровь котораго волнуется и бродитъ, какъ вино, этотъ музыкантъ, пѣвецъ, поэтъ, добрый отецъ семейства, не можетъ ввести аскетическаго ученія. Пусть французскіе логики, судьи, книжные, ученые люди въ Port-Royal возсоздадутъ въ тиши методъ умерщвленія плоти и духовной власти и вновь покажутъ міру «блѣдный ликъ Распятаго».

«Каковъ человѣкъ, таково и ученіе. Провозглашенное этимъ чистымъ и сильнымъ, искреннимъ, героическимъ голосомъ, оно стало пищей сильныхъ, подкрѣпленіемъ передъ битвой; оно дало человѣку чудную мечту: ощутить въ груди своей, вмѣсто своего сердца, біеніе сердца Божія.

«Величественное недоразумѣніе! Когда своимъ громовымъ голосомъ, потрясавшимъ троны, Лютеръ восклицалъ: *Человѣкъ ничто*, народъ слышалъ: *Человѣкъ—все*. Передадимъ простою рѣчью его проповѣдь, освѣтимъ ее истинно народнымъ свѣтомъ:» Добрые люди, вамъ продаютъ разрѣшеніе отъ дѣлъ. Положите деньги назадъ въ карманы, Богъ спасаетъ васъ даромъ. Изъ дѣлъ единственно необходимое, это—вѣровать въ Него, любить Его».

«Любопытная вещь! Папа внушалъ дѣла, и все ограничилось дѣлами денежными. Лютеръ разрѣшаетъ отъ дѣлъ, и они возобновляются, дѣла истинно нравственныя, дѣла благочестія и добродѣтели. Онъ говорилъ: «Люби и вѣруй». Кто любитъ, тотъ не имѣетъ нужды, чтобъ на него возлагали и предписывали ему дѣла, угодныя тому, кого онъ любитъ. Онъ будетъ ихъ дѣлать вполнѣ добровольно и сталъ бы дѣлать ихъ вопреки вамъ».

Возьмемъ для втораго примѣра открытіе Мишле, очень любопытное. Вы читали у Робертсона описаніе послѣднихъ лѣтъ жизни Франциска I. Отчего король измѣняетъ свою политику? Отчего предается онъ своему сопернику? Откуда эта возростающая нерадивость, это безсиліе, эта потеря вліянія? Положительныя разсужденія англійскаго священника объясняли намъ лишь немногое. Чтобы понять этотъ упадокъ, требовалась привычка становиться на мѣсто дѣйствующихъ лицъ и познавать ихъ чувства, испытывая ихъ. Выйдемъ изъ совѣта, въ которомъ Робертсонъ слушаетъ рѣшенія политиковъ; войдемъ въ спальню короля, за которымъ ухаживаетъ Гунтеръ, которому Барбаросса посылаетъ ртутныя пилюли. Уже въ 1535 году онъ говоритъ съ трудомъ: жестокій недугъ лишилъ его горловаго язычка; больной и угрюмый, онъ ищетъ нѣкоторой отрады въ Фонтенбло. Вынужденный съ этихъ поръ довольствоваться лишь наслажденіями, доставляемыми зрѣніемъ, онъ читаетъ Раблэ или смотритъ на вакханаліи и карнавалъ, которые Россо изображаетъ на стѣнахъ. Въ 1538 г. страшный нарывъ приводитъ его къ краю могилы; его едва излечиваютъ такими же ужасными средствами, какъ и самая болѣзнь. Онъ остается опухшимъ, съ расшатаннымъ организмомъ, съ полумертвою душой. Отнынѣ онъ предоставляетъ власть Монморанси, потомъ кардиналамъ; онъ только пробуждается отъ времени до времени и безпрестанно опускается и вновь впадаетъ въ забытье.

«Таковы странные фазисы монархическаго правленія. Царствованіе Людовика XIV раздѣляется на двѣ части: *До фистулы*, *послѣ фистулы*. До нея Кольберъ и завоеванія; послѣ—m-me Скарронъ и пораженія, изгнаніе 500,000 французовъ. Франциск I точно также видоизмѣняется: *До нарыва*, *послѣ нарыва*. До него союзъ съ турками и т. д.; послѣ—возвышеніе Гизовъ и избіеніе ваадтландцевъ, которымъ кончается его царствованіе.

«Когда Августъ напивался, Польша бывала пьяна».

Охваченный отвращеніемъ при видѣ послѣднихъ портретовъ этого государя, историкъ понялъ двѣ фразы Гюбера и Брантома. Онъ увидалъ жалкаго «galant», истощеннымъ, обезображеннымъ, бормочущимъ запутанныя фразы, подписывающимъ, не читая, приказъ объ истребленіи ваадтланцевъ, между тѣмъ какъ Діана де-Пуатье и дофинъ играютъ въ короля при его жизни. Этотъ альковъ, гдѣ трудятся врачи, гдѣ интригуютъ любовницы, возбудилъ въ немъ чувство омерзенія; его ощущеніе послужило ему вмѣсто критики, и хорошо послужило.

Этотъ даръ проникать въ душу дѣйствующихъ лицъ дѣлаетъ автора психологомъ. Отмѣчать мимоходомъ самыя тонкія, самыя странныя, самыя непонятныя чувства, слѣдить за изгибами ихъ прихотливой и ломаной линіи, безъ утомленія, безъ усилій, безъ ошибокъ, добровольно примѣняться къ безпрерывнымъ волненіямъ перемѣнчивой и извилистой страсти, подобно тому, какъ легкій листокъ скользитъ и кружится вмѣстѣ съ непостояннымъ водоворотомъ, увлекающимъ его,—мы уже видѣли въ *Histoire de la direction au XVII siècle*, до какой степени этотъ родъ воображенія является въ немъ естественнымъ и могучимъ. Мы узнаемъ его здѣсь, въ его разсказѣ о страсти, которую бѣдная Маргарита питала къ своему брату, Франциску I. Внучка поэта, Карла Орлеанскаго, сама поэтесса, ученая, безконечно любознательная и восхитительно остроумная, нѣсколько мистически настроенная, слабая, нервная, болѣзненная, она любила короля безраздѣльно, въ теченіе всей своей жизни, какъ брата, какъ сына, какъ бога. «Что удивляетъ и озадачиваетъ въ ней, это—неизмѣнное постоянство чувства, всегда одинаковаго, не представляющаго ни переходовъ, ни кризисовъ, въ которые бы оно уменьшалось или усиливалось, ни возвышенія, ни пониженія; никогда лукъ не былъ такъ прочно натянутъ». Живое и пламенное воображеніе было увлечено, и навѣки: она сдѣлалась жертвой, по общему правилу; она страдала безпрерывно; это доля тѣхъ, кто много любитъ. Объ этомъ можно было бы догадаться заранѣе, при видѣ противуположности, которую составляло это нѣжное, прелестное и мечтательное созданіе здоровому весельчаку, охотнику, воину, втройнѣ эгоисту, по праву балованнаго ребенка, чувственнаго волокиты и короля. Онъ грубъ, неровенъ съ нею; отъ времени до времени появляются приливы нѣжности, напр., когда онъ несчастливъ; потомъ онъ забываетъ о ней или обращается съ ней сурово, не понимая, что для такой чувствительной души каждый ударъ равняется ранѣ. Однажды, въ минуту каприза, съ сердцемъ, осквернѣннымъ низменными наслажденіями, «онъ возымѣлъ постыдную мысль посмотрѣть, до какихъ предѣловъ можетъ дойти его власть надъ особой, столь преданной ему». Ей удалось убѣжать, разбитой, «хуже, чѣмъ мертвой», и, опасаясь еще, что она оскорбила это жестокое и грубое существо, она написала ему смиренное, жалобное письмо, умоляя его быть великодушнымъ, пощадить ее, требовать отъ нея лишь того, что онъ уже имѣетъ, полнаго, совер-

шеннаго, вѣчнаго обладанія ея сердцемъ. Король, выведенный изъ терпѣнія и желавшій угодить своей любовницѣ, кончилъ тѣмъ, что выдалъ замужъ ту, которая спасла его въ мадридской тюрьмѣ, за молодаго д'Альбре, короля безъ королевства. «Она должна была принять на себя изгнаніе, бѣдность, гибель; ея слезы, по ея словамъ, могли бы пробить кремень». Правда, въ видѣ благодарности, ей назначили пенсію. Вы уже видѣли эти тонкіе и трогательные анализы и узнаете въ историкѣ Маргариты историка madame де-Шанталь.

Но чувствительность воображенія столь же опасное, сколько полезное орудіе. Она направляетъ и вводитъ въ заблужденіе; она смѣшиваетъ въ одну груду открытія и ошибки. Никакое другое дарованіе не вызываетъ въ читателѣ болѣе глубокихъ и противорѣчивыхъ впечатлѣній. Восхищаешься авторомъ и возмущаешься противъ него на той же страницѣ. Съ досады бросаешь книгу и снова съ восторгомъ принимаешься за нее. Онъ изумляетъ во всемъ, въ дурномъ, какъ и въ хорошемъ. Онъ походитъ на тѣхъ шотландскихъ слѣпыхъ, чудесное зрѣніе которыхъ пронизывало стѣны, переступало за предѣлы пространства, постигало тайны силой пророческаго откровенія, и которые спотыкались о первый камень, лежавшій на дорогѣ.

Можно ли понять его, когда, объясняя религію ваадтланцевъ, онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ объ Альпахъ: «Ихъ глетчеры, благодѣтельные въ своей ужасной суровости, дающіе Европѣ воды и плодородіе, вливающіе въ нее, въ то же время, свѣтъ, нравственную силу». Какъ! если въ Германіи, Англіи, Франціи есть люди мужественные и разумные, то эти ихъ свойства должно приписать вліянію глетчеровъ?

Можно ли понять его, когда, исчисляя результаты восшествія на престолъ Карла V и соединенія столькихъ государствъ, онъ говоритъ объ Испаніи: «Испанія, какъ раненый быкъ, проколовшій себя собственными рогами, разъярена, противъ кого?—противъ себя. Ограбленная фламандцами, она готовится ограбить себя. Неимущая черезъ нихъ, она становится нищей, истребляя мавровъ». Можете ли вы представить себѣ, чтобы быкъ прокололъ себя собственными рогами, и можете ли повѣрить, чтобъ Испанія изгнала мавровъ *изъ ярости противъ себя?*

Можно ли понять его, когда историкъ народа, апостолъ мудрости въ массахъ, прозорливый провозвѣстникъ великихъ причинъ объявляетъ, что если бы курфюрстъ предалъ Лютера, то будущность міра измѣнилась бы? «Реформація, снова подавленная, оставила бы старую систему мирно гнить своею гнилью. Не было бы поэтому ни протестантовъ, ни іезуитовъ. Не было бы ни янсенистовъ, ни Боссюэ, ни Вольтера; міръ представлялъ бы иное зрѣлище». Знали ли вы, что причиной появленія протестантской религіи во Франціи были опустошенія, произведенныя Карломъ V?

«Эти ужасныя бѣдствія, униженіе и самопрезрѣніе, въ которыя впала

Франція, стремительно повергли ее въ мистическое отчаяніе и обращеніе къ Богу, называемыя реформаціей».

Механизмъ этихъ странныхъ утвержденій очевиденъ. Какая-нибудь идея внезапно входитъ въ эту столь чувствительную душу, приводитъ ее въ такое же смятеніе и восторгъ, какъ если бы это было видѣніе. На другаго человѣка она бы не подѣйствовала. Онъ преспокойно остался бы въ своемъ креслѣ, сталъ бы изслѣдовать гипотезу и, наконецъ, отвергнулъ бы ее, находя ее слишкомъ шаткою. На него же она дѣйствуетъ такъ же сильно, какъ явная истина; волненіе превращаетъ ее въ убѣжденіе; онъ чувствуетъ такъ горячо, что не можетъ не вѣрить; причины сомнѣнія уничтожены; онъ видитъ только свою мечту; и вотъ она доказана для него. Онъ утверждаетъ свою идею, какъ если бы она была дѣйствительна и видима; для него, въ самомъ дѣлѣ, она дѣйствительна и видима, и онъ не могъ бы лучше видѣть ее, если бы въ этотъ моментъ она находилась предъ его глазами.

Слишкомъ сильное волненіе препятствуетъ ему сомнѣваться, когда онъ обдумываетъ свои сочиненія. Слишкомъ сильное волненіе препятствуетъ ему быть яснымъ, когда онъ пишетъ. Ибо вообразите человѣка, чувствующаго слишкомъ глубоко: можетъ ли онъ принудить себя слѣдить, какъ логикъ и повѣствователь, за нитью событій, излагать эти послѣднія такъ, какъ они происходили, отражать прошедшее, какъ въ чистомъ зеркалѣ, не прибавлять къ нему ни малѣйшей доли своего личнаго волненія, отрѣшиться отъ самого себя, не проявляться въ своемъ разсказѣ? Напротивъ, онъ поминутно будетъ прерывать повѣствованіе, онъ будетъ перескакивать отъ одного столѣтія къ другому и отъ одной страны къ другой, чтобы отмѣчать неожиданныя сближенія, предъ которыми не останавливается его необузданная фантазія; онъ будетъ объяснять портретъ Маргариты портретомъ Фенелона, впутывать толкованіе текстовъ въ разсказъ о сраженіи, призывать Анкветиля Дюперрона и Эжена Бюрнуфа на помощь Рейхлину и Пику де-ла-Мирандоль; онъ будетъ пробѣгать въ своихъ внезапныхъ и изумительныхъ странствованіяхъ все царство фантазіи и всѣ области дѣйствительности; сбитаго съ толку читателя, который съ великимъ трудомъ тащится по землѣ и на большой расчищенной дорогѣ подвигается тихимъ шагомъ, этого читателя онъ подниметъ съ собой въ воздушныя пространства и заставитъ его однимъ взмахомъ крыльевъ перелетать чрезъ горы и пропасти, оглушеннаго, ослѣпленнаго стремительностью своего полета и причудами своего путеводителя; и читатель, не понимая, гдѣ онъ находится, будетъ неспособенъ къ воспринятію какихъ-либо ощущеній, кромѣ неистовой быстроты своей непроизвольной скачки и огненнаго дыханія крылатаго генія, который увлекаетъ его за собой. Съ естественною послѣдовательностью событій исчезаетъ и ихъ естественная окраска. Они превращаются въ восклицанія, въ крики радости, въ кровавыя ругательства. Я

только что говорилъ, что они образуютъ собою оду: легко ли понять оду? Возьмите песку, минераловъ, желѣза, известняку въ томъ видѣ, въ какомъ вы находите ихъ въ природѣ и въ какомъ вамъ представляютъ ихъ горы и долины; бросьте ихъ въ пылающее горнило; они загораются, трещатъ, расплавляются; пламя извивается и кружится, шипитъ и грохочетъ въ величественномъ освѣщеніи, которое бросаетъ багровый отблескъ на ревущій вертепъ. Это странный и ужасный хаосъ, гдѣ всѣ породы измѣняются, всѣ формы смѣшиваются, гдѣ не существуетъ ничего изъ того, что вы видѣли въ первоначальномъ состояніи, гдѣ только глазъ химика можетъ узнать въ ихъ новомъ видѣ пережженые, превращенные или переработанные камни и металлы. Таково подобіе этой исторіи; необходимо упростить ее. Чтобы понять ее, надо лишить факты ихъ ораторской внѣшности, надо разорвать ихъ украшеніе, сверкающее аллегоріями и метафорами,—украшеніе, которое прикрываетъ и затемняетъ общія мысли, и превратить фантасмагорію образовъ въ простые разсказы и голыя разсужденія.

Я списываю начало IV главы и спрашиваю читателя, легко ли понять его сразу? Рѣчь идетъ о продажѣ индульгенцій и объ избраніи Карла V.

«Если Плутусъ слѣпъ, какъ говорили, то онъ долженъ былъ сожалѣть объ этомъ. Эпоха, исторію которой мы разсказываемъ, могла бы порадовать его взоры. Счастливое расширеніе всякаго рода дѣятельности, казалось, имѣло единственною цѣлью распространеніе его владычества. Для него земля была вдвое увеличена. Для него, чрезъ него, рождаются три великія современныя явленія: бюрократія, дипломатія и банкъ; ростовщикъ, канцеляристъ, шпіонъ.

«Будемъ откровенны, будемъ справедливы. И пусть боги древности сойдутъ съ своего престола. Довольно ненужныхъ тайнъ. Болѣе скромны и болѣе правдивы греческіе боги у Аристофана. Они добровольно вводятъ своего преемника, добраго Плутуса. Они откровенно признаются, что безъ него умерли бы съ голоду. Меркурій покидаетъ свое божественное ремесло, которое не идетъ болѣе на ладъ; вмѣсто Олимпа, онъ отправляется въ кухню промываетъ кишки и говоритъ, какъ мудрецъ: «Гдѣ намъ хорошо, тамъ и отечество».

«Это откровенно и ясно. Но какъ отвратительно современное лицемѣріе! Это усиліе согласовать старое и новое, зашивать и зачинивать финансовую хищность фанатическою жестокостью!»

Чтобы уяснить себѣ этотъ отрывокъ, надо, прежде всего, знать, и очень хорошо знать, Аристофана. А, между тѣмъ, многіе ли изъ читателей изучали Аристофана?

Затѣмъ надо съ давнихъ поръ умѣть обращаться съ идеями, чтобы догадаться, что эта аллегорія и эти миѳологическіе намеки просто-напросто означаютъ, что въ XVI вѣкѣ потребность въ золотѣ и могущество золота сильнѣе, чѣмъ въ прежнее время.

Надо знать, кромѣ того, древнюю и новую исторію, чтобы сразу понять это лирическое изображеніе фанатизма и алчности испанцевъ, алчности и терпимости древнихъ народовъ.

Надо, наконецъ, имѣть навыкъ къ стилю, чтобы не испугаться такого сильнаго, страннаго выраженія: *зачинить фанатическою жестокостью финансовую хищность.* И въ особенности надо имѣть умъ, отъ природы очень спокойный, ибо тотъ, кто поддастся энтузіазму и язвительному пылу этого отрывка, почувствуетъ смятеніе въ самой глубинѣ души своей, и идеи потонутъ въ немъ подъ ощущеніями.

Между тѣмъ, весь этотъ томъ и всѣ томы *Histoire de France* написаны этимъ стилемъ. Мишле, безъ сомнѣнія, пишетъ не для нѣсколькихъ ученыхъ любителей анализа. Онъ хочетъ убѣдить читающую публику, болѣе того—народъ. Онъ считаетъ исторію народною школой патріотизма и нравственности. Вѣроятно ли, чтобы съ этимъ способомъ изложенія онъ былъ понятъ рабочимъ, выходящимъ съ фабрики или въ видѣ отдыха раскрывающимъ книгу на своемъ станкѣ?

Еще одно слово о стилѣ. Онъ составленъ изъ преувеличеній. Чувствительность сдѣлалась у автора болѣзненною. Толчки, которые мы едва ощущаемъ, заставляютъ его вскрикивать. Многіе скажутъ даже, что онъ кричитъ намѣренно и по привычкѣ. Эта горячка души изливается въ судорожныхъ выраженіяхъ. Онъ доводитъ до крайности избытокъ страсти. Онъ пишетъ не иначе, какъ маленькими, отрывистыми фразами, похожими на болѣзненные припадки. Я беру ихъ наудачу; ихъ цѣлыя тысячи. «Въ 1517 году возгорается споръ Ласъ-Казеса и Сепульведы, ужасный день, открывающій могилу, въ которую, ради золота, были брошены два міра, негры вслѣдъ за индѣйцами». Нѣсколько далѣе, послѣ избранія Карла V: «Создано было чудовище: Испанія и Германія, прилѣпленныя другъ къ другу, и, лицомъ къ лицу, Торквемада противъ Лютера». Эти фразы только сильны. Но, разъ, что сильное становится прекраснымъ, нѣтъ болѣе предѣловъ, и, наконецъ, впадаешь въ риторику и даже въ странности. Неужели это Мишле пишетъ въ видѣ вывода, изложивъ отвратительную грубость Франциска I и бѣгство Маргариты, эту неопредѣленную фразу, которая ничто иное, какъ фраза: «Земля побѣдила небо и принизила его до своего уровня»? «За неимѣніемъ идеи,—говоритъ Беранже,—онъ собирался написать оду». Безъ сомнѣнія, къ подобной одѣ такъ неудачно переходитъ авторъ, разсказывая о смерти Цвингли: «Его другъ Миконій, чтобы спасти его сердце отъ оскорбленій, бросилъ его въ струи Рейна; *рѣка древнихъ героевъ стала, благодаря этому, еще болѣе героической*». Наконецъ, не любопытно ли видѣть историка, который, исчерпавъ всѣ выраженія, ищетъ метафоръ въ открытіяхъ современной физики и говоритъ стилемъ «Précieuses», что Гишарденъ описалъ прибытіе Бурбона и его наемниковъ *настолько холодными чернилами, что въ нихъ могла бы замерзнуть ртуть*? Только онъ способенъ наби-

рать такіе контрасты и представлять воображенію маркиза Маскариль и Ге-Люссака, идущихъ рука въ руку.

Могъ ли онъ избѣжать этихъ пятенъ? Нѣтъ; къ несчастію, его талантъ находится въ зависимости отъ его недостатковъ. Онъ подобенъ живописцу, захватывающему съ палитры вмѣстѣ съ ярко-красною краской отвратительное масло, которое замазываетъ и пачкаетъ его картину. Нашъ умъ, это—машина, такого же математическаго устройства, какъ часы. Если перевѣсъ оказывается на сторонѣ такой-то пружины, то она ускоряетъ или портитъ движеніе другихъ, и впечатлѣніе, которое она имъ сообщаетъ, ускользаетъ отъ власти нашей воли, потому что оно и есть наша воля. Данный толчокъ увлекаетъ насъ; мы неотразимо идемъ по начертанному пути, и искусно устроенный автоматъ, составляющій наше существо, останавливается лишь для того, чтобы разбиться. Всемогущій двигатель у Мишле, это—та восторженная чувствительность, которую называютъ воображеніемъ сердца. Она даетъ ему краснорѣчіе, инстинктъ исторической правды, психологическій смыслъ, способность воскрешать души. Она съ равною неизбѣжностью возлагаетъ на него обязанность принимать сомнительныя гипотезы за непреложныя истины, превращать факты въ восклицанія, общія идеи въ аллегоріи, затемнять свой стиль, преувеличивать и искажать свои выраженія. Она ставитъ передъ нимъ, какъ модель и какъ владычицу, идеальную красавицу, скорбную, страстную, нѣжную, съ ужасною или прелестною, порою божественною улыбкой, но болѣзненную и хромую. Счастливъ, однако, тотъ, у кого есть подобная красавица, кто можетъ въ нее вѣрить и не утратилъ еще своей прежней вѣры, изучая механизмъ удивленія!

III.

Птица.

Бываютъ прекрасные солнечные дни, даже въ Парижѣ, и иногда испытываешь желаніе отправиться въ десять часовъ утра въ Jardin des Plantes. Никого еще нѣтъ; животныя одни; мы находимся въ пріятномъ обществѣ. Между ламами и медвѣдями протекаетъ прозрачный ручей. Двѣ полоски воды, бѣгущія между вѣтвями акацій, изливаются въ маленькое озеро, поднимая длинныя, свѣтлыя струйки. Лоснящіяся утки, съ причудливыми очертаніями, съ великолѣпными перьями, крякаютъ въ немъ и плещутся ногами и крыльями. Нумидійскій журавль, тонкій и деликатный, приближается, какъ застѣнчивая дѣвица, и тревожно присматривается къ этой бурной забавѣ. Чахлая цапля выбираетъ своимъ остроконечнымъ клювомъ червяковъ, извивающихся въ тинѣ, потомъ, стоя на одной ногѣ, глядитъ съ покорнымъ видомъ впередъ, сама не зная на что. Цѣлые флоты азіатскихъ гусей важно пристаютъ къ берегу. Веселыя чайки взлетаютъ, вспархиваютъ, говорливыя, неутоми-

мыя, неистово ныряя, покрывая брызгами весь прудъ; онѣ кувыркаются, болтаютъ, барахтаются въ водѣ и пескѣ, даже между ногъ черныхъ быковъ, своихъ добрыхъ друзей, даже на вѣтвяхъ молодыхъ наклоненныхъ ивъ, начинающихъ одѣваться пушистою зеленью. На самой вершинѣ деревьевъ чирикаютъ воробьи; изъ глубины сада доносится глухой шумъ: крики ягнятниковъ, клохтанье куръ, писк фазановъ, дергачей, жаворонковъ, пѣніе пѣвчихъ птицъ, отдаленный хоръ всего крылатаго міра, собраннаго со всѣхъ концовъ свѣта, хохлатыхъ, перепончатыхъ птицъ,—птицъ, населяющихъ воду, воздухъ и землю,—птицъ, каркающихъ и поющихъ,—всѣхъ этихъ пернатыхъ, душа которыхъ трепещетъ при видѣ скользящаго свѣта, прекрасныхъ струящихся водъ, молодыхъ раскрывающихся побѣговъ, растительнаго сока, заставляющаго распускаться красныя почки, весенней жизни, украшающей землю цвѣтами и проникающей вмѣстѣ съ сладостнымъ воздухомъ въ самую глубину ихъ сердца. Черезъ часъ приходится удаляться. Вотъ идетъ непріятное двуногое созданіе—человѣкъ, подагрики, ребятишки, солдаты и служанки. Но, вернувшись въ свою комнату и открывъ эту книгу, мы можемъ вообразить себѣ, что снова находимся передъ прудомъ, въ обществѣ цапли, соловья и лебедя. Она стоитъ птичника и музея. Какимъ образомъ Мишле сдѣлался естествоиспытателемъ? По волѣ случая, по добротѣ сердечной и по чувству товарищества. Будучи самъ болѣнъ и ухаживая за больною особой, онъ вмѣстѣ съ ней любовался окружающею природой. Соловей, реполовъ въ его комнатѣ, куры на дворѣ, вороны, ласточки подъ крышей обратили его взоры къ птицамъ. Невольно онъ полюбилъ ихъ и, вотъ, вступается за ихъ права. «Что надо сдѣлать, чтобъ защитить ихъ? Представить птицу какъ душу, показать, что она личность. *И такъ, птица, одна только птица*—это вся книга, но во всѣхъ видоизмѣненіяхъ своей судьбы, привыкающая и примѣняющаяся къ тысячѣ земныхъ условій, къ тысячѣ предназначеній крылатой жизни... Такою предстала она намъ въ своей горячей идеѣ,—идеѣ первоначальнаго союза, созданнаго Богомъ между твореніями, завѣта любви, положеннаго всеобщею матерью между своими дѣтьми».

Мишле, слѣдовательно, остается здѣсь въ своей сферѣ. Это произведеніе, исполненное поэтической психологіи, не противорѣчитъ другимъ; оно ихъ дополняетъ. Историкъ, котораго вы знаете, проглядываетъ въ естествоиспытателѣ, котораго вы открываете. Книга о *Птицѣ* ничто иное, какъ глава, прибавленная къ книгѣ о *Народѣ*. Авторъ не покидаетъ своего поприща; онъ расширяетъ свое поприще. Онъ вступался за слабыхъ, простыхъ, за дѣтей, за народъ,—онъ вступается за животныхъ и за птицъ.

Нѣтъ философіи, болѣе соотвѣтственной его генію. Этотъ геній—страстное вдохновеніе, чрезвычайная поэтическая чувствительность, способность открывать душевныя движенія и, испытывая ихъ, познавать су-

щества, превращаясь въ нихъ. Для него наука и исторія—не произведенія анализа, а произведенія инстинкта. Вмѣсто того, чтобъ утверждать фактъ за фактомъ съ осмотрительностью, разсуждать шагъ за шагомъ, доказывать каждое предложеніе, установлять правильныя классификаціи, медленно выводить общіе законы, отмѣчать ихъ посредствомъ сухихъ формулъ и двадцать разъ провѣрять ихъ съ сомнѣніями скептика,—вмѣсто того, чтобы кропотливо исправлять каждое выраженіе, стараясь достигнуть совершенной точности,—онъ бурно входитъ въ исторію съ криками гнѣва или энтузіазма, разгадывая характеръ по одному слову, судя о человѣкѣ по портрету, горячій другъ или ожесточенный врагъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, руководствуясь своими симпатіями и чувствомъ раздраженія, прибѣгая, вмѣсто критики, къ лирическому восторгу оды и устремляясь къ истинѣ путемъ душевнаго волненія. Другіе отстраняютъ страсть, какъ завѣсу; онъ принимаетъ ее, какъ свѣтъ. Другіе отвергаютъ инстинктъ, какъ слабость; онъ соблюдаетъ его, какъ силу. Другіе избѣгаютъ дифирамба, какъ обманщика; онъ отдается ему, какъ носителю откровенія.

Отсюда его философія и философія этого произведенія. Каждый изъ насъ создаетъ свою философію по своему подобію. Каждый предписываетъ наукѣ привычки своей мысли. Каждый предлагаетъ міру идеалъ, который ставитъ себѣ самому. Каждый навязываетъ природѣ потребности, которыя носитъ въ себѣ самомъ. Для Мишле инстинктъ служитъ методомъ; вотъ почему онъ прославляетъ инстинктъ вчера въ народѣ, сегодня въ животныхъ. Онъ принижаетъ разсужденіе и анализъ; онъ возвышаетъ произвольное вѣрованіе и необдуманное прорицаніе. Вчера онъ предпочиталъ здравый смыслъ крестьянина теоріямъ ученаго и требовалъ, чтобы народъ высказалъ правду о французской революціи. Сегодня онъ негодуетъ противъ тѣхъ, кто считаетъ инстинктъ слѣпою силой, кто не видитъ, «насколько этотъ разумъ въ зачаткѣ мало разнится въ природѣ отъ высокаго разума человѣческаго», кто не умѣетъ распознать въ птицѣ генія зодчаго, художника, музыканта, способности учить и поучаться, глубокой любви, самоотверженія, мужества, лучшихъ чувствъ и лучшихъ силъ нашей души, наконецъ, кто не умѣетъ распознать въ нихъ души, родственной нашей. Для Мишле симпатія служитъ талантомъ; вотъ почему онъ прославляетъ симпатію, вчера—симпатію между людьми, сегодня—симпатію между людьми и животными. Онъ ненавидитъ гордость, жестокость, одинокую жизнь. Онъ превозноситъ доброту, братство, жизнь общественную. Вчера онъ называлъ отечество «великою дружбой», провозглашалъ, что долгъ человѣка состоитъ въ самоотверженіи и любви, призывалъ враждующіе классы къ примиренію, давалъ девизомъ будущей революціи не гордую свободу, не нивелирующее равенство, но великодушное братство. Сегодня онъ пытается установить миръ между птицами и человѣкомъ, показывая, что многія изъ нихъ—наши слуги, почти всѣ—

наши союзники и друзья, что эти юныя души, едва очерченныя, дѣтскія, должны быть какъ сестры для нашей души, и что назначеніе человѣка, еще жестокаго и грубаго, это—возсоединить всѣхъ живущихъ въ великую республику дыханіемъ всеобъемлющей любви.

Даетъ ли истину эта философія? По меньшей мѣрѣ она представляетъ талантъ. Если она не соотвѣтствуетъ наукѣ, то она соотвѣтствуетъ поэзіи. Если она не творитъ ученыхъ, то она творитъ художниковъ. Какой даръ познавать всѣ чувства, проникать въ душу всѣхъ существъ, воспроизводить въ тѣсной оболочкѣ своего «я» всѣ формы жизни и безконечное разнообразіе вселенной! Этотъ даръ кажется великимъ уже тогда, когда онъ примѣняется къ возсозданію мыслей и страстей человѣческихъ, столь простыхъ, обыкновенныхъ, которыя мы видимъ въ себѣ самихъ и которыя не имѣютъ для насъ прелести новизны. Насколько же этотъ даръ возвышается, когда его прилагаютъ къ тому, чтобы уяснить душу безмолвныхъ существъ, отдѣленныхъ отъ насъ бездной видовъ, открыть таинственную жизнь животныхъ, лѣсовъ и волнъ!

Прежде всего, птицы-рыбы, пингвины, неподвижно стоящіе длинными рядами на ледяныхъ островахъ, среди остроконечныхъ кристалловъ южнополярныхъ странъ. «По ихъ вертикальному положенію, по бѣлому цвѣту, перемѣшанному съ чернымъ, можно было бы принять ихъ за многочисленныя толпы дѣтей въ бѣлыхъ передникахъ. Эти старшіе сыны природы, хранящіе тайну древнихъ вѣковъ превращенія, показались первымъ людямъ, увидавшимъ ихъ, странными іероглифами. Своимъ кроткимъ, но столь же тусклымъ и блѣднымъ взоромъ, какъ ликъ океана, они какъ бы смотрѣли на человѣка, младшее дѣтище планеты, изъ глубины своей древности». У другихъ крыло постепенно развивается, увеличивается, становится воздушнымъ; птица уже не плаваетъ, она летаетъ, и вы видите красивыхъ морскихъ чаекъ, невозмутимо парящихъ надъ волнами Бискайскаго моря, между тѣмъ какъ морская зыбь, все возрастая по мѣрѣ удаленія отъ Америки, съ ропотомъ взбирается по отлогостямъ берега. «День или ночь, югъ или сѣверъ, море или берегъ, мертвая или живая добыча, для нихъ все одно. Пользуясь всѣмъ, всюду чувствуя себя привольно, онѣ безцѣльно носятъ между волнами и небомъ свой бѣлый парусъ. Измѣнчивый вѣтеръ, поворачивающій въ разныя стороны, для нихъ всегда попутный вѣтеръ, дующій туда, куда онѣ хотѣли летѣть». Ихъ свѣтлый и холодный взоръ напоминаетъ цвѣтомъ Сѣверное море, сѣрое, равнодушное. «Что говорю я? Это море болѣе, чѣмъ онѣ, способно къ волненію. Подъ блѣднымъ ликомъ старика Океана, угрюмаго, гнѣвнаго, часто какъ бы проносится цѣлый рядъ мыслей. Его дочери, морскія чайки, кажутся менѣе живыми существами, нежели опъ».

Гораздо выше, «первый изъ крылатой породы, отважный мореплаватель, никогда не свертывающій своего паруса, властелинъ бури, прези-

рающій всѣ опасности», морской орелъ раскачиваетъ свое маленькое тѣльце на огромныхъ крыльяхъ и отъ Европы до Америки несется съ быстротою молніи, такимъ ровнымъ полетомъ, что кажется спящимъ. Безъ сомнѣнія, Мишле, когда писалъ эти строки, не разъ воображалъ себя птицей. Онъ желалъ этой награды естествоиспытателю Уильсону. Какъ-то, слушая пѣніе малиновки, онъ сказалъ: «Я самъ, крылатый въ это мгновеніе, вторилъ ея грезамъ». Онъ бесѣдовалъ съ животными, какъ древніе брамины; однажды, видя меланхолическую цаплю, которая, стоя на одной ногѣ, созерцала въ тусклой водѣ свой тощій образъ, онъ сталъ допрашивать эту мечтательницу:

«Я обратился къ ней издали съ слѣдующими словами, которыя ея тонкій слухъ воспринялъ въ точности: «Другъ рыболовъ, не скажешь ли ты мнѣ (не покидая своего поста), почему, всегда столь печальный, ты кажешься еще печальнѣе сегодня? Твоя добыча ускользнула отъ тебя? Слишкомъ проворная рыбка обманула твой взоръ? Насмѣшливая лягушка, можетъ быть, дразнитъ тебя изъ глубины струи?»

«Нѣтъ, ни рыба, ни лягушка не смѣялись надъ цаплей... Но цапля сама смѣется надъ собой, презираетъ себя, углубляясь въ мысль о томъ, чѣмъ была ея благородная порода, раздумывая о птицѣ прежнихъ дней...

«Земля была нашимъ владѣніемъ, царствомъ водяныхъ птицъ въ тотъ переходный вѣкъ, когда, юная, она выплывала изъ водъ. Время битвъ, борьбы, но изобильнаго существованія. Всякая цапля добывала себѣ пищу. Не было нужды ни поджидать, ни преслѣдовать: добыча преслѣдовала охотника; она шипѣла, квакала со всѣхъ сторонъ. Тысячи существъ неопредѣленнаго вида, птицы-жабы, крылатыя рыбы, опустошали плохо проведенныя границы двухъ стихій. Что сдѣлали бы вы, слабыя созданія вселенной, явившіяся подъ конецъ творенія? Птица подготовила вамъ землю. Исполинскія сраженія были даны огромнымъ чудовищамъ, дѣтямъ тины; дитя воздуха, птица, приняла гигантскіе размѣры. Если ваши неблагодарныя исторіи не сохранили обо всемъ этомъ никакого воспоминанія, то великая исторія Бога повѣствуетъ объ этомъ изъ глубины земли, куда она сложила побѣжденныхъ, побѣдителей, чудовищъ, истребленныхъ нами, и того, кто уничтожилъ ихъ.

«Ваши лживыя сказки толкуютъ вамъ о человѣческомъ Геркулесѣ. Что сдѣлалъ бы онъ съ своею палицей противъ плезіозавра? Кто сталъ бы ожидать, лицомъ къ лицу, этого ужаснаго левіафана? Тутъ требовался полетъ, сильное, неустрашимое крыло, которое съ непомѣрной высоты бросало бы, приподнимало и вновь бы несло Геркулеса - птицу, тутъ нуженъ былъ орелъ въ двадцать футовъ вышины и пятьдесятъ футовъ ширины, безпощадный охотникъ, который, господствуя надъ тремя стихіями,—въ воздухѣ, въ водѣ, въ глубокой тинѣ,—неустанно преслѣдовалъ дракона».

Пожираемый этою гигантскою борьбой, онъ уменьшился, когда уменьшилась влажная стихія. Птицы, населявшія тину, съ длинными, какъ ходули, ногами, незамѣтно исчезли. Ихъ братья, пеликаны, лебеди, становятся рѣдкими. «Напрасно стали бы искать бѣлые флоты, покрывавшіе своими парусами воды Минчіо, болота Мантуи, оплакивавшіе Фаэтона подъ тѣнью его сестеръ, или, въ своемъ величественномъ полетѣ, преслѣдуя звѣзды гармоническимъ пѣніемъ, приносившіе имъ имя Вара».

Нѣжность поэта оживотворяетъ его созданія. Этотъ поэтъ любитъ ихъ, слишкомъ любитъ. Соловей—богъ въ его произведеніи, а Мишле—его пророкъ. Слушая его, онъ имѣлъ видѣнія, точь въ точь какъ Магометъ. По поводу соловья онъ пишетъ діалоги, похожіе на діалоги въ коранѣ. Онъ видитъ, какъ пролетаетъ соловей, робкій, безмолвный, въ своемъ темномъ одѣяніи, подъ краснѣющею осеннею листвой. Зачѣмъ ты улетаешь? Отчего не остаешься ты въ Провансѣ, въ ущельяхъ, гдѣ мягкое зимнее солнце такъ же нѣжно свѣтитъ, какъ и въ прекраснѣйшіе весенніе дни?

«Нѣтъ, я долженъ улетѣть. Другіе могутъ оставаться: имъ нечего дѣлать на востокѣ. Меня же призываетъ моя колыбель; я хочу снова увидать это ослѣпительное небо, эти свѣтлыя и красивыя развалины, гдѣ пѣли мои предки; я хочу прикоснуться къ моей первой любви, азіатской розѣ, я хочу погрузиться въ солнечные лучи... Тамъ тайна моей жизни, тамъ плодотворное пламя, въ которомъ возродится моя пѣснь; мой голосъ, моя муза, это—свѣтъ».

Онъ улетаетъ, и вотъ онъ у воротъ Италіи, предъ холодными и бѣлыми Альпами, населенными всѣми воздушными хищниками, которые поджидаютъ его.

«Онъ останавливается у входа, надъ дружественнымъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ домомъ, или въ священномъ лѣсу Charmettes, начинаетъ раздумывать и говоритъ себѣ: «Если я пролечу днемъ, то они всѣ здѣсь: они знаютъ, какое теперь время года; орелъ набросится на меня, и я погибну. Если я пролечу ночью, филинъ, сычъ, цѣлое войско ужасныхъ привидѣній съ глазами, расширяющимися во мракѣ, схватитъ меня, отнесетъ своимъ дѣтенышамъ... Увы! что дѣлать мнѣ? Я попытаюсь избѣжать и ночи, и дня. Въ темные часы утра, когда громадное, свирѣпое созданіе, не умѣющее свить себѣ гнѣзда, ослабѣваетъ и зябнетъ въ своемъ холодномъ и сыромъ убѣжищѣ, я пролечу незамѣченный... И еслибъ даже оно увидало меня, я пролечу, прежде чѣмъ оно успѣетъ привести въ движеніе тяжелый снарядъ своихъ мокрыхъ крыльевъ.

«Хорошо разсчитано. Однако-жь, происходитъ множество случайностей. Вылетѣвъ среди ночи, въ этой безконечной Савойѣ онъ можетъ натолкнуться на восточный вѣтеръ, который устремляется изъ тѣснинъ на встрѣчу ему, задерживаетъ его, разбиваетъ его усилія и его крылья... Боже! насталъ уже день... Эти угрюмые исполины, уже въ октябрѣ об-

лекшіеся въ бѣлые плащи, показываютъ на необозримыхъ снѣгахъ своихъ черную точку, летящую съ неимовѣрною быстротой. Какой у нихъ уже унылый и зловѣщій видъ, у этихъ горъ, подъ громаднымъ саваномъ, который стелется длинными складками. Какъ ни неподвижны ихъ остроконечныя вершины, подъ собой и вокругъ себя онѣ создаютъ вѣчное смятеніе, бурныя, враждебныя другъ другу теченія, которыя борются между собой и порой бываютъ такъ яростны, что приходится остановиться. Если я спущусь ниже, потоки, завывающіе во мракѣ, шумомъ своимъ какъ бы грозящіе все потопить, увлекутъ меня своимъ вихремъ. Если я поднимусь къ высокимъ и холоднымъ областямъ, которыя начинаютъ озаряться, я самъ добровольно предамъ себя гибели; отъ инея застынутъ мои крылья, остановится мой полетъ».

Развѣ это не цѣлая драма? Кто не тронется мученіями бѣднаго маленькаго путника, затерявшагося среди снѣжныхъ бурь? Кому не представится въ этомъ волшебномъ описаніи осень въ горахъ, черныя бездны ущелій, гдѣ ползутъ тучи, безплодные хребты, освѣщающіеся на зарѣ печальною, оледенѣлою улыбкой? Драма кончается одой—гимномъ соловья. То, что онъ воспѣваетъ, это—его любовь, его горе, его радости, его нескончаемыя надежды. Бюффонъ отмѣтилъ, расточивъ множество возвышенныхъ словъ, рулады, переливы, трели, арпеджіи его пѣнія. Хорошій наблюдатель, внимательный аналистъ, онъ опредѣлилъ всѣ процессы этого голоса, его взору была доступна лишь внѣшняя сторона гимна. То, что доступно взору Мишле, это—внутренній источникъ, это—музыкальная страсть, это—творческая душа. «Соловей видитъ лѣса, любимый предметъ, который преображаетъ ихъ; онъ видитъ его нѣжную живость и тысячу прелестей пернатой жизни, которыхъ наша жизнь не можетъ замѣнить. Онъ говоритъ съ ней, она отвѣчаетъ ему; онъ беретъ на себя двѣ роли: сильному мужскому и звучному голосу онъ возражаетъ нѣжными, слабыми криками. Что далѣе? Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что ему представляются уже восторги его жизни, нѣжная задушевность гнѣзда, бѣдный маленькій домикъ, который былъ бы его небомъ. Приблизьтесь, это любовникъ; но удалитесь, это богъ. Мелодія, здѣсь трепещущая и звучащая горячимъ призывомъ къ чувствамъ, тамъ разростается и расширяется дѣйствіемъ легкаго вѣтерка; это благоговѣйное пѣніе, наполняющее весь лѣсъ. Вблизи рѣчь шла о гнѣздѣ, о возлюбленной, о сынѣ, который долженъ родиться; но издали эта возлюбленная уже иная, сынъ—иной: это природа, мать и дочь, вѣчная возлюбленная, воспѣвающая и прославляющая себя; это безконечность любви, которая любитъ во всѣхъ и голосъ которой слышится во всѣхъ; это умиленныя чувства, священныя пѣснопѣнія, благодаренія, которыми обмѣниваются земля и небо». Вотъ тотъ глубокій, страстный, мистическій пантеизмъ, къ которому приводитъ этотъ талантъ, которымъ кончается эта философія. Художникъ во всемъ видитъ любовь и жизнь. На

самой низшей ступени бытія инертныя вещества сливаются одно съ другимъ подъ вліяніемъ неотразимой силы химическаго сродства, стремясь съ пламенною жаждой къ тѣмъ, которыя должны преобразить и дополнить ихъ существованіе, и міръ, кажущійся неподвижнымъ, есть непрерывное, таинственное, невидимое сочетаніе тѣлъ, направляемыхъ другъ къ другу силой слѣпаго желанія. Скрытая воля, прикрѣпляющая къ землѣ тяжелый камень и удерживающая вокругъ солнца планетную систему, развиваясь въ растеніи вслѣдствіе болѣе сложныхъ потребностей и болѣе искусной работы, еще прозябаетъ въ немъ, заключенная въ матерію, и распространяется только вмѣстѣ съ организмомъ, который она составляетъ и поддерживаетъ. Освобожденная въ животномъ, она обитаетъ въ немъ въ образѣ инстинкта и сновидѣнія. Въ человѣкѣ она превращается въ идею, и поэтъ, видя черезъ нее всеобщее родство предметовъ, узнаетъ безконечную душу, безсмертную создательницу, великую мать, безпрерывно заботящуюся о томъ, чтобы выводить живущихъ на дневной свѣтъ. Въ глубинѣ лѣсовъ, въ лѣтніе дни, когда душистыя испаренія поднимаются въ воздухѣ, когда долгій шепотъ листьевъ, птицъ, насѣкомыхъ наполняетъ слухъ, когда густой воздухъ опьяняетъ, какъ вино, и облако свѣта окутываетъ хребетъ холмовъ, мы испытываемъ желаніе, подобно ему, слить всѣ предметы въ одно существо, и понимаемъ, что художникъ, передъ которымъ мелькнулъ ликъ вѣчной богини, угадалъ, что она называется Любовью.

Пусть предается онъ своей восторженной чувствительности, своей страстной симпатіи, своему нервному волненію: вмѣстѣ съ животными онъ воскреситъ бездушныя существа. Съ мыслью птицъ онъ намъ покажетъ мысль деревьевъ и камней. Какіе пейзажи! и насколько сердце лучшій живописецъ, чѣмъ глаза! Напрасно вашъ умъ былъ бы зеркаломъ, въ которомъ вы видѣли бы точную форму каждаго очертанія и точный оттѣнокъ каждаго цвѣта. Напрасно вы будете называть мнѣ зеленый и синій цвѣта, ломаную и извилистую линіи. То, что вы мнѣ покажете, незначительно. Вы должны открыть чувство подъ формой, которая выражаетъ его, и единственное средство вызвать во мнѣ образы, это—возбудить во мнѣ душевныя движенія. Если мы видимъ пейзажи Мишле, то потому, что мы ихъ чувствуемъ, и онъ ихъ чувствуетъ. Онъ ихъ чувствовалъ, когда описывалъ свой нантскій холмъ, простирающійся между сѣрыми водами Вандеи и желтыми—Бретани, старинный заброшенный садъ съ длинными грабовыми аллеями и красными вишневыми деревьями, гдѣ дождевая вода, не находя истока, питаетъ роскошную зелень, густыя высокія травы, пышную запущенную растительность, «мягкую плѣсень, которая всюду расползается подъ влажнымъ, теплымъ и нѣжнымъ небомъ». Онъ чувствовалъ ихъ, когда рисовалъ эти американскія болота, широкіе заливы, замкнутые въ спокойныхъ водахъ, гдѣ отпрыски кедровъ погружаютъ свои корни въ тихо волнующуюся тину, распространяя

подъ своими пересѣкающимися стрѣлами зловѣщій сумракъ. Но настоящая родина этого пламеннаго воображенія, это—страна солнца, раскаленная область земнаго шара, пожирающая природа тропиковъ; его горячность, его лихорадочная концентрація представляютъ подражаніе ея безумной энергіи, ея необычайныхъ крайностей. Мери тоже изобразилъ ее, но его богатое воображеніе и энтузіазмъ не могутъ сравниться съ болѣзненнымъ и нервнымъ упоеніемъ, съ припадками судорожной поэзіи, съ трепещущими фразами, съ короткими словами, бросаемыми, какъ огненныя стрѣлы, съ трескомъ молній, которыя здѣсь вспыхиваютъ. Художникъ говоритъ объ этихъ насѣкомыхъ, ожесточенныхъ охотникахъ, ненасытныхъ, обжорливыхъ, возбужденныхъ, раздраженныхъ жаромъ, множествомъ возбуждающихъ пряностей и острыхъ веществъ, которыя распложаются въ дѣвственныхъ лѣсахъ, «гдѣ все говоритъ вамъ о жизни, гдѣ кипучее горнило природы находится въ вѣчномъ броженіи».

«Здѣсь и тамъ ихъ живой мракъ сгущается тройнымъ сводомъ, образуемымъ и исполинскими деревьями, и переплетающимися ліанами, и тридцати-футовыми злаками съ широкими и великолѣпными листьями. Мѣстами эти злаки опускаются въ старую, первобытную тину, между тѣмъ какъ на сто футовъ выше, поверхъ глубокой тьмы, горделивые и могучіе цвѣты любуются собою въ знойномъ солнцѣ.

«Въ прогалинахъ, въ узкихъ проходахъ, куда проникаютъ его лучи, сверкаютъ, неумолкаемо жужжатъ жуки, бабочки, медососы и колибри, одушевленные и подвижные алмазы, находящіеся въ вѣчной суетѣ. Ночью еще болѣе изумительное зрѣлище. Начинается волшебная иллюминація свѣтящихся мухъ, которыя милліардами милліоновъ производятъ причудливые арабески, страшные, блестящіе призраки, огненныя магическія письмена. Среди всего этого великолѣпія внизу копошатся темныя существа, грязный міръ каймановъ, водяныхъ змѣй. На стволахъ огромныхъ деревьевъ висятъ и какъ бы летаютъ фантастическія орхидеи, любимыя дочери лихорадки, дѣти испорченнаго воздуха, странныя растительныя бабочки. Въ этихъ смертоносныхъ пустыняхъ онѣ наслаждаются гнилыми міазмами, погружаются въ нихъ, упиваются смертью, которая составляетъ ихъ жизнь, прихотью своихъ неслыханныхъ красокъ изображаютъ опьяненіе природы.

«Не увлекайтесь, берегитесь, чтобы ваша отяжелѣвшая голова не поддалась очарованію. Вставайте, вставайте! Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ опасность окружаетъ васъ. Желтая лихорадка скрывается подъ цвѣтами и *vomito nero*. У вашихъ ногъ ползаютъ гады. Если бы вы поддались утомленію, безмолвное войско безпощадныхъ анатомовъ овладѣло бы вами и посредствомъ милліона ланцетовъ сдѣлало бы изъ всѣхъ вашихъ тканей чудесное кружево, газъ, дуновеніе, ничто.

«Какъ! это вы, одушевленные цвѣты, крылатые топазы и сапфиры, вы будете моими избавителями? Ваша спасительная жадность, ожесто-

ченно стремящаяся къ очищенію этого преизобилующаго и необычайнаго плодородія, одна только дѣлаетъ доступнымъ входъ въ эту опасную волшебную область».

Тѣ, къ кому онъ здѣсь обращается, его братья. Колибри, медососъ—живое подобіе его генія. Онъ обладаетъ ихъ ослѣпительнымъ блескомъ, ихъ безумною страстью, ихъ быстротою, ихъ пыломъ, ихъ крыльями. Онъ заставляетъ умолкнуть критику и самъ изображаетъ себя въ слѣдующемъ портретѣ:

«Жизнь у этихъ крылатыхъ огней такъ горяча и такъ сильна, что презираетъ всѣ яды. Взмахи ихъ крыльевъ такъ живы, что глазъ не можетъ воспринять ихъ; медососъ кажется неподвижнымъ, совершенно инертнымъ. Безпрерывное «гуръ! гуръ!» исходитъ изъ него, пока стремглавъ онъ не погрузитъ своего клюва, остраго, какъ кинжалъ, сперва въ одинъ цвѣтокъ, потомъ въ другой, извлекая соки, а вмѣстѣ съ ними и маленькихъ насѣкомыхъ, все это такимъ быстрымъ движеніемъ, которое нельзя сравнить ни съ чѣмъ; жаднымъ, гнѣвнымъ движеніемъ, въ высшей степени нетерпѣливымъ, порою доходящимъ до ярости — противъ кого? Противъ большой птицы, за которою онъ гонится, которую безпощадно преслѣдуетъ, противъ цвѣтка, уже попорченнаго, которому онъ не прощаетъ, что тотъ не дождался его. Онъ съ озлобленіемъ набрасывается на него, уничтожаетъ его, пускаетъ по вѣтру его лепестки.

«Листья поглощаютъ, какъ извѣстно, яды, находящіеся въ воздухѣ; цвѣты ихъ вторично всасываютъ. Эти птицы питаются цвѣтами, этими ѣдкими цвѣтами, ихъ жгучими и острыми соками, въ дѣйствительности ядами. Эти кислоты какъ бы даютъ имъ и ихъ рѣзкій крикъ, и вѣчное безпокойство ихъ гнѣвныхъ движеній. Они, быть можетъ, болѣе непосредственно, нежели солнечный свѣтъ, содѣйствуютъ ихъ окраскѣ въ тѣ странные переливы, которые скорѣе напоминаютъ сталь, золото, драгоцѣнные камни, чѣмъ перья и цвѣты».

И мы тоже скажемъ, что не свѣтъ искусства и не чувство красоты окрашиваютъ этотъ стиль, а пожирающая страсть, которою онъ упивается и воспламеняется. Другаго она лишила бы разсудка; его она одаряетъ геніемъ, и безпрерывное напряженіе нервной системы, вмѣсто того, чтобъ изнурить его, питаетъ его силы.

Отсюда эти странныя формы рѣчи, которыя кажутся нарушеніемъ синтаксиса и ниспроверженіемъ грамматики. Когда онъ дѣлаетъ ошибки въ языкѣ, онъ ихъ дѣлаетъ съ сознаніемъ, почти всегда основательно. Никто болѣе его не овладѣлъ въ такой степени языкомъ. Скажутъ, что онъ извратилъ его; это значитъ, что онъ передѣлалъ его на свой ладъ. Онъ говоритъ иначе, чѣмъ другіе, потому что мыслитъ иначе, чѣмъ другіе. Его фраза сокращается, чтобъ сравниться съ концентраціей его мысли. Глаголъ покидаетъ ее, исчезаетъ. Пущенная съ быстротою стрѣлы, какъ откровеніе, она перескакиваетъ черезъ него, чтобы летѣть скорѣе.

Она то принимаетъ тяжеловатый видъ и вся состоитъ изъ перестановокъ словъ, то небрежна и состоитъ изъ повтореній. Она передаетъ идею такъ, какъ она является, подражая естественному движенію ума и неровному усиленію вдохновенія. «Эти птицы, — только что говорилъ онъ, — питаются цвѣтами, этими ѣдкими цвѣтами, ихъ жгучими и острыми соками, въ дѣйствительности ядами» *). Три раза первоначальное слово исправлено, развито. Поставьте вмѣсто этого: «Эти птицы живутъ въ цвѣтахъ, питаясь острыми и жгучими соками, которые ядовиты». Вы съ перваго разу написали окончательное выраженіе, но вы не выразили колебаній и страстныхъ порывовъ ума, который ищетъ и находитъ. Въ другомъ мѣстѣ, для того, чтобы выразить движеніе, онъ принужденъ употребить одинъ предлогъ вмѣсто другаго. «La longue belette s'insinue au nid sans frôler une feuille» (Длинная ласочка вкрадывается въ гнѣздо, не задѣвъ ни одного листочка). Еслибъ онъ поставилъ: «La longue belette s'insinue dans le nid», фраза не была бы подражаніемъ дѣйствію животнаго. Для передачи чувствъ ощущеніями, для подтвержденія впечатлѣній души, впечатлѣнія слуха, онъ является художникомъ даже въ предлогахъ и членахъ: нѣтъ стиля болѣе подражательнаго. «Le chant-huat vole d'une aile silencieuse, comme étoupée de ouate» (Сова летитъ безмолвнымъ крыломъ, какъ бы подбитымъ ватой). Благодаря этимъ подавленнымъ гласнымъ, сталкивающимся между собою, фраза скользитъ такъ же безмолвно, какъ птица. У него порядокъ словъ не грамматическій, а логическій порядокъ. Онъ отмѣчаетъ различныя части своего видѣнія по мѣрѣ того какъ онѣ проходятъ въ немъ, поочередно, и построеніе обозначаетъ ихъ послѣдовательность. Обратите лучше вниманіе на эту фразу: «Но пасмурная погода проясняется, снова появляется день, я вижу маленькую голубую точку на небѣ. Счастливая и ясная область, хранившая миръ надъ грозой. Въ этой голубой точкѣ царственно плыветъ маленькая птица съ громаднымъ крыломъ, на высотѣ десяти тысячъ футовъ. Морская чайка? — Нѣтъ: крыло черное. Орелъ? — Нѣтъ: птица маленькая» **). «Счастливая» должно быть первымъ словомъ, потому что первое преобладающее движеніе, это — порывъ счастія. Тою же причиной объясняется обратное построеніе слѣдующей фразы. Что касается этихъ словъ: «орелъ? морская чайка?», то это вопросительные крики, которыхъ нельзя было отмѣтить иначе. Другое мѣсто, касающееся ласточекъ, показываетъ, какъ сокращеніе фразы и положеніе слова вводятъ ощущеніе

*) „Ces oiseaux vivent des fleurs, de ces pénétrantes fleurs, de leurs sucs brûlants et âcres: en réalité, de poisons".

**) „Mais le temps noir se dissipe, le jour reparaît, je vois un petit point bleu dans le ciel. Heureuse et sereine région qui gardait la paix au-dessus de l'orage. Dans ce point bleu, royalement, un petit oiseau d'aile immense nage à dix mille pieds de haut. Goëland? Non: l'aile est noire. Aigle? Non: l'oiseau est petit".

въ душу и въ зрѣніе. «Souvent elles se précipitaient tombant presque, rasant la terre, mais si vite relevées, qu'on les aurait crues lancées d'un ressort ou dardées d'un arc» (Часто онѣ устремлялись, падая почти, задѣвая землю, но такъ быстро приподнимаясь, что можно было подумать, что онѣ пущены пружиной или изъ лука). Правильный писатель раздѣлилъ бы фразу послѣ слова «terre» и фраза, потерявшая свою безпрерывность, не выразила бы уже безпрерывности полета. Послѣдній слогъ «presque», нѣмой и усѣченный, изображаетъ съ удивительною силой паденіе, внезапно остановленное; если бы было поставлено «par un ressort, par un arc», то исчезъ бы весь подражательный полетъ. Сверхъ всего этого, его фраза — пѣніе. Всякій поэтъ — музыкантъ. Этотъ же, другъ Виргилія, болѣе музыкантъ, чѣмъ другіе. Ему необходимо убаюкивать свою мысль мѣрными звуками періода, и мелодія, которую онъ встрѣчаетъ или которую развиваетъ, печальная или нѣжная, придаетъ мечтательность идеѣ и поэзію страсти.

Я отмѣтилъ много отрывковъ, которые показались бы изумительными въ другомъ,—наивныя странности германскаго пантеиста, уподобленіе птицъ Мессіи, «участіе ихъ въ божественномъ преимуществѣ Святаго Духа быть вездѣсущими», благословенія, посылаемыя тюленямъ, порывы зависти по поводу китовъ, множество воззваній, криковъ, восторговъ, изступленіе факира, безволіе нервной женщины, привычку думать громко и слишкомъ громко. Должно ли порицать эти крайности? Красоты искупаютъ ихъ и безъ этихъ крайностей ихъ бы не было; его страсть составляетъ его геній. Притомъ же, этотъ видъ ума есть типъ, онъ имѣетъ право существовать наравнѣ со всякимъ другимъ; то, что было бы въ иномъ случаѣ безуміемъ, у него является разумомъ. Каждый типъ хорошъ такъ, какъ онъ есть, въ мірѣ мыслящемъ, какъ и въ мірѣ животномъ. Его совершенство и его законъ заключаются въ развитіи его бытія, и если когда-нибудь былъ умъ, совершенный въ своемъ родѣ, такъ это умъ Мишле. Никто не ставитъ въ упрекъ цаплѣ ея длинныхъ, тонкихъ ногъ, ея худаго тѣла, ея созерцательной и неподвижной позы. Никто не порицаетъ въ приморской ласточкѣ огромныхъ крыльевъ, коротких ногъ: эта худоба—красота въ цаплѣ; эта несоразмѣрность — красота въ приморской ласточкѣ. И та, и другая обнаруживаютъ идею природы, и дѣло естествоиспытателя постигнуть ихъ, а не осмѣивать. Критикъ—естествоиспытатель души. Онъ принимаетъ ея различныя формы; онъ не осуждаетъ ни одной изъ нихъ и описываетъ всѣ; онъ полагаетъ, что страстное воображеніе столь же законная и чудная сила, какъ метафизическая способность или ораторское дарованіе; вмѣсто того, чтобы съ презрѣніемъ отбросить его, онъ осторожно его расчленяетъ; онъ опредѣляетъ ему мѣсто въ одномъ музеѣ съ другими и наряду съ другими; онъ радуется при видѣ разнообразія природы; онъ не требуетъ отъ нея, чтобъ она уменьшилась, подчинилась власти противуположныхъ силъ, сдѣлалась

разумною и осмотрительною; онъ любитъ даже ея нелѣпости и слабости. Онъ дѣлаетъ еще болѣе: постоянно наблюдая ее, онъ превращается въ нее; постоянно объясняя себѣ ея дѣйствія и находя ихъ основательными, онъ невольно повторяетъ ея дѣйствія. Жоффруа Сентъ-Илеръ говорилъ, что въ Египтѣ, лежа на нильскомъ пескѣ, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ пробуждались инстинкты крокодила. Постоянно анализируя страстное воображеніе, критикъ до такой степени участвуетъ въ его видѣніяхъ и въ его страсти, что находитъ его страсть и его видѣнія разумными. Если онъ судитъ его, то не для того, чтобы рѣшить, прекрасно ли оно, или безобразно, а чтобы показать, годно оно или негодно для такого-то употребленія. Естествоиспытатель заявляетъ, что цапля создана для жизни въ болотахъ, что приморская ласточка должна парить надъ морями и что цапля, перенесенная на сухую равнину, и приморская ласточка, заключенная въ лѣсъ, не могутъ жить. Критикъ думаетъ, что страстная чувствительность, примѣненная, какъ пособіе, къ философіи и исторіи, должна открывать высшія истины, совершать много ошибокъ, прибѣгать къ множеству гипотезъ, мало доказывать, много преувеличивать, но что, примѣненная къ искусству, она создаетъ самые живые характеры, самыя трогательныя драмы, самый привлекательный стиль, самые яркіе пейзажи. Что огненнымъ дыханіемъ она оживитъ инертныя существа, что, переносясь отъ полюса къ экватору, отъ Америки къ Азіи, она вызоветъ въ нашемъ умѣ фантасмагорію лучезарныхъ видѣній, всюду творческая, стремительная, пламенная, всеобъемлющая, подобная великой природѣ, которая въ неистовой жизни своихъ тропиковъ представляетъ образъ своей силы и своего великолѣпія. Говорятъ, что въ настоящее время (1856 г.) три поэта *) во Франціи; Мишле четвертый, и его проза, по отношенію къ искусству и генію, стоитъ ихъ стиховъ.

---

*) Альфредъ де-Мюссе, Ламартинъ, Викторъ Гюго. Беранже—великій прозаикъ, подобравшій риѳмы къ своей прозѣ.

Мірскіе расходы по Европейской Россіи.

По порученію состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, центральнымъ статистическимъ комитетомъ были собраны въ 1882 году свѣдѣнія о мірскихъ расходахъ крестьянскихъ обществъ за 1879, 1880 и 1881 гг. Въ вышедшемъ недавно 13 выпускѣ *Статистическаго Временника Россійской Имперіи* помѣщенъ сводъ данныхъ, извлеченныхъ изъ матеріаловъ, которые были доставлены по требованію комитета волостными правленіями 46 губерній Европейской Россіи. О мірскихъ сборахъ не имѣется до сихъ поръ почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ земскихъ статистическихъ сборникахъ; эти источники, несмотря на свою относительную достовѣрность, страдаютъ, однако, тѣмъ недостаткомъ, что цифры сборовъ и расходовъ сельскихъ обществъ показаны въ таблицахъ сборниковъ огульно, безъ подраздѣленія по статьямъ; въ самомъ же текстѣ сборниковъ предметъ этотъ, какъ второстепенный для земскихъ цѣлей, разрабатывается чрезвычайно скудно. Затѣмъ имѣются еще нѣсколько работъ въ повременныхъ изданіяхъ, трактующихъ о томъ же предметѣ, но онѣ отличаются вполнѣ случайнымъ характеромъ и относятся къ болѣе или менѣе ограниченнымъ районамъ; послѣднее обстоятельство умаляетъ также значеніе труда секретаря бессарабскаго статистическаго комитета г. Неручева, именно брошюру его: *О мірскихъ сборахъ съ сельскихъ обществъ Бессарабской губ. за 1878, 1879 и 1881 гг.*

Такимъ образомъ, настоящій выпускъ центральнаго комитета трактуетъ о предметѣ совершенно новомъ въ области литературы по крестьянскому быту и вообще чрезвычайно интересномъ; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что такое обширное дѣло, какъ собираніе свѣдѣній о расходныхъ бюджетахъ 107,401 сельскихъ обществъ, было предпринято безъ достаточной осмотрительности,—обстоятельство, которое не можетъ быть извинено даже «новизною дѣла и спѣшностью, съ какою требовалось собрать свѣдѣнія» (*Временникъ*, стр. 10): по отзыву самого составителя

очерка о мірскихъ расходахъ, г. Охочинскаго, вопросные листки, разосланные въ волостныя правленія, не были составлены съ достаточною полнотой (и, прибавимъ отъ себя, ясностью), вслѣдствіе чего въ полученномъ матеріалѣ оказались весьма существенные пробѣлы, а именно: 1) полученный матеріалъ относится только къ *расходамъ* сельскихъ обществъ, а не къ мірскимъ *сборамъ* съ нихъ *); такимъ образомъ, отсутствуютъ далеко не лишенныя значенія свѣдѣнія о дополнительныхъ источникахъ, изъ которыхъ покрывается часть мірскихъ расходовъ (таковы оброчныя статьи и мірскіе капиталы), и 2) въ виду цѣлей, которыя преслѣдовала кахановская коммиссія, въ бланкахъ, разосланныхъ правленіямъ, наиболѣе подробно разработанными оказались вопросы о *волостныхъ* расходахъ, расходные же бюджеты *сельскіе* были подраздѣлены всего на три группы: а) жалованье старостамъ, б) жалованье прочимъ сельскимъ должностнымъ лицамъ и в) всѣ прочіе расходы. Первые два предмета расходовъ составляютъ, собственно говоря, лишь одинъ предметъ расхода на содержаніе сельской администраціи, и этотъ именно предметъ и интересовалъ, вѣроятно, кахановскую коммиссію, ибо въ пунктѣ *в* оказываются соединенными во-едино ничего общаго между собою не имѣющія статьи; таковы, съ одной стороны, расходы, вызываемые существованіемъ сельской администраціи и крестьянскимъ самоуправленіемъ (наемъ и содержаніе сельскихъ сборенъ, канцелярскіе расходы, чинка мостовъ и проч.), а съ другой—расходы чисто-хозяйственнаго характера (наемъ пастуховъ, содержаніе мірскаго быка, осушка болотъ и проч.). Эти категоріи расходовъ такъ различны по существу своему, что валовыя цифры по пункту *в* теряютъ почти всякое значеніе при разработкѣ вопроса о производительныхъ и непроизводительныхъ затратахъ сельскихъ обществъ. При этомъ необходимо замѣтить, что данныя о сельскихъ расходахъ такъ неполны (составитель очерка, какъ мы увидимъ ниже, не обратилъ на это обстоятельство должнаго вниманія), что не только ничего опредѣленнаго о нихъ сказать нельзя, но они въ значительной степени даже портятъ выводы, сдѣланные на основаніи данныхъ о волостныхъ расходахъ. Вина въ неполнотѣ данныхъ о сельскихъ расходахъ падаетъ, конечно, на волостныхъ писарей, но не всецѣло, а только отчасти: при всей своей доброй волѣ, писаря не могли во многихъ, вѣроятно, случаяхъ дознаться объ истинныхъ предметахъ и размѣрахъ сельскихъ расходовъ, ибо въ большинствѣ селеній никакихъ денежныхъ книгъ не ведется и раскладочныхъ приговоровъ о мірскихъ сборахъ не составляется; слѣдователь-

*) Насколько разнятся иногда цифры мірскихъ расходовъ отъ цифръ сборовъ (съ душъ или съ земли), видно изъ *Сборн. стат. свѣд. по Бахмутск. у., Екатер. губ.*: всѣхъ *расходовъ* было тамъ произведено: волостныхъ—28,817 р., сельскихъ — 62,508 р., итого 91,325 р.; а *сборовъ* было произведено только 31,942 р. Остальныя 59 т. р. были покрыты доходами отъ арендныхъ статей, изъ коихъ больше половины составлялъ доходъ отъ кабаковъ (стр. 396).

но, писаря могли въ этихъ случаяхъ записать только тѣ расходы, которые были имъ объявлены сельскими старостами или самими сходами; если же староста или сходъ о какихъ-нибудь расходахъ умалчивали преднамѣренно или по забывчивости, то такіе расходы въ бланки не заносились, ибо волостному писарю не откуда достать свѣдѣній о мірскихъ сельскихъ расходахъ, кромѣ какъ отъ самого міра. Но на винѣ писарей лежитъ всецѣло отсутствіе указаній по массѣ волостей, даже по цѣлымъ почти уѣздамъ*), о размѣрѣ жалованья сельскимъ должностнымъ лицамъ; эта статья мірскихъ расходовъ всегда на виду у писарей, и если они не давали о ней свѣдѣній, то это всецѣло должно быть отнесено къ ихъ небрежности. Возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано, что по волостямъ, въ коихъ сельскихъ расходовъ не показано вовсе,—вѣроятно, и не имѣется таковыхъ,—не выдерживаетъ строгой критики; между тѣмъ, даже авторъ очерка во *Временникѣ* объясняетъ низкую цифру сельскихъ расходовъ не небрежными отчетностями писарей, а «малымъ размѣромъ (въ такихъ мѣстностяхъ) крестьянскихъ поселковъ, въ которыхъ, по недостаточности средствъ, большинство должностныхъ лицъ служитъ безвозмездно». На такого рода объясненіе можно возразить, во-первыхъ, что административное сельское общество, обязанное имѣть одного старосту, можетъ состоять не изъ одного, а изъ десятка мелкихъ поселковъ, такъ что малый размѣръ поселковъ не всегда обусловливаетъ отсутствіе вознагражденія сельскому старостѣ; во-вторыхъ, объясненіе автора ни въ коемъ случаѣ уже не можетъ подходить къ такимъ мѣстностямъ, каковъ, наприм., Полтавскій уѣздъ. Въ этомъ послѣднемъ имѣется Рѣшетиловская волость, состоящая изъ пяти сельскихъ обществъ, при общемъ числѣ въ 5,306 рев. душъ м. п. (15,600 д. об. п. въ настоящее время); такимъ образомъ, каждое изъ этихъ сельскихъ обществъ состоитъ, въ среднемъ, изъ 1,060 рев. д., а всѣ сельскіе расходы показаны по этой волости всего въ 47 руб. или менѣе чѣмъ по 1 к. на рев. д. Далѣе, всѣ сельскіе расходы по Полтавскому у.**) составляютъ, будто бы, лишь 1,890 р. или по 3 к. на рев. и наличн. душу м. п. и по 1½ к. на 1 десятину земли; въ среднемъ, сельское общество состоитъ здѣсь изъ 200 рев. д. А въ Золотоношскомъ у., той же губерніи, при болѣе или менѣе сходныхъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ съ Полтавскимъ у., сельскихъ расходовъ показано уже 18,012 р. или по 29 к. на рев. душу, по 22 к. на наличную и по 11 к. на дес., при среднемъ составѣ сельскаго общества изъ 225 рев. д. Соотвѣтствія между размѣрами мірскихъ расходовъ нѣтъ никакого, тогда какъ числовые размѣры сельскихъ об-

*) Таковы, наприм., большинство волостей по Вятской губ., по Трокскому у., Виленской губ., по Новомосковскому у., Екатеринославской губ., по Череповецк. у., Новгородской губ., по большей части Пермской губ., по Полтавскому у., по Кролевецкому у., Черниговской губ., и проч.

**) Собственно только по *семи* волостямъ, а по 14-ти ихъ не значится вовсе.

ществъ въ обоихъ уѣздахъ почти совпадаютъ. Въ такихъ же почти отношеніяхъ другъ къ другу, какъ Полтавскій къ Золотоношскому, стоитъ уѣздъ Миргородскій къ Константиновскому. Возьмемъ уѣздъ изъ другой губерніи, Воронежскій. Изъ 15 волостей этого уѣзда по *пяти* сельскихъ расходовъ не показано вовсе, а по 10 прочимъ—въ 30,640 р. По этимъ неполнымъ даннымъ выходитъ, что въ среднемъ по уѣзду ревизск. душа обложена 52 к. сельскихъ расходовъ, вслѣдствіе чего *всѣхъ* расходовъ какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ, падающихъ на 1 рев. д., показано въ таблицѣ 1 р. 17 к.; между тѣмъ, если въ основаніе разсчета принять только тѣ десять волостей, по коимъ имѣются хотя кое-какія свѣдѣнія о сельскихъ расходахъ, то *всѣхъ* расходовъ будетъ причитаться на ревизскую душу по Воронежскому у. уже не 1 р. 17 к., а 1 р. 36 к., и на десятину не 23, а 27 к.

Еще лучше выяснимъ мы себѣ недочеты въ матеріалахъ *Временника*, если обратимся для сравненія этихъ послѣднихъ къ земскимъ статистическимъ сборникамъ. Остановимся поподробнѣе на томъ же Воронежскомъ уѣздѣ. Какъ было упомянуто, относительно пяти волостей этого уѣзда не показано во *Временникѣ* никакихъ сельскихъ расходовъ, между тѣмъ въ земскомъ сборникѣ значится такихъ расходовъ по этимъ волостямъ: Шукавской волости—7,394 р., Ивановской—5,915 р., Верхне-Хавской—7,624 р., Подгоренской—5,608 р. и Березовской—5,453 р., итого 31,994 р., или по 1 р. 98 к. на ревизскую душу и по 50 к. на десятину земли, т.-е. значительно больше, чѣмъ опредѣлено во *Временникѣ* не только для всего уѣзда, но и по 10 волостямъ, къ которымъ относятся показанныя цифры (тамъ показано всѣхъ сельскихъ расходовъ по цѣлому уѣзду только 30,640 р. или по 52 к. на ревизскую душу и по 10 к. на десятину земли, а если исключить пять волостей, о которыхъ данныхъ не имѣется, то—71 к. и 14 к.). Любопытно вообще сравнить, насколько расходятся данныя *Временника* съ данными земскихъ сборниковъ. Хотя матеріалы, послужившіе этимъ трудамъ, не совсѣмъ тождественны, такъ какъ данныя *Временника* относятся къ 1881 году, а данныя сборниковъ — къ разнымъ годамъ: 1881, 1882 и особенно къ 1883 и 1884, но разница въ цифрахъ тысячъ и десятковъ тысячъ рублей не можетъ быть особенно значительна въ процентномъ отношеніи, ибо размѣръ мірскихъ расходовъ той и другой мѣстности, вѣроятно, не подверженъ значительнымъ колебаніямъ на пространствѣ двухъ-трехъ лѣтъ: характеръ и размѣръ расходовъ обусловливаются, въ общемъ, не случайными, скоропреходящими явленіями, а всею совокупностью экономическихъ и бытовыхъ условій данной мѣстности. И такъ, мы въ правѣ предположить, что размѣръ расходовъ по земскимъ сборникамъ можетъ лишь на нѣсколько %% разниться отъ данныхъ по *Временнику*, по скольку это зависитъ отъ измѣненія размѣра расходовъ въ томъ или другомъ году; но разницу въ нѣсколько десят-

ковъ процентовъ уже трудно объяснить однимъ этимъ обстоятельствомъ: надо будетъ предположить, что одинъ изъ источниковъ заключаетъ въ себѣ невѣрныя или неполныя данныя.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сдѣлано сравненіе какъ абсолютныхъ, такъ и относительныхъ размѣровъ мірскихъ расходовъ по вышеуказаннымъ двоякаго рода источникамъ.

	Земскіе сборники. Въ тысячахъ рублей.			*Временникъ.*			%-е отношеніе абсолютныхъ данныхъ *Временника* къ даннымъ сборниковъ.		
	Волостныхъ расх.	Сельскихъ расх.	Итого	Волостныхъ расх.	Сельскихъ расх.	Итого	Волостныхъ расх.	Сельскихъ расх.	Итого.
10 уѣздовъ Курской губ. [1]).	230,6	642,4	873,0	237,3	230,4	467,7	103%	36%	54%
3 уѣзда Самарской губ. [2]).	162,3	765,4	927,7	160,3	485,8	646,1	99%	64%	70%
Сычевск. у., Смоленск. губ.	23,7	39,4 [3])	63,1	20,4	14,2	34,5	86%	36%	55%
Воронежскаго у.	35,9	137,2	173,1	38,8	30,6	69,4	108%	22%	40%
Мценск. у., Орловск. губ..	18,8	38,4	57,2	16,0	21,6	37,6	85%	57%	66%
Бахм. у., Екатер. губ. . .	28,8	62,3	91,3	29,9	41,7	71,7	104%	67%	79%

Таково отношеніе данныхъ *Временника* къ даннымъ семнадцати земскихъ сборниковъ: по нѣкоторымъ уѣздамъ, какъ, наприм., по Воронежскому, сельскіе расходы по *Временнику* составляютъ лишь 22% данныхъ земск. сборника; по отдѣльнымъ уѣздамъ Курской губ. % сельск. расходовъ колеблется отъ 21% (Льговск. у.) до 50% (Грайвор. у.); наиболѣе близкое соотношеніе этихъ данныхъ оказывается по Базулукск. у., Самарск. губ., гдѣ сельскій расходъ по *Временнику* составляетъ уже 71% размѣровъ расходовъ, опредѣленныхъ земскимъ сборникомъ. Данныя о волостныхъ расходахъ находятся въ бо́льшемъ соотвѣтствіи,—нерѣдко даже цифры *Временника* нѣсколько превышаютъ цифры сборниковъ; колебанія по уѣздамъ происходятъ въ предѣлахъ 90% (Курскій у.) и 125% (Бѣлгор. у.). Такимъ образомъ, оказывается, что по этимъ 17 уѣздамъ Европ. Россіи валовыя данныя о мірскихъ расходахъ по *Временнику* на 858,4 т. р. или на 39% менѣе противъ данныхъ по земскимъ сборникамъ. Понятно, какъ должны отразиться такіе недочеты на достоинствѣ вычисленій, произведенныхъ въ разсматриваемомъ нами выпускѣ *Временника.*

Но, съ другой стороны, можно указать на цѣлый рядъ уѣздовъ, въ коихъ данныя о сельскихъ расходахъ по *Временнику* болѣе или менѣе значительно превышаютъ данныя по земскимъ сборникамъ. Приве-

---

[1]) Курск., Бѣлгор., Грайвор., Дмитріевск., Льговск., Путивл., Рыльск., Суджанск., Фатежск. и Щигр. Всѣхъ уѣздовъ въ губерніи пятнадцать.

[2]) Самарск., Ставроп., Бузулукскій; всѣхъ уѣздовъ семь. Въ земск. сборн. по Бузулукск. у. выдѣленъ особо „пастушій сборъ"—233,4 т. р., но такъ какъ во *Времен.* онъ нигдѣ не исключался изъ валовыхъ цифръ мірскихъ расх., то мы его включили въ число 765,4 т. р. сельск. расх. по земск. источникамъ.

[3]) Въ томъ числѣ „пастушьихъ" 27,2 т. р.

демъ нѣсколько примѣровъ подобнаго рода (цифры въ нижеслѣдующей таблицѣ расположены въ томъ порядкѣ, какъ и въ предъидущей):

10 уѣзд. Тамбовск. губ. *)	515,2	351,4	866,6	480,8	437,6	918,4	93%	125%	106%
5 уѣзд. Полтавск. губ. **)	81,9	21,6	103,5	91,3	15,8	107,1	112%	73%	103%
Вязямск. у., Смоленск. губ.	24,3	14,7	39,0	23,6	19,8	43,4	97%	134%	111%
Рязанск. у.	24,3	62,6	86,9	24,9	88,8	113,7	103%	142%	131%
3 уѣзд. Саратовск. г. ***)	104,9	164,0	268,9	107,7	163,8	271,5	103%	100%	101%

Удивительнѣйшія колебанія процентныхъ отношеній наблюдаются по уѣздамъ Полтавской губерніи: такъ, въ одномъ случаѣ (Миргородскій уѣздъ) сумма сельскихъ расходовъ по *Временнику* составляетъ лишь 44%—по сборнику, а въ другомъ случаѣ (Полтавскій уѣздъ)—свыше 135%. Нѣсколько меньшія, но также значительныя колебанія наблюдаются въ данныхъ по Тамбовской губерніи: отъ 92 до 150%. Кромѣ того, въ земскихъ сборникахъ этой губерніи встрѣчаются не менѣе малопонятныя обстоятельства, чѣмъ во *Временникѣ*; такъ, восемь уѣздовъ изъ десяти даютъ сельскихъ расходовъ отъ 22 т. р. до 57 т. р., а два уѣзда — Темниковскій и Спасскій — только 6 т. р. и 11,4 т. р. Объяснить такіе чрезвычайные minimum'ы расходовъ нельзя ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ исключеніемъ изъ числа сельскихъ расходовъ въ этихъ двухъ уѣздахъ такъ называемыхъ пастушьихъ расходовъ, принимавшихся въ другихъ сборникахъ къ счету, но яснаго указанія объ этомъ обстоятельствѣ мы въ текстѣ сборника не замѣтили. Наиболѣе полное совпаденіе данныхъ по обоимъ источникамъ оказывается по тремъ уѣздамъ Саратовской губерніи, взятымъ вмѣстѣ; порознь уѣзды эти даютъ также довольно значительныя колебанія: такъ, по Царицынскому уѣзду волостные расходы по *Временнику* составляютъ 136% относительно расходовъ этихъ по сборнику, а сельскіе—только 88%.

Приведемъ еще одно доказательство въ пользу нашихъ положеній, но сперва напомнимъ, что, по косвенному утвержденію автора очерка и по непосредственному нашему, сельскіе расходы должны быть абсолютно значительнѣе въ болѣе крупныхъ обществахъ, чѣмъ въ мелкихъ; замѣтимъ также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда предѣлъ волости совпадаетъ съ предѣлами сельскаго общества,—иначе сказать, когда волость состоитъ только изъ одного общества,—административные расходы этого послѣдняго могутъ быть очень малы относительно волостныхъ расходовъ, или ихъ и вовсе можетъ не быть, ибо въ такихъ волостяхъ старшина исполняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности старосты, сельская сборня помѣщается въ зданіи волостнаго правленія и проч. Разсмотримъ теперь бюджетъ расходовъ цѣлой группы сѣверо-восточныхъ губерній и рас-

*) Т.-е. всѣ уѣзды губерніи, за исключеніемъ Тамбовскаго и Лебедянскаго.

**) Зеньковскій, Гадячскій, Лубенскій, Полтавскій и Миргородскій.

***) Саратовскій, Петровскій и Царицынскій.

положимъ таковыя по порядку средней численности ихъ сельскихъ обществъ:

Губерніи.	На 1 сельск. общ. ревизск. душъ.	На 1 рев. душу волост. расходовъ.	На 1 рев. душу сельскихъ расходовъ.	Итого на 1 рев. душу расходовъ.	% сельскихъ обществъ, изъ коихъ каждое составляетъ цѣлую волость, ко всему числу обществъ.
Архангельская . .	362	84 к.	40 к.	1 р. 24 к.	10%
Вятская	347	32 »	4 »	— » 36 »	0,2%
Пермская	282	74 »	19 »	— » 93 »	2%
Вологодская . . .	240	53 »	32 »	— » 85 »	2%
Костромская . . .	203	85 »	38 »	1 » 23 »	0,5%

Изъ этой таблицы видно, что Вятская губернія, находящаяся почти въ центральномъ географическомъ положеніи относительно прочихъ, наиболѣе, однако, разнится отъ каждой изъ нихъ по своимъ чрезвычайно низкимъ цифрамъ какъ волостныхъ, такъ и сельскихъ расходовъ, но, въ особенности, послѣднихъ; наиболѣе же сходными между собой, несмотря на наибольшую разницу въ географическомъ положеніи и въ численности обществъ, оказываются, по даннымъ *Временника*, губерніи Архангельская и Костромская. Поэтому, по размѣру расходовъ, которые несутъ ревизскія души, эти двѣ губерніи займутъ 36 и 37 мѣсто, а Вятская—послѣднее, 46 мѣсто въ ряду прочихъ губерній.

Мы склонны думать, что объяснить значительную разницу въ размѣрахъ мірскихъ расходовъ въ рядомъ лежащихъ губерніяхъ, въ сосѣднихъ уѣздахъ и, въ особенности, въ волостяхъ одного и того же уѣзда нельзя ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ болѣе или менѣе добросовѣстнымъ отношеніемъ волостныхъ писарей къ дѣлу составленія статистическихъ отчетовъ; но, съ другой стороны, тотъ фактъ, что иные уѣзды и губерніи въ особенности выдаются по неполнотѣ этого рода данныхъ, наводитъ на слѣдующаго рода соображенія: насколько намъ извѣстно, бланки разсылались въ волостныя правленія губернскими статистическими комитетами черезъ посредство уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; такимъ образомъ, легко можетъ быть, что не всѣ комитеты и не всѣ присутствія одинаково горячо и внимательно отнеслись къ своей обязанности—разъяснить волостнымъ правленіямъ, въ чемъ именно заключается возложенная на нихъ задача, какъ должны быть выполнены тѣ или другіе отдѣлы ея и т. п.; далѣе, могло случиться, что въ иныхъ уѣздахъ или губерніяхъ наблюдали, чтобы представляемые правленіями бланки были заполнены по всѣмъ вопросамъ, причемъ неудовлетворительныя работы возвращали для надлежащаго исправленія, а въ иныхъ этого не дѣлалось. Словомъ, намъ кажется, что нравственная отвѣтственность за неудовлетворительность доставленнаго правленіями матеріала должна падать не на однихъ волостныхъ писарей, но и на мѣстныя учрежденія, въ которыя этотъ матеріалъ первоначально поступалъ.

И такъ, произведя оцѣнку достовѣрности матеріала, послужившаго основаніемъ для 13 выпуска *Временника*, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Валовые итоги волостныхъ расходовъ по волостямъ заслуживаютъ большой степени вѣроятія, ибо расходы эти выписывались писарями прямо изъ шнуровыхъ денежныхъ книгъ, и скрывать какія-либо цифры вовсе писаря не имѣли достаточныхъ основаній (о степени достовѣрности распредѣленія поволостныхъ расходовъ по отдѣльнымъ рубрикамъ будетъ сказано ниже.) Что касается сельскихъ расходовъ, то они не заслуживаютъ большаго вниманія по двумъ причинамъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ эти расходы включались хозяйственныя затраты сельскихъ обществъ, которыя значительно повышали цифру расходовъ собственно на самоуправленіе, въ другихъ же случаяхъ не были показываемы даже чисто-«административные» расходы. Расходы сельскихъ обществъ на одно жалованье сельскимъ должностнымъ лицамъ и по настоящимъ, крайне неполнымъ, даннымъ составляютъ свыше 52% волостныхъ, въ дѣйствительности же они должны быть значительно выше и, пожалуй, не ниже волостныхъ; такимъ образомъ, отсутствіе данныхъ или неполнота таковыхъ по отдѣльнымъ волостямъ и уѣздамъ должны въ значительной степени отразиться и на погубернскія данныя, сильно повышая въ однихъ случаяхъ и понижая въ другихъ количество расходовъ, падающихъ въ той или другой губерніи на ревизскую душу, на десятину земли и проч. Слѣдовательно, всѣ соображенія о величинѣ всякаго рода мірскихъ расходовъ (волостныхъ плюсъ сельскихъ) въ той или другой мѣстности, всѣ выводы о бо́льшей тяжести ихъ въ губерніяхъ южныхъ надъ губерніями малороссійскими и т. п. (*Временникъ*, стр. 14—19), построены, на нашъ взглядъ, на весьма нетвердыхъ основаніяхъ.

Переходимъ теперь къ изложенію самой сущности разсматриваемаго нами предмета.

Сумма волостныхъ расходовъ по всѣмъ 46 губерніямъ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго, прибалтійскихъ губерній, Финляндіи, козачьихъ земель и Кавказа) равняется 14.776,329 руб. Сумма сельскихъ расходовъ равняется 17.409,362 руб., въ томъ числѣ 7.741,000 составляютъ расходы на жалованье сельскимъ должностнымъ лицамъ, а остальная сумма въ 9,7 милл. руб. показана въ рубрикѣ «остальныхъ расходовъ» и, по толкованію *Временника*, безъ большихъ погрѣшностей можетъ быть отнесена къ расходамъ «хозяйственнымъ», анализу въ данную минуту не подлежащимъ. Надо замѣтить, что въ число «прочихъ расходовъ» несомнѣнно вошла часть расходовъ административныхъ (ремонтъ пожарныхъ инструментовъ, чинка мостовъ, наемъ сельской сборни и проч.), по эту часть выдѣлить нѣтъ возможности, благодаря неудачной формѣ вопросныхъ бланковъ; поэтому приходится мириться съ пріемомъ, употребленнымъ авторомъ очерка, и, присоединивъ земскіе расхо-

ды на вознагражденіе должностныхъ лицъ къ волостнымъ расходамъ, считать полученную сумму 22.517,329 руб. за какой-то неопредѣленный minimum расходовъ крестьянскаго сословія на организацію своего самоуправленія. Всѣхъ *земскихъ* расходовъ было произведено въ 1881 году до 38 милл. руб.; слѣдовательно, вышеопредѣленный minimum, за исключеніемъ расходовъ по губерніямъ, не имѣющимъ земскихъ учрежденій, составляетъ 46% земскаго расходнаго бюджета (а въ дѣйствительности гораздо бо́льшій процентъ). Въ среднемъ выводѣ по 46 губерніямъ мірскіе расходы составляютъ на ревизскую душу—1 руб. 05 коп., на наличную мужскаго пола—80 коп. и на десятину земли *)—19 коп. Земскихъ расходовъ по 34 губерніямъ, имѣющимъ земскія учрежденія, приходится на десятину 15 коп. По отдѣльнымъ губерніямъ земскіе расходы, падающіе на десятину, то въ $4^1/_2$ раза менѣе мірскихъ (С.-Петербургская губернія—36 коп. и 8 коп.), то въ $5^1/_4$ разъ болѣе (Вятская—4 коп. и 21 коп.); объясняется это обстоятельство, главнымъ образомъ, несоразмѣрностью сельскихъ расходовъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Maximum расходовъ мірскихъ на ревизскую душу приходится на Бессарабскую губернію (2 руб. 19 коп.), minimum—на Вятскую (33 коп.); колебанія получаются, такимъ образомъ, довольно значительныя (664%). Но еще значительнѣе амплитуда колебаній расходовъ, падающихъ на десятину: maximum составляетъ 54 коп. (Московск. губ.), minimum—3 коп. (Уфимская): колебанія даютъ 1800%. Десятина земли вообще *наиболѣе* обложена мірскими расходами въ губерніяхъ юго-западныхъ—36 коп. (Волынская, Кіевская и Подольская), промышленныхъ — 28 коп. (Московская, Тверская, Костромская, Ярославская, Владимірская и Калужская) и центральныхъ черноземныхъ—26 коп.; *наименѣе* обложена въ губерніяхъ юго-восточныхъ—4 коп. (Астраханская, Оренбургская и Уфимская), сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ—10 коп. Наличныя же души мужскаго пола наиболѣе обложены въ губерніяхъ южныхъ—1 руб. 12 коп. (Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская) и промышленныхъ — 1 руб. 07 коп. и наименѣе обложена въ губерніяхъ малороссійскихъ **)—38 коп. (Полтавская и Черниговская).

На этомъ и кончается во *Временникѣ* анализъ валовыхъ итоговъ по мірскимъ расходамъ въ различныхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи. Надо замѣтить, что вышеприведенная группировка губерній произведена весьма

---

*) Нигдѣ въ этомъ выпускѣ *Временника* нѣтъ свѣдѣній, какой именно земли—одной удобной или неудобной. О томъ, что рѣчь идетъ объ удобной землѣ, можно догадаться только косвенно, сличивъ эти цифры съ другими источниками.

**) Это обстоятельство, какъ намъ кажется, также зависитъ преимущественно отъ неполноты данныхъ о сельскихъ расходахъ по многимъ уѣздамъ этихъ губерній, а отчасти, вѣроятно, и отъ господствующей тамъ подворной формы землевладѣнія, при наличности которой расходовъ общественныхъ, мірскихъ, можетъ быть менѣе, чѣмъ въ селеніяхъ съ общинною формой пользованія землей.

искусственно, единственно по географическому ихъ положенію, а не по приближающимся размѣрамъ расходовъ на какую-нибудь единицу равненія. Что такого рода группировка не совсѣмъ удачна, въ этомъ случаѣ легко убѣдиться изъ слѣдующаго: въ группу сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній съ незначительнымъ среднимъ обложеніемъ десятины земли (см. выше, — 10 к.) вошли, наприм., такія губерніи, которыя имѣютъ очень мало общаго между собой относительно размѣровъ мірскихъ расходовъ; возьмемъ три изъ нихъ:

	Въ среднемъ копѣкъ.		
	На рев. душу	На наличн. д.	На десятину.
Вятская губернія . . .	33	23	4
Новгородская » . . .	86	72	12
С.-Петербург.» . . .	190	171	36

Очевидно, что *среднія* величины, выведенныя изъ столь разнородныхъ данныхъ, выражаютъ собою слишкомъ мало и цѣлой группы губерній характеризовать ни въ коемъ случаѣ не могутъ. Надо при этомъ замѣтить, что принятая въ данномъ случаѣ группировка губерній по областямъ сильно разнится отъ обычной группировки подобнаго рода, уже установленной въ одномъ изъ предшествующихъ изданій центральнымъ комитетомъ, именно въ 10 выпускѣ *Временника*, содержащемъ въ себѣ анализъ поземельной собственности Европейской Россіи. Такъ, вмѣсто 11 принятыхъ въ 10 выпускѣ областей *), въ настоящемъ трудѣ г. Охочинскаго оказывается только девять (литовская и бѣлорусская соединены въ одну подъ названіемъ «губерній западныхъ», а пріозерная, крайняя сѣверная и часть пріуральской соединены подъ названіемъ «губерній восточныхъ и сѣверныхъ»), затѣмъ встрѣчаются еще отклоненія вродѣ того, что Харьковская губернія попадаетъ въ «центральную группу», вмѣсто «малороссійской». Помимо того, что эти измѣненія въ группировкѣ губерній особенныхъ достоинствъ за собой не имѣютъ, они могутъ служить еще не маловажнымъ препятствіемъ для сравненія, наприм., размѣра средняго земельнаго надѣла въ извѣстной области (по 10 выпуску) съ размѣромъ мірскихъ расходовъ на 1 десятину земли (по даннымъ 13 выпуска). Не можемъ также не отмѣтить здѣсь того страннаго обстоятельства,—притомъ, не разъясненнаго или даже не замѣченнаго г. Охочинскимъ,—что данныя о количествѣ харьковской земли чрезвычайно противорѣчатъ другъ другу въ названныхъ выпускахъ *Временника*. Нѣтъ ни одной губерніи, гдѣ разница не достигала бы десятковъ тысячъ десятинъ — то въ ту, то въ другую сторону; по 10 выпуску въ Оренбурской губерніи значится 9,954 тыс. дес., по 13 — 5,348 тыс.; въ общемъ по 46 губерніямъ числится по первому источнику 113,444 тыс.,

*) До 12-й, прибалтійской, изслѣдованіе о мірскихъ расходахъ не касается.

а по второму — 116,677 тыс. дес., и т. п. Остается недоумѣвать, какъ могла пройти не замѣченною такая разница въ основныхъ данныхъ? Если же она была замѣчена, но почему-либо игнорирована, то не мѣшало бы объ этомъ сдѣлать соотвѣтствующее поясненіе.

Какъ сказано выше, анализъ валовыхъ данныхъ о мірскихъ расходахъ въ разсматриваемомъ нами трудѣ не поражаетъ полнотой; текстъ, занимающій 2—3 страницы, есть, собственно говоря, ничто иное, какъ пересказъ того, что уже явствуетъ изъ приложенной таблички. Только въ двухъ мѣстахъ (стр. 16 и 18) составитель очерка находитъ нужнымъ хотя бы отмѣтить причины, вліяющія на чрезвычано неравномѣрныя цифры мірскихъ расходовъ; однако, въ одномъ случаѣ онъ ограничивается лишь выраженіемъ сожалѣнія относительно невозможности опредѣленія, на основаніи имѣющихся въ комитетѣ свѣдѣній, отъ чего именно зависитъ малый размѣръ расходовъ въ иныхъ губерніяхъ: «отъ недостатка ли денежныхъ средствъ у населенія, отъ широкаго ли развитія натуральныхъ повинностей, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ»; а въ другомъ случаѣ крупные расходы въ южныхъ губерніяхъ объясняются отчасти «нахожденіемъ въ той мѣстности иностранныхъ колоній», отчасти «лучшимъ достаткомъ сельскаго населенія на югѣ Россіи». Между тѣмъ, при лучшей разработкѣ данныхъ возможно было бы выяснить: 1) дѣйствительно ли сельское и волостное управленіе обходится, въ предѣлахъ одной и той же губерніи, въ одной изъ волостей въ 1 р. 50 к. на ревизскую душу, а въ другой—въ 20 к., и 2) отъ чего зависитъ такая разница: отъ переложенія ли въ послѣдней волости натуральныхъ повинностей въ денежныя, отъ неполноты ли данныхъ, отъ включенія ли хозяйственныхъ затратъ въ расходы административные по первой волости и т. п. Намъ, не имѣющимъ ни подлиннаго матеріала подъ руками, ни подробныхъ сводныхъ таблицъ хотя бы по волостямъ о предметахъ волостныхъ и сельскихъ расходовъ, такая работа совершенно не подъ силу, и мы можемъ указать только на самые крупные пробѣлы въ разсматриваемомъ трудѣ, обходя всѣ частности, можетъ быть, очень любопытныя и поучительныя.

Начнемъ съ того, что *Временникъ* не даетъ даже итоговъ числа волостей по губерніямъ и по всей Россіи, такъ что интересующимся этимъ вопросомъ необходимо самимъ подвести итогъ даннымъ по 456 уѣздамъ 46 губерній. Оказывается, что всѣхъ волостей числилось въ 1881 году 9,404; наименьшее число волостей было въ губерніяхъ: Астраханской (41), Олонецкой (72) и Оренбургской (90), а наибольшее—въ Пермской (471), Тамбовской (329) и Самарской (303). Такая разница въ количествѣ волостей сама собою наводитъ на мысль человѣка, даже совсѣмъ незнакомаго съ административнымъ устройствомъ крестьянъ,—не очень ли разнятся волости въ разныхъ губерніяхъ по своей величинѣ, и не зависитъ ли отъ того или другаго размѣра ихъ и самый размѣръ мірскихъ

расходовъ, причитающихся на 1 душу или на 1 дес. земли? Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ случаѣ, въ маленькой волости, жалованье, получаемое сельскимъ начальствомъ, можетъ раскладываться, наприм., на тысячу единицъ, а въ другой, большой волости абсолютно равное жалованье съ первымъ раскладывается на пять тысячъ единицъ; но можетъ, наоборотъ, случиться, что съ величиной волости возростаютъ равномѣрно и всѣ мірскіе расходы. Ничего этого мы не знаемъ, а вопросы эти, между тѣмъ, крайне любопытны, хотя бы для выясненія, въ какихъ волостяхъ дешевле обходится мірское самоуправленіе — въ большихъ или малыхъ, и что уменьшило бы мірскіе расходы — соединеніе малыхъ волостей въ большія или раздробленіе большихъ въ малыя? Повторяемъ, отвѣтить на всѣ эти вопросы возможно только, имѣя подлинные матеріалы въ рукахъ и группируя ихъ по тѣмъ или другимъ признакамъ; намъ же возможно лишь констатировать факты, поскольку ихъ можно выяснить изъ неполныхъ данныхъ *Временника*. И такъ, по отдѣльнымъ губерніямъ замѣчается рѣзкая разница въ числѣ волостей. Вмѣстѣ съ этимъ наблюдается и огромная разница въ численности населенія по волостямъ — не только въ разныхъ губерніяхъ, но въ предѣлахъ одного и того же уѣзда. Обстоятельство это вполнѣ понятно, ибо, кромѣ бытовыхъ условій (наприм., скученность или разбросанность населенія) данной мѣстности, на тотъ или другой составъ волостей имѣли вліяніе и распоряженія начальства, можетъ быть, часто шедшія даже въ разрѣзъ съ упомянутыми бытовыми условіями. Возвращаясь къ фактамъ и производя надлежащія вычисленія и группировки *), мы узнаемъ, что въ среднемъ по Россіи на 1 волость приходилось въ 1881 году 2,981 наличная душа мужскаго пола и 3,084 души женскаго пола, итого 6,065 душъ. Наименьшее количество душъ мужскаго пола на волость оказывается въ губерніяхъ Архангельской (1,323), Петербургской, Костромской и Олонецкой (1,820—1,863); наибольшее—въ губерніяхъ: Казанской, Бессарабской, Воронежской, Кіевской (4,590—4,854) и Подольской (5,463). Если разбить губерніи по этому признаку на три большія группы, то въ первую изъ нихъ съ количествомъ душъ ниже средняго (1,323—2,339) войдутъ всѣ сѣверныя губерніи, восточныя, Пермская и промышленныя Ярославская, Костромская и Нижегородская, составляющія одну большую площадь; далѣе, четыре по одной линіи лежащія губерніи — Витебская, Смоленская, Калужская и Тульская, да еще двѣ отдѣльно отъ прочихъ лежащія губерніи—Гродненская и Херсонская, итого 15 губ. Въ третью группу, съ количествомъ душъ выше средняго (3,476—5,463), войдутъ пять восточныхъ губерній (Вятская, Казанская, Симбирская, Уфим-

*) Замѣтимъ здѣсь, чтобы не возвращаться къ этому вопросу, что всѣ группировки губерній по тѣмъ или инымъ признакамъ и необходимыя для этихъ дѣйствій вычисленія сдѣланы лично нами. Во *Временникѣ* же имѣются только три таблицы въ алфавитномъ порядкѣ губерній.

ская, Оренбургская), большая полоса изъ 8 черноземныхъ и юго-западныхъ губерній (Воронежская, Курская, Орловская, Черниговская, Полтавская, Кіевская, Волынская и Бессарабская) и отдѣльно лежащія Таврическая и Астраханская губерніи. Остальныя губерніи, съ количествомъ душъ, близкимъ къ средней, занимаютъ большую полосу, начинающуюся съ Псковской и кончающуюся Самарскою губерніей, площадь изъ пяти западныхъ губерній и площадь изъ двухъ малороссійскихъ. Изъ приведенной здѣсь группировки какъ будто сказывается нѣкоторая связь между географическимъ положеніемъ губерній и бытовымъ ихъ характеромъ, съ одной стороны, и съ числовыми размѣрами ихъ волостей—съ другой; такова, наприм., группа сѣверныхъ губерній. Но тутъ же встрѣчаются трудно объяснимыя противорѣчія; наприм., крайнія западныя губерніи—Ковенская, Виленская, Минская и Волынская—входятъ въ среднюю группу, а съ трехъ сторонъ окруженная ими, наиболѣе западная, Гродненская губернія—въ первую группу (ниже средняго). Обращаясь далѣе къ даннымъ по отдѣльнымъ волостямъ, мы видимъ, наприм., въ Бобровскомъ уѣздѣ Бутурлинскую волость съ 13,670 душъ и тутъ же Масловскую съ 1,445 душъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ—Мазарскую волость съ 10,335 душъ и Шурминскую съ 1,754 души и т. п. Всѣ эти рѣзкія отклоненія отъ среднихъ величинъ заставляютъ насъ еще разъ выразить сожалѣніе, что во *Временникѣ* не только не сдѣлано никакой попытки выяснить, существуетъ ли связь между размѣрами волости и размѣрами волостныхъ расходовъ, но даже не упоминается объ этомъ вопросѣ, какъ будто онъ не стоитъ ни малѣйшаго вниманія.

Переходимъ къ разсмотрѣнію волостныхъ расходовъ по статьямъ. Итоги расходовъ по всѣмъ 46-ти губерніямъ распредѣлены во *Временникѣ* по слѣдующимъ рубликамъ:

1.	Жалованье должностнымъ лицамъ	6.692,927 р.
	Въ томъ числѣ: а) волостнымъ старшинамъ и ихъ помощникамъ	1.861,782 »
	б) волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ	3.293,209 »
	в) прочимъ должностнымъ лицамъ	1.537,930 »
2.	Общественныя зданія (содержаніе, ремонтъ, постройка)	1.523,828 »
3.	Канцелярскіе расходы	237,703 »
4.	Расходы на церковь	192,438 »
5.	Народное образованіе	898,503 »
6.	Народное здравіе	375,536 »
7.	Благотворительность	38,510 »
8.	Пожарная часть	128,527 »
9.	Воинская повинность	130,012 »

10. Дорожная повинность	143,123 р.
11. Этапная повинность	74,094 »
12. Наемъ квартиры для должностныхъ лицъ .	199,740 »
13. Содержаніе разъѣздныхъ лошадей . . .	3.847,132 »
14. Разсыльные	62,993 »
15. Суточныя гласнымъ и присяжнымъ. . . .	42,858 »
16. Арестантская часть.	23,655 »
17. Разные расходы	164,650 »
Итого. . .	14.776,329 р.

Первая статья, поглощающая почти половину всѣхъ расходовъ, подраздѣлена, какъ намъ кажется, не довольно дробно, да и включены въ нее такіе расходы, которые съ большимъ правомъ можно было бы отнести къ другимъ рубрикамъ. Ниже мы будемъ говорить, на основаніи данныхъ *Временника,* о жалованьи, получаемомъ старшиною и писарями; но общей суммы получаемаго ими жалованья мы не знаемъ въ точности, ибо сумма эта не отдѣлена отъ суммы жалованья, получаемаго помощниками писарей и старшинъ. Въ эту же 1-ю статью, въ пунктъ *в* включено жалованье, получаемое волостными судьями; намъ кажется, что расходы на крестьянскій *судъ* можно было бы не безъ основаній выдѣлить въ особую рубрику, подобно тому, какъ это сдѣлано г. Неручевымъ въ его работѣ по Бессарабской губерніи; замѣтимъ, впрочемъ, что и г. Неручевъ соединяетъ расходы на волостныхъ судей съ другими расходами, именно съ путевыми издержками (иначе сказать—суточными?) присяжныхъ засѣдателей, такъ что выдѣлить первые и сравнить ихъ размѣры въ разныхъ мѣстностяхъ не предоставляется возможнымъ. Наконецъ, мы не находимъ нигдѣ указанія, куда включенъ расходъ на сторожей при волостныхъ правленіяхъ, и въ правѣ поэтому заключить, что онъ вошелъ въ п. *в.* ст. 1-й, хотя бы долженъ быть отнесенъ къ ст. 2-й расходовъ; впрочемъ, можетъ быть, мы и ошибаемся, но въ этомъ не наша вина: слишкомъ скудно объясненіе къ статьямъ расхода, имѣющееся во *Временникѣ*. Говоря объ обязательныхъ и необязательныхъ расходахъ, г. Охочинскій относитъ ко вторымъ содержаніе разъѣздныхъ лошадей. Дѣленіе расходовъ на эти двѣ рубрики кажется намъ далеко не существеннымъ; но разъ рѣчь зашла о такомъ распредѣленіи расходовъ, то да позволено будетъ намъ усомниться въ правильности отчисленія расходовъ на разъѣздныхъ лошадей къ необязательнымъ расходамъ: волостное управленіе не можетъ обходиться безъ этой статьи расхода; она такъ же необходима, какъ и статья расхода на волостныхъ писарей, а тѣмъ болѣе ихъ помощниковъ; объ этихъ послѣднихъ въ *Общемъ положеніи* не упоминается, и появленіе ихъ въ волостной канцеляріи вызвано ничѣмъ инымъ, какъ огромною перепиской, лежащей на правленіяхъ. Объ статьи расхода—на наемъ помощ-

никовъ писарей и лошадей—вызваны необходимостью, самою нынѣшнею формой крестьянскаго самоуправленія, и поэтому г. Охочинскій, на нашъ взглядъ, поступилъ совершенно правильно, отнеся первую къ расходамъ обязательнымъ, и совсѣмъ неправильно, отнеся вторую къ расходамъ необязательнымъ. Вообще, въ группировкѣ расходовъ по статьямъ сказывается тоже спѣшность работы, которою отмѣченъ весь разсматриваемый нами выпускъ *Временника*. Если только сырой матеріалъ дозволялъ произвести болѣе дробную группировку, то ее слѣдовало бы непремѣнно произвести, и уже затѣмъ, для различныхъ заключеній и сравненій, можно было бы соединять нѣкоторыя мелкія статьи въ одну; но основныя цифры, абсолютныя величины по губерніямъ и уѣздамъ, должны были бы отличаться бо́льшею детальностью. Ограничимся по этому замѣчанію только однимъ примѣромъ: подъ рубрикой «разные расходы» значатся слѣдующія, мало между собой общаго имѣющія, статьи волостныхъ расходовъ: паннихиды, молебны, разныя пожертвованія, образованіе мірскихъ капиталовъ, межеваніе земель, караулы, пріобрѣтеніе общественныхъ быковъ, содержаніе случныхъ жеребцовъ, аренда земель, содержаніе почтовыхъ станцій, развозъ корреспонденціи и проч. Въ этой рубрикѣ, такимъ образомъ, соединены какъ административные, такъ и хозяйственные расходы; между тѣмъ, не далѣе какъ за нѣсколько страницъ передъ этимъ, авторъ очерка категорически указывалъ на невозможность сваливать въ одну кучу статьи такого рода, ибо расходы первой категоріи «производятся изъ сборовъ, носящихъ характеръ налоговъ, и представляются затратами безвозвратными», тогда какъ «расходы второй категоріи суть добровольныя складки... затраты коммерческія, которыя могутъ лишь способствовать развитію благосостоянія крестьянъ» *). Такъ для насъ и остается неразрѣшеннымъ вопросъ: почему относительно сельскихъ расходовъ высказано пожеланіе бо́льшей дробности статей, а относительно волостныхъ расходовъ эта самая дробность не соблюдена въ достаточной степени?

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію важнѣйшей статьи волостныхъ расходовъ—къ жалованью должностнымъ лицамъ. Сколько именно получаютъ въ общемъ старшины и сколько ихъ помощники—для насъ остается неизвѣстнымъ, ибо во *Временникѣ* соотвѣтствующихъ цифръ не имѣется; тоже самое можно сказать и о волостныхъ писаряхъ съ ихъ помощниками. Но г. Охочинскій даетъ, по крайней мѣрѣ, средніе по Россіи размѣры жалованья старшинъ и писарей: 186 руб. для первыхъ и 287 руб. для вторыхъ. Узнавъ число волостей въ Россіи (9,404), можно, такимъ образомъ, приблизительно опредѣлить, что собственно волостные старшины получаютъ 1,749 т. р., ихъ помощники—113 т. р., вол. писаря 2,699 т. р., ихъ помощники 594 т. р. И такъ, на 1 волость при-

*) *Временникъ*, стр. 12.

ходится, въ среднемъ, не болѣе 12 р. жалованья помощникамъ старшины и до 63 р. жалованья помощникамъ писаря; положивъ же, что эти лица получаютъ не менѣе 120 р. въ годъ жалованья*), мы будемъ въ правѣ заключить, что въ помощникѣ старшины нуждается не болѣе, какъ изъ *пяти* волостей одна, а въ помощникѣ писаря—изъ каждыхъ двухъ одна. Слѣдовательно, работы у волостныхъ писарей гораздо больше, чѣмъ у старшинъ, и первые нуждаются болѣе въ помощникахъ, нежели вторые. Очень жаль, что во *Временникѣ* не указано, въ какихъ именно полосахъ или губерніяхъ Россіи встрѣчается большинство помощниковъ, какъ старшинъ, такъ и писарей, и находятся ли эти два ряда цифръ въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, т.-е. увеличивается ли количество работы, лежащей на старшинахъ, соотвѣтственно съ количествомъ работы, исполняемой писарями, или нѣтъ. Если бы вѣрнымъ оказалось послѣднее предположеніе, то было бы несомнѣнно, что то или другое количество писарской работы зависитъ не всецѣло отъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, но и отъ чего-либо посторонняго, напр., отъ большаго количества канцелярскихъ отписокъ и отчетностей, обусловленныхъ требованіями разнаго рода начальственныхъ лицъ и учрежденій.

Какъ сказано выше, всѣ старшины получаютъ въ среднемъ по Россіи 186 р. жалованья въ годъ; амплитуда колебаній получаемаго ими жалованья очень велика: низшіе оклады составляютъ 9 р. (Пермск. губ.), 20 р. (Арханг. г.), 23 р. (Гродн. г.) и т. д.; высшіе же оклады 1,300 р. (Самарск. губ.), 1,200 р. (Пермск. губ.), 1,100 р. (Моск. г.) и т. д.; слѣдовательно, низшій окладъ составляетъ лишь 0,7% высшаго. Любопытно, что въ одной и той же Пермской губ. встрѣчаются какъ наиболѣе низкій, такъ и почти самый высшій оклады. Наибольшіе изъ минимальныхъ окладовъ встрѣчаются въ Петербургской **) и Моск. губ.; въ первой изъ нихъ ни одинъ изъ старшинъ не получаетъ менѣе 200 р., во второй—менѣе 170 р. Наименьшія изъ максимальныхъ вознагражденій оказываются въ губерніяхъ западныхъ: Гродненск. (maximum 150 р.), Виленск. (180 р.), Ковенской и Минской (по 225 р.).

Волостные писаря получаютъ въ среднемъ по Россіи 287 р. жалованья. Наименьшій дѣйствительный окладъ во всей Россіи—30 р.—встрѣчается въ Гродненской и Пермской губ.; далѣе слѣдуетъ Арханг. губ. съ 40 р. и Смоленск.—съ 50 р. Высшіе оклады встрѣчаются въ Пермск. губ. (2,124 р.), Воронежск. (1,400 р.), Таврич. (1,200 р.), Самарск. и Сарат. (по 1,000 р.); самый низшій окладъ составляетъ, такимъ образомъ, 1,4% самаго высшаго. Наибольшіе изъ минимальныхъ окладовъ встрѣчаются въ губ. Калужской—240 р. и Астрах.—200 р.; наименьшіе изъ максимальныхъ—по 400 р.—въ губерніяхъ Арханг., Гродн., Костр.

---

*) По этому вопросу мы не находимъ никакихъ данныхъ во *Временникѣ*.

**) Впрочемъ, по тремъ уѣздамъ этой губ. свѣдѣній не имѣется.

и Смоленской. Въ противуположность вышеприведеннымъ даннымъ о жалованьи старшинъ въ Петербургской и Московской губ., можно сказать о жалованьи писарей въ этихъ подстоличныхъ мѣстностяхъ, что оно не отличается никакими рѣзкими особенностями,—ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ низкимъ размѣромъ. Это происходитъ, очевидно, вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ: слишкомъ высокая плата привлекла бы изъ столицы, гдѣ празднаго «письменнаго люда» всегда много, конкуррентовъ, которые и понизили бы свои требованія для полученія писарскаго мѣста, а черезъ-чуръ низкая плата не удержала бы писарей на мѣстѣ: они ушли бы въ столицу искать счастья и болѣе высокаго заработка.

Если распредѣлить губерніи на три равныя группы по среднему размѣру жалованья, получаемаго старшинами этихъ губерній, то въ I группу выйдутъ 15 губ. съ жалов. отъ 220 р. до 375 р., во II—16 губерній съ жалов. 153—216 р., въ III—15 губерній съ жалов. 78—150 р. Первая группа, съ жалованьемъ выше средняго, займетъ центральную площадь Россіи въ видѣ треугольника, вершина коего лежитъ въ Яросл. губ., а углы при основаніи въ Курск. и Тамбовск. губ.; затѣмъ три губ. Поволожья (Симб., Сар. и Сам.) и три отдѣльно лежащія губ.—Бессарабск., Таврич. и Петербургскую. Третья группа, съ жалов. ниже средняго, займетъ три площади: на сѣверо-востокѣ (Арх., Волог., Вятск., Пермск. и Оренб.), на западѣ (6 западн. губ., начиная съ Витебск. и кончая Волынск.) и на югѣ (Полт., Харьк., Екатер. и Херс.). Расположивъ въ томъ же порядкѣ цифры, выражающія средній размѣръ жалованья писарямъ, и выведя среднія величины, составимъ слѣдующую табличку:

	Средн. жал. старш.		Средн. жал. пис.		Жалов. пис. въ % къ жал. старш.
По 15-ти губ. I-й гр.	276 р.	уменьш. на 55%	296 р.	уменьш. на 3%	110%
» 16-ти » II-й »	197 »		305 »		150%
» 15-ти » III-й »	125 »		287 »		230%

Такимъ образомъ, тогда какъ среднее жалованье старшинамъ даетъ въ третьей группѣ уменьшеніе на 55% сравнительно съ I группой, жалованье писарямъ почти не измѣняется по этого рода группамъ; слѣдовательно, на основаніи этого рода данныхъ можно заключить, что среднее жалованье, получаемое писарями, не только *не находится* въ зависимости и въ соотношеніи съ жалованьемъ, получаемымъ старшинами, но идетъ какъ бы въ обратномъ порядкѣ: тамъ, гдѣ старшины получаютъ абсолютно менѣе всего, писаря относительно ихъ получаютъ болѣе всего. Въ этомъ легко убѣдиться, составивъ картограмму относительно средн. жалованья, получаемаго писарями: мы увидимъ, что, въ противуположность данныхъ о жалованьи вол. старшинамъ, *высшіе* писарскіе оклады приходятся на группу 6-ти вост. и юго-восточныхъ губ. (за исключ. Оренб. губ.) и на группу 6-ти бѣлорусск. и юго-западн. губерній, т.-е. имен-

но тамъ, гдѣ преобладаютъ *низшіе* оклады вол. старшинъ. Если сравнивать каждую изъ губерній въ отдѣльности, легко убѣдиться, что совпаденія окладовъ по группамъ даютъ только 12 губерній, именно:

Совпадаютъ и у старшинъ, и у писарей въ губерніяхъ:

Низшіе оклады.	Средніе оклады.	Высшіе оклады.
Вологодской	Олонецкой	Самарской
Полтавской	Новгородской	Воронежской
Харьковской	Пензенской	Таврической
Херсонской		Бессарабской,
Гродненской		

тогда какъ по всѣмъ прочимъ 35-ти губерніямъ не замѣчается совпаденій подобнаго рода, а по восьми губерніямъ изъ числа этихъ послѣднихъ оказывается даже, что тамъ, гдѣ старшины получаютъ *самые* низшіе оклады жалованья, писаря получаютъ *самые* высшіе, и наоборотъ. Эти губерніи суть слѣдующія:

Минимальное—писаря, Максимальное—старшины:	Максимальное—писаря, Минимальное—старшины:
Владимірская	Пермская
Ярославская	Вятская
Калужская	Минская
Тульская	Волынская.

Первыя четыре губерніи принадлежатъ къ подмосковной области, гдѣ волостные старшины находятся почти въ такихъ же условіяхъ, какъ въ Петерб. и въ Моск. губ. (см. выше); относительно же причинъ низкаго уровня писарскаго жалованья какъ въ этихъ, такъ и въ др. 4-хъ губерніяхъ будетъ сказано ниже. Что касается минимальнаго жалованья старшинамъ въ губерніяхъ, составляющихъ 2-й столбецъ, то причины этого достаточно объясняются дальностью этихъ мѣстностей отъ торгово-промышленныхъ центровъ.

Не наша вина, что мы не можемъ доказать еще яснѣе того, чѣмъ это мы попытались сдѣлать, слѣдующее положеніе: тамъ, *гдѣ старшины получаютъ небольшое жалованье, писаря получаютъ и сравнительно, и абсолютно большое.* Мы объясняемъ это обстоятельство тѣмъ, что въ сферѣ волостнаго управленія начинаетъ все болѣе и болѣе чувствоваться потребность въ развитомъ человѣкѣ; жалованье же такому человѣку должно быть настолько достаточное, чтобы онъ не впадалъ хотя бы въ искушеніе пополнять прорѣхи въ своемъ бюджетѣ изъ неблаговидныхъ источниковъ. Если такимъ человѣкомъ,—дѣльнымъ, знающимъ «ходы» въ городѣ, могущимъ дать крестьянину хорошій совѣтъ въ случаѣ нужды и бѣды, — оказывается старшина, то ему кладется хорошее жалованье, а на должность писаря крестьянство смотритъ въ этихъ случаяхъ, какъ на второстепенную, и кладетъ жалованье писарю меньшее, чѣмъ «защитнику и радѣтелю волости» — старшинѣ. Если же въ волости не

оказывается популярнаго, грамотнаго и бывалаго человѣка на должность старшины, то крестьянство ищетъ себѣ толкователя законовъ и ходатая по ихъ дѣламъ уже на сторонѣ, а для привлеченія его на должность писаря кладетъ ему жалованье, превышающее старшинское; волостной старшина въ такихъ волостяхъ является лицомъ уже какъ бы второстепеннымъ, а первостепеннымъ—писарь *). Надо, однако, замѣтить, что на размѣръ жалованья, получаемаго писарями, вліяетъ еще одинъ факторъ, о которомъ мы и будемъ сейчасъ говорить.

Можно предположить безошибочно и a priori, что при всѣхъ равныхъ прочихъ условіяхъ (народный бытъ, число сельскихъ обществъ, требованія, исходящія отъ начальства, и проч.), количество работы, лежащей на канцеляріи волостнаго правленія, возростаетъ болѣе или менѣе пропорціонально количеству населенія волостей. Таковы, напримѣръ, работы по страхованію строеній отъ огня, по выдачѣ паспортовъ, сбору податей, по составленію списковъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности и проч. Зданіе правленія какой-нибудь Бутурлиновской волости (Ворон. губ.), въ коей числится свыше 27 тысячъ жителей, должно кишмя кишѣть народомъ, имѣющимъ дѣло до волости; губернскій или даже уѣздный городъ съ такимъ количествомъ жителей имѣлъ бы совершенно отдѣльныя другъ отъ друга и самостоятельныя учрежденія. Здѣсь, въ Бутурлиновкѣ, все это совмѣщается въ одномъ зданіи—въ волостномъ правленіи, и большинство функцій этихъ учрежденій выполняется писаремъ или всецѣло, или хотя другими лицами (старшиной, волостными судьями), но при непремѣнномъ участіи того же писаря. Немудрено, что такой работникъ получаетъ и жалованье, соразмѣрное количеству выполняемой имъ работы (если не ошибаемся, высшее для Воронежской губерніи жалованье—1,400 руб.—положено писарю именно Бутурлиновской волости); немудрено также, что у такого писаря оказывается 6 человѣкъ помощниковъ. Что касается волостныхъ старшинъ, то количество обязанностей ихъ не возростаетъ въ такой степени, какъ это мы сейчасъ видѣли относительно писарей, при увеличеніи размѣровъ волости, ибо у старшины имѣются всегда подъ руками помощники, на которыхъ онъ и можетъ взвалить часть своихъ обязанностей: таковы сельскіе старосты, помощники старшины, сотскіе и проч. Эти соображенія навели насъ на мысль провѣрить, хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ, въ какомъ отношеніи находятся среднія оклады писарей и старшинъ къ средней численности населенія въ во-

*) Понятно, что мы говоримъ здѣсь о волостяхъ „въ абстрактѣ“, если можно такъ выразиться. Въ каждой данной волости могутъ быть различнѣйшіе факторы, вліяющіе на назначеніе того или другаго размѣра жалованья волостнымъ должностнымъ лицамъ; такъ, не мало было говорено о вліяніи уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій въ дѣлѣ найма волостныхъ писарей. Но фактъ остается фактомъ, что сходы зачастую прибавляютъ жалованья излюбленному имъ писарю или старшинѣ и убавляетъ неизлюбленному.

лости. Сравнивъ данныя этого рода, посредствомъ подраздѣленія губерній на три группы по числу наличн. душъ мужскаго пола въ среднемъ на одну волость, соотвѣтственно съ группами губерній по размѣрамъ окладовъ старшинъ и писарей, мы нашли слѣдующее: въ *девяти* губерніяхъ (изъ 15) съ количествомъ населенія выше средняго—и жалованье писарей выше среняго; въ *семи* губерніяхъ съ количествомъ населенія среднимъ—и жалованье писарей среднее; въ *девяти* губерніяхъ съ количествомъ населенія ниже средняго—и жаловане писарю ниже средняго; итого получилось совпаденій по 25 губерніямъ изъ числа 46 губерній, т.-е. 54%. Относительно же волостныхъ старшинъ оказалось, что совпаденій подобнаго рода гораздо меньше, именно: 5 для I груп. губ., 4—для II и 6—для III, всего же 15 совпаденій изъ 46 случаевъ, т.-е. 32%.

Хотя и малочисленныя, данныя эти позволяютъ намъ, однако, сдѣлать предположеніе,—не далекое, какъ кажется, отъ истины,—что *съ увеличеніемъ численности населенія въ волости*, иначе сказать—съ увеличеніемъ размѣра волостей, *увеличивается и средній писарской окладъ*, притомъ, въ бо́льшей степени, чѣмъ окладъ жалованья старшинамъ. Слѣдовательно, только большія волости обнаруживаютъ денежныя средства, достаточныя для удовлетворенія потребностямъ человѣка мало-мальски образованнаго, гнушающагося побочныхъ доходовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желающаго жить не въ крайной бѣдности, но имѣть возможность покупать книги, давать образованіе своимъ дѣтямъ, пользоваться здоровымъ помѣщеніемъ и проч. Окладъ жалованья въ 30, даже въ 300 руб. въ годъ такого человѣка удовлетворить не можетъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что жалованье въ 600—900 и выше рублей привлекло бы изъ городовъ многихъ желательныхъ для деревни лицъ, еслибъ только эти лица не встрѣчали на пути своемъ препятствій совершенно иного характера, нежели матеріальные разсчеты. И если бы предстоялъ выборъ между необходимостью увеличить существующіе размѣры волостей, сокративъ число этихъ послѣднихъ, или уменьшить размѣры, увеличивъ число, то всякій, хорошо знающій бытъ деревни, стоялъ бы за реформу перваго рода, ибо съ увеличеніемъ размѣровъ волости можетъ быть и увеличено жалованье должностнымъ лицамъ волостнаго правленія безъ особаго отягощенія населенія платежами; а съ увеличеніемъ окладовъ жалованья въ волостныхъ правленіяхъ появились бы болѣе образованныя и развитыя лица, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Нужно, однако, замѣтить, что данныя о жалованьи писарямъ и старшинамъ, бывшія въ нашемъ распоряженіи, вѣроятно, не совсѣмъ точны. Дѣло въ томъ, что многіе изъ писарей получаютъ извѣстный окладъ съ обязательствомъ нанимать уже отъ себя помощниковъ (одного, двухъ), или пріобрѣтать для канцеляріи правленія всѣ нужныя канцелярскія принадлежности,—иногда же оба эти условія существуютъ рядомъ; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ волостяхъ писаря пользуются квартирой съ отоп-

леніемъ, въ нѣкоторыхъ—нѣтъ. Что эти обстоятельства не приняты были во вниманіе при разработкѣ во *Временникѣ* данныхъ о мірскихъ расходахъ, доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что нигдѣ о нихъ не упоминается на страницахъ этой книги, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ сводной таблицѣ *по нѣсколькимъ губерніямъ*, въ цѣломъ ихъ составѣ, *расходовъ на канцелярскія принадлежности не показано вовсе*; таковы губерніи: Гродненская, Ковенская, Костромская, Новгородская, Таврическая, Уфимская и Херсонская. А сколько по другимъ губерніямъ такихъ волостей съ полнымъ, будто бы, отсутствіемъ этихъ необходимыхъ принадлежностей каждой волости, и приблизительно сказать нельзя по даннымъ *Временника*. Мы можемъ только иллюстрировать эту новую погрѣшность *Временника* слѣдующими сопоставленіями: по семи губерніямъ, какъ сказано выше, канцелярскихъ принадлежностей, будто бы, вовсе не пріобрѣтается для волостныхъ правленій; по всей Россіи, въ среднемъ, ихъ пріобрѣтается на 25 руб. для каждаго правленія; въ Минской губерніи—уже на 130 р., а въ частности въ Слуцкомъ уѣздѣ той же губерніи—на 187 руб. для каждой волости. Эта послѣдняя цифра кажется намъ настолько несоразмѣрно-великою, насколько цифра по всей Россіи—несоразмѣрно-малою. Въ чемъ именно кроется причина такихъ значительныхъ отклоненій (отъ 0 до 187 р.), мы въ настоящее время судить не можемъ. Относительно обязательнаго найма писарями себѣ помощниковъ изъ своего оклада жалованья и вліянія, оказываемаго на размѣръ оклада ихъ жалованья имѣніемъ или неимѣніемъ готовой квартиры,—мы не располагаемъ никакими данными и только указываемъ на эти факты, какъ на несомнѣнно существующіе, но, тѣмъ не менѣе, игнорируемые *Временникомъ*.

Далѣе, намъ достовѣрно извѣстно, что во многихъ волостяхъ старшины получаютъ увеличенный окладъ жалованья, лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобъ они ѣздили по дѣламъ службы въ предѣлахъ волости (а иногда и за предѣлы, напримѣръ, въ уѣздный городъ) на своихъ лошадяхъ; въ этихъ случаяхъ для разъѣздовъ прочихъ должностныхъ лицъ нанимается волостью меньшее количество лошадей, чѣмъ было бы нанято, еслибъ и старшина пользовался волостными лошадьми. Такимъ образомъ, расходъ на жалованье волостному старшинѣ данной волости увеличивается, а расходъ на разъѣздныхъ лошадей уменьшается, хотя, въ сущности, расходы волости отъ этой перетасовки статей бюджета не измѣняются. Чтобъ узнать истинный окладъ жалованья старшины, слѣдовало бы въ такихъ случаяхъ вычитать изъ получаемой имъ суммы стоимость его разъѣздовъ. Объ этомъ искусственномъ увеличеніи жалованья старшинамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи *Временникъ* также умалчиваетъ вовсе, и мы въ правѣ, поэтому, заключить, что *оклады жалованья старшинамъ и писарямъ должны быть въ дѣйствительности менѣе, чѣмъ они опредѣлены во «Временни-*

къ». Но надо при этомъ принять также во вниманіе, что должностныя лица волости, кромѣ *оклада* жалованья, пользуются еще другими узаконенными доходами: такъ, они имѣютъ право взимать (согласно *Общ. положж.*) по 5 коп. съ каждаго лица, совершающаго договоръ въ правленіи, со внесеніемъ условій договора въ особую шнуровую книгу; во многихъ волостяхъ писаря и старшины уполномочены волостными сходами на взиманіе въ свою пользу съ каждаго выдаваемаго ими паспорта или свидѣтельства на проживаніе по нѣсколько копѣекъ: напримѣръ, съ годоваго паспорта 7 коп., съ полугодоваго 5 коп., со свидѣтельствъ на простой бумагѣ по 15 коп. *) и т. п. Всѣ эти доходы должны увеличивать на болѣе или менѣе значительный % оклады жалованья должностнымъ лицамъ. Но не только отвѣта на этотъ вопросъ, но даже намека на существованіе подобнаго рода доходовъ старшинъ и писарей мы не находимъ во *Временникѣ*; между тѣмъ, всякое сравненіе окладовъ жалованья въ той или другой мѣстности будетъ недостаточно обосновано, если при этомъ не имѣется отвѣта на вопросъ, насколько эти размѣры окладовъ зависятъ отъ наличности постороннихъ, но узаконенныхъ волостными приговорами, источниковъ дохода старшинъ и писарей.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію расходовъ на содержаніе разъѣздныхъ лошадей. Общая сумма расходовъ по этой статьѣ составляетъ по всѣмъ 46 губерніямъ 3.847,132 руб., слѣдовательно, поглощаетъ *будто бы* 26% всѣхъ волостныхъ расходовъ. Въ дѣйствительности, какъ абсолютныя, такъ и относительныя цифры по этой статьѣ должны быть значительно болѣе, какъ это мы сейчасъ постараемся доказать.

Въ среднемъ на волость приходится расходовъ по этой статьѣ (для всей Россіи) 409 руб., но по отдѣльнымъ губерніямъ эти расходы колеблятся отъ 12 руб. на волость (Архангел. губ.) до 1,210 руб. (Астрах. губ.); въ предѣлахъ одной губ., по уѣздамъ, колебанія эти составляютъ, напримѣръ, для Елатомск. уѣзда, Тамбовской губ., 245 руб. (24% для всѣхъ расходовъ), а для Козловск. уѣзда—1,150 руб. (43%). Отсюда уже видно, какой огромный % волостныхъ расходовъ должна поглощать эта статья въ иныхъ мѣстностяхъ и какой ничтожный въ другихъ. Именно, вслѣдствіе того, что этотъ расходъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ относится на волостной счетъ, въ другихъ—на счетъ сельскихъ обществъ, въ третьихъ—онъ отбывается натурой, и происходятъ огромныя неточности при вычисленіи относительныхъ размѣровъ разныхъ статей расходовъ въ процентахъ. Не существовать вовсе этотъ расходъ не можетъ: должностныя лица волости и другихъ учрежденій обязаны по роду своей службы разъѣзжать по подвѣдомственнымъ имъ селеніямъ; при этомъ расходъ на разъѣзды чрезвычайно великъ какъ абсолютно, такъ и отно-

*) Эти цифры взяты изъ *Сборника статист. свѣд.* по Сычевскому уѣзду, Смоленской губ.

сительно (въ Бессарабск. губ.—48 коп. на ревизск. душу, 44,6% всѣхъ волостныхъ расходовъ); и чтобы придать всѣмъ вычисленіямъ объ относительныхъ размѣрахъ прочихъ статей расхода какое-нибудь существенное значеніе, слѣдовало бы привести всѣ виды расхода на разъѣздныхъ лошадей къ одному, такъ сказать, знаменателю. Чтобы доказать, насколько вліяетъ производство расходовъ этого рода въ однѣхъ мѣстностяхъ на волостной счетъ, а въ другихъ—на сельскій, приведемъ слѣдующую табличку:

ГУБЕРНІИ.	Включая расходы на разъѣздн. лош. въ волостные расходы.						Выключая этотъ расходъ.					
	Общая сумма вол. расход. въ рублях.	Въ % %. Жалованье должн. лицамъ.	Народн. образ.	Народн. здрав.	Прочіе расходы.	На 1 нал. душу волостныхъ расходовъ въ %% к. Бессар. губ.	Общая сумма вол. расход. въ рублях.	Жалованье долж. лицамъ.	Народн. образ.	Народн. здрав.	Прочіе расходы.	На 1 нал. душ. волостныхъ расходовъ въ %% к. Бессар. губ.
Бессарабск.	373 т.	30,5	12,0	1,3	56,2	100%	216 т.	52,6	20,6	2,3	24,5	100%
Курская . .	376 т.	41,9	2,5	1,9	53,7	56%	222 т.	70,1	4,2	3,2	21,6	55%
Могилевск..	294 т.	42,1	15,0	13,8	29,1	89%	262 т.	47,8	17,0	15,3	19,7	134%
С.-Петербур.	268 т.	53,3	8,1	6,2	32,4	160%	262 т.	54,4	8,3	6,4	30,9	266%

Эта таблица настолько ясна, что много говорить о ней не приходится. Дѣйствительно, тогда какъ казалось, что въ Могилевской губ. наличная душа несетъ меньше волостныхъ расходовъ, чѣмъ въ Бессарабской, на 11%, оказывается, что она ихъ несетъ больше на 34%, если исключить разъѣздную повинность, которая въ Бессарабіи отнесена, вѣроятно, всецѣло на волостной счетъ, а въ Могилевской губ.—на сельскій счетъ; въ Петербургской губ., вмѣсто 60%, превышенія надъ Бессарабской получается уже 166%. Далѣе, казалось бы, что въ Петербургской губ. относительный расходъ на народное образованіе *) превышаетъ таковой въ Курской губ. въ 3,2 раза, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы находимъ превышеніе только въ 2 раза. Точно также могилевцы, которые казались, первоначально, чрезвычайно пекущимися о народномъ здравіи и затрачивающими на эту статью относительно въ 7,3 раза болѣе, чѣмъ безпечные куряне, на самомъ дѣлѣ превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи лишь въ 4,8 раза.

И такъ, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что всѣ данныя, приведенныя во *Временникѣ*, о процентныхъ отношеніяхъ той или другой статьи расхода къ валовымъ итогамъ по волостямъ, далеко не характеризуютъ настоящаго положенія вещей. Возьмемъ, напримѣръ, изъ той же таб-

*) Замѣтимъ, что мы не придаемъ значенія относительнымъ величинамъ расходовъ по народному здравію и образованію и что эти рубрики выбраны нами только для наглядности сравненія, такъ какъ онѣ даютъ бо́льшія %-ныя колебанія по губерніямъ, нежели другія статьи.

лички Курскую и Петербургскую губ.: по даннымъ *Временика* оказалось бы, что расходы на старшинъ и писарей превышаютъ въ Петербургск. губ. соотвѣтственные расходы въ Курской—въ 1,3 раза, а на дѣлѣ оказывается какъ разъ наоборотъ, именно, что расходы въ Курской губ. превышаютъ таковые въ Петербургской въ 1,3 раза. Но и на этомъ заключеніи своемъ мы отнюдь не могли бы настаивать. Дѣло въ томъ, что мы признаемъ волостные расходы по всѣмъ статьямъ, за исключеніемъ жалованья должностнымъ лицамъ, содержанія, ремонта и постройки зданій волостнаго правленія (но *не* училищъ, больницъ, хлѣбныхъ магазиновъ и проч.), канцелярскихъ волостныхъ расходовъ да нѣкоторыхъ предметовъ изъ рубрики «разные расходы» (паннихиды, молебны, суточныя гласнымъ, пожертвованія и проч.), не подлежащими анализу отдѣльно отъ сельскихъ мірскихъ расходовъ, ибо и на школы, и на больницы, и на отбываніе разныхъ повинностей, этапной, дорожной и проч., расходуются въ одной волости и мѣстности волостныя суммы, въ другой—сельскія, въ третьей—разныя повинности отбываются натурой. Это зависитъ отъ многихъ причинъ: экономическій бытъ населенія, топографическій характеръ мѣстности, распоряженія высшаго начальства, а, главное, укоренившаяся *привычка населенія* выполнять тѣмъ или другимъ путемъ лежащія на немъ повинности,—все это и обусловливаетъ тѣ мало понятные для насъ факты, почему, напримѣръ, въ Житомірскомъ уѣздѣ на этапную повинность затрачивается 1,592 р., а въ Луцкомъ уѣздѣ, той же губерніи, ни рубля, въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи,—4,534 руб., а въ сосѣднемъ Черкасскомъ уѣздѣ—опять ни рубля. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы отказываемся производить какой бы то ни былъ анализъ данныхъ о *волостныхъ* расходахъ по всѣмъ прочимъ статьямъ, о которыхъ мы еще не говорили ни слова *), а произвести анализъ вообще *мірскихъ* расходовъ, т.-е. волостныхъ *плюсъ* сельскихъ, мы, несмотря на все свое желаніе, не можемъ, ибо помѣщенныя во *Временникѣ* свѣдѣнія о *сельскихъ* расходахъ не могутъ быть подвергнуты анализу, во-первыхъ, благодаря неудачной группировкѣ ихъ, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе ихъ неполноты и неточности, о чемъ уже было говорено нами выше. Но однѣ голыя, хотя бы и достовѣрныя, цифры о сельскихъ денежныхъ расходахъ не вполнѣ удовлетворили бы насъ: для цѣльности

*) Приводимъ, для примѣра, %, поглощаемый „разъѣздными“ лошадьми изъ вол. бюджета разныхъ губерній:

Астраханская	44,6	Казанская	37,0
Харьковская	42,8	Тамбовская	32,9
Бессарабская	42,2	Вятская	5,5
Виленская	42,2	С.-Петербургская	2,5
Волынская	42,8	Московская	4,8
Олонецкая	42,5	Тульская	6,2
Воронежская	38,1	Архангельская	1,3

и т. д.

картины сравнительной обремененности населенія разными расходами, которые считаются сословно-крестьянскими, тогда какъ многіе изъ нихъ имѣютъ обще-земское или даже обще-государственное значеніе; затѣмъ, для сопоставленія разныхъ расходовъ по статьямъ, слѣдовало бы непремѣнно имѣть данныя о размѣрѣ и качествѣ *натуральныхъ* повинностей, лежащихъ на населеніи въ настоящее время и по его доброй волѣ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, не переведенныхъ еще въ денежныя. На этомъ же основаніи мы не приводимъ здѣсь въ подробности данныхъ по Таврической и Бессарабской губерніямъ, разработанныхъ гг. Григорьевымъ и Неручевымъ. Эти почтенные авторы замѣтокъ о мірскихъ расходахъ избѣгли большинства промаховъ, допущенныхъ во *Временникѣ*; однако, оперируя съ цифрами, не лично ими собранными, они могли дать также неполныя лишь картины по предметамъ ихъ изслѣдованія: въ обоихъ этихъ трудахъ отсутствуютъ данныя о повинностяхъ, отбываемыхъ натурой, мало разработанъ важный вопросъ о разъѣздныхъ лошадяхъ и проч. Несомнѣнною заслугой упомянутыхъ авторовъ является, однако, то обстоятельство, что они постоянно разсматривали предметы расходовъ въ совокупности, какъ по волостной, такъ и по сельскимъ кассамъ, признавая, что никакого существеннаго значенія не имѣетъ различіе, внесенъ ли рубль на лечебницу изъ волостной, или изъ сельской кассы, разъ и въ ту, и въ другую рубли стекаются изъ одного и того же крестьянскаго кармана. Сравнимъ, однако, данныя по Бессарабской губерніи, разработанныя г. Неручевымъ и относящіяся къ тому же 1881 г., къ коему относятся и данныя *Временника*; къ сожалѣнію, сдѣлать такое сравненіе и по Таврической губерніи мы не считаемъ себя въ правѣ, ибо цифры расходовъ, которыми пользовался г. В. Григорьевъ (*Экономическій Журналъ* 1886 г., № 3), относятся къ болѣе раннему времени, именно къ 1878 году, а за трехлѣтній промежутокъ времени отношеніе между статьями расхода могло значительно измѣниться. Мы сгруппируемъ данныя по общимъ источникамъ въ слѣдующей небольшой табличкѣ:

	Волост. расходъ *).	Сельскій расходъ.	Администрація.	Церковь и духов.	Народн. образов.	Народн. здравіе.	Почта и разъѣзды.	Воинск. повин.	Дорожн. повин.	Этапная повин.	Прочіе расходы.
			Только волостн. расх. въ %%%								
По даннымъ *Временника*	373,3 т. р.	831,2 т. р.	38,0	0,6	12,0	1,3	42,2	0,2	0,2	2,3	3,2
„ „ г. Неручева	376,6 т. р.	831,4 т. р.	36,1	11,9	12,9	0,3	19,3	0,6	0,9	0,9	16,4
			Волостн.+сельск. расх. въ %%%.								
Во второй строкѣ +или—по сравн. съ 1-й			—1,9	+11,3	+0,9	—0,8	—22,4	+0,4	+0,7	—1,4	+13,2

*) Г. Неручевъ называетъ эту статью „сборомъ“, хотя это, очевидно, не сборъ, а расходъ, о *сборахъ* же мірскихъ у г. Неручева не приведено данныхъ.

Оказывается, что на администрацію относительные расходы почти равны какъ по волости, такъ и по деревнямъ; на церковь тратится почти исключительно деревня, на народное образованіе — относительно поровну, на народное здравіе — болѣе волость, на разъѣзды должностныхъ лицъ вдвое болѣе волость, чѣмъ деревня, на воинскую и дорожную повинности—болѣе деревня, на этапную — волость. Отсюда видно, какую огромную перетасовку можетъ произвести въ выводахъ *Временника* привключеніе сельскихъ расходовъ къ волостнымъ. Что можетъ статься со всѣми выводами, что въ такой-то губерніи какая-нибудь этапная повинность поглощаетъ 4,3% бюджета, а въ такой-то только 1,1%?

Насколько данныя о сельскихъ расходахъ сами по себѣ интересны, видно изъ *Сборн. статистич. свѣдѣній* по Бахмутскому уѣзду, въ коемъ имѣются довольно полныя свѣдѣнія о мірскихъ сборахъ и расходахъ; къ сожалѣнію, сельскіе расходы распредѣлены въ этомъ сборникѣ по статьямъ отдѣльно отъ волостныхъ, что, какъ мы видѣли выше, не представляетъ особыхъ достоинствъ; но для настоящаго примѣра нашего эта не совсѣмъ удачная комбинація оказывается какъ нельзя болѣе кстати. И такъ, всѣхъ сельскихъ расходовъ было въ 1883 году по Бахмутскому уѣзду—62,508 р. Изъ нихъ было израсходовано на сельскую и, отчасти, на волостную и общую администрацію — 30,578 р. или около 49%; въ томъ числѣ:

На жалованье сельск. старостамъ...	1,530 р.	или	2½%
» » » писарямъ.....	6,660 »	»	11%
» » » десятскимъ...	1,829 »	»	3%
» канцелярскіе расходы.....	3,098 »	»	5%
» *сельскую* почту *)	6,391 »	»	10%
» угощенія (?!).....	1,950 »	»	3%

Слѣдующія статьи расходовъ составляютъ:

Церковь (причту, сторожамъ, молебны и ремонтъ) ...	9,964 р.	= 16%
Училища **) (жалов. учит., сторож. и учебн. пособія)..	3,609 »	= 6%
Медицинская часть ***) (фельдш., оспопр., богоуг. зав.).	794 »	= 1%
Пожарная часть.....	1,221 »	= 2%
Пособія новобранцамъ	2,316 »	= 4%

Затѣмъ слѣдуютъ хозяйственные расходы: на общественную запашку (621 р.), на общественныхъ бугаевъ и барановъ (2,250 р.), на лѣкарство для скота (158 р.), на жалованье пастуху ****) (125 р.) и т. д. Этотъ перечень статей расходовъ по одному, наудачу взятому уѣзду

*) Изъ волостныхъ суммъ тратится особо на „подводныя станціи“ семь тысячъ рублей.

**) Кромѣ того, изъ волостной кассы 613 руб.

***) Кромѣ того, изъ волостной кассы 569 руб.

****) Остальные пастушьи расходы, пополняемые домохозяевами по числу принадлежащихъ имъ головъ скота, въ общую вѣдомость о сельскихъ расходахъ не вошли.

вполнѣ подтверждаетъ все сказанное нами выше о достоинствахъ свѣдѣній *Временника*. Такъ, если вѣрить этому послѣднему, то можно бы заключить, что на канцелярскіе расходы своего управленія Бахмутскій уѣздъ не тратится вовсе (*Врем.*, стр. 242); между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что волостныхъ канцелярскихъ расходовъ по уѣзду производится на 2,097 р., да сельскія общества расходуютъ на этотъ предметъ 3,098 р. Далѣе, расходы на разъѣздныхъ лошадей не ограничиваются 6,966 рублями, затрачиваемыми волостными правленіями, но поглощаютъ еще такую же почти сумму изъ бюджета сельскихъ кассъ. Сельскіе писаря, какъ оказывается, получаютъ въ общей сложности почти столько, сколько волостные писаря (первые — 6,660 р., вторые — 7,865 р.); изъ этихъ послѣднихъ одинъ, кромѣ жалованья въ 200 руб., получаетъ еще натурой 12 четв. хлѣба. Словомъ, мы считаемъ достаточно доказаннымъ наше мнѣніе, что анализъ однихъ волостныхъ расходовъ, безъ привключенія сельскихъ, не даетъ сколько-нибудь вѣрнаго представленія о томъ, какія статьи поглощаютъ болѣе значительную, какія—менѣе значительную часть мірскихъ суммъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки считаемъ нужнымъ еще разъ выразить искреннѣйшее сожалѣніе о томъ, что такая огромная работа, каково собираніе свѣдѣній по 46 губерніямъ о мірскихъ расходахъ, была предпринята слишкомъ спѣшно, вслѣдствіе чего получился неудовлетворительный матеріалъ, который, къ тому же, подвергся разработкѣ далеко не полной. Въ самомъ дѣлѣ, не жаль ли, что десятки тысячъ людей затратили въ общей сложности нѣсколько милліоновъ рабочихъ часовъ, чтобы по неудачно составленнымъ бланкамъ доставить неполный матеріалъ; что десятки тысячъ рублей употреблены, въ концѣ-концовъ, только на составленіе книги, которою можно пользоваться лишь съ массой оговорокъ и предосторожностей. Различныя учрежденія, входящія съ запросами въ волостныя правленія, дѣлаютъ, на нашъ взглядъ, непоправимыя ошибки, составляя формы для разныхъ вѣдомостей не съ должною тщательностью и осмотрительностью; ни одинъ земскій статистикъ, знающій хорошо умственный уровень писарей, не станетъ редактировать вопросовъ въ посылаемыхъ имъ бланкахъ такимъ способомъ, какимъ нерѣдко выполнены вопросные бланки, наприм., центральнаго комитета. Этотъ послѣдній какъ будто забываетъ иногда, что онъ имѣетъ дѣло не съ образованными, интеллигентными людьми, а съ полуграмотными писарями, нисколько не заинтересованными въ статистикѣ, относящимися къ ней, скажемъ прямо, съ ненавистью, и потому чрезвычайно далекими отъ мысли докапываться до истиннаго смысла непонятныхъ для нихъ вопросовъ комитета: они отвѣчаютъ на вопросъ такъ, какъ онъ ими понятъ съ перваго разу. Еще недавно комитетъ разослалъ во всѣ волостныя правленія два рода бланковъ: для сельскихъ обществъ и для частныхъ землевладѣній—

съ требованіемъ исполнить ихъ къ зимѣ текущаго года. Мы видѣли эти бланки и не мало удивлялись обилію заключающихся въ нихъ вопросовъ. Не то, чтобы собрать свѣдѣнія по каждому изъ владѣній, но даже чтобы *сочинить* цифры нужно затратить не менѣе 1/2 часа на бланкъ. Такъ, напр., требуются свѣдѣнія о размѣрѣ владѣнія, о распредѣленіи земли по угодьямъ, о количествѣ десятинъ подъ разнаго рода злаками, овощами и садовыми растеніями, объ орудіяхъ обработки, о системѣ полеводства, о формѣ крестьянскаго землевладѣнія, и т. д., и т. п. И какъ же составленъ этотъ бланкъ? Намъ удалось видѣть одинъ изъ выполненныхъ уже писаремъ бланковъ этого рода; отвѣты, данные этимъ писаремъ, лучше всего характеризуютъ достоинство самаго бланка. На вопросъ, какая форма землевладѣнія существуетъ въ данной мѣстности: «общинная или подворная»,—писарь отвѣтилъ, что по всей волости существуетъ *подворная* форма владѣнія (насколько мы знаемъ, такихъ волостей въ губерніи, къ которой относятся свѣдѣнія, нѣтъ); на вопросъ о «системѣ полеводства» онъ отвѣтилъ кратко: «соха, барона...» Такіе отвѣты прямо указываютъ, что вопросы были для писаря не ясны, черезъ-чуръ «по-ученому» составлены; слѣдовательно, обращаться съ запросами въ деревню надо, по возможности, избѣгая всякихъ мудреныхъ словъ вродѣ формъ и системъ.

Г. Охочинскій кончаетъ свой очеркъ о мірскихъ расходахъ слѣдующею фразой: «болѣе обстоятельное изученіе (этого предмета) станетъ возможно, когда появятся новыя подробныя свѣдѣнія о мірскихъ сборахъ и расходахъ». Мы видимъ здѣсь намекъ на то, что центральная коммиссія предполагаетъ въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ приступить къ новому сбору свѣдѣній этого рода. Будемъ же надѣяться, что эта вторичная огромная работа увѣнчается лучшимъ успѣхомъ, нежели первая; а для достиженія этого результата необходимы, во-первыхъ, самое тщательное и осмотрительное составленіе вопросныхъ бланковъ **), имѣющихъ быть разосланными въ волостныя правленія, и, во-вторыхъ, всесторонняя и широкая разработка полученнаго сыраго матеріала уже въ самомъ комитетѣ.

Н. Астыревъ.

---

*) Нашъ разсчетъ относительно числа работавшихъ надъ этимъ матеріаломъ далеко не преувеличенъ: 10 тысячъ волостныхъ писарей затратили каждый не менѣе 100 часовъ на составленіе вѣдомостей за 3 года; 100 т. сельскихъ старостъ были распрашиваемы подробно писарями о статьяхъ сельскихъ расходовъ; многіе изъ старостъ собирали для этой цѣли сельскіе сходы. А сколько гоньбы лошадей было произведено для этой „статистики“! Потомъ надо принять во вниманіе трудъ самого центральнаго комитета по разработкѣ матеріала. Нѣтъ, сказать, что эта работа стоитъ нѣсколькихъ милліоновъ рабочихъ часовъ или нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей—право, немного.

**) Отчего бы центральному комитету, выработавъ проектъ этихъ бланковъ, не обратиться хотя бы въ земскія статистическія бюро, съ просьбой разсмотрѣть проектъ и дать свое заключеніе о его достоинствѣ?

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Электричество.

Петербургская электрическая выставка. — Динамо-машины и электрическое освѣщеніе.—Распространеніе электрическаго освѣщенія. — Новые гальваническіе элементы и примѣненіе ихъ къ домашнему электрическому освѣщенію. — Аккумуляторы и ихъ примѣненіе на практикѣ.—Электрическія желѣзныя дороги.—Примѣненіе электродвигателей къ движенію легкихъ судовъ и аэростатовъ.—Передача работы посредствомъ электричества.—Гальваническій токъ въ химической промышленности. — Полученіе соды, хлороформа и іодоформа.—Выдѣленіе масла изъ молока.—Примѣненіе электричества въ красильной техникѣ, къ очищенію спирта и въ винодѣліи. — Рафинированіе сахара. — Превращеніе виноградная сахара въ кристаллическій. — Электричество въ металлургіи. — Рафинированіе мѣди, свинца и серебра.—Добываніе магнія электролизомъ. — Выплавка нѣкоторыхъ металловъ посредствомъ электричества.— Электрическое отопленіе вагоновъ и жилыхъ помѣщеній.—Телефонія.—Разныя другія примѣненія.—Два слова объ электрическихъ единицахъ. — Нѣкоторыя практическія данныя, касающіяся домашняго электрическаго освѣщенія.—Заключеніе.

Съ нѣкотораго времени въ жизни и въ техникѣ обнаружилось одно новое и чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ теченіе, можетъ быть, до сихъ поръ еще не достаточно оцѣненное, но уже обратившее на себя самое серьезное вниманіе. Мы говоримъ о томъ движеніи въ техникѣ, которое имѣетъ своею цѣлью примѣнить электричество къ самымъ разнообразнымъ потребностямъ жизни и промышленности.

Въ январѣ 1886 года въ Петербургѣ состоялась уже 3-я по счету электрическая выставка. Хотя новаго на ней собственно было очень мало, но, тѣмъ не менѣе, для публики она представляла значительный интересъ, благодаря тому, что учредители, надо отдать имъ полную справедливость, не мало постарались о томъ, чтобы наглядно, въ самой общедоступной формѣ, ознакомить посѣтителей со всѣми выдающимися явленіями въ области электричества.

Обозрѣвая выставленные предметы, можно было получить довольно вѣрное понятіе о наиболѣе интересныхъ и важныхъ изобрѣтеніяхъ по электротехникѣ.

На выставкѣ было очень много разнаго рода динамо-машинъ съ постояннымъ и перемѣннымъ токомъ, болѣе или менѣе совершенной кон-

струкціи. Между ними особаго вниманія заслуживаютъ такъ называемыя компаундъ-машины, получившія въ послѣднее время громадное распространеніе. Самое важное ихъ преимущество заключается въ томъ, что онѣ сами себя регулируютъ и, приноравливаясь къ требуемой отъ нихъ работѣ, даютъ токъ постоянный силы, независимо отъ внѣшняго сопротивленія. Достигается это двойною обмоткой электро-магнитовъ (проволока двухъ сортовъ: толстая короткая и тонкая длинная). Токъ проходитъ черезъ обѣ обмотки; но если почему-либо внѣшнее сопротивленіе увеличится, значительная часть тока пойдетъ по тонкой проволокѣ, а это неизбѣжно повлечетъ за собою увеличеніе напряженія магнитизма въ электро-магнитахъ, а, слѣдовательно, и электровозбудительной силы динамо-машины. Наоборотъ, если внѣшнее сопротивленіе незначительно, токъ идетъ, главнымъ образомъ, по толстой проволокѣ и напряженіе магнита въ электромагнитахъ уменьшается. Такимъ образомъ, электровозбудительная сила машины сама собой приноравливается сообразно съ измѣненіями внѣшняго сопротивленія. Это имѣетъ особенно важное значеніе при электрическомъ освѣщеніи, когда нерѣдко приходится выводить изъ цѣпи одну или даже нѣсколько лампъ, не измѣняя силы свѣта остальныхъ.

При обыкновенныхъ машинахъ, съ выведеніемъ изъ цѣпи одной или нѣсколькихъ лампъ и уменьшеніемъ, такимъ образомъ, сопротивленія цѣпи, сила тока тотчасъ возростаетъ, причемъ весь излишекъ тотчасъ же пойдетъ въ оставшіяся лампы, тогда какъ при системѣ Компаундъ это явленіе совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста, потому что сила тока остается постоянною, какъ бы ни измѣнялось внѣшнее сопротивленіе. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ текущемъ году построено нѣсколько динамо-машинъ колоссальныхъ размѣровъ: таковы машины Бреша, Эдиссона, могущія питать до 5,000 лампъ съ накаливаніемъ, и машина Гордона, вѣсящая 45 тоннъ и дающая токъ въ 2,000 амперовъ.

Заводъ Яблочкова и К° выставилъ, главнымъ образомъ, различныя принадлежности освѣщенія, свѣчи, фонари, лампочки съ накаливаніемъ и проч., причемъ посѣтителямъ выставки было показано, какъ изготовляются изъ растительныхъ волоконъ тѣ угольныя нити, которыя въ лампахъ съ накаливаніемъ служатъ источникомъ свѣта.

Изъ всѣхъ многоразличныхъ примѣненій электричества наиболѣе важнымъ для практической жизни въ настоящее время, безспорно, является электрическое освѣщеніе, столь побѣдоносно изгоняющее отовсюду всѣ другіе источники свѣта. Достаточно сказать, что два года тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ считалось болѣе 110,000 эдиссоновскихъ лампъ, представляющихъ собою изрядную силу въ 14,000 лошадей. И не только площади, улицы, общественныя зданія, но нерѣдко и дома освѣщаются теперь электричествомъ. Такъ, въ Нью-Йоркѣ съ 1883 г. для этого устроена компаніей Эдиссона центральная станція, снабженная динамо-машинами, работающая днемъ и ночью для освѣщенія своихъ

600 абонентовъ, требующихъ около 13,000 лампъ. Часъ горѣнія въ этомъ случаѣ обходится около 1 цента.

На практикѣ во всѣхъ случаяхъ, когда свѣтъ приходится дробить, какъ, наприм., при освѣщеніи театральныхъ залъ, жилыхъ помѣщеній и проч., употребляютъ лампочки съ накаливаніемъ различныхъ системъ; а когда требуется концентрація свѣта, когда нуженъ одинъ, но сильный источникъ свѣта, какъ это имѣетъ мѣсто при освѣщеніи улицъ, площадей, магазиновъ и проч., ставятъ лампы съ вольтовой дугой. Для парижской всемірной выставки строитель Трокадеро архитекторъ Будде проектировалъ башню вышиной въ 300 метр. На вершинѣ ея предполагается поставить колоссальный электрическій фонарь силою свѣта въ 15 милл. нормальныхъ свѣчей. Главный недостатокъ послѣдняго типа лампъ заключается въ необычайной интензивности свѣта и въ неизбѣжномъ почти мерцаніи. Излишнюю яркость отнимаютъ матовыми колпаками изъ молочнаго стекла, а для уничтоженія мерцанія служатъ разнаго рода регуляторы; но даже самые лучшіе изъ нихъ, такъ называемыя дифференціальныя лампы, не могутъ устранить совершенно это непріятное явленіе. Во избѣжаніе этого, было предложено заключать вольтову дугу въ особыя камеры изъ прессованной магнезіи, съ цѣлью по возможности устранить доступъ воздуха къ дугѣ. Охлажденія тогда не будетъ,—камера сама накаливается,—мерцаніе сдѣлается слабѣе и, кромѣ того, свѣтъ при этихъ условіяхъ получается не синеватый, какъ обыкновенно, а желтоватый, мягкій и болѣе пріятный для глазъ. Лампочки съ накаливаніемъ обыкновенно представляютъ собою стеклянный шарикъ, изъ котораго предварительно насосомъ выкаченъ воздухъ; внутри шарика проходитъ тонкая угольная нить толщиною въ обыкновенный волосъ. Силой свѣта такія лампочки бываютъ въ 1—200 свѣчей и горятъ отъ 900 до 5,000 часовъ. Надо замѣтить, что, подъ вліяніемъ очень сильныхъ токовъ, уголекъ иногда разрывается и лампа тухнетъ. Качество лампочекъ съ накаливаніемъ много зависитъ отъ того, насколько хорошо удаленъ изъ нихъ воздухъ; чѣмъ полнѣе онъ извлеченъ изъ шарика, тѣмъ ярче и лучше горитъ лампа. Въ настоящее время ихъ существуетъ очень много системъ, такъ что трудно даже сказать, какимъ нужно отдать предпочтеніе. Очень хороши новыя лампы Бюксенмейстера и Грейнера. Онѣ прочнѣе другихъ и горятъ прекраснымъ бѣлымъ свѣтомъ, почти не уступающимъ вольтовой дугѣ. Кромѣ того, лампы эти отличаются своею дешевизной: 10-ти свѣчная стóитъ 1 р. 50 к., а въ 15 до 30 свѣчей—2 р. Горятъ отъ 1 до 3,000 час. Часъ горѣнія обходится около $^1/_5$ коп.

Единственнымъ препятствіемъ для повсемѣстнаго распространенія электрическаго освѣщенія все еще служитъ его сравнительная дороговизна, и всѣ усилія техники направлены теперь къ тому, чтобы возможно удешевить полученіе электрическаго свѣта. И усилія эти не остаются безплодными. Благодаря непрерывнымъ усовершенствованіямъ въ кон-

струкціи динамо-машинъ и лампъ, а также все болѣе и болѣе усиливающемуся спросу, электрическое освѣщеніе за послѣдніе годы значительно подешевѣло; и оно, безъ сомнѣнія, въ будущемъ еще подешевѣетъ, тѣмъ болѣе, что скоро истекаетъ срокъ привилегій на разнаго рода динамо-машины и лампы. Въ Англіи уже и теперь считаютъ, что часъ горѣнія одной лампочки съ накаливаніемъ обходится не болѣе какихъ-нибудь полпенни.

Въ настоящее время главнымъ и, безъ сомнѣнія, лучшимъ источникомъ электричества являются динамо-машины, позволяющія получать непрерывный токъ какой угодно силы и на какое угодно время; но онѣ требуютъ паровой силы, спеціальнаго ухода за котломъ и паровою машиной, постояннаго и значительнаго расхода на топливо. Въ виду всего этого, пользованіе паровымъ двигателемъ для полученія электрическаго тока не всегда удобно и, все-таки, сравнительно дорого, чѣмъ единственно и тормазится пока распространеніе электрическаго освѣщенія. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ дороговизной не останавливаются, имѣя въ виду многія неоцѣненныя преимущества электрическаго освѣщенія, но, все-таки, повсемѣстно конкуррировать съ газомъ оно не можетъ пока, тѣмъ болѣе, что газовые заводы даютъ цѣнные отбросы (амміачная вода, каменноугольный деготь, газовая сѣра), значительно понижающіе стоимость главнаго продукта. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется то, повидимому, странное явленіе, что за границей, несмотря на быстрое развитіе электрическаго освѣщенія, газовое производство продолжаетъ процвѣтать, доставляя акціонернымъ компаніямъ весьма солидные барыши. Побочные продукты вполнѣ окупаютъ стоимость производства, такъ что собственно газъ получается почти даромъ.

Другое дѣло, если представляется возможность воспользоваться какою-нибудь даровою силой природы для электрическаго освѣщенія; тогда оно обойдется крайне дешево и можетъ свободно соперничать со всѣми другими родами освѣщенія, какъ это мы и видимъ за границей, гдѣ оно развивается очень быстро во всѣхъ мѣстностяхъ, представляющихъ благопріятныя условія для утилизаціи силы теченія рѣкъ или паденія водопадовъ.

Въ особенности грандіозныя предпріятія возникаютъ на этой почвѣ въ Америкѣ. Колоссальная сила Ніагарскаго водопада давно уже привлекаетъ къ себѣ умы техниковъ, замышляющихъ воспользоваться тѣми милліонами лошадиныхъ силъ, какія могутъ развить массы низвергающейся воды. Считаютъ, что Ніагарскій водопадъ съ высоты 70 аршинъ въ 1 секунду бросаетъ около 1.060,000 куб. фут. воды, которые могутъ произвести работу, равную почти 15 милл. лошад. силъ. Частью этой работы уже и теперь пользуются. Нѣсколько турбинъ и динамо-машинъ посылаютъ токъ въ расположенный недалеко отъ водопада городокъ Буффало, гдѣ на счетъ этой даровой силы питается нѣсколько тысячъ лампъ съ нака-

ливаніемъ и приводятся въ движеніе различные механическіе станки въ мастерскихъ. Предпріимчивые янки, однако, не остановились на этомъ. 65 большихъ городовъ рѣшили ввести у себя электрическое освѣщеніе, воспользовавшись для этого силою Ніагарскаго водопада. Осуществленіе такого необычайно смѣлаго проекта по предварительному исчисленію потребуетъ 10 гидравлическихъ машинъ, силою каждая въ 200,000 лошадиныхъ силъ, и обойдется около 40 милліоновъ руб. Недавно американцы задумали еще болѣе грандіозное предпріятіе — освѣтить электричествомъ Атлантическій океанъ отъ береговъ Новаго Фаундленда до береговъ Ирландіи. Черезъ каждыя 200 миль будутъ стоять суда на якоряхъ, соединенныхъ между собою проволокой.

Несмотря на относительную дороговизну электрическаго освѣщенія, оно, все-таки, распространяется съ изумительною быстротой, такъ что въ настоящее время мы видимъ его не только на площадяхъ, улицахъ, въ разнаго рода публичныхъ зданіяхъ и т. п., но также и на желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ, фабрикахъ и пароходахъ. Въ особенности послѣдніе оказываютъ видимое предпочтеніе электрическому освѣщенію, которое уже введено на 150 англійскихъ пароходахъ и на всѣхъ почти пароходахъ-отеляхъ, совершающихъ свои рейсы по великимъ озерамъ и рѣкамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а также на большихъ пароходахъ, плавающихъ между Европой и Америкой.

Точно также и французское адмиралтейство озабочено введеніемъ на военныхъ корабляхъ лампочекъ съ накаливаніемъ, а въ настоящее время ими уже снабженъ и русскій флотъ. Электричествомъ освѣщается теперь и Суэзскій каналъ, благодаря чему онъ сдѣлался доступнымъ для свободнаго плаванія судовъ даже въ ночное время.

Электрическое освѣщеніе пароходовъ, помимо полнѣйшей безопасности въ пожарномъ отношеніи (а это аргументъ особенно важный при оцѣнкѣ его достоинствъ), представляетъ еще то неоцѣненное удобство, что свѣтъ, испускаемый лампами накаливанія, подобно газовому, очень богатъ желтыми и красными лучами, очень хорошо проникающими сквозь туманную атмосферу. Такимъ образомъ, однимъ опаснымъ врагомъ для мореплавателей стало меньше, такъ какъ является возможность бороться съ страшными туманами.

Далеко не такъ успѣшно развивается электрическое освѣщеніе вагоновъ, хотя попытки этого рода не разъ были дѣлаемы за границей. Для этой цѣли, по мнѣнію англійскихъ инженеровъ, болѣе всего пригодны аккумуляторы, хотя заряженіе ихъ требуетъ, какъ извѣстно, динамо - машины. При ней имѣется или особый паровой двигатель съ отдѣльнымъ котломъ, помѣщаемый въ особомъ вагонѣ, или же паръ берется прямо изъ паровоза. Освѣщеніе при помощи аккумуляторовъ устроено уже на нѣкоторыхъ англійскихъ дорогахъ. Можно было бы, конечно, воспользоваться обыкновенными батареями, но это очень

неудобно въ томъ отношеніи, что ихъ необходимо время отъ времени (и довольно часто) заряжать. Для освѣщенія вагоновъ могутъ быть пригодны только тѣ элементы, которые работаютъ довольно долго безъ заряженія, каковъ, наприм., элементъ Хольмсъ-Бэркъ, недавно испытанный на мидланской желѣзной дорогѣ. При десяти-часовой работѣ батареи изъ 15 элементовъ достаточно для питанія девяти лампъ съ накаливаніемъ, силою свѣта каждая въ пять свѣчей. На Great-Eastern желѣзной дорогѣ устроено непосредственное электрическое освѣщеніе безъ аккумуляторовъ и безъ элементовъ.

По опытамъ, произведеннымъ на метрополитанской желѣзной дорогѣ, 1,000 лампочекъ обходятся около 11 шил. (9 руб. 50 коп.), а то же количество свѣта, даваемое газомъ, стоитъ 12—14 шил. Англичане съ успѣхомъ примѣнили электрическое освѣщеніе при постройкѣ стратегической дороги изъ Суакима въ Берберъ. Динамо-машина и локомобиль помѣщались на особой платформѣ, передвигаемой по готовой уже части пути. Освѣщеніе производилось переноснымъ фонаремъ, поднятымъ посредствомъ блока на извѣстную высоту.

Полнѣйшая пожарная безопасность, значительная яркость, отсутствіе всякой порчи воздуха,—все это побуждаетъ вводить на фабрикахъ электрическое освѣщеніе, несмотря на его относительную дороговизну. Иногда же его приходится предпочитать и по другимъ соображеніямъ. Такъ, наприм., керосинъ и газъ на пивоваренныхъ заводахъ не хороши уже тѣмъ, что оказываютъ вредное вліяніе на вкусъ и ароматъ пива.

Хотя динамо-машины являются въ настоящее время самымъ удобнымъ и выгоднымъ источникомъ электричества, но, однако, примѣненіе ихъ возможно только въ томъ случаѣ, когда приходится сразу питать большое количество лампъ, какъ это имѣетъ мѣсто при освѣщеніи улицъ, площадей, театровъ и т. п. Частнымъ же лицамъ, при освѣщеніи своихъ жилыхъ помѣщеній, динамо-машины по бо́льшей части недоступны, какъ по значительности необходимыхъ при этомъ затратъ (покупка и установка динамо-машины и пароваго или газоваго двигателя), такъ часто и по неимѣнію мѣста для установки двигателя. Само собою разумѣется, что для этой цѣли болѣе пригодны были бы гальваническіе элементы, если бы въ нихъ сдѣланы были серьезныя и существенныя усовершенствованія.

И на петербургской выставкѣ дѣйствительно мы встрѣчаемъ попытку примѣнить батареи къ освѣщенію жилыхъ помѣщеній. Такова именно батарея Степанова, которая работала на выставкѣ и обратила на себя всеобщее вниманіе. Такъ какъ домашнее электрическое освѣщеніе очень живо интересуетъ публику, то въ послѣднее время за границей очень много работаютъ надъ примѣненіемъ элементовъ къ этой именно цѣли. Изобрѣтая новые и усовершенствуя старые элементы, стремятся къ тому, чтобы устроить батарею достаточно сильную, не выдѣляющую вредныхъ

для дыханія газовъ, работа которой обходилась бы недорого и перезаряжать которую приходилось бы не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяцъ.

Нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ, но во всякомъ случаѣ дѣло настолько подвинулось впередъ, что въ ближайшемъ будущемъ, надо надѣяться, батареи будутъ даже въ состояніи конкуррировать съ динамо-машинами. Въ Америкѣ недавно образовалось цѣлое общество «The Chemical Electric Light and Power Company», главная цѣль котораго—изысканіе способовъ полученія свѣта и двигательной силы исключительно химическимъ путемъ, и результаты этихъ изысканій уже начинаютъ сказываться.

Америкѣ, какъ и всегда, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ постановки этого вопроса на чисто-реальную, практическую почву. Такъ какъ, съ одной стороны, электрическому освѣщенію при помощи батарей мы предсказываемъ блестящую будущность, а съ другой—вопросъ этотъ сильно интересуетъ публику, мы и остановимся на немъ съ нѣкоторою подробностью. Случаи электрическаго освѣщенія съ помощью батарей начали появляться уже сравнительно давно; но бо̀льшая часть ихъ вызывалась или минутною прихотью, или просто невозможностью употребить какое-либо другое освѣщеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣлое зданіе учетнаго банка въ Парижѣ стало освѣщаться лампами накаливанія, питаемыми особою батареей, помѣщенной на чердакѣ и состоящей изъ видоизмѣненныхъ элементовъ Грене (растворъ хромовой кислоты, цинкъ и уголь), причемъ жидкость медленно течетъ чрезъ всѣ элементы; но это едва ли не первый примѣръ примѣненія батарей для освѣщенія въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ.

Въ послѣднее время появилась масса разнаго рода батарей, приноровленныхъ спеціально для домашняго освѣщенія. Многія изъ нихъ оказались, однако, совершенно непригодными и, несмотря на пышныя рекламы, остались, все-таки, на шеѣ ихъ изобрѣтателей; нѣкоторыя же оказались настолько практичными, что тотчасъ же образовались компаніи для ихъ эксплуатаціи. Мы не имѣемъ возможности сдѣлать здѣсь полный обзоръ всѣхъ предложенныхъ элементовъ,—это заняло бы слишкомъ много мѣста,—и потому ограничимся только краткимъ сообщеніемъ о важнѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ изъ нихъ. Замѣтимъ, что батарей, представляющихъ что-либо вполнѣ оригинальное, появилось очень мало,—все сводится обыкновенно къ конструктивному усовершенствованію уже давно извѣстныхъ типовъ Даніэля, Бунзена и Грене, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ этихъ усовершенствованій столь существенны, что значительно подвинули впередъ дѣло домашняго освѣщенія. Въ числѣ первыхъ появилась батарея Труве: это ничто иное, какъ элементъ Грене, но съ сравнительно громадными поверхностями угля и цинка; батарея эта хотя и не отличается экономичностью, но, благодаря простотѣ конструкціи и легкости заряжанія, она до сихъ поръ преимущественно и

употреблялась для домашняго освѣщенія; такая батарея требуетъ перемѣны жидкости черезъ каждые 6 — 7 часовъ работы; часъ горѣнія одной десяти-свѣчной лампы обходится съ ней около 10 копѣекъ. Затѣмъ года три тому назадъ появился элементъ Лаланда-Шаперона, состоящій изъ чугуннаго сосуда, закрытаго сверху эбонитовою (изъ роговаго каучука) крышкой, на дно котораго насыпана мѣдная окалина, получаемая, какъ побочный продуктъ, изъ котельныхъ и плющильныхъ мастерскихъ. Это собственно черная окись мѣди. Сквозь крышку ящика пропущена латунная амальгамированная проволока, къ нижнему концу которой припаяна свернутая спиралью цинковая пластинка. Въ сосудъ наливается растворъ ѣдкаго кали (или натра) и, кромѣ того, кладется нѣсколько кусковъ щелочи въ видѣ запаса. На каждый граммъ растворяющагося въ элементѣ цинка расходуется около 3 гр. ѣдкой щелочи и 1,25 гр. окиси мѣди. Заряженіе одного элемента требуетъ $1^1/_2$ фунта окиси мѣди и около $3^1/_2$ фун. твердой ѣдкой щелочи. Когда цѣпь разомкнута, трата матеріаловъ пріостанавливается, что̀ и составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ этого элемента. Электровозбудительная сила его около 1 вольта, слѣдовательно, сила тока (при внѣшнемъ сопротивленіи, равномъ внутреннему) равно 3 амперамъ.

Хотя элементъ этотъ и отличается замѣчательнымъ постоянствомъ и можетъ работать безъ перезаряженія часовъ 15, но сложность конструкціи (требуемая герметичностью), неудобство перезаряженія, слишкомъ малая электровозбудительная сила и значительная цѣнность элемента (большіе элементы для освѣщенія продаются по 10 руб.) не говорятъ въ пользу пригодности его для домашняго освѣщенія.

Пройдя молчаніемъ множество изобрѣтенныхъ въ послѣднее время элементовъ, мы скажемъ только нѣсколько словъ о тѣхъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ нашимъ соотечественникамъ, а затѣмъ опишемъ только тѣ изъ заграничныхъ батарей, которыя, благодаря своей практичности, пріобрѣли уже право гражданства въ дѣлѣ домашняго освѣщенія и поставили этотъ вопросъ на практическую почву.

Въ свое время много шуму надѣлалъ элементъ г. Яблочкова, состоящій изъ сложенныхъ вмѣстѣ пластинокъ пористаго угля и металлическаго натрія; послѣдній разлагаетъ воду, поглощаемую изъ воздуха углемъ, вслѣдствіе чего между нимъ и металломъ образуется слой ѣдкаго натра. Однако же, элементъ этотъ далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. При очень большой электровозбудительной силѣ (около 2,5 вольтъ) онъ обладаетъ столь значительнымъ внутреннимъ сопротивленіемъ, что для питанія одной 20-ти свѣчной лампы приходится брать болѣе 300 элементовъ. При существующихъ цѣнахъ на металлическій натрій (10 фр. за килограммъ), часъ горѣнія одной такой лампы обошелся бы около 2 руб., что, конечно, исключаетъ всякую возможность практическаго примѣненія этого элемента, тѣмъ болѣе, что батарея требуетъ перезаряженія черезъ каждые сутки.

Еще болѣе толковъ возбудила батарея г. Степанова, о которой мы только что упоминали. Говорили, что она, представляя едва ли не самый простой и дешевый источникъ гальваническаго тока, окончательно рѣшила вопросъ о домашнемъ электрическомъ освѣщеніи.

При ближайшемъ ознакомленіи съ элементомъ г. Степанова оказалось, однако, что онъ не болѣе, какъ видоизмѣненный Даніэль. Послѣдній, какъ извѣстно, обладаетъ очень большимъ постоянствомъ, но его внутреннее сопротивленіе весьма значительно. Въ виду этого, г. Степановъ и задался мыслью по возможности уменьшить этотъ недостатокъ. И онъ отчасти достигъ этого, замѣнивъ пористую глиняную діафрагму растительнымъ пергаментомъ и значительно увеличивъ поверхности мѣди и цинка. Батарея составляется слѣдующимъ образомъ: цинковый листъ обвертывается пергаментомъ и на очень близкомъ отъ него разстояніи ставится мѣдная узкая и тонкая пластинка; 28 такихъ элементовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга парафинированными картонными рамками, устанавливаются въ ящикѣ съ растворомъ мѣднаго купороса. Подобная батарея стоитъ 75 руб., а часъ горѣнія одной лампочки, питаемой ею, обходится въ 9 к., тогда какъ даже при динамо-машинахъ часъ горѣнія не дороже 3—4 коп. Неудобство новаго Даніэля заключается въ малой электровозбудительной силѣ (около 1 вольта), а также и въ томъ, что онъ быстро портится и засоряется.

Немалыя надежды возлагались также на недавно появившійся элементъ г. Жукова, о которомъ очень громко и хвалебно прокричали почти всѣ русскія газеты. Но—увы!—реклама только увеличила разочарованіе. Оказалось, что г. Жуковъ изобрѣлъ вторично очень старый и давнымъ-давно всѣмъ извѣстный элементъ Вульстена. Изобрѣтательная дѣятельность г. Жукова ограничилась только замѣной мѣди углемъ. Погружая въ пористый угольный цилиндръ съ кислотою цинкъ, изобрѣтатель ошибочно полагалъ, что сгущающагося въ порахъ угля кислорода будетъ совершенно достаточно для деполяризаціи освобождающагося на этомъ полюсѣ водорода. Недавно появившійся элементъ Бахрушина—тотъ же Грене, но съ другою жидкостью. Питаемая этою батареей лампа горитъ 8 часовъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что собственно ни одна изъ русскихъ батарей не удовлетворяетъ потребностямъ практики.

Изъ заграничныхъ же элементовъ нѣкоторые заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Такъ, недавно появившійся въ Америкѣ элементъ Рене Эпуарда, главнаго электротехника «электрической мануфактурной компаніи Вудгоуза и Роусона», хотя также имѣетъ свои недостатки, но все же онъ практичнѣе другихъ и даетъ очень дешевую работу. Цинкъ и уголь погружены въ хлорную воду. Однако, хлоръ образуется не въ самомъ элементѣ, а въ особомъ сосудѣ, изъ котораго онъ впускается въ батарею посредствомъ свинцовыхъ трубокъ. Такимъ образомъ, здѣсь продукты реакціи не засариваютъ эле-

ментовъ и безполезная трата матеріаловъ значительно уменьшена, такъ какъ газъ идетъ въ батарею только во время ея работы. Батарея совершенно герметична и хлоръ поэтому не можетъ изъ нея выдѣляться. Стоимость работы элемента, очевидно, находится въ зависимости оть цѣны хлора. По разсчетамъ Эпуарда, часъ горѣнія одной 10-ти свѣчной лампы обходится при его батареѣ не дороже 2 коп. Онъ принимаетъ стоимость фунта цинка въ 2,5 пенса (10 коп.) и фунта хлора въ $3^1/_4$ пенса (13 коп.).

Не можемъ пройти молчаніемъ еще одну новую батарею. Компанія «The Chemical Electric Light and Power C° of Boston», о которой было упомянуто раньше, собирается эксплуатировать батарею Кауфлера и Гольднера, спеціально предназначаемую для домашняго электрическаго освѣщенія. Алланнъ Гарратъ на съѣздѣ американской ассоціаціи въ Балтиморѣ сообщилъ объ этой батареѣ нѣчто почти невѣроятное: по его словамъ, она можетъ работать, питая лампы съ накаливаніемъ безъ перезаряженія, 300 часовъ! Ничего подобнаго до сихъ поръ не было, и хотя Гарратъ и указалъ на осуществленную уже установку въ Бостонѣ (въ зданіи нью-йорской компаніи взаимнаго страхованія жизни), гдѣ такою батареей освѣщается подъемная машина болѣе 300 час. безъ заряженія, но мы думаемъ, однако, что и здѣсь сказался свойственный американцамъ рекламный духъ.

До какой степени за границей интересуются вопросомъ о домашнемъ электрическомъ освѣщеніи, видно изъ того, что почти каждый нумеръ электрическихъ журналовъ приноситъ съ собою нѣсколько особыхъ батарей, предназначенныхъ для этой цѣли. Въ Лондонѣ недавно, напримѣръ, образовалось особое общество съ капиталомъ въ полмилліона руб. для эксплуатаціи элемента Макэй, который самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно новаго или оригинальнаго (просто усовершенствованный элементъ Бунзена), но, тѣмъ не менѣе, привлекъ капиталы. Выше мы сказали, что новыя русскія батареи въ большинствѣ случаевъ вовсе не примѣнимы для домашняго электрическаго освѣщенія.

Между различными приспособленіями для электрическаго освѣщенія заводъ Яблочкова и К° выставилъ также коллекціи аккумуляторовъ и на выставкѣ было показано все ихъ послѣдовательное производство. Что же такое аккумуляторы и какое ихъ назначеніе?

Электрическую силу было бы желательно запасать и сохранять для того, чтобы можно было пользоваться ею всегда, вездѣ и во всякое время. Отсюда и явилась мысль накоплять силу, аккумулировать. Служащіе для этой цѣли приборы, называемые *аккумуляторами*, позволяютъ расходовать вложенный въ нихъ запасъ работы по произволу, во всякій данный моментъ. Отъ хорошаго аккумулятора требуется, чтобъ онъ при возможно маломъ вѣсѣ вмѣщалъ возможно бо́льшее количество энергіи, самопроизвольно не разряжался, отдавалъ весь вложенный въ него за-

пасъ энергіи, былъ проченъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ существующихъ аккумуляторовъ не удовлетворяетъ вполнѣ этимъ требованіямъ и въ ихъ конструкціи за послѣдніе годы не сдѣлано никакихъ сколько-нибудь значительныхъ усовершенствованій.

Лучшіе и наиболѣе употребительные изъ нихъ, все-таки, Фора и Форъ-Селонъ-Фолькмара; послѣдній на каждый килограммъ своего вѣса запасаетъ до 2.500 килограммометровъ работы. Основная идея этихъ приборовъ заключается въ томъ, что химическая энергія можетъ превращаться въ электрическій токъ и обратно. Запасаніе энергіи въ аккумуляторахъ основано на томъ, что какое-нибудь сложное тѣло сперва разлагается токомъ на составляющіе его элементы, а затѣмъ элементы эти при извѣстныхъ условіяхъ вновь соединяются, освобождая опять въ формѣ электричества всю ту энергію, какая была затрачена на разложеніе.

Первый аккумуляторъ былъ изобрѣтенъ въ 1860 году Планте. Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ состоялъ изъ двухъ свинцовыхъ, свернутыхъ спиралью, пластинъ (раздѣленныхъ каучуковыми прокладками), которыя погружались въ воду, подкисленную сѣрною кислотой. При пропусканіи черезъ такой элементъ тока, вода будетъ разлагаться на свои составныя части, причемъ кислородъ, отдѣляющійся на положительномъ полюсѣ, будетъ окислять свинецъ въ перекись свинца, а на отрицательномъ электродѣ будетъ обильно отдѣляться водородъ. Такъ какъ кислородъ въ моментъ выдѣленія его изъ соединеній обладаетъ свойствами озона, а этотъ послѣдній окисляетъ бо́льшую часть металловъ, то казалось бы, что можно замѣнить свинецъ какимъ-нибудь другимъ металломъ. Оказалось, однако, что для аккумуляторовъ необходимо брать именно свинецъ, такъ какъ только его окислы хорошо проводятъ токъ; всѣ же другія окиси — несравненно худшіе проводники электричества. Описанный выше аккумуляторъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ вторичной батареи Планте, обладаетъ, однако, многими серьезными недостатками, а именно—емкость его очень мала, т.-е. онъ вмѣщаетъ въ себѣ слишкомъ малый запасъ энергіи. Чтобы по возможности устранить этотъ недостатокъ, Форъ покрываетъ свинцовыя пластинки тѣстомъ изъ смѣси сурика, или глета, съ слабою сѣрною кислотой. Тогда при пропусканіи тока на положительномъ электродѣ, подъ вліяніемъ освобождающагося озона, будетъ образоваться перекись свинца, а на отрицательномъ сурикъ возстановляется водородомъ до металла, который получаетъ при этихъ условіяхъ губчатое строеніе и можетъ поэтому поглощать значительный объемъ газа. Заряжается аккумуляторъ обыкновенно отъ динамо-машины (или иногда отъ батареи). Хотя емкостью приборъ Фора значительно превосходитъ вторичную батарею Планте, тѣмъ не менѣе, по своей громоздкости, непрочности и ненадежности работы, особенно при неумѣломъ обращеніи, аккумуляторъ Фора представляетъ со-

бою довольно несовершенный аппаратъ для накопленія электричества и потому примѣненіе его для промышленныхъ цѣлей до сихъ поръ весьма ограничено.

Селонъ и Фолькмаръ предложили употреблять, вмѣсто свинцовыхъ пластинъ, рѣшетки, просвѣты которыхъ заполняются тѣстомъ изъ свинцоваго окисла, на катодѣ изъ глета, а на анодѣ изъ сурика. Такой аккумуляторъ работаетъ нѣсколько лучше предъидущаго, но, все-таки, и онъ обладаетъ многими важными недостатками. И такъ, говоря вообще, мы должны сказать, что до сихъ поръ не имѣемъ хорошаго, вполнѣ отвѣчающаго требованіямъ, аккумулятора, а потому вопросъ о накопленіи и запасаніи элекрической энергіи можно считать открытымъ, что представляетъ весьма серьезное препятствіе для многихъ практическихъ примѣненій электричества. Обыкновенные свинцовые аккумуляторы могутъ запасать около 4,000 килограммометровъ на 1 килогр. своего вѣса. Полезная работа ихъ не велика и они возвращаютъ, какъ показали опыты, не болѣе 60—70% вложенной въ нихъ энергіи. Кромѣ того, зарядъ малопо-малу исчезаетъ изъ аккумулятора, а потому его слѣдуетъ употреблять вскорѣ послѣ заряженія. Заводъ Яблочкова и К° въ Петербургѣ готовитъ небольшіе аккумуляторы (цѣною въ 35 руб.), которые могутъ питать въ теченіе 300 часовъ одну лампочку съ накаливаніемъ средней величины.

Кромѣ освѣщенія, аккумуляторы употребляются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется очень сильный токъ, хотя бы и на короткое время (5—6 часовъ). Такъ, въ послѣднее время ихъ съ успѣхомъ примѣнили къ движенію аэростатовъ, легкихъ судовъ и вагоновъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ настоящее время за границей существуетъ уже цѣлая сѣть электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, преимущественно городскихъ, общее протяженіе которыхъ въ Швейцаріи—20 километровъ, въ Америкѣ—14, въ Англіи—11, въ Ирландіи—10, въ Россіи—4, въ Австріи—2, Голландіи—2, Саксоніи—0,7. Кромѣ того, брюссельская электрическая дорога, идущая отъ Антверпенскаго шоссе до площади Ziedts, имѣетъ 20 километровъ. Вагонъ, приводимый въ движеніе 60 аккумуляторами Фора, заряжающимися динамо-машиной Сименса, вмѣщаетъ 40 пассажировъ и движется со скоростью 10—14 километровъ въ часъ. Вѣсъ пустаго вагона 2,700 килогр., вѣсъ пассажировъ—2,500 килогр., вѣсъ механизма—850 килогр. и, наконецъ, вѣсъ 60 аккумуляторовъ, помѣщающихся обыкновенно подъ сидѣньями, 1,500 килогр.

Открытая въ 1884 г. въ Пруссіи между городами Саксенгаузомъ и Оффенбахомъ электрическая желѣзная дорога идетъ на протяженіи 6 верстъ. Скорость—14 верстъ въ часъ, плата за проѣздъ 25 сант. (10 коп.). 4 динамо-машины Сименса получаютъ движеніе отъ паровой машины въ 250 силъ, установленной на центральной станціи.

Электрическая дорога въ Брайтонѣ имѣетъ всего 7 верстъ; вагонъ съ 30 пассажирами получаетъ движеніе отъ динами-машины Сименса, а эта, въ свою очередь, отъ газоваго двигателя Отто въ 8 лош. силъ. Токъ входитъ изъ рельсъ.

Въ Лондонѣ, Парижѣ и Брюсселѣ нѣсколько разъ производились опыты примѣненія аккумуляторовъ къ движенію уличныхъ вагоновъ и одинаково безъуспѣшно, пока, наконецъ, Рекенцаунъ, инженеръ компаніи «Electrical Power Storage Company», не приспособилъ аккумуляторы къ движенію вагоновъ. Аккумуляторы вдвигаются подъ сидѣнья на длинныхъ полосахъ съ роликами; двигатель и передача расположены подъ вагономъ и занимаютъ такъ мало мѣста, что совершенно незамѣтны для посторонняго наблюдателя.

Въ Мильвалѣ вагонъ съ полнымъ комплектомъ пассажировъ (46 чел.), вѣсящій $5^1/_2$ тонны, приводился въ движеніе аккумуляторами Рекенцауна, общій вѣсъ которыхъ не превышалъ $1^1/_4$ тонны, да двигатель съ передачей около $^1/_2$ тонны. При опытахъ въ Мильвалѣ вагонъ съ аккумуляторами ходилъ въ продолженіе 2 часовъ, послѣ чего нужно было замѣнять ихъ новыми.

Весьма большія удобства представляетъ употребленіе электродвигателей для легкихъ судовъ, каковы миноноски, катеры и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, электрическое судно движется тихо, безъ всякаго шума; нѣтъ ни дыму, ни искръ, а равно и опасности взрыва; для того, чтобы пустить его въ ходъ, нужно не много времени и т. п. Недавно въ Кронштадтѣ производились опыты подъ руководствомъ г. Тверитинова. На катерѣ была поставлена большая динамо-машина и 200 аккумуляторовъ; при средней скорости $4^1/_2$—6 узловъ судно можетъ идти непрерывно 15—20 часовъ и сдѣлать отъ 75 до 100 миль. Столь же удовлетворительные результаты получены при испытаніяхъ электрическихъ лодокъ въ Англіи и въ Америкѣ.

Капитанъ Ренаръ настойчиво продолжаетъ добиваться намѣченной цѣли, желая рѣшить основную задачу воздухоплаванія. Говорятъ, новый электродвигатель, заказанный имъ Грамму, не оставляетъ желать ничего лучшаго, а, кромѣ того, Ренаръ существенно улучшилъ также свою батарею, вслѣдствіе чего время дѣйствія ея значительно увеличилось.

Мы сказали, что аккумуляторы весьма пригодны для движенія легкихъ судовъ, аэростатовъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ при нихъ необходимъ электродвигатель, какъ называется обыкновенно спеціально приспособленная для этой цѣли динамо-машина. Собственно и всякая динамо-машина можетъ служить электродвигателемъ, если въ нее пустить токъ отъ другой динамо-машины, отъ аккумулятора или отъ баттареи; но для того, чтобъ она давала возможно-большую полезную работу, она должна быть спеціально для этого построена. На петербургской электрической выставкѣ нашъ соотечественникъ г. Глуховъ выставилъ своего

изобрѣтенія электродвигатель, превосходящій, по его словамъ, всѣ доселѣ существующіе.

Самое серьезное и важное примѣненіе электродвигателя, это—передача работы на разстояніе посредствомъ тока.

Вопросъ о передачѣ механической работы посредствомъ электричества можно уже считать до нѣкоторой степени рѣшеннымъ, благодаря обширнымъ опытамъ, произведеннымъ въ 1881 г. въ Мюнхенѣ, Гренобле, на Сѣверной станціи и въ Крелѣ. Идея вполнѣ осуществима и примѣненіе ея на практикѣ дало уже весьма важные разультаты. Вопросъ теоретически былъ рѣшенъ впервые Марселемъ Депре, который далъ цѣлую теорію передачи работы посредствомъ электричества. Весьма важное слѣдствіе этой теоріи заключается въ томъ, что полезное дѣйствіе не зависитъ отъ разстоянія, силу можно передавать какъ угодно далеко, потеря въ ней можетъ оставаться постоянною. Все зависитъ отъ толщины проводовъ. Возможность пользоваться даровыми силами природы (вѣтромъ, силою теченія воды, водопадами) для промышленныхъ цѣлей представляетъ слишкомъ много заманчиваго. Въ самомъ дѣлѣ, если ихъ можно будетъ передавать въ города, въ центры промышленной жизни, то ихъ можно будетъ утилизировать не только для освѣщенія, но и для механической работы.

Весь вопросъ сводится къ возможности дешево передавать даровую силу изъ мѣста ея нахожденія къ мѣстамъ примѣненія, гдѣ уже ее можно преобразовать въ какой угодно видъ энергіи. Практическое значеніе вопросъ получитъ только тогда, когда полученная этимъ путемъ сила паровой лошади обойдется дешевле, чѣмъ та же сила отъ паровой машины, поставленной на мѣстѣ. Стоимость передачи зависитъ отъ мѣстныхъ условій, и въ этомъ смыслѣ мы не можемъ привести никакихъ общихъ данныхъ.

Но вполнѣ очевидно, что передача даровой силы на очень далекія разстоянія обойдется слишкомъ дорого и потому будетъ совершенно невыгодна. Есть извѣстное предѣльное разстояніе, перейдя которое доровая сила непремѣнно будетъ дороже силы, полученной на мѣстѣ отъ паровой машины, нагрѣваемой обыкновеннымъ углемъ. Европа, напр., не можетъ воспользоваться силою Ніагарскаго водопада, по обыкновенной телеграфной проволокѣ нельзя передать работу въ 100—200 паровыхъ лошадей.

Пока наука не рѣшила еще этого вопроса; но вѣра въ то, что силу можно передавать и на большія разстоянія, не заключаетъ въ себѣ никакого забяужденія, но при настоящихъ средствахъ это не осуществимо. Требуются дальнѣйшіе опыты и работы въ этомъ направленіи. Передача работы на разстояніе получила уже практическое осуществленіе.

Такъ, инженеръ Дюмонъ воспользовался силою теченія рѣки Вальсерины въ Бельгардѣ (Франція) для освѣщенія. Съ этою цѣлью онъ запрудилъ рѣку и получилъ 2,000 лош. силъ, поставилъ турбину въ 600 лош.

силъ и привелъ въ движеніе 2 динамо-машины, освѣщающія весь небольшой городокъ Бельгардъ.

Подобная же передача употребляется въ г. Біель (Швейцарія) на заводѣ Блашъ-Нейкаузъ. Работа въ 30 лош. силъ передается отъ водянаго потока за 1,200 м. динамо-машинамъ.

Наконецъ, выше мы уже указывали на грандіозныя предпріятія американцевъ, собирающихся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ передавать энергію Ніагарскаго водопада при помощи электричества въ 65 городовъ.

На петербургской выставкѣ экспонентъ Тишковъ, желая наглядно показать, что даровыми силами природы съ удобствомъ можно воспользоваться для электрическаго освѣщенія, сдѣлалъ крайне интересный и поучительный опытъ: онъ поставилъ небольшую турбину, вращаемую напоромъ воды изъ городскаго водопровода, и заставилъ ее приводить въ движеніе динамо-машину, отъ которой, въ свою очередь, получался электрическій свѣтъ. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, теченіе рѣкъ и паденіе водопадовъ представляютъ собою неизсякаемый источникъ силы, съ успѣхомъ уже эксплуатируемый за границею въ очень крупныхъ размѣрахъ. На электрической выставкѣ въ Петербургѣ была устроена примѣрная передача работы, причемъ электродвигатели приводили въ движеніе нѣсколько спеціальныхъ станковъ, типографскій, пульный и т. п. Въ одномъ изъ берлинскихъ ресторановъ всѣ почти работы производятся посредствомъ электричества, такъ что поставленный въ буфетѣ небольшой электродвигатель сразу приводитъ въ движеніе кофейныя мельницы, машинки для рубки котлетъ, мытья посуды, чистки и рѣзки картофеля и разныхъ кореньевъ, снаряды для приготовленія кушаній и варки кофе. Платиновыя спирали, опущенныя въ сосуды съ водой, накаливаются токомъ, вслѣдствіе чего вода быстро приходитъ въ кипѣніе. Такимъ образомъ, горячая вода и паръ получаются также посредствомъ электричества. Наконецъ, въ ресторанѣ по всѣмъ направленіямъ бѣгаютъ особые вагончики, приводится въ движеніе тѣмъ же электродвигателемъ; они совершено замѣняютъ прислугу и аккуратно выполняютъ всѣ требованія посѣтителей.

Экспонентъ Глуховъ, электродвигатели котораго обратили на себя вниманіе посѣтителей петербургской выставки, извѣстенъ также своими работами въ области электрохиміи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большія надежды возлагались на его способъ добыванія ѣдкой соды электролизомъ, прямо изъ поваренной соли. Подъ его руководствомъ производились обширные опыты съ цѣлью выяснить практическое значеніе способа. Хотя продуктъ получался очень чистый, но обходился онъ при существующихъ въ Москвѣ цѣнахъ на топливо и соль такъ дорого, что дѣло пришлось оставить по невыгодности. Съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ электричество примѣнено уже и къ различнымъ другимъ отраслямъ химической промышленности, къ бѣленію и окрашиванію тканей, къ по-

лученію красокъ и т. п. Такъ, напр., недавно полученъ электролизомъ рода ново-амміачной соли прекрасный желтый пигментъ—канаринъ. Гоппельсредеръ очень остроумно воспользовался электричествомъ при окрашиваніи бумажныхъ тканей въ синій цвѣтъ съ помощью индиго. Краска эта сама по себѣ нерастворима въ водѣ, а потому непосредственно для крашенія служить не можетъ. Обыкновенно ее предварительно подвергаютъ довольно сложной обработкѣ съ цѣлью превратить синее индиго въ бѣлое, которое уже въ водѣ растворимо. Окрашенныя такимъ образомъ ткани развѣшиваются на воздухѣ, причемъ бѣлое индиго, окисляясь кислородомъ воздуха, переходитъ въ синее. Чтобъ ускорить эту операцію, обыкновенно весьма продолжительную, Гоппельсредеръ приготовляетъ красильную ванну изъ синяго индиго, а затѣмъ пропускаетъ черезъ нее токъ, подъ вліяніемъ котораго и происходитъ возстановленіе, сопровождающееся полнымъ исчезновеніемъ цвѣта: подъ вліяніемъ электричества краска совершенно обезцвѣчивается.

Шерингъ въ Берлинѣ приготовляетъ хлороформъ, разлагая токомъ растворъ поваренной соли въ присутствіи углекислоты и алкоголя. Если же вмѣсто поваренной соли взять іодистое кали, то получится въ видѣ желтыхъ кристалликовъ столь часто употребляемый теперь въ медицинѣ іодоформъ. Тихеноръ въ Санъ-Франциско примѣнилъ электричество къ сбиванію масла изъ молока. Съ этою цѣлью въ него опускаются платиновые электроды и пропускается токъ, подъ вліяніемъ котораго жировые шарики выдѣляются и всплываютъ наверхъ. 40 элементами Даніэля въ 5 мин. можно обработать по этому способу 45 литр. молока. Если въ ванну, чрезъ которую проходитъ токъ, положить прогорклое масло, то оно теряетъ свой непріятный вкусъ и запахъ и пріобрѣтаетъ всѣ свойства свѣжаго.

Ноденъ примѣнилъ токъ къ очищенію спирта отъ сивушныхъ маслъ и, по отзывамъ техническихъ журналовъ, способъ этотъ даетъ прекрасные результаты: спиртъ получается очень чистый, потому что подъ вліяніемъ тока сивушные спирты быстро и вполнѣ разрушаются.

Точно также можно исправлять токомъ испорченныя, окиснувшія вина: подъ вліяніемъ выдѣляющагося водорода они теряютъ свой кислый, непріятный вкусъ.

Въ высшей степени интересны также попытки примѣнить электричество въ сахарной промышленности. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, недавно въ Нью-Іоркѣ образовалась даже акціонерная компанія для электрической рафинировки сахара по способу Генри Фрейнда. Никакихъ положительныхъ свѣдѣній о сущности новаго способа мы не имѣемъ, но, если вѣрить слухамъ, при помощи тока можно въ очень короткое время, въ какихъ-нибудь 3 — 4 часа, и при самыхъ ничтожныхъ затратахъ превратить низшіе сорта сахара въ самый лучшій рафинадъ.

Наконецъ, въ послѣднее время появились извѣстія, что одному фран-

пузскому фабриканту удалось съ помощью электричества превратить виноградный (или, иначе, паточный) сахаръ въ кристалическій. Если слухи эти окажутся справедливыми, если правда, что открытъ простой и дешевый способъ полученія свекловичнаго сахара изъ крахмальнаго, то это должно произвести цѣлый переворотъ въ свеклосахарной промышленности.

Блестящіе успѣхи достигнуты въ послѣднее время и въ металлургіи, благодаря примѣненію электричества къ добыванію нѣкоторыхъ металловъ. Простая выплавка въ печахъ не позволяетъ получать ихъ въ достаточно чистомъ состояніи; металлы, полученные этимъ путемъ, всегда содержатъ въ себѣ различныя примѣси, оказывающія болѣе или менѣе вредное вліяніе на свойства металла. Удаленіе же этихъ примѣсей сопряжено съ большими затрудненіями, а предварительное очищеніе металла (рафинированіе) во многихъ случаяхъ не только желательно, но и прямо необходимо. Такъ, наприм., мѣдная проволока, употребляемая для динамо-машинъ, должна быть непремѣнно химически чистою. Кромѣ того, мѣдь содержитъ въ себѣ золото, а свинецъ серебро, такъ что выдѣленіе благородныхъ металловъ представляетъ вопросъ очень серьезный въ практическомъ отношеніи. Прежніе способы рафинированія металловъ были очень сложны и дороги и только съ примѣненіемъ электричества сдѣлалось возможнымъ полученіе совершенно чистыхъ металловъ. Герцогъ Лейхтенбергскій еще въ 1847 г. замѣтилъ, что при электролизѣ обыкновенная мѣдь очищается отъ сопровождающихъ ее примѣсей, токъ осаждаетъ чистую мѣдь, нѣкоторые изъ примѣшанныхъ металловъ остаются въ растворѣ, а золото и серебро осаждаются, собираясь въ шламѣ. Практическая разработка вопроса принадлежитъ англичанину Элькингтону, который еще въ 1865 г. взялъ привилегію на свой способъ рафинированія мѣди и устроилъ для этого особый заводъ. Въ настоящее время электрическое очищеніе мѣди введено на многихъ англійскихъ заводахъ, на заводѣ Hamburger Affinerie въ Парижѣ и на мѣдномъ заводѣ на Окерѣ (Гарцъ), гдѣ работа началась съ 1878 г. и теперь ежегодно добываютъ болѣе 600 тыс. килогр. металла. Гальваническій токъ получается отъ динамо-машинъ, а самая работа въ общихъ чертахъ производится слѣдующимъ образомъ: сырую, нечистую мѣдь (купферштейнъ, гаркупферъ, черная мѣдь) отливаютъ въ пластинки, погружаемыя затѣмъ въ ванну съ мѣднымъ купоросомъ и служащія, такимъ образомъ, анодами. Катоды же дѣлаются изъ чистой мѣди. При пропусканіи тока металлы, подмѣшанные къ мѣди на анодѣ, начинаютъ растворяться, но не всѣ сразу, а въ извѣстномъ, послѣдовательномъ порядкѣ,—сначала марганецъ, потомъ цинкъ, желѣзо, олово, свинецъ, мышьякъ, сурьма, мѣдь, серебро. Затѣмъ, подъ вліяніемъ тока, металлы начинаютъ осаждаться на катодѣ, но уже въ обратномъ порядкѣ, т.-е. начиная съ мѣди. Такимъ образомъ, частицы металла переносятся съ анода на катодъ, причемъ

всѣ примѣси остаются въ ваннѣ, а благородные металлы (золото и серебро) опадаютъ на дно. Количество ихъ бываетъ настолько, все-таки, значительно, что стоимость ихъ окупаетъ почти всѣ издержки по очищенію мѣди.

На туринской электрической выставкѣ итальянскій инженеръ Марчезъ экспонировалъ чистую мѣдь, полученную посредствомъ электричества прямо изъ руды. Надо, впрочемъ, замѣтить, что подробности всѣхъ этихъ способовъ держатся пока въ большомъ секретѣ на заводахъ.

Электролитическая мѣдь обладаетъ превосходными качествами, она очень гибка и вязка, отлично прокатывается въ листы и вытягивается въ проволоку, а потому и цѣнится на 125 — 140 фр. въ тоннѣ выше, чѣмъ самая лучшая англійская, полученная обыкновеннымъ путемъ.

На томъ же началѣ основано рафинированіе свинца. Въ ванну изъ уксуснокислаго свинца погружаютъ плитки сыраго, нечистаго металла (аноды) и куски чистаго (катоды). При пропусканіи тока свинецъ и сопровождающія его примѣси сперва растворяются, а затѣмъ свинецъ отлагается на катодѣ въ чистомъ состояніи, тогда какъ всѣ примѣси остаются въ растворѣ. Серебро опадаетъ на дно. По этому способу рафинируютъ свинецъ на заводѣ Кейта въ Нью-Йоркѣ. Подобнымъ же образомъ очищаютъ серебро на заводѣ Мебіуса въ Мексикѣ.

Давно извѣстно, что подъ вліяніемъ гальваническаго тока металлическія соли разлагаются, отдѣляя металлъ на отрицательномъ полюсѣ. Подвергая электролизу расплавленныя соли, получали этимъ способомъ барій, магній, даже калій и натрій. Но до послѣдняго времени способы эти не имѣли никакого практическаго значенія и только теперь стали получать нѣкоторые цѣнные металлы (а также ихъ сплавы) прямо изъ ихъ соединеній при помощи электричества. Такимъ, наприм., способомъ добываютъ въ настоящее время магній изъ минерала карналита (представляющаго собою ничто иное, какъ хлористый магній) на заводѣ Гретцеля въ Ганноверѣ. Минералъ расплавляютъ въ тигляхъ и пропускаютъ токъ отъ динамо-машины въ теченіе $1^1/_2$ сутокъ, причемъ магній отлагается въ видѣ шариковъ. До послѣдняго времени и магній, и аллюминій цѣнились довольно дорого (магній за килограммъ въ полосахъ 200—240 фр., въ лентахъ и проволокѣ 300—400 фр., аллюминій 110—130 фр.), теперь же со введеніемъ электролитическаго способа стоимость ихъ значительно понизилась, а именно до 97—98 франковъ за кило.

Выплавка металловъ изъ рудъ требуетъ вообще довольно высокой температуры, во многихъ случаяхъ совершенно недостижимой въ обыкновенныхъ металлургическихъ печахъ при помощи тѣхъ видовъ топлива, какими мы можемъ пользоваться на практикѣ. Извѣстно, что электричество можетъ служить источникомъ теплоты. Развиваемый динамо-машиною токъ при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ дать столь высокую температуру, какая въ печахъ совсѣмъ не можетъ быть достигнута. Такъ, наприм., до

сихъ поръ не удавалось возстановить аллюминій изъ глинозема при помощи угля, потому что не было средствъ произвести потребную для этого температуру. Его приготовляли обыкновенно изъ хлористаго соединенія при помощи металлическаго натрія. Способъ сложный и дорогой. Заводъ Коулесъ и К° въ Клевеландѣ (Огіо) выплавляетъ аллюминій прямо изъ глинозема при помощи электричества. Для этого въ цѣпь очень сильнаго электрическаго тока, получаемаго отъ динамо-машины силою въ 20—30 лошад. силъ, вводятъ глиноземъ въ смѣси съ грубоистолченнымъ углемъ; масса эта оказываетъ току очень сильное сопротивленіе и вслѣдствіе этого накаливается до бѣла. Примѣшивая къ массѣ зернистую мѣдь, получаютъ аллюминіеву бронзу разнообразнаго состава (съ 10—30% аллюминія), а, смѣшивая кремнеземъ съ углемъ и съ мѣдью, получаютъ такъ называемую кремнистую бронзу.

Подобнымъ же образомъ посредствомъ электричества были возстановлены кальцій, магній и кремній изъ ихъ окисловъ. И такъ, электричество является могущественнымъ средствомъ воспроизводить самыя высокія температуры, какія не могли быть до сихъ поръ достигнуты обыкновенными средствами. Тѣмъ болѣе, стало быть, оно можетъ быть примѣнено вообще къ нагрѣванію.

Нельзя поэтому пройти молчаніемъ опыты отопленія посредствомъ электричества, тѣмъ болѣе, что вопросъ о превращеніи электрической энергіи въ теплоту очень серьезно интересуетъ спеціалистовъ, а, кромѣ того, какъ мы только что видѣли, электричествомъ съ успѣхомъ уже воспользовались на практикѣ для нагрѣванія до очень высокихъ температуръ. Во Франціи давно уже пробовали примѣнить электричество къ отопленію желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ. Для этого въ особомъ вагонѣ устанавливалась динамо-машина, приводимая въ движеніе отъ оси, а вдоль всего поѣзда протягивались спиральные проводники съ очень малымъ поперечнымъ сѣченіемъ. Въ каждомъ вагонѣ помѣщались металлическіе ящики, наполненные веществомъ, обладающимъ значительною теплоемкостью и способнымъ удерживать, въ теченіе продолжительнаго времени, сообщенную ему теплоту (таковы, наприм., нѣкоторыя натровыя соли). Черезъ такого рода грѣлки, помѣщенныя въ горячую воду, проходятъ проводники, по которымъ все время, пока движется поѣздъ, идетъ токъ. Тепло, передаваемое отъ грѣлокъ вагону черезъ лучеиспусканіе, удерживается въ нихъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 3 часовъ, причемъ остановки не производятъ сколько-нибудь значительнаго охлажденія. Къ выгодамъ такого способа отопленія поѣздовъ относятъ полное устраненіе желѣзныхъ печей и значительное сокращеніе числа поѣздной прислуги.

Англійскій электротехникъ Селонъ отапливаетъ свой домъ посредствомъ электричества, употребляя для этого продырявленныя пластины изъ тигельной глины, сложенныя такимъ образомъ, чтобъ ихъ отверстія образовали вертикальные ходы. Въ такія отверстія помѣщаются спирали

электрическихъ проводниковъ очень большаго сопротивленія, которые, раскаляясь проходящимъ черезъ нихъ токомъ, быстро нагрѣваютъ соприкасающійся съ ними воздухъ. Подобная батарея помѣщается въ особомъ ящикѣ вродѣ обыкновенной комнатной печи, снабженномъ двумя трубами: одна—для входа холоднаго воздуха, другая—для выхода горячаго. Такого устройства электрическая печь, повидимому, пригодная и для отопленія вагоновъ, судя по отзывамъ техническихъ журналовъ, дѣйствуетъ превосходно и даетъ возможность отлично регулировать температуру помѣщенія.

Не можемъ, однако, не замѣтить, что, вообще говоря, превращеніе механической энергіи въ тепловую нельзя считать выгоднымъ, въ особенности при отопленіи вагоновъ, такъ какъ при этомъ способѣ значительная часть работы паровоза ушла бы на согрѣваніе.

Интересны также комбинаціи электрическаго освѣщенія съ отопленіемъ и вентиляціей. Такъ, наприм., часть зданія главнаго артиллерійскаго управленія въ Петербургѣ освѣщается лампочками съ накаливаніемъ, причемъ въ одной изъ комнатъ устроено электрическое отопленіе, а въ другой—поставленъ электрическій же вентиляторъ. Такого же рода вентиляція въ связи съ электрическимъ освѣщеніемъ устроена въ Парижѣ, въ знаменитомъ Hôtel de Ville.

Мы уклонились на время отъ обзора выставки въ виду того, что на ней почти ничего не было по электрохиміи и электрометаллургіи, а отдѣлы эти слишкомъ важны, чтобы пройти ихъ молчаніемъ. Вернемся опять къ выставкѣ.

Особенно выдающійся интересъ для посѣтителей выставки представлялъ надѣлавшій столько шуму такъ называемый термомикрофонъ доктора Охоровича для громкой передачи звуковъ. Приборъ этотъ ничто иное, какъ удачно усовершенствованный телефонъ, передающій звуки настолько отчетливо и сильно, что нѣтъ никакой надобности прикладывать ухо къ телефонному рожку, какъ это обыкновенно дѣлается. Микрофонъ г. Охоровича помѣщался на выставкѣ въ особой залѣ, куда громко и ясно передавались изъ Малаго театра пѣніе, свистъ, разговоръ, игра на инструментахъ; сидя въ креслахъ, спокойно, не сходя съ мѣста, каждый могъ слышать, что происходитъ въ данную минуту въ театрѣ. Около дверей этой залы постоянно толпилась публика, ожидая очереди ознакомиться съ дѣйствіемъ новаго удивительнаго телефона. Кромѣ того, на выставкѣ обращали на себя вниманіе телефоны г. Голубицкаго, примѣненіе телефоновъ и микрофоновъ для подводныхъ работъ и проч.

Телефонія на дальнія разстоянія скоро должна сдѣлатся весьма обыкновеннымъ способомъ сообщенія, тѣмъ болѣе, что для этого совершенно удобно можно воспользоваться существующими уже телеграфными проводами. Принятая въ Бельгіи система Ванъ-Россельберга вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, позволяя одновременно по одной и той же

проволокѣ и телефонировать, и телеграфировать. Такое сообщеніе существуетъ уже между Брюсселемъ, Гентомъ, Антверпеномъ, Люттихомъ, также въ Англіи между Манчестеромъ, Ливерпулемъ и нѣкоторыми другими городами. Американецъ Джилетъ изобрѣлъ весьма оригинальный приборъ, величиной съ карманые часы, посредствомъ котораго можно вести бесѣду со всѣми частями свѣта. Такъ, въ Чикаго онъ прикрѣпилъ шнурокъ своего аппарата къ телеграфной проволокѣ и повелъ разговоръ съ своими знакомыми въ Нью-Іоркѣ (это составляетъ 1,100 англ. миль). Приборъ явственно передавалъ всѣ оттѣнки голоса, говоръ, топотъ, пѣніе, свистъ.

Замѣтимъ, что въ послѣднее время на малыхъ разстояніяхъ электрическіе телефоны вытѣсняются механическими, работающими безъ посредства тока. Колебаніе одной пластинки передается другой посредствомъ туго натянутой между ними стальной проволоки, такъ что телефонъ этотъ, изобрѣтенный американцами Нудзонъ и Эльсвортъ, представляетъ собою ничто иное, какъ усовершенствованіе тѣхъ игрушечныхъ телефоновъ, которые фигурировали на всѣхъ ярмаркахъ; послѣдніе представляютъ два полыхъ картонныхъ конуса, вершины которыхъ соединены натянутою бичевкой; даже въ такомъ примитивномъ видѣ телефоны эти давали возможность разговаривать на разстояніи 8—10 саженъ.

Телефоны Нудзона и Эльсворта получили уже значительное распространеніе въ Америкѣ. Въ настоящее время они появились и въ Москвѣ и уже сдѣлано нѣсколько установокъ *), доказавшихъ ихъ практичность на небольшихъ разстояніяхъ, не превышающихъ 200 — 300 саженъ. На небольшомъ разстояніи звуки слышны совершенно ясно, даже за $1^1/_2$—2 метра отъ отверстія пріемнаго аппарата, причемъ тембръ звуковъ несравненно ближе подходитъ къ человѣческой рѣчи, чѣмъ это можетъ быть достигнуто съ электрическими телефонами.

Электричество въ послѣднее время получило столь многочисленныя и разнообразныя примѣненія, что трудно было бы всѣ ихъ даже перечислить. Такъ, изъ болѣе или менѣе мелкихъ приложеній можно отмѣтить слѣдующія:

Въ Москвѣ, въ пассажѣ Попова устроена замѣчательно эффектная вывѣска, блистающая по вечерамъ разноцвѣтными переливами свѣта. Она составлена изъ 7 полыхъ стеклянныхъ буквъ (Пассажъ), съ двойными стѣнками, представляющихъ собою ничто иное, какъ обыкновенныя гейслеровскія трубки, только весьма крупныхъ размѣровъ, а именно каждая буква въ аршинъ длиною. Между двойными стѣнками налитъ разноцвѣтный спиртъ, обусловливающій окраску буквъ. При помощи динамомашины съ перемѣннымъ токомъ и двухъ аппаратовъ Румкорфа черезъ

*) Между прочимъ, въ прачечной гостиницы „Эрмитажъ“ и въ типографіи *Московскихъ Вѣдомостей*.

нихъ пропускается непрерывный рядъ электрическихъ искръ, оставляющихъ въ глазу впечатлѣніе одной сплошной свѣтлой линіи, отливающей всѣми цвѣтами радуги. Длина пути, пробѣгаемаго искрою во всѣхъ семи буквахъ, составляетъ болѣе 33 саженъ. Аппараты Румкорфа соединены съ вывѣской и включены въ общую цѣпь съ лампами, освѣщающими пассажъ, посредствомъ той же самой динамо-машины, которая служитъ для вывѣски. Стоимость этой электрической вывѣски со всѣми приспособленіями не болѣе 3,000 руб.

Появившееся въ прошломъ году въ продажѣ такъ называемое электрическое огниво представляетъ собою ничто иное, какъ обыкновенный элементъ Грене, къ крышкѣ котораго извѣстнымъ образомъ прикрѣплены платиновая проволока и маленькая бензиновая лампочка. Черезъ крышку проходитъ подвижной стержень съ пружиной, оканчивающійся внизу цинкомъ, а вверху пуговкой. Пружина держитъ стержень поднятымъ, причемъ цинкъ находится внѣ жидкости; но стоитъ только нажать пуговку, какъ цинкъ тотчасъ же погрузится въ жидкость, въ элементѣ возбудится токъ и платиновая проволока моментально раскалится до-красна. Въ то же время къ ней подходитъ автоматически фитиль бензиновой лампочки, который и загорается отъ раскаленнаго металла. При отнятіи пальца отъ пуговки токъ прекращается и проволока, выходя изъ цѣпи, быстро охлаждается.

Весьма удобно примѣненіе лампочекъ съ накаливаніемъ къ освѣщенію рудниковъ, пиротехническихъ лабораторій, пороховыхъ погребовъ, мельницъ и вообще такихъ мѣстъ, гдѣ всякое открытое пламя представляетъ уже опасность взрыва, такъ какъ въ воздухѣ всегда образуются опасныя гремучія смѣси, какъ, наприм., въ каменноугольныхъ копяхъ, или носится легковоспламеняющаяся пыль, какъ на пороховыхъ заводахъ. Со введеніемъ электрическаго освѣщенія страшные по своей разрушительности взрывы на пороховыхъ заводахъ и въ угольныхъ шахтахъ если не совсѣмъ, то въ значительной степени устранены. Лампочка укрѣпляется на лбу рабочаго посредствомъ ременной или гуттаперчевой повязки, а маленькая батарейка Трувэ помѣщается въ особомъ герметическомъ футлярѣ.

Года два тому назадъ въ продажѣ появились крошечныя лампочки съ накаливаніемъ (такъ называемые электрическіе брилліанты), обдѣланные въ запонки, булавки, шпильки и т. п. Однако, стоятъ они довольно дорого. Такъ, двѣ запонки съ батарейкою, помѣщаемой въ жилетный карманъ, стоятъ 25 руб. Одно время въ Парижѣ брилліанты эти были въ большой модѣ; французскія дамы очень щеголяли своими бальными платьями, усыпанными миніатюрными лампочками, горѣвшими тысячами огней, а балетныя танцовщицы производили необычайный эффектъ своими магическими брилліантовыми діадемами, которыя загорались и потухали моментально, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Недавно пробовали примѣнить электричество къ предсказанію погоды. Оказалось, что если зарыть въ землю двѣ желѣзныя пластинки на глубину 7—8 метровъ и соединить ихъ мѣдною изолированною проволокой съ телефономъ, то получается довольно чувствительный барометръ. Съ приближеніемъ грозы уже за $^1/_4$ часа слышится болѣе или менѣе сильный шумъ, какъ бы отъ паденія воды или отъ ударовъ градинъ о стекло; появленіе же молніи тотчасъ же обнаруживается въ телефонѣ сильнымъ ударомъ. Всякое измѣненіе погоды, перемѣна температуры и влажности воздуха, вызываетъ въ телефонѣ извѣстныя звуковыя явленія, различныя комбинаціи которыхъ и даютъ указанія относительно погоды.

Кто бы могъ думать, что въ электричествѣ мы найдемъ прекрасное оружіе для очищенія воздуха, для борьбы съ атмосферною пылью и туманами? Англійскій ученый Айткинъ доказалъ, что плавающая въ воздухѣ пыль необходима для образованія облаковъ и тумановъ, что она образуетъ собою твердое ядро, на которомъ сгущается влага. Кромѣ того, эта воздушная пыль содержитъ въ себѣ зародыши низшихъ организмовъ, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ процессахъ броженія и гніенія и которымъ приписываютъ обыкновено весьма важную роль въ дѣлѣ распространенія заразныхъ болѣзней. Года два тому назадъ профессоръ Оливье Лоджъ сообщилъ британской ассоціаціи въ Монреалѣ о замѣчательномъ дѣйствіи, какое оказываетъ разряженіе электричества на атмосферную пыль и туманы. Онъ дѣлалъ такой интересный опытъ: въ шаръ, наполненный густымъ дымомъ, облака котораго обыкновенно держатся въ воздухѣ по цѣлымъ часамъ, онъ вводилъ металлическую иглу, соединенную съ однимъ изъ полюсовъ румкорфовой спирали. Дымъ при этомъ начинаетъ кружиться и затѣмъ быстро опадаетъ на дно, такъ что въ нѣсколько секундъ воздухъ вполнѣ очищается. Если сосудъ наполнить водянымъ паромъ, то подъ вліяніемъ электричества онъ быстро превращается въ дождь. Подобнаго рода опыты много разъ повторялись потомъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, напримѣръ, въ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ, и всегда съ одинаковымъ результатомъ: воздухъ въ нѣсколько минутъ быстро и вполнѣ очищался.

На бумагопрядильныхъ фабрикахъ давно уже пользуются электричествомъ для автоматической остановки кардныхъ и ленточныхъ машинъ, банкаброшей, ткацкихъ станковъ и т. п. За работою прядильныхъ машинъ необходимъ внимательный надзоръ; въ случаѣ какой-нибудь неправильности, при обрывѣ, напримѣръ, ленты, повницы или нитки, машину нужно тотчасъ же остановить и сдѣлать надлежащія исправленія. Прежде это производилось рабочими, теперь же то же самое, но гораздо лучше, исполняетъ электричество. Токъ получается отъ небольшой магнито-электрической машины. Когда онъ замкнутъ, электро-магнитъ притягиваетъ арматуру изъ мягкаго желѣза, она зацѣпляетъ за храповое колесо и передвигаетъ ремень съ рабочаго шкива на холостой, вслѣдствіе

чего машина тотчасъ же останавливается. Или устраиваютъ такъ, что въ случаѣ какой-нибудь порчи начинаетъ дѣйствовать звонокъ, призывая рабочаго сдѣлать необходимыя исправленія.

Примѣненіе электричества къ военнымъ цѣлямъ также дѣлаетъ значительные успѣхи. Достаточно указать, наприм., на электрическій лафетъ Максима, представляющій собою чрезвычайно сложный автоматическій приборъ, при помощи котораго одинъ человѣкъ издали можетъ управлять артиллеріей. Комендантъ крѣпости или капитанъ корабля только отдаетъ приказанія, а затѣмъ всѣ работы, какъ-то: заряженіе орудій, ихъ наведеніе, стрѣльба и проч., все это автоматически и совершенно точно выполняетъ электричество.

Недавно въ военномъ вѣдомствѣ производились опыты съ такъ называемою электрическою повозкой, состоящею изъ двухъ отдѣльныхъ экипажей: одинъ—съ локомобилемъ, другой—съ динамо-машиной. Такая повозка можетъ служить не только для освѣщенія лагеря и непріятельскихъ позицій, но также для взрыва минъ и для сигналовъ.

Докторъ Будэ на электрической выставкѣ въ парижской обсерваторіи выставилъ цѣлую коллекцію снарядовъ, приспособленныхъ спеціально къ медицинскимъ цѣлямъ. Изъ нихъ особый интересъ представлялъ приборъ для изслѣдованія паціентовъ съ болѣзнями сердца и дыхательныхъ органовъ. Это собственно очень чувствительный микрофонъ, при помощи котораго можно явственно слышать шумы и довольно точно опредѣлять ихъ происхожденіе.

Французскіе хирурги, по предложенію Белля, примѣнили телефонъ къ розысканію пуль, чтобъ избѣжать мучительныхъ и нерѣдко совершенно излишнихъ разрѣзовъ. Прежде чѣмъ ихъ дѣлать, особою иглой производятъ наколы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно предполагать нахожденіе пули. Игла эта извѣстнымъ образомъ соединена съ телефономъ, который тотчасъ же обнаруживаетъ прикосновеніе ея къ пулѣ.

Наконецъ, электричество можетъ служить даже противоядіемъ. Такъ, по сообщенію нѣкоторыхъ журналовъ, недавно одинъ трехлѣтній мальчикъ, отравленный морфіемъ, былъ возвращенъ къ жизни трехчасовымъ дѣйствіемъ гальваническаго тока. Докторъ Бухъ предложилъ примѣнить электричество къ распознаванію дѣйствительной смерти, основываясь на томъ, что живой мускулъ, при пропусканіи черезъ него тока, одновременно и сокращается, и нагрѣвается; при прохожденіи же тока черезъ мертвыя мышцы хотя сокращенія и могутъ быть, но температура остается неизмѣнною.

Изъ мелкихъ примѣненій, бывшихъ на петербургской выставкѣ, между прочимъ, мы можемъ указать на электрическое освѣщеніе подъ водой: водолазъ съ электрическимъ фонаремъ, посаженный въ огромный резервуаръ, собиралъ около себя массу публики. Изъ другихъ предметовъ заслуживали вниманія: индукціонный звонокъ г. Абакановича, въ которомъ

токъ получается не отъ батареи, а вслѣдствіе индукціи при колебаніи катушки въ магнитномъ полѣ, пожарно-сигнальные аппараты Кованько, автоматическое піанино (механическій таперъ), на которомъ играетъ электричество, гальванопластическія работы Ковако, модель скоропечатной ротаціонной машины, на которой печается журналъ *Нива*, и проч. Попадались и разные таинственные приборы, относительно которыхъ пельзя было получить никакихъ свѣдѣній, потому что, яко бы, они составляютъ секретъ изобрѣтателей. Одинъ изъ экспонентовъ такъ тщательно оберегалъ свое изобрѣтеніе отъ нескромныхъ взоровъ, что даже носилъ его въ карманѣ, и если кому показывалъ, то не иначе, какъ по знакомству или по очень усиленной просьбѣ. Была, между прочимъ, какая-то батарея, запертая на ключъ.

Затѣмъ выставка была очень богата разнаго рода измѣрительными приборами, разными амперметрами, вольтметрами, электро-динамометрами, магазинами сопротивленій и т. п., служащими для измѣренія силы тока и сопротивленій. Особенно точные и изящные инструменты этого рода были выставлены мастерскими Брегета, Паскаля и Сименса.

Лѣтъ 10 тому назадъ понятія объ электрическихъ единицахъ были крайне сбивчивы и неопредѣленны; въ настоящее же время онѣ вполнѣ выработаны и ими весьма широко уже пользуются на практикѣ для измѣренія электрическихъ величинъ. Вольты, амперы и омы сдѣлались уже столь общеупотребительными терминами, что, можетъ быть, будетъ не лишнимъ сказать два слова объ ихъ значеніи.

Значеніе ихъ слѣдующее: единица электровозбудительной силы (напряженія), именуемая *вольтомъ*, почти равняется электровозбудительной силѣ одного элемента Даніэля. Единица сопротивленія—*омъ*—равняется сопротивленію мѣдной проволоки (изъ химически-чистаго металла) въ 48,6 метр. длиной и въ 1 мм. толщиной. Сила тока, развиваемая однимъ вольтомъ при сопротивленіи, равномъ одному ому, называется *ампером*ъ. Чтобы дать болѣе наглядное представленіе объ этой единицѣ, скажемъ, что токъ, силою въ 1 амперъ, осаждаетъ изъ серебрянаго раствора въ 1 часъ 4 грамма серебра.

Выше мы сказали, что домашнее электрическое освѣщеніе при помощи элементовъ или аккумуляторовъ сильно интересуетъ публику. Познакомившись теперь съ значеніемъ электрическихъ единицъ, мы имѣемъ возможность предложить читателю нѣкоторыя практическія данныя. Чтобъ устроить электрическое освѣщеніе, напримѣръ, въ квартирѣ, приходится предварительно рѣшить нѣсколько практическихъ вопросовъ. Выбравъ наиболѣе подходящіе элементы, нужно знать еще, сколько ихъ необходимо взять для питанія даннаго числа лампочекъ, какъ ихъ нужно расположить и какой онѣ должны быть системы.

Лампы обыкновенно выбираются такія, которыя не требуютъ большой электровозбудительной силы, каковы, наприм., лампочки Свана, Крюто,

Ладыгина, Фридрихса, Бернштейна (lampe de Boston). При покупкѣ лампочекъ съ накаливаніемъ необходимо получить свѣдѣнія: какова должна быть для нихъ электровозбудительная сила (въ вольтахъ) и какова сила тока (въ амперахъ).

Какъ же, спрашивается, опредѣлить необходимое число элементовъ для питанія извѣстнаго количества лампочекъ? Для этого существуетъ такое правило: надо раздѣлить электровозбудительную силу, требуемую одною лампочкой, на электровозбудительную силу элемента, и тогда частное покажетъ число элементовъ, соединенныхъ послѣдовательно, составляющихъ одну группу. Сколько же надо взять такихъ группъ? Чтобъ опредѣлить это, надо помножить силу тока, требуемую одною лампочкой, на число лампъ и произведеніе раздѣлить на силу тока, развиваемаго однимъ элементомъ. Частное покажетъ число упомянутыхъ группъ, соединенныхъ параллельно. Если, наприм., нужно узнать, сколько потребуется элементовъ для питанія одной лампы Бернштейна, то это дѣлается по данному выше правилу слѣдующимъ образомъ: зная, что лампа Бернштейна требуетъ 29 вольтъ, а элементъ Лаланда даетъ 1 вольтъ, найдемъ, что нужно взять 29 элементовъ и соединить ихъ послѣдовательно; затѣмъ лампа требуетъ силы тока въ 5,5 амперовъ, а элементъ даетъ 3 ампера, слѣдовательно, число группъ $= 2$, такъ что для питанія одной лампочки нужно взять 58 элементовъ Лаланда, раздѣленныхъ на 2 группы (по 29).

Что касается стоимости освѣщенія при помощи элементовъ, то хотя трудно дать какія-нибудь общія и достаточно точныя цифры, но для примѣра можемъ указать, что часъ горѣнія одной 60-ти свѣчной лампы Бернштейна при батареѣ Лаланда стоитъ около 32 коп., не считая % на погашеніе первоначальныхъ затратъ; при той же батареѣ часъ горѣнія одной 8-ми свѣчной лампы Крюто обойдется около 6 коп. Вообще же сила свѣта=одной стеариновой свѣчѣ и въ часъ стоитъ отъ $^1/_2$—$^3/_4$ коп. (при старыхъ батареяхъ, а, наприм., при эпуардовской всего $^1/_5$ коп.).

И такъ, хотя электрическое освѣщеніе, при помощи указанныхъ выше элементовъ, само по себѣ и не дорого, но оно требуетъ довольно значительныхъ первоначальныхъ затратъ, да, кромѣ того, оно, все-таки, хлопотливо, такъ какъ требуетъ время отъ времени перезаряженія. А какъ велики первоначальныя затраты, видно уже изъ того, что постановка, наприм., одной 8-ми свѣчной лампочки Крюто со всѣми приспособленіями стоитъ никакъ не менѣе 150 руб.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о той будущности, какая, по нашему мнѣнію, предстоитъ электричеству. Какъ мы видѣли, оно проникло уже почти во всѣ отрасли промышленности. Нѣкоторымъ затрудненіемъ для еще болѣе быстраго его распространенія являются, однако, слѣдующія обстоятельства.

Динамо-машины достигли уже столь большаго совершенства, — онѣ

дают болѣе 90% полезной работы,—что дальше возможны лишь мелкія конструктивныя усовершенствованія, а, между тѣмъ, стоимость добываемой посредствомъ ихъ электрической энергіи еще довольно высока; кромѣ того, динамо-машина слишкомъ дорогой генераторъ тока и, требуя при себѣ еще пароваго или газоваго двигателя, является роскошью, мало доступною для массы мелкихъ промышленныхъ заведеній. Такимъ образомъ, широкаго и полнаго развитія примѣненій электричества можно ждать лишь тогда, когда повсемѣстно будутъ устроены канализаціи электрической энергіи, когда электрическая энергія будетъ распредѣляться по городамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, какъ теперь вода и отчасти газъ, или же когда будутъ изобрѣтены мелкіе и дешевые генераторы тока, не требующіе при себѣ ни паровыхъ, ни газовыхъ двигателей.

И такъ, передъ нами два діаметрально-противуположные пути и на обоихъ трудится теперь масса работниковъ прогресса. Мы знаемъ уже много примѣровъ централизаціи и распредѣленія электрической энергіи. Скажемъ теперь о второмъ пути—о химическихъ способахъ полученія электрической энергіи. Очевидно, что было бы гораздо выгоднѣе непосредственно превращать энергію горѣнія угля въ электрическую, чѣмъ сжигать уголь въ топкѣ паровой машины и затѣмъ уже работу этой послѣдней превращать въ электричество и терять, такимъ образомъ, болѣе 85% энергіи горѣнія угля; рѣшеніе этого вопроса, занимающее теперь многіе умы, вызвало бы всемірный переворотъ въ промышленности. Хотя вопросъ этотъ еще и не рѣшенъ, однако, до рѣшенія его, повидимому, уже не далеко. Американецъ Уильярдъ Е. Кэзъ придумалъ элементъ, который заряжается тепловою энергіей, посредствомъ нагрѣванія его на очагѣ. Элементъ этотъ въ холодномъ состояніи не работаетъ и даетъ токъ лишь при нагрѣваніи; онъ содержитъ хлоро-хромовую кислоту, которая при нагрѣваніи разлагается и дѣйствуетъ на металлическое олово, служащее однимъ изъ электродовъ. При охлажденіи прибора совершается обратная реакція и разложившіяся вещества снова возстановляются. Принципъ дѣйствительно осуществляетъ, хотя и окольнымъ путемъ, превращеніе тепловой энергіи въ электрическую.

К. Тумскій.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XI.

Разбирая газетный матеріалъ для настоящаго очерка, я нашелъ въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* довольно рѣзкую полемическую замѣтку противъ фельетона г. Эртеля, напечатаннаго въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. И фельетонъ г. Эртеля, и возраженіе ему *Волжскаго Вѣстника* относятся къ нашему самому больному мѣсту (а, впрочемъ, къ самому ли больному? У насъ такъ болитъ вездѣ, что, пожалуй, трудно сказать, гдѣ болитъ больше).

Г. Эртель, подъ названіемъ *Житницы*, описываетъ земледѣльческіе порядки Самарской губерніи. Да, край удивительный! Точно это и не Россія, а вновь открытая русскими купцами часть свѣта, въ которую они собрались, чтобы растащить все, что въ теченіе вѣковъ скопилось въ ея нѣдрахъ. Не нынѣче, правда, началось это расхищеніе. Еще при калмыкахъ самарскій край обнаружилъ наклонность къ Latifundi'и, когда десятки тысячъ десятинъ снимались русскими купцами по гривеннику за десятину по двадцати-четырехъ-лѣтнимъ контрактамъ. Когда калмыки были угнаны въ степь, земли ихъ отобраны въ казну и сроки калмыцкихъ контрактовъ кончались, оказалось, что десяти-копѣечная десятина выросла въ цѣнѣ до семи рублей. Какъ такому золотому дну было не привлечь къ себѣ предпріимчивыхъ піонеровъ купеческой цивилизаціи? И піонеры пошли и завладѣли всѣмъ этимъ, нѣкогда дикимъ и пустыннымъ калмыцкимъ краемъ. Даже не выговоришь безъ трепету цифру десятинъ, принадлежащихъ доброму десятку теперешнихъ самарскихъ купцовъ, говоритъ г. Эртель. Одному купеческому семейству принадлежитъ 250,000 десятинъ, другому 180,000, третьему болѣе 100,000 и т. д. Владѣлецъ 4 — 5 тысячъ десятинъ считается вовсе не крупнымъ владѣльцемъ.

И всѣ эти многотысячныя хозяйства, повинуясь тяготѣющему надъ ними закону спроса и предложенія, живутъ всѣми инстинктами хлѣбнаго базара. Это даже и не земледѣльческія хозяйства, а скорѣе

земледѣльческія фабрики, работающія на всѣхъ парахъ для какого-то невѣдомаго имъ рынка. Какъ можно больше вспахать, какъ можно больше засѣять, какъ можно скорѣе обмолотить и свезти на пристань или на станцію желѣзной дороги,—вотъ законъ самарскаго земледѣлія. Все, что изобрѣтаетъ Европа по части скорѣйшаго обрабатыванія, все, что не требуетъ большихъ техническихъ знаній, но за то обѣщаетъ быстрый результатъ, какъ, напримѣръ, паровая молотилка, найдетъ въ самарскомъ хозяйствѣ и покупателя, и потребителя. Агрономъ тамъ не требуется, да ему и дѣлать нечего. «Заводите какое хотите интензивное хозяйство въ Самарскомъ уѣздѣ, дешевая уфимская бѣлотурка непремѣнно сдѣлаетъ васъ банкротомъ»,—говоритъ г. Эртель. Убивающая своею дешевизной уфимская бѣлотурка, съ одной стороны, и Самара и Балаково—съ другой, превратили самарскаго земледѣльца въ хлѣбнаго биржеваго игрока. Онъ не производитель (по существу), а сбытчикъ и продавецъ; его главная задача не въ томъ, чтобы создать зерно или вести хозяйство, а въ томъ, чтобъ играть въ торговую политику и знать ее досконально. Вмѣсто агрономіи, хозяинъ долженъ знать, кому сдать землю, да какъ и на сколько поднять арендную плату; онъ долженъ умѣть нанять по дешевой цѣнѣ рабочихъ, заключить съ ними запутывающій ихъ контрактъ, умѣть ходить по судамъ. Даже самарскій мужикъ усвоилъ себѣ эту политику и рѣдко нанимается на посторонніе заработки. И онъ развилъ въ себѣ купеческіе инстинкты, и онъ обрабатываетъ свою землю рабочими или, какъ выражается г. Эртель, «рабами». А рабовъ этихъ гонитъ въ самарскій край нужда въ огромномъ количествѣ. Цѣлыми сотнями, а иногда и тысячами, скопляются они въ базарныхъ селахъ въ ожиданіи спроса, худые, съ изможденными лицами, опаленными солнцемъ и вѣтромъ, босые и полуодѣтые. И былой бурлакъ сталъ тоже рядомъ. Коренное дѣтище Волги, безъ роду и племени, оборванный, спившійся, съ лицомъ, одувшимся отъ пьянства, отчаянный, рѣчистый, грубый, бурлакъ тянетъ теперь земледѣльческую лямку, какъ онъ тянулъ прежде лямку судовую.

Что же спасетъ этотъ расхищаемый край, «что принесетъ сюда свѣтъ и посодѣйствуетъ подъему сознанія, когда силы крестьянина еще не оскудѣли, когда грозное малоземелье еще не подрѣзало ему крылья?—спрашиваетъ г. Эртель.—Грамотность? Но она не прочь стать орудіемъ самаго безшабашнаго кулачества. Земство? Но оно бьется здѣсь въ рукахъ невѣжественныхъ и продажныхъ и опять-таки всецѣло зависитъ отъ кулаковъ. Образцовыя фермы по рецепту г. Шарапова? Онѣ могутъ играть здѣсь роль дорогой, но безполезной игрушки, смѣшной для крестьянъ и разорительной для землевладѣльцевъ, буде землевладѣльцы захотятъ подражать ей. Интеллигентный человѣкъ въ качествѣ заправителя, администратора и совѣтчика? Онъ либо безполезенъ, либо принесетъ вредъ, ибо практическими его познаніями воспользуются опять-таки «практиче-

ские» люди изъ крестьянъ, люди съ необходимо-кулаческимъ настроеніемъ.

«То принесетъ сюда свѣтъ, — заключаетъ фельетонъ г. Эртель,—то подниметъ сознаніе массы, что̀ принесетъ съ собою этическіе идеалы въ соединеніи съ практическими, что̀ потрясетъ господствующее міровоззрѣніе въ самыхъ его основахъ, что̀ вмѣстѣ съ «фосфоритами» принесетъ проповѣдь религіознаго апоѳеоза труда, проповѣдь автора удивительной рукописи *О трудолюбіи и тунеядствѣ* крестьянина Бондарева,—однимъ словомъ, то, что̀ мы, интеллигентные люди, назовемъ новымъ интеллигентнымъ «сектантствомъ», когда оно появится, наконецъ, и что̀ полицействующая литература не замедлитъ окрестить «движеніемъ въ народъ, подобнымъ движенію пропагандистовъ въ семидесятыхъ годахъ», а мы согласимся и скажемъ: да, подобнымъ по силѣ движеніемъ, но совершенно иного склада и съ иными цѣлями».

Этотъ вполнѣ невинный фельетонъ вызвалъ, какъ я уже сказалъ, рѣзкую полемическую замѣтку, напечатанную въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* и подписанную буквою И. Авторъ замѣтки видитъ въ г. Эртелѣ ученика гр. Толстаго, замѣнившаго разсужденія вѣщаніями и дошедшаго до геркулесовыхъ столбовъ противорѣчій и самому себѣ, и здравому смыслу. По словамъ автора, г. Эртель только повторяетъ гр. Толстаго. У учителя—отрицаніе науки, у ученика шагъ еще дальше—отрицаніе грамотности; у обоихъ проповѣдь «этическихъ идеаловъ», съ одной стороны, и, въ то же время, отрицаніе тѣхъ условій, безъ которыхъ успѣхъ этой проповѣди невозможенъ, т.-е. грамотности и интеллигенціи. «Ни школой, ни совѣтомъ, ни руководствомъ интеллигентный человѣкъ,—заключаетъ авторъ замѣтку,—не поможетъ народу, по словамъ г. Эртеля; и вотъ нужно образовать секту, которая будетъ проповѣдывать «этическіе идеалы въ соединеніи съ практическими» и давать крестьянамъ зрѣлище «апоѳеоза труда». Бѣдный интеллигентный человѣкъ!... Ему, значитъ, остается сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ раскольничьяго попа».

То-то такъ ли? И это ли предлагаетъ г. Эртель? Что его подивили земледѣльческіе порядки самарскаго края, гдѣ всякій тащитъ и расхищаетъ, гдѣ люди живутъ лишь алчными инстинктами, гдѣ, съ одной стороны, звѣрообразный бурлакъ, спившійся и оборвавшійся или обнищавшій татаринъ, а съ другой—жомъ и молотокъ, выжимающій и выколачивающій изъ всѣхъ и всего, что̀ только можно выжать и выколотить,— все это совсѣмъ просто и понятно. Всякаго свѣжаго человѣка подобные людскіе порядки, гдѣ каждый или молотъ, или наковальня, не можетъ не заставитъ призадуматься. Такъ жить, очевидно, нельзя, а какъ же сдѣлать, чтобы люди жили по-человѣчески? И не только свѣжіе люди, впервые посѣщающіе эту новооткрытую и устроенную купцами страну, но и ея старые постоянные обитатели негодуютъ и протестуютъ противъ ея «виргинскихъ» порядковъ. Прочитайте, что пишетъ г. Португаловъ въ № 39

Недѣли. Тутъ уже не захватъ, не расхищеніе производительныхъ мертвыхъ силъ природы, а что-то такое ужасное, чему и названія нѣтъ, и что свершается совсѣмъ спокойно, во имя права собственности. И дѣйствуютъ тутъ не одинъ, не два какихъ-нибудь случайно забравшихся въ культурную страну дикаря,—нѣтъ, тутъ вы имѣете дѣло съ понятіями цѣлой среды, съ ея представленіями о правѣ и законности и ея убѣжденіемъ, что это право будетъ защищено и охранено.

Неподалеку отъ Мелекеса (посадъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи) есть три деревни, въ которыхъ живутъ 93 домохозяина. По уставной грамотѣ имъ отведена земля за 15 верстъ, на которую имъ и слѣдовало выселиться. Владѣлица, княгиня Трубецкая, вѣроятно, и выселила бы крестьянъ, но на это требовалось 20 тысячъ. «Такъ на этомъ дѣло и застряло,—разсказываетъ г. Португаловъ.—Мужики остались жить на своихъ мѣстахъ и жили бы, пока ихъ не снесло бы какимъ-нибудь ураганомъ или подземнымъ ударомъ. И ураганъ нашелъ... Помѣщики, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, продавали и перепродавали эти деревни изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, онѣ не очутились въ прошломъ 1885 году въ рукахъ владыки Маркова. Этотъ властелинъ, винокуренный заводчикъ и богачъ, первымъ дѣломъ распорядился и приказалъ снести деревни, почему-то ему мѣшавшія. Несмотря на вѣковую давность владѣнія, несмотря на просьбы и мольбы, въ маѣ 1885 года явились сынъ Маркова, Ѳедоръ, судебный приставъ Корниловъ и становой Благодаревъ съ партіей полицейскихъ урядниковъ и 30 человѣкъ плотниковъ—вятчанъ, коихъ предварительно напоили. И вотъ, когда этотъ воинственный отрядъ, подъ командою полицейскихъ, явился на мѣсто дѣйствія, все населеніе Муловки было очевидцемъ приведенія въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Это былъ буквальный разгромъ. Все ломалось въ дребезги, все разбивалось и выкидывалось. Прежде всего, была выброшена пища изъ печей. Жена крестьянина Еболдова, упавшая въ обморокъ, была вытащена за ногу на улицу, и приставъ былъ настолько цивилизованъ и джентльменъ, что облилъ ее водой. Съ тѣхъ поръ она хилѣетъ. Разгромивши на первый разъ до основанія пять усадебъ, тутъ же приступили къ описи имущества крестьянъ на удовлетвореніе Маркова за какіе-то убытки. Все оцѣнивалось въ ничто и было продано за безцѣнокъ... Нѣсколько времени спустя, Марковъ прислалъ землекоповъ и велѣлъ рыть глубокую канаву вокругъ домовъ и дворовъ, оставшихся еще не разгромленными, чтобъ оттѣснить крестьянъ отъ сообщенія съ ихъ гумнами и лишить ихъ возможности не только выгонять скотъ на выгонъ, но даже выѣхать изъ дворовъ. Крестьяне Христомъ-Богомъ молили не окапывать ихъ рвами и рѣшительно заявили, что не дадутъ себя въ засаду. Тогда явился самъ Ѳедоръ Маркокъ и велѣлъ своимъ землекопамъ бить крестьянъ скребками и кирками. Словомъ, чуть не произошло кровопролитіе; но землекопы не рѣшились вступить въ открытый

бой съ крестьянами. Тогда-то пошли волокита, аресты, уголовныя преступленія, сопротивленіе властямъ и такъ далѣе. Все было пущено въ ходъ, чтобы навязать крестьянамъ уголовщину, разорить ихъ до послѣдняго и если не мытьемъ, такъ катаньемъ заставить бросить свои кровныя земли и уйти куда угодно... Теперь это дѣло въ разныхъ инстанціяхъ».

И это не въ одной калмыцкой Самарѣ; совершенно такъ же нашъ купецъ исполняетъ свою гражданскую миссію на Кавказѣ, въ Сибири и вездѣ, гдѣ онъ является въ качествѣ представителя русскихъ началъ. Что же мудренаго, что насъ считаютъ дикарями и боятся, какъ огня, русской цивилизаціи? Да, тутъ дрогнешь и спросишь, что же дѣлать, какою плотиной остановить разливъ этой дикой силы? Есть у насъ и школы, и грамотность, и интеллигенція,—все есть, повидимому, что̀ есть и у другихъ христіанскихъ народовъ, — и всѣ эти просвѣтительныя и умягчающія средства, кажется, въ полномъ ходу, а «кадыкъ» претъ себѣ, какъ какой-нибудь таранъ, и все разступается передъ нимъ, все уступаетъ его силѣ, все служитъ ей.

Но въ этомъ ли разливѣ купеческой цивилизаціи вся наша бѣда? Нѣтъ, читатель, это только полбѣды. Главная наша бѣда въ томъ, что мы сваливаемъ своихъ боговъ, которымъ еще вчера молились, и не умѣемъ сохранять умственнаго наслѣдства. Въ этомъ случаѣ г. Эртель только одинъ изъ многихъ, изъ тѣхъ многихъ, у которыхъ есть уже и свой органъ въ печати, и *Волжскій Вѣстникъ* обвиняетъ его не въ томъ. Сказать, что грамотность, какою ее получаетъ народъ, не несетъ исцѣленія, еще не значитъ отрицать грамотность вообще; сказать, что интеллигенція, т.-е. извѣстная часть ея, въ качествѣ заправителей, администраторовъ и совѣтниковъ, либо безполезна, либо принесетъ вредъ, тоже не значитъ отрицать интеллигенцію вообще. Въ сущности, съ кѣмъ же борется прогрессивная печать, хотя бы тотъ же самый *Волжскій Вѣстникъ*, какъ не съ интеллигенціей, — съ тою интеллигенціей, которая, вмѣсто свѣта, вноситъ мракъ, вмѣсто образованія, сѣетъ невѣжество, вмѣсто правды и порядка, вноситъ неправду и безпорядокъ? Недавно судился, по опредѣленію сената, въ саратовской судебной палатѣ николаевско-новоузенскій предводитель дворянства Акимовъ. Это одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Николаевскаго уѣзда, человѣкъ еще среднихъ лѣтъ, значитъ, новой формаціи и получившій университетское образованіе. Интеллигентъ несомнѣнный. А посмотрите, что̀ творилъ этотъ несомнѣнный интеллигентъ. Является несомнѣнный интеллигентъ съ мировымъ судьею Росляковымъ, оба пьяные, на засѣданіе для составленія списка лицъ, имѣющихъ право баллотироваться въ мировые судьи, и начинаютъ дебоширить, какъ въ трактирѣ. Росляковъ коснѣющимъ языкомъ лепечетъ: «Алеша, ты у насъ сила... ты—власть, только прикажи, кого хочешь уберемъ!» Но въ этому же Алешѣ (миро-

вому судьѣ Міроѣдову) Акимовъ отнесся совсѣмъ не какъ къ силѣ: «я тебя вытащилъ изъ грязи,—сказалъ онъ ему,—а ты идешь противъ моихъ требованій!» А секретарю съѣзда, Спирину, когда тотъ спросилъ, почему онъ не внесенъ въ списокъ, Акимовъ отвѣтилъ: «ты пасквильный корреспондентъ, соціалистъ, принадлежишь къ тайнымъ обществамъ, и я тебя вышлю съ жандармами» и, выбѣжавъ изъ совѣщательной комнаты, сталъ кричать, чтобъ ему прислали немедленно жандармовъ. Міроѣдовъ и Спиринъ обратились къ свидѣтелямъ этихъ сценъ, мировымъ судьямъ, съ просьбою составить протоколъ, но никто изъ нихъ не рѣшился на актъ подобной смѣлости: до того они трепетали передъ владыкой двухъ уѣздовъ. Протоколъ по просьбѣ Спирина былъ составленъ товарищемъ прокурора, который и далъ протоколу ходъ. На судѣ выяснилось, что самодурство Акимова не имѣло границъ, что онъ ворочалъ всѣми дѣлами уѣзда и дѣлалъ самыя дикія постановленія. Оказалось, что онъ обнаруживалъ всегда необузданный характеръ и въ Петербургѣ судился за нечаянный будто бы выстрѣлъ. Хорошо объясненіе—необузданный характеръ! Медвѣдь еще необузданнѣе, да и того сажаютъ на цѣпь. Всѣ эти необузданные до тѣхъ поръ и дѣлаютъ всякія глупости, пока имъ позволяютъ. Гр. Толстой своею теоріей о непротивленіи злу не сказалъ ничего новаго. Онъ только формулировалъ нашу обыденную практику общественныхъ отношеній, когда каждый считаетъ себя очень маленькимъ и беззащитнымъ и при первомъ болѣе рѣзкомъ шумѣ убѣгаетъ, какъ мышенокъ въ свою норку. Кто же не знаетъ, что у насъ только единицами являются истинно-свободные и независимые люди съ выработаннымъ общественнымъ характеромъ, а что же мы дѣлаемъ, чтобъ они вырабатывались и какія для этого существуютъ возможности? Вопросъ старый, тридцать лѣтъ тому назадъ разрѣшенный еще нашею печатью, а теперь до того забытый, точно его никогда и не было. Вмѣсто того, чтобы въ общественныхъ мѣрахъ видѣть средства гражданскаго устроенія, мы снова обращаемся къ эстетикѣ и художественности, къ поэзіи жизни и къ моральнымъ проповѣдямъ. Много вѣковъ нужно, чтобы не только въ распившемся бурлакѣ, потерявшемъ человѣческій образъ, но и въ такихъ интеллигентахъ, какъ Ѳедоръ Марковъ, сносящій деревни, или Акимовъ, стрѣляющій *нечаянно* въ людей, воспиталось то умягчающее художественное и поэтическое чувство, которымъ теперь нѣкоторые собираются врачевать Россію! Не подъ другимъ ли только соусомъ преподносятъ тутъ читающей публикѣ толстовскую теорію о непротивленіи злу? Пока проповѣдники художественности будутъ насаждать чувство поэзіи жизни въ г. Акимовѣ или въ Ѳедорѣ Марковѣ, первый успѣетъ проглотить по одиночкѣ всѣхъ николаевцевъ и новоузенцевъ, а второй снесетъ всѣ деревни Ставропольскаго уѣзда. А какія чувства слѣдуетъ воспитывать по этой теоріи въ робкихъ мышатахъ? Они и теперь при первомъ шорохѣ разбѣгаются по норкамъ, съ поэтическимъ же чувствомъ и

художественностью, глушающимися всякимъ противленіемъ, они дадутъ такого стрекача, что ихъ уже ничѣмъ не выманишь изъ норки.

Мнѣ думается, что оппонентъ г. Эртеля перенесъ центръ тяжести своихъ обвиненій совсѣмъ не туда. Г. Эртель раньше общаго вывода совершенно ясно говоритъ, что нужно довести «трудовую обстановку до поэзіи», что нужно, чтобы «пахарь вкладывалъ свою душу въ работу», чтобъ онъ «обходился съ нивой любовно», чтобы земледѣльческій бытъ разцвѣлъ «тою поэзіей труда, которую такъ превосходно изображалъ Кольцовъ въ своихъ пѣсняхъ». Въ своихъ требованіяхъ г. Эртель настолько радикаленъ, что считаетъ необходимымъ «потрясти господствующее міровоззрѣніе (какое?) въ самыхъ его основахъ» и это должны свершить, конечно, эстетики-художники, которые пойдутъ въ народъ и вложатъ въ него «любовное отношеніе къ хозяйству и поэтическія связи съ природой», такъ, чтобы Самарская губернія превратилась въ «идиллію аксаковской *Семейной хроники*» (хороша идиллія!). Все это далеко не толстовская программа, которая при всей ея непослѣдовательности, все-таки, трогаетъ, такъ или иначе, чувство и можетъ давать направленіе поведенію. Въ эстетической же теоріи нѣтъ никакой программы: она не больше, какъ смутная фантазія, не дѣйствующая даже на воображеніе. Я говорю все это не о г. Эртелѣ и пользуюсь его фельетомъ лишь какъ поводомъ, чтобъ указать на одно изъ теченій нашей публицистики. Въ Германіи, при подобныхъ же внѣшнихъ обстоятельствахъ, наблюдалось подобное же направленіе и тѣхъ, кто ему слѣдовалъ, Берне называлъ «лавендуловыми душами». И у насъ завелись свои «лавендуловыя души», но только у нихъ едва ли окажется много сторонниковъ. Русскій человѣкъ вообще не любитъ ничего слащаваго и слабостью мысли и характера его не увлечешь.

Но относительно малой пользы отъ грамотности и ея безсилія остановить разладъ царящаго у насъ самодурства и кулачества лавендуловыя души, все-таки, правы, но только изъ этого факта совсѣмъ не слѣдуетъ дѣлать того вывода, который дѣлаетъ оппонентъ г. Эртеля. Вѣдь, и Стюартъ Милль говоритъ, что благими послѣдствіями изобрѣтенія машинъ пока еще не воспользовались рабочіе, но изъ этого уже никакъ не выходитъ, что Стюартъ Милль желаетъ уничтоженія машинъ. Есть масса благодѣтельныхъ изобрѣтеній, которыми до сихъ поръ пользуются только сильные и богатые и лишь для нихъ, однихъ открытъ пока свободный доступъ къ благамъ цивилизаціи. Вѣдь, вся задача современнаго общественнаго мышленія, всѣ усилія лучшихъ и болѣе справедливыхъ людей направлены на то, чтобъ эти блага распредѣлялись какъ можно равномѣрнѣе и не составляли бы привилегіи нѣкоторыхъ. То же повторяется и съ грамотностью, которая и не у насъ однихъ далеко не приноситъ своей пользы. Да и давно ли мы стали грамотѣями, давно ли завелись у насъ школы? Я говорю, конечно, о школѣ народной, о той

многострадальной народной школѣ, которой такъ же не везетъ у насъ, какъ и многому другому, что предпринималось въ интересахъ справедливости и народа. Пожалуй, и намъ, образованнымъ, грамотность не приноситъ всей пользы; и, можетъ быть, отъ этого мы и сами приносимъ мало пользы. Не стану говорить о нашихъ многихъ внутреннихъ дѣлахъ, о которыхъ нигдѣ и ничего не прочитаешь, но возьму хоть школу: что и гдѣ можетъ узнать о ней наша читающая публика? Я, напримѣръ, пользуюсь въ этомъ отношеніи бо́льшими средствами, чѣмъ обыкновенный читатель, потому что имѣю въ своемъ распоряженіи столичныя и провинціальныя газеты; но выбрать и выискать изъ нихъ то, что меня интересуетъ по какому-нибудь данному вопросу—настоящая Сизифова работа. То здѣсь, то тамъ, въ десяткахъ газетъ выищешь, въ видѣ маленькихъ и точно случайныхъ заплаточекъ, коротенькія извѣстія или корреспонденціи по интересующему вопросу, но когда ихъ начнешь связывать, чтобы получить цѣльную картину, то получается только дырявое лоскутное одѣяло или нѣчто вродѣ тѣхъ дѣтскихъ складныхъ картинокъ, въ которыхъ половина фигуръ растеряна. Но въ этомъ нельзя винить и газеты: не святымъ же духомъ узнавать ихъ сотрудникамъ, что̀ дѣлается въ Россіи, когда и она молчитъ, и молчатъ тѣ, кто ею вѣдаютъ. И вотъ и пишущіе, и читающіе довольствуются всякими обрывками свѣдѣній, какія находятъ въ газетахъ, и только по ихъ общему тону могутъ судить объ общемъ ходѣ жизни. Словомъ, вмѣсто ясной, точной картины, открывается лишь сѣрый фонъ какихъ-то теченій, точно съ высокой горы смотришь на океанъ, покрытый туманомъ. Видишь, что и здѣсь что-то не ладно и тамъ что-то не ладно, а въ чемъ и почему это не ладно, не поймешь и не узнаешь. Подобныя печатныя прятки (впрочемъ, не намѣренныя со стороны печати) едва ли приносятъ кому бы то ни было пользу, а тѣмъ болѣе россійскому неустройству.

Когда я дописывалъ эти слова, мнѣ принесли письмо одного изъ моихъ далеко живущихъ друзей. Пишетъ онъ мнѣ по поводу одного изъ моихъ очерковъ: «Пожалѣлъ я, между прочимъ, что, говоря о земствѣ и противупожарныхъ мѣрахъ, вы не упомянули ни словечка о вятскомъ земствѣ. Тамъ это дѣло дѣйствительно хорошо устроено: въ одномъ Глазовскомъ уѣздѣ, наприм., больше тысячи пожарныхъ машинъ и при нихъ спеціально особый механикъ, который только и дѣлаетъ, что ѣздитъ по уѣзду и осматриваетъ ихъ, чинитъ, поправляетъ, учитъ крестьянъ обращаться съ ними. Все это дѣлаетъ, главнымъ образомъ, губернское земство, а не уѣздныя. То же самое, говорятъ, и въ другихъ уѣздахъ. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ не Богъ вѣсть что, но, все-таки, видно хоть нѣкоторое стараніе и забота о мужикѣ. А какъ прекрасно устроена тамъ медицинская часть, хотя докторовъ и фельдшерскихъ пунктовъ, все-таки, мало. Изъ пяти докторовъ (одинъ уѣздный), четыре тамъ люди молодые, очень дѣятельные и буквально ни съ кого не берущіе ни гроша; аптека

также земская и все отпускаетъ безплатно, взыскивая только 5 коп. съ каждаго рецепта, т.-е. съ каждаго отпуска лѣкарствъ, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ стоили нѣсколько рублей. Какъ посравнишь все это съ такими чиновничьими палестинами, какъ, наприм., здѣшній округъ (письмо изъ Сибири), такъ и увидишь всю огромную разницу между чиновничьею и земскою дѣятельностью, какъ бы послѣдняя ни была плоха и узка. Тутъ положительно нельзя хворать,—такъ дороги доктора и аптека,—а въ деревнѣ и подавно, потому что тамъ и доктора никогда не увидишь. Изъ двухъ докторовъ одинъ только и дѣлаетъ, что по мертвымъ тѣламъ ѣздитъ вскрытіе производить, а другой постоянно въ городѣ живетъ...» Упрекъ мнѣ совершенно справедливый, но что же дѣлать мнѣ и вообще всякому другому русскому публицисту при нашихъ условіяхъ гласности? Кромѣ вятскаго, есть еще много и другихъ земствъ, у которыхъ и пожарная, и медицинская, и школьная части устроены очень хорошо, но развѣ о нихъ можно гдѣ-нибудь найти хоть одно печатное слово? Развѣ собираніе свѣдѣній о Россіи у насъ организовано, развѣ есть у насъ такой органъ, въ которомъ бы давались точные и подробные отчеты о внутреннихъ и земскихъ дѣлахъ? Земства, правда, издаютъ свои постановленія, но какъ ихъ добыть обыкновенному смертному? Да если бы обыкновенный смертный ихъ и досталъ, опъ, все-таки, едва ли бы ихъ одолѣлъ и пришелъ бы къ какимъ-нибудь точнымъ и опредѣленнымъ итогамъ. Каждое земство пишетъ у насъ отчеты и доклады по-своему, а есть и такія управы, которыя никакихъ отчетовъ земскому собранію не представляютъ. А при разнообразныхъ регистраціяхъ ни о какихъ общихъ итогахъ не можетъ быть и разговора. Напримѣръ, о земскихъ школахъ одпѣ управы даютъ въ отчетахъ очень подробныя свѣдѣнія, такъ что вы узнаете даже, гдѣ каждый учитель или учительница окончили свое образованіе; другія же даютъ только огульную цифру школъ и расходовъ на нихъ и считаютъ это вполнѣ достаточнымъ. Центральнаго земскаго органа у насъ нѣтъ, откуда же явиться земскому единству и на чемъ и какъ столковаться земцамъ? Попытки къ организаціи единообразія въ усиліяхъ, задачахъ и способахъ земской дѣятельности не имѣли до сихъ поръ никакого результата, да, по всей вѣроятности, скоро его и не достигнутъ. И вотъ и земская, и неземская Россія живетъ отгороженными кутками и каждый кутокъ варится въ своемъ собственномъ соку, не вѣдая, какъ варится его сосѣдъ. Какими же знаніями при такихъ средствахъ отечествовѣдѣнія можетъ владѣть наше общество, на которое извѣстная часть печати возлагаетъ отвѣтственность за всѣ неустройства, если отечество отъ общества спрятано и если оно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ это отечество живетъ? Что же мудренаго, что наша тенденціозная печать не только играетъ общественнымъ невѣдѣніемъ, какъ фокусникъ шарами, но еще и старается совсѣмъ завязать обществу глаза и заткнуть уши, чтобы затѣмъ лѣпить изъ него,

какъ изъ воска, какія нужно фигурки? Именно такою игрой и занимается теперь эта часть печати въ вопросѣ о народномъ образованіи, въ пользѣ котораго усомнился г. Эртель.

Въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ *Кіевлянинъ* сообщалъ, въ видѣ коротенькаго извѣстія, что министерство народнаго просвѣщенія собираетъ свѣдѣнія о томъ, какія необходимы измѣненія въ программѣ учительскихъ семинарій, чтобы сельскія школы могли имѣть вполнѣ подготовленныхъ учителей для преподаванія ремеслъ и общеполезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. Вмѣстѣ съ этимъ сельскія школы предполагается приспособить къ мѣстнымъ условіямъ, такъ что въ одной школѣ можетъ преподаваться, какъ спеціальный предметъ, огородничество или садоводство, а въ другой—столярное или сапожное ремесло и проч., смотря по мѣстнымъ требованіямъ. Что же, мысль прекрасная и ее остается только одобрить. Но *Кіевлянину* было нужно другое и въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ онъ разразился въ передовой статьѣ цѣлою филиппикой противъ земскихъ школъ. Чтобы сохранить цвѣтъ и ароматъ этой филиппики, я приведу главную ея часть цѣликомъ.

«Останавливаясь на этомъ новомъ теченіи въ сферѣ народнаго образованія и опредѣляя его значеніе,—говоритъ *Кіевлянинъ*,—намъ кажется, что осуществленіе вышеуказанной программы составитъ *цѣлую эпоху* въ жизни нашей народной школы, дастъ ей то твердое положеніе, какого она до сихъ поръ была совершенно лишена. Въ силу неисповѣдимыхъ судебъ наша народная школа еще недавно была поставлена въ столь ложное положеніе, что можно только удивляться, какъ до сихъ поръ это анти-народное искусственное насажденіе просвѣщенія не заглохло еще окончательно и не отбило у массы народа всякой охоты къ образованію. Преслѣдуя *ложно* (курсивъ *Кіевлянина*) реалистическія цѣли, наша школа направила всѣ силы къ тому, чтобы порвать естественную связь ея съ церковью, а равно и съ жизнью, и наши педагоги вели обученіе народа такъ, что всѣ «знанія» (ковычки *Кіевлянина*), которыя давала школа, являлись *ни къ чему* (курсивъ опять *Кіевлянина*) непригодными и должны были забываться совершенно; все, что получили воспитанники такихъ школъ,—это льготу по отбытію воинской повинности, да и то лишь въ такомъ случаѣ, если не упускалось время и ученикъ не успѣлъ превратиться въ совершенно безграмотнаго. Съ изданіемъ закона о церковно-приходскихъ школахъ въ системѣ народнаго образованія былъ пополненъ крупный пробѣлъ и религіозно-нравственному просвѣщенію народа дано надлежащее мѣсто. Но это лишь одна сторона дѣла. Народную школу необходимо поставить такъ, чтобъ она, въ то же время, служила *экономическимъ* (курсивъ *Кіевлянина*) пользамъ и нуждамъ массы населенія, была *реально связана съ потребностями жизни и удовлетворяла ихъ* (курсивъ *Кіевлянина*). Эта вторая задача и будетъ достигнута со введе-

ніемъ преподаванія въ народныхъ школахъ общеполезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній и ремеслъ».

И такъ, оказывается, что измѣненіе въ программѣ учительскихъ семинарій составитъ *цѣлую эпоху* въ жизни нашей народной школы;

что законъ о церковно-приходскихъ школахъ пополнилъ крупный пробѣлъ и религіозно-нравственному просвѣщенію народа дано надлежащее мѣсто;

что теперешняя (читай земская) школа была поставлена въ ложное положеніе и удивительно, какъ она еще окончательно не отбила у народа охоты къ ученью;

что земская школа стремилась порвать естественную связь народа съ религіей и жизнью;

что знанія, которыя она давала, являлись ни къ чему непригодными и должны были забываться совершенно.

Уже одного обвинительнаго пункта, что школа разрывала «естественную связь народа съ религіей и жизнью», было бы совершенно достаточно, чтобы закрыть всѣ земскія школы. Отчего же онѣ оказываются не только не закрытыми, но и растутъ ежегодно? На этотъ вопросъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ самъ *Кіевлянинъ*, добросовѣстно оговорившій, до перечисленія обвинительныхъ пунктовъ: «намъ кажется». Именно почтенному *Кіевлянину* все это только показалось. Но если это такъ, если *Кіевлянинъ* сознавалъ, что ему это только кажется, зачѣмъ же онъ пользуется невѣдѣніемъ читателя и говоритъ такъ утвердительно о вещахъ, ему точно неизвѣстныхъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ «кажется» заключается самое безобидное объясненіе тѣхъ обвиненій земской школы, которыя приходится встрѣчать въ газетахъ и выслушивать въ земскихъ собраніяхъ отъ людей, хотя и считающихъ себя земцами, но не знающихъ ни земскихъ дѣлъ, ни не умѣющихъ думать по-земскому. А эти господа, благодаря слабому протесту противъ нихъ со стороны земства, уже не первый годъ высказываютъ совершенно безнаказанно такія вещи, которыхъ они при иныхъ условіяхъ высказывать бы устыдились. «Зачѣмъ намъ народное образованіе, на которое уходятъ десятки тысячъ ежегодно земскихъ денегъ, а пользы и на грошъ нѣтъ? — говорилъ на аткарскомъ земскомъ собраніи нынѣче, въ октябрѣ, гласный Гардеръ.— Образованіе народа приноситъ одинъ лишь вредъ! Деревенскіе ребята въ школахъ научаются безнравственности и невѣрію въ Бога. Ученковъ въ школахъ учатъ не закону Божію, а тому, что у коровы спереди есть голова, а сзади... хвостъ. Грустно!... Пора это зло пресѣчь! Закрыть надо школы, уничтожить! Пусть попы да дьячки учатъ народъ грамотѣ! Они научатъ народъ чему-нибудь хорошему!» Съ меньшимъ числомъ знаковъ восклицанія, но такъ же убѣдительно, говорилъ на курскомъ собраніи на ту же тему гласный Анненковъ: «Пора земству отказаться отъ обыкновенія строить зданія для школъ стоимостью въ 2—3

тысячи рублей; не нужны въ школахъ глобусы, ландкарты: расходы на все это не только не полезны, но даже вредны. Образованіе же только приноситъ населенію вредъ, развращаетъ крестьянъ. На что, напримѣръ, употребляютъ свои знанія волостные и сельскіе писаря, какъ не на вредъ населенію? Продуктомъ образованности въ деревнѣ являются, кромѣ писарей, кабатчики, кулаки, аблакаты и прочіе пройдохи. Просвѣщеніе портитъ крестьянское юношество, которое не почитаетъ теперь родителей, забыло посѣщать церкви, пьянствуетъ». *Одесскій Вѣстникъ* говоритъ, что этотъ же самый г. Анненковъ, два года тому назадъ, доказывалъ въ земскомъ собраніи, что для бѣдняковъ должны быть организованы особыя школы, въ которыхъ фабриковались бы расторопные лакеи и ловкія горничныя.

«Любопытно бы знать,— замѣчаетъ *О. В.*,— какая школа фабриковала самого г. Анненкова?»

И въ этомъ замѣчаніи газеты меньше всего иронія. Оно напоминаетъ другое замѣчаніе, сдѣланное по поводу «нашихъ самоучекъ» (*Рус. М.*, кн. VII). Съ извѣстнымъ Слѣпушкинымъ былъ такой случай. Встрѣчается съ нимъ какой-то незнакомецъ и для поправленія его денежныхъ обстоятельствъ даетъ ему 700 р. И когда Слѣпушкинъ полюбопытствовалъ узнать имя великодушнаго человѣка, тотъ ему отвѣтилъ: «На что тебѣ меня знать,—вѣдь, я тебя знаю», ссудилъ, да болѣе и не показывался. На какой почвѣ возникъ этотъ великодушный человѣкъ? — спрашиваетъ авторъ. Откуда и въ самомъ Слѣпушкинѣ то, что, обзаведясь кирпичнымъ заводомъ, онъ сталъ для рабочихъ вторымъ отцомъ, кормильцемъ, совѣтникомъ, судьею, заботливымъ попечителемъ о больныхъ? Откуда это, что онъ всегда совѣстился притѣснять своихъ должниковъ и, встрѣтивъ кого-нибудь изъ нихъ, обыкновенно показывалъ, что не замѣчаетъ, потому что по опыту зналъ, какъ тяжело встрѣчаться съ заимодавцемъ.. Отчего, въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ авторъ статьи,—одинъ и тотъ же нашъ народный міръ порождаетъ, въ одно и то же время, и самоотверженнаго мірянина, и міроѣда? Въ самомъ дѣлѣ, какая школа создаетъ подобныя крайности не только въ деревнѣ, но и въ земствѣ и гдѣ хотите, на какой почвѣ возникаютъ такія дикія понятія, что образованіе приноситъ вредъ, а просвѣщеніе портитъ, что школы нужно закрыть, какъ этого требуютъ гг. Гардеръ и Анненковъ? На какой почвѣ возникла вражда противъ земства? Да все на почвѣ того же самаго невѣжества, которое питается неудовлетворительною организаціей образованія, слабыми средствами просвѣщенія, а больше всего слабыми возможностями для борьбы въ самой жизни, въ повседневной ея практикѣ, съ этимъ невѣжествомъ, такъ гордо и самоувѣренно поднявшимъ теперь свою голову и не только безстыдно рисующимся своимъ цинизмомъ, но и являющимся силою, имѣющею власть вязать и разрѣшать. Г. Гардеръ, напримѣръ, вызвалъ на аткарскомъ собраніи «чрезвычайно шумныя пренія»,

потребовалось его опровергать, потребовалось представлять доказательства, что онъ говоритъ вздоръ. Въ защиту народнаго образованія выступили четыре гласныхъ: А. Сафоновъ, Котовъ, Садовниковъ и Гарцуевъ, которые доказали, что народное образованіе въ уѣздѣ находится въ очень хорошемъ состояніи, что народъ относится къ школамъ съ большою симпатіей и не жалѣетъ на нихъ послѣднихъ грошей. На предложенный предсѣдателемъ вопросъ: «желаетъ ли собраніе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, ассигновать на народное образованіе 18,000 рублей?» — собраніе отвѣтило утвердительно.

Зачѣмъ же г. Гардеръ и его сторонники поднимали весь этотъ шумъ? Зачѣмъ приходилось спорить и доказывать вновь то, что было еще доказано при Ломоносовѣ? Зачѣмъ люди, неимѣющіе умственнаго ценза, допускаются къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ? А что люди безъ умственнаго ценза стали выдвигаться теперь въ качествѣ демосоеновъ, въ этомъ много повинна такъ называемая консервативная печать. Посмотрите, какимъ развѣтвленнымъ потокомъ разливается по Россіи... ну хотя бы извѣстный родникъ, бьющій въ Москвѣ. *Московскія Вѣдомости* читаются, конечно, высшею консервативною интеллигенціей; но за ними выступаетъ цѣлый рядъ провинціальныхъ газетъ, оффиціозныхъ, полуоффиціозныхъ, даже и совсѣмъ неоффиціозныхъ, какъ *Кіевлянинъ*, *Варшавскій Дневникъ*, *Виленскій Вѣстникъ*, *Волынь*, *Кавказъ*, *Новороссійскій Телеграфъ*, которые текутъ по провинціи ручейками того же цвѣта и утоляютъ жажду любознательнаго читателя все тою же водой. За этими претендующими на большую серьезность и основательность органами выступаютъ частью приспѣшники *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ *Южный край* и *Лучъ*, а частью мелкіе органы «вольной печати», разсчитывающіе на провинціальныхъ дешевыхъ подписчиковъ—*Нива*, *Свѣтъ*, *Иллюстрированный Міръ*, *Всеобщая Газета*, *Волга*, *Радуга*, *Вокругъ Свѣта*, набирающіе своихъ читателей между сельскимъ и городскимъ духовенствомъ, мелкими купцами и прикащиками, небогатыми землевладѣльцами, управляющими, кабатчиками, волостными писарями и т. п. малоразвитою и нетребовательною публикой. Что же мудренаго, что избиратель, начитавшійся г. Окрейца (*Лучъ*) или *Южнаго Края*, выбираетъ въ гласные людей того высокаго умственнаго ценза, какъ гг. Гардеръ или Анненковъ; а эти въ свою очередь превращаютъ земскія собранія въ приготовительный классъ общественности или въ арену общественныхъ недоразумѣній? Но нужно быть, однако, справедливымъ и къ гг. Гардеру и Анненкову. Какъ же имъ не высказывать своихъ мыслей, когда даже такіе солидные представители провинціальной печати, какъ *Кіевлянинъ*, думаютъ о земскихъ школахъ совершенно такъ же? Вотъ мы и опять подошли къ школѣ и теперь отъ нея уже не отойдемъ.

И такъ, земскую народную школу обвиняютъ и прогрессисты извѣстнаго оттѣнка, и консерваторы. Прогрессистовъ школа не удовлетворяетъ

потому, что не даетъ этическихъ идеаловъ и одна грамотность безсильна бороться противъ безшабашнаго кулачества; газетные консерваторы находятъ, что школа стремится порвать естественную связь народа съ религіей и жизнью, а консерваторы-практики, черпающіе руководящія идеи къ исполненію изъ консервативныхъ газетъ, уже совсѣмъ и не думая, оглашаютъ воздухъ кличемъ: «Долой школы! Пускай попы да дьячки учатъ народъ грамотѣ». Посмотримъ же, что говорятъ факты и даютъ ли они основаніе только къ этимъ выводамъ или къ какимъ-нибудь другимъ.

Исторія нашей народной школы коротка. До Петра Великаго у насъ была школа церковная (какъ и все тогдашнее образованіе), т.-е. тамъ и здѣсь,—и ужь, разумѣется, не въ деревняхъ,—учила дѣтей церковной грамотѣ, потому что другой и не было, да молитвамъ. Петръ вводитъ гражданскую азбуку и создаетъ школу профессіональную, потому что ему были нужны знающіе люди. Но «посадскіе люди» съ ужасомъ смотрѣли на всѣ эти цифирныя, военныя, навигацкія и разноязычныя школы и просили царя ихъ отъ школъ освободить, что Петръ и сдѣлалъ. Затѣмъ вплоть до царствованія Императора Николая о народной, т.-е. деревенской, мужицкой школѣ ничего не слышно; правительство заботилось лишь о среднемъ и высшемъ образованіи и до деревни не доходило. При Императорѣ Николаѣ, и въ особенности съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, начинаются въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ заводиться школы, въ которыхъ деревенскихъ мальчишекъ учили, обыкновенно силкомъ, грамотѣ. Эти школы и тогда назывались «бумажными», т.-е. объ нихъ писалось въ отчетахъ одно, а въ дѣйствительности было другое: народъ этихъ школъ не любилъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на своего рода рекрутчину. Надо было измѣниться всѣмъ условіямъ народной жизни, чтобы школы стали дѣйствительною потребностью, и это измѣненіе явилось съ освобожденіемъ крестьянъ и съ возникновеніемъ земства. Вотъ когда, наконецъ, не только наступила пора народной школы, но явилась и дѣйствительная школа.

Дореформенныя школы, доставшіяся въ наслѣдство земству, едва ли даже и можно было считать школами. Помѣщались онѣ Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ какъ, и учили въ нихъ грамотѣ по Домострою всякіе учителя—и отставные солдаты, и дьячки, и дворовые, и пьяные, и трезвые. Достались въ наслѣдство земству и церковно-приходскія школы, помѣщавшіяся тоже кое-гдѣ и кое-какъ, то въ сторожкѣ при церкви, то у дьячка; учебныхъ средствъ почти никакихъ не было, ни азбуки, ни книгъ для чтенія, и вся грамота сводилась къ механическому чтенію по букварямъ да церковнымъ книгамъ.

И вотъ точно чудомъ какимъ-то свершается нѣчто невиданное и небывалое. Вопросъ о народномъ образованіи становится общимъ вопросомъ, надъ нимъ задумывается не земство только, а лучшіе люди Россіи; преж-

ная Россія, никогда и не слыхавшая объ ученыхъ педагогахъ, о методахъ и педагогіи, тутъ внезапно, неизвѣстно откуда, точно изъ земли, создала рядъ даровитыхъ, знающихъ и фанатически преданныхъ дѣлу народнаго образованія писателей, воспитателей, учителей, создавшихъ никогда еще неслыханную въ Россіи педагогію и установившихъ народную школу на научныхъ основахъ. Въ исторіи народной школы имена ея первоучителей и организаторовъ, какъ Ушинскій, Водовозовъ, Максимовичъ, Столпянскій, Золотовъ, баронъ Косинскій, баронъ Корфъ, Студитскій, Кочетовъ, Блиновъ, Тихомировъ — сохранятся навѣчно. Я перечислилъ далеко не всѣхъ изъ посвятившихъ себя народному образованію и масса ихъ служитъ лучшимъ показателемъ силы того движенія, которое овладѣло образованными людьми въ пользу народнаго образованія.

Движеніе это было вполнѣ сознательное и люди отлично понимали, въ чемъ заключаются ихъ цѣли и задачи и какія трудности лежатъ имъ на пути. Нужно было создавать все вновь, потому что предъидущая школа (если только школой можно назвать то, что было) давала лишь отрицательныя указанія. Работа была большая и трудная, и не только для обыкновенной публики, но, пожалуй, и для земцевъ не всегда понятная. Только тѣ, кто стоялъ у самаго дѣла, могутъ оцѣнить вполнѣ тотъ, повидимому, мелочной, но, въ сущности, гигантскій трудъ, который вынесли на своихъ плечахъ творцы нашей народной школы. Они должны были и дѣлать, и передѣлывать, учить и сами учиться. Для этого было мало одной энергіи,—требовалась страстная любовь къ дѣлу, извѣстная настойчивость и даже упрямство въ достиженіи цѣли. Двигалъ людьми не казенный формализмъ, не служебная исполнительность, а та благородная, одушевляющая сила, которая зовется искрой Божіей. И, можетъ быть, ни на какомъ другомъ поприщѣ жизнь не выдвинула столько беззавѣтныхъ энтузіастовъ, которые, несмотря ни на какія лишенія, толчки и непріятности, всецѣло охваченные любовью къ ближнему, отдавали всѣ свои силы, чтобы внести свѣтъ въ темный міръ заброшенной русской деревни. Это не фразы! Я не пишу исторію народной школы (а ее долженъ бы кто-нибудь написать, и именно теперь, когда еще свѣжо впечатлѣніе перваго труда и когда еще живы тѣ, кому первымъ пришлось пробивать пути, класть первые камни этого будущаго зданія, да отвоевывать подъ нею каждый вершокъ земли, борясь съ окружающимъ невѣжествомъ и непониманіемъ),—я хочу только показать читателю, насколько неправды, и именно теперь, говорится и пишется объ одномъ изъ лучшихъ нашихъ дѣлъ. Чтобы читатель самъ убѣдился въ этомъ, я въ видѣ схемы народнаго обученія въ земскихъ школахъ представлю ему тѣ результаты, которые были выяснены на первомъ съѣздѣ учительницъ-семинарокъ земской учительской школы П. П. Максимовича въ Твери, въ августѣ 1883 года. Эти итоги будутъ и живою картиной самой земской школы, какою она является теперь.

Первоначальное обученіе грамотѣ ведется, во всѣхъ безъ исключенія школахъ, по звуковому методу. Это кропотливое дѣло требуетъ большаго вниманія и терпѣнія. Самое большое затрудненіе испытываютъ дѣти при первыхъ опытахъ сліянія звуковъ по разрѣзнымъ буквамъ; дѣти не могутъ догадаться, какъ связать звуки вмѣстѣ, какъ прочитать двѣ буквы сразу, и всегда произносятъ каждый изъ двухъ звуковъ отдѣльно (*мъ—а*). Для устраненія этого затрудненія, учительница или учитель заставляетъ тянуть первый звукъ, а потомъ сразу прибавить къ первому звуку второй. Но и этотъ пріемъ очень часто не уменьшаетъ затрудненія, и учительницѣ нерѣдко приходится самой подсказывать произношеніе слога. Затрудненія эти продолжаются, приблизительно, во время изученія перваго десятка буквъ. Не мало затрудняетъ дѣтей и сліяніе согласныхъ звуковъ съ мягкими гласными. Дѣти произносятъ мягкій гласный звукъ или твердо (*ма*, вмѣсто *мя*), или вмѣсто *я* произносятъ *ъя* (*мъя*). Послѣ того, какъ дѣти познакомятся съ первыми 10 — 15 буквами, имъ выдаются книжки (не вездѣ, правда). Дѣти этому ужасно рады, да довольны и родители, которыхъ обыкновенно особенно интересуютъ первые успѣхи обученія ребенка.

Дѣти при поступленіи въ школу говорятъ такъ, какъ они научились говорить въ семьѣ, а потому ихъ языкъ отличается всѣми тѣми неправильностями, какія существуютъ въ мѣстномъ говорѣ. Школа должна исправить этотъ недостатокъ, т.-е. то, что дѣйствительно неправильно въ мѣстномъ языкѣ, и научать учениковъ понимать общелитературный языкъ, какимъ пишутся книги. Это дѣло и трудное, и деликатное и, къ сожалѣнію, не дающее прочныхъ результатовъ, ибо ребенокъ слышитъ общепринятый литературный языкъ только въ школѣ, а затѣмъ и до школы, и послѣ школы, и во всю жизнь его окружаетъ мѣстный говоръ. Учителя думаютъ, что замѣтное вліяніе школы и книги на мѣстный языкъ скажется только черезъ нѣсколько поколѣній, прошедшихъ послѣдовательно черезъ школу. Исправленіе говора дѣтей должно дѣлаться умѣло и осторожно, чтобы въ ребенкѣ не явилось чувства пренебреженія къ крестьянскому языку и къ тѣмъ, кто имъ говоритъ, чтобы ребенокъ не заважничалъ, чтобы въ немъ не явилось желаніе щеголять словами и оборотами, которыхъ онъ, пожалуй, даже и не совсѣмъ понимаетъ. Это дѣло требуетъ тѣмъ бо́льшей осторожности, что народный языкъ питаетъ языкъ литературный и служитъ его главнымъ источникомъ. Да, кромѣ того, есть много словъ, не заключающихъ въ себѣ никакого дурнаго смысла, но которыя не употребляются въ литературномъ языкѣ только потому, что *не принято* такъ говорить. Графъ Л. Толстой употребляетъ въ своихъ народныхъ разсказахъ слова: кобыла, портки и т. п., не принятыя въ литературной рѣчи. И, конечно, удерживаніе дѣтей отъ подобныхъ словъ принесетъ только вредъ, потому что дѣти станутъ доискиваться причины и могутъ приписать этимъ словамъ такой

смыслъ, какого въ нихъ вовсе и нѣтъ. Народная школа переводитъ теперь ученика постепенно отъ народнаго языка къ языку общелитературному и при этомъ исходною точкой отправленія въ обученіи языку, первою ступенью въ послѣдовательномъ умственномъ развитіи учащихся служитъ народный языкъ, слѣдующею ступенью служатъ: языкъ народной сказки, пѣсни и пословицы, а высшею является языкъ литературный.

Когда дѣти выучатся читать слова и предложенія, имъ даютъ читать коротенькія повѣствованія и разсказы, представляющіе развитіе какой-либо одной основной мысли. Статьи описательнаго характера въ этотъ періодъ обученія мало доступны дѣтямъ и читаются ими съ большимъ трудомъ. Сказки, забавные анекдоты, шутки и прибаутки, скороговорки, пѣсенки и т. п. хотя и охотно читаются дѣтьми, но встрѣчаютъ полнѣйшее неодобреніе и даже порицаніе со стороны родителей, и потому ихъ въ школѣ не читаютъ.

Обыкновенный способъ разработки статей заключается въ слѣдующемъ: статья читается вся сразу и два или три раза—механически и при этомъ исправляютъ ошибки учениковъ въ выговорѣ и произношеніи словъ, въ интонаціи чтенія предложеній и проч. Послѣ механическаго прочтенія дѣлается разборъ статьи по частямъ, причемъ объясняются дѣтямъ незнакомыя слова и выраженія, переспрашиваютъ прочитанное, а потомъ дѣти передаютъ своими словами содержаніе прочитаннаго отрывка. Такъ читается статья до конца. Въ концѣ статьи выводится главная мысль, и дѣти пересказываютъ содержаніе всей статьи.

Съ чтеніемъ басенъ дѣло идетъ труднѣе: въ нихъ сбиваетъ дѣтей вымышленная форма. Поэтому дѣтямъ нужно сначала прочесть басню и растолковать имъ прямой ея смыслъ, а потомъ уже смыслъ переносный. Примѣненіе дѣйствій и поступковъ животныхъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ человѣка—очень трудная работа для дѣтей; басенные образы въ воображеніи дѣтей берутъ всегда перевѣсъ надъ объясненіями этихъ образовъ учителемъ.

Дѣти очень охотно заучиваютъ наизустъ стихотворенія, но родители деревенскихъ дѣтей въ большинствѣ случаевъ относятся къ этому занятію не одобрительно. Такъ же не одобряетъ народъ сказки и пѣсенки; онъ считаетъ чтеніе сказокъ бездѣльемъ и, дорожа временемъ, требуетъ, чтобы школа учила ребенка только «дѣлу». Поэтому, несмотря на то, что сказка можетъ служить прекраснымъ воспитательнымъ матеріаломъ и вообще нравиться дѣтямъ, потому что соотвѣтствуетъ вполнѣ той ступени развитія, на которой стоятъ дѣти, приходится иногда дѣлать уступку родителямъ и пользоваться сказкой только для внѣкласснаго чтенія.

Чтеніе есть основа школы, ея главный развивающій элементъ въ области умственной и нравственной, сообразно этому и статьи, избираемыя для чтенія, дѣлятся: на статьи, заключающія въ себѣ естественно-историческія, географическія и историческія свѣдѣнія (описанія и разсказы)

и образцово-литературныя произведенія и статьи религіознаго и нравственнаго содержанія, развивающія и облагораживающія преимущественно чувства (басни, стихотворенія, повѣсти, разсказы и проч.). Совершенно справедливо замѣчаетъ одна изъ учительницъ (г-жа Боркова), что разумно направленнымъ чтеніемъ можетъ быть исчерпана почти вся задача современной народной школы.

Какъ примѣръ вліянія задушевныхъ разсказовъ на чувство дѣтей, г-жа Боркова указываетъ на сказку, напечатанную въ *Игрушечкѣ—Откуда взялся ландышъ*. «Одна старушка возвращалась отъ обѣдни съ своимъ внучкомъ Яшей; ихъ окружила толпа нищихъ; Яша, пораженный картиной бѣдности, спросилъ у бабушки: «почему такъ много несчастныхъ на свѣтѣ?» Старушка ему отвѣтила, что жилъ на свѣтѣ злой старый колдунъ, онъ спряталъ людское счастье въ сундукъ и унесъ далеко въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ стало много горя въ людяхъ. Охваченный чувствомъ состраданія и любви, Яша все думалъ, какъ отыскать счастье людямъ. Позднею ночью онъ уходитъ въ лѣсъ на поиски. Идетъ день, другой, заходитъ далѣе, а счастья все нѣтъ. Усталый, онъ падаетъ подъ сосенкой и плачетъ. Слезы его капаютъ на зеленую травку, на землю, и оттуда поднимаются ландыши, такіе же бѣлые и чистые, какъ чисты были его слезы, желанія и любовь». Сказка эта произвела глубокое впечатлѣніе на дѣтей; они заставляли ее перечитывать, задумывались и даже дѣлали свои замѣчанія по пододу Яшиной жалости къ людямъ. Этотъ фактъ даетъ поводъ г-жѣ Борковой сдѣлать такой выводъ. Крестьянскій ребенокъ очень рано начинаетъ вести почти самостоятельную жизнь внѣ нравственнаго вліянія матери. Вся ушедшая въ заботу дня, крестьянская мать мало имѣетъ времени думать о дѣтяхъ, а если и ласкаетъ ихъ, разсказываетъ что-нибудь, то урывками и между дѣломъ. А, между тѣмъ, сплошь и рядомъ, дѣти бываютъ окружены фактами грубаго насилія и несправедливости, перевѣса физической силы надъ нравственною и въ этой обстановкѣ быстро грубѣютъ и дѣлаются безчувственными. Поэтому школа, по мнѣнію г-жи Борковой, должна, насколько возможно, замѣнить крестьянскому ребенку недостающее ему умягчающее вліяніе матери, ввести его въ свѣтлый міръ добрыхъ чувствъ, человѣчности, правды и любви. Но отвѣчаетъ ли этимъ требованіямъ учебный матеріалъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная народная школа? При классномъ чтеніи обыкновенно употребляются книги для чтенія Паульсона, Водовозова, Ушинскаго, Толстаго и *Родина* Радонежскаго. Въ массѣ начальныхъ училищъ нѣтъ библіотекъ для внѣкласснаго чтенія, а если онѣ и попадаются иногда, то составленныя случайно, безъ системы, и потому не имѣютъ никакого значенія для нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей. Перечисленные же выше авторы тоже не удовлетворяютъ вполнѣ. Паульсонъ погрѣшаетъ нравоученіями и натяжками добродѣтельныхъ чувствъ и потому не производитъ на дѣтей настоящаго впечатлѣ-

нія. Водовозовъ иногда не интересенъ и сухъ. Толстой нравится дѣтямъ больше Паульсона и Водовозова, но за то ни Радонежскій, ни Толстой не даютъ дѣтямъ знаній и заботятся только о развитіи чувства и воображенія. По отношенію къ передачѣ полезныхъ знаній преимущество опять на сторонѣ Водовозова и Ушинскаго. Эти особенности каждаго изъ авторовъ заставляютъ учителей строго относиться къ каждому изъ нихъ и дѣлать изъ статей для чтенія выборъ, наиболѣе соотвѣтствующій задачамъ воспитанія. Но этого мало. Сухое изложеніе статей, дающихъ знаніе, принуждаетъ учителей прибѣгать къ устнымъ бесѣдамъ, которыя, какъ замѣчено, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на умъ и воображеніе дѣтей, чѣмъ чтеніе. И это понятно: книга сама по себѣ, все-таки, мертвая буква и требуетъ значительно усиленной работы воображенія и способности умозаключенія со стороны чтеца, а все это нужно ребенку еще пріобрѣсти. И, тѣмъ не менѣе, учителя пользуются бесѣдами, какъ вспомогательнымъ средствомъ, и книгѣ дается преобладающее значеніе, какъ единственному источнику для самообразованія дѣтей въ будущемъ.

Кромѣ классныхъ занятій въ школахъ, гдѣ представляется для того возможность, ведутся съ учениками внѣклассныя чтенія. Но это возможно лишь въ тѣхъ немногихъ школахъ, гдѣ всѣ ученики живутъ вблизи школы или гдѣ дѣти остаются для ночлега. Чтеніе въ такихъ случаяхъ имѣетъ классный повторительный характеръ. Читаетъ или учительница, или же сами дѣти по очереди. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть школъ крайне бѣдны книгами для самостоятельнаго внѣкласснаго чтенія учениковъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ни въ одной школѣ нѣтъ никакихъ книгъ, кромѣ учебныхъ, и лишь въ немногихъ школахъ есть по нѣсколько названій богослужебныхъ книгъ (Псалтырь, Часословъ), житій святыхъ, дешевыхъ историческихъ, естественно-историческихъ и географическихъ брошюръ.

Обученіе церковно-славянскому чтенію начинается во всѣхъ школахъ съ перваго же года и продолжается въ теченіе всего школьнаго курса. Дѣтей знакомятъ съ церковно-славянскою азбукой уже тогда, когда они пріучатся разбирать безъ труда слова и фразы гражданской печати. Имъ показываютъ только тѣ буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданской азбукѣ, объясняютъ значеніе надстрочныхъ и строчныхъ знаковъ и тотчасъ же заставляютъ читать церковную печать. Дѣти разбираютъ церковно-славянскій текстъ безъ всякаго труда.

Главная задача обученія церковно-славянскому чтенію заключается въ томъ, чтобы довести дѣтей до умѣнья читать бѣгло церковно-славянскія книги и понимать читаемое.

Вслѣдствіе недостатка времени, упражненіе въ славянскомъ чтеніи ограничивается книгами новозавѣтными, преимущественно Евангеліемъ, церковными пѣснопѣніями и тѣми псалмами, которые чаще другихъ читаются во время богослуженія. Чтеніе начинается съ Евангелія не толь-

ко потому, что оно понимается дѣтьми легче псалмовъ, но еще и потому, что нѣкоторые изъ учениковъ оставляютъ школу по окончаніи двухлѣтняго курса, и начать обученіе съ Псалтыря или Часослова значитъ лишать ихъ возможности познакомиться съ Евангеліемъ, основой и источникомъ всего христіанскаго ученія.

При церковно-славянскомъ чтеніи учитель не входитъ въ толкованія догматическія. Это—дѣло законоучителя.

Чтеніе наиболѣе понятныхъ евангельскихъ разсказовъ облегчаетъ значительно преподаваніе закона Божія. Такъ, когда священнику въ школѣ г-жи Борковой пришлось разсказывать о чудесахъ Спасителя послѣ чтенія ихъ съ учительницей по Евангелію, то дѣти въ одинъ голосъ закричали: «мы это знаемъ, мы читали».

Исторія суда, страданія и смерти Спасителя производитъ на дѣтей грустно-религіозное впечатлѣніе. «Помню, какъ однажды,—сообщаетъ г-жа Боркова,—когда передъ дѣтьми живо и ясно проходили картины суда, неистовства толпы, варварство стражи, домогательство фарисеевъ, и когда на этомъ ужасномъ фонѣ выступалъ свѣтлый ликъ Христа, полный любви, милосердія и всепрощенія,—дѣти были серьезны и сосредоточены. У многихъ на глазахъ навертывались слезы, а одна дѣвочка такъ и совсѣмъ заплакала и на вопросъ: «что съ ней?» — отвѣчала: «Христа жалко».

Совмѣстно съ чтеніемъ ведется во всѣхъ школахъ и обученіе письму. Оно не ограничивается однимъ механическимъ писаніемъ, а имѣетъ къ виду научитъ дѣтей правильно писать и излагать толково мысли. Наконецъ, дѣти обучаются и ариѳметикѣ. Говоря коротко, земская начальная школа стремится создать для деревни такихъ грамотныхъ людей, которые бы могли ясно понимать, что̀ они читаютъ, сознательно считать, правильно писатъ и толково излагать свои мысли. Конечно, для большинства школъ это только идеалъ, котораго не всегда возможно достигнуть по недостатку самыхъ необходимыхъ средствъ для преподаванія, т.-е. по бѣдности школы и недостаточному вниманію къ ней тѣхъ, отъ кого зависятъ порядокъ и устройство школы. Поэтому-то на съѣздѣ и была избрана коммиссія, которой было поручено составить программу требованій отъ оканчивающихъ курсъ народной школы, выполнимую при самыхъ ограниченныхъ средствахъ школы.

Какое же отношеніе народа къ школѣ и какое вліяніе школы на дѣтей? «Съ глубоко-радостнымъ чувствомъ мы можемъ занести къ нашъ отчетъ,—говоритъ предсѣдатель съѣзда,—засвидѣтельствованный сотнею изъ разныхъ губерній собравшихся учительницъ фактъ единства воззрѣній на основныя задачи семьи и школы, школьнаго ученія и воспитанія; если въ чемъ и встрѣчаются между школою и семьею несогласія, такъ въ выборѣ способовъ первоначальнаго ученія, въ выборѣ матеріала для первоначальныхъ классныхъ упражненій, но и эти несогласія постепенно

сглаживаются и въ главномъ, въ существенномъ, школа съ перваго же дня своего зарожденія идетъ рука объ руку съ семьею. Не менѣе отрадно,—говоритъ отчетъ,—и то воспитательное вліяніе, которое является результатомъ школьнаго ученія: сотни фактовъ свидѣтельствуютъ, что современная школа будитъ и развиваетъ духовныя силы, развиваетъ и укрѣпляетъ духовныя потребности къ дальнѣйшему умственному и нравственному развитію и, слѣдовательно, выполняетъ свою задачу».

Лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, крестьянинъ не требовалъ ничего больше, какъ того, чтобъ его ребенокъ научился читать Часословъ и Псалтырь, и отдавали дѣтей въ ученье только болѣе зажиточные. И теперь крестьянинъ требуетъ, чтобы школа научила дѣтей читать божественное, но онъ требуетъ еще, чтобы дѣти умѣли бойко и внятно прочитать и книгу гражданскую, прочитать и «протолковать бумагу», четко и складно написать письмо и сдѣлать выкладки на счетахъ. Между крестьянами все больше и больше развивается спросъ на грамотность и знаніе, спросъ этотъ создается развитіемъ жизни и такъ какъ земская школа отвѣчаетъ полнѣе всего этому спросу, то и понятно, что крестьяне продпочитаютъ ее школамъ стариннаго образца. Въ «домашнія школы» съ учителемъ-дьячкомъ, отставнымъ солдатомъ и проч. крестьяне отдаютъ дѣтей только по необходимости, когда вблизи нѣтъ земской школы. Очень часто отъ такихъ учителей переводятъ дѣтей на годъ и на два въ земскія школы доучиваться. Даже раскольники поступаютъ такъ. И дѣти полюбили школу и учатся охотно, безъ малѣйшаго принужденія.

Новой школѣ бываетъ трудно въ мѣстахъ глухихъ, гдѣ учителями были до этого отставные солдаты, грамотные мужики, гдѣ была въ ходу палка и линейка; въ такихъ мѣстахъ требуютъ старыхъ пріемовъ воспитанія и обученія. «Съ грустью нужно сознаться,—говоритъ отчетъ,—что защитниками старыхъ пріемовъ являются зачастую и священники». Вообще о законоучителяхъ мы находимъ въ отчетѣ такую замѣтку: «Всѣмъ извѣстно, что преподаваніе закона Божія, этого главнаго предмета, лежитъ на обязанности священника. Для всякаго понятно, сколько пользы можетъ принести священникъ школѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и на дѣтей, и на родителей. Но, къ великому горю, не всегда такъ бываетъ...» Во всякомъ случаѣ учитель долженъ жить въ мирѣ со священникомъ потому, что послѣдній всегда можетъ навредить учителю. До сихъ поръ на учителя смотрятъ, какъ на вещь, которую можно всегда передвинуть и распорядиться ею, какъ хочется. И почти въ однихъ дѣтяхъ учитель находитъ нравственную опору; онъ на нихъ отдыхаетъ душою, на нихъ видитъ свое вліяніе, они одни въ деревенской и почти одинокой жизни учителя являются его друзьями. И это тоже не фразы!

Тамъ, гдѣ потребность въ грамотности настолько уже велика, что волостная земская школа удовлетворить ей не можетъ, или же школа земская лежитъ слишкомъ далеко, крестьяне устраиваютъ домашнія шко-

лы, т.-е. для обученія дѣтей нанимается крестьянами какой-нибудь грамотѣй—солдатъ, дьячокъ, грамотный мужикъ, черничка. Обыкновенная плата за выучку—отъ 3 до 5 руб. Главное занятіе въ школахъ этого типа (старыя школы) заключается въ чтеніи преимущественно церковныхъ книгъ, Часослова и Псалтыря, рѣдко въ письмѣ (списываніе съ прописей) и въ счетѣ (нумерація). Дисциплина въ школахъ строгая и и поддерживается побоями. Дѣти, поступающія изъ этихъ школъ въ школы земскія, отличаются послушною исполнительностью, робостью и скрытностью. Читаютъ они механически прекрасно, но не могутъ разсказать ничего изъ того, что прочитали, и пишутъ они красиво, но только съ прописей. Школы эти, по мѣрѣ учрежденія земскихъ школъ, вымираютъ или отодвигаются дальше, или же замѣняются школами грамотности новаго типа—*отводками* земской школы, въ которыхъ учатъ кончившіе курсъ въ земской школѣ. Нѣсколько учениковъ изъ этихъ школъ явились на экзаменъ для полученія права на льготу четвертаго разряда, и вотъ какой отзывъ о нихъ далъ на съѣздѣ экзаменаторъ: по своей подготовкѣ ученики эти значительно уступаютъ окончившимъ курсъ въ земской школѣ: подъ диктовку пишутъ они хотя и довольно красиво, но малограмотно, читаютъ и разсказываютъ прочитанное хорошо, устно считаютъ порядочно, но съ ариѳметическими дѣйствіями знакомы не основательно.

Вотъ картина нашей земской школы; мнѣ къ ней прябавлять нечего,—читатель самъ увидитъ, насколько правдиво увѣреніе *Кіевлянина*, что земская школа преслѣдуетъ *ложно* реалистическія цѣли и направила всѣ свои силы къ тому, чтобы порвать естественную связь народа съ церковью и жизнью, что знанія, которыя она даетъ, ни къ чему. Тутъ же читатель найдетъ отвѣтъ гг. Гардеру и Анненкову (которые, въ сущности, повторяютъ обвиненіе *Кіевлянина*, но только выражаются рѣзче), что учениковъ въ школахъ учатъ не закону Божію (не забудьте, что въ каждой школѣ есть законоучитель), а тому, что у коровы спереди голова, а сзади хвостъ, и что образованіе приноситъ населенію вредъ и развращаетъ крестьянъ.

По поводу предполагаемаго измѣненія въ программѣ учительскихъ семинарій, чтобы сельскія школы могли имѣть вполнѣ подготовленныхъ учителей для преподаванія ремеслъ и общеполезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній, вызвавшаго въ *Кіевлянинѣ* недостойный его солидности шумный восторгъ (усмотрѣна была въ этомъ даже *цѣлая эпоха*), я приведу опять факты. На томъ же самомъ съѣздѣ, о которомъ была рѣчь, разсуждали и объ обученіи въ школахъ ремесламъ и было высказано вотъ что: ремесламъ въ школахъ не обучаютъ, и при настоящемъ короткомъ срокѣ курса обученіе ремесламъ было бы не желательно: занятія эти подорвали бы общеобразовательное значеніе школы. Кромѣ того, дѣти поступаютъ въ школу въ такомъ возрастѣ, когда еще не созрѣли для

физическаго труда. На весьегонскомъ же съѣздѣ учителей въ 1882 г. (вотъ еще когда обсуждался этотъ вопросъ земскими учителями!) была признана и польза подобнаго обученія въ интересахъ народа и въ интересахъ школы, но было высказано рѣшительное мнѣніе противъ порученія обученія ремесламъ самимъ учителямъ (что именно и нравится *Кіевлянину*). Несомнѣнно, что обученіе ремесламъ въ народной школѣ принесетъ больше пользы и мальчику, и его отцу, чѣмъ обученіе въ какой-нибудь мастерской. Но можетъ ли научить ремеслу школа, по крайней мѣрѣ, теперешняя, когда у нея нѣтъ для этого ни помѣщеній, ни средствъ, и когда на ремесла она можетъ удѣлить только два часа въ недѣлю? И кто будетъ учить ремесламъ? Учитель? Но, прозанимавшись съ дѣтьми 6 — 7 часовъ, онъ нуждается въ отдыхѣ, а вечеромъ обязанъ прочитать десятка два-три, а иногда и болѣе, тетрадей самостоятельныхъ работъ и приготовиться къ работамъ слѣдующаго дня. Не нужно забывать еще, что сдѣлаться учителю мастеромъ совсѣмъ не такъ легко, и что люди, способные къ умственному труду, рѣдко имѣютъ «золотыя руки», какія нужны для мастера. Погнавшись за двумя зайцами, можно не поймать ни одного. Да и вообще вопросъ о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и школахъ ремесленныхъ—вопросъ для земства не новый и онъ, конечно, можетъ разрѣшиться лишь учрежденіемъ отдѣльныхъ подобныхъ школъ, а не порученіемъ учителю, обучающему чтенію и письму, учить еще столярничанью и слесарничанью. Я, впрочемъ, не вдаюсь особенно въ этотъ вопросъ,—мнѣ хотѣлось только провѣрить *Кіевлянина* по поводу его шумнаго умиленія передъ наступающею, по его мнѣнію, «цѣлою эпохой».

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросы и сомнѣнія г. Эртеля. Наша земская школа дѣлала несомнѣнно много, несомнѣнно много сдѣлали и тѣ, кто создалъ народную школу. Довольно сказать, что при прежней (до-земской) школѣ грамотности читать народу было нечего, кромѣ Часослова и Псалтыря, теперь же къ услугамъ школы и народа болѣе двухъ тысячъ названій. Все это создалось въ эти двадцать лѣтъ. Школъ всѣхъ около 30 т. и въ нихъ учащихся до 2 милліоновъ. Много? Нѣтъ, читатель,—такъ все это мало, что составляетъ лишь десятую часть дѣтей школьнаго возраста, а вмѣсто 30 тысячъ школъ, намъ нужно имѣть 300 тысячъ. Когда же это будетъ и когда всѣ дѣти школьнаго возраста пройдутъ черезъ школу? Дальше. Учителя нашихъ народныхъ школъ, какъ видѣлъ читатель, употребляютъ самыя энергическія и благородныя усилія, чтобы дать нравственно-умягчающее и умственно-просвѣщающее воспитаніе крестьянскимъ мальчуганамъ и достигаютъ, насколько позволяютъ обстоятельства, своей цѣли. Но, вѣдь, мальчуганъ вступаетъ въ школу всего 8—9 лѣтъ, а 12—13 лѣтъ онъ ее оставляетъ и вступаетъ въ дѣйствительную жизнь. Какова же эта жизнь, по крайней мѣрѣ, иногда, вы знаете изъ *Житницы* г. Эртеля. Ну, что мальчуганъ 12-

13 лѣтъ, этотъ мышенокъ (какимъ бы его ни сдѣлала добродѣтельнымъ школа), можетъ подѣлать лицомъ къ лицу передъ тѣми, откормленными сырымъ мясомъ, котами, которыхъ передъ нимъ выставитъ жизнь въ образѣ «дѣятелей», изображенныхъ гг. Эртелемъ и Португаловымъ? Добродѣтельнымъ мышатамъ не повернуть этой арміи котовъ, и, прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ объ этомъ подумаетъ, онъ будетъ съѣденъ. Ясно, что рядомъ со школой нужно и еще кое-что, чего у насъ, очевидно, не достаетъ и что одно и поддержитъ благородныя усилія школы создать людей лучшихъ понятій. Это «нѣчто» создадутъ не проповѣдники эстетическихъ красотъ (котовъ никакою эстетикой не прошибешь), а лишь иныя возможности для болѣе справедливыхъ отношеній, которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ и, несмотря на прожитую тысячу лѣтъ, еще не выработали.

Что же касается школы, или, точнѣе, земской народной школы, то, вѣдь, всѣ нападки на нее вродѣ тѣхъ, которыя я привелъ, совершенно пустыя слова. Теперешняя народная школа, какъ теоретическая и практическая система, есть цѣлое знаніе, надъ которымъ мыслящая Россія трудилась двадцать лѣтъ. Этого знанія и опыта не вычеркнешь ни почеркомъ пера, ни газетными статьями, и кто бы ни сталъ открывать школу, онъ обратится къ этому нашему единственному умственному фонду, въ которомъ только и можно найти руководящія указанія по народно-школьному дѣлу. Это, впрочемъ, знаетъ и самъ *Кіевлянинъ*, которому поэтому я и посовѣтовалъ бы припомнить напечатанную у него въ 10 нумерѣ замѣтку о «засѣданіи совѣта законоучителей кіевскихъ городскихъ училищъ». Все, что говорилось отцами, напримѣръ, объ общихъ отношеніяхъ къ учащимся и вообще о постановкѣ школы, составляетъ давно извѣстную каждому сельскому учителю азбуку школьно-народной педагогики. Вѣдь, не станутъ же отцы доходить своимъ умомъ до того, до чего уже давно дойдено!

Н. Ш.

Современное искусство.

Московскій Малый театръ: *Семья*, комедія В. Александрова.—Театръ Корша: *Лихая сила*, комедія Вл. Ив. Немировича-Данченко, *Чары любви*, драма Е. П. Карпова.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ на сценѣ Малаго театра поставлена комедія Виктора Александрова (Крылова) *Семья*. Она напечатана въ ноябрской кн. *Вѣстника Европы*, и мы дали о ней отзывъ въ «Библіографич. отдѣлѣ» нашего журнала за тотъ же мѣсяцъ, а потому мы не станемъ еще разъ передавать содержанія пьесы. Въ чтеніи она понравилась намъ больше, чѣмъ въ исполненіи на сценѣ. Въ этомъ виноватъ отчасти авторъ, но всего болѣе виноваты артисты и режиссеръ. Нѣкоторые изъ актеровъ не знали ролей, заминались, начинали не съ того тона и, обрываясь на полусловѣ, продолжали фразу совсѣмъ въ другомъ тонѣ, часто переговаривали одно и то же слово, путали другъ друга и т. п. Затѣмъ, начнемъ съ нàбольшихъ нашей труппы: г-жа Медвѣдева, въ роли бабушки, была, какъ всегда, безукоризненна; но сама по себѣ роль довольно безцвѣтна и, при всемъ талантѣ исполнительницы, изъ нея нельзя ничего сдѣлать. Для г-жи Ермоловой роль Зины слишкомъ молода, такъ же молода, какъ роли героинь въ комедіяхъ *Въ усадьбѣ Повадаевыхъ* и въ *Арказановыхъ*; къ тому же, роль Зины слабѣе этихъ послѣднихъ ролей. Говорятъ, будто некѣмъ замѣнить г-жу Ермолову въ сильныхъ драматическихъ роляхъ очень молодыхъ дѣвушекъ, и это справедливо, но лишь именно относительно сильныхъ драматическихъ ролей, къ каковымъ роль Зины можно было бы и не причислять. Во всякомъ случаѣ, есть нѣкорое основаніе думать, что у насъ и не объявится подходящей по лѣтамъ актрисы на молодыя роли до тѣхъ поръ, пока такихъ ролей не будутъ давать молодымъ артисткамъ. Вѣдь, рано ли, поздно ли, надо же будетъ кѣмъ-нибудь замѣнить г-жу Ермолову; такъ не лучше ли сдѣлать это раньше, теперь же, пока г-жа Ермолова можетъ еще брать на себя

болѣе крупныя роли, уступая менѣе драматическія только еще развивающимся силамъ. Не вѣчно же будетъ г-жа Ермолова играть дѣвочекъ, почти подростковъ. Объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать заранѣе, чтобы не остаться совсѣмъ безъ молодыхъ артистокъ, какъ мы уже остались безъ актеровъ на нѣкоторыя роли и, пожалуй, даже на нѣкоторыя амплуа. Конечно, г-жа Ермолова сыграла роль Зины хорошо и въ заключительной сценѣ вскрикнула удивительно хорошо. Но вся сила пьесы не въ этой роли, а въ мужскихъ роляхъ гг. Ленскаго, игравшаго Петра Пришельцева, Южина, игравшаго его сына студента, и Горева—Владиміра Балахнина. Г. Ленскій нѣсколько пересолилъ въ изображеніи старика-художника, незнакомаго съ свѣтскими приличіями и не стѣсняющагося условіями такихъ приличій. Въ исполненіи г. Ленскаго Пришельцевъ совсѣмъ неприличенъ, безусловно, и потому каррикатуренъ. Онъ можетъ не стѣсняться высокими чинами и богатствомъ Балахниныхъ, можетъ держать себя съ ними за-просто, но для этого нѣтъ надобности выходить къ молодой генеральшѣ съ трубкой-носогрѣйкой въ зубахъ и разговаривать съ гостьей сквозь зубы, которыми стиснута эта трубка. У истиннаго художника, какимъ намъ представляется Пришельцевъ, есть непремѣнно «художественное» чувство прекраснаго, есть врожденное и инстинктивное отвращеніе отъ «грубаго» и безобразнаго, которыя замѣняютъ ему такъ называемый свѣтскій лоскъ и дѣлаютъ его простоту особенно привлекательною. Этого-то мы и не видимъ въ игрѣ г. Ленскаго, замѣнившаго нѣсколько наивную и добродушную простоту чрезмѣрною и аффектированною развязностью, напоминающею зазнающагося мастероваго, а не выдающагося своихъ талантомъ художника. Въ соотвѣтствіи съ этимъ весь тонъ г. Ленскаго былъ невѣренъ, а черезъ это роль Пришельцева утратила свой истинный характеръ, да пострадалъ и смыслъ пьесы. Игра г. Ленскаго даетъ зрителю ложное понятіе о всей семьѣ художника. И это ошибочное представленіе еще болѣе усиливается чрезмѣрною рѣзкостью, съ которою г-жа Потѣхина, въ роли Анны, сестры Пришельцева, ведетъ сцену съ пришедшими къ нимъ въ гости супругами Балахниными. Въ дѣйствительной жизни такая сцена и въ такомъ тонѣ рѣшительно невозможна. Г. Ленскій и г-жа Потѣхина не должны забывать, что въ семьѣ Пришельцевыхъ они изображаютъ людей образованныхъ и нечуждыхъ хорошему обществу. Да, наконецъ, и ни въ какомъ обществѣ нельзя, ни съ того, ни съ сего, накинуться на гостей и обругивать ихъ безъ всякаго повода, какъ это вышло въ игрѣ г-жи Потѣхиной. Г. Южинъ былъ недуренъ, за исключеніемъ, впрочемъ, самой важной сцены въ его роли,—сцены въ третьемъ актѣ съ отцомъ, когда молодой человѣкъ, доведенный до отчаянія своимъ неосторожнымъ поступкомъ, разрушившимъ счастье Зины, готовъ на самоубійство. Вся эта сцена, одна изъ сильнѣйшихъ въ пьесѣ, прошла очень безцвѣтно, главнымъ образомъ, вѣроятно, вслѣдствіе нетвердаго знанія ролей исполнителями. Г. Горевъ

былъ положительно хорошъ, особенно во второмъ дѣйствіи, гдѣ онъ постоянно переходитъ отъ увѣренности въ любви Зины къ сомнѣнію въ ея искренности, отъ вѣры въ счастье къ мучительнымъ подозрѣніямъ и, наконецъ, къ полному и безнадежному отчаянію. Г. Макшеевъ типиченъ и хорошъ въ роли отставнаго чиновника Сурзикова, друга Пришельцевыхъ. Ему не слѣдовало бы только впадать въ нѣкоторый шаржъ въ третьемъ дѣйствіи, когда онъ разсказываетъ про свою подушку съ вышитою турчанкой. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать два замѣчанія, относящіяся къ режиссерской части. Въ первомъ актѣ мы находимъ совершенно неумѣстными шутовскія штуки, которыя продѣлываетъ горничная (г-жа Мочалина), летающая по сценѣ, чуть не выплясывая въ присядку съ подносомъ въ рукахъ. Сцена Малаго театра—не балаганъ. Затѣмъ въ послѣдней сценѣ комедіи было бы лучше не выпускать г. Макшеева съ бутылками подъ мышками, хотя появленіе его и значится въ печатномъ текстѣ пьесы. Появленіе этой комической фигуры производитъ громкій хохотъ, почти совсѣмъ заглушающій рыданія г-жи Ермоловой. Неудобно разыгрывать на авансценѣ потрясающую драму и, въ то же время, смѣшить публику комическими выходками въ глубинѣ сцены. Безъ этихъ смѣхотворныхъ бутылокъ можно свободно обойтись и даже съ большою пользой для дѣла.

Въ театрѣ Корша была поставлена новая пьеса Вл. Ив. Немировича-Данченко: *Лихая сила*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Эмиль Золя сталъ было постояннымъ сотрудникомъ *Вѣстника Европы* и его *Письма изъ Парижа* печатались въ этомъ журналѣ переведенными прямо съ рукописи, былъ тамъ помѣщенъ его разсказъ такого содержанія: дочь одного милліонера - буржуа увлеклась какимъ - то бариномъ,—помнится намъ, изъ аристократовъ. Этотъ баринъ воспользовался минутой самозабвенія дѣвушки, и когда оказался результатъ несчастной минуты, онъ объявилъ, что женатъ и лишенъ возможности прикрыть бракомъ случившееся. Въ это время, по сосѣдству съ палатами милліонера, на чердакѣ чуть не умиралъ съ голоду молодой человѣкъ, одаренный блестящими способностями. Компаньонка или горничная указала приходящей въ отчаяніе дѣвушкѣ на возможный для нея исходъ въ бракѣ съ бѣднякомъ и устроила этотъ бракъ на такихъ условіяхъ, что молодой человѣкъ получитъ милліоны своей жены, но ни на какія иныя права законнаго мужа не долженъ никогда претендовать, ребенка долженъ признать своимъ и впредь ни въ чемъ не стѣснять свою жену, не переступать порога ея комнаты,—словомъ, быть подставнымъ, фиктивнымъ мужемъ. На все это молодой человѣкъ согласился и всѣ условія исполнялъ по уговору, погрузившись всѣми силами души въ огромныя коммерческія дѣла тестя. Въ рукахъ энергичнаго и необыкновенно талантливаго молодаго человѣка дѣла преуспѣвали; самъ молодой человѣкъ занялъ выдающееся мѣсто въ финансовомъ мірѣ, а потомъ и въ государ-

ственномъ управленіи второй имперіи, сдѣлался депутатомъ и, наконецъ, министромъ... Онъ достигъ всего, о чемъ только могъ когда-либо мечтать, къ чему только могъ стремиться честолюбивѣйшій изъ смертныхъ, и былъ глубоко несчастливъ: онъ полюбилъ свою жену, единственную женщину въ мірѣ, на любовь которой не смѣлъ никогда разсчитывать. Съ любовью явилась ея неизбѣжная въ такихъ обстоятельствахъ спутница—ревность, разжигаемая еще тѣмъ обстоятельствомъ, что аристократъ, соблазнитель его жены, сталъ опять бывать у нея и опять за нею ухаживать. Попытка законнаго мужа удалить непріятнаго посѣтителя и его требованіе отъ жены держать себя такъ, чтобы носимое ею имя не подверглось безчестью, были встрѣчены презрительнымъ напоминаніемъ, что имя это куплено и имъ продано и что, по смыслу договора, мужу нѣтъ никакого дѣла до поведенія молодой женщины. Измученный, онъ возвращается въ свой кабинетъ и хочетъ покончить самоубійствомъ; но самоубійству кто-то помѣшалъ. Жена узнала обо всемъ, умилилась возвышенностью души, талантами и всякими добрыми качествами своего номинальнаго супруга, разочаровалась, въ то же время, въ аристократѣ-ухаживателѣ и все дѣло кончилось водевильною развязкой примиренія супруговъ, взаимной любви и наступленія семейной идилліи... Все это разсказано Эмилемъ Золя очень хорошо и мѣстами даже трогательно.

Слово въ слово то же самое, только въ приспособленіи къ русской жизни и нравамъ, изображено Влад. Ив. Немировичемъ-Данченко въ его пятиактной комедіи *Лихая сила*. Мы не имѣемъ никакихъ основаній сказать, что нашъ драматургъ передѣлалъ свою комедію изъ приведеннаго разсказа Э. Золя, такъ какъ на афишѣ нѣтъ указанія, что это передѣлка или что «сюжетъ заимствованъ», какъ это установлено обычаемъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. А потому сходство мысли и фабулы разсказа Золя и комедіи г. Немировича-Данченко слѣдуетъ приписать простой случайности: «les beaux esprits se reconnrent». Только самыя мысль и фабулу мы считаемъ болѣе подходящими для маленькаго и, притомъ, французскаго разсказа, чѣмъ для большой комедіи. Въ чтеніи и прикрашенный бойкимъ изложеніемъ, разсказъ производитъ одно впечатлѣніе, а комедія, разыгранная на сценѣ, — совсѣмъ другое. Въ комедіи *Лихая сила* весь первый актъ занятъ разговорами о томъ, что Наташа (г-жа Рыбчинская), дочь богатаго фабриканта, беременна; всѣ объ этомъ охаютъ и ахаютъ и сообщаютъ другъ другу, что и сдѣлалось-то это какъ-то очень случайно, что и видѣлась-то она наединѣ съ офицеромъ Каменевымъ (г. Киселевскій) всего одинъ разъ... и вотъ—на-жь поди!... Выходитъ это крайне грубо, больше того — непристойно. Женихъ сыскивается тотчасъ же въ лицѣ директора фабрики, Суровича (г. Рощинъ-Инсаровъ). Затѣмъ все идетъ точь-въ-точь какъ у Золя въ вышеприведенномъ разсказѣ, съ тою разницей, конечно, что Суровичъ не дѣлается ни депутатомъ, ни министромъ, по причинамъ, впрочемъ, отъ него независящимъ, а дѣлается

онъ добродѣтельнымъ фабрикантомъ. Его жена, свидѣвшись послѣ двухъ лѣтъ разлуки съ Каменевымъ, опять какъ будто увлекается имъ и собирается ѣхать въ столицу, да все медлитъ и откладываетъ. Мужъ собирается застрѣлиться. Въ этихъ сборахъ проходитъ весь четвертый актъ, но кончается благополучно,—Суровичъ не застрѣлился, а расплакался. Въ пятомъ актѣ Суровичъ приноситъ женѣ отдѣльный видъ на жительство, отказывается отъ ея богатства и хочетъ идти опять работать. Всѣ умиляются, умиляется и Наташа; она познаетъ добродѣтели своего супруга, отказывается видѣть Каменева и соглашается стать по-настоящему женой Суровича. Всѣ обнимаются, цѣлуются... не достаетъ только, чтобы потребовали шампанскаго пить за здоровье молодыхъ. Пьеса скучная и фальшивая, а идея въ ней проводится целѣпая; было бы даже правильнѣе сказать, что въ ней никакой идеи не проводится, а изображается въ лицахъ мало-вѣроятное событіе, наводящее на слѣдующія скверныя мысли: быль дѣвицѣ не укоръ, если дѣвица богата или если имѣетъ кое-какія деньжонки, на которыя можно купить (вѣрнѣе—нанять) мужа. На это и денегъ требуется не Богъ знаетъ сколько, такъ какъ Нюточка (г-жа Кудрина) разсказываетъ, что одной барышнѣ, очутившейся въ положеніи Наташи, нашли очень скоро подходящаго мужа за десять тысячъ рублей. Можно, вѣроятно, найти и много дешевле. Наташа, выйдя замужъ въ такъ называемомъ «интересномъ» положеніи, не чувствуетъ отъ того ни малѣйшаго неудобства; совсѣмъ напротивъ, она счастлива на удивленіе и на зависть всѣмъ дѣвицамъ и дамамъ: мужъ ее боготворитъ, исполняетъ всѣ ея прихоти; бывшій любовникъ тоже; оба наперерывъ другъ передъ другомъ стараются. Она не любитъ ни того, ни другаго, и весь драматизмъ ея положенія заключается въ томъ, что она не знаетъ, кому отдать предпочтеніе: мужу, любовнику или же, не дѣлая выбора, подождать, авось навернется третій. Ея ребенка обожаютъ въ равной мѣрѣ оба отца, номинальный и настоящій; вся ея жизнь — сплошной праздникъ, вѣчная «масляница сердца». Всѣ души не чаютъ въ Наташѣ, а за что собственно — неизвѣстно, такъ какъ никакихъ выдающихся качествъ ума и души въ ней не проявляется; она просто хорошенькая куколка, проводящая счастливѣйшую жизнь безъ волненій, тревогъ и любви, въ довольствѣ и роскоши. Единственная въ ея жизни тревога, по случаю неудобнаго для дѣвицы положенія, была устранена легко и просто и послужила источникомъ такого счастья, что всякая дѣвушка можетъ только позавидовать Наташѣ.

Сыграна была пьеса ни дурно, ни хорошо. У г-жи Рыбчинской роль совсѣмъ безцвѣтная и сдѣлать изъ нея нельзя, кажется, ничего. Остальныя женскія роли—г-жи Очкиной, матери Наташи, г-жи Кудриной, бѣдной родственницы, и г-жи Романовской, богатой родственницы, тоже не даютъ никакого матеріала для артистовъ; въ особенности отличается большою неясностью и неопредѣленностью роль г-жи Романовской. Нельзя

понять, что́ хотѣлъ въ ней изобразить авторъ, ни даже того, для чего она понадобилась автору. Безъ этой «родственницы» можно было обойтись весьма свободно, вышло бы лучше, пожалуй. Сосватать Наташу съ Суровичемъ могла бы и Нюточка, въ сценѣ съ которою слѣдовало дать высказаться Наташѣ, дабы хотя сколько-нибудь выяснить передъ зрителемъ характеръ и взгляды на жизнь героини. Нюточка разсказываетъ «богатой родственницѣ» о томъ, какъ она встрѣтила Наташу въ саду, готовою броситься въ рѣку. Мы думаемъ, что было бы много лучше дѣйствіе перваго акта провести въ саду на берегу рѣки. Тутъ въ минуту отчаянія Наташа могла бы разсказать Нюточкѣ про свою бѣду, а Нюточка—воспользоваться ея отчаяніемъ и вырвать у нея согласіе на бракъ съ подставнымъ мужемъ. Это было бы, все-таки, не такъ грубо, какъ въ комедіи г. Немировича-Данченко. Г. Рощинъ-Инсаровъ былъ мѣстами очень хорошъ въ роли мужа Наташи. Г. Солонинъ нѣсколько переигралъ, *перемужичилъ* роль Кузнецова, директора фибрики и друга Суровича. Пьеса, совершенно заслуженно, не имѣла успѣха; на второмъ представленіи театръ былъ пустъ болѣе чѣмъ на половину. Ее, говорятъ, сняли съ репертуара «по желанію автора».

Такая же участь ждетъ, повидимому, четырехъактную драму Е. П. Карпова: *Чары любви*,—пьесу, имѣющую большія, однако же, преимущества передъ *Лихою силой*, во-первыхъ, въ томъ, что она не напоминаетъ никакого французскаго разсказа, во-вторыхъ, въ томъ, что совершенно прилична, тогда какъ пьеса г. Немировича весьма непристойна. Но эти неважныя преимущества отнюдь не мѣшаютъ драмѣ г. Карпова быть очень скучною и удивительно нелѣпою. Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, въ кругу мелкопомѣстныхъ дворянъ. Дочь одного изъ нихъ, Зина (г-жа Рыбчинская), дѣвица очень разумная, воспитанная просто, по-деревенски, соглашается, въ первомъ актѣ, выйти замужъ за молодаго сосѣда Бабикова (г. Солонинъ), сына отставнаго исправника, кулака, обирающаго мужиковъ. Викторъ (г. Рощинъ-Инсаровъ), дальній родственникъ Зины, писатель, пріѣхавшій въ деревню «изучать» народъ, какъ будто влюбился въ Зину. Говоримъ «какъ будто» потому, что въ пьесѣ этотъ пунктъ остается невыясненнымъ и всецѣло предоставленъ рѣшенію самого зрителя, какъ и многое другое. Молодой Бабиковъ влюбленъ въ свою невѣсту, а она мало-по-малу разлюбляетъ жениха, влюбляется въ Виктора, очень много истерически хохочетъ, потомъ рыдаетъ, а въ концѣ пьесы топится на горѣ. Это уже такъ повелось теперь для вящаго эффекта, чтобы героини топились не на ровномъ мѣстѣ, а непремѣнно съ горъ, въ *Майоршѣ*, въ *Степи-матушкѣ* г. Салова, въ *Чарахъ любви*... Героини, порѣшившія перейти въ вѣчность водянымъ путемъ, забираются на гору и оттуда, на виду у публики, прыгаютъ за кулисы. Никакихъ достаточныхъ поводовъ самоубиваться Зинѣ нѣтъ въ пьесѣ г. Карпова. «Разумная» дѣвушка могла совершенно свободно отказать жениху и вый-

ти замужъ за «очаровавшаго» ее,— неизвѣстно, впрочемъ, чѣмъ,—дальняго кузена, за которымъ ухаживаетъ пріятельница Зины, дѣвица Вязова (г-жа Мартынова), единственное живое лицо въ пьесѣ. Между отцомъ Зины (г. Давыдовъ) и отцомъ ея жениха (г. Вязовскій) нѣсколько разъ возобновляется споръ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ обирать и грабить мужика. Г. Рощинъ-Инсаровъ нѣсколько разъ съ большимъ жаромъ доказываетъ г-жамъ Рыбчинской и Мартыновой, что мужика грабить очень стыдно, а надо его любить и помогать ему. Г-жа Мартынова машетъ рукой на эти рѣчи и говоритъ: «Ну, и прекрасно... Будемъ жалѣть, помогать, а пока давайте любить... другъ друга». По ея мнѣнію, это занятнѣе, чѣмъ любить мужика. Г-жа Рыбчинская, напротивъ, убѣждается въ томъ, что грабить стыдно, — это всю жизнь-то проживши въ деревнѣ съ родителями, которые не на словахъ только, но и на дѣлѣ проводили ту же мысль!... Однако, слова и примѣръ родителей не помѣшали Зинѣ стать невѣстой сына завзятаго и всѣмъ извѣстнаго грабителя, не помѣшали бы ей, очевидно, и замужъ выйти за участника и помощника въ этихъ грабежахъ, если бы заѣзжій кузенъ не наболталъ кучи жалкихъ словъ, вычитанныхъ въ книжкѣ. Какъ бы то ни было, резонно или нѣтъ, а г-жа Рыбчинская взобралась на подмостки и прыгнула. Всѣ забѣгали, закричали: «Утонула! Утопилась!» Эффектъ отъ того вышелъ совсѣмъ неожиданный: большинство публики расхохоталось. По нашему мнѣнію, это хорошій признакъ, свидѣтельствующій объ умственномъ ростѣ толпы, наполняющей театральныя залы. Въ этомъ смѣхѣ сказывается самый дѣйствительный протестъ противъ фальши, которую намъ преподносятъ подъ названіемъ драмъ и комедій. Драматурги и дирекціи театровъ вынуждены будутъ понять, наконецъ, что теперь уже трудно кого-либо растрогать жалостливыми словами изъ прописей и дѣтскихъ книжекъ, или обморочить прыганьемъ съ картонныхъ горъ въ холстинную воду. Публика становится очень чутка и понятлива, начинаетъ отлично разбирать всю пустячную вздорность громкихъ фразъ и весь комизмъ театральныхъ самоубійствъ изъ-за ребячьихъ мотивовъ. Авось хохотъ зрителей на первыхъ представленіяхъ и отсутствіе публики на вторыхъ заставятъ образумиться сочинителей забавныхъ драмъ и сноторныхъ комедій и заставятъ ихъ поглубже вдумываться въ нашу дѣйствительную жизнь съ ея заглушаемыми стонами и рыданіями, неслышными изъ-за грохота торжествующей оголтѣлости.

Ан.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обзоръ главныхъ фактовъ истекающаго года. — Слухи о перемѣнахъ въ министерствѣ финансовъ.— Паденіе курса.—Финансовыя преобразованія и кризисъ.—Задачи финансовой системы. — Статистика промышленности.— Проектъ закона о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. — О контролѣ надъ доходами адвокатовъ. — Московская городская дума.—А. В. Головнинъ.—Нѣсколько словъ *Сѣверному Вѣстнику*.

Въ прежнее время, бывало, при обзорѣ года, отходящаго въ вѣчность, придумывали для него какое-нибудь особенное прозваніе, въ которомъ отражалась будто бы нѣкоторая его индивидуальность: напримѣръ, называли его годомъ «колебаній» или отзывались о немъ такъ, что это былъ еще одинъ изъ годовъ «нашего переходнаго времени». Вообще, одобрительныхъ аттестацій мало можно сыскать и прежнимъ годамъ. Некрологи имъ писались не согласно съ обычно-похвальнымъ некрологическимъ тономъ. Просматривая подобные «проводы» прежнихъ годовъ въ журналистикѣ, напримѣръ, семидесятыхъ годовъ, мы находимъ даже и такіе прямо неуважительные отзывы, что, «молъ, прошелъ и слава Богу», или «что не тѣмъ онъ будь помянутъ, что̀ намъ принесъ».

Какъ станутъ провожать годъ 1886-й, мы, конечно, не знаемъ. Но если почитать въ газетахъ отзывы о нынѣшнемъ времени вообще, то нельзя не замѣтить, что пріемъ въ прессѣ сталъ совсѣмъ иной, гораздо болѣе оптимистическій. Большинство газетъ очень хвалятъ современность огуломъ, хотя когда потомъ разберешься въ нихъ по статьямъ, по отдѣльнымъ вопросамъ, то выходитъ, какъ будто одно ждетъ еще рѣшенія, иное какъ будто недостаточно еще сознано обществомъ, иное пришло въ упадокъ, а, сверхъ того, и главное, говорятъ, денегъ совсѣмъ нѣтъ. Но, между тѣмъ, общая синтеза выводится весьма благопріятная.

Было бы странно, конечно, если бы отъ не совсѣмъ удовлетворительныхъ частностей публицисты наши заключали къ вполнѣ удовлетворительной совокупности. Но въ томъ-то и дѣло, что при общихъ выводахъ они умѣютъ какъ-то отрѣшаться отъ мелочей житейскихъ. Они возносятъ сердца горѣ и не мало отраднаго находятъ въ собственномъ своемъ

сознаніи, въ самомъ пареніи своего духа. Время наше такіе публицисты (повторяемъ, они—большинство) вовсе не называютъ переходнымъ, какъ то было въ модѣ прежде. Они показываютъ видъ, или отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, вѣетъ такимъ убѣжденіемъ, что мы уже пришли къ чему-то окончательному, и что если чего не достаетъ, такъ развѣ, чтобъ эта окончательность еще округлилась и замкнулась въ видѣ кольца, которое издревле служило символомъ вѣчности.

Признаемся, мы держимся болѣе стараго взгляда, хотя бы, такъ сказать, уже по самой логикѣ созвучія. Какое время не переходное, когда самое понятіе о времени равносильно понятію объ измѣненіи, о преходимости? А менѣе всего при исполненіи такой обязанности, какъ обзоръ года истекающаго, возможно держаться на высотѣ какого-либо безотносительнаго, «въ себѣ единомъ пребывающаго» сознанія чисто-психическихъ явленій, какъ, напримѣръ, «подъемъ духа», «укрѣпленіе національнаго чувства» и т. п. Обзоръ года долженъ быть обзоромъ фактовъ, а не протоколомъ самочувствія. И что же дѣлать, если прошлогодніе факты были совершенно, попрежнему, такіе, что не вязались ни во что окончательное, но, наоборотъ, продолжали свидѣтельствовать о неизбѣжности перехода?

Такъ, напримѣръ, ближайшій вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія въ минувшемъ году нисколько не подвинулся впередъ, а, между тѣмъ, были указанія, что онъ поставленъ на очередь и что, стало быть, порядки мѣстнаго управленія находятся именно въ состояніи переходномъ. Самое начало минувшаго года ознаменовалось обнародованіемъ памятнаго адреса симбирскаго дворянства, въ которомъ указывалось на необходимость созданія на мѣстѣ такой власти, которая бы дала дворянамъ «возможность спокойно жить въ ихъ деревняхъ,—ту власть, отсутствіе которой нынѣ заставляетъ страдать и дворянина, и крестьянина». Въ словахъ высокаго одобренія, какого удостоился симбирскій адресъ, было изъявлено, что «достиженіе указанной дворянствомъ цѣли будетъ служить основаніемъ» работъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій и что работы эти предприняты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ теченіе года въ газетахъ иногда упоминалось о коммиссіи, которой поручена первоначальная выработка проекта этого преобразованія, но работы ея, повидимому, еще не близки къ окончанію,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ свѣдѣній, чтобы сложное это дѣло дозрѣло уже до внесенія въ государственный совѣтъ.

Съ другой стороны, и на земскихъ выборахъ на новое трехлѣтіе, происходившихъ въ истекающемъ году во многихъ губерніяхъ, болѣе чѣмъ когда-либо выдавалась именно характеристическая черта «переходности», объясняясь, съ одной стороны, устраненіемъ лучшихъ людей въ виду относительной неблагодарности земской работы по нѣкоторымъ причинамъ, съ другой стороны—измѣненіями, происходившими въ самомъ составѣ земле-

владѣнія, и, наконецъ, подъ вліяніемъ той неизвѣстности, какою облечено ближайшее будущее въ порядкахъ мѣстнаго управленія. Земскіе выборы выказали вообще такое общественное настроеніе, которое всего менѣе соотвѣтствуетъ провозглашаемому нѣкоторыми публицистами отрадному подъему духа и хотя бы даже возвѣщаемому ими пробужденію здравыхъ охранительныхъ началъ въ общественномъ сознаніи. Наоборотъ, именно наиболѣе достаточные и образованные представители того элемента, въ которомъ предполагается сознаніе охранительныхъ началъ, выказало при выборахъ наиболѣе апатіи, наименѣе готовности или надежды охранять что бы то ни было.

Въ другой изъ тѣхъ отраслей нашей общественной дѣятельности, которыя соприкоснулись уже съ отправленіями государственными,—въ сферѣ общественнаго участія въ судѣ, настроеніе, конечно, не можетъ проявляться такъ видимо, какъ въ сферѣ земско-хозяйственной. За то въ этой общественно-судебной области дѣйствительно уже состоялись въ прошломъ году нѣкоторыя измѣненія аттрибуцій, причемъ нельзя сказать, чтобы въ измѣненіяхъ этихъ проявилась вполнѣ рельефно мысль объ ограниченіи или, наоборотъ, о бо́льшемъ просторѣ общественнаго элемента въ той области. Такъ, указъ сената мировымъ судебнымъ установленіямъ о разныхъ замѣченныхъ въ производствѣ ими дѣлъ безпорядкахъ и нарушеніяхъ закона, хотя самъ по себѣ и не вводилъ никакихъ измѣненій, но произвелъ сперва впечатлѣніе какого-то огульнаго приговора надъ дѣятельностью мировыхъ судей и съѣздовъ. Въ впечатлѣніи этомъ отразилось именно то настроеніе, которое считаетъ вообще весьма вѣроятнымъ «переходъ», но не къ новому, а скорѣе къ старому. Въ дѣйствительности же указъ сената, какъ высшаго судебнаго мѣста, вовсе ничего подобнаго не предвѣщалъ, а представлялъ собой только дисциплинарное напоминаніе, сдѣланное на основаніи предшествовавшихъ ревизій.

Между тѣмъ, вновь вышедшимъ закономъ введено даже нѣкоторое расширеніе подсудности дѣлъ мировымъ учрежденіямъ и возвышены степени налагаемыхъ мировыми судьями за нѣкоторые проступки наказаній. Однако, въ этомъ законѣ нельзя было усмотрѣть чего-либо вродѣ дальнѣйшаго шага въ примѣненіи принципа общественнаго суда. Дѣло въ томъ, что законъ этотъ имѣетъ цѣлью собственно облегченіе общихъ судебныхъ установленій освобожденіемъ ихъ отъ нѣкоторыхъ мелкихъ дѣлъ, и состоялось въ немъ это облегченіе даже въ объемѣ значительно меньшемъ, чѣмъ было предположено по первональному проекту. Рядомъ съ этимъ закономъ слѣдуетъ упомянуть о законѣ, расширявшемъ нѣсколько право присяжныхъ засѣдателей на судѣ, а именно предоставлено имъ право требовать измѣненій въ постановкѣ предлагаемыхъ ими вопросовъ о виновности. Это новое узаконеніе, улучшая ходъ уголовнаго судопроизводства, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляло удостовѣреніе, что самому учреж-

денію присяжныхъ засѣдателей вовсе не угрожаетъ ограниченіе или отмѣна, которыхъ такъ усиленно добивались извѣстныя газеты. Не мѣшаетъ замѣтить, что даже и нападки эти какъ-то стихли во второй половинѣ истекающаго года, давая тѣмъ какъ бы доводъ своей безнадежности при нынѣшнемъ направленіи министерства юстиціи въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи. За то министерство высказывало особенную попечительность объ устраненіи вообще инородческихъ элементовъ изъ канцелярій судовъ. Относительно евреевъ издано было даже гласное распоряженіе министерства, чтобы они не допускались въ письмоводители и даже писцы въ канцеляріяхъ судебныхъ слѣдователей и мировыхъ съѣздовъ, а состоящіе въ этихъ должностяхъ были бы немедленно уволены. Объясняли это распоряженіе тѣмъ, что евреи сообщали разныя свѣдѣнія. Но то же правило министерство юстиціи примѣняло и къ полякамъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и въ Царствѣ Польскомъ, устраняя поляковъ отъ занятія должности секретарей и т. п.

Объединительные виды правительства по отношенію къ внутреннему устройству прибалтійскаго края выразились въ истекающемъ году въ нѣсколькихъ новыхъ узаконеніяхъ и мѣропріятіяхъ. Изъ этихъ мѣръ наиболѣе важная представлялась въ указѣ о подчиненіи министерству народнаго просвѣщенія лютеранскихъ приходскихъ, волостныхъ и сельскихъ школъ. Доселѣ школы эти состояли въ вѣдѣніи пасторовъ и лютеранскихъ консисторій. Другимъ закономъ введены въ остзейское судопроизводство нѣкоторыя измѣненія, въ видѣ подготовительнаго шага къ общему преобразованію судебной части въ томъ краѣ. Упомянемъ еще о положеніи комитета министровъ, которое вновь разъяснило и подтвердило, что православные владѣльцы или арендаторы земельныхъ участковъ въ остзейскихъ губерніяхъ освобождаются отъ сбора въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ; сборъ этотъ взимается съ земли, и, несмотря на то, что православные были давно освобождены отъ него закономъ, мѣстныя начальства, все-таки, взимали его, толкуя, что сборъ падаетъ не на лицъ, но на землю, независимо отъ того, въ чьемъ владѣніи она состоитъ. Такое толкованіе теперь безусловно отмѣнено.

Всякія сомнѣнія относительно объединительныхъ видовъ правительства были устранены рѣчью, которую великій князь Владиміръ Александровичъ, объѣзжавшій лѣтомъ балтійскія провинціи для осмотра войскъ, произнесъ въ Дерптѣ. Рѣчь была прямо направлена къ устраненію «существующихъ среди мѣстной интеллигенціи сомнѣній въ устойчивости мѣръ къ объединенію остзейской окраины» и выражала, «что всѣ такія мѣры, по непреложной волѣ самодержавнаго нашего Государя, примѣняются и будутъ примѣняться твердо и безповоротно». Изъ числа мѣръ въ томъ же смыслѣ упомянемъ еще: о перенесеніи управленія учебнаго округа изъ Дерпта въ Ригу, о законахъ относительно обязательнаго отчужденія частныхъ земель подъ постройку православныхъ

церквей и устройство кладбища и о назначеніи 300 тысячъ рублей на три года для постройки православныхъ храмовъ въ томъ краѣ. Между тѣмъ, проектъ преобразованія полицейской части въ балтійскихъ губерніяхъ, внесенный въ государственный совѣтъ еще прошлою весной, доселѣ не прошелъ, хотя, по всей вѣроятности, отложенъ не надолго, такъ какъ изъ всѣхъ объединительныхъ мѣръ наиболѣе несомнѣнно нужны тѣ, конечно, которыя положатъ конецъ безусловному господству одного дворянскаго сословія въ полиціи и судѣ. Относительно Дерптскаго университета высказывались въ печати предположенія о закрытіи его или, что̀ все равно, о перенесеніи его въ одинъ изъ внутреннихъ городовъ. Въ концѣ года говорили, однако, что хотя такое предположеніе въ самомъ дѣлѣ имѣлось въ виду, но что затѣмъ остановились на иномъ рѣшеніи, а именно—оставить университетъ въ Дерптѣ, но преобразовать его, съ постепеннымъ введеніемъ русскаго языка въ преподаваніи и съ упраздненіемъ студенческихъ корпорацій.

Если на вопросы общественнаго образованія, развитія въ странѣ силъ умственныхъ будемъ смотрѣть хотя бы только съ точки зрѣнія соревнованія между живущими въ государствѣ національностями, то даже и съ этой точки зрѣнія едва ли можно сомнѣваться, что цѣль достигалась бы вѣрнѣе приложеніемъ всякихъ усилій къ поднятію народнаго образованія во внутреннихъ губерніяхъ, въ облегченіи вообще доступа ко всѣмъ ступенямъ образованія внутри Россіи, чѣмъ мѣрами противъ школъ нѣмецкой, польской и армянской—на окраинахъ государства. Къ сожалѣнію, въ первомъ отношеніи минувшій годъ ничего не принесъ намъ новаго, и даже можно указать на два явленія въ смыслѣ противуположномъ.

Первое изъ нихъ—это замѣтное охлажденіе земствъ нѣкоторыхъ губерній къ народной школѣ. Охлажденіе это объясняется, съ одной стороны, тѣми общими неблагопріятными условіями, которыя ослабили вообще земскую дѣятельность, а съ другой—мѣрами, предпринимаемыми къ распространенію школъ церковно-приходскихъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ духовнаго вѣдомства. Правда, учрежденіе церковныхъ школъ само по себѣ не направлено къ замѣнѣ ими всѣхъ иныхъ народныхъ училищъ; но, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, нѣкоторыя земства, въ виду этого факта, стали склоняться къ отреченію отъ своихъ школъ и къ передачѣ ихъ въ духовное вѣдомство. Изъявляя сожалѣніе по поводу такого оборота, мы вовсе не думаемъ, что церковная школа непремѣнно будетъ хуже земской; наоборотъ, при самомъ началѣ дѣла церковныхъ школъ, при первомъ указѣ синода о ихъ учрежденіи, мы высказывали надежду, что одна школа не будетъ мѣшать другой, что обѣ будутъ стремиться къ той же цѣли, взаимно себѣ помогая, такъ какъ въ Россіи есть еще мѣсто не только для двойнаго, но и для учетверенаго числа народныхъ училищъ. По этому же соображенію въ закрытіи

нѣкоторыхъ земскихъ школъ и въ отказѣ нѣкоторыхъ земствъ стараться о дальнѣйшихъ жертвахъ на дѣло народнаго образованія, мы видимъ прямой ущербъ всему этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что церковно-приходскія школы, какъ бы велика ни была заботливость духовнаго вѣдомства о ихъ распространеніи, доселѣ находятся еще только въ началѣ своего развитія.

Другое явленіе, не вполнѣ соотвѣтствующее мысли о доставленіи великорусской національности бо́льшихъ средствъ для умственнаго соревнованія съ иностранными элементами въ имперіи, представилось въ послѣдовавшемъ въ истекшемъ году распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія о прекращеніи (съ мая) пріема слушательницъ въ существующіе высшіе женскіе курсы того же вѣдомства. Правда, распоряженіе это, во-первыхъ, не касалось курсовъ врачебныхъ, и, во-вторыхъ, ему былъ приданъ характеръ временнаго и условнаго, не исключающаго возможность устройства высшихъ училищъ для женской молодежи въ какомъ-либо иномъ видѣ, такъ какъ сообщалось, что вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи разсматривается въ особой коммиссіи. Но, все-таки, не лишенъ былъ значенія фактъ, что самое преобразованіе, для котораго еще только собираются подготовительные матеріалы въ новой коммиссіи, началось съ мѣры, направленной къ упраздненію тѣхъ высшихъ образовательныхъ женскихъ учрежденій, какія уже существуютъ, созданныя долголѣтнимъ частнымъ трудомъ и многочисленными пожертвованіями русскаго общества. Новый законъ о вольноопредѣляющихся въ военную службу, изданный въ прошломъ году, хотя имѣетъ въ виду только потребности военнаго вѣдомства, но также скорѣе неблагопріятенъ высшему образованію. Законъ этотъ опредѣлилъ годъ службы въ рядахъ для лицъ какъ со среднимъ, такъ и съ высшимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, лица, оканчивающія курсъ университетскій, лишились льготы производства въ офицеры чрезъ шесть мѣсяцевъ, которая принадлежала имъ еще съ царствованія Императора Николая.

Изъ перечня новыхъ законоположеній и правительственныхъ мѣръ общаго свойства и изъ сопоставленія съ ними теченій, проявившихся въ земствѣ, менѣе всего можно сдѣлать выводъ о чемъ-либо окончательномъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ и можно уловить общія черты, то надо, все-таки, признать, что черты эти не выступили еще съ достаточною опредѣленностью въ отношеніи управленія и суда. Переходя затѣмъ въ сферу экономическую, напомнимъ о двухъ новыхъ узаконеніяхъ, коснувшихся быта чиншевиковъ и государственныхъ крестьянъ. Положеніе о чиншевикахъ дало разрѣшеніе очень сложнаго и долговременнаго вопроса, опредѣляя условія перехода чиншеваго владѣнія въ полную собственность всѣхъ такихъ лицъ, которыхъ права могутъ быть доказаны документами или хотя бы иными сколько-нибудь достовѣрными данными. Прекращеніе оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ,

съ нѣкоторымъ возвышеніемъ ея прежняго размѣра—въ выкупные платежи, посредствомъ которыхъ крестьяне эти пріобрѣтутъ свои надѣлы въ собственность, представляетъ собой двоякое дополненіе прежнихъ мѣропріятій. Съ одной стороны, оно завершило дѣло полной отмѣны подушной подати, а съ другой—распространило на государственныхъ крестьянъ операцію земельнаго надѣла.

Въ отношеніяхъ законодательства къ экономической дѣятельности вообще продолжала весьма замѣтно выступать мысль о необходимости усиленія государственнаго вмѣшательства и контроля. Наиболѣе необходимое и наиболѣе полезное нововведеніе въ такомъ смыслѣ представилъ изданный въ прошломъ году законъ объ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими. Затѣмъ къ тому же порядку принадлежатъ: учрежденіе особаго совѣта по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ и положеніе комитета министровъ, вмѣнившее желѣзно-дорожнымъ обществамъ въ обязанность представить правительству введенные ими тарифы по прямымъ заграничнымъ сообщеніямъ, съ обязательствомъ также представлять впредь всякія измѣненія въ этихъ тарифахъ на утвержденіе министерства путей сообщенія. Общества, дѣйствительно, представили свои прямые тарифы въ октябрѣ, но рѣшенія до сихъ поръ нѣтъ, а только продолжено до февраля дѣйствіе нынѣшнихъ тарифовъ. Между тѣмъ, постепенно возростающая склонность къ регламентаціи въ дѣлахъ промышленности подала представителямъ одной изъ отраслей заводскаго производства такую мысль, отъ которой сами приверженцы регламентированія пришли въ недоумѣніе. Такова была просьба крупнѣйшихъ сахароваровъ объ установленіи правительствомъ, для отвращенія кризиса, наступившаго въ этомъ дѣлѣ, обязательнаго максимума для всего годичнаго производства сахара въ странѣ. Не касаясь теперь удобства или неудобства подобнаго выхода изъ промышленныхъ кризисовъ, замѣтимъ только, что домогательство это, по существу, было вполнѣ согласно съ тою теоріей неограниченной регламентаціи въ экономической области, какую защищаютъ нѣкоторыя газеты, тѣ самыя, которыя въ данномъ случаѣ неожиданно явились приверженцами началъ свободной конкурренціи и устраненія избытка производства естественнымъ паденіямъ наиболѣе слабыхъ конкуррентовъ.

Роспись 1886 года была сведена на 787 милл. руб. обыкновенныхъ доходовъ и 812 милл. руб. обыкновенныхъ расходовъ, то-есть предвидѣлся дефицитъ собственно въ «обыкновенномъ» бюджетѣ въ размѣрѣ 25 милл. руб. Но такъ какъ, сверхъ того, требовались еще 52 милл. руб. на расходы чрезвычайные, то итогъ средствъ чрезвычайныхъ, необходимыхъ для покрытія расходовъ минувшаго года, исчисленъ былъ въ 78 милл. руб., изъ которыхъ 45 милл. руб. предполагалось покрыть новымъ займомъ, а остальные—изъ прежняго займа и уплатъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Въ росписи на минувшій годъ впервые было

объявлено о «временномъ» прекращеніи начатой съ 1881 года операціи по сокращенію количества кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи. Вмѣсто обычной до того, ежегодной, уплаты банку изъ казначейства 50 милл. руб. на погашеніе долга за кредитные билеты, банку представлено было на эту сумму билетовъ пятипроцентной ренты, съ тѣмъ, чтобы реализація ея была отложена до позднѣйшаго времени.

Заемъ былъ выпущенъ въ видѣ «желѣзно-дорожной» ренты, на 100 милл. руб., предложенныхъ къ подпискѣ по 99½ за 100. Выпуску займа предшествовало пониженіе государственнымъ банкомъ процента по вкладамъ, вслѣдствіе чего прежнія пятипроцентныя бумаги поднялись въ цѣнѣ до 101. При такомъ условіи, предложеніе новой равноцѣнной бумаги за 99½, а при досрочной оплатѣ взносовъ за 98½, вызвало огромный приливъ капиталовъ. Общая сумма подписки превысила въ 22 раза сумму новаго займа. Коснувшись кредитной операціи, мы должны еще упомянуть объ упорно державшихся въ первую половину 1886 года слухахъ относительно конверсіи прежнихъ займовъ, съ цѣлью пониженія по нимъ процента. Переговорами о конверсіи объясняли неоднократные пріѣзды въ Петербургъ разныхъ заграничныхъ банкировъ; но въ концѣ года слухи о конверсіи совсѣмъ замолкли.

Въ торговой политикѣ продолжался рядъ отдѣльныхъ возвышеній таможенныхъ пошлинъ. Между тѣмъ, поступленія таможенныхъ сборовъ не поднимались, но, наоборотъ, падали, какъ, впрочемъ, и другія главныя казенныя поступленія. Такъ, питейный сборъ упалъ, несмотря на прибавку съ начала года копѣйки на градусъ спирта. Примѣненіе новыхъ питейныхъ правилъ, начавшееся также съ января 1886 года, повело къ огромному сокращенію мѣстъ распивочной продажи, особенно въ селеніяхъ, гдѣ общее число такихъ продажъ сократилось на три четверти; однимъ изъ послѣдствій этого явленія было уменьшеніе поступленій патентнаго сбора. Вообще новыя питейныя правила не удовлетворили никого, а, повидимому, и само министерство финансовъ разочаровалось въ нихъ. Впрочемъ, къ разсмотрѣнію экономическихъ мѣръ мы возвратимся далѣе, по поводу нѣкоторыхъ новѣйшихъ слуховъ.

Урожай 1886 года былъ въ среднемъ удовлетворительный, но вывозъ хлѣба за границу упалъ до небывалаго минимума. За 7 первыхъ мѣсяцевъ хлѣба было отпущено только 15 милл. четвертей. Вмѣстѣ съ тѣмъ упала и доходность желѣзныхъ дорогъ; поверстное пониженіе это за первое полугодіе выражалось въ размѣрѣ 11½ процентовъ. Опасенія за исходъ главной изъ нашихъ внутреннихъ торговыхъ операцій—Нижегородской ярмарки, правда, не оправдались: несостоятельностей не было, была бойкая торговля пушнымъ товаромъ, сбытъ мануфактурныхъ товаровъ и желѣза былъ даже больше прошлогодняго; то же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ товарахъ. Но почти общимъ явленіемъ было дальнѣйшее пониженіе цѣнъ. Торговля, по своимъ размѣрамъ, была сред-

ная, но по цѣнамъ — безвыгодная. Курсъ нашъ продолжалъ падать; въ половинѣ года онъ еще держался на 248 сантимахъ, и это уже представляло большое паденіе въ сравненіи съ 1881 годомъ, когда онъ доходилъ до 276 сантимовъ. Теперь же онъ упалъ еще болѣе, какъ увидимъ ниже.

Застой въ дѣлахъ и уменьшеніе заработковъ въ народѣ,—вотъ преобладавшія экономическія черты истекающаго года. Для того, чтобы выйти изъ такого положенія, средства не только не примѣнены на практикѣ, но и въ теоріи-то слагаются до сихъ поръ еще въ какой-то заколдованный кругъ, такъ что и прозрѣть даже нельзя исхода. Само собою разумѣется, что безвыходность эта только кажущаяся, но даже и такая кажущаяся безвыходность, все-таки, совершенно противорѣчитъ тѣмъ оптимистическимъ представленіямъ, по которымъ мы будто бы уже достигли какого-то окончательнаго періода развитія, выработали себѣ и примѣнили къ жизни ясное и зрѣлое сознаніе ея задачъ. Что касается собственно «сознанія», то это, конечно, вещь условная, потому что невидимая. Каждый можетъ собственную свою фантазію выдавать за окончательное убѣжденіе, къ какому будто бы пришло общество, за общее настроеніе.

Печать, которая призвана служить выраженіемъ сборной мысли, преобладающаго чувства, могла бы вѣрно исполнять эту задачу лишь въ такомъ случаѣ, если бы каждое направленіе имѣло свой органъ и достаточный просторъ. Тогда можно было бы опредѣлить не только внутреннюю цѣну каждаго изъ собирательныхъ мнѣній и сравнительную ихъ вѣскость, но и степень ихъ распространенности. Общественная мысль, общественное настроеніе, это—нѣчто очень сложное. Предположивъ даже высокую степень общественной зрѣлости, стремленіе общества и настроеніе его могли бы быть сравнены только съ широко-развитою, многообразною симфоніей, построенною на нѣсколькихъ мелодіяхъ, въ правильномъ согласованіи, такъ что изъ отдѣльныхъ кружковыхъ мнѣній, хотя бы значительно расходящихся, слышалось бы, все-таки, въ общемъ нѣчто народно-стройное, невольно покоряло бы слушателя нѣчто несомнѣнно-преобладающее. Положимъ, печать—не такой общественный органъ, который могъ бы передавать эту симфонію со всею характерностью ея жизненной инструментовки, со всею величавостью ея массовыхъ аккордовъ. Но, за неимѣніемъ оркестра, симфонію, все-таки, можетъ вѣрно передать и фортепіано, только не такое, конечно, въ которомъ не достаетъ многихъ клавишей, въ которомъ другія струны едва звучатъ, а вся сила—въ нѣсколькихъ наиболѣе крикливыхъ и фальшивыхъ нотахъ.

Принужденные относиться къ дѣйствительному настроенію общества гадательно, мы, послѣ обзора положительныхъ фактовъ года, ограничимся указаніемъ на аксіому, что характеръ настроенія не можетъ быть иной, чѣмъ самые факты жизни. Неестественно предполагать, чтобы че-

ловѣкъ, если дѣла его идутъ хорошо, если матеріальныя и нравственныя потребности свидѣтельствуютъ ему объ одномъ успѣхѣ за другимъ, сталъ предаваться унынію. Точно такъ трудно предположить, чтобы при разстройствѣ матеріальномъ, при неопредѣленности въ условіяхъ дальнѣйшей работы и при неудовлетворенности умственной, человѣкъ сталъ ликовать внутренно, чувствовать въ себѣ невѣдомую дотолѣ силу, тѣшиться окончательною упроченностью своего положенія. Онъ, все-таки, будетъ охотнѣе смотрѣть въ будущее, чѣмъ въ то, что его окружаетъ, и никто его не разувѣритъ, что многія изъ условій этого окружающаго имѣютъ характеръ именно «переходныхъ», особенно если онъ молодъ и крѣпокъ. А Россія относительно молода и несомнѣнно крѣпка.

Въ связи со взглядомъ на общее экономическое положеніе въ истекшемъ году, мы должны упомянуть о нѣкоторыхъ текущихъ предположеніяхъ и ближайшихъ фактахъ, относящихся къ той же экономической области. Въ Петербургѣ опять стали, въ прошломъ мѣсяцѣ, ходить слухи о перемѣнахъ въ составѣ финансоваго управленія. Мы никогда не были къ нему пристрастнымъ, но не можемъ не замѣтить теперь, что молва вообще склонна относить всѣ обстоятельства, не зависящія не только отъ воли, но и отъ предусмотрительности отдѣльныхъ лицъ, къ отвѣтственности такого или иного состава управленія. Финансовые факты, въ самомъ дѣлѣ, неблагопріятны. Дефицитъ,— если подъ нимъ разумѣть все то, что подлежитъ покрытію изъ чрезвычайныхъ средствъ,—былъ предвидѣнъ уже росписью въ десятки милліоновъ, а въ теченіе года необходимо долженъ былъ возрости. Въ прошломъ мѣсяцѣ поручено было комитету обсудить средства, предлагаемыя министерствомъ, для покрытія дефицита, въ присутствіи лица, о способностяхъ котораго много говорятъ и которое доселѣ къ составу министерства не принадлежало, но по этому случаю назначено было членомъ комитета финансовъ. Точно такъ и обсужденіе въ одномъ изъ высшихъ учрежденій проекта министерства финансовъ относительно сліянія общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ банкомъ отложено было, въ прошломъ же мѣсяцѣ, какъ говорятъ, въ виду того, что то же самое лицо взялось представить въ короткій срокъ совершенно новый проектъ разрѣшенія вопроса о взаимномъ поземельномъ кредитѣ.

Ходъ разсмотрѣнія вопроса о нормировкѣ сахарнаго производства также совершался не вполнѣ по предположеніямъ министерства финансовъ. Первоначальное рѣшеніе комитета министровъ, упомянутое нами при изложеніи этого вопроса въ одномъ изъ предшествовавшихъ обозрѣній и состоявшееся въ смыслѣ установленія обязательнаго максимума годоваго производства, было впослѣдствіи отмѣнено. Затѣмъ приступлено было къ изысканію какихъ-либо новыхъ средствъ для оказанія помощи сахароварамъ, однако, исключая нормировку. Новыхъ средствъ предположено

доселѣ два: выдача ссудъ отдѣленіями государственнаго банка по 1 р. 50 к. за пудъ сахару и дальнѣйшая отсрочка въ уплатѣ акциза до 1 марта. Между тѣмъ, и независимо отъ этихъ мѣръ, обнародовано уже утвержденное положеніе комитета министровъ объ обложеніи сахара, произведеннаго въ кампанію 1886—87 г., 6-ю копѣйками съ пуда, сверхъ акциза, въ возвратъ выданныхъ вывозныхъ премій, и о разрѣшеніи вывоза за границу, непосредственно съ заводовъ, желтаго сахарнаго песку безъ взиманія акциза. Что касается собственно мѣръ помощи, то неизвѣстно еще, состоятся ли тѣ, о которыхъ сказано выше, тѣмъ болѣе, что выдача ссудъ изъ государственнаго банка въ упомянутомъ размѣрѣ сама по себѣ для сахарозаводчиковъ недостаточна, а для банка можетъ быть отяготительна. Главные представители сахароваренія опять съѣзжались въ минувшемъ мѣсяцѣ въ Петербургѣ и добивались чего-либо вродѣ нормировки, хотя бы въ скрытомъ видѣ.

Слухи о предстоящихъ въ министерствѣ финансовъ перемѣнахъ держались не только на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ внѣшнихъ признакахъ, но и вообще на томъ, безразборчивомъ основаніи, что финансовые факты представляются вообще въ неблагопріятномъ видѣ. Курсъ упалъ такъ, что франкъ стоитъ теперь 42 коп., вмѣсто 25 коп. (на серебро), германская марка 52 коп., австрійскій гульденъ 85 коп. Вексельные курсы были въ концѣ ноября (на 3 мѣсяца) на Лондонъ $22^3/_4$ пенс., на Парижъ $240^1/_2$ сант., на Берлинъ $193^1/_2$ пф. Были даже котировки на Берлинъ по 191 пф. Однимъ словомъ, цѣнность бумажнаго рубля опустилась ниже 59 коп. (0,5890) на серебро. Легкое повышеніе, которое предшествовало этимъ низкимъ курсамъ и было произведено выѣздомъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ изъ Болгаріи, оказалось призрачнымъ. Сверхъ того, теперь нерѣдкость слышать такое общее разсужденіе, что въ результатѣ возвышеній таможеннаго тарифа явилось уменьшеніе таможенныхъ поступленій, что послѣдствіемъ питейной реформы явился упадокъ питейнаго сбора, а недоимки въ прямыхъ сборахъ накопляются, несмотря на отмѣну подушной подати.

Такое разсужденіе несправедливо, потому что оно упускаетъ изъ вида причину, не зависѣвшую отъ послѣдовавшихъ мѣръ, а именно—застой дѣлъ, упадокъ вывоза хлѣба, пониженіе заработковъ. Но хотя кризисъ не зависѣлъ отъ принятыхъ министерствомъ финансовъ мѣръ, нельзя, однако, не согласиться, что и мѣры эти принимались совершенно независимо отъ какого-либо предусмотрѣнія кризиса, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, наприм., послѣднія повышенія пошлинъ, возвышеніе виннаго акциза и преобразованіе условій питейной продажи явились уже по наступленіи кризиса и недостаточно были соображены съ этими явленіями.

Нельзя сказать того же о преобразованіи податной системы. Преобразованіе это, въ общихъ его чертахъ: уравненіи выкупныхъ платежей, отмѣнѣ подушной подати и привлеченіи класса торговцевъ и капита-

листовъ къ участію въ государственныхъ тягостяхъ—было необходимо. Лѣтъ двадцать необходимость его составляла обязательный выводъ каждаго почти обсужденія состава нашей росписи въ печати. Правда, кризисъ помѣшалъ этому преобразованію принести плоды. Возвышеніе цѣнъ земли, которое могло быть послѣдствіемъ отмѣны подушной подати, парализировалось упадкомъ цѣнъ на продукты земли. Между тѣмъ, классы торговый и капиталистическій, подвергнутые раскладочному и оцѣночному сборамъ, жалуются, что новые налоги пали на нихъ какъ разъ въ то время, когда прекратились дѣла. Но польза преобразованія, все-таки, несомнѣнна, независимо отъ условій временныхъ. Между тѣмъ, ходячее мнѣніе вообще не анализируетъ явленій и рѣдко бываетъ способно отдавать справедливость условно и, такъ сказать, «по частямъ». Обыкновенно всѣ жалобы сваливаются въ кучу и относятся къ предполагаемой ошибочности цѣлой системы.

Возражать противъ того, что было сдѣлано въ смыслѣ привлеченія движимаго капитала къ участію въ податномъ бремени, ссылкою на наступившій кризисъ, столь же несправедливо, какъ если бы фабриканты жаловались на изданіе закона, вводящаго нѣкоторое регулированіе ихъ отношеній къ рабочимъ, стараясь доказать неудобство введенія такой мѣры въ то время, когда фабрики принуждены продавать свои издѣлія безъ барыша и сократили свое производство. Преобразованіе податной системы было необходимо, главнымъ образомъ, совсѣмъ не въ финансовомъ отношеніи. Затѣмъ, что касается мѣръ, исключительно направленныхъ къ поднятію государственнаго дохода и производительности страны, то, при обсужденіи ихъ цѣлесообразности, конечно, необходимо принимать во вниманіе, что такъ сказать поперекъ имъ прошелъ кризисъ, не ими вызванный, хотя ими, положимъ, и не отклоненный и даже не смягченный.

Каждая финансовая система, независимо отъ разныхъ болѣе или менѣе удачныхъ, можно сказать, только техническихъ маневровъ для сведенія концовъ въ текущемъ году, должна опираться на какое-либо опредѣленное предположеніе о средствахъ къ поднятію производительности страны. При министерствѣ М. Х. Рейтерна разсчитывалось, главнымъ образомъ, на постройку желѣзно-дорожной сѣти. Правда, достигнутые этимъ путемъ результаты были отчасти призрачными. Привлекая иностранные капиталы, давая происхожденіе богатствамъ концессіонеровъ и сбереженіямъ въ многочисленномъ классѣ хорошо оплачиваемыхъ служащихъ, наконецъ, внося собственно въ ручные заработки огромныя средства, которыя въ какія-нибудь десять лѣтъ представили совокупность въ $1^1/_2$ милліарда рублей, быстрая постройка желѣзныхъ дорогъ придавала всеобщее оживленіе дѣлъ и въ сильной степени поднимала казенный доходъ въ прямыхъ и косвенныхъ сборахъ. Но, во-первыхъ, это было явленіе временное, а, во-вторыхъ, ему соотвѣтствовало возростаніе задолженности

государства. Однако, несомнѣнно, все-таки, что желѣзныя дороги сами по себѣ составляютъ вновь созданную въ то время громадную цѣнность, что онѣ открыли новую отрасль производительной дѣятельности для множества людей, наконецъ, что онѣ сдѣлали возможнымъ основаніе многихъ посторонніхъ имъ даже производствъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются благопріятныя для этихъ производствъ условія, а, наконецъ, произвели переворотъ въ условіяхъ внутренней торговли учащеніемъ и умноженіемъ ея оборотовъ. Поэтому, каковы бы ни были ошибки и злоупотребленія, допущенныя при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, но нельзя отрицать, что, въ общемъ, основной разсчетъ финансовой системы того времени оправдался. Она не столько заботилась объ уменьшеніи расходовъ, сколько о возвышеніи доходовъ, и такого возвышенія, весьма быстраго, достигла совершенно правильнымъ путемъ поднятія производительной силы страны. Но дороги уже построены, и далѣе приходилось подумать уже о другихъ средствахъ.

Если теперь поставимъ себѣ вопросъ: каковъ же основной разсчетъ нынѣшней финансовой системы, на что она надѣется главнымъ образомъ для поднятія производительности, а въ результатѣ и для улучшенія финансовъ,—то можемъ, среди весьма многоразличныхъ предпріятій нынѣшняго министерства, найти только одну руководящую нить—разсчетъ на развитіе нашего фабричнаго, заводскаго и горнаго производства посредствомъ неопредѣленнаго возвышенія пошлинъ на соотвѣтственные продукты заграничные. Замѣтимъ мимоходомъ, нельзя не удивляться, что система, основанная, главнымъ образомъ, на этомъ разсчетѣ, не выработала даже систематической схемы для его примѣненія, то-есть не создала доселѣ общаго новаго таможеннаго тарифа, но продолжаетъ дѣйствовать урывками, подъ вліяніемъ домогательствъ то той, то другой промышленности, и додѣлывая нѣсколько разъ одно и то же дѣло, то-есть неоднократно возвышая размѣръ пошлины на одинъ и тотъ же предметъ.

Но, сверхъ того, и по самой сущности своей, разсчетъ этотъ не оправдался въ теченіе десятилѣтняго уже его примѣненія. Таможенный тарифъ увеличился на 50 проц. ровно 10 лѣтъ тому назадъ, а затѣмъ возвысился далѣе, такъ что въ общемъ онъ удвоился въ сравненіи съ дѣйствовавшимъ въ 1876 году. Начало этому было положено не нынѣшнимъ министерствомъ; это начало было вынуждено войною, для которой требовались наличныя средства въ цѣнныхъ металлахъ. Но, все-таки, при нынѣшнемъ именно управленіи протекціонизмъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ всей системы. Теперь сравнимъ результаты. Прежнее управленіе черезъ десять лѣтъ видѣло дѣйствительное оправданіе своего разсчета. Около 1864 года началась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и въ 1874 году она окончилась. Въ роспись 1864 года было внесено 346 милл. рублей обыкновенныхъ доходовъ, а въ роспись 1874 г.—

531 милл. руб. И такъ, доходы увеличились болѣе чѣмъ на половину прежняго итога, но, главное, возвышеніе это было преимущественно плодомъ естественнаго возростанія поступленій. За тотъ же періодъ желѣзныхъ дорогъ было построено около 15 т. верстъ.

Между тѣмъ, въ роспись 1877 года было внесено обыкновенныхъ доходовъ 558 милл. руб., а въ роспись истекающаго года—787 милл. руб. И такъ, возростаніе доходовъ за этотъ послѣдній десятилѣтній періодъ не достигло половины прежняго итога. Но, сверхъ того, возростаніе это было произведено, главнымъ образомъ, путемъ установленія новыхъ налоговъ или возвышенія прежнихъ. Въ экономической же основѣ новая система привела къ упадку не только привоза, но и отпуска изъ Россіи за послѣдніе годы, а фабричная и заводская промышленность, на успѣхи которой, главнымъ образомъ, разсчитывалось, находится пока въ такомъ состояніи, что никакого отзыва о ней дать нельзя, кромѣ того, что основаніемъ для возвышенія государственныхъ доходовъ она покамѣстъ служить не можетъ. Кризисъ, конечно, можетъ быть приводимъ въ объясненіе неуспѣха; позволительно еще, все-таки, разсуждать такъ, что, вотъ, кризисъ пройдетъ, промышленность оживится и затѣмъ, подъ покровительствомъ высокихъ пошлинъ, быстро начнетъ развиваться, заработки возростутъ, усилятся торговые обороты, а затѣмъ и казенныя поступленія начнутъ возростать, какъ было въ періодъ 1864—1874 годовъ.

На это, пока, можно возразить только одно, именно, что кризисъ далъ себя чувствовать только съ 1884 года, такъ что система имѣла цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобы произвести свое дѣйствіе. Дѣйствительно, фабрики расширились и промышленность въ Россіи представляетъ несомнѣнно значительный интересъ по числу занимаемыхъ ею рабочихъ. Но припомнимъ, съ чего собственно начался самый кризисъ. Онъ почувствовался еще ранѣе, чѣмъ упали цѣны на хлѣбъ и вывозъ хлѣба; сказался онъ, прежде всего, въ трудности сбыта фабричныхъ произведеній. Однимъ словомъ, было основаніе предполагать, что еще и раньше паденія цѣнъ на хлѣбъ, массы не въ силахъ были покупать издѣлія расширенныхъ фабрикъ по такимъ цѣнамъ, которыя для послѣднихъ представлялись бы не убыточными, но давали бы имъ достаточный барышъ. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается естественный предѣлъ, положенный искусственному развитію промышленности посредствомъ покровительства. Массу внутреннихъ потребителей,—массу, живущую ручнымъ трудомъ,—можно заставить отказаться, наприм., отъ привознаго ситца, но ее нельзя заставить покупать ситцы внутренняго производства значительно болѣе, чѣмъ прежде, если цѣны, по которымъ фабрикантъ долженъ продавать свое издѣліе, превосходятъ средства покупателей. А покровительствуемая промышленность всегда производитъ относительно дорого, иначе она не нуждалась бы и въ покровительствѣ.

При такомъ условіи, самое расширеніе фабрикаціи, чѣмъ внезапнѣе оно произойдетъ, тѣмъ вѣрнѣе вызоветъ кризисъ. Издѣлія или останутся у фабриканта на рукахъ, грозя ему разореніемъ въ виду принятыхъ имъ на себя срочныхъ обязательствъ, или же онъ долженъ будетъ продавать ихъ безъ барыша, даже въ убытокъ, понижая цѣны до того размѣра, когда онѣ становятся дѣйствительно доступными для массы, но уже не оплачиваютъ расходовъ на производство и хотя бы умѣреннаго барыша. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительная народная потребность въ продуктахъ обрабатывающей промышленности далеко еще не можетъ быть удовлетворена тѣми фабриками, которыя существуютъ. По числу населенія, могъ бы быть у насъ еще просторъ для удвоеннаго числа всякихъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. Но если взглянуть на то, въ какой мѣрѣ народъ удовлетворяетъ свои потребности, самыя первоначальныя, какова его пища, каково жилище его, то очень скоро разочаруешься насчетъ возможности неограниченнаго возростанія внутренняго сбыта фабричныхъ и заводскихъ издѣлій. Совершенно даже независимо отъ упадка хлѣбныхъ цѣнъ и сельскихъ заработковъ въ послѣдніе годы, крестьянинъ, при нынѣшнемъ состояніи его хозяйства, при тягости сборовъ, при обязательной (по неразвитости сельскихъ промысловъ) потерѣ четырехъ мѣсяцевъ времени въ году, положительно не въ состояніи поддержать такое развитіе фабрично-заводской промышленности, которое могло бы само послужить основаніемъ для поднятія государственныхъ доходовъ.

Если, такъ или иначе, устранится нынѣшній хлѣбный кризисъ, то народъ дѣйствительно будетъ покупать издѣлій болѣе, чѣмъ теперь, но, все-таки, не иначе, какъ по крайне-низкимъ цѣнамъ,—по такимъ цѣнамъ, при которыхъ опять-таки невѣроятно дальнѣйшее быстрое расширеніе промышленности. Вотъ та коренная внутренняя причина, по которой напрасно дѣлать изъ искусственнаго подъема промышленности разсчетъ на улучшеніе самыхъ финансовъ. Намъ могутъ возразить вопросомъ: откуда же мы знаемъ, что таковъ именно основной разсчетъ нынѣшней финансовой системы? На это мы могли бы привести собственныя заявленія министерства въ его докладахъ, приложенныхъ къ росписямъ. Но намъ достаточно будетъ замѣнить свой отвѣтъ другимъ вопросомъ, именно: а въ чемъ же иномъ возможно усмотрѣть какой-либо иной разсчетъ нынѣшней системы на поднятіе производительности страны вообще? Развѣ что-нибудь серьезное дѣлается для улучшенія народнаго хозяйства, для поднятія скотоводства, улучшенія земледѣлія, для развитія сельскихъ промысловъ? Изъ-за какихъ-то трехъ милліоновъ рублей, доставляемыхъ казнѣ паспортнымъ сборомъ, держатъ и отхожіе-то промыслы въ гнетущемъ состояніи, заставляя населеніе, выправляющее эти паспорты, тратить, навѣрное, и тройную сумму, и много времени, безъ всякой уже пользы для казны.

Могутъ указать на крестьянскій банкъ. Безспорно, самое учрежденіе его составляетъ заслугу министерства финансовъ. Но крестьянскій банкъ служитъ нѣкоторымъ, небольшимъ, средствомъ противъ малоземельности, онъ не есть средство къ поправленію крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Земли, находящейся въ общинномъ владѣніи крестьянъ, въ Европейской Россіи состоитъ $117^1/_2$ милл. десятинъ, въ частной собственности крестьянъ—$5^1/_2$ милл. дес., а при помощи крестьянскаго банка ежегодно пріобрѣтается крестьянами всего менѣе $^1/_2$ милліона десятинъ, т.-е., навѣрное, меньшее количество, чѣмъ сколько ежегодно скупается земли кулаками. Сверхъ того, пріобрѣтеніе земли въ долгъ есть экстензивная, а не интензивная операція; она можетъ вести къ улучшенію хозяйства, но сама по себѣ она еще не есть улучшеніе его. Во всякомъ случаѣ, въ смыслѣ общаго подъема производительности земледѣльческой въ Россіи, она незначительна по самымъ своимъ размѣрамъ.

Отмѣна подушной подати,—вотъ еще помощь, оказанная земледѣлію. Но возьмемъ цифры. Подушной подати поступало 58 милл. рублей, и это было, несомнѣнно, большое пожертвованіе казны, за которое она должна была вознаградить себя другими налогами, павшими частью на имущественные классы, но значительною частью—на ту же земледѣльческую массу. Одно возвышеніе виннаго акциза составляетъ уже около 25 милл. руб., а, сверхъ того, и возвышеніе таможенныхъ пошлинъ не проходитъ безъ слѣда для массы народа. Если же примемъ средній размѣръ подушной подати съ крестьянъ въ $2^1/_2$ рубля и изъ оклада по числу ревизскихъ душъ во дворѣ вычтемъ возвышеніе косвенныхъ налоговъ съ наличнаго числа душъ, то облегченіе, какое окажется, все-таки, ужь не представитъ дѣйствительнаго залога въ улучшеніи хозяйства.

Въ изложенномъ взглядѣ на сравнительные результаты нынѣшней финансовой системы мы старались быть вполнѣ безпристрастными. Въ подтвержденіе такого взгляда мы можемъ сослаться на отзывъ самого министра финансовъ въ докладѣ 1883 года, на результаты прежняго финансоваго періода и на задачи нынѣшней системы. «Періодъ времени съ 1867 по 1876 г.,—сказано было въ томъ докладѣ,—былъ ознаменованъ быстрымъ развитіемъ промышленной предпріимчивости: въ теченіе 8 лѣтъ Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, въ предѣлахъ ея возникло большое число кредитныхъ, фабричныхъ и торговыхъ предпріятій, внутренняя и внѣшняя торговля замѣтно возросла. Послѣднее пятилѣтіе этого періода передъ восточною войной, 1871—75 гг., можетъ быть названо блестящимъ въ финансовомъ отношеніи; послѣ ряда дефицитовъ оказывались избытки въ доходахъ не по росписямъ, а по отчетамъ контроля». Избытки эти, въ сложности, съ покрытіемъ дефицита 1873 года, составили за пятилѣтіе сумму 56 милліоновъ. Это представляло фактъ небывалый до того времени въ исторіи русскихъ финансовъ.

Затѣмъ, задачи нынѣшней системы мы привели въ томъ порядкѣ,

какъ онѣ были указаны въ цитируемомъ докладѣ, но съ отмѣткою послѣ каждой, что̀ удалось сдѣлать въ теченіе трехъ лѣтъ для исполненія каждой изъ нихъ. На первомъ мѣстѣ стояла задача—«обезпечить правильный ростъ промышленности достаточными для нея покровительствами». Число рабочихъ съ 1883 года не возросло, а уменьшилось; сокращеніе числа рабочихъ, происшедшее на фабрикахъ съ 1884 года (по наблюденію В. П. Безобразова въ центрально-промышленномъ районѣ), можетъ быть опредѣлено въ ¼ прежняго числа. Покровительство же возвысилось болѣе, чѣмъ въ размѣрѣ ¼ прежняго размѣра пошлинъ. Вторая задача—«укрѣпить кредитныя учрежденія на началахъ, провѣренныхъ опытомъ, содѣйствуя, притомъ, удешевленію кридита». Сюда можно отнести, пожалуй, правила, изданныя для городскихъ общественныхъ банковъ и для открытія вновь акціонерныхъ банковъ. Но если разумѣть собственно банкъ государственный, то трудно бы указать тѣ начала, на какихъ онъ укрѣпленъ вновь. Наоборотъ, банкъ скорѣе превратился въ одно изъ отдѣленій кредитной канцеляріи, такъ какъ главное его назначеніе—открывать счетъ казначейству по выпускаемымъ послѣднимъ бумагамъ. Далѣе: «усилить доходность желѣзно-дорожныхъ предпріятій, установивъ надъ ними надлежащій контроль». Контроль, дѣйствительно, усиленъ, но доходность не оживилась, а ослабѣла. «Упрочить кредитное денежное обращеніе совокупностью направленныхъ къ достиженію этой цѣли, постепенно приводимыхъ мѣръ». Совокупность эта за послѣдніе три года выражается слѣдующими фактами: отмѣнена уплата банку наличными день-

и 50 милл. р. въ годъ, съ замѣною ихъ рентою, отмѣнено сокращеніе числа кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи; кредитный рубль въ началѣ 1883 года стоилъ 248 сантимовъ, а теперь 240. «Ввести преобразованія въ системѣ налоговъ, сообразныя со строгою справедливостью и обѣщающія приращеніе доходовъ безъ обремененія плательщиковъ податей». Такія преобразованія были дѣйствительно произведены, но приращенія доходовъ отъ нихъ собственно не послѣдовало; все приращеніе, составляющее, по сравненію росписей 1883 и 1886 годовъ, сумму 80 милл. рублей, разсчитано, главнымъ образомъ, на возвышеніе питейнаго дохода и поступленія отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ.

Наконецъ, указывалась еще задача—«возстановить перевѣсъ доходовъ надъ расходами» (безъ чего улучшеніе финансовъ немыслимо, замѣчалось въ докладѣ). Но расходы обыкновенные увеличились за тотъ же періодъ на 110 милл. р., т.-е. возросли, по предположеніямъ росписи на 1886 годъ; но, судя по цифрамъ поступленій за истекающій годъ, нынѣ нельзя было ожидать никакого приращенія. Замѣтимъ еще, что роспись на 1883 годъ была составлена съ допущеніемъ перевѣса обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 5 милліоновъ рублей, а роспись на 1886 годъ—съ предвидѣніемъ дефицита въ 25 милл. рублей (безъ чрезвычайныхъ расходовъ); общій выводъ изъ этого обзора тотъ, что

поднятіе производительныхъ силъ страны должно быть достигаемо какимъ-нибудь инымъ средствомъ, такъ какъ одно «покровительство промышленности» въ десятилѣтній періодъ дѣйствія не приблизило насъ къ цѣли, независимо даже отъ кризиса послѣднихъ трехъ лѣтъ, который положительно отдалилъ насъ отъ нея. Если же отклонить этотъ выводъ, заключающій въ себѣ сужденіе о нынѣшней системѣ—по основной чертѣ ея, то, въ такомъ случаѣ, не останется уже иного объясненія, кромѣ неудачъ случайныхъ.

«Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идетъ впередъ; я очень радъ»,—сказалъ Императоръ Николай, бесѣдуя за обѣдомъ съ однимъ изъ московскихъ фабрикантовъ въ 1833 году. Тотъ не преминулъ выразить опасеніе: «Якобы на всѣ мануфактурные товары пошлина уменьшится и многіе артикулы вовсе дозволится везти безъ пошлины», и когда Государь опровергъ такой слухъ и, наоборотъ, обѣщалъ покровительство, то фабрикантъ сказалъ: «Это единственная будетъ польза для отечества и всѣхъ сословій въ государствѣ». Наконецъ, на замѣчаніе Императора, что русскіе фабриканты должны стараться выдерживать соперничество съ иностранцами и вывозить свои продукты за границу, тотъ же негоціантъ возразилъ: «Точно, стараться надо, В. И. В., но еще потребно на это немного времени, ибо иностранцы столѣтіями насъ опередили».

Этотъ анекдотъ изъ воспоминаній самого собесѣдника покойнаго Государя, помѣщенныхъ въ *Русской Старинѣ*, мы приводимъ по поводу статистическихъ свѣдѣній о русской промышленности за 1884 годъ, собранныхъ въ новомъ трудѣ г. Орлова. Основной вопросъ въ дѣлѣ русской промышленности, если послушать и нынѣшнихъ ея представителей, представляется все въ томъ же видѣ: дайте имъ побольше пошлинъ, какъ можно больше пошлинъ, а относительно возможности конкурренціи они «подождутъ немного», и мы, потребители, должны подождать столько же. Съ 1833 года мы ждемъ, сказать правду, уже не совсѣмъ «немного», а, между тѣмъ, потребность въ усиленіи пошлинъ ощущается все въ сильнѣйшей степени, или, иными словами, возможность конкурренціи представляется все болѣе и болѣе невѣроятною. А, между тѣмъ, новѣйшая статистика указываетъ, между прочимъ, на любопытный фактъ. Относительно 5,294 фабрикъ и заводовъ собраны свѣдѣнія, какими людьми заведенія эти управляются, и вотъ оказывается, что, изъ числа 5,647 состоящихъ при нихъ завѣдывающихъ, 5,002—русскіе, а 635—иностранцы, но техническое образованіе имѣютъ изъ русскихъ всего 281 человѣкъ, а изъ иностранцевъ—227, т.-е. что на 100 завѣдывающихъ фабриками и заводами у насъ только 9 чел. получили техническое образованіе. Таково стремленіе къ конкурренціи!

Не менѣе поучительны и общіе численные итоги фабричной статисти-

ки. Фабрикъ и заводовъ числится, не считая Финляндіи и азіатскихъ окраинъ, 33,815, съ производствомъ въ около $1^1/_2$ милліарда рублей и съ 932 тысячами рабочихъ. Въ общемъ итогѣ производства одна Московская губернія участвуетъ на 218 милл. р. Фабрикъ, имѣющихъ годовое производство свыше 5 милл. р. каждая, считается 11. Сравнительныя цифры производства 1880 и 1884 годовъ, отдѣльно по каждой отрасли, указываютъ на замѣтное возвышеніе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, напримѣръ, въ хлопчато-бумажномъ, и на уменьшеніе въ иныхъ, напримѣръ, въ механическомъ. При этомъ надо, впрочемъ, замѣтить, что собранныя цифры относятся къ періоду, въ которомъ нынѣшній кризисъ сказывался только за послѣдній годъ.

Понятно, что цифра—до милліона рабочихъ—не даетъ еще и приблизительнаго представленія о томъ числѣ населенія, котораго бытъ, такъ или иначе, но непосредственно, обезпечивается промышленностью. Приведенная цифра должна приниматься только за основную, вокругъ которой группируется населеніе, зависящее отъ фабричнаго и заводскаго труда. И такъ какъ въ приведенную цифру не вошли рабочіе, занимающіеся производствомъ кустарнымъ, горнозаводскимъ и ремесленнымъ, то ясно, что ручной, не-земледѣльческій трудъ представляетъ у насъ уже и въ настоящее время одинъ изъ важныхъ бытовыхъ интересовъ. Слащавыя разсужденія, что у насъ нѣтъ фабричнаго пролетаріата, какъ на Западѣ, такъ какъ крестьяне, гдѣ бы они ни работали, все-таки, имѣютъ у себя на родинѣ земельный надѣлъ, будто бы обезпечивающій ихъ бытъ, никуда не годятся. Уже самый фактъ, что бытъ нѣсколькихъ милліоновъ душъ зависитъ отъ работы на фабрикахъ, опровергаетъ мнимую обезпеченность этихъ милліоновъ землею. Сверхъ того, извѣстно, что у насъ создалось даже нѣкоторое число людей наслѣдственно-фабричнаго сословія въ большихъ мануфактурныхъ центрахъ.

Между тѣмъ, законодательство только въ послѣдніе годы обратило вниманіе на бытъ многочисленнаго класса, ищущаго заработка на фабрикахъ и заводахъ. До послѣдняго времени въ отношеніяхъ между промышленниками и рабочими господствовалъ полный произволъ первыхъ. Крѣпостное право, отмѣненное уже четверть вѣка назадъ, для рабочихъ сельскихъ, такъ сказать, продолжало держаться въ примѣненіи къ рабочимъ посадскимъ и городскимъ. Дѣйствительно, право произвольнаго штрафованія, вычетовъ, эксплуатаціи посредствомъ фабричныхъ лавокъ, задержки паспортовъ—налагало, въ совокупности, на рабочихъ такія узы, которыя не многимъ были легче права сельскихъ хозяевъ на крѣпостной трудъ. Положимъ, не было тѣлеснаго наказанія, но зависимость, по самымъ условіямъ фабричнаго труда, была еще большая. И въ то даже время, когда личность крестьянина не была ограждена юридически, право помѣщика собственно на крестьянскій трудъ ограничивалось, по существу земледѣльческой работы, какою-нибудь восьмою частью всего числа

часовъ въ году. Между тѣмъ, у фабричнаго рабочаго половина всего времени, по меньшей мѣрѣ, принадлежитъ хозяину. Если представимъ себѣ случай, весьма нерѣдкій, неумолимаго пользованія со стороны хозяина тою полною зависимостью, въ какую ставятъ рабочаго трудъ въ 12—16 часовъ въ сутки, штрафы и дорогой кредитъ «на книжку» въ лавкѣ, съ возможностью немедленнаго лишенія заработка или произвольнаго задержанія разсчета, то такое сравненіе хотя и не окраситъ воспоминанія о прежней крестьянской неволѣ, но за то укажетъ на совершенную необходимость законодательнаго вмѣшательства въ правовыя отношенія между хозяевами и рабочими на фабрикахъ.

Говорится, правда, что дѣло не въ законахъ, но въ нравахъ и въ общественныхъ взглядахъ на тѣ или другія явленія. Прекрасно; но на успѣхъ нравовъ и просвѣтленіе взглядовъ всего менѣе можно разсчитывать тамъ, гдѣ дѣло въ корысти однихъ и безсиліи другихъ. Вотъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вятской губерніи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ общественное вниманіе было обращено на ужасную судьбу дѣтей, работающихъ на фасфорно-спичечныхъ фабрикахъ; констатированы были случаи омертвѣнія челюстей, вызывавшія необходимость операціи, даже случаи смерти отъ хроническаго отравленія дѣтей этою убійственною работой. Въ вятскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи даже состоялось въ 1883 году обязательное постановленіе относительно введенія нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности при фабрикаціи и запрещенія принимать малолѣтнихъ для нѣкоторыхъ работъ на упомянутыхъ фабрикахъ. Но это не помогло. И такъ, «нравы» были въ данномъ случаѣ налицо и общественные взгляды фактически протестовали противъ отравленія дѣтей, но все это было безсильно.

Стало быть, нуженъ былъ именно законъ. И вотъ, теперь, когда законъ изданъ, два «почтенные» вятскіе спичечные фабриканта, гг. Поповъ и Хлѣбниковъ, недавно были «привлечены» за нарушеніе закона о малолѣтнихъ и присуждены къ 7-ми недѣльному аресту. Приведемъ другой примѣръ, доказывающій, что и помимо судебной острастки, самое существованіе закона должно облегчать участь рабочихъ, и въ особенности безотвѣтныхъ рабочихъ-дѣтей, которые могутъ находить себѣ защиту уже именно только въ законѣ. Табачный фабрикантъ Ш. въ Гроднѣ не хотѣлъ подчиниться закону о малолѣтнихъ, даже не давалъ свѣдѣній о ихъ числѣ. Но, однако, появленія инспектора и акцизнаго чиновника на фабрикѣ было достаточно, чтобы онъ исполнилъ требованія закона: дѣтей на фабрикѣ оказалось 147 и срокъ ихъ работы былъ сокращенъ до узаконенной нормы, хотя для этого пришлось измѣнить весь порядокъ работъ на фабрикѣ, имѣющей болѣе 600 рабочихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, очевидно, безъ прямаго вмѣшательства законодательной власти для охраненія личности рабочихъ не было бы никогда улучшенія, несмотря на всевозможный успѣхъ «нравовъ».

Но законы въ этомъ смыслѣ, изданныя до сихъ поръ, требуютъ еще дополненій. При изданіи общихъ фабричныхъ правилъ, оговорено было, что вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ промышленныхъ заведеній за увѣчья и смерть рабочихъ составитъ предметъ особаго узаконенія. Теперь сообщаютъ, что коммиссія, разрабатывавшая относящійся сюда законопроектъ, уже кончила свои работы и что проектъ, ею составленный, вскорѣ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Свѣдѣнія, имѣющіяся объ основаніяхъ проекта, только приблизительныя. Предполагается установить отвѣтственность хозяевъ и обязательство вознагражденія жертвамъ или ихъ семействамъ въ двухъ главныхъ случаяхъ, именно: если несчастіе произошло отъ несоблюденія на фабрикѣ установленныхъ закономъ предосторожностей, отъ недостаточнаго огражденія машинъ, отъ ихъ неисправности, отъ дѣйствія химическихъ составовъ, несоблюденія санитарныхъ условій, и, во-вторыхъ, если виною несчастнаго случая были небрежность, неопытность или недостатокъ надзора служащихъ на фабрикѣ.

Но при этомъ неизвѣстно, какъ рѣшила коммиссія вопросъ о доказательствѣ вины. Вопроса этого мы коснулись еще въ то время, когда работала предшествовавшая коммиссія, года два тому назадъ. Въ то время разрабатывались фабричныя правила въ ихъ совокупности, а впослѣдствіи вопросъ этотъ былъ выдѣленъ изъ общаго закона. И вотъ прежняя коммиссія высказала вполнѣ раціональный взглядъ, что, при искѣ рабочаго или его наслѣдниковъ о вознагражденіи по случаю увѣчья или смерти, не работникъ долженъ доказывать, что виновата была фабрика, но хозяинъ фабрики обязанъ доказать, что вина была въ собственной неосторожности рабочаго. Убѣжденіе наше въ необходимости такого именно рѣшенія могло только утвердиться съ тѣхъ поръ въ виду данныхъ, обнаруженныхъ инспекторскими отчетами. Отчеты эти удостовѣрили, что такъ называемая «собственная неосторожность» въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо зависитъ отъ нѣкоторыхъ распоряженій на фабрикахъ, какъ, напримѣръ, отъ отсутствія платы за чистку машинъ, такъ что машины чистятся до ихъ остановки. Кромѣ того, отчеты выказали готовность фабричныхъ врачей защищать интересы фабрикантовъ и скрывать несчастные случаи, а тѣмъ болѣе вину въ нихъ фабричной администраціи. Все это лишь только подтвердитъ мнѣніе о трудности для рабочаго доказать вину администраціи въ постигшемъ его несчастіи, когда свидѣтелями явятся лица, зависящія отъ той же администраціи.

Но наше мнѣніе идетъ даже нѣсколько далѣе предположенія, высказаннаго прежнею коммиссіей. Не споримъ, что могутъ быть не только несправедливые отказы въ вознагражденіи, но и несправедливыя претензіи со стороны рабочихъ. Однако, сравнимъ рискъ обѣихъ сторонъ въ такихъ случаяхъ или, иными словами, степень обезпеченія для каждой изъ нихъ противъ несправедливости. Отъ неисправности паровика, недостатка

огражденія машинъ и отъ другихъ видовъ вины фабрики въ несчастіи, могущемъ постигнуть рабочаго, что можетъ дать этому послѣднему нѣкоторое обереженіе? То, что фабрикантъ разсчитаетъ, во сколько, сравнительно, могутъ обойтись ему улучшенія и во сколько вознагражденіе потерпѣвшихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ еще не во всѣхъ случаяхъ вина съ его стороны можетъ быть обнаружена передъ судомъ. Между тѣмъ, хозяина обезпечиваетъ противъ несправедливыхъ требованій со стороны рабочаго—увѣчье его или смерть. Несомнѣнно, что такое обезпеченіе болѣе серьезно, чѣмъ первое. Поэтому, казалось бы вполнѣ раціональнымъ возложить на фабрику вознагражденіе потерпѣвшихъ за всякій случай увѣчья и смерти во время работы, независимо отъ вопроса, чья вина: «собственной неосторожности» рабочаго, скупости хозяина или небрежности его служащихъ. При этомъ, для устраненія возможныхъ злоупотребленій, достаточно было бы точнѣе опредѣлить понятіе объ увѣчьѣ, какъ о поврежденіи дѣйствительно тяжеломъ, на которое никто не рѣшится для полученія вознагражденія. Замѣтимъ здѣсь, что желѣзно-дорожныя общества на дѣлѣ такъ и поступаютъ, назначая вознагражденіе всѣмъ понесшимъ увѣчье при работѣ, хотя бы и по собственной неосторожности.

Далѣе, изъ предположеній нынѣшней коммиссіи извѣстно, что способъ опредѣленія вознагражденія она приняла двоякій: по соглашенію между сторонами и по суду. Между тѣмъ, желѣзно-дорожная практика указываетъ, что относительно перваго способа слѣдовало бы положить нѣкоторое ограниченіе,—напримѣръ, хотя бы условіе, что соглашеніе между сторонами должно быть утверждаемо инспекціей, причемъ инспекціи предоставлялось бы право, въ случаѣ, если условленное вознагражденіе будетъ признано ею непомѣрно малымъ, самостоятельно вчинить дѣло судебнымъ порядкомъ о признаніи добавочнаго вознагражденія для потерпѣвшихъ. Дѣло въ томъ, что народъ мало знаетъ законы и обыкновенно мирится съ самою малою подачкой, лишь бы не вести дѣло долговременнымъ и невѣдомымъ ему судебнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе того, если бы свести статистику вознагражденій, выдаваемыхъ желѣзно-дорожными правленіями по случаю разныхъ несчастій, то выказалась бы крайняя, отчасти даже возмутительная, неравномѣрность. Вознагражденіе по «добровольному» соглашенію всегда меньше, чѣмъ по опредѣленію суда. Бываетъ, что выдаютъ вдовѣ убитаго рабочаго совершенно ничтожную сумму и берутъ росписку, что претензій она болѣе не имѣетъ. А на эту женщину, да и на самого потерпѣвшаго рабочаго, которому, напримѣръ, придавило грудь буферомъ, такъ что онъ впалъ въ чахотку, дѣйствуетъ устрашеніе, что пойдешь, молъ, судомъ, такъ и совсѣмъ откажутъ, а тягаться надо долго. Даютъ, конечно, какъ можно меньше: согласился—и прекрасно, такъ какъ и желѣзно-дорожныя общества доселѣ смотрятъ на вознагражденіе потерпѣвшихъ вовсе не какъ на нравственную обязанность, но какъ на

средство отдѣлаться отъ непроизводительныхъ расходовъ, и даже, какъ будто, отъ какой-то «облавы», постоянно противъ нихъ дѣйствующей.

Вотъ почему въ примѣненіи къ вознагражденію пострадавшихъ рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ полезно было бы установить нѣкоторый контроль надъ «добровольными» соглашеніями, тѣмъ болѣе, что для этого имѣется уже готовый органъ—инспекція. При отсутствіи соглашенія остается путь судебнаго опредѣленія. Но судъ долженъ находить въ законѣ какія-либо нормы для отнесенія къ нимъ каждаго случая. Каковы нормы, устанавливаемыя нынѣшнею коммиссіей, объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что она предполагала уменьшить тѣ нормы, какія были проектированы прежнею коммиссіей относительно вознагражденія вдовѣ и дѣтямъ рабочаго, лишившагося жизни вслѣдствіе какой-либо неисправности, допущенной на фабрикѣ. Сперва предполагалось назначать вдовѣ пожизненную (или до выхода замужъ) пенсію до половины содержанія умершаго, дѣтямъ же пенсіи до достиженія 16 лѣтъ по $16^2/_3$ процентовъ содержанія умершаго, при жизни одного изъ родителей, а круглымъ по 25%, съ тѣмъ, чтобъ общая сложность назначенныхъ пенсій не превышала трехъ четвертей суммы годоваго заработка умершаго. Таковы были предположенія прежней коммиссіи. Но, при передачѣ ихъ на предварительное обсужденіе совѣта и комитетовъ торговли и мануфактуръ, учрежденія эти, имѣющія преимущественно сословный характеръ, конечно, нашли, что нормы вознагражденій опредѣлены были тою коммиссіей слишкомъ щедро. Поэтому предполагалось, что въ проектѣ, составляемомъ нынѣшнею коммиссіей, нормы эти будутъ понижены.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ, все-таки, предпочесть эту форму вознагражденія рабочихъ—по отдѣльнымъ въ каждомъ случаѣ рѣшеніямъ, съ предоставленіемъ на усмотрѣніе суда значительнаго простора въ опредѣленіи цифры между общими нормами. Менѣе удовлетворительно было бы обложеніе хозяевъ промышленныхъ заведеній страховымъ налогомъ по числу содержимыхъ ими рабочихъ, такъ какъ въ этомъ видѣ вознагражденіе непосредственно падало бы на самихъ рабочихъ, въ видѣ пониженія заработка на всю цифру налога.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ, не особенно полезномъ, на нашъ взглядъ, завѣщаніи, какое годъ истекающій передаетъ году наступающему. Говорятъ, что независимой адвокатурѣ готовится нѣкоторый ударъ въ смыслѣ вхожденія администраціи въ матеріальную сторону ея дѣятельности. Есть слухъ, что предполагается заставить присяжныхъ повѣренныхъ вести точныя книги ихъ приходамъ и расходамъ, съ занесеніемъ всего, что они получаютъ со своихъ кліентовъ, и представлять о томъ отчеты, такъ чтобы можно было услѣдить, каково дѣйствительно то вознагражденіе, какое причитается на ихъ долю. Понятно, что это

могло бы быть сдѣлано обязательнымъ не иначе, какъ изданіемъ закона.

Такой контроль, по нашему мнѣнію, заходилъ бы слишкомъ далеко. Дѣятельность адвоката—свободная профессія; если подвергать ее подобному контролю, то нѣтъ повода не распространить того же правила на врачей, литераторовъ, духовныхъ лицъ и, наконецъ, торговцевъ. Компетенція государственнаго надзора должна же имѣть гдѣ-нибудь предѣлъ. Понятно, что если бы подобныя правила, дѣйствительно, были установлены, то худшая нравственно часть адвокатуры всегда съумѣла бы обойти законъ, а лучшей части досталось бы въ удѣлъ незаслуженное уничиженіе и стѣсненіе. Надо надѣяться, что 1887 годъ не воспользуется такимъ придирчивымъ и совершенно безполезнымъ завѣщаніемъ крайне бюрократическаго характера.

Послѣднія засѣданія московской городской думы принесли новыя доказательства въ пользу необходимости измѣнить статью городоваго положенія, по которой предсѣдатель думскихъ собраній—городской голова—въ то же время и предсѣдатель городской управы. Подымается вопросъ о дѣйствіяхъ управы, нѣкоторые гласные требуютъ слова, но городской голова слова этого не даетъ, и поступки управы, ея неблагоразумныя или прямо вредныя для городскаго хозяйства распоряженія ускользаютъ отъ контроля думы. Одинъ разъ дѣло дошло до того, что городской голова, не желая слышать непріятныхъ для него заявленій, отнялъ слово у непокорнаго гласнаго, называя это *призывомъ къ порядку*, вслѣдствіе чего въ свою очередь былъ призванъ гласнымъ Маклаковымъ *къ порядочности*. Пожелаемъ, чтобы послѣдній призывъ не остался безъ добрыхъ послѣдствій. Наступленіе такихъ послѣдствій крайне необходимо, потому что нѣкоторые представители нынѣшняго думскаго большинства, воодушевленные образомъ дѣйствій г. Алексѣева, выступили съ проектомъ упраздненія думы, какъ учрежденія съ парламентскимъ пріемомъ (sic). Проектъ принадлежитъ гласному П. Осипову. *Русскія Вѣдомости* замѣтили по этому поводу, что заявленіе г. П. Осипова помѣчено 13 января 1885 года и до сихъ поръ гдѣ-то хранилось подъ спудомъ: «должно быть, все выжидали, пока подготовятъ почву для *реформы* и когда наступитъ подходящій *моментъ*». Разсчетъ оказался, однако, ошибочнымъ. Дума, сверхъ ожиданія, встрепенулась, вспомнила, что самоупраздненіе не составляетъ самоуправленія, и большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ трехъ приняла слѣдующій мотированный приговоръ, предложенный гласнымъ В. М. Пржевальскимъ: «находя, что заявленіе г. Осипова неумѣстно, противорѣчитъ основаніямъ городоваго положенія и несовмѣстно съ достоинствомъ думы, послѣдняя постановила оставить его безъ послѣдствій». На этотъ разъ не оправдалось предсказаніе *Скромнаго наблюдателя* о томъ, что гласные «оду-

маются» и примутъ проектъ г. Осипова, замѣняющій высокимъ имущественнымъ цензомъ цензъ образовательный и нравственный. Помѣшала, надо полагать, чрезмѣрная откровенность г. Осипова. *Реформа* не прошла, *моментъ* былъ выбранъ плохо.

Нельзя не занести въ нашъ обзоръ кончины того государственнаго дѣятеля, который, 25 лѣтъ тому назадъ, былъ призванъ руководить дѣлами просвѣщенія и спеціально—дѣлами народной школы. Мы говоримъ объ Александрѣ Васильевичѣ Головнинѣ, скончавшемся въ истекшемъ мѣсяцѣ. Назначенный министромъ народнаго просвѣщенія въ 1861 году, А. В. Головнинъ не былъ въ то время спеціально подготовленъ къ самостоятельному взгляду на вопросы собственно педагогическаго свойства. Воспитанникъ Александровскаго лицея, занимавшій до того времени только разныя административныя должности по морскому министерству, Головнинъ не болѣе, чѣмъ другіе государственные дѣятели на поприщѣ просвѣщенія, могъ имѣть взгляды самостоятельные, не внушенные со стороны, собственно на систему образованія.

Но онъ имѣлъ самыя лучшія намѣренія, онъ готовъ былъ приносить въ жертву свое личное вліяніе, свой административный престижъ, лишь бы принести пользу дѣлу образованія; серьезно принимаясь за дополненіе собственныхъ свѣдѣній, искренно желалъ поставить народное просвѣщеніе въ Россіи по возможности согласно съ условіями, выработанными тамъ, откуда,—что бы ни говорили славянофилы,—мы приняли просвѣщеніе. Онъ началъ съ того, что отказался отъ великолѣпной квартиры, которую занимали передъ нимъ Норовъ, Ковалевскій и Путятинъ—въ домѣ министерства, предоставилъ ее подъ помѣщеніе новой (6-й) гимназіи въ Петербургѣ, а самъ остался на скромной частной квартирѣ; затѣмъ, онъ упразднилъ собственную канцелярію министра народнаго просвѣщенія, для того, чтобы сдѣлать сбереженіе, на счетъ бюрократіи, въ пользу училищъ. Благодаря правиламъ, имъ изданнымъ, улеглись въ Петербургскомъ университетѣ волненія, бывшія при Путятинѣ; щедрою рукой раздавалъ онъ пособія на командировку молодыхъ людей за границу, съ цѣлью замѣщенія сотни незанятыхъ университетскихъ каѳедръ. Затѣмъ, онъ же выработалъ положеніе 1864 года о народныхъ школахъ, которое послужило основаніемъ для широкаго развитія дѣла народнаго обученія въ земствѣ. Правда, однимъ изъ главныхъ пунктовъ этого «положенія» было поставленіе въ вѣдомство народнаго просвѣщенія всѣхъ безъ исключенія школъ народныхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, какія были прежде основаны духовнымъ вѣдомствомъ. Но мотивомъ при этомъ послужило то соображеніе, что 10 тысячъ школъ, показывавшихся по духовному вѣдомству, существовали собственно болѣе на бумагѣ, что вполнѣ правдоподобно, такъ какъ школы эти не были обезпечены никакими средствами.

Весь планъ о правильномъ развитіи народнаго образованія въ Россіи, объ учрежденіи учительскихъ институтовъ, образцовыхъ и другихъ начальныхъ училищъ—принадлежалъ Головнину. Постъ свой онъ оставилъ въ 1866 году. Послѣ него принято было сперва за правило, что министерство ничего не должно дѣлать для народной школы, что это—дѣло одного только земства, вслѣдствіе чего и осуществленіе учительскихъ институтовъ было отложено. Однако, позднѣйшее министерство народнаго просвѣщенія само впослѣдствіи сознало нераціональность самоустраненія въ дѣлѣ столь большой народной важности, и приступило къ устройству учительскихъ семинарій. По оставленіи непосредственной административной дѣятельности, А. В. Головнинъ исключительно и въ высшей степени серьезно занялся своимъ призваніемъ члена государственнаго совѣта. Онъ всегда принималъ живое участіе въ обсужденіи государственной росписи, приготовляясь съ большимъ стараніемъ къ ежегоднымъ преніямъ по ея поводу. Онъ отличался начитанностью и необычайною систематичностью въ классификаціи всѣхъ своихъ изученій. Каждая книга въ его библіотекѣ была испещрена помѣтками, каждый нумеръ журнала, даже важнѣйшія газетныя статьи хранились имъ въ строгомъ порядкѣ, потому что читалъ онъ ихъ не для разговорныхъ цѣлей, но для провѣрки собственныхъ взглядовъ. Это былъ человѣкъ въ высокой степени мыслящій и сочувствовавшій тому обществу, которому служилъ,—человѣкъ рѣдкій въ административной средѣ, а, сверхъ того, затворникъ, страстный читатель, не знавшій никакихъ удовольствій, нѣчто вродѣ аскета. Идіотическія и недостойныя инсинуаціи не разъ бросались извѣстною частью печати подъ его ноги. Такъ, его называли даже «роковымъ старцемъ, отъ котораго пошло все зло на Руси». Между тѣмъ, если ужь дѣлать крайнія сравненія, то Головнинъ гораздо болѣе былъ похожъ на отшельника-праведника, чѣмъ на какого-либо «роковаго» человѣка.

Въ ноябрской книжкѣ нашего журнала былъ напечатанъ некрологъ С. А. Приклонскаго. Мы говорили тамъ, что въ послѣдніе годы нѣсколько разошлись во взглядахъ съ покойнымъ писателемъ, таланту котораго продолжали воздавать должное. *Сѣверный Вѣстникъ* также говоритъ о С. А. Приклонскомъ въ послѣдней (ноябрской книжкѣ) и, между прочимъ, сообщаетъ, что «горячность и подчасъ рѣзкость тона создавала покойному не мало цензурныхъ затрудненій и была, *кажется*, одною изъ причинъ выхода С. А. изъ состава сотрудниковъ *Русской Мысли*». Мы стараемся по мѣрѣ возможности избѣгать полемики. Всего менѣе желаемъ мы подымать споръ по поводу ранней смерти даровитаго публициста, одного изъ видныхъ сотрудниковъ и нашего журнала. Ограничимся поэтому однимъ замѣчаніемъ: едва ли правильно печатать то, что лишь «кажется», что можетъ быть основано на невѣрномъ слухѣ, либо просто на выдумкѣ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Декабрь 1886 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія.—Публицистика.—Исторія и исторія литературы.—Географія, этнографія и антропологія.—Финансы и политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *декабрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*. — «Русскій Архивъ», *апрѣль — октябрь*.—«Журналъ Гражд. и Уголовн. Права».—«Юридическій Вѣстникъ». III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» съ іюля 1886 г. по декабрь включительно.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сожженная Москва“. *Г. П. Данилевскаго.*—„Благотворительные подвиги“. *В. Н. Никитина.*—„Думы и пѣсни“. *С. Г. Фруга.*—„Стихотворенія“ *П. И. Кичеева.*—„Какъ ни быть, лишь бы жить“. *А. А. Кулакова.*—„Полное собраніе сочиненій“ *Виктора Гюго.*

Сожженная Москва. Историческій романъ Г. П. Данилевскаго. Спб., 1887 г. Изд. А. С. Суворина. Цѣна 1 р. 50 к. Этотъ романъ былъ напечатанъ въ первыхъ двухъ книгахъ *Русской Мысли* за 1886 годъ и, слѣдовательно, знакомъ нашимъ читателямъ. Романъ, собственно, какъ вымыселъ, занимаетъ весьма небольшое мѣсто въ этомъ произведеніи, почти сполна посвященномъ достовѣрному разсказу о плѣнѣ Василья Алексѣевича Перовскаго, въ то время, т. е. въ 1812 г., молодаго офицера, посланнаго для переговоровъ съ начальникомъ авангарда французскихъ войскъ, вступившихъ въ Москву, любезно задержаннаго французскимъ генераломъ, по случаю наступившей ночи, а потомъ превращеннаго, совершенно неправильно, въ военно-плѣннаго и чуть-чуть не разстрѣляннаго, вслѣдствіе цѣлаго ряда недоразумѣній. Въ широкой и исторически вѣрной картинѣ изображенъ пожаръ Москвы, хозяйничанье въ ней французовъ, бѣдственное положеніе случайно оставшихся въ городѣ русскихъ, ужасы, постигшіе плѣнниковъ, отправленныхъ во Францію, и т. д. Такъ же вѣрно разсказаны приключенія извѣстнаго художника-портретиста Тропинина, не успѣвшаго уѣхать во-время и попавшагося въ руки французовъ, сперва ограбившихъ его и заставившихъ таскать кули, а потомъ писать декораціи для затѣяннаго Наполеономъ театра. Болѣе или менѣе вымышленнымъ можно почитать лишь то, что̀ касается

героини романа, Авроры Крамалиной, невѣсты Базиля Перовскаго, переодѣвшейся въ мужское платье и вступившей подъ видомъ юнкера въ отрядъ партизана Фигнера. Но въ основѣ разсказа про Аврору лежитъ опять-таки историческая правда, такъ какъ извѣстная Александрова-Дурова была не единственный въ то время „казалеристъ-дѣвицей“. Форматъ книжки, изданной А. С. Суворинымъ—въ 16 долю листа—красивъ и удобенъ.

Благотворительные подвиги. (Записки маленькаго человѣка съ большими претензіями). В. Н. Никитина. Спб., 1886 г. Цѣна 1 р. 50 к. Г. Никитинъ въ беллетристическихъ по формѣ разсказахъ обличаетъ злоупотребленія нѣкоторыхъ петербургскихъ благотворительныхъ обществъ, настоящія названія которыхъ скрываетъ подъ вымышленными вродѣ: „комитетъ о страждущихъ“, „комитетъ объ алчущихъ и жаждущихъ“, „комитетъ объ оглашенныхъ“ и т. под. Имена дѣятелей, подвиги которыхъ описываетъ авторъ, тоже замѣнены придуманными фамиліями и кличками. Изъ обличеній г. Никитина явствуетъ, что въ дѣлахъ благотворительныхъ обществъ совершаются возмутительныя злоупотребленія и произволъ: изъ огромныхъ суммъ, находящихся въ рукахъ „комитетовъ“, гроши идутъ на пользу нуждающихся, а крупные куши разбираются, подъ разными предлогами, по карманамъ распорядителей; отчетность находится въ самомъ хаотическомъ состояніи. Если вѣрить разсказамъ г. Никитина, то слѣдуетъ признать, что описанныя имъ „благотворительные комитеты“ очень похожи на шайки воровъ и разнятся отъ послѣднихъ только своею необычайною наглостью и безнаказанностью, обусловливаемыми высокимъ положеніемъ ихъ вожаковъ, солидарностью участниковъ въ грабежѣ, изъ которыхъ одни пользуются расхищаемыми деньгами, другіе уже попользовались и потому молчатъ, третьи надѣются въ свое время попользоваться, четвертые, не нуждаясь въ деньгахъ, молчатъ и даже помогаютъ изъза чиновъ и отличій, которыми ихъ подкупаютъ сильные воротилы дѣла, за ними слѣдуетъ большинство боязливыхъ передъ сильными, смирныхъ, не желающихъ поднимать скандала, равнодушныхъ къ добру и злу и т. д. Изъ разсказовъ г. Никитина видно, что нужно имѣть много энергіи и смѣлости для того, чтобы рискнуть поднять голосъ противъ окрѣпшаго зла, располагающаго очень внушительною силой и не останавливающагося ни передъ чѣмъ въ случаѣ надобности сократить „безпокойнаго“ человѣка.

Г. Никитинъ раскрываетъ въ своихъ *Запискахъ* несомнѣнно очень большое зло. Но мы отнюдь не можемъ отнестить сочувственно къ тому способу, какимъ онъ это дѣлаетъ. Его обличенія, прикрытыя вымышленными именами, подъ которыя весьма легко подставить имена настоящія, имѣютъ характеръ пасквиля. Мы всегда считали и считаемъ пасквили крайне плохимъ и нежелательнымъ средствомъ къ достиженію какихъ бы то ни было „благихъ“ цѣлей. Въ данномъ случаѣ мы затрудняемся даже сказать, что̀ хуже, что̀ вреднѣе—существованіе злоупотребленій въ нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществахъ, или обличеніе ихъ посредствомъ пасквилей. Обличить зло весьма желательно; прекратить расхищеніе общественныхъ суммъ подъ видомъ благотворительности необходимо. Только для э̀того есть другія средства, помимо пасквилей: обращеніе къ судебной власти, напримѣръ, которая стоитъ у насъ пока въ достаточно независимомъ положеніи для того, чтобы наложить свою руку на хищниковъ, не стѣсняясь ихъ общест-

веннымъ положеніемъ. Изъ *Записокъ маленькаго человѣка* видно, что лицо, отъ имени котораго онѣ писаны, имѣло къ тому полную возможность, такъ какъ у него въ рукахъ были даже юридически-неопровержимыя доказательства злоупотребленій, чѣмъ это лицо и пользовалось для устрашенія и обузданія возставшихъ было на него хищниковъ. Имѣя въ рукахъ такія данныя, какія были у автора *Записокъ*, онъ могъ, не обращаясь къ властямъ, печатно заявить, что въ такомъ-то благотворительномъ обществѣ дѣлаются такія-то безобразія, и назвать поименно виновниковъ злоупотребленій съ указаніемъ фактовъ. Ни того, ни другаго нельзя прировнять къ доносу, тогда какъ обличенія г. Никитина въ той формѣ, въ какой они явились передъ публикой, нельзя прировнять ни къ чему иному, какъ къ пасквилю. Развитіе же пасквилей въ литературѣ грозитъ всему обществу бо̀льшею опасностью, чѣмъ злоупотребленія нѣсколькихъ недобросовѣстныхъ людей, прикрывающихся благотворительными цѣлями ради достиженія личныхъ цѣлей.

Думы и пѣсни (стихотворенія 1884—1887 г.) С. Г. Фруга. Спб., 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к. Эта книга произвела на насъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ первое собраніе стихотвореній того же автора, вышедшее въ свѣтъ въ 1885 г. Съ тѣхъ поръ талантъ г. Фруга сдѣлалъ замѣтные шаги впередъ, что̀ съ особенною силою выразилось въ первой половинѣ его книги, содержащей въ себѣ 37 стихотвореній на 99 страницахъ. Вторая часть, озаглавленная *Пѣсни скорби (еврейскіе мотивы)*, и третья часть—*Библейскіе мотивы*—нѣсколько слабѣе первой части; но и въ нихъ мы можемъ отмѣтить такое стихотвореніе, какъ *Fata morgana*, изъ котораго приведемъ нижеслѣдующій отрывокъ:

... „Прощайте всѣ, съ кѣмъ пилъ я чашу круговую
За славу шумную, вѣнки и алтари:
Отъ грезъ моихъ былыхъ иду я въ даль нѣмую,
Иныхъ ищу цвѣтовъ, я жду иной зари...
Иная грезится мнѣ Слава—тамъ, за далью
Невѣдомыхъ равнинъ... Не пламенемъ и сталью,
Не силой куплена, жестокой и слѣпой:
Въ скрижаляхъ мудреца, въ созвучіяхъ поэта
Великой вѣстницей добра, свободы, свѣта
Является она предъ чуткою толпой.
Вѣнокъ ея сплетенъ не изъ цвѣтовъ могильныхъ,
Не надъ обломками возносится она,
Есть слуги у нея, но нѣтъ рабовъ безсильныхъ,
Молитва є̀сть безъ слезъ, веселье безъ вина...
Не шуменъ пиръ ея, но вольная дорога
Ведетъ къ ея столу. Не спрашиваютъ тамъ:
Гдѣ родина твоя? Въ какого вѣришь бога?
Кому служилъ твой мечъ, курился ѳиміамъ?...
— Придите всѣ, кто жилъ, со зломъ и тьмою споря,
Кто, къ истинѣ стремя всѣ помыслы свои,
Хоть каплю счастья влилъ въ потокъ людскаго горя,
Хоть малое свершилъ для правды и любви!...“

Тотъ же призывъ къ братству и любви, съ еще бо̀льшею силой, выраженъ въ прекрасномъ стихотвореніи *Грядущее (Пророкъ Исаія)*, помѣщенномъ въ ряду *Библейскихъ мотивовъ*. Но, какъ уже мы сказали, лучшія произведенія находятся въ первой части книги. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Фругъ удачно подражаетъ чисто-русскимъ мотивамъ въ поэзіи, какъ, напримѣръ, въ „Сказкѣ для дѣтей и взрослыхъ“, посящей заглавіе *Чудище*. Вотъ начало этой „сказки“:

„Гдѣ вы, думушки
Да гаданія,
Вздохи женины,
Слезы дѣвушекъ,
Сборы долгіе
Дальнихъ проводовъ
Въ путь-дороженьку?
Гдѣ ямщикъ лихой
Съ пѣсней звонкою,
Сани быстрыя
Тройка борзая?
Гдѣ вы столбики
Поласатые,
Ночки зимнія
Съ вьюгой бѣлою,
Волчій вой въ лѣсу,
Скрипъ воротъ въ ночи
Да ночлегъ въ корчмѣ,
Въ жаркой горенкѣ?...

Г. Фругъ хорошо и свободно владѣетъ стихомъ, но иногда въ его произведеніяхъ попадаются необыкновенно странныя погрѣшности противъ самыхъ элементарныхъ правилъ стихосложенія; такъ, стихотвореніе *Пѣсня-пѣсней* начинается уродливымъ стихомъ

„Пой: „Зажигается зоря вечерняя“...

На стр. 36 мы находимъ такое же невѣрное и неблагозвучное удареніе въ шестомъ стихѣ—

„Ни звуковъ, ни красокъ, ни свѣжей тѣни“...

То же самое въ седьмомъ стихѣ *Албанской пѣсни*, на стр. 80:

„Въ цѣпь! въ петлю! въ тюрьму губителя
Бѣдной дочери моей“...

Стоило только переставить слова „Въ петлю, въ цѣпь, въ тюрьму“ — и стихъ получился бы правильный, безъ ненужнаго уродованія ударенія. Еще болѣе крупный промахъ мы укажемъ въ первыхъ четырехъ стихахъ на стр. 176:

„На твердынѣ гранитныхъ столповъ
Красуется капище бога Дагона.
Узорныя ткани парчи и виссона,
Повитыя пуками пестрыхъ цвѣтовъ,
Нависли надъ храмомъ живыми шатрами,
Сверкая въ сіяньѣ вечерней зари“...

Стихотворенія П. И. Кичеева. (1863—1886 гг.). Изд. В. Рихтера. Москва, 1886 г. Цѣна 1 р. 25 к. Въ этой книжкѣ, по оглавленію, значится 87 стихотвореній; въ дѣйствительности же ихъ 86, такъ какъ одно и то же, озаглавленное *Memento mori*, напечатано два раза—на стр. 30 и на стр. 87. Это неважный недосмотръ, конечно, и мы обратили на него вниманіе лишь потому, что самое стихотвореніе того заслуживаетъ. Въ немъ отразилось настроеніе автора, преобладающее въ его произведеніяхъ, а именно—мрачный взглядъ на жизнь, не просто разочарованность въ жизни, часто встрѣчающаяся въ самыхъ раннихъ, юношескихъ стихотвореніяхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ навѣянныхъ подражаніемъ чужой музѣ, „музѣ гнѣва и печали“. У г. Кичеева недовольство жизнью и людьми совершенно самостоятельны, такъ сказать, выжиты и выстраданы, и вырываются по-

рою вполнѣ искреннимъ стономъ. Но такъ какъ подобные стоны слышатся въ стихахъ г. Кичеева слишкомъ часто, то они и получаютъ характеръ однообразія; къ тому же, и самые поводы, ихъ вызывающіе, почти всегда одинаковы, иногда тождественны. Однообразію впечатлѣній, производимыхъ этими стихотвореніями, способствуетъ еще и то обстоятельство, что они не богаты образами, не блещутъ новизною вдохновившей ихъ мысли. Въ этомъ отношеніи мы отдаемъ предпочтеніе стихамъ, переведеннымъ г. Кичеевымъ или заимствованнымъ у иностранныхъ поэтовъ. Большинство лучшихъ произведеній въ лежащемъ передъ нами сборникѣ явилось плодомъ такого параллельнаго творчества. Большинство же оригинальныхъ стихотвореній имѣетъ видъ обличенія людскихъ пороковъ, чему не легко поддается стихотворная форма безъ ущерба „поэтичности“. Для примѣра приведемъ начало стихотворенія, напечатаннаго на 86 стр.:

„Нѣтъ, несомнѣнно міръ сошелъ съ ума!...
Повсюду въ немъ такая дичь и тьма
И сплошь вездѣ идетъ такая кутерьма,
Что со стыда сквозь землю провалиться
Ото всего желательно весьма“...

Или на стр. 23 начало стихотворенія, озаглавленнаго: *Lasciate ogni speranza*—

„Я твердо увѣренъ: настанетъ пора,
Минуютъ тяжелые годы *безсилія*,
И всѣ мы, подъ знаменемъ мощнымъ добра,
Ко общей всѣмъ цѣли направимъ *усилія*...
Та цѣль дастъ возможность намъ бодро стряхнуть
Хандру безпринципности, всѣхъ насъ мертвящую,
Съумѣемъ тогда мы всей грудью вздохнуть,
Ко благу дорогу найти настоящую“...

На стр. 108 мы отмѣтимъ такіе стихи:

„Узнай: тогда тебя поймутъ,
„Не нашъ, не нашъ онъ!“...—скажутъ люди
И прочь надменно оттолкнутъ
Ото своей бездушной груди“...

Такихъ стиховъ, однако же, очень немного, какъ не особенно много и истинно-теплыхъ, какъ помѣщенное на стр. 19:

„На душѣ какъ бы ни было тяжко моей,
Какъ бы сердце тоскливо ни билось,
Мнѣ достаточно только увидѣть дѣтей,
Чтобъ легко мнѣ тотчасъ становилось...
Самому вспоминается дѣтства пора,
Вспоминаются тотчасъ тѣ годы,
Когда жизнь мнѣ казалася полной добра,
Полной счастья, любви и свободы.
Вспоминаются матери бѣдной моей
Безкорыстныя, тихія ласки,
Звукъ ея поцѣлуевъ, взглядъ кроткихъ очей
И прелестныя, чудныя сказки.
Съ новой силой въ груди наболѣвшей моей
Воскресаютъ уснувшія силы,
Снова мысль въ головѣ закипаетъ сильнѣй
И не страшенъ мнѣ призракъ могилы.
Неудачи, обиды, удары судьбы—
Все въ мгновенье какъ будто мельчаетъ,
И безвыходно-жгучая жажда борьбы
Снова душу мою напоняетъ.

Мы очень сожалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести нѣсколькихъ образцовъ лучшихъ стихотвореній, каковы, напримѣръ: *Картинки*, *Моя тайна*, „Нѣтъ, я совсѣмъ молитвъ твоихъ не стою!...“, *Веселый пейзажикъ* и др., въ которыхъ чувство автора является свободнымъ отъ резонерства и выливается въ поэтическихъ выраженіяхъ.

Какъ ни быть, лишь бы жить. Очерки и разсказы А. А. Кулакова. Саратовъ, 1886 г. Цѣна 70 коп., съ пересылкою 80 коп. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ напечатаны тридцать одинъ разсказъ изъ быта мелкаго купечества, мѣщанъ и домовой прислуги. Эти разсказы, по всей вѣроятности, помѣщались въ какой-нибудь провинціальной газетѣ. Въ отдѣльности взятый каждый изъ „очерковъ-картинокъ“ г. Кулакова — ни хорошъ, ни дуренъ; собранные же вмѣстѣ, въ одну книжку, они оказываются очень однообразными и незанимательными, по бо́льшей части даже нисколько не смѣшными анекдотами. Всѣ они списаны съ натуры, это правда, но списаны какъ-то не живо, яляповато. То, что въ нихъ есть драматическаго, не согрѣто чувствомъ автора и не трогаетъ читателя за душу; что имѣетъ претензію быть смѣшнымъ—шаржировано, грубо и способно вызвать смѣхъ только у читателей того круга, изъ котораго беретъ свои разсказы г. Кулаковъ. Для публики, стоящей чуть-чуть повыше обычныхъ посѣтителей мелочной лавочки, эта книжка уже не годится; а для той публики, для лавочной и кухонной, разсказы г. Кулакова хотя и могутъ быть занимательны, но поучительными быть ни въ какомъ смыслѣ не могутъ. Для примѣра укажемъ на „очеркъ изъ купеческаго быта,“ озаглавленный: *Непредвидѣнный случай*. Въ немъ разсказано, какъ старый и богатый „кощей и сладострастникъ“ вздумалъ жениться на бѣдной молодой дѣвушкѣ. Родители насильно выдаютъ ее „кощею“; онъ уже объявленъ женихомъ. На счастье дѣвушки, „кощей“ идетъ распроститься съ нѣкоторой „бой-бабой“, которая „скрашивала грустные и печальные дни“ стараго развратника. „Бой-баба“ сначала подпаиваетъ старика, потомъ, сообща съ своимъ „кузеномъ“, подъ угрозою револьверомъ, заставляетъ „кощея“ подписать векселя. На другой день старикъ умеръ, „бой-баба“ получила деньги по векселямъ съ наслѣдниковъ, отецъ молоденькой невѣсты сокрушается о неудачѣ: „Большаго зѣвака я задалъ!—разсуждаетъ онъ.—Такъ бы можно зацѣпить!...“ Вотъ и весь „очеркъ изъ купеческаго быта“. Въ разсказѣ *Свадьба* молодая дѣвушка, имѣя любовника, выходитъ за пожилаго богатаго человѣка, обманываетъ его, продолжаетъ прежнюю связь. Мужъ случайно застаетъ ихъ en flagrant delit и тутъ же умираетъ отъ удара. Молодая вдовушка блаженствуетъ... Въ „картинкѣ“ *Удачный пріѣздъ* братъ грабитъ брата и—благодушествуетъ; то же самое въ очеркѣ „съ натуры“ *Родственный привѣтъ*; въ такомъ же родѣ и многіе другіе разсказы. Все это, можетъ быть, и „съ натуры“ списано: мы знаемъ, что добродѣтель рѣдко торжествуетъ, но знаемъ также, что и грабежи далеко не всегда остаются ненаказанными такъ или иначе, только литература-то не для того существуетъ, чтобы живописать „съ натуры“ прелести грабежей и предательствъ въ оправданіе скверныхъ поговорокъ вродѣ *какъ ни быть, лишь бы жить*, или — „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“. Плохи, конечно, „нравоучительные“ разсказы, въ которыхъ все придумано и мораль притянута за волосы; но еще хуже такіе разсказы,

какъ „съ натуры“, писанные г. Кулаковымъ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ голаго и, притомъ, отвратительнаго факта перерыванія другъ другу горла, кончающагося полнымъ благополучіемъ для наиболѣе отчаянныхъ и звѣроподобныхъ негодяевъ.

Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писателей. Томъ первый. Романы. Переводъ съ французскаго изданія „Ne varietur“ Э. К. Ватсона. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1887 г. Цѣна 6 руб. Передъ нами лежитъ громадный томъ въ 830 стр. большаго in 8°, напечатанный въ двѣ колонки убористымъ шрифтомъ, болѣе мелкимъ, чѣмъ шрифтъ, которымъ мы печатаемъ этотъ нашъ отзывъ о названной книгѣ. Въ первомъ томѣ помѣщены: *Гансъ-Исландецъ*, *Бюгъ-Жаргаль*, *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, *Клодъ Ге*, *Соборъ парижской Богоматери*, *Труженики моря и Девяносто третій годъ*. Все изданіе, какъ значится въ приложенномъ къ книгѣ объявленіи, будетъ состоять изъ пяти томовъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о значеніи Виктора Гюго во французской и во всемірной литературѣ; о немъ было говорено не мало, и оно болѣе или менѣе извѣстно всякому образованному читателю. Но далеко не всякій образованный русскій читатель знакомъ съ произведеніями величайшаго изъ современныхъ французскихъ писателей, такъ какъ, при расширившемся кругѣ людей, имѣющихъ право считаться образованными, число людей, могущихъ читать Гюго въ подлинникѣ, увеличивается сравнительно очень мало, если только оно увеличивается. Во всякомъ случаѣ, предоставленіе русской публикѣ возможности прочесть знаменитыя произведенія главы романтической школы во Франціи есть дѣло прекрасное и весьма полезное. Конечно, переводъ не можетъ дать читателю полнаго и точнаго представленія о подлинникѣ, въ особенности, когда дѣло идетъ о Викторѣ Гюго, писавшемъ своеобразнымъ, часто вычурнымъ языкомъ и даже умышленно щеголявшимъ такими причудами слога, которыя рѣшительно непередаваемы ни на какомъ другомъ языкѣ. Поэтому на нашихъ переводчикахъ В. Гюго лежитъ мудреная задача согласовать точность перевода и вѣрность духу и тону подлинника съ требованіями русскаго языка и даже болѣе того—съ требованіями русскаго склада ума. Исполнить это оказалось не по силамъ переводчику романовъ Гюго. Мы не могли прочесть всего перваго тома и не сличали перевода съ подлинникомъ, а открывали наудачу въ нѣсколькихъ мѣстахъ и приводимъ случайно попадавшіяся намъ на глаза выдержки: „Около половины ночи *на небѣ* раздался какой-то сильный, но глухой шумъ. Жилліатъ въ просонкахъ сообразилъ, что, должно быть, поднимается вѣтеръ. Однажды, проснувшись *отъ дрожи холода*, онъ (вѣтеръ?) раскрылъ глаза *немного пошире* и увидѣлъ на небосклонѣ большія тучи; луна точно убѣгала съ неба, а за нею нѣсколько звѣздъ. Жилліатъ на половину спалъ, на половину бодрствовалъ, и это полудремотное состояніе *еще болѣе усложняло* въ его воображеніи суровые пейзажи моря и ночи...“ „Онъ снялъ съ себя *свой* китель и *свои* панталоны, завернулъ ихъ въ овчинку, обернувъ *послѣднюю* шерстью книзу, перевязалъ узелъ веревкой и засунулъ его въ глубь пещеры, на случай *возможнаго* дождя“. „Вся эта *клювастая* и *когтястая* орда что-то *такое* клевала и растаскивала“. „Въ то же *самое* время онъ тщательно изучалъ всѣ извилины рифа. Оказывалось, что ни одна изъ нихъ не была *обитаема*...“ (стр. 604 и 605). На стр. 806: „Катастрофы совершаются порою съ бы-

стротою молніи; событія *подвержены удивительнымъ сокращеніямъ*". На стр. 827: „Противъ нея, въ нѣсколькихъ шагахъ, *во рву*, было другое чудовище—Тургская башня". На той же страницѣ: „Первая мысль, возникшая при взглядѣ на эту вещь, была мысль о безполезномъ. Она (мысль?) стояла среди цвѣтущаго вереска". Стр. 336: „На эту-то кровать принято было класть подкидышей, въ ожиданіи того, не сжалится ли надъ ними какая-нибудь добрая душа, и *передъ ней* стояль мѣдный тазъ для милостыни". Выходитъ, что „тазъ стоялъ передъ доброю душой", что „мысль стояла среди цвѣтущаго вереска", „башня стояла во рву" и т. д. По приведеннымъ выпискамъ читатель можетъ судить о достоинствѣ перевода г. Ватсона.

Во второмъ томѣ печатаются остальные два романа В. Гюго, въ третьемъ—его драмы. Кѣмъ переведены тѣ и другія, мы не знаемъ, но отъ переводовъ не ждемъ ничего хорошаго уже по тому, что драма *Le roi s'amuse* озаглавлена въ переводѣ: *Изволятъ тѣшиться*, а романъ *L'homme qui rit—Зубоскалъ*. Это Гуинпленъ-то зубоскалъ? Даже неправдоподобно. Если переводчикъ не справился съ заглавіями и ихъ умудрился такъ исказить, то можно себѣ представить, что онъ надѣлаетъ съ этимъ самымъ *зубоскаломъ* и въ какомъ видѣ мы получимъ труднѣйшій для перевода романъ Виктора Гюго.

ФИЛОСОФІЯ.

„Этюды и очерки". *В. Лесевича.*—„Основы вѣры и знанія". *П. Бакунина.*—„Зависимость морали отъ религіозной или философской метафизики". *А. Гусева.*

Этюды и очерки. В. Лесевича. Спб., 1886 г. Цѣна 2 руб. 60 к. Статьи г. Лесевича, собранныя въ этомъ сборникѣ, посвящены разнымъ вопросамъ; большая ихъ часть, однако, входитъ въ область философіи. Остановимся, прежде всего, на этюдѣ, который трактуетъ о задачахъ и методѣ философіи. Въ статьѣ *Философія—искусство ли?* г. Лесевичъ выступаетъ противъ взглядовъ, высказанныхъ г. Гротомъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ и статьяхъ. Основательно указавъ на противорѣчія и недостаточную отчетливость въ мнѣніяхъ почтеннаго профессора (тогда Новороссійскаго, теперь Московскаго университета), г. Лесевичъ опровергаетъ опредѣленіе философіи, какъ искуства, какъ вѣтви искусства, какъ его части, на которомъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ остановился г. Гротъ. Напомнимъ, однако, что въ новой статьѣ, напечатанной въ ноябрской книжкѣ нашего журнала, г. Гротъ дѣлаетъ шагъ впередъ на пути развитія своего міровоззрѣнія, и съ его мнѣніемъ, формулированнымъ въ названной статьѣ, мы въ существенныхъ чертахъ согласны. Не наука строитъ идеалы нравственно-общественной жизни, но и не искусство, потому что искусство стремится къ этому идеалу, какъ къ цѣли, пользуясь научными данными, какъ средствомъ. Объединить въ стройную систему результаты научнаго знанія и руководящія задачи личной и соціальной жизни можетъ лишь философія.

Въ статьѣ: *Метафизика, позитивизмъ и научная философія* (написанной по поводу книги г. Милославскаго: *Типы современной философской мысли въ Германіи*) г. Лесевичъ обстоятельно разъясняетъ ложность метафизическихъ пріемовъ образованія системы міропониманія. Мышленію придаетъ метафизическій характеръ, — говоритъ почтен-

ный авторъ,—принятіе исходною точкой безсознательно образованныхъ, объективированныхъ понятій. „Исторія философіи насчитываетъ великое множество реализированныхъ отвлеченій, начиная съ идей Платона и оканчивая безсознательнымъ Гартмана, а философская критика указываетъ тотъ путь, которымъ до нихъ проходила и проходитъ мысль—путь отвлеченія, или, что то же, отрицанія конкретно-индивидуальныхъ признаковъ. Неизмѣняемость, вѣчность, абсолютъ, сущность и т. п. понятія лежатъ крайними пунктами этого пути, и всякому, знакомому съ ихъ генезисомъ, ясно, что они не имѣютъ и не могутъ имѣть ровно никакого значенія при изученіи тѣхъ явленій, которыя лежатъ внѣ области теоріи познанія; да и въ этой послѣдней они играютъ роль не объясняющихъ принциповъ, а только подлежащихъ объясненію фактовъ познанія".

Г. Лесевичъ говоритъ въ заключеніе своей прекрасной статьи, что, „принимая міръ, какъ цѣлое, за такой объектъ, представленіями частей котораго исчерпываются всѣ возможныя для насъ представленія вообще, мы, въ понятіяхъ о частяхъ этого цѣлаго, получимъ понятія низшихъ степеней отвлеченія, а въ понятіи о цѣломъ—самое отвлеченное и высшее понятіе. Принято частныя понятія считать содержаніемъ *наукъ*, а общее—*философіи*. Различіе между наукой и философіей, какъ видно изъ этого, можетъ быть лишь относительнымъ: „наука и философія составляютъ одно цѣлое, методически выработанное знаніе, расчленяемое сообразно съ различными степенями его общности и отвлеченности". Здѣсь, повторяемъ, мы расходимся съ г. Лесевичемъ. Наука не ставитъ цѣлей для человѣческой дѣятельности: она можетъ лишь указать, сообразны ли эти цѣли съ нормальнымъ развитіемъ личности и общества и, затѣмъ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, доставить наилучшіе способы достиженія такихъ цѣлей. Какіе идеалы руководили человѣкомъ въ исторіи, подъ вліяніемъ какихъ причинъ они возникали и какими результатами опредѣлялось ихъ значеніе,—это вопросы науки; но чѣмъ мы *должны* руководиться, какіе принципы нравственно - общественной жизни составляютъ въ совокупности нашъ долгъ,—этого наука сказать не можетъ. Этика составляетъ существенную часть философіи, которую, слѣдовательно, нельзя называть наукой.

Очень хороша статья *Данте какъ мыслитель*. Другія статьи въ сборникѣ (всѣхъ этюдовъ и очерковъ четырнадцать) представляютъ также значительный интересъ, въ особенности этюды о романахъ Кастеляра (Fra Filippo Lippi), Гальдоса и Робера Гальта. Заслуживаетъ полнаго вниманія и очеркъ: *Лессингъ и его „Натанъ Мудрый"*; но о Лессингѣ мы имѣемъ превосходную монографію Н. Г. Чернышевскаго. Не говоримъ о замѣчательной статьѣ, выдающейся по силѣ критической мысли и по одушевленію—*Буддійскій нравственный типъ*, потому что о ней было уже упомянуто въ библіографическихъ замѣткахъ нашего журнала.

Основы вѣры и знанія. П. Бакунина. Спб., 1886 г. Цѣна 2 р. 50 коп. Этотъ большой трудъ посвященъ умной защитѣ проиграннаго дѣла матафизики. Въ хитросплетеніяхъ гегеліанской фразеологіи *Основъ вѣры и знанія* можетъ запутаться, пожалуй, неопытная мысль; но бодрый критическій анализъ и пользованіе вѣрными пріемами точнаго знанія разрываютъ всю эту діалектическую паутину. Игра словами нерѣдко замѣняетъ въ разсужденіи г. Бакунина серьезныя доказательства. На

первой же страницѣ его книги мы читаемъ слѣдующее: „Если о какой-нибудь эссенціи говорятъ, что она выдохлась, то этимъ выражаютъ, что она уже ни на что не годится, что ее слѣдуетъ выбросить. Подобнымъ образомъ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ извѣрился, то этимъ означаютъ, что въ немъ пропала всякая вѣра, что поэтому— ни вѣрить ему, ни полагаться на него ни въ чемъ невозможно (на чемъ основано это *поэтому?*—возразимъ мы; наоборотъ, на черезъ-чуръ довѣрчиваго человѣка нельзя полагаться); такъ какъ, не имѣя въ себѣ никакой вѣры, онъ и самъ себѣ не вѣритъ и ни въ чемъ не можетъ на себя положиться". Ну, а если поставить дѣло такимъ образомъ: эссенція, полезная по своему составу, но съ дурнымъ запахомъ (знаніе съ метафизическими измышленіями), освободилась отъ этого запаха и стала годною къ употребленію, неужели надо препятствовать этому процессу?

Авторъ *Основъ вѣры и знанія* порицаетъ современныхъ мыслителей, которые *отказываются отъ области умозрѣнія и имѣютъ въ виду только обстрактные образы представленія*. Г. Бакунинъ неустанно улавливаетъ тѣнь собственныхъ діалектическихъ тонкостей, возвѣщая о томъ, что ему удалось познать сущность вещей. Мнимое обладаніе абсолютною истиной приводитъ автора къ совершенно маниловскому воззрѣнію на міръ и на общественныя отношенія: міръ отличается *стройнымъ благообразіемъ*; „плѣняясь столь благообразнымъ строемъ небесныхъ и земныхъ порядковъ, гдѣ все свершается обычною чередой, въ свою пору и въ свою мѣру, человѣкъ пытается установить и свое существованіе, и общественный строй въ сообразности съ тѣмъ же порядкомъ и съ тою же, ничѣмъ не стѣсняемою свободой". Дѣйствительно, свобода земли *быть притягиваемою* солнцемъ ничѣмъ не стѣснена, не стѣснена и *свобода* луны вращаться по неизмѣннымъ законамъ притяженія вокругъ земли, не стѣснена и свобода метеора, сгорающаго по необходимости въ необходимомъ паденіи!

Авторъ высказываетъ иной разъ здравыя мысли объ ограниченности сферы человѣческаго пониманія. „Человѣческое притязаніе все понимать, все проникать своимъ смысломъ,—читаемъ мы на стр. 392,— есть *на время* именно только притязаніе, а еще не завершенное право. Когда оно завершится, тогда оно и станетъ правомъ. До тѣхъ же поръ ему не слѣдуетъ приписывать ему не принадлежащее значеніе права". До тѣхъ поръ, слѣдовательно, г. Бакунинъ на самомъ дѣлѣ и не имѣлъ права печатать свою книгу. Впрочемъ, утѣшительное будущее, когда человѣкъ все пойметъ, принимаетъ нѣсколько загадочный характеръ, если обратить вниманіе на стр. 397: „Будущее есть по существу лишь чувственная, преходящая матерія бытія; она и проходитъ, но, проходя, оказывается смысломъ, который, какъ самая сущность и истина бытія, есть то, что̀ уже совершилось, исполнилось и, какъ совершенное, уже не проходитъ, но пребываетъ вѣчно". Тѣмъ не менѣе, мы читаемъ далѣе, что человѣческая мысль, „касаясь послѣднихъ предѣловъ необъятной сферы міроваго существованія, покрываетъ оную ей вполнѣ равною и столь же необъятною сферой своего сознанія". Такимъ образомъ посрамленъ Кузьма Прутковъ, утверждавшій, что нельзя объять необъятнаго.

И тѣмъ не менѣе,—вновь скажемъ это,—книга обличаетъ въ авторѣ выдающійся умъ и рѣдкую напряженность работы мысли. Съ нашей точки зрѣнія такая значительная сила получила совершено ложное на-

правленіе; но авторъ *Основъ вѣры и знанія* всего, конечно, менѣе можетъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Зависимость морали отъ религіозной или философской метафизики. А. Гусева. Москва, 1886 г. Цѣна 75 коп. Эта брошюра написана по поводу *Исповѣди* графа Л. Н. Толстаго. Авторъ доказываетъ, что нѣтъ *разумной* (курсивъ подлинника) возможности построить какое-либо ученіе о нравственности, оторвавши его отъ какихъ-либо метафизическихъ началъ. Подъ этими началами г. Гусевъ разумѣетъ „ученіе о Божествѣ, объ его отношеніи къ міру и человѣку, о происхожденіи міра и человѣка, о конечной цѣли ихъ. Эти начала даются, съ одной стороны, религіей, а съ другой — философіей". Аргументація г. Гусева сходна въ существенныхъ чертахъ съ тѣми возраженіями противъ теоріи графа Толстаго, которыя, какъ извѣстно читателямъ нашего журнала, были представлены профессоромъ Козловымъ въ его *Философскомъ Трехмѣсячникѣ*; только въ брошюрѣ г. Гусева преобладаетъ христіанско-догматическая точка зрѣнія. Авторъ приходитъ къ утвержденію, что „истинно-нравственная *сознательная* (вездѣ курсивъ подлинника) жизнь во всей ея христіанской чистотѣ и возвышенности *логически* имѣетъ мѣсто *только* на православно-христіанской почвѣ".

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны". *П. Добрынина.*

Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны. Инженера П. Добрынина. Кіевъ, 1886 г. Въ интересной, живо написанной книжкѣ авторъ раскрываетъ нѣкоторыя изъ практикующихся на большинствѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ злоупотребленій, благодаря которымъ государственной казнѣ приходится ежегодно приплачивать милліоны. Если бы дѣла дорогъ велись болѣе честно и не были нарушены общепринятыя основанія веденія всякаго коммерческаго предпріятія, то правительству не приходилось бы дѣлать никакихъ приплатъ. Условія, приводящія къ такому ненормальному положенію, заключаются, по мнѣнію автора, во-первыхъ, въ способѣ постройки, во-вторыхъ, въ способѣ эксплуатаціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Дороги выстроены очень плохо, на это при пріемкѣ ихъ министерствомъ не было обращено должнаго вниманія, вслѣдствіе чего въ первые же годы обыкновенно приходилось дѣлать большія затраты изъ эксплуатаціонныхъ суммъ. Концессіонеръ получаетъ всѣ слѣдуемыя ему деньги сейчасъ же послѣ пріемки и расходъ ложится съ самаго же начала на доходы по эксплуатаціи. Особенно поразительныя данныя обнаружила правительственная ревизія курско-харьково-азовской и орловско-грязской дорогъ; нѣкоторыя наиболѣе рельефныя изъ неправильностей и злоупотребленій приведены въ книжкѣ г. Добрынина. Изъ всѣхъ приведенныхъ въ книжкѣ случаевъ злоупотребленій самыя крупныя обнаружены въ дорогахъ главнаго общества, юго-западнаго общества и указанныхъ выше двухъ дорогахъ. Появившіяся недавно въ газетахъ извѣстія о переборахъ правительственной гарантіи въ нѣсколько милліоновъ рублей на орловско-грязской дорогѣ вполнѣ подтверждаютъ справедливость высказанныхъ въ книжкѣ взглядовъ,

а крушенія на нѣкоторыхъ дорогахъ показали, что въ пріемкѣ дорогъ дѣйствительно не была соблюдаема должная осторожность. Между тѣмъ, фактически надзоръ за желѣзными дорогами очень слабъ, такъ какъ во главѣ министерства путей сообщенія,—говоритъ г. Добрынинъ,—стояли люди, не знакомые спеціально съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ, люди, обращавшіе больше вниманія на внѣшнее благообразіе, а не на способъ постройки и эксплуатаціи. Переборы и хищенія, фиктивные разсчеты, невѣрно составленные отчеты и проч. источникомъ своимъ имѣютъ преобладаніе одного или нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ тузовъ на общихъ собраніяхъ акціонеровъ и фиктивный характеръ самихъ собраній. Но хищенія заключаются не только въ фиктивномъ увеличеніи желѣзно-дорожныхъ расходовъ, а и въ утайкѣ части доходовъ. Напримѣръ, когда желѣзно-дорожный тузъ владѣетъ близъ эксплуатируемыхъ имъ линій имѣніями, заводами, лѣсами или каменноугольными копями, всѣ матеріалы провозятся для него безплатно. Не имѣя возможности останавливаться на перечисленіи всѣхъ видовъ злоупотребленій, которыя обнаружены коммиссіями, мы отсылаемъ къ книжкѣ г. Добрынина всякаго, желающаго познакомиться, какъ и куда уходятъ приплаты по гарантіямъ, почему у насъ весьма доходныя дороги, дающія изрядные барыши, все-таки, тяжело ложатся на государственный бюджетъ. Упорядоченіе дѣлъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ невыгодно только для желѣзно-дорожныхъ заправилъ, для обыкновенныхъ же акціонеровъ, желающихъ пользоваться доходами отъ самаго предпріятія, правительственное вмѣшательство будетъ весьма желательно; но такъ какъ „людямъ, которымъ будетъ порученъ правительственный надзоръ за желѣзными дорогами,—совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Добрынинъ,—придется бороться не только съ желѣзнодорожниками, но и съ цѣлою фалангой стоящихъ за ними вліятельныхъ лицъ“, то такихъ правительственныхъ контролеровъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ обставить такою же самостоятельностью, какъ и лицъ судебнаго вѣдомства.

ИСТОРІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Историческое обозрѣніе Сибири“. *П. А. Словцова.*—„Всеобщая исторія“ *Георга Вебера.*—„Исторія испанской литературы“. *Тикнора.*—„The Methods of Historical“ *A. E. Freeman.*

Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцова. Спб., 1886 г. (два въ тома одномъ). Врядъ ли многимъ изъ публики извѣстно, что Сибирь имѣетъ своего собственнаго исторіографа, хотя и не украшеннаго этимъ оффиціальнымъ титуломъ Миллера и Карамзина. Когда сочиненіе Словцова появилось въ печати въ 1838 и 1844 годахъ, оно не обратило на себя достаточнаго вниманія: рецензенты упрекали автора за сухость, за недостаточность единства и системы; словомъ, они искали въ книгѣ не того, что онъ хотѣлъ дать; потомъ сочиненіе стало библіографическою рѣдкостью и новое изданіе является какъ нельзя болѣе кстати, чтобы, наконецъ, напомнить объ авторѣ. Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767 — 1845 г.), уроженецъ Пермской губерніи, товарищъ Сперанскаго по александро-невской семинаріи, гдѣ онъ окончилъ образованіе, началъ свою карьеру, подобно своему знаменитому другу, учителемъ философіи и краснорѣчія въ

тобольской семинаріи. Но одно обстоятельство прервало его преподавательную дѣятельность: по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Павловича онъ произнесъ въ соборѣ проповѣдь, въ которой говорилось, что „гремѣть побѣдами въ чужихъ странахъ или стѣснять власть народовъ далѣе славы ихъ и расширить славу свою далѣе власти своей—всегда почитается путемъ къ счастію народному, но всуе... могущество монархіи есть коварное оружіе, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нея эпоха всегда бываетъ роковою годиной... Тишина народная есть молчаніе принужденное, продолжающееся дотолѣ, пока неудовольствіе, постепенно раздражая общественное терпѣніе, наконецъ, не прерветъ онаго. Если не всѣ граждане поставлены въ однихъ и тѣхъ же законахъ, если въ рукахъ одной части захвачены имущества, отличія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ или одни несчастія, то тамъ спокойствіе, которое считаютъ залогомъ общаго счастія, есть глубокій вздохъ, данный народу тяжкимъ ударомъ; то спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія, а отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина... И такъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значатъ таковыя монархіи? Это великія гробницы, замыкающія въ себѣ насчастные, стенящіе трупы, и тронъ ихъ—это пышныя надгробія, тяжко гнетущія оныя гробницы. Народы злополучны!“ и т. п.

За такое вольнодумство Словцовъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ; въ бумагахъ его найдены еще „смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый великій Александръ“; хотя Словцовъ и объяснялъ, что эта выписка изъ Квинта Курція для класснаго сочиненія, но ему было замѣчено, что „напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху поношеніе, учениковъ своихъ отягощалъ“. Словцовъ сосланъ былъ на Валаамъ, но вскорѣ, по сильному ходатайству, прощенъ и сдѣланъ даже преподавателемъ въ александро-невской семинаріи, гдѣ снова встрѣтился съ профессоромъ и учителемъ философіи той же семинаріи, Сперанскимъ. Перейдя затѣмъ на статскую службу и дослужившись до должности экспедитора въ департаментѣ министерства коммерціи (1807 г.), онъ былъ заподозрѣнъ въ лихоимствѣ — неосновательно, какъ утверждаютъ его біографы—и удаленъ опять въ Тобольскъ на службу въ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора. Съ тѣхъ поръ, послѣ неудачной попытки вернуться въ Петербургъ, онъ до смерти прожилъ въ Сибири, объѣзжая разныя части края по порученіямъ генералъ-губернатора, потомъ въ качествѣ директора училищъ Иркутской губерніи; съ 1829 года онъ оставилъ коронную службу и всецѣло погрузился въ собираніе, группировку и обработку матеріаловъ о сибирскомъ краѣ. Въ первой книгѣ, изданной въ 1838 г., исторія Сибири доведена до 1742 г.; вторая вышла уже послѣ смерти автора, въ 1844 г., и доводитъ исторію до 1765 г.; это, очевидно, только треть второй части, которая по мысли Словцова должна была кончиться 1823 годомъ. Въ этихъ предѣлахъ исторія Сибири раздѣлена авторомъ на четыре періода; въ каждомъ онъ слѣдитъ, во-первыхъ, за внѣшнею исторіей края и его отдѣльныхъ областей („Обстоятельства“); во-вторыхъ, за исторіей правительственныхъ мѣропріятій („Узаконенія и учрежденія“), наконецъ, за внутреннимъ развитіемъ края въ самыхъ

разнообразныхъ отношеніяхъ; земледѣліе, промышленность, торговля, движеніе народонаселенія, распространеніе христіанства, развитіе учебнаго дѣла,—все это Словцовъ изображаетъ съ одинаковымъ вниманіемъ и отчетливостью. Но онъ не ограничивается ролью историка: сочиненіе заключаетъ богатый рудникъ географическихъ, климатологическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній о Сибири; цѣлая глава, страницъ въ 70 (въ I т. 326 стр.; во II т. 364 стр.), посвящена сибирской гидрографіи; другая, въ 150 стр., описанію климата и почвъ разныхъ мѣстностей Сибири. При всемъ этомъ сочиненіе Словцова вовсе не простой, фактическій сводъ всевозможныхъ свѣдѣній: авторъ любитъ и болѣетъ душой за свою родную Сибирь и имѣетъ очень опредѣленное мнѣніе, — вполнѣ реальное мнѣніе человѣка бывалаго и наблюдательнаго о ея прошломъ и настоящемъ. Одна за другой, одна ярче другой развертываются передъ нами страницы этой лѣтописи правительственной опеки надъ страною, такъ сказать, несовершеннолѣтней. Вотъ вольный торговецъ, піонеръ новой колонизаціи, пробирается съ незапамятныхъ временъ за Камень, въ догонку за убѣгающимъ изъ Европейской Россіи соболемъ; по протореннымъ дорожкамъ идетъ за нимъ слѣдомъ вольный козакъ съ фузеей и зельемъ, очень скоро перешедшими и къ туземцемъ; за козакомъ ѣдетъ царскій воевода съ канцеляріей, выростаетъ новый административный центръ и изъ этого центра дальше и дальше ѣдутъ козачьи команды собирать ясакъ; много этого ясака пропадаетъ за царскими слугами, прилипаетъ къ воеводскимъ рукамъ; встрѣтившись гдѣ-нибудь на новыхъ земляхъ, команды разныхъ городовъ вступаютъ даже въ открытую войну изъ-за права собирать ясакъ; свободнаго торговца уже давно оттѣснили государевы люди, настроили заставъ для таможенныхъ сборовъ; никому не велѣно ѣздить другими путями, мимо новыхъ заставъ, но всѣ приказанія и угрозы долго еще остаются тщетными передъ изобрѣтательностью частныхъ предпринимателей и самихъ воеводъ. Затѣмъ еще новое явленіе: военная команда везетъ съ собой, по императорскому (Петра I) приказанію, человѣка въ черной рясѣ, который на неизвѣстномъ языкѣ проповѣдуетъ дикарямъ невѣдомаго Бога и обѣщаетъ для поощренія сбавку налоговъ, освобожденіе отъ рабства или даже дедежное жалованье; заинтересованные новою религіей, туземцы предлагаютъ хитрый компромиссъ: 1) „окрестить ихъ идола и оставить; 2) не запрещать ѣсть лошадиное мясо, какъ вкусное, и 3) позволить имъ самимъ крестить своихъ женъ и надѣвать на нихъ кресты“. „Разумѣется,—прибавляетъ авторъ,—что остяки доведены были до того убѣжденія, что напослѣдокъ признали свои предложенія за несогласныя съ важностію дѣла“. Не говоримъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Словцовъ является изслѣдователемъ, напрм., о весьма интересной попыткѣ опредѣлить первоначальное населеніе Сибири.

Кромѣ печатныхъ сочиненій о Сибири, *Полнаго Собранія Законовъ и Румянцевскихъ грамотъ и договоровъ*, Словцовъ пользовался рукописною иркутскою лѣтописью, сборникомъ тобольской семинаріи, „несправедливо названнымъ сибирскою лѣтописью“, *Краткимъ описаніемъ остятскаго народа, приведеннаго въ христіанскую вѣру*, соч. 1715 г., изъ библіотеки Софійскаго тобольскаго собора, и указаніями мѣстныхъ изслѣдователей. Главнымъ источникомъ, такимъ образомъ, было *Полное Собраніе*; этимъ запасомъ матеріала опредѣляются и недостатки изслѣдованія; неэксплуатированными остались тѣ изъ архив-

ныхъ сибирскихъ матеріаловъ Миллера, которые позже попали въ печать и которые отчасти остаются ненапечатанными; затѣмъ, дѣла сибирскаго приказа еще ждутъ изслѣдователя. Пожелаемъ, чтобы будущему сибирскому университету не пришлось долго ждать будущаго сибирскаго историка; капитальный трудъ Словцова представляетъ прекрасное и необходимое руководство для всякаго дальнѣйшаго самостоятельнаго изслѣдованія.

Всеобщая исторія. Георга Вебера. Томъ IV. Перевелъ Андреевъ. Москва, 1886 года. Цѣна 4 руб. 50 коп. Шесть вѣковъ исторіи человѣчества обнимаетъ IV томъ труда Вебера. Если Греція и Римская республика подъ перомъ стараго гейдельбергскаго профессора приняли видъ менѣе казенный, чѣмъ этого можно было ожидать отъ нѣмецкаго историка, то въ настоящемъ томѣ, точно и изящно переведенномъ г. Андреевымъ, мы встрѣчаемся съ явленіями двоякаго рода: съ одной стороны, почтенный авторъ съ подробностью, допускаемою рамками его произведенія, изображаетъ передъ читателемъ Римскую имперію въ ея универсально-историческомъ значеніи, съ другой—воодушевленный патріотизмомъ, онъ привѣтствуетъ выступленіе на міровое поприще своихъ предковъ—германцевъ. Римская имперія долго была въ числѣ заброшенныхъ отдѣловъ исторической науки. Главные труды по римской исторіи останавливались на порогѣ этой эпохи; только одинъ Карлъ Петеръ въ своей сухой исторіи Рима рѣшился переступить черезъ этотъ завѣтный рубежъ, но часть, посвященная императорскому періоду, отличается крупными недостатками и не вноситъ никакого улучшенія въ существовавшія до Петера воззрѣнія на имперію. Въ послѣднее время Шиллеръ, авторъ большой монографіи о Неронѣ, попытался представить эту забытую эпоху, но его сочиненіе мало затрогиваетъ культурныя явленія и больше вращается въ сферѣ политической, между тѣмъ какъ исторія древняго міра отъ Августа до Константина Великаго отмѣчена совершенно особымъ характеромъ; ее нельзя разсматривать какъ продолженіе Римской республики или даже какъ дальнѣйшее развитіе эллинизма. Разнообразіе событій, смѣшеніе противуположныхъ началъ и перевѣсъ культурныхъ явленій надъ политическими,—вотъ сущность картины, которая развертывается передъ глазами историка. Понятно, что для уразумѣнія совершенно новой стадіи въ развитіи человѣчества требуются спеціальныя качества, которыми бо́льшею частью не обладаютъ ученые, посвятившіе себя изученію республиканскаго Рима. Даже такой талантливый писатель, какъ Момсенъ, и тотъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ остановился передъ новою задачей. Томъ его исторіи, относящійся къ императорскому Риму, не имѣетъ ничего общаго съ прежними томами его римской исторіи и оказывается спеціальною монографіей по вопросамъ, носящимъ сравнительно съ цѣлымъ частный характеръ. Георгъ Веберъ, не будучи спеціалистомъ, смотритъ на всѣ отдѣлы своего обширнаго обозрѣнія хода всеобщей исторіи съ чисто-универсальной высоты и Римская имперія подъ его перомъ предстаетъ передъ читателемъ вполнѣ ясно и опредѣлено. Значеніе этой великой эпохи въ судьбахъ человѣчества оцѣнено по достоинству, и страницы, на которыхъ Веберъ излагаетъ какъ внѣшія дѣла, такъ и культурныя событія временъ имперіи, могутъ быть признаны лучшими во всемъ его сочиненіи. Недостаточно этого: его очеркъ исторіи Римской имперіи до сихъ поръ, несмотря на появленіе книги Шиллера, остается неза-

мѣнимымъ пособіемъ для занятій этимъ временемъ. Мы не говоримъ въ этомъ случаѣ ни о большомъ сочиненіи Меривеля, доведенномъ до момента, съ котораго начинается классическое произведеніе Гиббона, ни о самомъ Гиббонѣ,—эти книги принадлежатъ къ разряду сочиненій, имѣющихъ свое опредѣленное мѣсто въ новой исторіографіи, но онѣ не предназначены служить пособіемъ.

Съ меньшею похвалой приходится говорить о второй половинѣ тома, т.-е. о переселеніи народовъ и о возникновеніи новыхъ государствъ. Хотя историкъ старался быть объективнымъ повѣствователемъ, но, по свойственной всѣмъ нѣмецкимъ авторамъ слабости, и онъ не свободенъ отъ патріотическихъ излишествъ, — и у него характеристика добродѣтельныхъ германцевъ, среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ подъ управленіемъ вождей, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, создающихъ идеальное государство, выходитъ сильно шаржированною. Отдѣлъ первоначальной исторіи новыхъ народовъ у насъ въ Россіи долженъ подвергаться совершенной переработкѣ, — разумѣется, не прибѣгая къ замѣнѣ одного ложнаго патріотизма другимъ,— и потому отдѣлъ, занятый у Вебера описаніемъ перехода отъ древнихъ временъ къ среднимъ вѣкамъ, можетъ служить руководящею нитью только при осторожномъ пользованіи его книгой, со значительнымъ поправками и оговорками. За то съ большимъ нетерпѣніемъ мы поджидаемъ выхода V тома, съ которымъ всемірная исторія Вебера вступитъ въ средніе вѣка. Франкское государство и исламизмъ составляютъ хорошо и тщательно обработанныя части этой книги.

Исторія испанской литературы. Тикнора. Переводъ съ 4-го англійскаго изданія подъ редакціей Н. И. Стороженка. II томъ. Москва, 1886 г. Хотя испанская литература не имѣетъ такого всемірно-историческаго значенія, какъ, напримѣръ, литературы Италіи, Франціи, Англіи и Германіи, но и она переживала эпохи пышнаго разцвѣта и на ея почвѣ возростали замѣчательные таланты. Можетъ быть, малое вліяніе испанскихъ писателей, за исключеніемъ Сервантеса, обусловливается не столько ихъ личными качествами, сколько особыми историческими обстоятельствами, сопровождавшими судьбы ихъ народа. Испанія играла важную роль въ исторіи Западной Европы, но времена Карла V и Филиппа II не были благопріятны для распространенія умственнаго вліянія на другіе народы. Кастильская пѣхота, предводимая Альбой, не могла внушить симпатіи къ испанскому имени, тѣсно связанному съ эгоистичною политикой Карла V и фанатизмомъ Филиппа II. Благодаря Тикнору, американскому историку, мы можемъ близко ознакомиться съ писателями и произведеніями своеобразно развивавшейся Испаніи. Второй томъ, прекрасно переведенный подъ редакціей Н. И. Стороженка, посвящаетъ читателей въ исторію блестящаго развитія испанской драмы; достаточно сказать, что здѣсь Тикноръ подробно говоритъ о Лопе де-Вега и Кальдеронѣ, т.-е. о двухъ драматургахъ, имена которыхъ извѣстны всѣмъ, но съ твореніями которыхъ ознакомлены немногіе. Если принять въ разсчетъ громадное число произведеній Лопе де-Веги и сопоставить съ немногими вещами, переведенными у насъ, то смѣло можно сказать, что русская публика совсѣмъ не знаетъ великаго испанскаго драматурга. Правда, что и Западная Европа только въ послѣднее время была посвящена въ тайны испанской драмы. Можно надѣяться, что второй томъ

Тикнора будетъ посредникомъ между великими испанскими писателями и нашею читающею публикой.

Интересъ остальныхъ авторовъ совершенно заслоненъ этими двумя могучими образами и мы обратимъ вниманіе только на главу, занимающуюся историческою литературой; въ ней американскій историкъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко говоритъ объ испанскихъ историкахъ времени открытія Новаго Свѣта. Героическимъ подвигамъ смѣлыхъ искателей приключеній соотвѣтствуютъ воодушевленныя ихъ дѣяніями повѣствованія о походахъ завоевателей новыхъ заатлантическихъ странъ. *Донесеніе* Фернанда Кортеса, *Хроника Новой Испаніи* Гомары, *Правдивая исторія завоеванія Новой Испаніи* Берналя Діоса, участника 119 битвъ, принадлежатъ къ числу историческихъ памятниковъ, чтеніе которыхъ, по мнѣнію одного нѣмецкаго педагога, лучше введетъ учащееся юношество въ исторію открытій, чѣмъ изученіе большихъ монографій, обработанныхъ писателями, стоящими вдали отъ чувствъ и взглядовъ того времени.

Новой томъ испанской литературы Тикнора займетъ видное мѣсто въ ряду другихъ сочиненій, изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ по исторіи различныхъ періодовъ древней и новой литературы и вообще въ монографіяхъ лучшихъ европейскихъ ученыхъ, переведенныхъ на русскій языкъ.

The Methods of Historical. Study by E. A. Freeman. 1886. Фрименъ принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ англійскихъ историковъ; многіе считаютъ его самымъ крупнымъ представителемъ британской исторической науки нашего времени. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, но за то необходимо признать, что писатель, общіе взгляды котораго на исторію намъ придется отмѣтить, долженъ считаться едва ли не самымъ плодовитымъ. Въ научно-литературной дѣятельности Фримена слѣдуетъ различать два періода: къ первому относятся серьезнѣйшіе его труды, во второмъ—его направленіе принимаетъ характеръ болѣе публицистическій. Извѣстность этотъ ученый пріобрѣлъ двумя сочиненіями: 1) первый томъ *Исторіи федеральнаго правительства*, посвященный Греціи, до сихъ поръ составляетъ лучшую работу Фримена; 2) многотомная *Исторія завоеванія Англіи норманнами* хотя и отличается такими недостатками, которые, усиливаясь съ каждымъ годомъ, превратились въ особую манеру писанія, совершенно извратившую литературное направленіе ученаго, но она обладаетъ важными научными достоинствами, представляя всестороннюю критическую провѣрку источниковъ. Послѣ *Исторіи завоеванія Англіи норманнами* этотъ историкъ не написалъ ни одного строго - ученаго труда; *Царствованіе Вильгельма Рыжаго* мы разсматриваемъ какъ продолженіе *Исторія завоеванія*. Болѣе видными произведеніями втораго періода являются книги вродѣ *Сравнительной политики и Исторической географіи Европы*. Кромѣ того, имъ изданы были три тома *Историческихъ этюдовъ*. Фрименъ болѣе подготовленъ къ изслѣдованію по источникамъ отдѣльныхъ эпохъ средневѣковой англійской исторіи, но его ученое честолюбіе не могло удовлетвориться скромною извѣстностью кабинетнаго труженика, ограничивающеюся узкимъ кружкомъ спеціалистовъ. Онъ жаждалъ широкой дѣятельности и вслѣдствіе этого началъ писать книги по общимъ вопросамъ и статьи публицистическаго характера; но онъ не надѣленъ отъ природы сильнымъ талантомъ, способностью быстро подмѣтить существенное и не обладаетъ

тѣмъ философскимъ складомъ ума, который необходимъ для полученія захватывающихъ самую глубину предмета обобщеній. Благодаря своему новому направленію, Фрименъ началъ производить много разнородныхъ твореній, но всѣ они отличены одною общею чертой: всѣ широковѣщательны и болтливы. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сопоставить *Сравнительную политику* съ сочиненіями Мэна, снабженная же громкимъ заглавіемъ *Историческая географія Европы* при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается плохо скомпанованною книгой, непригодною даже въ качествѣ учебника.

Новое сочиненіе англійскаго историка начинаетъ совершенно особую эпоху въ его жизни: это—первыя восемь лекцій, читанныя имъ въ качествѣ профессора новой исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ. Тутъ Фрименъ считалъ нужнымъ повѣдать слушателямъ, въ чемъ заключаются его основные взгляды на историческую науку и на обязанности профессора этого предмета. О пріемахъ изученія исторіи написано много большихъ и малыхъ книгъ преимущественно нѣмецкими учеными, но ни одного изъ этихъ трактатовъ мы не рѣшились бы порекомендовать нашимъ читателямъ; всѣ они повторяютъ однѣ и тѣ же общія мѣста и въ этомъ отношеніи наука не подвинулась ни на шагъ впередъ съ XVIII столѣтія. Мы думали, что Фрименъ возьметъ разсматриваемый вопросъ гораздо шире и постарается указать, насколько новѣйшіе успѣхи въ методахъ изслѣдованія общественныхъ наукъ должны отразиться на пріемахъ историческаго розысканія. Новый оксфордскій профессоръ посмотрѣлъ на свою задачу гораздо легче и только прибавилъ еще одно сочиненіе къ предшествовавшей, и безъ того уже обильной, литературѣ, — сочиненіе, повторяющее мысли, много разъ высказанныя другими.

Краткій перечень покажетъ, сколько вопросовъ затронулъ авторъ въ своемъ небольшомъ произведеніи и какого рода вопросы имъ признаются существенными при разсмотрѣніи медотовъ историческаго изученія.

Вступительная лекція трактуетъ объ обязанностяхъ профессора исторіи, но въ ней не столько говорится объ обязанностяхъ, сколько расточается комплиментовъ предшественникамъ по каѳедрѣ. Эта лекція имѣетъ характеръ чисто - случайный и мѣстный. Далѣе Фрименъ обращается уже прямо къ предмету. Въ первой лекціи онъ говоритъ объ исторіи и сродныхъ съ нею предметахъ, причемъ хронологія, географія и нумизматика названы ближайшими спутниками исторіи, а право и языкознаніе поставлены въ тѣсныя отношенія къ этой наукѣ. То, что излагается Фрименомъ по вопросу о взаимнодѣйствіи исторіи, филологіи и права, не идетъ дальше общеизвѣстныхъ положеній, а, между тѣмъ, этотъ отдѣлъ методологіи нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и подробномъ обоснованіи. Во второй лекціи высказываются нѣкоторыя мысли о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ историческимъ изученіемъ; главными затрудненіями, по убѣжденію Фримена, нужно считать господство взгляда, что изученіе исторіи не требуетъ никакой предварительной подготовки и что рѣшеніе историческихъ вопросовъ доступно всѣмъ и каждому. Дальнѣйшія пять лекцій посвящены исторической критикѣ; въ нихъ авторъ разсуждаетъ объ исторической достовѣрности, о непосредственныхъ источникахъ, о классическихъ и средневѣковыхъ писателяхъ, о вещественныхъ источникахъ и, наконецъ, о новыхъ писателяхъ и объ отношеніи ихъ къ исторической критикѣ.

Разумѣется, во всѣхъ бесѣдахъ, перечисленныхъ нами, внимательный читатель найдетъ нѣкоторые интересные и поучительные факты, но въ общемъ онѣ дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ, такъ какъ, вмѣсто дѣльнаго обсужденія, заключаютъ въ себѣ многословное, болтливое повтореніе ходячихъ истинъ. Особенно коренной недостатокъ книги рѣзкимъ образомъ выступаетъ въ послѣднемъ чтеніи, гдѣ Фриденъ распространяется о важности изученія географіи и о необходимости путешествій, безъ которыхъ ни одинъ историкъ не можетъ обойтись.

Фриденъ у насъ въ нѣкоторыхъ кругахъ пользуется симпатіей, благодаря не столько своей ученой, сколько публицистической дѣятельности, и потому мы остановились на его послѣднемъ сочиненіи, представляющемъ какъ бы resumé всего прежде имъ написаннаго. Мы хотѣли высказать, насколько литературно-научная дѣятельность англійскаго историка видоизмѣнялась по мѣрѣ того, какъ онъ втягивался въ круговоротъ совершенно неподходящихъ къ его природнымъ качествамъ политическихъ и общенаучныхъ вопросовъ.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И АНТРОПОЛОГІЯ.

„Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.“ *Н. Янчука.*—„Срединное царство“. *Ж. Симона.*—„Подробный атласъ Россійской имперіи“. *А. Ильина.*—„Völkerkunde“. *Fr. Ratzel.*

Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. 1886 г. Русская этнографія съ каждымъ годомъ обогащается новымъ матеріаломъ по пѣсенному творчеству разныхъ частей нашего отечества.

Чубинскій, Лисенко, Головацкій, Де-Волланъ, Дембовецкій, Драгомановъ и Антоновичъ, Шеинъ и другіе издали малорусскія и бѣлорусскія пѣсни, связанныя съ историческими преданіями и обрядовою стороной быта, но все еще остается много уголковъ, въ которыхъ могли сохраниться въ цѣльности и неподдѣльной чистотѣ архаическія формы, находящія себѣ выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ. Помимо значенія въ устной словесности, пѣсня, какъ составная часть обряда, важна и для изслѣдователя этнографія. Г. Янчукъ взялъ одну изъ сторонъ жизни народной, выбралъ мѣстность въ бассейнѣ западнаго Буга, составляющаго рубежъ, на которомъ сталкивались и сталкиваются малоруссы, бѣлоруссы, поляки и литовцы. Въ такихъ мѣстахъ бываетъ двоякаго рода этнографическій процессъ: съ одной стороны, происходитъ смѣшеніе, съ другой—народъ старается въ нѣкоторыхъ сферахъ своей жизни сохранить и отстоять во всей чистотѣ прадѣдовскіе обычаи. Малорусское населеніе на лѣвой сторонѣ западнаго Буга обитаетъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній и размѣстилось въ нихъ какъ бы островами среди поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ и даже отчасти татаръ. Благодаря внѣшнимъ вліяніямъ, эти поселки малоруссовъ представляютъ большія различія; часто случается, что жители двухъ сосѣднихъ малорусскихъ деревень говорятъ совершенно различно. Изслѣдователь выбралъ одинъ приходъ въ Константиновскомъ уѣздѣ, Сѣдлецкой губерніи, представляющій то удобство, что всѣ деревни прихода образуютъ нѣчто цѣлое по обычаямъ, общему характеру и языку. Будучи мѣстнымъ уроженцемъ, проведя дѣтство

въ деревнѣ и зная хорошо мѣстный говоръ, г. Янчукъ работалъ при такихъ условіяхъ, которыя рѣдко выпадаютъ на долю лицъ, изучающихъ народный бытъ. Лично имъ добытый матеріалъ авторъ сопоставилъ со свадебными пѣснями, собранными этнографическо-статистическою экспедиціей въ западно-русскій край, снаряженною Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. *Очеркъ малорусской свадьбы* съ описаніемъ и со всѣми пѣснями отличается чисто-объективнымъ характеромъ; авторъ не создаетъ никакихъ теорій и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, весьма важное достоинство его работъ. Пѣсенный матеріалъ русскаго народа пока еще собранъ въ недостаточномъ количествѣ, между отдѣльными мѣстностями нѣтъ точной связи и, кромѣ того, не всѣ стороны быта представлены въ соотвѣтственной полнотѣ. При подобномъ состояніи научной разработки, теоріи могутъ принести вредъ, вліяя на собирателей, легко поддающихся соблазну подыскать подтвержденіе излюбленныхъ взглядовъ. Осторожность, которую проявилъ г. Янчукъ, составляетъ прекрасную черту. Что авторъ научно подготовленъ къ рѣшенію филологическихъ и этнографическихъ вопросовъ, видно изъ многочисленныхъ примѣчаній и изъ цѣлаго трактата о корницкомъ говорѣ. Чѣмъ больше такихъ монографій будетъ появляться у насъ, тѣмъ скорѣе представится возможность пополнить чувствительный пробѣлъ въ русской научной литературѣ, не имѣющей до сихъ поръ систематичной этнографіи русскаго народа.

Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Ж. Симона. Переводъ В. Ранцева. На значительномъ протяженіи Россійская имперія соприкасается съ другою обширною имперіей: со Срединнымъ царствомъ, которымъ управляетъ патріархальный повелитель—богдыханъ. Монархія Сына Неба—одно изъ самыхъ оригинальныхъ и древнихъ государствъ на землѣ—по особенностямъ соціальнаго строя издавна привлекала всеобщее вниманіе. Хотя западные европейцы имѣютъ меньше отношеній къ Китаю, чѣмъ русскіе, однако, у нихъ, особенно у англичанъ, существуетъ богатая литература, разработавшая въ географическомъ, этнографическомъ и культурномъ отношеніи это большое азіатское государство. У насъ почти ничего не писали о Китаѣ и многовѣковая китайская цивилизація въ Россіи почти совершенно неизвѣстна. Лучшимъ признакомъ нашего невѣжества въ этомъ отношеніи можетъ служить увлеченіе, съ которымъ публика встрѣтила сообщеніе доктора Пясецкаго. Г. Пясецкій напечаталъ путешествіе по Китаю, въ которомъ онъ разсказываетъ о вещахъ, давно извѣстныхъ на Западѣ, и, притомъ, въ тонѣ въ высшей степени развязномъ, какъ будто имъ открыта совершенно новая, никому невѣдомая область. Успѣхъ книги г. Пясецкаго навелъ его на мысль устроить цѣлую китайскую выставку изъ предметовъ, собранныхъ имъ во время путешествія. Выставка оказалась весьма скудною, особенно если сравнить ее съ богатыми коллекціями, существующими на Западѣ. Въ виду бѣдности знаній по Китаю, переводы иностранныхъ книгъ, посвященныхъ этому предмету, могутъ принести въ Россіи значительную пользу. Г. Ранцевъ выбралъ для перевода небольшую книгу Ж. Симона, бывшаго много лѣтъ консуломъ въ Китаѣ. Французскій писатель излагаетъ живо и занимательно. Передача на русскій языкъ сдѣлана прекрасно, но мы не можемъ похвалить выборъ переводчика, принимая, главнымъ образомъ, во вниманіе отсутствіе у насъ какихъ бы то ни было свѣдѣній о Небесной имперіи. Ж. Си-

монъ задался оригинальною мыслью представить китайскую цивилизацію образцомъ, достойнымъ для подражанія, и у него государство богдыхана является въ идеальномъ свѣтѣ. Книжка состоитъ, собственно, изъ двухъ частей: общей и частной. Въ общей Ж. Симонъ разсматриваетъ семью, трудъ, государство и правительство, причемъ китайцы оказываются самыми нравственными, благовоспитанными людьми на землѣ, обладающими лучшимъ правительствомъ и самымъ высокимъ благосостояніемъ. Авторъ часто доходитъ, въ восхваленіи китайщины, до паѳоса по поводу самыхъ прозаическихъ предметовъ. Все въ Китаѣ лучше, чѣмъ въ Европѣ. Вотъ что̀ говорится, наприм., по поводу оросительныхъ каналовъ: „Увы, какъ это ни прискорбно для нашего европейскаго самолюбія, надо сознаться, что всѣ наши каналы, желѣзныя и шоссейныя дороги совершенно исчезаютъ по сравненію съ громадною сѣтью каналовъ, пересѣкающихъ Китай по всѣмъ направленіямъ“. Подобное же противупоставленіе китаизма западной цивилизаціи видно изъ другаго мѣста, гдѣ говорится о военномъ министерствѣ: „что касается военнаго министерства, то... въ странѣ, цивилизація которой основана на развитіи человѣчества, на умноженіи его численности, т.-е. на братствѣ и взаимной солидарности, проявляющихся не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ у народа, для котораго война представляется дѣломъ настолько необычайнымъ, что ему въ высшей степени противно какъ воспоминаніе о ней, такъ и видъ всего, что ее напоминаетъ. Чѣмъ можетъ быть, спрашивается, военное министерство въ такой странѣ и у такого народа?“ Идеализація мудрыхъ китайцевъ проглядываетъ почти на каждой страницѣ четырехъ главъ, составляющихъ общую характеристику основъ культуры Срединнаго царства.

Но самымъ интереснымъ мѣстомъ въ книгѣ Ж. Симона намъ представляется описаніе его сношеній съ однимъ семействомъ китайскихъ поселянъ. *Семья Уанъ-Минъ-Це*, — такъ озаглавлена характеристика, въ которой авторъ рисуетъ предъ читателемъ идиллическую картину, написанную съ большимъ талантомъ. Эта китайская пастораль, въ своихъ подробностяхъ, привлекаетъ сочувствіе ко всему китайскому. Начинается она представленіемъ мѣстности, очаровательной по ландшафтной красотѣ и по веселому колориту. Нѣжные тоны природы подготовляютъ читателя къ знакомству съ идеальною семьей поселянъ, въ которой нѣтъ ничего рѣзкаго, шероховатаго. Земледѣльческій трудъ предстаетъ здѣсь передъ нами въ облагороженныхъ формахъ, доставляя скромнымъ хлѣбопашцамъ только одно, не сопряженное съ лишеніями, удовольствіе. Сцены первой встрѣчи со старшимъ сыномъ семейства, визитъ старика-отца, наконецъ, первое посѣщеніе дома Уангъ-Мингъ-Це,—все раскрашено ярко, привѣтливо, симпатическою кистью, и подъ перомъ Ж. Симона возникаетъ образъ желательный, но, во всякомъ случаѣ, не реальный. Если бы на землѣ гдѣ-нибудь существовала подобная жизнь и подобное общество, то человѣчество не нуждалось бы ни въ соціальныхъ теоріяхъ, ни въ утопіяхъ, одною изъ которыхъ можетъ считаться, по нашему мнѣнію, послѣдняя глава книги Ж. Симона.

Подробный атласъ Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ. А. Ильина. Выпускъ 2-й. Второй выпускъ большаго атласа Россіи, издаваемаго картографическимъ заведеніемъ Ильина, содержитъ въ себѣ карты трехъ губерній: Волынской,

Бессарабской и Воронежской, карту Европейской Россіи съ показаніемъ населенности по уѣздамъ и планъ города Варшавы. Сличая новое изданіе съ прежнимъ, необходимо признать, что карты подверглись значительной переработкѣ; но на ряду съ важными достоинствами и въ этомъ изданіи замѣчаются серьезные недостатки. Подробная карта Россіи, разбитая по губерніямъ, должна удовлетворять многимъ требованіямъ; изъ этихъ требованій особенно выдвигаются, во-первыхъ, такія, которыя обусловлены цѣлями чисто-справочнаго характера, и, во-вторыхъ, такія, которыя вытекаютъ изъ научныхъ потребностей. Нанести на карту возможно больше мелкихъ населенныхъ мѣстъ и различныхъ урочищъ, обозначить точно границы уѣздовъ, дать возможность опредѣлить разстояніе и пути сообщенія между различными населенными пунктами,—все это доставляетъ картамъ полноту, необходимую для справокъ, и подобной полноты чисто статистическо-административнаго характера достигло картографическое заведеніе А. Ильина.

Если отъ требованій практическаго рода обратиться къ требованіямъ научнымъ, то подробный атласъ Россіи не удовлетворяетъ имъ въ достаточной степени. Прежде всего, карта каждой губерніи должна быть точною характеристикой ея физической природы. Рельефъ, орошеніе и даже по возможности особенно выдающіяся явленія свойствъ почвы и растительнаго покрова должны выступать на картѣ отчетливо въ ихъ отдѣльности и въ ихъ взаимнодѣйствіи. До сихъ поръ въ двухъ вышедшихъ выпускахъ мы получили пять губерній и ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, чтобъ она представляла картину, производящую опредѣленное географическое впечатлѣніе не только въ общихъ чертахъ, но даже и въ деталяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, карту Волынской губерніи, лежащей въ мѣстности, обладающей болѣе рѣзкимъ, по своимъ контрастамъ, рельефомъ. А, между тѣмъ, на картѣ изданія А. Ильина противуположность между сѣверомъ, куда вступаютъ болотистыя низменности Пинскаго полѣсья, и югомъ, изрытымъ отрогами Карпатскихъ горъ, остается почти совершенно не выраженною. Рѣки и рѣчные бассейны съ трудомъ могутъ быть найдены на этихъ подробныхъ картахъ. Объ лѣсахъ, болотахъ, пескахъ и другихъ физическихъ особенностяхъ мы уже и не говоримъ. Примѣромъ того, какъ слѣдуетъ издавать подобные атласы, можетъ служить атласъ Франціи, изданный Жуанномъ.

Кромѣ картъ губерній, во второмъ выпускѣ, на основаніи свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, обработана карта плотности населенія Европейской Россіи. Въ большомъ атласѣ слѣдовало бы придать этой картѣ размѣры болѣе значительные, тогда слова „съ показаніемъ населенности по уѣздамъ“ не были бы злою насмѣшкой надъ публикой, которая въ центральной полосѣ Россіи съ трудомъ различитъ не только что уѣзды, но даже и границы губерній. Планъ города Варшавы сдѣланъ отчетливо; то же самое можно сказать и о планахъ губернскихъ городовъ, помѣщенныхъ на отдѣльныхъ картахъ губерній.

Völkerkunde von Friedrich Ratzel. Zweiter Band. 1886. Мы уже упоминали въ свое время о выходѣ I тома большого сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго географа Ратцеля. Теперь въ только что появившемся второмъ томѣ германскій ученый заканчиваетъ одинъ отдѣлъ своего труда: этнографическое описаніе дикихъ народовъ. Дикіе наро-

ды или, какъ ихъ любятъ называть нѣмецкіе антропологи и этнографы, народы въ естественномъ состояніи, благодаря широкому развитію общественныхъ наукъ, приковываютъ къ себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей. Юристы, экономисты, соціологи и историки, изучающіе раннія стадіи въ развитіи общественности, культуры и религіозныхъ вѣрованій, найдутъ въ произведеніи Ратцеля важное пособіе. Благодаря многочисленнымъ рисункамъ и обилію фактовъ, относящихся къ матеріальной обстановкѣ дикарей, разбираемое нами сочиненіе займетъ видное мѣсто на ряду съ твореніями Вайца, автора *Антропологіи дикихъ народовъ*, Тэйлора, Леббока и Пешеля. Но положеніе книги Ратцеля въ этнографической литературѣ будетъ совершенно особенное, что обусловливается въ значительной степени предшествующею научною дѣятельностью этого предпріимчиваго нѣмецкаго профессора.

По примѣру перваго тома, профессоръ Ратцель распредѣляетъ матеріалъ этнографическій по географическимъ рубрикамъ, устраняя, такимъ образомъ, всякую попытку новой классификаціи. Океаны Тихій и Индійскій, Америка и полярныя страны,—вотъ три главныя географическія области, въ которыхъ располагаются дикіе народы, описываемые во второмъ томѣ. Туземные обитатели Австралійскаго материка и цѣлаго островнаго міра, его окружающаго, занимаютъ громадное пространство отъ африканскаго острова Мадагаскара почти до береговъ Америки. На столь обширномъ протяженіи не только природныя условія странъ, несмотря на все нивеллирующій тропическій зной, но и физическія, и нравственныя качества народовъ должны представлять разнообразіе и пестроту; вслѣдствіе этого авторъ раздѣлилъ всѣ племена на четыре группы: 1) австралійцы, 2) полинезійцы, микронезійцы и меланезійцы, т.-е. жители океаніи, 3) малайцы и 4) мадагассы. Въ началѣ обзора каждой группы помѣщенъ географическій очеркъ страны, затѣмъ слѣдуетъ характеристика физическая, психическая и культурная. Множество прекрасно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ народные типы, жилища, оружіе, орудія и т. д., помогаютъ читателю вполнѣ ясно представить себѣ эти далекіе отъ насъ народы. Къ сожаленію, этому иногда мѣшаетъ слогъ Ратцеля, не отличающійся необходимою для популярнаго сочиненія удобопонятностью и простотой; нѣмецкій ученый любитъ мудрствовать, философствовать тамъ, гдѣ нужно описывать, повѣствовать.

Отдѣлъ американскихъ народовъ даетъ слишкомъ общее представленіе краснокожаго племени. Ратцель, желая, повидимому, сберечь мѣсто, отступилъ отъ принятаго имъ порядка и соединилъ въ одно описаніе индійцевъ какъ южной, такъ и сѣверной Америки. Если бы авторъ придерживался пріема, приложеннаго къ Африкѣ, то онъ въ Америкѣ еще съ бо́льшимъ правомъ долженъ былъ бы, предпославъ общій географическій очеркъ материка, разсмотрѣть потомъ отдѣльно различныя географическія области съ ихъ туземнымъ населеніемъ. Новый Свѣтъ, расположенный въ трехъ климатическихъ поясахъ и болѣе расчлененный, представляетъ и бо́льшее разнообразіе условій, чѣмъ Африка, лежащая почти исключительно въ одномъ поясѣ и, притомъ, совершенно нерасчлененная. Такою же скомканностью отличается описаніе дикарей, населяющихъ полярныя страны. Видно, что Ратцель нѣсколько убоялся громадныхъ размѣровъ своего разростающагося труда; ему придется, оставаясь послѣдователь-

нымъ и избѣгая нарушенія соразмѣрности, издать еще не менѣе пяти или шести томовъ, чтобы представить всѣ народы, населяющіе земную поверхность, съ достаточною полнотой и сообразуясь съ ихъ значеніемъ.

ФИНАНСЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Исторія русскаго таможеннаго тарифа“. *К. Ладыженскаго.*—„Хлѣбная промышленность въ юго-восточной Россіи и основанія проекта хлѣбной торговли въ связи съ возстановленіемъ русской валюты“.—„Die Arbeiterfrage“ *W. Oechelhäuser.*

Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Изслѣдованіе Константина Ладыженскаго. Спб., 1886 г. Г. Ладыженскій задался цѣлью „представить историческій очеркъ какъ возникновенія таможенной системы, такъ и тѣхъ измѣненій, какимъ она подвергалась въ исторіи русскаго народа вплоть до изданія тарифа 1868 г.“ Если бы наша историческая и экономическая литература была богата изслѣдованіями по исторіи экономической жизни, мы бы, прежде всего, упрекнули автора за то, что изслѣдованіе его слишкомъ бѣгло и блѣдно рисуетъ не только допетровскую систему, но и столь важную для исторіи таможенной политики эпоху Петра. Но при оцѣнкѣ трудовъ, подобныхъ разсматриваемому, не слѣдуетъ забывать, что матеріалы для нихъ отчасти отсутствуютъ, что самый предметъ у насъ совершенно неразработанъ, что большою заслугой при такихъ условіяхъ является попытка свести въ одно разрозненные законодательные акты и освѣтить мотивы, руководствовавшіе законодательство и вызывавшіе направленіе таможенной политики. Для освѣщенія этихъ мотивовъ, авторъ пересмотрѣлъ часть многочисленныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: журналы комитетовъ, записки и ходатайства частныхъ лицъ и проч. Это, по нашему мнѣнію, самая цѣнная часть труда г. Ладыженскаго, за которую ему будетъ благодаренъ будущій историкъ и всякій изучающій условія современности. Для подтвержденія нашего мнѣнія остановимся на одномъ мѣстѣ книги, характеризующемъ запретительную систему, установленную *Положеніемъ 1810 г.* при Александрѣ I. *Положеніе* было выработано Сперанскимъ и было издано съ цѣлью возможно-большаго сокращенія привоза иностранныхъ товаровъ. Доступъ получили только самые необходимые предметы, другіе облагались тяжелою пошлиной или даже вовсе были запрещены къ привозу. Отъ новаго тарифа ожидалось развитіе внутренней промышленности, но прежде всего улучшеніе достоинства бумажныхъ денегъ, упавшихъ, благодаря неумѣренному выпуску отъ 77% въ 1797 до 50% въ 1808 г. По отношенію къ Сперанскому справедливость требуетъ прибавить, что, рядомъ съ изданіемъ запретительнаго тарифа, имъ былъ представленъ замѣчательный проектъ устройства нашихъ финансовъ, основанный на признаніи кредитныхъ билетовъ государственнымъ долгомъ и на реформѣ государственнаго бюджета. Но именно послѣднія мѣры остались на бумагѣ, тарифъ же, названный иностранцами „системой самобичеванія“, въ теченіе 6 лѣтъ тяготѣлъ непомѣрнымъ бременемъ на населеніи. Какъ много теряла Россія отъ запретительной системы, видно изъ разсчета, представленнаго министромъ финансовъ въ 1813 г. и касавшагося только торговли сукнами. Обыкновеннаго сукна требовалось до 2 милліоновъ аршинъ и оно стоило при *Положеніи 1810 г.* по 12 р.

ассигн.; слѣдовательно, на эту статью Россія расходовала 24 мил. р. Если же эти сукна разрѣшить съ пошлиною по 1 р. съ аршина, то они обошлись бы по 5 руб. аршинъ, включая пошлину, а все потребляемое въ Россіи количество въ 10 милліоновъ (стр. 171). Въ то же время, *Положеніе*, конечно, не привело и къ той главной цѣли, которою оно было вызвано: курсъ русскихъ ассигнацій постоянно ухудшался: въ 1809 г. бумажный рубль равнялся 43 серебр. коп., въ 1810—35, а въ 1811 — 23,5,—самый низкій курсъ, какой когда-либо имѣлъ бумажный рубль. Въ виду такихъ послѣдствій, министръ финансовъ графъ Гурьевъ намѣревался ослабить строгость запрещеній и съ 1813 г. постепенно перейти къ болѣе умѣренному таможенному тарифу. „Но какъ только распространились слухи о намѣреніи министра финансовъ, —сообщаетъ г. Ладыженскій на основаніи подлиннаго дѣла, хранящагося въ архивѣ департамента внѣшней торговли,— *со стороны промышленниковъ и лицъ, принадлежавшихъ къ народной партіи*, раздались громкіе голоса, требовавшіе сохраненія прежняго положенія". Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, „сохранившій связь съ купечествомъ", представилъ императору записку, полученную имъ отъ московскихъ фабрикантовъ. „Слухи прошли, якобы есть наклонность нынѣ существующій тарифъ отмѣнить. Буде сіе справедливо, то въ нынѣшнее несчастливое время послѣдуетъ заводчикамъ вторительное разореніе". Купцы выражаютъ далѣе опасеніе за судьбу нашихъ бумажекъ и заканчиваютъ слѣдующими курьезными словами: „послѣдніе остатки нашихъ сокровищъ—серебро и золото изъ государства вытащатъ (иностранцы), и останемся съ одними бумагами за какія же вещи?—не за жизненныя, а единственно за тряпки ничего незначащія!" Къ этимъ жалобщикамъ присоединился и министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, рѣзко нападавшій на графа Гурьева, котораго онъ обвинялъ „въ наклонности къ метафизическимъ выводамъ и въ недостаткѣ патріотизма" (стр. 174).

По количеству новыхъ свѣдѣній и по тѣсной связи изложенія судьбы тарифовъ съ культурными и политическими интересами страны, послѣднія 3 главы изслѣдованія г. Ладыженскаго привлекаютъ наибольшій интересъ читателя. Эту новую исторію нашего тарифа авторъ разбиваетъ по внутреннимъ признакамъ на періодъ съ 1793 по 1822 г., характеризуемый рѣзкими переходами отъ полнаго протекціонизма къ свободной торговлѣ (*Положеніе 1810 г.* и тарифъ 1819 г.), или отъ свободы обратно къ усиленному протекціонизму тарифа 1822 г. Слѣдующій періодъ съ 1822 по 1842 г. уже не представляетъ никакихъ крутыхъ измѣненій и вполнѣ отражаетъ на себѣ личность Императора Николая I и его консервативнаго министра Канкрина. Въ эту пору возникъ и обострился вопросъ о конкурренціи польской промышленности, противъ которой фабриканты имперіи (и съ ними кн. Горчаковъ, кн. Трубецкой и другіе представители знати) въ 1834 г. добились наложенія пошлины. Десятая глава книги посвящена исторіи и характеристикѣ таможенной политики со времени выхода въ отставку Канкрина до пересмотра тарифа въ 1857 г.,—періоду постепеннаго сокращенія охранительнаго начала. Въ высшей степени любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ по журналу комитета для общаго пересмотра тарифа (въ 1857 г.), о различныхъ желаніяхъ и мнѣніяхъ, выраженныхъ фабрикантами и частными лицами: интересы производителей уже сталкиваются другъ съ другомъ и въ большинствѣ случаевъ идутъ въ раз-

рѣзъ съ тѣмъ одушевленіемъ идеей свободной торговли, которое охватило въ 50-е годы почти все интеллигентное русское общество.

„Составители записокъ ходатайствовали, однако, уже не объ увеличеніи окладовъ, а о томъ, чтобы пошлины на производимыя ими издѣлія не подвергались существеннымъ измѣненіямъ, пошлины же на сырые и полуобработанные матеріалы, служащіе для ихъ мануфактуры, были уменьшены. Такъ, фабриканты металлическихъ издѣлій хлопотали о пониженіи пошлины на чугунъ и мѣдь, красильные—о болѣе умѣренномъ обложеніи красокъ и красильныхъ веществъ. Всего энергичнѣе хлопотали владѣльцы бумаго-ткацкихъ фабрикъ о пониженіи окладовъ на заграничную бумажную пряжу, которая, по ихъ заявленію, пользовалась слишкомъ высокою охраной, дозволявшею русскимъ бумаго-прядильнымъ фабрикантамъ держать на эту пряжу цѣны на пять рублей съ пуда выше нормальныхъ“ (стр. 263 и 264). Это мѣсто какъ нельзя болѣе рельефно выдвигаетъ тѣ затрудненія, которыя приходится преодолѣвать экономической политикѣ, стремящейся путемъ протекціонизма развивать и охранять народную промышленность. Помимо постояннаго антагонизма между потребителями и производителями, охранительная система ведетъ еще къ коллизіи интересовъ обрабатывающей промышленности, съ одной стороны, съ интересами производства полуфабрикатовъ—съ другой, какъ она обнаруживается особенно ярко въ приведенномъ ходатайствѣ бумаго-ткацкихъ фабрикантовъ. Въ книгѣ г. Ладыженскаго приведенъ одинъ любопытный фактъ, относящійся къ сороковымъ годамъ, изъ котораго можно видѣть, что уже тогда нѣкоторые выдающіеся люди торговли ставили въ связь съ протекціонизмомъ и развитіе нашего экспорта. Рѣчь идетъ о запискѣ купца Попова по поводу упадка вывозной торговли Россіи,—записки, вызвавшей такой интересъ въ правительственныхъ сферахъ, что Императоръ Николай Павловичъ назначилъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Орлова, для разсмотрѣнія вопросовъ, возбужденныхъ Поповымъ. Указавъ на Соединенные Штаты и Австралію, какъ на будущихъ опасныхъ конкуррентовъ Россіи въ экспортѣ земледѣльческихъ продуктовъ, грозящихъ совершенно подорвать нашу отпускную торговлю и земледѣльческую производительность, Поповъ, въ числѣ цѣлаго ряда мѣропріятій къ улучшенію условій нашей внѣшней торговли, указываетъ и на пересмотръ тарифа привозныхъ пошлинъ. Въ запискѣ по этому поводу сказано: „запретительность привознаго тарифа, по убѣжденію негоціантовъ, *нарушая соразмѣрность привоза и отпуска*, отвлекаетъ иностранцевъ отъ запроса нашихъ товаровъ, а съ другой стороны, заставляя суда идти за нашими продуктами съ балластомъ, усиливаетъ расходъ ихъ на фрахтъ и симъ возвышаетъ цѣнность русскихъ отпускныхъ произведеній“. Мнѣнія, высказанныя въ комитетѣ, обсуждавшемъ записку Попова, въ отрывкахъ приведены въ разсматриваемой книгѣ и чрезвычайно цѣнны для характеристики экономическихъ идей сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, министръ финансовъ Вронченко, защищая противъ мнѣнія Попова протекціонную политику графа Канкрина, приводитъ уже въ подрѣпленіе своихъ доводовъ обширныя выписки изъ сочиненія Фридриха Листа *Das nationale System der politischen Oekonomie*. Напротивъ, графъ Орловъ защищаетъ систему бо̀льшей свободы и вноситъ въ комитетъ переводъ статьи изъ *Morning Chronicle*, доказывавшей рядомъ цифръ, что сильное пониженіе пошлинъ въ Англіи вызвало сильное увеличеніе ввоза и потребле-

нія и повело не къ уменьшенію таможеннаго дохода,— чего опасался нашъ министръ финансовъ, — а къ его увеличенію (стр. 229, 231 и слѣд.). Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ даетъ обзоръ измѣненій пошлинъ по главнѣйшимъ статьямъ ввоза и таблицы привоза и внутренняго производства съ 1824 по 1874 годъ. Хотя эти данныя, по собственному признанію автора, имѣютъ очень условное значеніе, они во всякомъ случаѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе о развитіи производства и потребленія въ нашемъ столѣтіи и, вмѣстѣ съ многочисленными новыми свѣдѣніями и архивнымъ матеріаломъ, собранными въ текстѣ и въ приложеніяхъ къ разсматриваемой книгѣ, они значительно облегчаютъ трудъ будущихъ историковъ нашего таможеннаго тарифа.

Въ трудѣ г. Ладыженскаго встрѣчаются нѣкоторыя мысли и выраженія, съ которыми мы не всегда можемъ согласиться. Такъ, напримѣръ, нельзя назвать удачной характеристику системы Кольбера, какъ „одного изъ видовъ меркантилизма, который господствовалъ тогда почти во всѣхъ государствахъ Европы“ (стр. 50). Точно также мы думаемъ, что система Кольбера не „нѣсколько была доведена до крайности при его преемникахъ“, а была искажена и утратила духъ ея великаго творца въ послѣдніе годы Людовика XIV, когда государственный контроль надъ промышленностью обратился въ систему эксплуатаціи промышленности и народа. Страннымъ кажется намъ также замѣчаніе въ предисловіи къ книгѣ, что авторъ ея старался держаться *объективно-историческаго метода*. Объективное отношеніе къ изслѣдуемымъ явленіямъ, можетъ быть, очень почтенная черта, но во всякомъ случаѣ она не составляетъ спеціальной особенности историческаго метода, и послѣдователю исторической школы такъ же легко случается впадать въ субъективизмъ, смѣшавъ задачи экономическаго анализа съ соціально-политическими стремленіями данной эпохи, какъ послѣдователю абстрактнаго метода, дедуцирующему изъ предвзятой посылки.

Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы добросовѣстный трудъ г. Ладыженскаго дѣйствительно послужилъ, какъ надѣется авторъ, прецедентомъ для дальнѣйшихъ розысканій въ области, составляющей не только весьма важное, но и весьма больное мѣсто нашей народной экономіи. Остается еще достаточно работы для выясненія вопроса, подъ воздѣйствіемъ какихъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ слагалась наша таможенная политика, остается указать вліяніе протекціонизма на внутреннюю промышленность, а, главное, совершенно не затронута та сторона, которая такъ прекрасно выражена Лексисомъ въ его статьѣ о торговлѣ: „При настоящихъ условіяхъ, мѣры въ защиту внутренней промышленности, прежде всего, нуждаются въ доказательствѣ, что они ведутъ къ поднятію благосостоянія трудовой массы, составляющей преобладающее большинство народа“.

Хлѣбная промышленность въ юго-восточной Россіи и основанія проекта хлѣбной торговли въ связи съ возстановленіемъ русской валюты *(анонимно)*. Genève, 1886. Въ нашемъ народномъ хозяйствѣ хлѣбная промышленность занимаетъ такую видную роль, что всякое толковое изслѣдованіе причинъ упадка ея или переживаемаго ею кризиса уже само по себѣ заслуживаетъ вниманія общества. Книжка анонимнаго автора, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою любопытное явленіе и по другой причинѣ: она—продуктъ „пятидесятилѣтняго практическаго опыта, пріобрѣтеннаго авторомъ въ

его дѣятельности въ качествѣ хлѣбнаго экспортера" (стр. 8). На Западѣ къ такимъ произведеніямъ людей практики уже привыкли, у насъ же они составляютъ большую рѣдкость, такъ какъ „у большой части нашихъ торговцевъ", по справедливому замѣчанію автора разсматриваемаго труда, „нѣтъ даже самаго элементарнаго коммерческаго образованія, а многіе не умѣютъ даже сдѣлать простой переводъ на заграничный курсъ" (стр. 16). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ распространяется объ условіяхъ производства хлѣба, о доставкѣ его къ портамъ и объ условіяхъ его продажи. Авторъ особенно настаиваетъ на томъ, что условія *доставки* хлѣба къ портамъ несравненно болѣе печальны, чѣмъ на Западѣ: тогда какъ въ Америкѣ хлѣбъ „почти съ самыхъ полей до мѣста нагрузки перевозится механическими способами, у насъ приходится отправлять хлѣбъ на подводахъ до ближайшей станціи желѣзной дороги, отстоящей иногда на 150 верстъ. *Желѣзнодорожные тарифы* непомѣрно высоки и устанавливаются компаніями совершенно произвольно. Наши юго-восточные порты вывозятъ только незначительное количество хлѣба изъ своего района, остальное же, благодаря искуственной разницѣ тарифовъ и сдѣлкамъ между обществами желѣзныхъ дорогъ, „направляется на Кенигсбергъ, Либаву и т. д., доставляя барыши желѣзно-дорожнымъ спекулянтамъ и лишая заработковъ мѣстное рабочее и промышленное населеніе" (стр. 15). Въ числѣ причинъ огромнаго количества лишнихъ издержекъ при перевозкѣ продуктовъ земледѣлія, авторъ указываетъ также на ошибки въ *направленіи* желѣзныхъ дорогъ, приведшія за собою такія ненормальныя явленія, какъ оставленіе въ сторонѣ центровъ хлѣбной торговли—Бахмута, Изюма, Ставрополя и др. *Продажа хлѣба* производителями оказывается не болѣе организованною, какъ его производство и доставка къ портамъ. Несмотря на то, что одни азовскіе порты отправили въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ около 49 милл. четвертей, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ до сихъ поръ ни биржи, ни хлѣбнаго рынка (corn-market), гдѣ бы цѣны устанавливались и дѣлались извѣстными потребителямъ. Всѣ сдѣлки заключаются до сихъ поръ частнымъ образомъ при посредствѣ маклеровъ и коммиссіонеровъ, которые берутъ за свой трудъ очень высокіе проценты, ложащіеся тяжелымъ бременемъ на стоимость хлѣба. Переходя затѣмъ къ *цѣнамъ* на хлѣбъ, авторъ весьма разумно указываетъ на то, что замѣчающееся въ торговлѣ постоянное пониженіе этихъ цѣнъ на рынкахъ потребленія не представляетъ собою дѣйствительнаго кризиса по отношенію къ странамъ вывоза, въ томъ числѣ и Россіи. Это пониженіе есть ничто иное, какъ совершенно естественный и неизбѣжный результатъ уменьшенія стоимости перевозки, какъ морской, такъ и сухопутной, и сокращенія расходовъ при всевозможныхъ операціяхъ, начиная отъ сбора хлѣба и кончая поступленіемъ его въ потребленіе. Это заключеніе основывается на сравненіи условій нашего сбыта теперь съ условіями, существовавшими 25 лѣтъ тому назадъ. Мы не можемъ войти въ подробную оцѣнку фактическихъ данныхъ, отмѣтимъ только поразительное уменьшеніе морскихъ фрахтовъ: въ 1860 году средній фрахтъ парусныхъ судовъ изъ Азовскаго моря до Англіи былъ 65 шиллинговъ за тонну, тогда какъ въ 1884 г. средній фрахтъ пароходовъ на томъ же разстояніи былъ 25 шиллинговъ за тонну, а въ 1886 г.,—прибавимъ отъ себя,—фрахтъ упалъ до 16—18 шиллинговъ. По вычисленію автора, правильное устройство перевозочныхъ средствъ, постройка элеваторовъ

и болѣе раціональный способъ хлѣбной торговли могли бы сохранить на каждой четверти хлѣба, отправляемой за границу, около 1 руб. 90 коп. При такихъ сокращеніяхъ накладныхъ и прочихъ расходовъ конкурренція Америки и Индіи потеряетъ для насъ свой угрожающій характеръ.

Въ числѣ многочисленныхъ замѣчаній, разбросанныхъ по всей книгѣ, не можемъ не отмѣтить замѣчанія о значеніи колебаній вексельнаго курса и бумажныхъ денегъ для всего экспорта страны. По мнѣнію автора, „они представляютъ одну изъ главныхъ трудностей, противъ которыхъ торговлѣ пришлось бороться, и одну изъ самыхъ серьезныхъ причинъ разстройства экономическаго равновѣсія“ (стр. 38). Они вносятъ духъ спекуляціи и ажіотажа и мѣшаютъ экспортеру „сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть въ вѣкъ пара и электричества: простымъ посредникомъ между производителями въ одной странѣ и потребителя въ другой“ (стр. 22). Но когда авторъ замѣчаетъ, что именно въ вывозной торговлѣ и слѣдуетъ искать средство для повышенія и поддержки стоимости бумажныхъ денегъ, онъ этимъ замѣчаніемъ уже выходитъ изъ круга своей компетентности. Онъ совершенно оставляетъ знакомую ему почву хлѣбнаго экспорта и впадаетъ въ фантазированіе, столь свойственное практикамъ, начинающимъ разсуждать о сложныхъ экономическихъ проблемахъ, когда въ концѣ своей книжки выступаетъ съ проектомъ возстановленія нашего курса путемъ образованія общества для скупки и вывоза за границу русскихъ земледѣльческихъ продуктовъ, имѣющаго реализировать вывозимые продукты въ золото. Несмотря на подобные промахи, книжка анонимнаго автора будетъ прочитана съ несомнѣнною пользой всѣми интересующимися вопросомъ о хлѣбной промышленности.

Die Arbeiterfrage. Ein sociales Programm von Wielhelm Oechelhauser. Berlin, 1886. Авторъ въ самомъ началѣ заявляетъ, что онъ не выдвигаетъ въ своемъ трудѣ новыхъ общественныхъ проблемъ. Задача его ограничивается обсужденіемъ и систематизированіемъ тѣхъ отдѣльныхъ и спеціальныхъ мѣръ, которыя въ совокупности могутъ способствовать разрѣшенію современныхъ экономическихъ и общественныхъ неурядицъ. Соціальное развитіе заключается, по его мнѣнію, не въ новой организаціи системы производства и распредѣленія, а въ постепенномъ измѣненіи относительныхъ долей капитала и труда. „Если мы вспомнимъ, что въ послѣднія 40 лѣтъ заработная плата увеличилась по меньшей мѣрѣ вдвое, тогда какъ доходы съ капитала сократились на 25%, то будетъ очевидно, что поступательное движеніе общества по элементарной необходимости совпадаетъ и съ улучшеніемъ положенія рабочаго“ (стр. 11). Нужда существуетъ лишь въ томъ случаѣ, если ее начинаютъ сознавать. Наше время тѣмъ и сильно, что, благодаря политической свободѣ, благодаря уравненію гражданскихъ правъ всѣхъ сословій, трудовая масса впервые сознала свои лишенія и получила возможность громко о нихъ заявлять. Признавая правомѣрность такихъ послѣдствій свободы слова и участія народа въ управленіи, Эхельгайзеръ считаетъ, однако, что соціалъ-демократія злоупотребляетъ свободой для возбужденія ненависти между сословіями и возбужденія въ рабочемъ классѣ неосуществимыхъ надеждъ. Критика соціализма, которой посвящена первая, меньшая, половина книги, составляетъ сравнительно самую слабую ея сторону. Авторъ рѣдко удерживается тутъ на высотѣ безпристрастнаго обсужденія двухъ враждеб-

ныхъ міровыхъ принциповъ, какъ индивидуализмъ и коллективизмъ, и вмѣсто того, чтобы развить основное свое положеніе, по которому значеніе нашего вѣка состоитъ въ осуществленіи права свободной личности, а не въ поглощеніи ея обществомъ, онъ впадаетъ въ рядъ мелкихъ, партіозныхъ или совершенно ложныхъ возраженій и обвиненій. Укажемъ только на такія мѣста, какъ объясненіе существующаго неравенства исключительно неравенствомъ въ способностяхъ и усердіи, или оправдываніе богатства, пріобрѣтеннаго спекуляціей, биржевою игрой. Вторая половина книжки содержитъ рядъ очень дѣльныхъ мыслей; изъ-за нихъ-то на книгу Эхельгайзера и обратили большое вниманіе въ Германіи. Она распадается на 5 главъ, изъ которыхъ одна трактуетъ о задачахъ государства по отношенію къ рабочимъ, а остальныя посвящены обсужденію обязанностей общины, общества, предпринимателей и рабочихъ.

Авторъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ законодательству о страхованіи рабочихъ и напоминаетъ о необходимости его дальнѣйшаго развитія, путемъ созданія пенсіонныхъ кассъ для престарѣлыхъ рабочихъ. Будучи самъ крупнымъ предпринимателемъ, онъ выступаетъ, тѣмъ не менѣе, съ проектомъ обезпеченія неспособныхъ къ труду работниковъ, обременяющимъ нѣмецкихъ промышленниковъ налогомъ въ слишкомъ 50 милл. марокъ въ годъ. Въ вопросахъ фабричнаго законодательства онъ стоитъ за удаленіе дѣтей изъ фабрикъ и за введеніе нормальнаго рабочаго дня въ $10^1/_2$ часовъ. Можно не согласиться съ размѣрами этого дня, но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія тотъ одинъ фактъ, что промышленникъ не останавливается передъ законодательнымъ регулированіемъ рабочаго времени взрослыхъ людей, не видя въ этомъ нарушенія свободы, ограниченія самодѣятельности. Разумное пониманіе интересовъ промышленности подсказываетъ нашему автору, что сокращеніе времени работы поведетъ къ увеличенію интензивности труда, что предприниматель въ этомъ отношеніи ничѣмъ не жертвуетъ, уступая требованіямъ рабочаго сословія, и только выгадываетъ на сбереженіи машинъ, топлива, освѣщенія и т. п. (стр. 87). Изъ отдѣла финансоваго законодательства заслуживаютъ вниманія: требованіе полнаго освобожденія рабочаго дохода отъ подоходнаго налога, защита налога на водку и критика косвенныхъ налоговъ на предметы народнаго потребленія. Относительно запретительныхъ пошлинъ на хлѣбъ, введенныхъ теперь въ Германіи, Эхельгайзеръ замѣчаетъ, что онѣ никоимъ образомъ не должны имѣть мѣста въ соціальной и финансовой программѣ, составленной въ народныхъ интересахъ. Усиленное обложеніе напитковъ онъ оправдываетъ „этическими моментами, необходимостью облегчить непосильное для многихъ общинъ бремя школьныхъ налоговъ и денежными жертвами, вызываемыми законами объ обезпеченіи неимущихъ“ (стр. 66).

Лучшія страницы въ книгѣ заключаются въ главѣ, посвященной обязанностямъ предпринимателей передъ рабочими. Мѣстами онѣ принимаютъ характеръ проповѣди человѣка, проникнутаго желаніемъ сохранить существующія основанія экономическаго строя, но понимающаго, въ то же время, что безъ широкихъ уступокъ невозможно самое существованіе индивидуализма. Онъ убѣждаетъ предпринимателей оставить устарѣлый взглядъ на рабочаго, какъ на трудовую машину, не возмущаться такими вполнѣ правильными поступками своихъ рабочихъ, какъ сплоченіе въ союзы или стачки съ цѣлью повышенія заработной

платы. Фабриканты должны всегда сознавать свою обязанность передъ рабочимъ, вытекающую изъ полученія дохода и богатства отъ той самой трудовой массы, которая сама пользуется скуднымъ заработкомъ и не въ состояніи ничего отложить на случай болѣзни, несчастія или старости (стр. 88). Такія книги, какъ книга Эхельгайзера, показываютъ, что въ сознаніе средняго интеллигентнаго человѣка въ Германіи уже проникла необходимость въ коренныхъ уступкахъ требованіямъ коллективизма, ради сохраненія основныхъ положеній современной культуры. И ближайшимъ выраженіемъ такого сознанія является расширеніе соціальныхъ обязанностей государства и общества, переходъ въ руки законодательства, въ сферу принудительную, такихъ задачъ, которыя прежде составляли дѣло доброй воли и малосердія.

Юридическія книги.

„Современный обычай и древній законъ“ *М. М. Ковалевскаго.*—„Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ“. *Л. Владимірова.*

Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Максима Ковалевскаго. 2 тома. Москва, 1886 г. Задачей новаго труда проф. Ковалевскаго является, говоря его словами: „освѣщеніе юридическаго быта народовъ арійской крови тѣмъ свѣтомъ, какой проливаютъ на нихъ осетинскіе обычаи“ (стр. 11). Мысль сблизить древніе законы грековъ и римлянъ, кельтовъ и индусовъ, германцевъ и славянъ съ современными обычаями кавказскаго народа съ цѣлью не только объяснить эти послѣдніе, но и „освѣтить“ ими древнее право аріевъ, очень смѣла и можетъ легко вызвать скептическое отношеніе къ новымъ книгамъ, несмотря на авторитетъ ихъ автора. Этотъ скептицизмъ, однако, въ значительной мѣрѣ разсѣется послѣ прочтенія книгъ.

Передъ нами народные обычаи, дѣйствительно сохранившіе много архаическихъ чертъ, прямо переносящихъ насъ въ древность. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь религіозныя понятія и цѣлый рядъ обусловленныхъ этими понятіями учрежденій. Культъ домашняго очага и связанный съ нимъ культъ предковъ,—вотъ двѣ основы этихъ понятій, общихъ въ этомъ отношеніи древнимъ грекамъ, римлянамъ и индусамъ, а отсюда и цѣлый рядъ общихъ тѣмъ и другимъ учрежденій. Культъ предковъ вызываетъ необходимость заботиться о продолженіи рода и умилостивленіи домашнихъ боговъ всякими приношеніями и поминками. Отсюда левиратъ и передача бездѣтной жены въ сожительство съ постороннимъ мужчиной для полученія дѣтей—въ области семейнаго права; отсюда неотчуждаемость самаго очага—котла и цѣпи, на которой онъ виситъ, и права домовладыки (хицау) на свободное распоряженіе семейнымъ имуществомъ для производства поминокъ по душамъ умершихъ предковъ—въ области имущественнаго и обязательственнаго права; отсюда и исключеніе женщинъ изъ наслѣдства; отсюда же, наконецъ, санкція господствовавшей до послѣдняго времени у осетинъ мести родственниковъ за нанесенныя кому-нибудь изъ нихъ обиды. Рядомъ съ культомъ предковъ и домашняго очага мы встрѣчаемъ у осетинъ остатки господства родоваго быта и связанное съ такимъ бытомъ отсутствіе государственной организаціи. Отсюда снова вытекаетъ рядъ учрежденій, считающихся архаическими: родовое владѣніе землею,

нѣкоторые остатки котораго существуютъ и теперь, участіе родственниковъ при совершеніи многихъ юридическихъ сдѣлокъ, особое воззрѣніе на преступленіе, какъ на частное дѣло поссорившихся лицъ, а отсюда—господство мести въ ея различныхъ формахъ или система денежныхъ взысканій, какъ наказанія за обиды, и единственная возможная при такихъ условіяхъ форма суда—судъ третейскій. Читатель видитъ, что все это явленія, составляющія характеристическія черты быта и древнихъ римлянъ, и древнихъ кельтовъ, и древнихъ славянъ и германцевъ, — черты, сохранившіяся въ памятникахъ въ отрывочномъ видѣ и только съ затратой большихъ усилій ума и воображенія ряда ученыхъ являющіяся для насъ въ цѣльномъ представленіи. Встрѣтить эти черты отчасти сохранившимися, а отчасти только недавно исчезнувшими изъ быта у живаго народа и видѣть, слѣдовательно, древнее право въ его живомъ дѣйствіи—большая находка для науки. Твердо установленные научные взгляды на древность получаютъ наглядное подтвержденіе—удача, которая рѣдко выпадаетъ на долю историковъ, а нѣкоторые спорные вопросы получаютъ вѣрное объясненіе. Съ этой точки зрѣнія изучаетъ г. Ковалевскій осетинское право, предлагая читателю результаты современныхъ научныхъ изслѣдованій въ области древняго права и показывая, что могутъ внести факты осетинской дѣйствительности въ оцѣнку этихъ результатовъ.

Осетинское право, впрочемъ, представляется не одинаково богатымъ по отношенію къ разнымъ отдѣламъ права. Наиболѣе богатымъ представляется оно по отношенію къ уголовному праву и процессу; сюда относится, поэтому, и бо́льшая часть новыхъ и любопытныхъ взглядовъ г. Ковалевскаго (т. 2-й). Давая подтвержденіе высказаннымъ въ литературѣ догадкамъ о первоначальной безграничности мести, осетинское право даетъ возможность наблюдать и постепенный ходъ ея ограниченія и представляетъ факты, которые позволяютъ автору объяснить происхожденіе системы выкуповъ, какъ развитія одного изъ видовъ мести—захвата имущества, и опредѣлить какъ степень участія родственниковъ, близкихъ и отдаленныхъ, въ мести и выкупѣ, такъ и положеніе безродныхъ въ древнемъ обществѣ. Здѣсь же находится рядъ фактовъ, которые, по мнѣнію профессора, подтверждаютъ взглядъ, высказываемый относительно древнихъ идей о преступленіи,—взглядъ, согласно которому преступленіе въ древнемъ правѣ—только причиненіе матеріальнаго вреда, оплачиваемое безъ обращенія вниманія на степень виновности преступника (какъ, впрочемъ, кажется, что приводимые здѣсь г. Ковалевскимъ факты больше подтверждаютъ нѣсколько отличный отъ его взглядъ американскаго писателя Гольмса, которымъ пользуется и авторъ). Къ числу оригинальныхъ взглядовъ, высказываемыхъ авторомъ въ этомъ отдѣлѣ, принадлежитъ и тотъ, что преступленія, совершонныя внутри родоваго союза его членами, остаются безнаказанными, за отсутствіемъ мстителей,—взглядъ, обильный послѣдствіями для многихъ отдѣловъ права и, между прочимъ, объясняющій происхожденіе знаменитаго jus vitae ve necis римскаго paterfamilias (стр. 291 и 292 перваго тома). Обзоръ отдѣльныхъ видовъ преступленій и наказаній даетъ возможность автору высказать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Въ области процесса осетинское право, какъ уже было упомянуто, представляетъ господство третейскаго суда и формъ, связанныхъ съ такимъ видомъ процесса. Показавъ въ интересномъ сравнительномъ очеркѣ повсемѣстное рас-

пространеніе этой формы на первыхъ шагахъ развитія права, проф. Ковалевскій даетъ здѣсь описаніе хода осетинскаго процесса, съ одной стороны, возстановляющаго намъ ту картину третейскаго суда, которая, напр., установлена теперь относительно древняго германскаго процесса, а съ другой—представляющаго рядъ любопытныхъ частныхъ фактовъ, касающихся отдѣльныхъ подробностей (эти послѣднія, впрочемъ, хранятся только въ воспоминаніи осетинъ). Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отдѣлѣ очеркъ системы судебныхъ доказательствъ,—не по общему выводу, впрочемъ, который дѣлаетъ авторъ (о томъ, что „ордаліи встрѣчаются у арійцевъ до разселенія ихъ по Азіи и Европѣ“ и что „замѣна одной системы доказательствъ другою была дѣломъ не десятковъ, а сотенъ и тысячъ лѣтъ“ (стр. 331, втораго тома), а по тому очерку историческаго хода развитія доказательствъ, который представляется здѣсь авторомъ, и остроумному объясненію происхожденія судебнаго поединка, ордалій, соприсяжничества и свидѣтельскихъ показаній.

Значительно меньше по качеству (мы разумѣемъ подъ этимъ значеніе осетинскихъ обычаевъ для освѣщенія положеній древняго права) результаты, достигнутые г. Ковалевскимъ при изслѣдованіи частнаго права осетинъ, въ особенности имущественнаго и обязательственнаго. Пройдя эпоху феодализма, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ это авторъ, осетины не сохранили въ чистотѣ старыхъ родовыхъ или общинныхъ порядковъ владѣнія землею; большинство современныхъ ауловъ въ Осетіи, по словамъ г. Ковалевскаго, принадлежатъ уже къ тому типу, въ которомъ земля раздѣлена подворно между малыми семьями (стр. 70), такъ что осетины не знаютъ въ настоящее время иного способа пріобрѣтенія земли, кромѣ ея покупки (стр. 136), и это стремленіе къ индивидуализаціи земли все больше усиливается (стр. 157). Если и существуютъ нѣкоторые остатки родоваго владѣнія, то они не настолько характерны, чтобы внести какой-нибудь свѣтъ въ исторію раннихъ поземельныхъ отношеній. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, г. Ковалевскому не удается найти у осетинъ *ни одного* факта, подтверждающаго его взгляды на различные вопросы имущественнаго права. Происхожденіе Flurzwang'a изъ первоначальной будто бы совмѣстной обработки полей всею общиной основывается у него только на одномъ фактѣ — производствѣ оранки въ Осетіи тяжелыми плугами съ многоголовою упряжью, волы для которой ссужаются во время пахоты членами общины взаимно другъ другу. Но эта оранка такое же позднее явленіе, какъ и сами плуги. Рѣшительно не удается г. Ковалевскову доказать также—и уже не только на основаніи осетинскаго, но и германскаго права—то, что запашка и приложеніе труда не были источниками частной собственности: факты, изложенные на стр. 134, опровергаются самимъ авторомъ на стр. 155, а въ изложенныхъ на стр. 135 — 138 можно найти данныя и для опроверженія автора. Не удается также доказать, что осетинское право не знаетъ различія собственности отъ владѣнія, въ отличіе будто бы отъ ранняго германскаго права; одинъ изъ фактовъ, приведенныхъ для доказательства этого на стр. 139, говоритъ о неизвѣстности осетинамъ залога въ нашей формѣ, а не собственности, другой—доказываетъ прямо противное положеніе и, притомъ, именно въ отличіе отъ германскаго права, гдѣ пользователь имѣлъ искъ и отвѣчалъ по иску вмѣсто собственника. А это все главные факты, на ко-

торыхъ основываются разсужденія профессора въ этомъ отдѣлѣ. Въ очеркѣ обязательственнаго права, очень интереснымъ по новизнѣ нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ и ихъ остроумному освѣщенію (безсрочность ссуды, происхожденіе процентовъ изъ приплода скота и нѣкоторыхъ договоровъ), профессору Ковалевскому хотя удается констатировать фактъ согласія членовъ семьи (взрослыхъ сыновей) на совершеніе договора отцомъ, но не удается *фактически* установить того же по отношенію къ другимъ раннимъ правамъ—ни къ ирландскому, ни къ какому-либо другому, такъ что остается неизвѣстнымъ, архаичное ли это явленіе, или нѣтъ. Мы говоримъ не удается потому, что запрещеніе *даренія* еще не значитъ запрещеніе всякаго договора (148 стр.), а только безвозмезднаго, и потому, что тѣ мѣста ирландскихъ законовъ, на которыя ссылается авторъ (148 и 178—9 стр.), говорятъ въ подлинникѣ только о необходимости согласія *отца* на договоръ сына, а не наоборотъ. Фактъ согласія семьи на заключеніе договоровъ домовладыкой, поэтому, остается и до сихъ поръ какъ у г. Ковалевскаго, такъ и въ новыхъ трудахъ Гейслера и Віоле, которые стараются доказать то же, только логическимъ выводомъ. Благодаря недоказанности этого положенія, остается недоказаннымъ и другое, не менѣе важное, о томъ, что лица, участіе которыхъ законъ считаетъ необходимымъ при совершеніи сдѣлки,—члены семьи, а не члены общины (стр. 159—169, сравн. также стр. 178 и примѣчаніе къ ней). Въ отдѣлѣ договора есть еще одинъ фактъ, который свидѣтельствуетъ о сравнительно поздней ступени развитія осетинскаго договорнаго права,—отсутствіе формализма или довольно поздняя его формы у осетинъ. Вопреки профессору Ковалевскому, можно утверждать, что результатъ изслѣдованій въ исторіи формализма приводитъ къ тому, что формализмъ—раннее явленіе, и его отсутствіе у осетинъ доказываетъ только позднюю эпоху развитія ихъ права, сходную съ той, которая встрѣчается въ обычномъ правѣ нашихъ крестьянъ. Нѣкоторые остатки этого ранняго формализма встрѣчаются, впрочемъ, и у осетинъ, но профессоръ Ковалевскій не обратилъ на нихъ вниманія подъ вліяніемъ той мысли, которую онъ старается доказать здѣсь.

Упоминая объ этихъ недосмотрахъ автора, мы хотимъ указать на нѣкоторую необработанность этихъ двухъ частей книги, довольно замѣтную при чтеніи въ ущербъ значенію этого важнаго труда. Въ слѣдующихъ частяхъ, посвященныхъ семейному и наслѣдственному праву, можно отмѣтить снова рядъ архаическихъ чертъ, очень удачно освѣщенныхъ почтеннымъ профессоромъ: левиратъ, нѣкоторые остатки материнства, обычай ссуды женъ, майоратъ, миноратъ и преимущество средняго брата и рядъ другихъ. Но въ общемъ, намъ кажется, и здѣсь осетинское право уходитъ дальше, чѣмъ думаетъ это г. Ковалевскій, впередъ отъ того, какое находится, наприм., въ древнихъ германскихъ правдахъ (особенности наслѣдственнаго права). Мы думаемъ также, что выводъ о томъ, что ссуда женъ есть явленіе, извѣстное арійцамъ во время ихъ совмѣстной жизни, построенный только на сходствѣ этого обычая съ ирландскимъ, довольно поспѣшенъ, также какъ и взглядъ на экзогамію (стр. 291), а интересный обычай отдачи на воспитаніе дѣтей, прежде чѣмъ быть сопоставленнымъ съ обычаями Маори въ Полинезіи, долженъ быть сопоставленъ съ ирландскимъ обычаемъ отдачи на воспитаніе („Caiп Yarrath“) и такимъ же обычаемъ у германцевъ, подмѣченнымъ профессоромъ Зомомъ, но не нашедшимъ себѣ еще достаточнаго освѣщенія.

Дѣлая эти замѣчанія, мы можемъ добавить къ нимъ, что трудъ г. Ковалевскаго займетъ видное мѣсто въ области историко-юридическихъ изслѣдованій.

Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Л. Владимірова. (Часть особенная). Профессоръ Владиміровъ подробно разбираетъ въ этой книгѣ вопросъ о положеніи экспертовъ на судѣ; по его мнѣнію, обоснованному съ достаточною убѣдительностью, эксперты, основывающіе свои заключенія на какой-либо наукѣ, суть научные судьи, приговоръ которыхъ является рѣшеніемъ спеціальнаго вопроса въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, роль экспертовъ, по теоріи г. Владимірова, имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ роль свидѣтелей; ихъ положеніе на судѣ имѣетъ сходство съ положеніемъ присяжныхъ засѣдателей. Эксперты не истолкователи только какого-либо термина или факта (какъ справочные свидѣтели), а ученое жюри: ихъ показаніе имѣетъ значеніе приговора по данному факту. Присяжные и самъ судъ не имѣютъ возможности критиковать и обсуждать рѣшеніе эксперта: они подчиняются его научному авторитету. При такомъ важномъ значеніи экспертовъ является необходимымъ предоставить имъ въ судебномъ слѣдствіи всѣ тѣ права, какія даны присяжнымъ засѣдателямъ; эти права, хотя и предоставляются имъ въ большинствѣ случаевъ на практикѣ, не получили еще достаточной законодательной санкціи. Далѣе г. Владиміровъ настаиваетъ на необходимости принципа состязательности экспертовъ не только на судебномъ слѣдствіи, но и на предварительномъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи французскій законопроектъ составленія апелляціонными судами списка экспертовъ, изъ котораго подсудимый имѣетъ право выбирать одно лицо, получающее значительныя права на предварительномъ слѣдствіи. При состязаніи экспертовъ судебнаго слѣдователя съ экспертомъ подсудимаго, экспертиза получаетъ возможность быть болѣе многостороннею и полною. Составленіе же предварительнаго списка судами гарантируетъ добросовѣстное и строго-научное веденіе экспертизы.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Записки ташкентской астрономической и физической обсерваторіи“.—„Новое объясненіе грозы, всѣхъ трехъ родовъ молніи и огней св. Эльма“. *З. А. Ляцкаго.*—„О происхожденіи химическихъ элементовъ“. *В. Крукса.*—„Алхимія и современная наука“. *И. И. Канонникова.*—„Иллюстрированная жизнь животныхъ“. *А. Брэма.*

Записки ташкентской астрономической и физической обсерваторіи. Выпускъ первый. Съ 14-ю таблицами. Москва, 1885 г. Многіе изъ читателей, можетъ быть, и не подозрѣваютъ, что на далекой окраинѣ, въ Ташкентѣ, существуетъ обсерваторія, а, между тѣмъ, она есть, дѣйствуетъ и даже издаетъ свои труды. Недавно вышелъ въ свѣтъ изящно напечатанный первый выпускъ, полное заглавіе котораго выписано выше.

Первая мысль объ учрежденіи физической обсерваторіи въ Ташкентѣ и ряда метеорологическихъ станцій въ другихъ мѣстахъ края принадлежитъ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, назначенному въ 1867 году на должность туркестанскаго генералъ-губернатора. Вскорѣ обнаружилась необходимость рядомъ съ физическою учредить и астрономическую обсерваторію, какъ центръ тригонометрическихъ работъ, слу-

жащихъ матеріаломъ для картографіи Средней Азіи. Прежде всего, постепенно, стали открываться метеорологическія станціи и къ концу 1872 г. въ Туркестанѣ ихъ дѣйствовало уже 9.

Приближаясь къ осуществленію, первоначальный планъ измѣнялся; стало очевиднымъ, что удобнѣе всего было бы слить обѣ обсерваторіи въ одну. По причинѣ коканскаго похода и другихъ затрудненій дѣло остановилось, и только во 1878 г. были утверждены временное положеніе и штатъ обсерваторіи, а въ 1879 г. утвержденъ проектъ учрежденія двадцати шести метеорологическихъ станцій. Въ 1884 г. окончены зданія и инструменты поставлены. Эти инструменты были заказаны за границей у лучшихъ мастеровъ. Обсерваторія имѣетъ: шести-дюймовый мюнхенскій рефракторъ Мерца съ часовымъ механизмомъ, меридіанный кругъ знаменитыхъ Репсольдовъ, часы Ховю (Hodwü), рядъ хронометровъ и переносныхъ инструментовъ, затѣмъ, хорошую коллекцію магнитныхъ и метеорологическихъ инструментовъ.

На устройство обсерваторіи и станцій израсходовано всего около 78,000 руб. Общая сумма, отпускаемая въ настоящее время на содержаніе обсерваторіи и станцій, простирается до 10,880 руб. 84¼ коп. въ годъ.

Обсерваторія обязана: опредѣлять географическое положеніе пунктовъ въ краѣ, повѣрять инструменты, подготовлять чиновъ топографическаго отдѣла къ производству работъ, дѣлать метеорологическія и магнитныя наблюденія, слѣдить за современнымъ состояніемъ науки и т. д. Труды свои обсерваторія печатаетъ въ *Запискахъ Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба* и, сверхъ того, съ разрѣшенія командующаго войсками, отдѣльными изданіями. Персоналъ обсерваторіи состоитъ изъ завѣдующаго или, какъ обще-принято называть, директора, изъ помощника по астрономической, помощника по метеорологической части и смотрителя.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ: 1) *Историческій очеркъ*, 2) *Описаніе обсерваторіи* и 3) *Описаніе инструментовъ*. На приложенныхъ таблицахъ изображены планъ мѣстности, фасады, планы и разрѣзы зданій и инструменты.

Новое объясненіе грозы, всѣхъ трехъ родовъ молніи и огней св. Эльма. З. А. Ляцкаго. Поневѣжъ, 1885 г. Это „сочиненіе“ въ 88 страницъ стоитъ одинъ рубль, начинается плохими стихами и кончается страннымъ чертежемъ; на 8 стр., какъ авторитетъ въ дѣлѣ метеорологическихъ теорій, показанъ *Правительственный Вѣстникъ*, а на 14 стр. авторъ обѣщаетъ,—что хуже всего,—объяснить очень многое, до сихъ поръ необъясненное, и градъ, и шаровую молнію и т. д. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ любителемъ. Это именно и побуждаетъ насъ посвятить нѣсколько строкъ его „сочиненію“.

Человѣкъ, сидящій въ провинціи, свободный, ни къ чему не обязанный, занимающійся съ любовью научнымъ вопросомъ, есть явленіе важное и въ высшей степени симпатичное. Къ несчастью, большинство изъ нихъ,—у насъ, по крайней мѣрѣ,—народъ безнадежный по отсутствію научной подготовки, скажемъ яснѣе—по совершенному незнанію научной азбуки. Въ этомъ отношеніи они принадлежатъ къ одной категоріи съ самоучками. На каждой выставкѣ фигурируютъ обыкновенно ихъ „изобрѣтенія“.

Сколько времени, сколько труда часто посвящается осуществле-

нію невозможнаго или открытію того, что было разъяснено какимъ-нибудь средневѣковымъ физикомъ или механикомъ, а подчасъ и самимъ Архимедомъ!

Нашъ любитель—изъ лучшихъ, даже изъ хорошихъ, и поэтому, къ концу замѣтки, мы позволимъ себѣ дать по его адресу дружественный совѣтъ.

Всѣ разсужденія автора построены на слѣдующемъ допущеніи: вслѣдствіе нагрѣванія солнечными лучами, у поверхности земли образуется слой теплаго воздуха; этотъ воздухъ поднимается вверхъ, но не просто,—при этомъ образуется труба, по которой онъ течетъ. Труба, упираясь въ поверхность земли, достигаетъ вершиной до верхнихъ слоевъ атмосферы. Къ этой трубѣ авторъ прилагаетъ формулу Бернулли, данную для вычисленія тяги воздуха въ дымовыхъ трубахъ, и принимаетъ температуру нижняго слоя въ $+40^0$, верхняго въ -27^0.

Водяной паръ, превращаясь въ водяныя капельки и быстро поднимаясь по трубѣ, электризуется отъ тренія: это и есть причина возникновенія атмосфернаго электричества.

Разумѣется, ничего подобнаго въ вѣчно подвижной и мѣняющейся атмосферѣ нѣтъ и быть не можетъ. Откуда беретъ свой электрическій зарядъ атмосфера, постояненъ ли онъ, или нѣтъ—сказать трудно; пока удалось объяснить лишь нѣкоторыя стороны явленія. И если въ смерчахъ—этихъ сравнительно рѣдкихъ метеорахъ, замѣчается что-то похожее на трубу, то она сама есть результатъ дѣйствій, можетъ быть, весьма сложныхъ, о которыхъ мы не имѣемъ яснаго представленія, и во всякомъ случаѣ не можетъ считаться первымъ и основнымъ звеномъ не только грозовыхъ явленій вообще, но и самаго смерча.

Все разсужденіе наполнено общими выраженіями и разъясненіями на словахъ, безъ чиселъ, безъ точныхъ данныхъ. Теорія строится не такъ. Теорія должна представлять явленіе во времени и пространствѣ со всѣми подробностями и теоретическое построеніе должно покрыть, если можно такъ выразиться, явленіе природы такъ же точно, какъ покрывается оригинальный чертежъ копіей, снятой на прозрачной бумагѣ.

На стр. 68 авторъ даетъ новое объясненіе сѣвернаго сіянія. Это очень плохая страница. Авторъ толкуетъ о томъ, чего совсѣмъ не знаетъ, воюя съ „наукою“ и „учеными“ при помощи картинъ Животовскаго для нагляднаго обученія. Весьма тоже нехорошее разсужденіе о формѣ градинъ.

Авторъ, очевидно, любитъ и умѣетъ почитать и послѣдить за явленіями природы. Мы посовѣтуемъ только оставить теорію въ покоѣ и заняться собираніемъ хорошихъ наблюденій надъ грозовыми явленіями. Хорошо описать явленіе совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется,—нужно много знанія и сообразительности для того, чтобы подмѣтить тѣ, подчасъ едва замѣтныя, подробности, которыя могутъ имѣть рѣшающее значеніе. Чрезвычайно важно при этомъ описывать только то, что дѣйствительно происходитъ, а не собственныя измышленія и фантазіи.

Мы посовѣтуемъ, наконецъ, отучиться отъ любительскаго апломба и дѣлать различіе между спеціальными сочиненіями, краткими руководствами, газетными статьями и картинками для начинающихъ.

О происхожденіи химическихъ элементовъ. Вилльяма Крукса. Рѣчь, читанная при открытіи химическаго отдѣла на пять-

десятъ шестомъ съѣздѣ британской ассоціаціи, въ Бэрмингамѣ (сентябрь 1886 г.). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей профессора А. Г. Столѣтова. Съ четырьмя рисунками. Изданіе книжнаго магазина Лангъ. Москва, 1886 г. Авторъ рѣчи, пользующійся громкою извѣстностью, вице-президентъ лондонскаго химическаго общества, „работаетъ на границѣ нашего знанія“. Онъ стремится ввести въ химію эволюціонизмъ, т.-е. ученіе, въ силу котораго химическіе элементы произошли, путемъ послѣдовательныхъ измѣненій, отъ одного общаго начала.

Изъ сопоставленія мнѣній разныхъ ученыхъ оказывается, что мысль о сложности элементовъ „носится въ воздухѣ науки“.

Но прямыхъ доказательствъ нѣтъ, и за отсутствіемъ ихъ Круксъ ищетъ косвенныхъ намековъ на измѣняемость элементовъ въ спектральныхъ изслѣдованіяхъ земныхъ и небесныхъ тѣлъ, въ размѣщеніи элементовъ въ земной корѣ, старается проникнуть тайну классификаціи элементовъ и т. д. Гипотеза автора или, лучше, зародышъ гипотезы состоитъ въ слѣдующемъ: вначалѣ того, что́ мы зовемъ матеріей, не существовало, было лишь нѣчто первичное—*протилъ*; изъ протила выдѣлились атомы и съ ихъ появленіемъ начинаютъ дѣйствовать разныя формы энергіи, атомы группируются и срастаются, образуются химическіе элементы, прежде самые простые, по внутреннему молекулярному строенію, водородъ и гелій, а затѣмъ и болѣе сложные.

Постепенное образованіе элементовъ обусловливается не однимъ агентомъ,—есть причины, дѣйствующія непрерывно, есть и дѣйствущія періодически,—вслѣдствіе этого весь рядъ элементовъ состоитъ изъ періодическихъ подраздѣленій.

Гипотетическая картина, рисуемая авторомъ, величественна. Онъ особенно рекомендуетъ этотъ вопросъ молодому поколѣнію химиковъ, „не только какъ наиболѣе интересный, но и какъ самый важный во всей области нашего знанія“.

По своей формѣ рѣчь изящна и переводъ мастерской.

Алхимія и современная наука. Рѣчь, произнесенная ординарнымъ профессоромъ И. И. Канонниковымъ. Казань, 1886 г. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія была установлена атомистическая теорія, казалось, что алхимистическимъ воззрѣніямъ положенъ конецъ. Но прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ послѣдней четверти того же столѣтія начинаются въ разныхъ уголкахъ Европы раздаваться голоса ученыхъ, утверждающихъ, что всѣ различные виды матеріи суть различныя видоизмѣненія одной и той же матеріи. Такое мнѣніе было высказано въ прошломъ году М. Бертло („Библіограф. отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1885 года, кн. XII). Сходство этихъ гипотезъ съ алхимистическими воззрѣніями невольно заставило ученыхъ обратиться съ бо́льшимъ вниманіемъ къ изученію источниковъ алхиміи и измѣнить свой взглядъ на алхимію и алхимиковъ. Алхимія перестала быть какимъ-то сборомъ дикихъ фантазій, неясныхъ идей и безсмысленныхъ попытокъ, алхимики перестали быть пустыми болтунами. Оказалось, что алхимія была всегда научною концепціей, имѣющею цѣлью раціональное объясненіе превращеній матеріи. Доказательству этой мысли и посвящена рѣчь профессора Канонникова, въ которой онъ, пользуясь сочиненіемъ М. Бертло *Les origines de l'Alchimie*, а также другими сочиненіями по исторіи химіи, знакомитъ слушателей съ происхожденіемъ алхимистическихъ воззрѣ-

ній въ Египтѣ, съ ученіями греческихъ философовъ, арабскихъ алхимиковъ Гебера и Авицень, затѣмъ указываетъ то измѣненіе, какое внесъ Василій Валентинъ въ теорію Гебера, и, изложивъ взглядъ главнѣйшихъ представителей ятрохимической школы Парацельза и фонъ-Гельмонта, онъ въ заключеніе очень кратко знакомитъ со взглядами Бойля на элементы, атомистическою теоріей Дальтона, упоминаетъ только о гипотезѣ Прута, „доказывавшей, что всѣ элементы суть только продукты уплотненія водородныхъ атомовъ“, и заканчиваетъ свою рѣчь указаніемъ на то, что періодическая система элементовъ Менделѣева можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ единства матеріи, такъ какъ если свойства элементовъ находятся въ зависимости отъ ихъ атомнаго вѣса, „то простѣйшимъ объясненіемъ различія свойствъ разныхъ элементовъ является предположеніе, что всѣ они тождественны по субстанціи и различаются только по вѣсу атомовъ. Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, что рѣчь почтеннаго профессора представляетъ много интереснаго для русской публики, знакомя ее съ взглядами алхимиковъ и освѣщая ихъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Иллюстрированная жизнь животныхъ. А. Брэма. Народное и школьное изданіе, обработанное Фридрихомъ Шедлеромъ. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, сдѣланными съ натуры подъ руководствомъ Р. Кречмера и Е. Шмидта. Томъ третій. Спб., 1886 г. Съ выходомъ этого тома заканчивается школьное изданіе *Иллюстрированной жизни животныхъ*. Первый томъ этого изданія, вышедшій года два тому назадъ, заключаетъ описаніе млекопитающихъ, второй томъ—птицъ, третій же томъ распадается на двѣ части: въ первой части, составленной А. Е. Брэмомъ, описаны пресмыкающіяся, лягушки и рыбы, вторая же часть посвящена описанію безпозвоночныхъ животныхъ, причемъ описаніе насѣкомыхъ, тысяченожекъ и пауковъ составлено д-ромъ Е. Л. Ташенбергомъ, а раки, черви, мягкотѣлыя, иглокожія, безкишечныя, инфузоріи описаны д-ромъ О. Шмидтомъ. Изданіе это довольно хорошо приноровлено къ школьнымъ потребностямъ: описаны наиболѣе важные представители изъ каждаго отряда, причемъ составители, не вдаваясь въ особенно большія подробности анатомическихъ и физіологическихъ особенностей организма, неудобныя при школьномъ изложеніи, обращаютъ большое вниманіе на образъ жизни животныхъ. Описанію много помогаютъ многочисленные рисунки, изъ которыхъ большая часть сдѣланы хорошо. Языкъ перевода довольно гладокъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О воздѣлываніи хлѣбовъ“. *В. Г. Котельникова.*—„Бесѣды о русскомъ земледѣліи и о возстановленіи плодородія почвы“. *П. В. Ушакова.*—„Сгущенное молоко и его фабрикація“. *И. О. Вильбушевича.*—„Сельско-хоз. орудія и машины“. *А. П. Адріановскаго.*—„Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ Черниговской губ.“.

О воздѣлываніи хлѣбовъ. В. Г. Котельникова. (Бесѣды по земледѣлію съ 22-й по 29-ю). Изданіе Девріена. Спб., 1886 г. Цѣна 25 коп. Разобравши въ прежде изданныхъ бесѣдахъ различные вопросы, относящіеся къ области общаго земледѣлія, авторъ въ настоящей книжечкѣ переходитъ къ вопросамъ частной культуры и на-

чинаетъ съ важнѣйшихъ полевыхъ растеній—съ хлѣбовъ. Намъ кажется, что характеръ изложенія у г. Котельникова не вполнѣ выдержанъ; нѣкоторыя мѣста могутъ остаться непонятными даже для лицъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ, между тѣмъ какъ другія мѣста назначены какъ будто только для городскихъ дѣтей: такъ, напримѣръ, едва ли есть надобность пояснять слово „озимый“ (стр. 2) не только для взрослаго сельскаго жителя, но и для крестьянскаго ребенка. Книжечка во всякомъ случаѣ весьма содержательна и интересна и въ этомъ отношеніи стоитъ далеко выше брошюры г. Альбова, которая посвящена тому же предмету и была разсмотрѣна нами въ сентябрской книгѣ *Русской Мысли* 1885 года. Интересу не вредитъ и нѣкоторая неравномѣрность изложенія, вслѣдствіе которой описанію весьма непостоянныхъ сортовъ ржи отведено довольно много мѣста, а для количества высѣваемыхъ на десятину сѣмянъ указаны слишкомъ общіе предѣлы — отъ 4 до 10 мѣръ (притомъ же верхній предѣлъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности). Объ иныхъ сортахъ хлѣбовъ, наприм., о польскихъ и англійскихъ пшеницахъ (стр. 14), свободно можно было бы и не упоминать, потому что эти сорта не имѣютъ никакого значенія для русской хозяйственной практики. Въ описаніи культуры овса (стр. 41) интересенъ пріемъ, рекомендуемый для постепеннаго улучшенія качества сѣмянъ. На нашъ взглядъ, изложеніе культуры хлѣбовъ удалось г. Котельникову значительно лучше, чѣмъ бо́льшая часть его бесѣдъ по общему земледѣлію, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что новая книжечка найдетъ себѣ хорошій спросъ, хотя бы и не вполнѣ въ той средѣ, для которой она предназначалась.

Бесѣды о русскомъ земледѣліи и о возстановленіи плодородія почвы. Хозяина-практика П. В. Ушакова. Изданіе Девріена. Спб., 1886 г. Цѣна 40 коп. Не въ первый и не во второй разъ приходится намъ, заводя рѣчь объ изданіяхъ г. Девріена (нашего единственнаго спеціальнаго издателя въ области сельско-хозяйственной литературы), указывать на то, что многія изъ этихъ изданій несообразно дороги. Если за вышеупомянутую книжку г. Котельникова въ 5 печатныхъ листовъ убористаго шрифта издатель находитъ возможнымъ взимать 25 копѣекъ, то отчего же за 3 листа разгонистаго шрифта въ *Бесѣдахъ* г. Ушакова назначается 40 копѣекъ? Затрудняемся высказать опредѣленное мнѣніе относительно содержанія послѣдней брошюры.

Рекомендуясь въ качествѣ хозяина-практика на заглавномъ листкѣ, авторъ и въ самой брошюрѣ даетъ подтвержденіе своего практическаго знакомства съ хозяйствомъ центральной черноземной Россіи. Приведя два примѣра успѣшной непрерывной культуры безъ замѣтнаго пониженія урожаевъ, авторъ думаетъ, что на основаніи этихъ примѣровъ можно отвергнуть все ученіе агрономической науки объ истощеніи почвы. На стр. 4 введенія онъ прямо говоритъ: „я не допускаю, чтобы земля могла истощаться“. Терминологія автора не отличается особенною ясностью, что можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующей фразы: „отѣняя своимъ лиственнымъ покровомъ почву, растенія производятъ постоянный *обмѣнъ* воздуха, *осадками* изъ котораго обогащаютъ почву и возбуждаютъ въ ней химическіе процессы“, или: „каждое растеніе, имѣя свою особую структуру, обладаетъ различнымъ химическимъ сродствомъ“ (стр. 24). Практическая часть брошюры написана

яснѣе и содержитъ нѣкоторыя сообщенія, представляющія интересъ для хозяевъ; но стилистика и здѣсь не безукоризненна: такъ, наприм., „сѣменной картофель *невозможно* покупать, это обошлось бы слишкомъ дорого, а иногда даже *невозможно*“ (стр. 34). Заключительная глава выставляетъ на видъ неудобства батрачнаго хозяйства и настойчиво рекомендуетъ сдѣльный наемъ крестьянскихъ артелей. За отсутствіемъ объясненій со стороны автора, мы остаемся въ полномъ недоумѣніи относительно тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду г. Ушаковъ, выпуская въ свѣтъ свои *Бесѣды*.

Сгущенное молоко и его фабрикація. Составилъ по источникамъ И. О. Вильбушевичъ. Съ 9 рисунками. Москва, 1886 г. Цѣна 1 рубль. Работа г. Вильбушевича представляетъ собою компилятивный очеркъ разнообразныхъ свѣдѣній, относящихся къ свойствамъ сгущеннаго молока и къ его приготовленію. Какъ подробный обзоръ литературы предмета, книжка г. Вильбушевича окажется несомнѣнно интересною какъ для техниковъ, такъ для нѣкоторыхъ хозяевъ и, наконецъ, для городскихъ потребителей консервированнаго молока. Фабрикація сгущеннаго молока совершенно новый для Россіи видъ промышленности; городское населеніе несомнѣнно заинтересовано въ прогрессѣ этой фабрикаціи; но другой вопросъ—желательно ли въ настоящее время развитіе этого дѣла для русскаго сельскаго населенія; мы скорѣе склонились бы къ отрицательному отвѣту въ виду того, что производство сгущеннаго молока имѣетъ смыслъ исключительно въ формѣ денежнаго хозяйства. А, между тѣмъ, у насъ и безъ того натуральное хозяйство вытѣсняется денежнымъ гораздо быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы въ интересахъ мелкихъ производителей. Сгущенное молоко въ громадныхъ количествахъ фабрикуется въ Америкѣ, что и понятно въ виду общаго строя американскаго хозяйства; но Россія пока еще не Америка и, можетъ быть, никогда не уподобится вполнѣ отечеству предпріимчивыхъ янки. У насъ вовсе нѣтъ такого избытка молока въ сельскихъ мѣстностяхъ, чтобы снабжать горожанъ, помимо масла и сыра, еще молочными консервами. Конечно, въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ сгущенное молоко и сейчасъ находитъ сбытъ, и было бы желательно, чтобы, вмѣсто распространеннаго у насъ швейцарскаго препарата, пошли въ ходъ другіе препараты, болѣе доброкачественные, описанные въ книжкѣ г. Вильбушевича; эти препараты можно изготовлять изъ русскаго молока, но едва ли спросъ будетъ великъ при современныхъ условіяхъ. Фабрикація сгущеннаго молока требуетъ еще болѣе скрупулезной чистоты, чѣмъ прочія отрасли молочнаго дѣла; и съ этой стороны могутъ встрѣтиться у насъ нѣкоторыя препятствія, хотя, конечно, преодолимыя.

Цѣна книжки г. Вильбушевича кажется намъ нѣсколько высокою; опасаемся, какъ бы это не помѣшало распространенію свѣдѣній о сгущенномъ молокѣ, сгруппированныхъ составителемъ изъ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ источниковъ; между тѣмъ, знакомство съ этимъ предметомъ, какъ мы уже сказали, было бы интересно и для спеціалистовъ, и для публики.

Сельско-хозяйственныя орудія и машины. Выпускъ I. Орудія для обработки почвы. Съ 129 рисунками въ текстѣ. Составилъ А. П. Андріановскій, преподаватель сельскаго хозяйства въ московской земледѣльческой школѣ. Москва, 1887 г. Цѣна 1 рубль. До недавняго времени у насъ правильно возросталъ

спросъ на земледѣльческія машины и орудія заграничнаго издѣлія: теперь, подъ вліяніемъ новой пошлины, спросъ этотъ сократился, такъ что, напримѣръ, за 9 мѣсяцевъ 1886 года (до 1 октября) ввезено было машинъ и орудій ровно вдвое меньше, чѣмъ за такой же срокъ въ 1885 году *). За то, по всей вѣроятности, русскія фирмы лучше сбываютъ теперь свои произведенія, пока еще не совсѣмъ безупречныя. Для критическаго отношенія къ русскимъ издѣліямъ, для того, чтобы предъявлять нашимъ машиностроителямъ сознательныя требованія, хозяева должны быть знакомы съ основаніями конструкціи орудій. Между тѣмъ, наша литература по сельско-хозяйственной механикѣ крайне небогата. Первый шагъ въ усовершенствованія инвентаря составляетъ пріобрѣтеніе плуга, а для выбора плуга хозяевамъ приходится прибѣгать бо́льшею частью къ каталогамъ, ибо кромѣ каталоговъ и прейсъ-курантовъ у насъ по этой части почти ничего не имѣется; книга г. Черняева давно стала библіографическою рѣдкостью, брошюра г. Неручева тоже, кажется, вышла изъ употребленія, а недавно переведенная *Теорія плуга* Зелинскаго пугнетъ многихъ хозяевъ обиліемъ формулъ,

Г. Адріановскій напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ журналѣ *Техникъ* и описывающихъ тѣ орудія, которыя употребляются для обработки почвы. Изданіе иллюстрировано изящно выполненными политипажами; бо́льшая часть книжки посвящена плугамъ, затѣмъ разобраны культиваторы, бороны, катки, волокуши и кочкорѣзы; въ заключеніе дано интересное описаніе пріемовъ, рекомендуемыхъ для конкурснаго испытанія плуговъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается разобрать сѣялки, косилки, жнейки, молотилки и вѣялки. Изложеніе вполнѣ общедоступное, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ и прибѣгаетъ къ математическому языку, да и то, не считая почему-то русскихъ читателей сильными въ тригонометріи, замѣняетъ тригонометрическія доказательства геометрическими.

Желаемъ новому изданію заслуженнаго успѣха и надѣемся, что дальнѣйшіе выпуски не заставятъ себя ждать.

Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ Черниговской губерніи. Изданіе черниговскаго губернскаго земства. Черниговъ, 1886 г. Цѣна 2 руб. Передъ нами сгруппированные результаты всей таксаціонной дѣятельности черниговскихъ статистиковъ. Книга состоитъ изъ четырехъ различныхъ частей. Первая часть посвящена оцѣнкѣ земель и хотя занимаетъ сама по себѣ небольшой объемъ, но покоится на всѣхъ пятнадцати томахъ *Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій въ Черниговской губерніи.* Понятно, что эта часть представляетъ особый интересъ для того, кто слѣдилъ за исторіей черниговскаго статистическиго отдѣленія, которое временно прекращало свою дѣятельность, но возобновилось въ 1881 году. Напомнивъ о значеніи оцѣнокъ для земства и изложивъ судьбы прежнихъ черниговскихъ земельныхъ оцѣнокъ, авторъ *Оцѣнки земель*, г. Сельяновскій (нынѣ новгородскій статистикъ), характеризуетъ тотъ оцѣночный матеріалъ, который былъ собранъ статистическимъ отдѣленіемъ. Такъ какъ межеваніе въ губерніи производилось недавно (и до сихъ поръ еще не окончено), то статистики избрали базисомъ для своихъ работъ межевые планы (напомнимъ, что этого нельзя сдѣлать въ бо́льшей части другихъ русскихъ

*) *Внѣшняя торговля по европ. границѣ* 1886 г., сентябрь.

мѣстностей). Планъ служилъ главнымъ руководствомъ при опредѣленіи того, въ какой пропорціи различные сорта почвъ входятъ въ составъ извѣстной дачи: уже послѣ этого опредѣлялась урожайность каждаго сорта почвъ. Цѣлью оцѣнки служило вычисленіе доходности земли; по мнѣнію черниговскихъ статистиковъ,—мнѣнію, впрочемъ, широко распространенному,—цѣнность легко можетъ быть получена изъ доходности путемъ капитализаціи изъ *извѣстнаго* процента; на самомъ дѣлѣ, однако, опредѣлить этотъ „извѣстный“ процентъ (уровень процента) часто бываетъ очень не легко. Приусадебныя земли оцѣнены совершенно наравнѣ съ пахотными. Изъ пахотныхъ земель дѣйствительная оцѣнка примѣнялась только къ озимымъ посѣвамъ; десятина подъ овсомъ оцѣнена въ $^3/_5$, десятина подъ гречею въ $^2/_5$ сравнительно съ доходностью ржаной десятины (откуда взяты эти нормы, остается неизвѣстнымъ). По порученію губернской управы, за основаніе доходности приняты были испольныя арендныя платы, хотя, какъ видно изъ объясненія г. Сельяновскаго (стр. 20), сами статистики болѣе склонялись въ пользу другаго, болѣе правильнаго способа—вычета издержекъ производства изъ валоваго дохода. На стр. 17 указывается, будто бы погодная подесятинная арендная плата можетъ служить выраженіемъ чистой доходности, потому что сдающій не несетъ при этомъ расходовъ (а повинности?—спросимъ мы). Для насъ остается не яснымъ, насколько при выводѣ урожайности принималось во вниманіе различіе техническихъ пріемовъ въ различныхъ мѣстностяхъ; сказано только, что брали средніе урожаи съ десятины средняго качества. Для вывода валовой доходности служили справочныя цѣны уѣздныхъ управъ, почему-то пониженныя на 20%. Въ оцѣнкѣ сѣнокосовъ пудъ заливнаго и суходольнаго сѣна поставленъ въ 15 коп., пудъ болотнаго въ 8 коп.; откуда взяты эти цѣны, не пояснено. Для неразмежеванныхъ дачъ пришлось принять гипотетическое распредѣленіе угодій, а такія дачи занимаютъ еще около четверти площади Черниговской губерніи. Опредѣленная статистиками доходность десятины составила въ среднемъ выводѣ по губерніи 4 руб. 95 коп. (по уѣздамъ колебанія—отъ 2 руб. 65 коп. въ Суражскомъ, до 11 руб. 62 к. въ Конотопскомъ); губернская управа нашла нужнымъ скинуть 20% на общіе расходы по хозяйству (намъ кажется, лучше было бы производить эту скидку не огуломъ, а детально, при исчисленіи доходности по отдѣльнымъ мѣстностямъ); такимъ образомъ, десятина черниговской земли оцѣнена въ 3 руб. 96 коп. доходности, а по прежней оцѣнкѣ доходность составляла только 2 руб. 17 коп.

Изъ четвертой части, подъ заглавіемъ *Земскіе итоги*, мы узнаемъ, что оцѣнка, произведенная статистиками, подверглась измѣненіямъ; по предположенію коммиссіи смѣтъ, размѣръ скидки на общіе расходы принятъ не въ 20%, а въ $33^1/_3$%; затѣмъ, по предложенію той же коммиссіи, доходность, подлежащая обложенію, опредѣлена на 40% меньше противъ вычисленной или возможной доходности; вслѣдствіе этихъ новыхъ скидокъ, для бо̀льшей части уѣздовъ облагаемая доходность оказалась теперь ниже, чѣмъ доходность земель по прежней оцѣнкѣ. Но работы статистическаго отдѣленія имѣли несомнѣнный практическій результатъ въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе этихъ работъ, достигнуто болѣе справедливое распредѣленіе губернскаго сбора между отдѣльными уѣздами. Кромѣ того, по прежней раскладкѣ не привлекалось къ обложенію около полумилліона скрывавшихся земель,

а, вѣдь, это настоящая Америка, открытіе которой окупаетъ расходъ на статистическія работы.

Вторая и третья части книги содержатъ весь сырой матеріалъ по оцѣнкѣ городовъ, фабрикъ и заводовъ Черниговской губерніи. Описаніе промышленныхъ заведеній составляли спеціалисты-техники, гг. Охременко, Евреиновъ и Гиберманъ. Здѣсь очень много интереснаго для характеристики мѣстнаго экономическаго быта; но, въ виду детальности свѣдѣній, мы не можемъ разбирать эти отдѣлы въ настоящей замѣткѣ.

Рекомендуя новое черниговское изданіе вниманію всѣхъ лицъ, интересующихся земскимъ дѣломъ, мы, все-таки, не можетъ считать это изданіе вѣнцомъ статистическихъ работъ по Черниговской губерніи, цѣлью существованія мѣстнаго бюро; труды статистическаго бюро, проявившіеся по пяти уѣздамъ въ формѣ массоваго изслѣдованія (подворной переписи), охватили столь многія стороны хозяйственной жизни, что построенная на этихъ трудахъ оцѣнка является лишь ничтожною долей практическаго приложенія черниговской земской статистики.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Тысяча и одна ночь“. *Изд. Девріена.*—„Грозная туча“. *С. Макаровой.*—„Афрайя“. *О. Гофмана.*—„Большакъ“. *А. Круглова.*—„Мудреный кругъ“. *А. А. Попова.*—„Басурманъ“. *Лажечникова.*—„Звѣздочка“. *К. Ѳ. Петрова.*

Тысяча и одна ночь. Изданіе Девріена. Спб., 1887 г. Эта отлично изданная книга, съ шестью хромолитографіями и девятью рисунками въ текстѣ, преставляетъ новую переработку арабскихъ сказокъ, исполненную А. Е. Энгельгардтъ. Кое-что въ этомъ пересказѣ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворительно. Удивленіе царей передъ *красотой и порядочностью* (sic) молодыхъ дѣвицъ, безумная роскошь, безумная жестокость,—хотя бы она и кончалась раскаяніемъ,—не совсѣмъ-то подходящій матеріалъ для дѣтскаго чтенія (мы имѣемъ въ виду предисловіе). Написаны арабскія сказки вполнѣ литературнымъ языкомъ и представляютъ для дѣтей средняго возраста много занимательнаго. Нравственныя поученія, замкнутыя въ разсказы *Тысячи и одной ночи*, бо́льшею частью отличаются правильностью и честностью. Желательна была бы нѣсколько бо́льшая осторожность въ выраженіяхъ пересказа. Такъ, въ сказкѣ *Необыкновенная судьба Сагда* говорится, что молодому человѣку нужна, между прочимъ, физическая ловкость и мужество. Это не подлежитъ сомнѣнію, но отсюда не слѣдуетъ вовсе, что хорошо превращать молодаго человѣка въ *отличнаго рубаку*. Сто́итъ книга три рубля.

Грозная туча. Историческая повѣсть С. Макаровой. Изданіе Девріена. Спб., 1887 г. Цѣна 3 р. 50 к. Историческая повѣсть г-жи Макаровой (изъ временъ отечественной войны) издана такъ же хорошо, какъ и *Тысяча и одна ночь*. Книга украшена рисунками Каразина и портретами историческихъ дѣятелей выбранной авторомъ эпохи (Императора Александра I, Наполеона I, Барклая-де-Толли, Кутузова, Тучкова, Растопчина, Витгенштейна, Платова, Орлова-Денисова, Мюрата, Нея). Нѣкоторые рисунки плохи (портреты всѣ хороши). Такъ, на стр. 299 изображенъ плохой человѣчекъ на плохой

лошаденкѣ, и больше ничего, а надпись гласитъ: „Маршалъ Мортье выступаетъ съ остальными войсками“. Надпись къ портрету Нея возвѣщаетъ, что этотъ маршалъ за сраженіе подъ Бородинымъ получилъ „прозваніе (sic) князя *Москворѣцкаго*“ (!). Разсказъ веденъ г-жею Макаровой живо и толково. Передаются не только свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ, но и достаточно характерныя черты нравовъ того времени. Дѣйствіе происходитъ, главнымъ образомъ, конечно, въ Россіи, но отчасти и во Франціи. Въ повѣсть вставлены нѣкоторые эпизоды изъ литературной жизни русскаго общества.

Афрайя, герой лапландцевъ. Передѣлано для юношества Отто Гофманомъ изъ романа Мюгге. Изданіе Девріена. Спб., 1887 г. Цѣна 3 р. Передѣлка Гофмана, переведенная г-жею Шмидтъ-Москвитиновой, принадлежитъ къ числу очень удачныхъ произведеній для юношества. Въ легкой формѣ, въ занимательномъ разсказѣ сообщаются полезныя свѣдѣнія о природѣ и жителяхъ европейскаго крайняго сѣвера. Повѣсть проникнута искреннею гуманностью и глубокимъ уваженіемъ къ труду. Шесть хромолитографированныхъ рисунковъ украшаютъ книгу, которой можно пожелать широкаго распространенія. Разсказъ относится къ концу прошлаго столѣтія, когда Норвегія была еще соединена съ Даніей.

Большакъ. Повѣсть для дѣтей. А. Круглова. Второе изданіе (Девріена). Спб., 1886 г. Этотъ теплый, слегка идеализированный разсказъ про мальчугана, который съ раннихъ лѣтъ сталъ работникомъ и кормильцемъ семьи, стоитъ 60 к. Г. Кругловъ, не навязывая нравственныхъ сентенцій, передаетъ въ такихъ привлекательныхъ чертахъ трудовую и честную жизнь маленькаго *большака* Васи, что герой повѣсти и его образъ дѣйствій не могутъ не возбудить живой симпатіи юныхъ читателей. Въ наше время, когда *самобытные мыслители* договорились до утвержденія, что образованіе равносильно съ эксплуатаціей народа, слѣдуетъ указать, что г. Кругловъ стоитъ за старинную поговорку, въ которой отразился здравый смыслъ народа: ученье—свѣтъ, неученье—тьма. *Большакъ* украшенъ нѣсколькими рисунками въ текстѣ.

Мудреный кругъ. (Головоломка). Изданіе А. А. Попова. Эта игра для дѣтей или головоломка, какъ называетъ ее издатель, состоитъ изъ тринадцати деревянныхъ фигурокъ. Дѣти должны сложить изъ фигурокъ кругъ. Рисунка г. Поповъ не приложилъ, имѣя въ виду развитіе дѣтской самодѣятельности. Стоитъ *Мудреный кругъ* (съ коробкою) 25 коп.

Басурманъ. Сокращено изъ романа Лажечникова г-жею Свѣшниковой. Спб., 1886 г. Цѣна 20 к. При бѣдности средствъ нашихъ сельскихъ библіотекъ, при исключительно-рѣдкой возможности для крестьянъ пріобрѣтать книги для чтенія, изданія, подобныя *Басурману* въ сокращеніи г-жи Свѣшниковой, нельзя не признать очень полезными. Конечно, художественныя достоинства многихъ произведеній, не отличающихся растянутостью, пострадаютъ отъ урѣзокъ; но при толковомъ выборѣ и умѣлыхъ сокращеніяхъ въ результатѣ можетъ получиться книжка, вполнѣ пригодная для дѣтскаго чтенія и для народа. Г-жа Свѣшникова удачно справилась съ задачей. Разсказъ вышелъ, все-таки, не совсѣмъ доступенъ по изложенію, потому что Лажечниковъ писалъ для иного круга читателей, но онъ интересенъ и вноситъ важныя историческія понятія въ грамотную народную среду.

Звѣздочка. Сборникъ статей для постепеннаго изученія роднаго языка. Составилъ К. Ѳ. Петровъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 40 к. Этотъ недорогой и довольно объемистый сборникъ (200 стр.) отличается въ общемъ хорошимъ и разнообразнымъ подборомъ статей. Составленъ онъ,—по крайней мѣрѣ, въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ,—только изъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей; имена Тургенева и С. Аксакова встрѣчаются здѣсь гораздо чаще, чѣмъ въ большинствѣ дѣтскихъ хрестоматій. Этому можно только порадоваться: до сихъ поръ *Записки охотника* и *Семейная хроника* почему-то мало утилизируются для цѣлей школы. Вообще нужно замѣтить, что составители школьныхъ книгъ для чтенія не всегда цѣнятъ должнымъ образомъ художественность разсказа, хотя это качество, на нашъ взглядъ, должно имѣть рѣшающее значеніе при выборѣ матеріала для дѣтской книги. Это въ особенности касается хрестоматій, назначенныхъ для изученія языка: въ книгѣ, статьи которой разбираются или заучиваются, не должно быть мѣста нехудожественному разсказу, какіе бы доводы ни говорили за его помѣщеніе. Поэтому мы считаемъ положительно неумѣстными въ дѣтской книгѣ различныя поучительныя „притчи“, аллегоріи и басни, если онѣ не заключаютъ въ себѣ никакого художественнаго интереса и приводятся лишь ради „скрытой“ будто бы въ нихъ, а, въ сущности, привѣшенной морали. Съ этой точки зрѣнія мы не желали бы видѣть въ книжкѣ г. Петрова, прежде всего, басенъ Эзопа. Эти басни, при всей своей простотѣ и доступности для дѣтей, представляютъ по бо́льшей части сухой разсказъ, не дающій ребенку никакихъ образовъ, а иногда возбуждающій невѣрныя представленія (*Муравей и голубка*). Затѣмъ укажемъ ложные въ основѣ разсказы *Три бабочки* и *Спаленная гречиха* и, наконецъ, пресловутую аллегорію человѣческой жизни — *Человѣкъ и верблюдъ*, отъ которой вѣетъ какимъ-то старческимъ дидактизмомъ. Другой недостатокъ *Звѣздочки* состоитъ въ томъ, что въ ней слишкомъ мало объяснительныхъ примѣчаній, да и тѣ носятъ случайный характеръ. Напримѣръ, въ статейкѣ *Сборъ винограда* (стр. 18 и 19) сказано, что̀ такое „буруны“ и „избушка“ (нѣчто вродѣ амбара у козаковъ), но оставлены безъ поясненія такія слова, какъ „солончаки“, „арба“, „мамуки“, „чапра“.

Но въ общемъ, повторимъ, *Звѣздочка* производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Съ удовольствіемъ встрѣтили мы здѣсь (чуть ли не впервые въ школьной книгѣ) два разсказа изъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева (*Воробей* и *Деревня*); нѣкоторыя изъ этихъ „стихотвореній“, дѣйствительно, такъ и просятся въ дѣтскую хрестоматію.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Вѣстникъ Европы, декабрь: „Исторія“, очеркъ Е. Г.; „Въ сторонѣ отъ жизни“, разсказъ В. Ларина; „Мелочи жизни“ Щедрина.—*Сѣверный Вѣстникъ*, октябрь: „Сказаніе о Флорѣ римлянинѣ“ Вл. Короленко; „Озимь“, повѣсть С. Е—скаго; „Бѣглецъ“, разсказъ Костина; „Земледѣльческое братство, какъ обычный институтъ сектантовъ“ Пономарева; „Дневникъ читателя“ Н. М. — *Русскій Архивъ*, апрѣль—октябрь. — *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*. — *Юридическій Вѣстникъ*.

„Вѣстникъ Европы“, *декабрь*. Послѣдняя книжка *Вѣстника Европы* начинается очеркомъ, озаглавленнымъ *Исторія* и подписаннымъ буквами Е. Г. Извѣстно, что всякое пустячное событіе или вздорное приклю-

ченіе, дѣлаясь достояніемъ сплетни, получаетъ названіе „исторіи“. Одну изъ такихъ-то „исторій“ и разсказываетъ авторъ въ своемъ очеркѣ. Эта „исторія“ имѣетъ и свои печатные документы, а именно: въ одномъ нумерѣ *Мѣстной Газеты* появилось извѣстіе о томъ, что одна молодая дѣвушка заболѣла холерой, въ другомъ нумерѣ врачомъ—г-жею Мельницкой—напечатано опроверженіе, глясящее, что точно заболѣла дѣвушка въ аптекѣ и находится на излеченіи у г-жи Мельницкой, но больна она не холерой. Тѣмъ временемъ „загадочное происшествіе“ успѣло уже превратиться въ „исторію“. Въ городѣ стало извѣстно, что дѣвушку, заболѣвшую въ аптекѣ, звали Раисой Николаевной Малиновской, что она жила въ качествѣ бонны у богатаго помѣщика Солнцева, влюбилась въ него, но онъ „дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ“, а когда вернулась изъ-за границы жена Солнцева, тогда Малиновская пришла въ аптеку и отравилась. „Свѣдущіе люди“ разсказывали всѣ подробности „исторіи“, и по ихъ разсказамъ выходило, что Солнцевъ въ этомъ дѣлѣ нисколько не виноватъ и велъ себя какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Вскорѣ, однако, въ общественномъ мнѣніи произошелъ поворотъ, неблагопріятный для Солнцева, безъ всякой къ тому видимой причины. Авторъ разсказываетъ настоящую суть „исторіи“, которая заключается въ слѣдующемъ: жена Солнцева, Марья Гавриловна, уѣхала лечиться за границу, оставивши смотрѣть за дѣтьми и за домомъ Раису Малиновскую, простую, деревенскую дѣвушку изъ мелкопомѣстныхъ. Раиса тотчасъ привела въ образцовый порядокъ домъ и дѣтей, къ великому удовольствію Ивана Васильевича Солнцева, не обращавшаго, впрочемъ, никакого вниманія на бонну-экономку. Врачъ Мельницкая, пріѣхавшая въ числѣ другихъ гостей къ Солнцеву, первая открыла Малиновской, что она хорошенькая, первая же открыла это другимъ гостямъ и самому хозяину. „Будь я на вашемъ мѣстѣ, господа,—говорила Мельницкая,—я, какъ сказочный Иванъ-царевичъ, зашла бы въ тридэсятое царство, черезъ лѣса дремучіе и рѣку огненную, лишь бы добыть вотъ эдакую царь-дѣвицу. Ну, вы,—обратилась она къ Солнцеву,—хоть Иванъ, да не царевичъ... Пишите женѣ телеграмму: сиди, матушка, тамъ,— у меня здѣсь красна-дѣвица... Только куда ужь вамъ!... Ваша пѣсенка спѣта. На васъ дѣвица не посмотритъ“... „Не посмотритъ,—разслышалъ Солнцевъ,—странно!... Почему не посмотритъ?“ И самъ сталъ смотрѣть на Раису и усмотрѣлъ, что коса у нея чудесная, глаза синіе, прекрасные, и вся она прехорошенькая. А Раиса занималась хозяйствомъ, дѣтьми, заботилась о спокойствіи Ивана Васильевича, читала французскіе романы и помаленьку влюблялась въ хозяина. Солнцевъ держалъ себя съ нею очень осторожно, никакихъ подходовъ не дѣлалъ, даже не подозрѣвалъ влюбленности дѣвушки, хотя не прочь былъ передъ нею нѣсколько поломаться, преимущественно на тему о томъ, что его никто „не понимаетъ“. „Раиса,—говоритъ авторъ,—все ждала, что Иванъ Васильевичъ выскажется, что онъ откроетъ ей свою душу. Иванъ Васильевичъ, по обыкновенію, говорилъ много, все въ томъ же отчаянно-пессимистическомъ родѣ, но продолжалъ оставаться таинственнымъ“. Онъ просто болталъ вздоръ, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и безъ дурнаго умысла, болталъ зря, потому что онъ былъ пустѣйшій человѣкъ; а Раиса все влюблялась, да влюблялась... Они просиживали вдвоемъ цѣлые часы, далеко за полночь: онъ болталъ, счастливый тѣмъ, что нашелъ терпѣливаго слушателя; она ничего изъ его болтовни не понимала, но глу-

боко сочувствовала „его несчастію“ и разъ какъ-то предложила ему свою „дружбу“. Такъ дѣло шло довольно долго, до тѣхъ поръ, пока Раиса не зашла послѣ ужина въ кабинетъ Солнцева и сама же первая не прошептала чуть слышно: „Любите?... Милый!... Любите меня? Любите... правда?“... „Она наклонилась къ нему, обняла его голову и прижала къ своей груди,—продолжаетъ авторъ.—Онъ слышалъ, какъ сильно стучитъ ея сердце. Она повторяла одно и то же:—Любите?... Милый... скажите—любите?... Его испугалъ этотъ сильный порывъ: одно мгновеніе онъ колебался, но оттолкнуть дѣвушку не хватило силъ“. Ну, тутъ уже было дѣлать нечего, зашепталъ и онъ: „Да, да, люблю, моя голубка“. „Послѣ объятій и поцѣлуевъ,—разсказываетъ авторъ,—они сѣли рядомъ и, взявшись за руки, говорили, перебивая другъ друга“... „За разговорами слѣдовали поцѣлуи, за поцѣлуями—опять разговоры. Такъ прошла вся ночь“. Иванъ Васильевичъ превзошелъ Іосифа Прекраснаго: тотъ убѣжалъ, а Солнцевъ непоколебимо выдержалъ испытаніе до утра. Но и этого мало: добродѣтель и вѣрность супруга Марьи Гавриловны еще долго подвергались ежедневнымъ, можно сказать—ежечаснымъ, испытаніямъ и выходили побѣдительницами при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ Гамлетъ проштрафился сразу. Иванъ Васильевичъ, попрежнему, только болталъ и, между прочимъ, мечталъ о томъ, какъ онъ разведется съ женой, женится на Раисѣ и заживетъ съ нею въ крошечномъ домикѣ, заросшемъ дикимъ виноградомъ, станетъ работать, какъ работаютъ крестьяне. У Раисы оказались деньги, десять тысячъ рублей; она навязала ихъ Солнцеву. Тотъ сначала отказывался, но не терпящіе отлагательства долги вынудили его взять эти деньги. За ними Солнцевъ съ Раисой поѣхали въ Кіевъ, и вотъ тутъ-то... Раиса не заперла дверп, раздѣлась и легла въ постель; Солнцевъ увидалъ, что дверь не заперта, и вошелъ. „Увидѣвъ дѣвушку спящей, онъ хотѣлъ поцѣловать ее и уйти. Подойдя къ постели, онъ боялся прикоснуться къ Раисѣ, чтобы не испугать ее; но не могъ и уйти: онъ любовался картиной“. Слѣдуетъ картина: „Луна поднялась высоко и смотрѣла прямо въ окно. Вся постель была залита свѣтомъ. Раиса, вся въ бѣломъ, лежала на спинѣ; лѣвая рука свѣсилась съ кровати; правая, обнаженная до плеча, блѣдная, какъ алебастръ, была закинута за голову; роскошные каштановые волосы, разсыпавшіеся по груди, рельефно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ; голова была откинута назадъ; лицо, окруженное рамкой волосъ, скрывалось въ тѣни; лѣвый бортъ незастегнутой блузы лежалъ на плечѣ; полуобнаженная грудь, подъ защитой волосъ, часто и высоко поднималась... Иванъ Васильевичъ стоялъ, притаивъ дыханіе, не смѣя шевельнуть пальцемъ. Онъ сознавалъ, что долженъ уйти, но медлилъ“... И не ушелъ. „Около двухъ недѣль прожили они въ Кіевѣ, празднуя на свободѣ медовые дни“,—читаемъ мы далѣе. За этими двумя недѣлями прошло еще два мѣсяца ничѣмъ ненарушимаго счастія. Въ первыхъ числахъ октября вернулась изъ-за границы жена Солнцева. Раисѣ случайно попадаетъ въ руки отрывокъ письма Солнцева къ Марьѣ Гавриловнѣ, въ которомъ онъ говоритъ нѣжности женѣ и отзывается о ней, Раисѣ, не особенно лестно. Дѣвушка бросилась въ кабинетъ Ивана Васильевича, но, проходя мимо спальни хозяйки дома, услыхала голосъ Солнцева. Онъ говорилъ: „Маруся, голубчикъ... разбуди же меня“... Раиса убѣжала къ себѣ и упала безъ чувствъ, а, опомнившись, отравилась сѣрными спичками и ушла изъ дома. Когда начались физическія страданія,

она побѣжала въ городъ, въ аптеку, и оттуда попала на излеченіе къ Мельницкой. Денегъ Солнцевъ не возвратилъ Раисѣ. И всей „исторіи“ конецъ. Для чего написана эта *Исторія* и что хотѣлъ доказать ею авторъ—неизвѣстно. Солнцевъ, несомнѣнно, шалопай и пустозвонный болтунъ; по шалопайству своему, онъ поступилъ очень скверно, отобравши у беззавѣтно любившей его дѣвушки всѣ ея деньги и не возвративши ихъ. Что же касается основнаго, такъ сказать, содержанія *Исторіи*, то онъ, конечно, виноватъ тѣмъ, что не убѣжалъ, какъ Іосифъ, и не отогналъ соблазна, какъ то дѣлали отцы пустынножители, когда ихъ искушалъ діаволъ, принимая, приблизительно, такіе же виды и позы, противъ которыхъ не устояла добродѣтель Солнцева въ іюльскую лунную ночь...

Не таковъ герой разсказа В. Ларина: *Въ сторонѣ отъ жизни*. Этотъ устоялъ въ добродѣтели, пустивши, однако, въ ходъ оба средства: сначала пустынножительское, а потомъ Іосифово. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ г. Ларинъ: въ девять часовъ вечера къ проходившему „по одной изъ главныхъ улицъ Москвы“ Качаеву подбѣжала молодая дѣвушка, вышедшая изъ переулка, и проговорила дрожащимъ голосомъ: „Ради Бога, проводите меня!... Вотъ они... пристаютъ!“... Качаевъ проводилъ дѣвушку до ея квартиры. На прощанье, дѣвушка сказала, что ее зовутъ Надеждой Дмитріевной Николаевой, и пригласила Качаева зайти къ ней когда-нибудь. Ее заинтересовалъ Качаевъ, между прочимъ, тѣмъ, что на вопросы о его занятіяхъ, о его профессіи, онъ отвѣчалъ, что ничего не дѣлаетъ и избралъ своею профессіей „праздность“. Качаевъ говорилъ правду. Прежде онъ жилъ, какъ всѣ: работалъ, волновался, „искалъ,“ „бился,“ страдалъ и т. д.; но три года тому назадъ „онъ рѣшилъ *сложить руки*“ и стать *въ сторонѣ отъ жизни*. Дѣвушка, съ своей стороны, затронула въ Качаевѣ полузабытыя воспомпнанія своею „молодою вѣрой въ трудъ,“ своею „честною энергіей“. Онъ задумался о Николаевой и на другой день, „повинуясь невольному влеченію“, очутился противъ ея квартиры. Николаева возвращалась домой и зазвала его къ себѣ. Молодая дѣвушка кончила образованіе на педагогическихъ курсахъ и даетъ частные уроки въ ожиданіи мѣста городской учительницы. У нея есть братъ студентъ. Въ разговорѣ за чаемъ Качаевъ заинтересовалъ этого молодаго человѣка не менѣе, чѣмъ его сестру. Въ спорѣ съ молодыми людьми Качаевъ разгорячился и сказалъ: „ Вы не имѣете права такъ осуждать (тѣхъ, что „замерли“ и отошли „въ сторону“). Посмотрите на меня! Видите эти сѣдые волосы? Ну, вотъ! А я не старикъ: мнѣ тридцать два года. И эту сѣдину пріобрѣлъ я, переходя отъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣете теперь вы, къ тѣмъ взглядамъ, которые имѣю теперь я“...„ И такихъ, какъ *я*, не мало. Только одни, въ отчаяніи, въ омутъ кидаются, другіе пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, а большинство стихаетъ и смиряется—и кончаетъ тѣмъ, что старается пристроиться... А я кончилъ тѣмъ, что отошелъ отъ жизни въ сторону...“ Заходилъ къ Качаеву и студентъ; они опять говорили на ту же тему. „И образъ Качаева все больше и больше рисовался молодому человѣку въ страдальческомъ ореолѣ мученичества“. Борисъ Николаевъ, сообщая сестрѣ о посѣщеніи Качаева, говоритъ: „Этотъ человѣкъ—сила, но только сломленная сила!“ Тѣмъ временемъ передъ Качаевымъ встаютъ вопросы о возможности иной жизни, о возможности и для него личнаго счастья. Но онъ гонитъ отъ себя всякія несбыточныя мечты...и вдругъ

передъ нимъ „мелькаетъ ласковый взлядъ Николаевой“. Въ эту минуту ему подаютъ письмо отъ молодой дѣвушки; она проситъ позволенія „придти къ нему“. Качаевъ терзается, мечется и, наконецъ, пишетъ одно слово: „приходите“. Надя пришла и съ первыхъ же словъ „сознала свою силу,“—„она вполнѣ понимала его“. „Съ первой встрѣчи заинтересованная имъ,—говоритъ авторъ,—со второй—понявшая, что онъ страдаетъ, она, послѣ разговора съ братомъ, твердо рѣшила пойти къ нему. Два стимула, такъ часто раждающіе любовь въ женщинѣ,—любопытство къ оригинальному душевному складу человѣка и желаніе облегчить страдальца,—въ данномъ случаѣ оба были налицо, и быстро вспыхнуло чувство, противъ котораго простая, неизломанная дѣвушка и не думала бороться, а отдалась на его волю и пошла туда, куда звало ее оно... А Качаевъ напрягалъ всѣ силы, чтобы сдержаться, не высказать своихъ чувствъ. Надя рѣшилась на крайнюю мѣру; она наклонилась къ Качаеву и заговорила: „Алексѣй Ивановичъ,—начала она, умоляя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опять какъ бы ободряя его взглядомъ,—зачѣмъ вы неискренни со мной, зачѣмъ вы играете роль?“ „Онъ вздрогнулъ, точно испугался, и какъ-то безпомощно взглянулъ на нее.—Отвѣчайте же! Зачѣмъ?—продолжала настаивать она, ободряя его не только взглядомъ, но и улыбкой“. Качаевъ попытался въ возможно-деликантной формѣ прекратить разговоръ, принимавшій опасное направленіе; но молодая дѣвушка не унималась. „Она дотронулась до его руки и продолжала:—Полно вамъ!... Зачѣмъ вы неискренни?—еще разъ повторяю вамъ. Вы напускаете на себя. Алексѣй Ивановичъ! (голосъ ея какъ-то особенно зазвучалъ) зачѣмъ вы *боитесь за себя*?... Вѣдь, я совсѣмъ понимаю васъ, все понимаю!» Тутъ уже Качаевъ не выдержалъ, „порывисто вскочилъ съ мѣста“... и поступилъ, какъ пустынножитель. „Боязнь быть смѣшнымъ заставила его быть грубымъ,—говоритъ авторъ.—Качаевъ сказалъ:—Изъ уваженія къ вамъ, Надежда Дмитріевна, я еще разъ прошу васъ оставить разговоръ въ такомъ тонѣ; онъ, по-моему, даже обидѣнъ для вашего самолюбія!“ „Женскій тактъ подсказалъ ей, что *на сегодня довольно*“, и она ушла, сказавши на прощанье: „Я вижу, что сегодня мы съ вами не сговоримся, и потому ухожу“. Качаевъ не сталъ, однако, дожидаться втораго раза, разсудивши весьма резонно, что такія бесѣды до добра не доводятъ, ибо силенъ бѣсъ. Качаевъ написалъ дѣвушкѣ прощальное письмо, въ которомъ высказалъ, что для семейной жизни онъ уже не годится, и уѣхалъ изъ Москвы, чтобы навсегда и безъ помѣхи остаться *въ сторонѣ отъ жизни*. Качаевъ поступилъ честно и благоразумно; но въ читателѣ онъ равно никакой симпатіи не возбуждаетъ. Онъ просто больной человѣкъ, отъ природы слабый, мало способный къ какому бы то ни было дѣлу и, притомъ, предъявляющій къ жизни запросы несоразмѣрные съ своими собственными силами. Онъ,—какъ самъ говоритъ,—„искалъ, бился, брался за все на свѣтѣ“, и кончилъ тѣмъ, что нашелъ жизнь никуда негодною, почему и „удалился въ сторону“. Въ этомъ слу̀чаѣ герой г. Ларина свалилъ съ больной головы на здоровую: негоднымъ-то въ дѣйствительности оказывается онъ, Качаевъ, пометавшійся безъ разума и толка „четыре года“, всего четыре года, и „опустившій руки“ на весь остатокъ дней своихъ. Качаевъ даже не жалокъ, а скорѣе досаденъ и отчасти смѣшонъ, въ особенности тогда именно, когда онъ честно поступаетъ съ легкомысленною барышней. Комизмъ заключается въ томъ,

что онъ впадаетъ въ драму тамъ, гдѣ нѣтъ ничего драматическаго, мучается, страдаетъ и геройствуетъ безъ достаточнаго къ тому повода. Мы не отрицаемъ, что въ нашъ вѣкъ „изломанности“ могутъ быть тридцати-двухъ-лѣтніе люди, одержимые душевною собачьей старостью; мы не отрицаемъ, что найдутся и двадцатилѣтнія дѣвушки, и студенты, готовые принять разбитую балалайку вродѣ Качаева за „сломленную силу“. Только Качаевымъ, увлекающимся студентамъ и скоропалительно влюбляющимся барышнямъ слѣдуетъ отводить подобающее мѣсто въ беллетристическихъ произведеніяхъ, да и самыя эти произведенія писать такъ, чтобы изъ нихъ, все-таки, хотя что-нибудь выходило. А что же видимъ въ разсказѣ г. Ларина? Ничего не видимъ; нѣтъ въ немъ ни начала, ни конца. Встрѣтился плохонькій и трусоватый мужчина, испугался слишкомъ поспѣшной декларации въ любви, не пожелалъ сдѣлать гадости, побоялся и въ бракъ вступить и убѣжалъ куда глаза глядятъ... А если бы убѣжать ему было некуда? Если бы нельзя было убѣжать? Предположимъ, что онъ былъ бы офицеръ,—не дезертировать же ему?

Мелочи жизни Щедрина состоятъ на этотъ разъ изъ четырехъ отдѣльныхъ очерковъ, содержаніе которыхъ мы передадимъ по очереди. Въ первомъ очеркѣ, *Хозяйственный мужичокъ*, авторъ изображаетъ крѣпкаго мужика-домостроителя. Всѣ его силы, физическія и умственныя, направлены къ одному—„обезпечить сытость свою и своихъ семейныхъ и домочадцевъ; всѣ его помыслы заняты заботами о томъ, чтобы припасти и припрятать и, въ концѣ-концовъ, добиться, чтобы устроить домъ „полною чашей“. Для осуществленія всего этого, „главная его забота, — говоритъ Щедринъ, — заключается въ томъ, чтобъ этотъ рабочій улей какъ можно умѣреннѣе потреблялъ ѣды и, въ то же время, былъ достаточно сытъ, чтобы устоять въ непрерывной работѣ. Первый предметъ, представляющійся его вниманію,—хлѣбъ. Онъ не подаетъ на столъ мягкаго хлѣба, а непремѣнно черствый, — почему?—потому, что черствый хлѣбъ спорѣе; мягкаго хлѣба вдвое съѣшь. Затѣмъ, онъ круглый годъ льетъ въ кашу не коровье масло, а конопляное, хотя первое можно найти дома, а второе нужно купить, и оно обойдется почти не дешевле коровьяго—почему?—потому, что налей мужику коровьяго масла, онъ вдвое каши съѣстъ. Свѣжую убоину онъ употребляетъ только по самымъ большимъ праздникамъ, потому что она дорога, да въ деревнѣ ея, пожалуй, и не найдешь, но, главное, потому, что тутъ ужь ему не сладить съ разсчетомъ“. Такъ же разсчетливо онъ поступаетъ со скотиной. „Мужику все нужно, но, главнѣе всего, нужна предусмотрительность, умѣнье заблаговременно приготовиться и запастись, способность изнуряться, не жалѣя личнаго труда, лишь бы какъ можно меньше истратить денегъ“... „Не удивительно, стало быть, что онъ весь погруженъ въ одну думу: спасти себя и присныхъ. И онъ настолько привыкъ къ этой думѣ, настолько усвоилъ ее съ молодыхъ ногтей, что не можетъ представить себѣ жизнь въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя какъ будто сами собой создались для него. Онъ идетъ за возомъ въ городъ, думаетъ и, въ то же время, ищетъ глазами. Подкова на дорогѣ валяется, онъ ее за пазуху спрячетъ (найденная подкова предвѣщаетъ счастье); бумажку кто-нибудь обронилъ, окурокъ папироски, онъ и ихъ подниметъ; даже клочокъ навоза кинетъ въ телѣгу и привезетъ домой. Сегодня клочокъ, завтра клочокъ—смотришь, анъ и цѣлый возокъ наберется“.

Дома онъ неустанно хлопочетъ, заботится о всякой мелочи и припасаетъ, „стараясь, прежде всего, вырвать то, что достается задаромъ". Въ половодье, онъ ставитъ верши, налавливаетъ рыбы и солитъ въ прокъ., „Онъ наполняетъ ею всѣ кадочки и боченки, какія только найдутся въ домѣ, и въ продолженіе всего лѣта лакомитъ себя, семью и домочадцевъ соленою рыбкой"... „Весной онъ же запасается солониной". Все лѣто самъ онъ и вся семья работаютъ, не покладая рукъ, „мрутъ" на работѣ, собираютъ „помочи", когда семья не можетъ управиться своими силами. Авторъ послѣдовательно передаетъ весь обиходъ крестьянской трудовой жизни, вплоть до зимы, до зимняго мясоѣда, когда „играютъ свадьбы". „Какъ видитъ читатель, — говоритъ Щедринъ,—никакихъ думъ у хозяйственнаго мужика нѣтъ, кромѣ думы о жизнестроительствѣ. Ради нея онъ отдаетъ себя и семью въ жертву каторгѣ, ради нея терпѣливо выноситъ всякія неожиданности. Она затемняетъ въ немъ даже любовь къ семьѣ. Онъ всецѣло отдаетъ ей самого себя, но и только. Той любви, которая заставляетъ видѣть въ женѣ, сынѣ, дочери нѣчто ненаглядное, неприкосновенное для обидъ, не существуетъ для него"... „Наконецъ, идеалъ *полной чаши* достигнутъ"... „Но съ *полною чашей* приходитъ и старость"... „Онъ долго перемогаетъ себя, но, наконецъ, влѣзаетъ на печь и замолкаетъ". Приходитъ смерть, и „умираетъ онъ тихо, честно, почти свято". „Да,—заключаетъ авторъ свой очеркъ,—это былъ дѣйствительно честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но, спрашивается, съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?"

Второй очеркъ: *Сельскій священникъ* Щедринъ начинаетъ такими словами: „Въ основѣ существованія сельскаго священника лежитъ та же мысль, какъ и у хозяйственнаго мужика: обезпечить себя и семью отъ вторженія нужды. Та же мучительная дума о завтрашнемъ днѣ, то же неусыпное желаніе заблаговременно опредѣлить мельчайшія подробности жизнестроительства, съ цѣлью избѣжать неожиданностей. Впрочемъ, оговариваюсь: я говорю исключительно о священникѣ бѣднаго прихода и, притомъ, держащагося старозавѣтныхъ преданій, словомъ сказать, о священникѣ, не отказавшемся отъ личнаго сельско-хозяйственнаго труда". Такому священнику живется тяжелѣе и хуже даже, чѣмъ „хозяйственному мужику, уже потому, что потребности священника и требованія отъ него неизмѣримо больше, чѣмъ отъ мужика, а средства того и другаго многимъ разнятся. Авторъ ведетъ рѣчь только о матеріальной сторонѣ жизни священника, не затрогивая нравственной и не отступая отъ намѣченной цѣли изобразить *Мелочи жизни*, какъ онѣ проявляются „на лонѣ природы и сельско-хозяйственныхъ ухищреній". Представленному Щедринымъ священнику не удается, подобно мужику, добиться „полной чаши", и онъ кончаетъ свой вѣкъ печальнѣе даже, чѣмъ хозяйственный мужичокъ. У мужика есть домъ, имъ устроенный, есть сплотненная семья... Состарѣвшагося священника отчисляютъ „за штатъ"; его семья, по мѣрѣ возраста, разбредается въ разныя стороны; его домъ проданъ молодому, смѣнившему его священнику, а „заштатный" на вырученныя деньги „ставитъ себѣ нѣчто вродѣ сторожки и удаляется въ нее, питаясь крохами, падающими со скудной трапезы своего замѣстителя, ежели послѣдній, по добротѣ сердца или по добровольно принятому обязательству, соглашается что-нибудь удѣлить.

По старой привычкѣ, а отчасти и по необходимости, старый священникъ ходитъ въ святѣ причетниковъ по приходу за яйцами, за новью; но его надѣляютъ уже скупо... Горькое начало, горькое существованіе, горькій конецъ!..."

Въ очеркѣ *Помѣщикъ* представлены три типа помѣщиковъ средней руки: „равнодушный", „убѣжденный" и „изворачивающійся съ помощью прижимки". „Равнодушный" бросаетъ землю и уѣзжаетъ, довольствуясь съ имѣнія такимъ доходомъ, какой ему высылаетъ прикащикъ „изъ отставныхъ солдатъ". Авторъ говоритъ о „равнодушномъ" вскользь и останавливается на „убѣжденномъ". Подъ названіемъ помѣщика „средней руки" онъ разумѣетъ такого, у котораго „за надѣломъ крестьянъ осталось отъ шести до семисотъ десятинъ". Щедринъ разсказываетъ, какъ „убѣжденный" помѣщикъ пріѣзжаетъ въ деревню, въ которой есть хорошія пашни, лѣса, луга и воды, даже мельница водяная. У помѣщика есть капиталъ, половину котораго онъ затрачиваетъ на обзаведеніе и улучшеніе хозяйства, заводитъ 100 головъ рогатаго скота, встаетъ до зари съ рабочими, не сходитъ съ работы, за всѣмъ смотритъ самъ; скотомъ и птицей такъ же неусыпно занята жена помѣщика, раздѣляющая его „убѣжденіе". Проходитъ три года, хозяйство благоустроено, идетъ превосходно, образцово и даетъ *триста* рублей въ годъ дохода. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и жена говоритъ мужу: „Цѣлый день съ утра до вечера точно въ огнѣ горимъ. И въ слякоть, и въ жару — никогда покоя не знаемъ. Посмотри, на что я похожа стала, на что ты самъ похожъ? А доходовъ все нѣтъ. Рожь самъ-двѣнадцать, въ молокѣ хоть купайся, все въ полномъ ходу—хоть на выставку, а въ результатѣ... триста рублей!..." И „убѣжденные" бросили имѣніе, уѣхали въ Петербургъ, поручивши хозяйство честному старостѣ. „Хозяйство идетъ хоть и не такъ красиво, какъ прежде, но стоитъ дешевле. Дохода очищается триста рублей". Третій помѣщикъ основываетъ систему своего хозяйства на прижимкѣ крестьянъ и „процвѣтаетъ достаточно удовлетворительно". Процвѣтаетъ онъ раздачею нуждающимся крестьянамъ хлѣба „безъ процентовъ", — избави Богъ, онъ не ростовщикъ! — онъ только выговариваетъ, чтобы мужикъ „за одолженіе" отработалъ ему втрое, вчетверо и болѣе стоимость взятаго хлѣба. Такой помѣщикъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, загономъ скота и всякими прижимками, за что стяжалъ отъ крестьянъ прозваніе „мучителя". Но „полной чаши" и такой грабитель не устроилъ; онъ только перебивается „удовлетворительно". Мимоходомъ авторъ говоритъ еще объ „интеллигентномъ работникѣ, Аннетовѣ", который купилъ небольшую пустошь, выстроился на ней по-крестьянски и обрабатываетъ ее своими руками въ товариществѣ съ отставнымъ солдатомъ Финогеичемъ. Трудятся они четыре года, „но покуда еще у пайщиковъ ничего не выяснилось, кромѣ пустыхъ щей да хлѣба, который они ѣли",—говоритъ Щедринъ.

Въ послѣднемъ очеркѣ: *Міроѣды* Щедринъ говоритъ: „Истинный міроѣдъ зачался одновременно съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, но настоящимъ образомъ онъ оперился, оформился и разцвѣлъ, благодаря сивушной реформѣ. Крестьянская реформа создала обстановку. Она дала деревенскому люду общину, но общину своеобразную, содержаніе которой исчерпывалось круговою порукой, облегчавшею исправный платежъ податей и повинностей. Ни въ какомъ другомъ отношеніи эта новоявленная община ни обезпеченія, ни ручательства не

представляла. Для захудалаго мужика она еще могла бы представлять нѣкоторое обезпеченіе въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія денежныхъ сборовъ; но, вѣдь, для подобныхъ платежныхъ единицъ (имъ присвоивается кличка „нерадивыхъ“) существуютъ соотвѣтствующія мѣры побужденія,—стало быть, тутъ и безъ равномѣрности можно обойтись. Для мужика сильнаго, успѣвшаго „забраться“ еще при крѣпостномъ правѣ, община представляла выгоду лишь въ томъ случаѣ, если рядомъ съ нею шло порабощеніе болѣе слабыхъ платежныхъ единицъ“. И вотъ изъ этихъ-то „сильныхъ“, которые успѣли освободиться отъ путъ совѣсти“, мало-по-малу стали вырабатываться „міроѣды“; а наилучшее средство „ѣсть міръ“ дала „сивушная реформа“, благодаря которой „сильные“ и отъ совѣсти свободные пооткрывали кабаки, споили „гольтепу“ и забрали ее въ свои лапы. Рядомъ съ кабакомъ и въ тѣсномъ союзѣ съ нимъ стала деревенская лавочка.

Щедринъ дѣлитъ міроѣдовъ, „по родопроисхожденію“, на два сорта: на аборигеновъ и заѣзжихъ. „Міроѣдъ-аборигенъ ѣстъ своихъ общественниковъ, а потому для него обязательна извѣстная доля осмотрительности“. Онъ никого не съѣдаетъ, такъ сказать, до-тла: „вообще, гдѣ слѣдуетъ, онъ нажметъ, а гдѣ слѣдуетъ, и отдохнуть даетъ“,—говоритъ авторъ.—„Дать мужику безъ резону потачку—онъ носъ задеретъ; но, съ другой стороны, дать захудалому отдохнуть—онъ и опять исподоволь обростетъ. И опять его стриги, сколько хочется. На этомъ умѣньѣ—взять во-время и сколько можно—основанъ весь разсчетъ міроѣда-аборигена“. Въ глазахъ заѣзжаго міроѣда „община есть объектъ для эксплуатаціи—и ничего больше. Онъ беретъ съ этого объекта все, что можетъ, — беретъ нагло, ни передъ чѣмъ не задумываясь“, „и находится въ вѣчномъ трепетѣ краснаго пѣтуха“. „Заѣзжій міроѣдъ—разночинецъ; это или бывшій дворовый человѣкъ, или мѣщанинъ изъ сосѣдняго города, соблазнившійся барышами, которые сулила сивушная реформа, или, наконецъ, оставшійся безъ мѣста, по случаю реформъ, чиновникъ. Иногда (впрочемъ, какъ рѣдкое исключеніе) міроѣдомъ является и самъ бывшій помѣщикъ“. Затѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ бывшій лакей, Иванъ Ѳомичъ, сталъ міроѣдомъ, едва вырвался на волю. Онъ открылъ „постоялый дворъ“ и лавочку и „повелъ атаку быстро, нагло и горячо“, имѣя въ виду не долго задерживаться въ деревнѣ. Поэтому всѣ дѣйствія Ивана Ѳомича имѣютъ лишь временный характеръ. Онъ снимаетъ землю въ краткосрочныя аренды, покупаетъ лѣсъ на вырубку... „Въ сущности,—говоритъ авторъ,—онъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ Петербурга“ и мечтаетъ о болѣе широкой дѣятельности. „И кто знаетъ, что ему сулитъ будущее? Быть можетъ, онъ будетъ членомъ общественнаго управленія, членомъ санитарной коммиссіи, водопроводной субкоммиссія и проч,—вообще, необходимою спицей въ колесницѣ. Можетъ быть, на груди его будетъ блистать медаль, а, можетъ быть“... „О прочихъ заѣзжихъ міроѣдахъ распространяться я не буду, — заканчиваетъ Щедринъ свои очерки. — Они ведутъ свое дѣло съ тою же наглостью и горячностью, какъ и Иванъ Ѳомичъ, только размахъ у нихъ не такъ широкъ и перспективы уже. Подобно хозяйственному мужику, сельскому священнику и помѣщику, міроѣдъ всю жизнь колотится около крохъ, не чувствуя подъ ногами иной почвы и не усматривая впереди ничего, кромѣ крохъ. Всѣхъ одинаково обступили мелочи, всѣ одинаково въ нихъ однѣхъ видятъ обезпеченіе противъ угрозъ завтрашняго дня. Но поэтому-то именно

мелочи, на общепринятомъ языкѣ, и называются: „дѣломъ“, а все остальное—мечтаніемъ, угрозою“. Мы передали въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе четырехъ характеристикъ деревенскихъ обывателей и считаемъ необходимымъ отмѣтить, что по нѣкоторымъ пунктамъ не раздѣляемъ высказанныхъ Щедринымъ взглядовъ, напримѣръ, на общину, которая въ послѣднемъ очеркѣ представляется какъ бы способствующею,—косвенно, правда,—развитію міроѣдства. Мы думаемъ, что только постороннія воздѣйствія на общину лишили и лишаютъ ее возможности положить конецъ міроѣдовъ-„аборигеновъ“ и противустать наѣздамъ на село сторонникъ міроѣдовъ.

Въ декабрской кн. *Вѣстника Европы* напечатано окончаніе статьи П. А. Трифонова: *А. С. Даргомыжскій по его автобіографіи, письмамъ и произведеніямъ*; затѣмъ—Ѳ. А. Бурдина: *Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ.*

Большого вниманія заслуживаетъ въ этой книгѣ историко критическая статья Н. И. Карѣева: *Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней (1881—1886 г.)*. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности поговорить о ней съ читателемъ.

Сѣверный Вѣстникъ, *октябрь*. Первое мѣсто въ книгѣ занимаетъ переданное Влад. Короленкомъ *Сказаніе о Флорѣ римлянинѣ и объ Агриппѣ-царѣ, какъ онъ склонялъ народъ къ терпѣнію, и что сказалъ объ этомъ Менахемъ, сынъ Іегуды, Гамаліотъ, съ прибавленіемъ притчи.* Мы не знаемъ, заимствовалъ ли авторъ это *Сказаніе* изъ какой-либо старинной легенды, подобно тому, какъ Вс. М. Гаршинъ это сдѣлалъ, передавши *Сказаніе о гордомъ Агѣѣ (Русская Мысль* 1886 г., кн. IV), или же г. Короленко самъ сложилъ *Сказаніе о Флорѣ римлянинѣ*, воспользовавшись для этого нѣкоторыми фактами, взятыми изъ книги Іосифа Флавія: *О войнѣ іудейской*, на которую авторомъ сдѣланы три ссылки, и, быть можетъ, другими еще источниками. Судя по складу *Сказанія*, по его тону и расположенію его частей, мы склонны остановиться на послѣднемъ предположеніи потому, главнымъ образомъ, что въ этомъ *Сказаніи* мы не видимъ простоты и своеобразной наивности, составляющихъ отличительные признаки старинныхъ легендъ и придающихъ имъ особливую, неподражаемую прелесть. Воспроизвести эти трудно уловимые признаки и сообщить такую именно прелесть вновь сочиненнымъ сказаніямъ и притчамъ далеко не всегда удается даже такому необыкновенному мастеру, какъ гр. Л. Н. Толстой. И въ его произведеніяхъ этого рода уже нѣтъ той простоты и непосредственнаго прямодушія, которыя дѣйствуютъ такъ неотразимо-привлекательно въ старинныхъ легендахъ, и, вмѣсто того, въ нихъ чувствуется придуманность, нѣкоторая искусственность, почти неизбѣжныя во всякой поддѣлкѣ и не легко устранимыя въ подражаніяхъ. Въ вышеназванномъ произведеніи г. Короленка указанное отличіе подражаній отъ подлинныхъ старыхъ легендъ замѣтно какъ въ содержаніи, такъ и еще въ бо̀льшей степени въ языкѣ *Сказанія о Флорѣ римлянинѣ*. „Въ то время Римъ вознесся могуществомъ, — такъ начинается *Сказаніе*,—а его владычество простерлось отъ края и до края земли. Ибо въ Европѣ римляне побѣдили галловъ и крѣпкихъ тѣломъ германцевъ, и бриттовъ, огражденныхъ, кромѣ океана, еще стѣною, и горную Испанію, охваченную морями. А также Грецiя и народы, живущіе около Понта, и многіе другіе признали власть орла. Въ Африкѣ отъ Столповъ Геркулеса и до Чермнаго моря, Карѳагенъ и безчислен-

ные эѳіопы подверглись силѣ оружія и обязались поставлять запасы, которыми въ теченіе восьми мѣсяцевъ питался римскій народъ. Кромѣ того, они платили всякія дани и благовременно споспѣшествовали нуждамъ Римской державы". Въ это время жестокіе и корыстолюбивые римскіе правители властвовали въ Іерусалимѣ и угнетали народъ еврейскій. Самымъ злымъ и несправедливымъ изъ римскихъ правителей Іудеи былъ Гессій Флоръ: „Въ дѣлахъ, требовавшихъ милосердія, онъ былъ безчеловѣченъ, дѣла же гнусности оставляя безъ наказанія, самъ въ нихъ первымъ и безстыднѣйшимъ являлся зачинщикомъ и покровителемъ". Его грабежи, насилія и убійства вызвали „великое смятеніе" народа, готоваго въ возстаніи искать спасенія отъ неистовства побѣдителей. Къ возстанію склонялъ народъ мудрый и ученый Менахемъ, сынъ Іегуды Гамаліота, „пролившаго кровь въ борьбѣ за свободу отечества". Но другіе въ Іерусалимѣ были противнаго мнѣнія. „Поелику,— говорили они,— Флоръ ищетъ войны, то мы должны сохранять кротость и терпѣніе, дабы не потерять и того, что осталось". Таковы были священники и вельможи, и всѣ, кормившіеся отъ храма, и богатые, боявшіеся потерять богатство; поэтому ходили межъ народомъ, припадая къ ногамъ людей и смиренно обнимая колѣна низкихъ, чтобы склонить ихъ къ поступкамъ кроткимъ и къ терпѣнію. И народъ склонился на сторону смиренія". Ободренный покорностью угнетенныхъ, Флоръ не только не умягчился сердцемъ, но сталъ еще свирѣпѣе и жесточе. Насилія достигли крайнихъ предѣловъ. „Такъ, — говорится въ *Сказаніи*, — платили римляне іудеямъ за ихъ смиреніе, ибо не видѣли *противленія насилію*". Менахемъ успѣлъ, однако же, воодушевить народъ, силу противупоставилъ насилію и оружіемъ отразилъ угнетателей. „На утро въ священномъ градѣ Іудеи не было римлянъ". Выгнавши римлянъ, Менахемъ удалился на родину, въ Гамалу. Тамъ, отдыхая отъ битвъ среди учениковъ своихъ, онъ говорилъ: „Люди должны быть братьями, а Божій міръ хорошъ..."

Изъ Іерусалима пришли къ нему вѣстники, между ними купцы, поселяне и „іессеи въ бѣлыхъ одеждахъ", и сообщили, что въ Іерусалимъ возвратился царь Агриппа и убѣждаетъ народъ опять покориться римлянамъ, ибо онъ опасается за свою власть: „Царь Агриппа имѣетъ престолъ и готовъ примириться съ рабствомъ",—говорили вѣстники. По его словамъ, „ничто такъ не смягчаетъ боль отъ ударовъ, какъ кротость и смиреніе обидимыхъ". Многіе изъ народа смутились отъ такихъ увѣщаній и склоняются къ покорности. А пришедшіе въ бѣлыхъ одеждахъ іессеи стали укорять Гамаліота, говоря: „Ты сѣешь зло, мудрый Менахемъ, ученіемъ, которое въ гордости своей стремится проникнуть во все, что было, что есть и что будетъ. Не довольно ли человѣку знать законъ Моисея и еще—какъ пахать землю?... Ты сѣешь зло также ученіемъ, которое зоветъ на борьбу". „Мы, проповѣдующіе кротость,—продолжали іессеи,—мы выйдемъ изъ общей гибели... будемъ жить, мы и дѣти наши, и наше ученіе.... А вы, мятежные, умрете смертію... И поэтому мы—живые люди, а вы обречены на смерть... Чье же ученіе лучше?" Ученики Менахема смутились, но самъ Менахемъ не смутился, возразилъ іессеямъ, обличилъ неправильность ихъ разсужденія и разсказалъ при этомъ притчу такого содержанія: „Однажды Богъ сжалился надъ землею, сплошь покрытою зломъ и бѣдствіями", и послалъ на землю невиннаго ангела, которому имя „Невѣдѣніе зла". Опустившись на землю, ангелъ увидалъ въ лѣсу

бѣгущаго человѣка. За нимъ гнались какіе-то люди. Ангелъ, по „невѣдѣнію“ своему, не понималъ, что это значитъ. Живущій въ лѣсу добрый человѣкъ укрылъ бѣглеца отъ преслѣдователей и успокоилъ гонимаго. „Не вѣдая зла“, ангелъ указалъ гонителямъ, гдѣ спрятался бѣглецъ. Добрый человѣкъ указалъ своему гостю тропинку, по которой онъ можетъ спастись, а самъ на порогѣ дома встрѣтилъ гонителей и вступилъ съ ними въ бой, чтобы дать время гонимому скрыться. Ангелъ присутствовалъ при этой битвѣ и, по „невѣдѣнію зла“, не понималъ, что все это значитъ. Сила преслѣдователей одолѣла великодушнаго защитника гонимаго и его пронзили мечами. Кровь убитаго обагрила бѣлую одежду ангела. Когда ангелъ стоялъ передъ Богомъ, то „въ глазахъ его не было ясности, а было смущеніе, и боль, и стыдъ, потому что онъ былъ обагренъ кровью. И глаза ангела были мутны, потому что въ нихъ не было уже чистаго невѣдѣнія прежнихъ временъ, но не было также скорбнаго знанія“. Ангелъ разсказалъ Богу все, видѣнное имъ на землѣ. „Богъ поникъ головой и сказалъ: „Горе, великое горе!... Я вижу теперь, что на землѣ не мѣсто кроткому Невѣдѣнію!“ „вмѣсто *Невѣдѣнія*“, далъ ангелу *Скорбное пониманіе*, и сказалъ ему: „Я заповѣдую тебѣ носить эту кровь, какъ святыню. Это чистая кровь, пролитая на защиту слабаго. И зная это, ты будешь скорбѣть, а невѣдѣніе никогда къ тебѣ не возвратится“. И ангелъ молилъ Бога не возвращать ему *Невѣдѣнія*, а навсегда оставить ему „скорбь“. „Теперь, Господи,—говорилъ ангелъ,—отпусти меня опять на землю... Я снесу священную кровь праведника дѣтямъ его и дѣтямъ убійцъ... И пусть, когда они выростутъ, ясность замѣнится въ ихъ глазахъ скорбью познанія... И тогда первые будутъ готовы встать на защиту слабыхъ по обычаю своего рода и будутъ исполнять завѣщаніе отцовъ до тѣхъ поръ, пока дѣти гонителей поймутъ всю скорбь, истекающую изъ завѣщанія насильниковъ“. Разсказавши эту притчу, мудрый Менахемъ воздѣлъ руки къ небу и обратился къ Всевышнему съ молитвою, въ которой высказалъ покорность волѣ Господа, если ему и всѣмъ защитникамъ праваго дѣла суждено погибнуть и если суждено торжествовать насилію... Но, вслѣдъ за тѣмъ, молилъ: „Пусть никогда не забудемъ мы, доколь живы, завѣта борьбы за правду. Пусть ни одинъ нашъ ударъ не будетъ направленъ противъ неповиннаго въ насиліи. Пусть никогда не посягнемъ на святость чужихъ алтарей, помня поруганіе своихъ. Пусть мысли наши сохраняютъ ясность, дабы направлять стопы наши по пути правды, а удары рукъ—на защиту, а не на утѣсненіе... Когда же пробьетъ часъ Твоей воли и мы погибнемъ, пусть ангелъ скорби осѣнитъ своимъ крыломъ наши могилы и повѣдаетъ о насъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ враговъ нашихъ, чтобы и наша смерть служила правому дѣлу. И я вѣрю, о, Адипой, что на землѣ наступитъ Твое царство!... Исчезнетъ насиліе, народы сойдутся на праздникъ братства и никогда уже не потечетъ кровь человѣка отъ руки человѣка. Тогда ангелъ скорби, радостно взмахнувъ своими крылами, поднимется къ небу, а на землѣ будетъ радость и миръ. Пусть тогда люди вспоминаютъ о насъ несчастныхъ, въ жестокое время пролившихъ свою кровь для дѣла защиты, а не утѣсненія. Аминь!“

Какъ видитъ читатель, въ той же формѣ легенды и притчи, въ которой гр. Л. Н. Толстой проповѣдуетъ „непротивленіе злу“, г. Короленко возражаетъ противъ ученія о „смиреніи“ передъ зломъ, о „покорности“ и „кротости“, которыми, по мнѣнію гр. Толстаго, только и

можетъ быть побѣждено зло. Въ спасительность теоріи гр. Толстаго мы не вѣримъ и всѣ доводы въ ея подкрѣпленіе считаемъ неубѣдительными, а примѣръ, приведенный авторомъ *Сказанія о Флорѣ римлянинѣ*, находимъ удачно выбраннымъ для выясненія несостоятельности ученія о непротивленіи злу. Мы видимъ, что чѣмъ болѣе видѣлъ „римлянинъ“ покорности и смиренія со стороны іудеевъ, тѣмъ онъ становился требовательнѣе, алчнѣе и свирѣпѣе. Кротость побѣжденныхъ не умягчала его сердца и только поощряла его къ новымъ насиліямъ, какъ это и было въ дѣйствительности во времена Іосифа Флавія и какъ это бываетъ всегда, когда сила находится въ рукахъ злыхъ. При этомъ всѣ симпатіи читателя находятся, конечно, на сторонѣ Менахема Гамаліота, предвидящаго свою гибель въ борьбѣ со зломъ и, все-таки, возстающаго на эту борьбу и призывающаго на нее своихъ друзей и единовѣрцевъ, святынѣ которыхъ враги грозятъ поруганіемъ. И, напротивъ, чувства не симпатіи, а презрѣнія возбуждаютъ въ насъ „священники и вельможи, и всѣ, кормившіеся отъ храма, и богатые, боявшіеся потерять богатство“, и потому склонявшіе угнетаемый народъ „къ поступкамъ кроткимъ и терпѣнію“. Менахемъ предпочиталъ смерть въ честномъ бою безчестью рабства и поруганію святыни; проповѣдники „непротивленія“ предпочитали рабство въ довольствѣ и позоръ, и осквернѣніе алтарей опасности лишиться богатства и пострадать за правое дѣло—за вѣру и народъ. Затѣмъ мы думаемъ, что г. Короленко напрасно послѣдовалъ по пути, проложенному гр. Толстымъ, и прибѣгнулъ къ „притчѣ“ объ ангелѣ. Мы не знаемъ, заимствовалъ ли ее авторъ откуда-нибудь, или нѣтъ; подобныя притчи были въ ходу у евреевъ „времени разсѣянія“ и вошли въ Талмудъ. Но самое мѣсто такихъ притчъ въ еврейской литературѣ указываетъ на ихъ искусственность и сочиненность; первообразамъ же иносказаній было чуждо все сверхъестественное и чудесное. И въ настоящее время не представляется никакой надобности подкрѣплять жизненно-правильную мысль ссылками на что-либо фантастическое, вымышленное, а потому самому и невѣрное. Всѣ эти разсказы объ ангелахъ и о вымышленныхъ чудесахъ производятъ совершенно обратное впечатлѣніе тому, на какое они разсчитаны; такіе разсказы сбиваютъ лишь съ толку читателя и подрываютъ въ немъ довѣріе къ правильности самой идеи, для подкрѣпленія которой потребовалось вмѣшательство небывалаго чуда.

Въ *Сказаніи* г. Короленка есть прелестныя мѣста, но вообще языкъ этого произведенія не выдержанъ; въ немъ видно подражаніе старинным повѣствованіямъ, причемъ прорываются слова и цѣлыя фразы, нисколько не подходящія къ господствующему тону; порою же старинный складъ исчезаетъ совсѣмъ и уступаетъ мѣсто новымъ оборотамъ рѣчи. Для примѣра приведемъ такую фразу: „А римляне развели костры у дворца Флора, и воины стояли въ мрачномъ молчаніи *на бивуакѣ*, ибо увидѣли, встрѣтивъ отпоръ, что поступили неблагоразумно и жестоко“. Иногда нѣкоторая вычурность выраженій нисколько не согласуется съ архаическою простотой, обычною „сказаніямъ“, и звучитъ настоящимъ диссонансомъ; напримѣръ: „Вечернія тѣни кое-гдѣ уже трепетали въ долинахъ, но ночь не зажигала еще *своихъ блестящихъ лампадъ*. И еще не было видно огненнаго меча, который вотъ уже нѣсколько ночей *всплывалъ въ синемъ эфирѣ* и горѣлъ въ небѣ, заставляя сердца людей биться тревожнымъ ожидані-

емъ“ и т. д. Или еще: „Тутъ были вѣстники изъ Іерусалима, пришедшіе съ извѣстіемъ къ Менахему, и галилейскіе поселяне, и идумеи, и іессеи въ бѣлыхъ одеждахъ. Идя по дорогѣ, они спорили между собою, смущая гуломъ нестройныхъ голосовъ *тихую нѣгу* вечера. И такъ подошли къ дому Менахема, иные звеня запыленными досчѣхами и всѣ не переставая спорить. Когда же подошли близко, то стали, и Менахемъ спросилъ, въ чемъ у нихъ споръ?“ Мы находимъ, что „тихая нѣга вечера“, „синій эфиръ“, „блестящія лампады ночи и т. под. выраженія, употребляемыя для красоты слога, такъ же мало гармонируютъ съ двумя послѣдними приведенными выше фразами, какъ слово „бивуакъ“ не подходитъ къ ночной стоянкѣ римскихъ воиновъ на площади древняго Іерусалима. По нашему мнѣнію, старинныя легенды и сказанія слѣдуетъ передавать строго выдержаннымъ стариннымъ языкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ подражанія старинному складу и разсказывать ихъ современнымъ языкомъ, избѣгая только употребленія иностранныхъ словъ новѣйшаго заимствованія и соблюдая елико возможно простоту рѣчи.

Въ октябрской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника* окончена повѣсть Сергѣя Е—скаго *Озимь*. Мы о ней говорили въ нашемъ октябрскомъ обзорѣ журналовъ и къ высказанному нами сужденію объ этой повѣсти мы не имѣемъ ничего прибавить, ни измѣнить въ чемъ-либо наше мнѣніе о ней. Это не повѣсть, какъ мы уже сказали, это—сырой матеріалъ, изъ котораго можно было сдѣлать повѣсть. Въ отрывочныхъ, кое-какъ слѣпленныхъ между собою разсказахъ г. Е—скаго нѣтъ никакой основной идеи, изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого вывода. Авторъ, повидимому, сознаетъ это, такъ какъ въ заключительныхъ строкахъ выражаетъ надежду „снова отыскать своихъ героевъ“ для того, конечно, чтобы сообщить читателямъ ихъ дальнѣйшія похожденія. Въ третьей части, которою закончена повѣсть, разсказывается о томъ, какъ умеръ добродѣтельный священникъ, отецъ Иванъ, родитель героя повѣсти Снѣгова. На похороны „добраго пастыря“ пріѣхалъ молодой священникъ, франтъ и обиралo прихожанъ, совершенная противуположность честному и безкорыстному о. Ивану. Молодой попикъ уже успѣлъ такъ зарекомендовать себя въ округѣ, что крестьяне говорятъ: „Согрѣшили мы передъ Господомъ Богомъ. Люди хуже стали, Бога забыли, помыслы нечестивые на душѣ. Вотъ они, понѣшніе-то попы! Вонъ онъ, борзой кобель, поскакалъ!—старикъ тряхнулъ головой по направленію къ отъѣзжающему священнику“. Сказано крѣпко и, притомъ, безъ всякой надобности, могущей оправдать употребленіе въ беллетристическомъ произведеніи мужичьихъ ругательствъ. Довольно странными представляются намъ и размышленія автора по поводу кончины образцоваго іерея, отца Ивана. Въ тихій Пчелиный Погостъ, гдѣ онъ священствовалъ, забрались торговцы-скупщики лѣса и начали хозяйничать по-своему. „Явилась другая сила,—говоритъ г. Е—скій,—и міръ, и вліяніе о. Ивана должны были отступить и покориться нахальству. И онъ умеръ. Онъ долженъ былъ умереть; слишкомъ странно было бы существованіе рядомъ бокъ-о-бокъ о. Ивана и новаго хищника. Одинъ долженъ былъ уйти“. „Явится *цивилизація*,—читаемъ мы дальше,—придетъ *культура*. Вымретъ шляпа грешневикомъ и традиціонные лапти; картузъ съ яснымъ козыремъ, козловые сапоги съ бураками будутъ идеаломъ парней, а кринолины—дѣвокъ, нравы получатъ надлежащую гибкость; „Я хочу вамъ разсказать“ и „Распре-

красная столица" сдѣлаются народными пѣснями, а надъ всѣмъ этимъ—лоснящееся брюхо купца, выкачивающаго бочку водки въ именины супруги. А тамъ еще больше. Его бухгалтеръ напишетъ корреспонденцію; „нашъ глухой край оживился, благодаря просвѣщенной промышленной дѣятельности..." а редакторъ газеты напишетъ передовую статью, а русскій патріотъ будетъ читать и радоваться. А тамъ черезъ нѣсколько лѣтъ рельсы прорѣжутъ глубь родныхъ лѣсовъ и захохочетъ поѣздъ, стономъ откликаясь въ вѣчно тихихъ лѣсахъ. И рядомъ съ этимъ отецъ, Пчелиный Погостъ, онъ самъ (т.-е. герой Снѣговъ)!... Смѣшно!..." Надо признаться, что въ самомъ дѣлѣ — „смѣшно" и очень странно, почему это г. Е—скому, или, что то же самое, его герою, кажется, будто добродѣтельный священникъ не можетъ подвизаться на благо паствы въ такомъ приходѣ, гдѣ купцы рубятъ лѣсъ и пилятъ на доски? Почему благочестивый іерей, а, слѣдовательно, и всѣ благочестивые іереи должны вымирать въ тѣхъ селахъ, куда проникаютъ „хищники"? Вѣдь, эдакимъ манеромъ мы рискуемъ скоро остаться совсѣмъ безъ хорошихъ священниковъ. Еще страннѣе мысли Снѣгова о томъ, будто рельсовые пути и свистки локомотива должны гибельно дѣйствовать на здоровье и самую жизнь достойныхъ пастырей словеснаго стада. При чемъ тутъ „хохотъ поѣзда", „передовая статья", „корреспонденція", „кринолины", „шляпы грешневиками", „цивилизація", „культура", „сапоги съ бураками"? Все это—старая, давно спѣтая пѣсня о прелести „лаптя" и о зловредности „культуры" для Пчелиныхъ Погостовъ. И, однако же, столь странныя мысли не мѣшаютъ Снѣгову заводить въ томъ же погостѣ разсадникъ „культуры" въ видѣ школы, на которую онъ даритъ крестьянамъ домъ и жертвуетъ деньги. Раздѣлавшись, такимъ образомъ, съ деревней, Снѣговъ возвращается въ Москву продолжать университетскій курсъ. Тутъ авторъ дѣлаетъ отступленіе и разсказываетъ про дрянныхъ родителей героини, Ольги Долинской, и про скверное воспитаніе, которое она получила въ дѣтствѣ. Всѣ мерзости родителей и все безобразіе воспитанія не имѣли, однако же, никакого дурнаго вліянія на молодую дѣвушку. Она ушла изъ родительскаго дома, стала слушать лекціи на курсахъ и блещетъ чистотою алмаза. Подобно Снѣгову, Долинская—ума палата и добродѣтели кладезь. Къ ней подъѣзжаетъ съ любовью нѣкій блестящій молодой человѣкъ, магистръ, кажется, разсчитывающій занять профессорскую каѳедру. Онъ дѣлаетъ ей предложеніе. Но Ольга видитъ въ немъ карьериста, не дорожащаго идеалами, и отказываетъ ему. Тогда является Снѣговъ и въ простыхъ, но выразительныхъ словахъ сообщаетъ Ольгѣ о своей любви. Ольга отвѣтила ему „какимъ-то умоляющимъ шепотомъ: „Зачѣмъ вы сказали это? Зачѣмъ?... Не надо,—такъ хуже... хуже...—и тотчасъ же опустилась на столъ, положивши голову на сложенныя руки..." Но вскорѣ одумалась, должно быть, „и вдругъ обѣими руками обхватила шею его, притянула къ себѣ и прильнула къ его губамъ.—„Милый, дорогой мой, вѣдь, ты самъ знаешь, что я люблю тебя. Ну, да, люблю, люблю..." И пречудесно, казалось бы, лучше и желать нельзя, какъ посрамленія недобродѣтельныхъ карьеристовъ и взаимной любви добродѣтельныхъ героевъ. Но не тутъ-то было: „Ольга снова опустилась на столъ" и начала рыдать, а въ заключеніе объявила Снѣгову диковинную резолюцію: „Ну, полно, милый мой, не говори такъ. Я опять буду плакать. Вѣдь, мы же любимъ другъ друга и будемъ любить.

Только мы будемъ въ разныхъ мѣстахъ... но, вѣдь, это все равно, милый мой. Не правда ли? А когда мы устанемъ, тяжело будетъ безъ личной жизни, ты позовешь меня и я приду. Вѣдь, ты вѣришь, что я приду, дорогой мой, вѣдь, ты знаешь?..“ „Если будетъ яснѣе на небѣ,—заканчиваетъ авторъ,—и чище воздухъ и если къ тому времени у насъ съ вами, мой милый читатель, роса очи не выѣстъ, быть можетъ, мы снова отыщемъ нашихъ героевъ“. И такъ, исторія г. Е—скаго оборвана на самомъ интересномъ мѣстѣ и ея продолженіе отлагается до болѣе благопріятной погоды... Ну, что-жь? Если у „милаго читателя“ хватило терпѣнія прочесть эту повѣсть, такъ ужь онъ, навѣрное, такъ же терпѣливо подождетъ ея продолженія, такъ же терпѣливо прочтетъ дольнѣйшее жизнеописаніе Снѣгова и, быть можетъ, когда-нибудь дождется, что герои „устанутъ“ геройствовать и сдѣлаются просто хорошими людьми... Быть можетъ, дождутся конца повѣсти, если только „милому читателю“ и самому автору мышь головы не отъѣстъ!

Бѣлецъ, разсказъ „изъ дневника бывшаго моряка“, г. Костина, написанъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ отнюдь не выкупается безсодержательность разсказа, заключающагося въ нижеслѣдующемъ: входитъ русскій корветъ въ портъ Санъ-Франциско; матросы разговариваютъ про жизнь въ Калифорніи. Старый матросъ вспоминаетъ о томъ, какъ Максимка, крѣпостной лакей одного жестокаго офицера, сбѣжалъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что разыскать его не могли. Черезъ нѣсколько дней, по примѣру Максимки, сбѣгаетъ одинъ хорошій матросъ, а клиперъ уходитъ въ дальнѣйшее плаваніе.

І. Пономаревъ, въ статьѣ *Земледѣльческое братство, какъ обычно-правовой институтъ сектантовъ*, передаетъ любопытныя данныя относительно новаго сектантскаго толка „божьихъ людей“, развивающагося въ Оренбургской губерніи. Авторъ говоритъ въ примѣчаніи: „Нынѣшній (?) голодный годъ обратилъ въ сектантство массу крестьянъ. О томъ, что этотъ прозелитизмъ ведется не пропагандой, я говорю въ иномъ мѣстѣ; скажу лишь, что каждый голодъ обращаетъ цѣлыми деревнями въ дурмановскій толкъ, потому что, при развитіи взаимопомощи, дурмановцы никогда не голодаютъ. Въ иныхъ деревняхъ до послѣдняго времени не было ни одного сектанта, въ другихъ—небольшое количество; нынѣче я слышалъ, что деревни поголовно „богомольствуютъ“. Священники ничего не могутъ сдѣлать,—ясно, что проповѣдь дурмановцевъ молчалива; она ведется общественно-экономическими укладами братства, а не индивидуальными усиліями“. Основанія экономическихъ теорій сектантовъ авторъ передаетъ въ такомъ видѣ: „Земля и вода—не собственность, а „добро“, а какъ всякое добро неуловимо, то и завладѣть имъ никто не можетъ. Богъ сотворилъ все; человѣкъ не вѣченъ на землѣ,—стало быть, онъ не можетъ и владѣть вѣчнымъ. Богъ нашъ отецъ; мы его дѣти; а справедливый Богъ, надѣляя насъ наслѣдствомъ—землей, не могъ обдѣлить однихъ въ пользу другихъ; люди—звѣри, потому они и отняли у братьевъ землю; но это неправильно... Богъ строго запретилъ людямъ грѣшить, а всякій трудъ не у земли—есть грѣхъ (у дурмановцевъ, кромѣ земледѣлія, нѣтъ работъ), а потому Богъ и посадилъ насъ на землю...“ Выводъ оренбургскими сектантами общественно-экономическихъ теорій изъ религіозныхъ основаній не представляетъ собою ничего новаго въ нашемъ сектантствѣ и истекаетъ изъ міровоззрѣнія, общаго всему нашему зем-

ледѣльческому крестьянству. Эти выводы болѣе или менѣе видоизмѣняются, сообразно обстоятельствамъ, каковъ, наприм., голодъ; но видоизмѣняются они, насколько намъ извѣстно, всегда подъ вліяніемъ религіозной пропаганды. Такъ мы думаетъ, что дурмановскій толкъ долженъ имѣть непремѣнную связь съ молоканствомъ, издавна существующимъ въ Оренбургской губерніи. Въ молоканствѣ, несомнѣнно, существуетъ стремленіе осуществить „царство Божіе“ на землѣ въ чисто-практическихъ формахъ взаимныхъ отношеній между людьми. Это стремленіе доводило молоканъ до попытки основать въ Закавказьѣ обширное братство, подъ названіемъ толка „общихъ“, на чисто-коммунистическихъ началахъ. То же стремленіе организоваться „въ братства“ цѣлыми поселками или же только союзами двухъ, трехъ или нѣсколькихъ семей видимъ мы и въ дурмановскомъ толкѣ, какъ о немъ передаетъ г. Пономаревъ. Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ, между прочимъ: „Изъ всего нашего очерка для читателя становится яснымъ, что въ области землевладѣнія сектанты придерживаются основнаго принципа всѣхъ крестьянъ, именно принципа равненія, проводимаго божьими людьми съ большою послѣдовательностью; мы видѣли также, что равненіе не ограничивается только одною землей, что оно, по силѣ возможности, проникаетъ и въ сферу распредѣленія продовольствія... Такого рода стремленій не чужда и вся категорія движимаго имущества...“ „Но всѣ эти попытки равненія,—заканчиваетъ авторъ,—интересныя сами по себѣ, не могутъ изгладить у насъ изъ памяти одного вида ихъ—равненія трудоваго, каковое мы отмѣтили въ томъ, что каждая община стремится уравновѣсить силу каждой семьи и, съ другой стороны, все окрестное братство посылаетъ работниковъ на болѣе или менѣе отдаленный трудъ для поддержанія *экономическаго равенства отдѣльныхъ селъ и деревень* — фактъ крупной величины, въ особенности въ нашу годину, когда болѣе всего народъ упрекаютъ въ розни и отсутствіи общихъ интересовъ“. До всего этого *народу*, т.-е. мужику, собственно, приходится додумываться самому, безъ посторонней помощи, подъ вліяніемъ вожаковъ, исключительно изъ своей же среды, дѣйствующихъ при посредствѣ религіозной идеи, принимающей произвольное направленіе, независимое отъ ученія „церкви“, которому, однако же, такія общественно-экономическія теоріи ни въ чемъ не противорѣчатъ. Всѣ такого рода попытки устроить жизнь и взаимныя отношенія „по-правдѣ“, по-Божьи“, суть ничто иное, какъ исканіе лучшаго экономическаго строя жизни. И въ этихъ попыткахъ темный народъ хватается за религіозное ученіе, перетолковывая его по-своему, иногда вкривь и вкось, лишь потому, что онъ не знаетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ религіозныхъ, изъ которыхъ онъ могъ бы вывести свои экономическія теоріи. И вотъ на чисто-житейской, экономической почвѣ зарождается сектантство, церковный расколъ, — какъ мы видимъ въ статьѣ г. Пономарева,— зарождается и ширится не отъ пропаганды, а отъ разростающейся нужды. „Священники, — говоритъ авторъ, — ничего не могутъ сдѣлать“, само собою разумѣется, потому, что обязаны заботиться исключительно о духовныхъ нуждахъ, а не о матеріальныхъ. При этомъ совершенно преграженъ доступъ къ народу всякихъ другихъ, свѣтскихъ руководителей, которые могли бы указать ему на иныя основанія для его экономическихъ теорій и на совмѣстимость экономическаго „братства“ съ полнымъ подчиненіемъ авторитету церкви въ дѣлахъ духовныхъ.

Дневникъ читателя Н. М., съ подзоголовкомъ: *О крокодиловыхъ слезахъ*, занятъ разборомъ литературной дѣятельности Болеслава Маркевича, который въ своихъ произведеніяхъ проливалъ „крокодиловы слезы о святомъ, гордомъ, свободномъ, чистомъ искусствѣ...“ „Что же намъ даетъ самъ этотъ плачущій поклонникъ солнца? — пишетъ критикъ.—Какіе предъявляетъ образцы истиннаго служенія искусству?!“ „Изъ примѣра, подаваемаго Маркевичемъ, прежде всего, слѣдуетъ, что служитель чистаго искусства можетъ съ чрезвычайною развязностью изображать то, о чемъ онъ ни малѣйшаго понятія не имѣетъ, чего онъ въ жизни не видалъ“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его панегиристъ Щебальскій (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*): „Людей, которыхъ Маркевичъ называетъ эфіопами, онъ совсѣмъ не знаетъ и, однако, не однажды и случайно, а почти въ каждомъ произведеніи систематически рисуетъ ихъ. Это первый урокъ служенія музамъ. Второй урокъ состоитъ въ томъ, что свободный служитель чистаго искусства можетъ писать по заказу романы на политическія темы дня, давая лицамъ и событіямъ то мѣсто и освѣщеніе, какое требуется заказчиками. Третій урокъ рекомендуетъ писать „красивымъ слогомъ“, такъ, чтобы „недужный молвилъ“, а „глаза побѣжали“. Четвертый урокъ предписываетъ служителю „искусства ради искусства“ не пренебрегать пасквилемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Каково бы ни было происхожденіе и настоящее значеніе слова пасквиль, я не ошибусь, сказавъ, что подъ нимъ всѣ мы разумѣемъ такое произведеніе, въ которомъ данное лицо можетъ быть, по тѣмъ или другимъ признакамъ, узнано, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этому лицу приписаны какіе-нибудь гнусные или вообще унижающіе его достоинство поступки. Такихъ пасквильныхъ рисунковъ у Маркевича, конечно, не мало“. Далѣе критикъ указываетъ, какіе Маркевичъ писалъ пасквили, какъ наклеветалъ на „эфіоповъ“ и обливался „крокодиловыми слезами“ по поводу „нарушеній семейныхъ началъ“. Что слезы тѣ были „крокодиловы“, г. Н. М. доказываетъ другими произведеніями Маркевича, въ которыхъ онъ съ большою снисходительностью относится „къ амурнымъ шалостямъ“ излюбленныхъ имъ „хорошо рожденныхъ“ героевъ и ругается на „эфіоповъ“ за такія же продѣлки, подъ покровомъ хорошихъ словъ о „свободѣ женщины“ и „свободѣ чувства“. „Объ такихъ,—продолжаетъ г. Н. М,—только и можно сказать, что они негодяи. Но тѣмъ, кто искренно заблуждался или увлекался, да послужатъ оправданіемъ Троекуровы, Ашанины („хорошо рожденные“ герои) и ихъ пѣвцы Маркевичи. Не въ смыслѣ дурнаго примѣра, нѣтъ,—изъ того, что есть на свѣтѣ, положимъ, десятокъ негодяевъ, еще не вытекаетъ оправданія для втораго десятка, слѣдующаго ихъ примѣру“. Но мѣрка для тѣхъ и другихъ должна быть одна, и не могутъ не вызвать чувства негодованія „безпастѣнчивость лицемѣрія, лживость пафоса, лживость слезъ“ о „святомъ искусствѣ, уживающемся съ пасквилемъ и клеветой“, о „семейномъ началѣ при шалостяхъ Ашаниныхъ и грандіозностяхъ Троекуровыхъ“.

Русскій Архивъ, *апрѣль—октябрь*. Мы говорили уже о *Запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго* („Библіограф. отдѣлъ“ 1886 г., кн. IV, стр. 303), напечатанныхъ въ первыхъ книжкахъ *Русскаго Архива* нынѣшняго года. Продолженіе *Записокъ*, помѣщенное въ 4 и 5 книжкахъ, обнимаетъ собою 1816 и 1817 годы и передаетъ множество любопытныхъ подробностей о путешествіи Н. Н. Муравьева въ Персію въ по-

сольской свитѣ при А. П. Ермоловѣ, о пребываніи нашего посольства при дворѣ шаха, о возвращеніи обратно и жизни въ Тифлисѣ. Въ особенности же останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя два документа, касающіеся Черногоріи (кн. 4): записка неизвѣстнаго автора, веденная во время экспедиціи кн. Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору (1769 года), и записка флигель-адъютанта И. Н. Толстаго о его поѣздкѣ въ Черногорію (1871 г.) въ качествѣ представителя русскаго Императора при крещеніи сына князя Николая Черногорскаго. Помѣщеніе этихъ двухъ документовъ рядомъ даетъ возможность сравнить, чѣмъ была Черногорія и чѣмъ она стала въ теченіе одного столѣтія. Авторъ первой записки изображаетъ Черную Гору и ея обитателей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Редакторъ *Русскаго Архива* въ своемъ послѣсловіи къ этой *Запискѣ* говоритъ, между прочимъ: „Составитель не подмѣтилъ ни одной свѣтлой черты въ даровитомъ и героическомъ племени, такъ славно обороняющемъ себя отъ нападеній ислама и обольщеній Европы“... и пытается объяснить это предположеніемъ, что составитель записки былъ нѣмецъ, майоръ А. Г. Розенбергъ, участникъ экспедиціи кн. Долгорукова. Не имѣя достаточныхъ данныхъ отрицать извѣстную долю преувеличенія пороковъ черногорцевъ, на что указываетъ замѣтка П. И. Бартенева, мы не можемъ, однако же, удовлетвориться и объясненіемъ такого преувеличенія нѣмецкимъ происхожденіемъ автора *Записки*. Записка эта, по словамъ самого же г. Бартенева, велась „по указаніямъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ самого князя Долгорукова“, была представлена въ свое время „самой Государынѣ“ и, слѣдовательно, должна быть почитаема за документъ большой государственной важности, въ которомъ едва ли могли найти мѣсто личныя симпатіи и антипатіи составителя нѣмца. Къ тому же, „самъ князь Долгоруковъ“ отнюдь уже не былъ нѣмцемъ, а онъ-то и долженъ быть почитаемъ настоящимъ авторомъ *Журнальной Записки*, составлявшейся по его указаніямъ и имѣвшей значеніе отчета о его миссіи въ Черногорію. Во всякомъ случаѣ, что бы мы ни отнесли въ этой *Запискѣ* на долю преувеличенія, само дѣло отъ того измѣнится мало, — читатель вынесетъ изъ нея, все-таки, самое мрачное представленіе о предкахъ нашихъ теперешнихъ друзей—черногорцевъ. Вотъ, между прочимъ, какими чертами характеризуется состояніе Черногоріи 127 лѣтъ назадъ: „Черногорцы, почти сказать всѣ обще, не зная никакихъ рукодѣлій и художествъ и будучи удалены отъ христіанства и человѣколюбія, питаются воровствомъ, грабленіемъ и разбоемъ, не разбирая ни вѣры, ни знакомства, ни человѣчества...“ „Съ самаго пріѣзда его сіятельства въ Черную Гору уже усмотрѣны были столь сильные въ жителяхъ непорядки, что безъ прекращенія оныхъ не осталось никакой надежды къ начатію какого-либо предпріятія, а того меньше ожидать успѣха. Безстрашіе, непослушаніе, безпутное самовольство, и потому междоусобное убійство, наглость, воровство, грабленіе, съ непріятелемъ тайное согласіе, измѣна и предательство, обманы и неправосудіе и насиліе почти всѣми жителями столь слѣпо овладѣли, что долговременное сихъ пороковъ употребленіе почитается у нихъ за древній обычай...“ и т. д. Во всемъ этомъ очевидно преувеличеніе; но произошло оно, по нашему мнѣнію, не отъ того, что авторъ былъ „нѣмецкаго происхожденія“ и отнесся недоброжелательно къ славянамъ, а вѣрнѣе отъ простаго непониманія кн. Долгоруковымъ, его секретаремъ и другими спутниками жизни и

обычаевъ полудикихъ горцевъ съ ихъ самосудомъ, кровною местью, родовыми счетами и распрями, разрѣшить которыя они не могли иначе, какъ оружіемъ, убійствами и опустошеніемъ. Князь Долгоруковъ прибылъ въ Черногорію съ порученіемъ вооружить горскихъ славянъ и поднять ихъ на войну съ Турціей. Онъ, какъ видно, не имѣлъ никакого понятія о народѣ, съ которымъ ему предстояло имѣть дѣло, воображалъ найти извѣстную государственную организацію, которую можно было бы взять въ руки и направить къ указанной цѣли. Вмѣсто того, онъ встрѣтилъ нестройныя толпы, не признающія ничьей власти и не желающія признавать таковой, привыкшія рѣшать свои дѣла „сходками“, на которыхъ споры нерѣдко переходили въ драки кончавшіяся убійствами и слѣдовавшею затѣмъ кровною местью. Попытка ввести хотя какой-нибудь порядокъ была ранѣе пріѣзда Долгорукова предпринята Степаномъ Малымъ, котораго Долгоруковъ тоже не понялъ и „заключилъ объ немъ, что онъ въ лицѣ вздорнаго комедіанта представлялъ вѣтренаго или совсѣмъ сумасброднаго бродягу“. О свиданіи Степана Малаго съ кн. Долгоруковымъ въ *Запискѣ* сказано, что онъ „проводилъ (съ княземъ) время до пятаго часа пополудни въ темныхъ и вѣтреныхъ разговорахъ, изъ которыхъ, кромѣ пустоши, ничего заключить не можно было, хотя черногорцы и почитаютъ его за пророческое краснорѣчіе со страхомъ и кротостью“. При содѣйствіи „патріарха Василья“ (сербскаго) Долгоруковъ арестовалъ Степана Малаго и посадилъ его въ тюрьму. Однако же, отъѣзжая изъ Черногоріи, послѣ неудачно окончившейся миссіи, князь Долгоруковъ, какъ значится въ *Запискѣ*, „заблагоразсудилъ, освободя Степана Малаго, оставить его попрежнему и поручить легкомысленнаго народа правленіе вѣтреному начальнику“. Когда такое рѣшеніе было объявлено черногорцамъ, провожавшимъ Долгорукова до моря, то они, „будучи очень довольны, слѣпо тому покорились“. Степанъ Малый управлялъ Черногоріей до 1771 г., когда былъ предательски убитъ подкупленнымъ турками грекомъ. Личность этого „не вполнѣ разгаданнаго“ самозванца-героя, воспѣтаго въ одной изъ поэмъ черногорскаго владыки Петра, представляется въ дѣйствительности совершенно иною, чѣмъ она изображена въ *Запискѣ* кн. Долгорукова. Вотъ что говоритъ о немъ П. И. Бартеневъ въ своемъ послѣсловіи: „Степанъ Малый сдѣлался не только полновластнымъ государемъ Черногоріи, но и обновителемъ ея внутренняго быта. Онъ является съ необыкновеннымъ значеніемъ, какъ проповѣдникъ покаянія и наставникъ всякому добру, какъ защитникъ обижаемыхъ, какъ укротитель дикихъ нравовъ; онъ отличный воинъ, въ то же время врачъ и инженеръ. Черногорцы чтили въ немъ знахаря и почти что пророка. Имя его было грозно для ослушниковъ, а военные подвиги неимовѣрны...“ Судя по тому, насколько этотъ отзывъ, очень близкій къ истинѣ, разнится со взглядомъ кн. Долгорукова на Степана Малаго, не трудно вывести заключеніе о степени достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ въ *Запискѣ* о Черногоріи и черногорцахъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что Степанъ Малый, ради своихъ политическихъ цѣлей, пытался выдать себя за Императора Петра III, или, по меньшей мѣрѣ, былъ заподозрѣнъ въ такомъ самозванствѣ; а потому есть основаніе думать, что самая экспедиція князя Долгорукова была отправлена въ Черную Гору лишь подъ предлогомъ „учиненія непріятелю диверсіи“. Главное же, хотя и тайное, порученіе кн. Долгорукову заключалось, несомнѣнно, въ

томъ, чтобы выяснить вопросъ о самозванствѣ, разоблачить авантюриста, а буде того потребуютъ обстоятельства, и захватить его. Этимъ объясняется полная безрезультатность экспедиціи въ смыслѣ оффиціально заявленной цѣли, арестъ Степана Малаго, единственнаго человѣка, пригоднаго для ея осуществленія, т.-е. для „диверсіи“, и оставленіе всего „попрежнему“, даже назначеніе Степана „начальникомъ“ отъ имени русскаго правительства, какъ только выяснилось, что самозванство его не представляетъ для Россіи никакой опасности. Очень жаль, что это обстоятельство осталось неразъясненнымъ въ замѣткѣ г. Бартенева.

Въ *Русскомъ Архивѣ* опубликовано уже не мало „записокъ“ и „воспоминаній“ декабристовъ. До сихъ поръ не наступило, однако, время исторической обработки этого матеріала и полнаго разъясненія какъ самаго движенія, создавшаго названіе „декабриста“, такъ и лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, а потому во всемъ этомъ дѣлѣ есть еще очень много невыясненнаго и относительно лицъ — много недосказаннаго. *Воспоминанія А. С. Гангебловa*, помѣщенныя въ № 6 *Русскаго Архива* и озаглавленныя: *Какъ я попалъ въ декабристы и что затѣмъ послѣдовало*, очень мало способствуютъ таковому разъясненію и до нѣкоторой степени увеличиваютъ даже недоумѣніе читателей. А. С. Гангебловъ не былъ никогда „декабристомъ“ въ смыслѣ участника въ заговорѣ и въ тайномъ обществѣ; онъ „попалъ въ декабристы“ по недоразумѣнію и потому еще, что на него наговорили небылицъ его пріятели „декабристы“. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ самъ Гангебловъ въ этихъ „воспоминаніяхъ“, при чемъ имя главнаго виновника постигшей его бѣды онъ скрываетъ подъ какимъ-то псевдонимомъ „Зетъ“. Кто этотъ „Зетъ“ и по какимъ причинамъ авторъ не называетъ его настоящимъ именемъ, остается неизвѣстнымъ, а, между тѣмъ, въ этомъ „Зетѣ“ вся и сила, весь интересъ „воспоминаній“. Если бы „Зетъ“ и Свистуновъ не наговорили совсѣмъ ненужныхъ вещей о Гангебловѣ, никто бы не подумалъ его арестовывать и предавать суду. Изъ „воспоминаній“ же можно вывести заключеніе, что эти господа, въ пылу *раскаянія* и въ порывѣ признаній, разсказали слѣдственной коммиссіи и то, о чемъ ихъ не спрашивали, и, между прочимъ, о ничего незначащихъ, но крайне компрометирующихъ разговорахъ съ Гангебловымъ; а онъ, напротивъ, покрывая Свистунова и Зета, утаилъ правду при допросѣ его самимъ Государемъ. Выходитъ, что онъ „довѣрился только двумъ членамъ общества, и оба они его выдали“. „Съ тѣхъ поръ,—говоритъ Гангебловъ,—я въ правѣ не считать себя ихъ сообщникомъ, ихъ товарищемъ. Когда я вижу, что меня такъ безцеремонно топятъ въ бездонной глубинѣ, зная, что я не умѣю плавать, то я не настолько еще простодушенъ, чтобъ не ухватиться за моихъ губителей, хотя бы рискуя и ихъ увлечь за собой. Нѣтъ, нѣтъ, пора покончить съ нечистымъ прошлымъ, пора отрѣшиться отъ законовъ кастъ и партій и отдать всего себя на благо общее; пора выставить на свѣтъ и самые слѣды подпольной работы, подрывающей русское общество! Пусть люди думаютъ обо мнѣ, что хотятъ; я игралъ въ руку враждебной силѣ, служилъ разомъ двумъ господамъ,—вѣчно „бить на двое“ стало невыносимымъ! Я не дѣлаю *тайнаго* доноса, я укажу на крамолу открыто верховному судилищу для ея искорененія, не запнусь и впослѣдствіи сказать всю правду, особливо тѣмъ, кому я могъ повредить въ моихъ

показаніяхъ коммиссіи...“ Такъ думалъ Гангебловъ ночью въ своемъ одиночномъ заключеніи, а на утро написалъ все, о чемъ его не спрашивали, и, не дѣлая *тайнаго* доноса, выдалъ, кромѣ Зета, еще одного товарища—Скалона. Черезъ нѣсколько дней Гангебловъ „вспомнилъ объ одномъ событіи“—„о бунтѣ въ Пажескомъ корпусѣ“ 1820 г., въ которомъ участвовалъ какой-то К—въ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ. Гангебловъ „вспомнилъ“ и тотчасъ же „объ этомъ происшествіи сообщилъ коммиссіи, такъ какъ сѣмя, брошенное въ школьную почву, могло бы рано или поздно принести вредные плоды...“ А. С. Гангебловъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гарнизонъ Владикавказа, участвовалъ потомъ въ турецкой войнѣ въ Малой Азіи, состоялъ потомъ при графѣ Паскевичѣ въ Тифлисѣ и передъ самою польскою кампаніей вышелъ въ отставку по болѣзни.

Въ № 10 *Русскаго Архива* помѣщены интересныя воспоминанія А. С. Гангеблова о его предкахъ и объ отцѣ его, генералѣ, участвовавшемъ въ войнахъ царствованія Екатерины II и Александра I; затѣмъ слѣдуютъ разсказы о Пажескомъ корпусѣ первой четверти нашего вѣка.

Въ томъ же № 6 *Русскаго Архива* помѣщена статья А. И. Лучшева: *О декабристѣ Г. С. Батенковѣ*, въ которой авторъ исправляетъ многія невѣрности, замѣченныя имъ въ разсказахъ о Батенковѣ, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ въ 1881 году. Личность Г. С. Батенкова—одна изъ наиболѣе интересныхъ въ средѣ пострадавшихъ въ 1826 году, такъ какъ онъ подвергся исключительной карѣ 20-ти лѣтняго одиночнаго заключенія въ крѣпости и вышелъ оттуда здоровымъ и бодрымъ физически и умственно; но, все-таки, былъ сосланъ на жительство въ Томскъ, гдѣ прожилъ до полнаго прощенія, послѣдовавшаго уже при новомъ царствованіи, въ 1856 г. Скончался Г. С. Батенковъ въ 1863 г., 70 лѣтъ отъ роду. Указанія г. Лучшева имѣютъ важное значеніе для біографіи Батенкова и, въ особенности, для исторіи того времени, къ которому они относятся. Для примѣра приведемъ нижеслѣдующее мѣсто изъ его статьи: „Въ разсказахъ говорится: „Пріѣхавъ въ Томскъ, жандармъ снялъ съ него казенный тулупъ и выпустилъ безъ гроша денегъ на улицу; Батенковъ, чтобы согрѣться, зашелъ въ трактиръ“. Неправда,—возражаетъ авторъ.—Батенковъ былъ присланъ въ Томскъ при отношеніи къ губернатору с.-петербургскаго коменданта, въ которомъ было сказано, что по высочайшему повелѣнію препровождается Гавріилъ Батенковъ (безъ обозначенія званія) на жительство въ г. Томскъ, и что на обзаведеніе назначено ему 500 руб., которые онъ и получилъ здѣсь, вскорѣ по прибытіи. Изъ крѣпости отправленъ онъ былъ, по распоряженію коменданта (героя отечественной войны, безрукаго генерала Скобелева), снабженный всѣмъ необходимымъ для зимней поѣздки, и крытая сукномъ волчья шуба осталась при немъ. Ѣхалъ онъ не черезъ Москву, какъ говорится въ разсказахъ, а черезъ Ярославль и Нижній“.

Восьмая книжка *Русскаго Архива* почти сполна посвящена исторіи смутнаго времени въ Россіи. С. И. Кедровъ помѣстилъ въ ней „новое изслѣдованіе“, подъ заглавіемъ *Авраамій Палицынъ какъ писатель*, направленное къ тому, чтобы снять съ знаменитаго келаря Троицко-Сергіевой лавры подозрѣнія въ сочувствіи полякамъ и въ стремленіи посадить на русскій престолъ польскаго королевича Владислава или даже и самого Сигизмунда III. Въ началѣ своей статьи г. Кедровъ

остановливается на очень важной особенности *Сказанія Палицына*, заключающейся въ томъ, что Палицынъ не слѣдуетъ обычному правилу нашихъ лѣтописцевъ, не скрываетъ своего имени, а, напротивъ, [illegible]ся заявить читателю, что именно онъ написалъ *Сказаніе*, а [illegible] другой". Затѣмъ въ самомъ *Сказаніи*, вездѣ, гдѣ только [illegible], Палицынъ выставляетъ на видъ, „что *онъ* это сдѣлалъ, что другіе такъ-то разсуждали и поступали, а *онъ* иначе и болѣе благоразумно, чѣмъ другіе". „Поэтому, читая *Сказаніе Палицына*,—говоритъ авторъ изслѣдованія, — невольно задаешься вопросомъ: чѣмъ же объяснить эту авторскую притязательность Палицына, не слѣдовавшаго общепринятымъ взглядамъ древнихъ на свой трудъ? Есть ли это одно тщеславіе келаря, или, быть можетъ, на *Сказаніе* мы должны смотрѣть какъ на справедливую автобіографію келаря? Отсюда, разбирая историческій матеріалъ *Сказанія*, необходимо опредѣлить: кто былъ его авторъ, прямой или кривой дѣятель смутнаго времени?" Сообразно намѣченной здѣсь цѣли, г. Кедровъ начинаетъ съ разбора мнѣній г. Забѣлина, считавшаго *Сказаніе — легендой*, *панегирикомъ*, написаннымъ Палицынымъ въ похвалу монастырю и особенно самому себѣ. „Словомъ, — резюмируетъ авторъ,—г. Забѣлинъ утверждаетъ, что Палицынъ былъ кривой сынъ отечества, измѣнникъ, пустой самохвалъ, написавшій похвальное слово монастырю и себѣ самому. Поэтому и *Сказаніе* его не имѣетъ исторической цѣны". Г. Кедровъ пытается опровергнуть такой взглядъ на Палицына и его *Сказаніе*, и надо отдать справедливость автору изслѣдованія, онъ въ значительной мѣрѣ успѣваетъ въ этомъ и въ концѣ своей статьи убѣждаетъ читателя въ томъ, что изложенная въ *Сказаніи* „исторія достовѣрна настолько, насколько безошибочны личные взгляды автора; преднамѣреннаго искаженія истины, завзятой лжи—въ ней нѣтъ". По мнѣнію г. Кедрова, „*Сказаніе Палицына*, при изученіи событій эпохи смутнаго времени, должно имѣть бо́льшее значеніе, чѣмъ какое придаютъ ему"... „Но,— продолжаетъ авторъ,—значеніе *Сказанія Палицына* не исчерпывается только этимъ. Все дѣло въ томъ, что Палицынъ былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ людей своего времени, участникомъ и очевидцемъ описываемой имъ эпохи, лицомъ, стоявшимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ государями и въ непосредственномъ съ главными дѣятелями эпохи смутнаго времени. Отсюда естественно, что у Палицына мы встрѣчаемъ описаніе такихъ событій, которыхъ нѣтъ у другихъ лѣтописцевъ того времени,—событій секретныхъ, домашнихъ, которыя доступны были знанію Палицына. Напримѣръ, изъ всѣхъ лѣтописцевъ Палицынъ одинъ только говоритъ, что убіеніе царевича Димитрія совершилось не по причинѣ одного только властолюбія Бориса и не однимъ имъ. То же должно сказать относительно сужденій Палицына о Шуйскомъ, Пожарскомъ и друг." „По всему этому, — заканчиваетъ г. Кедровъ, — *Сказанію* „разсмотрительнаго старца-келаря" слѣдуетъ больше довѣрять, чѣмъ сколько ему вѣрятъ на дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что и при изложеніи событій Палицынъ является возможно-правдивымъ и искреннимъ лѣтописцемъ. А насколько опытный старецъ-келарь хотѣлъ скрыть отъ потомства подлинную правду, объ этомъ онъ и самъ говоритъ, замѣчая въ одномъ мѣстѣ сказанія: „Много же и ина злая, еще въ насъ содѣяся, ихже немощно и списати, ни изглаголати продолженія ради слуха немощнымъ и забытія".

Статья Н. М. Павлова: *Правда о Лжедимитріи* была напечатана

въ 1864 г. въ газетѣ И. С. Аксакова *День*, „по тогдашнимъ обстоятельствамъ“, въ нѣсколько переиначенномъ видѣ,—какъ говоритъ въ примѣчаніи П. И. Бартеневъ. Теперь же она появляется въ первоначальномъ изложеніи, съ *Послѣсловіемъ* автора, и вслѣдъ за нею перепечатываются вызванныя ея появленіемъ полемическія статьи Н. И. Костомарова и Н. М. Павлова. Въ статьѣ *Правда о Лжедимитріи* читатель, конечно, не найдетъ настоящей „правды“, ибо таковая никому неизвѣстна, да едва ли и будетъ когда-либо раскрыта. Единственное мѣсто, гдѣ ее можно теперь искать—іезуитскіе архивы Ватикана—остаются пока недоступными; да и тамъ, если что-либо найдется, то можетъ оказаться „правдой“ іезуитской. Что же касается *Правды* Н. М. Павлова, то, во-первыхъ, она не даетъ никакого отвѣта на вопросъ: кто былъ первый Лжедимитрій; во-вторыхъ, въ ней излагаются только личныя мнѣнія автора, основанныя на догадкахъ и неподкрѣпленныя достаточно убѣдительными данными. Тѣмъ не менѣе, догадки г. Павлова имѣютъ сильную для себя поддержку въ томъ, что онѣ весьма правдоподобны и, быть можетъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ другія, до сихъ поръ высказанныя. Главная суть мнѣнія г. Павлова заключается въ слѣдующемъ: враги Годунова, сообща съ литовскими злоумышленниками, „заводили на Москвѣ свой боярскій ковъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ сверженія Бориса; боярами для этой цѣли изготовленный самозванецъ и былъ извѣстный Гришка Отрепьевъ. Литовскіе же заводчики, сами заинтересованные ихъ Гришкой и всюду имъ плодимою вѣрой въ Димитрія, съ виду во всемъ потакали имъ; а на самомъ дѣлѣ, до времени загребая жаръ чужими руками и тѣмъ еще ослѣпляя глаза и связывая языки мнимымъ сообщникамъ, они только прокладывали путь Лжедимитрію собственнаго издѣлія, давно изготовленному ими для цѣлей болѣе широкихъ. Его-то появленіемъ они и готовили двойной обманъ, столько же неожиданный Годунову съ цѣлою Россіей, какъ еще и самимъ боярамъ. Когда приспѣло время, смѣнивъ одного другимъ, явить міру уже всѣмъ народомъ чаемаго Димитрія, они и привели гостя въ Россію: смѣшавшимся боярамъ, сбитымъ съ толку и уже болѣе ничего не понимавшимъ „въ этомъ колдовствѣ“, оставалось только молча ему покориться“. Далѣе авторъ говоритъ, что „все поведеніе Лжедимитрія обличаетъ въ немъ не сознательнаго обманщика, не завѣдомаго самозванца, а человѣка безгранично самоувѣреннаго, полнаго невѣжду о самомъ себѣ“.

Н. И. Костомаровъ напечаталъ въ газетѣ *Голосъ* возраженіе на статью Н. М. Павлова, въ которой говорилъ, между прочимъ: „Пусть бы г. Павловъ считалъ за своимъ мнѣніемъ нѣкоторую степень вѣроятія,—нѣтъ, онъ увлекается до того, что считаетъ его несомнѣнною истиной. А мы увѣрены, что если г. Павловъ посмотритъ на свое мнѣніе хладнокровнѣе, то самъ скажетъ, что оно очень сомнительно“. Но г. Павловъ не согласился признать своего мнѣнія не выдерживающимъ критики, и они обмѣнялись два раза обоюдными опроверженіями, перепечатанными въ № 8 *Р. Архива*. Въ дѣло же выясненія „правды“ о личности перваго Лжедимитрія статья г. Павлова внесла одну лишнюю догадку, очень талантливо и остроумно обставленную пригодными для ея подкрѣпленія доводами, а Костомаровъ—другими доводами, подобранными не менѣе талантливо и съ не меньшимъ знаніемъ, подрываетъ довѣріе къ „правдѣ“ г. Павлова. Вопросы о томъ, кто былъ Лжедимитрій, кѣмъ онъ подготовленъ, гдѣ и

какъ, и другіе, сюда относящіеся, остаются неразрѣшенными. Невыясненнымъ остается даже такое обстоятельство: зналъ или не зналъ Лжедимитрій о своемъ самозванствѣ, хотя г. Павловъ считаетъ его „несознательнымъ обманщикомъ“, а Костомаровъ шелъ одно время еще дальше въ этомъ направленіи.

Въ той же книжкѣ журнала помѣщена трагедія А. С. Хомякова *Димитрій Самозванецъ*, написанная стихами. Трагедія была напечатана въ 1833 г. и стала теперь книжною рѣдкостью. Авторъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ названному Димитрію и гибель его приписываетъ іезуитамъ, которые „слишкомъ поспѣшили запустить руки въ улей съ медомъ“, какъ говорится въ эпиграфѣ, взятомъ изъ французской книгѣ о Самозванцѣ, напечатанной въ 1606 г.

Вся девятая книжка *Р. Архива* занята различными документами временъ Императрицы Екатерины II: ея письмами къ фельдмаршалу гр. П. С. Салтыкову (1762—1771 г.), къ гр. Сенъ-При (1791 г.), собственноручными записками и черновыми набросками Императрицы. Тутъ же напечатаны два шуточныя посланія въ стихахъ: М. А. Максимовича къ М. П. Погодину и Н. М. Языкова къ А. С. Хомякову, и „одно изъ послѣднихъ неизданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина“, которое мы и приводимъ цѣликомъ:

„Пора, мой другъ, пора! Покоя сердца проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь, все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“.

Въ 10 книжкѣ помѣщено нѣсколько любопытныхъ разсказовъ, чисто-анекдотическаго характера, Н. А. Рѣшетова про „дѣла давно минувшихъ дней“. Въ этихъ анекдотахъ-былях живыми чертами обрисовывается провинціальный и деревенскій бытъ стараго времени.

Юридическіе журналы.

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права.—Юридическій Вѣстникъ.

Въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права* въ истекающемъ году появилось, какъ и въ прежнее время, нѣсколько основательныхъ изслѣдованій, нѣсколько интересныхъ статей и много юридической суши, небезполезной, конечно, для юристовъ-практиковъ. Г. Сергѣевскій напечаталъ отрывокъ изъ своего изслѣдованія: *Тѣлесное наказаніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ*. Работа г. Сергѣевскаго отличается большою обстоятельностью, но носитъ описательный характеръ, и покуда нельзя еще сказать, что именно, какіе выводы дастъ она въ научномъ отношеніи. Г. Миллеръ въ статьѣ о *Музыкальной собственности* совсѣмъ не кстати распространяется о теоріи Ганслика, о вагнеровскомъ направленіи и т. п. Разсужденія эти либо мало убѣдительны, либо совершенно ошибочны. „Области музыки,—замѣчаетъ юристъ *Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права*,—не принадлежитъ элементъ разсудочный, рефлексія надъ чувствомъ; она сродни лирическому настроенію. Этимъ и объясняется позднее ея появленіе среди другихъ искусствъ“. Г. Миллеръ запамятовалъ, что рапсоды, барды и баяны *пѣ-*

ми свои былины и пѣсни, что музыкальный инструментъ явля... временникомъ древнѣйшей поэзіи. И неужели въ исторіи *чувс*... лось позднѣе *рефлексіи надъ чувствомъ*? Удивительно.

Г. Дистерло разсуждаетъ *О наймѣ на сельско-хозяйственныя работы по закону и по обычному праву Россіи*. Но значеніе этого раз... сужденія умаляется въ весьма значительной степени тѣмъ, что авторъ совершенно обходитъ экономическую и соціальную стороны вопроса, занявшись „изложеніемъ и объясненіемъ нормъ дѣйствующаго права, а не критикою ихъ“. Этого, признаться сказать, мы не понимаемъ: если *объясненіе* не заключаетъ въ себѣ критическаго элемента, то оно переходитъ въ апологію, въ юридическій дифирамбъ. Если бы авторъ не придавалъ чрезмѣрнаго значенія юридической номенклатурѣ, еслибъ онъ былъ поменьше легистомъ и формалистомъ, то ему не пришлось бы съ серьезнымъ видомъ говорить такія, напримѣръ, вещи: „Интересующій насъ наемъ въ сельско-хозяйственныя работы есть, очевидно, одинъ изъ видовъ найма работы вообще“. Или: „Очевидно, нѣтъ ничего невозможнаго нанять за извѣстную плату работника скосить данный лугъ, сжать десятину хлѣба, вскопать гряды подъ огородъ и т. д.“ Что тутъ невозможнаго! За то мудрено согласиться съ другимъ утвержденіемъ г. Дистерло, будто сельское хозяйство „никогда не стоитъ, такъ какъ работнику въ немъ всегда есть дѣло“. Сказанное авторомъ примѣнимо скорѣе къ фабричной работѣ, при извѣстныхъ условіяхъ. Впрочемъ, въ этихъ разсужденіяхъ самъ г. Дистерло не чувствуетъ почвы подъ ногами, потому что онъ кончаетъ ихъ такими словами: „Спустимся изъ сферы умозрѣнія на твердую землю“. Дальше начинается изложеніе постановленій русскаго законодательства и нормъ обычнаго права. Въ концѣ-концовъ, въ тщательной работѣ почтеннаго автора, все-таки, ведутся *мудреныя рѣчи о простыхъ вещахъ*. Этимъ, впрочемъ, вообще отличается *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права* въ статьяхъ теоретическаго (догматическаго) характера. Иной разъ почтенный журналъ держится на черезъ-чуръ формальной точкѣ зрѣнія, признавая, напримѣръ, основаніемъ свободнаго договора, *принципа самоопредѣляющейся въ своихъ правахъ и обязанностяхъ личности* (подходящимъ дополненіемъ къ этому можетъ служить утвержденіе г. Тальберга въ статьѣ *О торговой лихвѣ*: „При нормальномъ ходѣ вещей конкурренція является главною силой, распредѣляющею результаты производства, и, благодаря этому экономическому началу, рыночная цѣна товаровъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ“).

Въ статьѣ г. Демчинскаго *Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за вредъ и убытки* мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми положеніями, повергающими профана въ недоумѣніе. „Наука права, какъ извѣстно,—говоритъ г. Демчинскій,—одна изъ тѣхъ наукъ, которая идетъ за жизнью, а не обратно; только то право разумно, которое отвѣчаетъ условіямъ общежитія въ данную эпоху“. А зачѣмъ же въ такомъ случаѣ существуетъ юриспруденція? Если она идетъ *за* жизнью, стало быть, она отстаетъ отъ жизни. „Зависимость права отъ жизни,—продолжаетъ авторъ,—такъ велика, что одинъ извѣстный ученый говоритъ: дайте мнѣ какой угодно кодексъ, я вамъ опишу нравы соотвѣтствующей эпохи“. Да вотъ мы дадимъ г. Демчинскому въ руки наши гражданскіе законы, сочиненные по французскому образцу,—пусть г. Демчинскій попытается изобразить по нимъ нравы русскаго общества.

Само собою разумѣется, что мы отнюдь не отрицаемъ тѣсной связи нравовъ и законодательства вообще и возстаемъ только противъ черезъ-чуръ смѣлыхъ и категорическихъ заявленій.

Въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права* ведутся хроники нашей и иностранной юридической жизни. Хроники эти составляются по бо́льшей части толково и интересно. Отмѣтимъ въ иностранной юридической хроникѣ пятой книги журнала слѣдующій отзывъ объ итальянской школѣ криминалистовъ: „Изслѣдованія профессора Ломброзо,—читаемъ мы здѣсь,—далп живой толчекъ наукѣ уголовнаго права въ *натуралистическомъ* направленіи и выводы его нашли себѣ ревностнаго и талантливаго поборника въ профессорѣ Сіенскаго университета Энрико Ферри, который систематизировалъ наблюденія и выводы новаго ученія и, двинувъ впередъ его дальнѣйшее развитіе, создалъ школу, которая пользуется несомнѣннымъ успѣхомъ въ Италіи и имѣетъ бо́льшіе шансы на благосклонный пріемъ и по ту сторону Альпъ, вездѣ, гдѣ непредубѣжденные укоренившимися научными традиціями криминалисты считаютъ своевременнымъ провѣрить основныя положенія дѣйствующаго уголовнаго права и процесса“. Дальше хроникеръ *Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права* высказывается въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Сильно шагнувшія впередъ антропологическія науки (физіологія, соціологія, статистика и т. д.) значительно расширили познанія о человѣческой природѣ и, устранивъ много теоретическихъ иллюзій, не могли не оказать вразумляющее (аго) вліяніе (я) на науку уголовнаго права, имѣющую дѣло съ волею и страстями человѣка“. Послѣ такихъ категорическихъ заявленій нѣсколько странно читать въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права* статьи юристовъ, на которыхъ успѣхи антропологіи, психологіи и соціологіи не обнаружили ни малѣйшаго вразумляющаго дѣйствія. Таково произведеніе г. Вульферта: *Русскіе позитивисты въ уголовномъ правѣ.* Произведеніе это отличается, впрочемъ, преимущественно задоромъ. Въ той области психо-физіологическихъ и психіатрическихъ вопросовъ, на которую г. Вульфертъ совершаетъ криминалистическій наѣздъ, онъ спеціальныхъ познаній, очевидно, не имѣетъ и поэтому многое перепутываетъ, на что ему было указано г. Дрилемъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ.*

Переходя къ этому послѣднему изданію, не можемъ не поставить ему въ заслугу именно того, что̀ порицаетъ въ своемъ собратѣ чиновный *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*, то-есть стремленія удовлетворить запросамъ и теоріи, и практики, и науки, и жизни. Петербургскій юридическій журналъ называетъ такую задачу „довольно неисполнимою“, но такого утвержденія нельзя не признать „довольно неправильнымъ“. *Юридическій Вѣстникъ* даетъ на ряду съ спеціально-научными работами и такія статьи, которыя популяризируютъ нѣкоторыя теоріи, дѣлая ихъ доступными юристамъ-неученымъ и образованнымъ людямъ вообще. Другая особенность московскаго журнала заключается въ томъ, что онъ отводитъ значительное мѣсто экономическимъ и историческимъ вопросамъ, то-есть тѣмъ вопросамъ, которые входятъ въ предметы, преподаваемые на юридическихъ факультетахъ.

Въ одиннадцати книжкахъ *Юридическаго Вѣстника* за нынѣшній годъ напечатаны работы профессора Ковалевскаго (*О русскихъ и другихъ православныхъ рабахъ въ Испаніи. — Древнегерманская марка. — Взглядъ на исторію и современное состояніе мѣстнаго самоуправленія*

въ Англіи), проф. Зигеля (*Исторія права*), проф. Сергѣевскаго (*Тюремное заключеніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ*), г. Гольцева (*Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка*) и друг.

Изъ всѣхъ статей этого рода остановимся на послѣдней изъ названныхъ статей г. Ковалевскаго, какъ представляющей живой интересъ для обширнаго круга читателей.

„Наученныя полувѣковымъ опытомъ,—говоритъ г. Ковалевскій,—государства германо-романскаго міра повсюду перешли отъ безусловнаго господства административной централизаціи къ бо́льшему или меньшему признанію началъ англійскаго selfgovernment". Но такъ какъ самоуправленіе возникло и долгое время развивалось въ Великобританіи на аристократическомъ началѣ, то возникаетъ вопросъ, возможно ли самоуправленіе на чисто-демократическихъ основахъ. На основаніи тщательнаго изслѣдованія, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ самой Англіи мѣстное самоуправленіе, съ переходомъ отъ аристократіи къ демократіи, отнюдь не уступаетъ мѣста централизаціи и бюрократизму, а только принимаетъ болѣе широкія и свободныя формы.

Изъ многочисленныхъ экономическихъ статей *Юридическаго Вѣстника* укажемъ на *Квартирный вопросъ въ большихъ городахъ* г. Зибера, на *Международный статистическій институтъ* проф. Чупрова. Нѣтъ ни возможности, ни надобности перечислять статьи и замѣтки, посвященныя вопросамъ, важнымъ для юриста-практика. Нѣсколько выдержекъ изъ статей г. Колюпанова (*Къ вопросу о земской народной школѣ*) и г. Обнинскаго (*Новый законъ объ организаціи фабричнаго надзора въ Москвѣ*) дадутъ достаточное понятіе объ отзывчивости *Юридическаго Вѣстника* къ правовымъ вопросамъ жизни и объ его несомнѣнной компетентности въ такого рода вопросахъ.

Г. Колюпановъ опровергаетъ недоброжелательную земскимъ школамъ статью одного духовнаго журнала, который договорился до утвержденія, будто до реформы 1861 года вся Россія была покрыта сѣтью церковно-приходскихъ школъ. Всѣмъ интересующимся судьбами нашего народнаго образованія отлично извѣстно, что этой „сѣти" вовсе не существовало. „Въ настоящее время народъ нашъ хочетъ учиться,—говоритъ почтенный земскій дѣятель,—и потому обязанность со стороны общества и правительства заключается въ обезпеченіи для него возможности широкаго и разумнаго удовлетворенія этой потребности. Послѣднее требованіе предполагаетъ опытно-научную разработку техники учебнаго дѣла, чѣмъ въ извѣстной степени и занималось земство". Конечно, далеко не всѣ земства сдѣлали въ этомъ отношеніи все для нихъ возможное, а нѣкоторыя изъ нихъ даже не въ состояніи были уразумѣть всей важности и плодотворности заботъ о народномъ просвѣщеніи; но, вѣдь, изъ этого всего менѣе слѣдуетъ, что необходимо сокращать земскую дѣятельность, ставить ей какія бы то ни было препятствія. Церковно-приходская школа,—если только она когда-нибудь въ самомъ дѣлѣ приметъ значительные размѣры,—должна быть не соперницею, а союзницею земской школы.

Г. Обнинскій (прокуроръ московскаго окружнаго суда) обращаетъ вниманіе на редакціонную неточность новаго фабричнаго закона (3 іюня 1886 года), благодаря которой является возможность замѣстить въ дѣлѣ надзора за столичными фабриками представителей города и земства—полицеймейстеромъ и членами отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Мы не будемъ приводить превосходной аргументаціи г. Обнинскаго,

какъ спеціально-юридической, и ограничимся слѣдующими выдержками изъ его статьи. Г. Обнинскій говоритъ, что практическія послѣдствія упомянутаго толкованія закона (по которому надзоръ за фабриками будто бы входитъ въ компетенцію не губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, а столичнаго присутствія) будутъ очень печальны: всѣ стремленія законодателя на благо рабочихъ сведутся къ нулю и значеніе фабричной инспекціи окажется совершенно подорваннымъ. „Извѣстно,—говоритъ г. Обнинскій,—какъ туго входитъ въ жизнь новый законъ, когда цѣлью его является огражденіе интересовъ слабой стороны отъ существующей, обжившейся и благопріятной другой стороны рутины; извѣстно, какую борьбу приходится испытывать такому закону и его исполнителямъ на томъ пути, который ведетъ къ свѣту и правдѣ, впервые водворяемымъ въ области мрака и произвола; извѣстно, наконецъ, какой тщательный уходъ требуется за практическимъ развитіемъ закона на этомъ пути, чтобы оберечь его первые шаги отъ заранѣе готовыхъ посягательствъ". Къ сожалѣнію, г. Обнинскій оказался пророкомъ,—доказательствомъ служатъ тѣ ожесточенныя нападенія, которыя производятся фабрикантами на московскую фабричную инспекцію въ *Русскомъ Дѣлѣ*, *Современныхъ Извѣстіяхъ* и *Русскомъ Курьерѣ*. Прикрываясь требованіями справедливости, задѣтые въ своихъ эгоистическихъ интересахъ, нѣкоторые московскіе фабриканты не останавливаются передъ обвиненіемъ московскаго инспектора, г. Янжула, въ покушеніяхъ противъ предписаній православной церкви: г. Янжулъ,—шипятъ публицисты названныхъ изданій,— стремится изгнать постную пищу, пріучить фабричныхъ рабочихъ исключительно къ скоромной пищѣ. Пріемы эти указываютъ, конечно, на качество защищаемаго ими дѣла. Надо полагать, однако, что растревоженные представители мрака и произвола не достигнутъ намѣченной цѣли. Дѣятельность г. Янжула, какъ фабричнаго инспектора, возбудила въ лучшей части общества глубокое уваженіе, и законъ, охраняющій рабочихъ отъ произвола предпринимателей, не отступитъ передъ заносчивыми криками этихъ послѣднихъ.

Въ послѣднихъ книжкахъ *Юридическаго Вѣстника* появились хроники законодательства, земской дѣятельности и т. д. Нельзя не одобрить этого нововведенія. Попытки въ этомъ родѣ дѣлались, впрочемъ, въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* и въ прежніе годы. Надо пожелать, чтобы на этотъ разъ дѣло пріобрѣло устойчивость. Слабѣе другихъ отдѣловъ поставлена въ московскомъ юридическомъ журналѣ библіографія: рецензіи, которыя въ немъ печатаются, отличаются основательностью, но составъ разбираемыхъ книгъ до нѣкоторой степени случаенъ.

[15-]

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 069824263